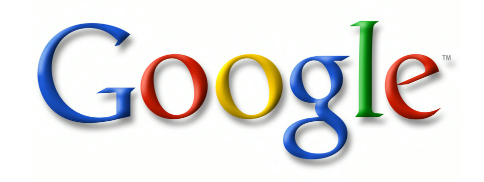


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Sbornik svíedenīĭ dlia izuchenīia byta krestʹiānskago // naselenīia Rossīi.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXIX. Труды Этнографическаго Отдѣла. Томъ XI, вып. I.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ.

ВЫПУСКЪ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Николая Харузина.

МОСКВА.
Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.
Москва, Петровка, Рахмановскій переулокъ, домъ Левенсонъ.
1890.

Печатать дозволяется. 12 октября 1890 г. И. д. Президента Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи Вице-президентъ Д. Анучинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редактируя I-й вып. „Сборника Свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи", мы высказывали пожеланіе, чтобы мѣстные жители способствовали дѣлу изученія быта окружающаго ихъ населенія. Многіе изъ мѣстныхъ жителей, какъ бы отозвавшись на наши слова, доставили въ Отдѣлъ Этнографіи матеріалы изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Въ настоящее время въ распоряженіи Отдѣла находится не мало работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ считаться крупными вкладами въ дѣло изученія быта нашего крестьянина. Въ виду накопленія матеріала, является возможнымъ группировать его по областямъ или губерніямъ. Мы имѣемъ основаніе надѣяться, что слѣдующіе выпуски Сборника, подобно настоящему, будутъ содержать въ себѣ матеріалы послѣдовательно по Вятской, Олонецкой и Ярославской губер. и по Малороссіи.

Посвящая 2-й выпускъ Сборника матеріаламъ, собраннымъ Н. А. Иваницкимъ въ Вологодской губ., мы считаемъ не лишнимъ указать на интересъ, который представляетъ собой трудъ г. Иваницкаго.

Вологодская г., не смотря на свою относительную близость къ столицамъ, является въ этнографическомъ отношеніи менѣе изслѣдованной, чѣмъ многія отдаленныя окраины Россіи. Въ то время, какъ относительно многихъ племенъ, населяющихъ крайніе пункты Россіи, мы имѣемъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, этнографическая литература—какъ объ инородцахъ, такъ и о русскихъ жителяхъ Вологодской губ. ограничивается лишь небольшими статьями, разбросанными въ №№ „Вологодскихъ Г. В.", отчетахъ Статистическаго Комитета и т. п. Если изъ этихъ статей, и безъ того малочисленныхъ, выключить тѣ, которыя касаются чисто экономическаго быта населенія, то наши этнографическія свѣдѣнія о Вологодской губ. сведутся почти на ничто. Между тѣмъ, Вологодскій край представляетъ не мало интереса.

Здѣсь еще въ давно-прошедшія времена столкнулись элементы—новгородцевъ-насельниковъ съ одной стороны, и аборигеновъ финскаго племени съ другой. Послѣ вѣковой, тяжелой колонизаторской борьбы русскимъ

насельникамъ удается частью оттѣснить, частью инкорпорировать чуждыя имъ племена, стать твердой ногой на бассейнѣ Сѣв. Двины. Но борьба, начавшаяся много вѣковъ тому назадъ, еще не кончена. Поступательное движеніе русскихъ продолжается частью самими вологодчанами, частью вятчанами, которые, будучи гонимы плохими урожаями, вторгаются съ юговостока въ Вологодскій край, основывая сначала свои небольшіе починки, а затѣмъ и цѣлыя деревни. Тѣсня такимъ образомъ остатки инородцевъ, русскіе однако сами иногда теряютъ свой національный обликъ, принимая одежду, языкъ и образъ жизни своихъ сосѣдей-зырянъ. Происходитъ взаимодѣйствіе, и, если между русскими много найдется обрусѣлыхъ зырянъ, то и между зырянами встрѣчаются озырянившіеся русскіе, лишь смутно помнящіе свое происхожденіе.

Естественно, что подобный край, какъ Вологодскій, долженъ привлечь на себя вниманіе изслѣдователей. Первый починъ, въ смыслѣ крупнаго труда въ отношеніи къ русскому населенію края, принадлежитъ Н. А. Иваницкому.

Большой интересъ представляютъ заговоры и сказки, помѣщаемыя во 2-мъ отдѣлѣ труда. Какъ относительно первыхъ, такъ и относительно 2-хъ мы должны отмѣтить, что это первые сборники заговоровъ и сказокъ, собранныхъ въ Вологодскомъ краю въ такомъ количествѣ. Сравнивъ помѣщенныя г. Иваницкимъ заговоры съ тѣми, которые появились уже раньше въ печати, мы нашли не мало новаго.

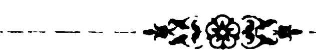
Что касается сказокъ, то мы сочли удобнымъ сравнить ихъ съ сказками, помѣщенными въ нѣкоторыхъ сборникахъ, именно въ сборникахъ 1) *Афанасьева*: Русскія сказки, 2) *Худякова:* Великорусскія сказки, 3) *Эрленвейна:* Народныя русскія сказки, 4) *Садовникова:* Сказки и преданія Самарскаго края, 5) *Чубинскаго:* Малорусскія сказки, 6) *Рудченко*: Народныя южно-русскія сказки, 7) *Драгоманова:* Малорусскія нар. преданія, 8) *Манжура:* Сказки..., запис. въ Екатеринославск. и Харьковской губ. (въ сб. Харьк. Истор.-Филолог. Общ. II), 9) *Романова:* Бѣлорусскій сборникъ и 10) *Трейланда:* Латышскія сказки (въ Сб. Мат. по Этнографіи, изд. при Дашковскомъ Этногр. музеѣ, II).

Мы сочли удобнымъ для болѣе полной обрисовки быта крестьянъ Вологодской губ. присоединить къ матеріаламъ Н. А. Иваницкаго мотивы пѣсенъ, собранные и доставленные въ Отдѣлъ М. М. Куклинымъ, трудъ редактированья которыхъ любезно принялъ на себя Ю. Н. Мельгуновъ.

Н. А. Иваницкій.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.



ОТЪ АВТОРА.

Собранный мною здѣсь матеріалъ представляетъ попытку очертить бытъ и нравы народа, населяющаго Вологодскую губернію. Представить полную картину быта народа, разсѣяннаго на пространствѣ $7\frac{1}{2}$ тысячъ квадр. миль, конечно, не подъ силу одному человѣку: для выполненія такой задачи нужны многолѣтнія внимательныя изслѣдованія многихъ лицъ, работающихъ по одной программѣ. Но такъ какъ кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщавшихся въ „Вологодскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ за прежніе годы, въ литературѣ почти нѣтъ ни одного сочиненія по этнографіи Вологодскаго края, то я полагаю, что собранный мною матеріалъ, при всей своей неполнотѣ, не можетъ назваться лишнимъ.

При записываніи и собираніи свѣдѣній я руководствовался программой, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Краткость времени, которое я имѣлъ въ своемъ распоряжеіии для выполненія настоящаго труда, не позволила мнѣ воспользоваться въ полной мѣрѣ содѣйствіемъ лицъ, на помощь которыхъ я могъ бы разсчитывать при иныхъ условіяхъ; вслѣдствіе этого собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Съ особенной благодарностью долженъ я упомянуть о помощи, оказанной мнѣ учителемъ Васьяновскаго земскаго училища, Кадниковскаго уѣзда, А. В. Бартеневымъ, приславшимъ мнѣ большой и цѣнный матеріалъ.

Такъ какъ собираніе этнографическихъ свѣдѣній будетъ мною продолжаться, то я надѣюсь въ будущемъ представить дополненіе къ моему труду и дать отвѣты на многіе вопросы программы, которыхъ теперь я вовсе не коснулся или коснулся слегка.

Sbornik sviedenii dlia izucheniia byta krestʹianskago naseleniia Rossii.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXIX. Труды Этнографическаго Отдѣла. Томъ XI, вып. I.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ.

ВЫПУСКЪ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
Николая Харузина.

МОСКВА.
Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.
Москва, Петровка, Рахмановскій переулокъ, домъ Левенсонъ.
1890.

муха, вязъ, липа и многочисленные виды ивы. Чисто лѣсной характеръ поверхность пріобрѣтаетъ однако тогда лишь, когда минуешь уѣзды Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій, гдѣ лѣса почти истреблены. Обширные торфяники и моховыя болота тянутся иногда на десятки, даже на сотни верстъ. Рѣкъ насчитываютъ въ губерніи 3000; озеро значительное одно—Кубенское, но среднихъ и малыхъ — большое количество. Вообще, губернія орошена крайне обильно: всю длину губерніи (длина ея ок. 1500 верстъ) можно проплыть водою, исключая только *пяти* верстъ; въ ширину же напролетъ, безъ перерыва, что для торговыхъ сношеній имѣетъ, конечно, большую важность.

При громадномъ протяженіи губерніи отъ запада къ востоку, разница въ температурѣ крайнихъ ея предѣловъ весьма значительна. Именно, средняя температура года въ западной части губерніи+2, тогда какъ въ восточной+0. Въ Вологодскомъ и Грязовецкомъ у. растутъ яблони и вишни и попадается орѣшникъ, тогда какъ по берегамъ Печоры невозможно хлѣбопашество, такъ какъ рожь не вызрѣваетъ; ячмень сѣютъ лишь въ огородахъ; о разведеніи овощей, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Не смотря на свою суровость, климатъ губерніи долженъ быть причисленъ къ здоровымъ; нѣкоторые же уѣзды, какъ Вельскій и Никольскій, рекомендуются—и съ успѣхомъ, какъ санитарныя станціи. Изъ эпидемій въ Вологодской губ. появлялась холера, и то главнымъ образомъ въ Вологдѣ, благодаря вѣковому загрязненію почвы и гнилой водѣ этого города [1]), и отдѣльными случаями въ уѣздахъ Грязовецкомъ, Тотемскомъ, Кадниковскомъ и Устюгскомъ, въ остальные же никогда не заглядывала. Тифъ не прекращается никогда въ той же Вологдѣ и временами вспыхиваетъ эпидемически по деревнямъ юго-западныхъ уѣздовъ; дифтеритъ же неизвѣстенъ вовсе. Болотная лихорадка свила себѣ прочныя гнѣзда въ селѣ Устьѣ, Кадниковскаго у., и въ Устюгѣ, вслѣдствіе исключительныхъ условій, въ какихъ находятся эти два пункта губерніи; въ общемъ однако эта болѣзнь распространена мало.

Можно бы думать, что слабое распространеніе всякихъ повальныхъ болѣзней въ губерніи обусловливается съ одной стороны рѣдкостью населенія, а съ другой—отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, но вотъ что говоритъ врачъ М. И. Туръ въ своей статьѣ объ эпидеміяхъ у зырянъ, помѣщенной въ Вологодскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ:

«Изъ эпидемическихъ болѣзней, наблюдавшихся въ Устьсысольскомъ у., слѣдуетъ назвать лишь натуральную оспу и сыпной тифъ. Скарлатина появилась въ самомъ Устьсысольскѣ однажды, но ограничилась 9-ю случаями и исчезла. Дифтерита, брюшнаго и возвратнаго тифа не встрѣчалось; холера никогда не показывалась. Случаи заболѣванія перемежающеюся лихорадкой хотя и попадаются довольно часто, но болѣзнь никогда не принимала характера эпедеміи и не имѣла какихъ-либо злокачественныхъ или затяжныхъ формъ. Устьсысольскому уѣзду свойственна только легкая форма сыпнаго тифа; процентъ смертности отъ этой болѣзни очень малъ; *мѣстность уѣзда вообще должна быть признана неблагопріятствующею развитію міазматическихъ и контагіозныхъ болѣзней*».

Печорскіе зыряне хвастаются, что вообще болѣзни мало распространены въ ихъ обширномъ краю (не смотря на ужасныя санитарныя условія ихъ жилищъ), а древніе старики, часто не имѣющіе ни одного сѣдого волоса, приписываютъ это послѣднее обстоятельство особеннымъ свойствамъ воды своей могучей рѣки.

---

[1]) См. „Медико-топографія и санитарное состояніе г. Вологды", Орнатскаго. 1888.

Вологодская губернія занимаетъ [1]) огромное пространство 7313 квадр. миль и заключаетъ въ себѣ 10 уѣздовъ, весьма неравныхъ по величинѣ, а именно: Вологодскій 113 [2]), Грязовецкій 142, Устюгскій 308, Кадниковскій 315, Тотемскій 423, Вельскій 439, Никольскій 669, Сольвычегодскій 770, Яренскій 1054 и Устьсысольскій 3076 квадр. миль. Отдѣливъ весь Устьсысольскій у. и половину Яренскаго, какъ заселенныхъ зырянами, мы получимъ область въ 3706 квадр. м., занятую великорусскимъ племенемъ въ числѣ около 1 милліона человѣкъ, живущихъ въ 14000 селеніяхъ и 11-ти городахъ (за исключеніемъ Устьсысольска и съ причисленіемъ къ уѣзднымъ городамъ двухъ заштатныхъ—Красноборска въ Сольвычегодскомъ и Лальска въ Устюгскомъ уѣздахъ).

Населеніе распредѣлено по лицу губерніи чрезвычайно неравномѣрно. Селенія тянутся обыкновенно цѣпью по теченію рѣкъ, или кучатся на болѣе разработанныхъ площадяхъ, тогда какъ необъятныя пространства лѣсовъ между этими островками деревень остаются незаселенными. Не говоря уже о проселкахъ, но и на большихъ торговыхъ трактахъ перегоны въ 25 и 30 верстъ непрерывнаго лѣснаго пространства—не рѣдкость. На земскихъ трактахъ Устьсысольскаго у. есть перегоны въ 40 и 50, даже въ 140 верстъ (изъ Волдина въ Троицкій погостъ). Наиболѣе населенными и наиболѣе воздѣланными являются три юго-западныхъ уѣзда — Вологодскій, Грязовецкій и Кадниковскій; Яренскій же и Устьсысольскій и значительная часть Сольвычегодскаго и Вельскаго представляютъ сплошное лѣсное море, гдѣ хлѣбъ родится плохо, гдѣ въ деревняхъ обитаютъ полудикіе люди, промышляющіе охотой и рыбною ловлей.

Я сказалъ, что $8^1/_2$ уѣздовъ губерніи заселены великороссами [3]), но это племя далеко не одинаково по своимъ нравамъ, образу жизни, обычаямъ, одеждѣ и даже наружности. Различіе это бросается въ глаза каждому, ѣдущему, напр., на пароходѣ отъ Вологды по р. Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ, стало быть по уѣздамъ Вологодскому, Кадниковскому, Тотемскому, Устюгскому и Сольвычегодскому. Оставивъ низменныя, болотистыя пространства первыхъ трехъ уѣздовъ съ ихъ низкорослымъ, некрасивымъ, бѣдно-одѣтымъ населеніемъ, путешественникъ вступаетъ въ область, представляющую значительную разницу какъ по своей природѣ, такъ и по наружному виду населенія и его жилищъ, отъ области, оставшейся позади. «Плюгавые мужиченки», «лапотники», «чахлыя» бабы и «дохлые» ребятишки, глазѣющіе на проходящій пароходъ изъ сѣрыхъ, низенькихъ, крытыхъ соломой избъ и «килеекъ», смѣняются рослыми, красивыми, бойкими устюжанами и солянами [4]), живущими въ «веселыхъ», «красныхъ» [5]) деревняхъ и одѣтыхъ такъ, какъ вологжане не одѣваются и по праздникамъ, звучитъ иная рѣчь,—словомъ, путешественникъ скажетъ, что это другой народъ и, пожалуй, не ошибется.

Вотъ вѣрная характеристика жителей села Рабанги, стоящаго на Сухонѣ, въ Вологодскомъ у., въ 3 вер. отъ границы Кадниковскаго:

---

[1]) По исчисленію полк. Стрѣльбицкаго.

[2]) Дроби отбрасываются.

[3]) Въ предисловіи къ Списку Населенныхъ Мѣстъ Вологодской губ. (изд. 1857 г.) сказано, что въ Вологодской губ. кромѣ великороссовъ живутъ еще *малороссы* и *бѣлороссы*, послѣдніе именно въ Сольвычегодскомъ у. по р Лалѣ, занимая «безъ всякой примѣси» 24 деревни. Объ этомъ мнѣ не извѣстно и свѣдѣній я никакихъ и нигдѣ не встрѣчалъ.

[4]) Жители Сольвычегодскаго у. зовутъ свой городъ просто Соль. «Поѣду къ Солѣ», «былъ у Соли» и т. п.

[5]) Въ Устюгскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ и отчасти въ Тотемскомъ избы красноватаго цвѣта, такъ какъ строятся изъ сосноваго лѣса и притомъ крыша напереди далеко выступаетъ впередъ (какъ у швейцарскихъ построекъ) и предохраняетъ стѣны отъ дѣйствія влаги, почему эти послѣднія и не дѣлаются сѣрыми.

«Роста жители большей частью средняго, смуглые лицомъ и тѣломъ, крѣпкаго сложенія, какъ мужчины такъ и женщины, но тѣ и другіе некрасивы собою, въ особенности же послѣднія, сложены какъ-то неловко, нестатны собой и самый видъ ихъ суровый и голосъ грубый. Земледѣліе далеко не въ цвѣтущемъ состояніи и скота немного. Урожай хлѣба бываетъ скудный, скотъ мелкій, лошади плохія. Живутъ рабанцы неряшливо и грязно, ѣдятъ плохо и одѣваются ненарядно. Дома ихъ и вообще вся постройка некрасивая, тѣсная и подъ одинъ видъ. Живутъ между собою не особенно дружно, сочувствуютъ другъ другу мало, народъ не хлѣбосольный, принадуть и обмануть не прочь, и полагаться па ихъ добросовѣстность нельзя. Родственныя связи и отношенія дѣтей къ родителямъ, и наоборотъ, не тѣсныя».

О жителяхъ Грязовецкаго у. можно привести слѣдующее свидѣтельство:

«Народъ, живущій по Обнорѣ, сметливый и болѣе предпріимчивый, и живетъ сравнительно зажиточнѣе прочихъ; здѣсь замѣтно стремленіе къ чистотѣ и порядку въ домашней жизни».

Впрочемъ, это обусловливается тѣмъ, что «мужское населеніе въ большинствѣ расходится по другимъ городамъ.—Земледѣліе находится въ жалкомъ состояніи. Жители р. Сеньги и Лежи живутъ весьма неряшливо, грязно, какъ бѣдные, такъ и богатые. Въ избахъ держатъ и телятъ, и овецъ. Грубы, не словохотливы, даже дики. Въ каждомъ чиновникѣ видятъ своего врага».

Для характеристики обстановки вологодскаго захудалаго крестьянина я воспользуюсь свидѣтельствомъ врача Козловскаго, который сообщаетъ [1]): «Внутренность избы въ большинствѣ случаевъ крайне убога и грязна. При входѣ вверху палати, внизу печь, занимающая въ среднемъ $^1/_5$ часть избы; вдоль стѣнъ, бревенчатыхъ и черныхъ отъ копоти и дыма,—лавки дюймовъ въ 16 шириной; въ углу противоположномъ дверямъ — иконы и столъ; у печи на лавкахъ, а иногда въ особыхъ шкафчикахъ или полкахъ размѣщена кухонная посуда. Кровати въ большинствѣ случаевъ не полагается, а спятъ или на полатяхъ или на печи, на лавкахъ и даже на полу. Полъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не моется; на печкѣ, передъ нею и возлѣ нея, сушатся и пеленки дѣтскія, испачканныя сплошь и рядомъ испражненіями и мочей, и валяные сапоги, и прочая обувь, пропитанная ножнымъ потомъ, и онучи или портянки, и шубы, и всякая всячина. Въ избѣ моютъ, и стряпаютъ, и бѣлье сушатъ, тутъ же стоитъ и квасъ, распространяющій отъ себя протухло-затхлый запахъ кислятиной, и вонючіе помои, по цѣлымъ днямъ не выносящіеся. Словомъ, источниковъ порчи воздуха нѣсть числа. Самый же главный между ними—это подполье («подъизбица»), гдѣ помѣщается скотина и гдѣ происходитъ обыкновенно въ совершенствѣ разложеніе мочи, гніеніе навоза и откуда вверхъ въ избу подымаются въ полномъ изобиліи сѣрнистой водородъ, углекислота, амміачные газы, гнилой органическій паръ и т. п. и сообщаютъ воздуху избы удушливый, захватывающій дыханіе запахъ. Вотъ, въ какой атмосферѣ и жильѣ живутъ обитатели деревни Маркова».

Далѣе оказывается, что изъ 100 человѣкъ жителей дер. Маркова 86, кромѣ того, что дышатъ испорченнымъ воздухомъ, какъ и всѣ, еще задыхаются отъ недостатка его, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія.

Наконецъ, что касается питанія, то, по словамъ того же врача Козловскаго, «пища ихъ не находится въ разладѣ съ обстановкой и гармонія между ними полная».

---

[1]) Вологодскій Сборникъ 1885 г. т. IV.

Все это вполнѣ справедливо и относится ко всѣмъ деревнямъ Вологодскаго, Грязовецкаго, Кадниковскаго и отчасти Тотемскаго уѣздовъ безъ исключенія.

Должно показаться страннымъ, какъ при такихъ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ человѣкъ можетъ не только жить, но и оставаться здоровымъ, какъ нашъ крестьянинъ. Однако не надо забывать, что большую часть дня этотъ крестьянинъ проводитъ внѣ дома.

Далѣе, такъ какъ избы бревенчатыя и не опушенныя тесомъ, то вентиляція ихъ (сквозь стѣны) относительно недурная. Этой вентиляціи сквозь стѣны помогаетъ еще печь и одиночная дверь, безпрестанно отворяющаяся. Нельзя, конечно отрицать вреднаго вліянія на воздухъ жилья газовъ, подымающихся изъ подъизбицы (особенно для спящихъ на полу) и зловонія обуви и помоевъ, хотя относительно спанья надо замѣтить, что въ продолженіе полугода крестьяне спятъ на повѣти, гдѣ дышатъ ничѣмъ не зараженнымъ уличнымъ воздухомъ, но, по нашему мнѣнію, гораздо гибельнѣе всѣхъ указанныхъ вліяній дѣйствуетъ на организмъ крестьянина плохая пища, которою онъ питается, особенно во время постовъ, когда семья въ продолженіе цѣлыхъ недѣль живетъ впроголодь. Отчеты тѣхъ же земскихъ врачей показываютъ, что преобладающія болѣзни въ крестьянской средѣ обусловливаются не испорченнымъ воздухомъ (какъ въ средѣ горожанъ), а дурнымъ и недостаточнымъ питаніемъ.

Сопоставляя условія жизни разсматриваемыхъ частей, губерніи, т.-е. уѣздовъ: Грязовецкаго, Вологодскаго, Кадниковскаго и части Тотемскаго съ одной стороны, и Вельскаго, части Тотемскаго, Никольскаго, Устюгскаго, Сольвычегодскаго и части Яренскаго—съ другой, мы видимъ слѣдующее:

Въ 1-й группѣ:	Во 2-й группѣ.
Низменная болотистая мѣстность, исключая южныхъ частей Грязовецкаго и Вологодскаго уѣздовъ.	Болѣе возвышенная, холмистая, даже гористая мѣстность.
Тихія рѣки, текущія въ илистомъ ложѣ; лѣсныя рѣчки съ желѣзистой водой, колодезная вода дурнаго качества.	Быстрыя рѣки и рѣчки въ мергелевомъ, известковомъ или песчано - каменистомъ ложѣ.
Недостатокъ лѣсу; лѣсъ преимущественно еловый.	Изобиліе лѣсу: сосна, ель, пихта, лиственница, липа.
Мало плодородная почва: сѣрая глина или суглинокъ.	Почва болѣе плодородна: красная глина, мергель, известково-каменистая, супесокъ.
Лѣса не отличаются обиліемъ какъ пернатыхъ, такъ и звѣрей; крупная дичь рѣдкость.	Лѣса, изобилующіе дичью (рябчикъ) и цѣнными пушными звѣрями (бѣлка, куница, лисица); крупная дичь: олени, лоси.
Отсутствіе минеральныхъ богатствъ.	Алебастръ, известь, поваренная соль, хорошаго качества подѣлочная глина.
Заливные луга только по р. Вологдѣ и по берегамъ Кубенскаго озера, поросшіе мало питательными злаками, преимущественно осокой.	Богатые заливные луга по Сухонѣ и ея притокамъ, Двинѣ, Вагѣ, Югу, Лузѣ и Вычегдѣ, поросшіе злаками, достигающими роскошнаго развитія.
Выродившійся рогатый скотъ и лошади.	Холмогорская порода скота и хорошія лошади.

Рыболовство только въ Кубенскомъ озерѣ.	Рыболовство во всѣхъ рѣкахъ и породы рыбъ болѣе разнообразны и цѣнны (семга, стерлядь, харіузъ).
Продолжительная весна и осень [1].	Короткая весна и осень.
Дороги дурныя вслѣдствіе болотистаго грунта.	Дороги лучше, такъ какъ грунтъ тверже.
Отсутствіе свиноводства.	Свиноводство во всѣхъ уѣздахъ. Щетинный промыселъ.
Развитіе вредныхъ въ санитарномъ отношеніи кустарныхъ промысловъ: роговаго, кружевнаго и валяльнаго.	Незначительное развитіе кустарныхъ промысловъ, отсутствіе названныхъ трехъ.
Вредное нравственное вліяніе губернскаго города. Эксплоатація кулаковъ, скупающихъ у крестьянъ произведенія ручнаго труда и сельскаго хозяйства.	Вліяніе Устюга ничтожно.
Долговременное крѣпостное состояніе.	Никогда не было.

Такимъ образомъ первая группа уѣздовъ во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ второй. Указанное вредное вліяніе жизненныхъ, хозяйственныхъ и природныхъ условій, дѣйствовавшихъ въ этой первой группѣ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій непрерывно, привело народъ грязовецкій, вологодскій и кадниковскій въ то состояніе крайней захудалости, въ которомъ мы его теперь находимъ.

Надо не упускать изъ виду еще слѣдующее обстоятельство. Часть Тотемскаго уѣзда, называемой Кокшенгой, заселена выселенными сюда нѣкогда новгородцами. Такіе же новгородцы составляютъ значительный процентъ въ населеніи Устюгскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ. Эти люди рѣзко выдаются своимъ характеромъ и нравственными качествами. Кокшаръ (т.-е. житель Кокшенги) это enfant terrible въ глазахъ губернскаго и уѣзднаго начальства: «бунтовщикъ», »разбойникъ», «головорѣзъ», готовый на все. Въ сущности, это трудолюбивые, энергичные, предпріимчивые и сметливые люди. Наружностью они вообще красивы и между ними попадаются перѣдко субъекты съ чрезвычайно правильными чертами лица; они обыкновенно смуглы, черноволосы и черноглазы [2]. Обособленности жителей Кокшенги и тому, что типъ ихъ сохранился, способствовало, безъ сомнѣнія, и то обстоятельство, что рѣка Кокшенга принадлежитъ къ системѣ Ваги, такъ что населеніе вологодскаго края (въ тѣсномъ смыслѣ) не могло оказывать на нихъ ни физическаго, ни нравственнаго вліянія. Будучи отдѣлены отъ Сухоны возвышенностями и обширными болотами (Ляпинъ волокъ), кокшары искони вели свои торговыя сношенія съ Архангельскомъ.

Народъ въ большинствѣ случаевъ знаетъ, что онъ—пришлецъ въ своей странѣ, вы-

---

[1]) Указываю на это обстоятельство, имѣющее, по-моему, экономическое значеніе. Во 2-й группѣ лѣто хотя и ксроче, чѣмъ въ первой, но дни длиннѣе, зима захватываетъ часть весны и часть осени; короче періодъ гнилой вредной для здоровья погоды; дороги не такъ долго покрыты грязью, скорѣе переходятъ съ зимняго положенія на лѣтнее.

[2]) Въ Халезскихъ приходахъ, Байдаровской вол., Никольскаго у., жители считаютъ себя потомками новгородцевъ. Одинъ изъ новгородскихъ бояръ Никитиныхъ, Анфалъ, будучи разбитъ въ Сольвычегодскомъ у. своими согражданами, перешелъ въ нынѣшній Никольскій у., гдѣ и остановился при впаденіи р. Анданги въ Югъ. Тутъ онъ умеръ, а спутники его основали такъ-наз. Андангскіе починки и до сихъ поръ носятъ фамиліи Новгородцевыхъ. Анфалову могилу показываютъ въ 7 верст. отъ Дуниловой пустыни (35 в. отъ Никольска), около такъ-наз. анфаловыхъ ямъ.

тѣснившій аборигеновъ. Во многихъ мѣстахъ этихъ аборигеновъ просто называютъ чудью. Такъ, въ Васьяновской волости, Кадниковскаго у., разсказываютъ, что населеніе этой волости образовалось изъ новгородской вольницы, и жители водворились въ краѣ послѣ вытѣсненія ими язычниковъ-звѣролововъ—чуди. Въ Заднесельской вол., того же уѣзда, жители называютъ первобытныхъ обитателей прямо «чудью бѣлоглазой».

Стефанъ Великопермскій, явившись проповѣдывать христіанство вологодскимъ язычникамъ, засталъ зырянъ подъ Устюгомъ. Теперь здѣсь ихъ нѣтъ и слѣда. Какъ показано выше, зыряне занимаютъ Устьсысольскій у. и часть Яренскаго, даже въ самомъ Яренскѣ ихъ уже нѣтъ. А что нѣкогда они, или иное родственное имъ по языку племя, занимали всю губернію, доказательствомъ могутъ служить названія множества селеній, а особенно рѣкъ и рѣчекъ во всѣхъ западныхъ уѣздахъ губерніи. Возьмемъ для примѣра уѣзды Вологодскій и Грязовецкій, какъ самые крайніе къ югу. Въ первомъ мы находимъ 13 названій селеній и 24 названія рѣкъ и рѣчекъ, а во второмъ 3 названія селеній и 33 названія рѣкъ и рѣчекъ, очевидно, не-русскаго происхожденія [1]).

Относительно татарскихъ нашествій на Вологодскую губ. въ народѣ не сохранилось преданій, о нашествіяхъ же поляковъ преданія есть, и я приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Какъ извѣстно, въ исходѣ смутнаго времени, въ сентябрѣ 1613 г., когда земское ополченіе подъ начальствомъ кн. Пожарскаго стояло уже подъ Москвой, польскіе и литовскіе люди съ казаками и русскими «ворами» внезапно напали на Вологду, разграбили ее и, разсыпавшись мелкими шайками по всему сѣверному краю, «воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали» [2]).

Въ 3 вер. отъ дер. Хмелевской, Кадниковскаго у., на берегу Кубены, при впаденіи въ нее Ембы, происходила битва «нашихъ» съ «панами». Паны приплыли въ лодкахъ съ низовьевъ Кубены и хотѣли устроить тутъ городъ, но наши не позволили и стали драться. Побѣда осталась на сторонѣ нашихъ; главному начальнику непріятелей выкололи лѣвый глазъ, а имущество отняли и раздѣлили между собою. Уцѣлѣвшіе паны спаслись на лодкахъ и ушли внизъ, а наши гнаться за ними не могли, такъ какъ не было лодокъ [3]).

Въ Азлецкой вол. того же уѣзда есть пустошь Иваниха, гдѣ прежде была дер. Иваниха. Въ этой деревнѣ встарь долго жили паны, занимавшіеся набѣгами съ цѣлію грабежа. Паны жили и въ Троицко-Енальской вол., откуда они дѣлали набѣги на сосѣднюю Ухтому. Въ Шевницкой вол. есть остатки деревни, сожженной панами [4]). «Въ Вологодскомъ у. въ княжъ Ивановской вотчинѣ Васильевича Пѣнкова (нынѣшняя Заднесельская вол., Кадниковскаго у.) многія деревни опустѣли, которыя сошли въ міръ отъ казачья раззоренья, а иныхъ литовскіе люди побили» [5]).

---

[1]) Именно, въ Вологодскомъ у. селенія: Маега, Іенса, Пудега, Ракачъ, Синдошъ, Вотерка, Кармилъ, Чепсора, Жайма, Сизма, Шолда, Ербуга и Можбуха.

Названія рѣкъ и рѣчекъ: Возьма, Пучкасъ, Шобалга, Бохтюга, Семьюга, Водла, Ельма, Поченга, Манега, Пажебъ, Синдома, Вотча, Поенга, Ягрыма, Мыдья, Синдошъ, Лопсорга, Ема, Рунасъ, Нотелга, Колдюга, Согожъ, Содима, Нурда.

Въ грязовецкомъ у. селенія: Курашъ, Вайдашъ, Вохтюга.

Рѣки и рѣчки: Мухренга, Ившинга, Цивежъ, Комела, Лоста, Шингарь, Тошма, Сонбалъ, Шохра, Кохтышъ, Толшма, Мозма, Юнбалъ, Сенга, Кіусъ, Шелекша, Яшкандра, Обнора, Нурма, Мокса, Брева, Пинша, Комья, Лухта, Уча, Кокуй, Тювеньга, Ухтома, Кундалъ, Востракса, Монза, Волшма и Вохтога.

[2]) А. Е. Мерцаловъ. „Вологодская старина".

[3]) Волог. губ. Вѣдом. 1883 г. № 11.

[4]) Ibid.

[5]) А. Е. Мерцаловъ „Панскій наѣздъ".

Въ другихъ мѣстахъ Кадниковскаго у. разсказываютъ, что лѣтъ 200 тому назадъ было нашествіе какихъ-то разбойниковъ. По однимъ преданіямъ это были разбойники съ Волги, по другимъ—чудь. Зовутся же эти разбойники вездѣ панами. Гдѣ говорятъ, что они пришли съ низовьевъ Кубены, а гдѣ—изъ Вельскаго уѣзда; было ихъ очень много; они занимались грабежомъ, и ограбленныя деревни нерѣдко сжигали. Одежда пановъ была черная и длинная, на манеръ монашеской: на этотъ счетъ всѣ преданія сходятся.

Въ Никольскомъ уѣздѣ существуетъ поговорка «паны пиво выпили, а хозяевъ выбили». Слово «панъ» зачастую попадается въ вологодскихъ народныхъ пѣсняхъ, употребляется и въ разговорной рѣчи.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить слѣдующее: Въ Вологодской губ. и теперь живутъ въ городахъ, а иногда и въ селеніяхъ и усадьбахъ не мало поляковъ и нѣмцевъ. Народъ относится къ нимъ хотя и не безъ оттѣнка нѣкоторой ироніи, но признаетъ ихъ достоинства въ отношеніи образованности, трудолюбія, аккуратности, умѣнья вести хозяйство и т. п.

Въ юго-западныхъ уѣздахъ первенствующую роль играютъ дворяне. Въ Устюгѣ такую же роль играетъ купечество. Дворянство и духовенство положительно не пользуются симпатіями трехъ остальныхъ сословій, составляющихъ громадное большинство населенія. Дворянъ боятся, какъ чиновниковъ, или по старой памяти, какъ «господъ», духовенству же оказывается полное пренебреженіе.

Вотъ нѣкоторыя поговорки, иллюстрирующія отношенія крестьянъ къ другимъ сословіямъ «худое барство хуже пономарства». «Хорошіе бара—по пятку пара». «Барская курица безсмертна» [1]).—О начальствѣ говорятъ: ой вы начальнички, карманные обчищальнички! Нечего тому богу молиться, кой не милуетъ. Выбуютъ изъ сапоговъ въ лапти (это же и о духовенствѣ). О священникахъ: дурова порода, жеребячья родня. Попъ—мѣдный лобъ. Попъ—руки загребущія, глаза завидущія. Родится — годится, и умретъ—не уйдетъ (т. е. попъ возьметъ и съ родившагося и съ мертваго). Я не изъ такихъ, что грабятъ нагихъ (говорятъ попу въ укоръ).

Въ народныхъ пѣсняхъ духовенство фигурируетъ съ весьма непривлекательной стороны.

Мнѣ лично привелось слышать отзывъ одного старика-крестьянина, что надо стараться жить «по-божески» сколько потому, что Богъ такъ велитъ, столько же и изъ разсчета не очутиться на томъ свѣтѣ вмѣстѣ съ попами, т. е. во чтобы то ни стало попасть въ рай, тогда какъ, «извѣстное дѣло», всѣ попы поголовно будутъ въ аду.

Про Петровъ постъ отзываются въ шутку, что его выдумали попы въ заговорѣ съ деревенскими старухами; первые имѣя въ виду собирать «петровщину» (поборы натурой во время Петрова поста), а вторыя съ цѣлью накопить масла.

На дѣлѣ враждебное отношеніе крестьянъ къ бывшимъ помѣщикамъ и богатому духовенству проявляется всего чаще въ поджогахъ домовъ, хлѣба, сѣна, умышленной порчѣ изгородей и земледѣльческихъ орудій, въ искалѣченіи скота, собакъ и т. п., но случаи личныхъ оскорбленій совершенно неизвѣстны или крайне рѣдки.

Народъ самъ себя называетъ крещеными и крестьянами (хрешмоные хресьяне), по

---

[1]) Эта поговорка имѣетъ слѣдующее происхожденіе: по преданію, когда началось крѣпостное право, помѣщики подарили каждому изъ своихъ крестьянъ по яйцу и велѣли положить это яйцо подъ курицу и съ тѣхъ поръ требовали съ крестьянъ ежегодно извѣстное количество яицъ.

губерніи—вологжанами; существуютъ и отдѣльныя названія по уѣздамъ и областямъ, во лостямъ и селеніямъ. Такъ *домшары*—жители Нестеровской вол., Вологодскаго у., *кокшары* —жители Кокшенги (Тотемскаго у.); *вагане* — жители береговъ Ваги, *двиняне* — жители береговъ Двины, *южаки*—жители береговъ Юга; *устьяне*—жители Устьянской вол. Кадниковскаго у.

Шутливыхъ прозвищъ ближайшихъ сосѣдей по деревнямъ, волостямъ и уѣздамъ существуетъ множество. Напр. «Устюгъ-Великій—народъ въ немъ дикой», устюжане зовутся «кулаками» [1]), жители города Вологды зовутся «телятниками» [2]), «теленка съ подковками съѣли», тѣ же воложане «царя проспали» (Императора Александра II въ 1858 г.) [3]) «Съ четверга по міру пойдешь»—смѣются устюжане и никольчане, жители сравнительно богатыхъ уѣздовъ, надъ нищенствующими вологжанами и кадниковцами. Яренжане зовутся «векшеѣдами» [4]), тотемцы—«кочанниками», жители Устьсысольскаго уѣзда «кычами» [5]) и «зырями» [6]).

Въ Васильяновской волости, Кадниковскаго у. существуетъ, слѣдующая сатирическая пѣсня, характеризующая жителей разныхъ деревень сосѣдней Томашской волости:

Мы опустимъ пѣсню въ ходъ
Во весь Томашской приходъ:
Половины нищеты—
Горбовскіе мужики.
Долгорожи, непригожи—
То Антроповскіе.
Проскакать, проплясать—
То Лысухинскіе.
Рачеглазы, пучеглазы—
То Помазовскіе.
По зашейкамъ провожаютъ—
То Игнатьевскіе.
По карманамъ толошатъ—
То Курьяновскіе.
Шелковые кушаки—
То Погорски мужики,
Изъ соломы ворота—
То Останковскіе.
Въ воскресенье работаютъ—
То Матвіевскіе.
Что Катюшки наголо—
То Лобановскіе,
Изъ мѣшковъ-то поубавить—
То Бровистовскіе;
Зайцемъ въ волость выбѣгаютъ—
То Емонинскіе.
Вмѣсто дьявола народъ—
То Ивановскіе;
Богомолы мужики —
То Желудковскіе.
Изъ березъ полозья гнутъ—
То Бурдуковскіе.
Ни коровы, ни овцы —
Сухо-веретяна купцы.

Обыкновенно, каждый крестьянинъ имѣетъ свою фамилію, прозвище же всегда. Фамиліи мѣняются часто; въ большинствѣ случаевъ тогда, когда въ семьѣ совершилось какое

---

[1]) По толкованію однихъ—за торгашество, по другимъ за удальство и ловкость въ кулачныхъ бояхъ.

[2]) По преданію, при Іоаннѣ Грозномъ копали рѣчку Золотуху въ г. Вологдѣ (чтобы превратить ее въ крѣпостной ровъ) и рабочіе, по случаю дороговизны говядины, поѣли телятины, за что и были, по приказанію царя повѣшены. По другимъ толкованіямъ вмѣсто теленка съѣли нечаянно жеребенка.

[3]) По недоразумѣнію, ожидали пріѣзда Государя въ Вологду въ 6 ч. вечера, тогда какъ онъ долженъ былъ прибыть въ 6 ч. утра и, не дождавшись, разошлись по домамъ и улеглись спать, такъ что когда Императоръ прибылъ, на улицахъ никого не было, и самый соборъ, будто бы, оказался запертъ.

[4]) Потому что будто-бы въ одинъ голодный годъ ѣли бѣлокъ.

[5]) Потому что зыряне имѣютъ привычку обращаться къ встрѣчнымъ съ вопросомъ: «*кытче мунанъ*» (куда пошелъ)?

[6]) *Зыря*—пьяница.

либо несчастье; тутъ выбираютъ фамилію такой семьи, гдѣ изстари не было несчастій. При семейныхъ раздѣлахъ удерживаются фамиліи отцовскія, наслѣдственныя.

Фамиліи образовываются преимущественно отъ личныхъ именъ, затѣмъ отъ названій животныхъ, отъ названій деревень, рѣкъ, волостей. Окончанія особенно употребительныя— на *овъ* и *инъ*, хотя нерѣдко попадаются и на *ыхъ* (Бѣлыхъ). Фамиліи же женщинъ образуются такъ: незамужнія женщины зовутся фамиліей отца, на вопросъ: чья? Петрова, Иванова, Александрова. Фамиліи замужнихъ и вдовъ всегда оканчиваются на *иха*, напр. Галчиха (если мужъ былъ Галкинъ), Пономариха.

Преобладающее тѣлосложеніе у населенія Вологодской губ. крѣпкое; впрочемъ, какъ указано выше, жители сѣверо-восточныхъ уѣздовъ отличаются большею крѣпостью тѣла, большимъ ростомъ, статностью, чѣмъ жители юго-западныхъ.

Народъ очень хорошо отличаетъ физическую силу отъ выносливости, и всегда отдаетъ предпочтеніе второй. Какъ извѣстно, люди съ развитой мускулатурой не всегда крѣпкіе работники; здоровые кулаки и толстыя икры цѣнятся въ дракѣ, тогда какъ для упорной, многочасовой, непрерывной крестьянской работы нужна не столько физическая сила, сколько привычка работать долго, не уставая. Поэтому, глядя на людей широкоплечихъ, съ жилистыми руками, вообще, что назыв., здоровенныхъ, нельзя сказать, что эти люди и хорошіе работники. Нанимая работниковъ, «казаковъ», крестьяне, какъ опытные и практическіе люди, никогда не увлекаются этою «здоровенностью», скорѣе напротивъ, зная, что такія личности, хотя и сильныя физически, болѣе склонны къ ухаживанію за прекраснымъ поломъ, къ ѣдѣ и къ спанью, чѣмъ къ работѣ.

Случаи чрезмѣрной толстоты или ожирѣнія рѣдки, даже исключительны (въ видѣ болѣзни); случаи особенной худобы часты.

Жирный, расплывшійся мужикъ у насъ, по крайней мѣрѣ, большая рѣдкость. Способность къ ожирѣнію не присуща крестьянскому сословію; это понятно: масса физическаго труда и плохое питаніе не дадутъ человѣку заплыть жиромъ.

Ростъ въ населеніи преобладаетъ средній. Особенной разницы въ этомъ отношеніи между мужчинами и женщинами нѣтъ.

Случаи особенной великорослости рѣдки, хотя и попадаются личности цѣлой головой выше средняго уровня, но что они составляютъ исключеніе, доказательствомъ служитъ то, что на нихъ сейчасъ же обращаютъ вниманіе, указываютъ, относятся съ разспросами: откуда? даже иногда съ соболѣзнованіемъ замѣчаютъ: экъ тебя вытянуло! Эй ты, долговязое прясло!—кричатъ ребятишки.

Цвѣтъ волосъ преобладаетъ русый и темно-русый; цвѣтъ кожи варіируетъ отъ нѣжно-розоваго до бронзоваго. Бѣлокожіе, блѣдноглазые, желтоволосые, рѣдкобородые и безбровые— явленіе нерѣдкое среди жителей Вологодскаго, Грязовецкаго и Кадниковскаго у. Такіе субъекты росту обыкновенно ниже средняго и худощавы. — Преобладающій цвѣтъ глазъ—неопредѣленный сѣро-зеленый, зелено-голубоватый, чисто каріе глаза встрѣчаются чаще у жителей уѣздовъ Тотемскаго, Устюгскаго, Никольскаго, Сольвычегодскаго. Совершенно черные глаза (при этомъ бронзовый цвѣтъ кожи, вьющіеся, черные, какъ смоль, волосы) замѣчаются чаще у жителей восточныхъ уѣздовъ.

Волосы чаще прямые, подымающіеся на концахъ или слегка волнистые, вьющіеся «кудрявые» чаще опять таки у жителей восточныхъ уѣздовъ (здѣсь можно даже сказать, кудряватость обыкновенное явленіе), курчавые же рѣдкость, хотя и попадаются. Разново-

лосыхъ (т. е. у которыхъ борода одного, а волосы на головѣ другого цвѣта) — большинство, но личности съ волосами палеваго цвѣта и карими глазами встрѣчаются не часто. Такихъ лицъ больше всего въ Вельскомъ уѣздѣ; это явленіе обыкновенно сопровождается сильной круглотой лица и коротенькимъ носомъ. Рыжіе во всѣхъ степеняхъ этого цвѣта (при этомъ нѣжная и бѣлая кожа, усыпанная веснушками) какъ мужчины, такъ и женщины—не рѣдкость, но рыжихъ мужчинъ болѣе, чѣмъ рыжихъ женщинъ. Бѣловолосость у деревенскихъ ребятишекъ (иногда волосы ребенка бѣлы какъ у альбиноса) — явленіе временное; съ возрастомъ волосы темнѣютъ. Это явленіе бываетъ замѣтно и на цвѣтѣ радужной оболочки; блѣдно-голубая у маленькихъ ребятъ, она становится темнѣе съ годами и превращается въ темно сѣрозеленую.

Зоркостью глазъ отличаются жители безлѣсныхъ мѣстностей (береговъ большихъ рѣкъ и озеръ). Жители лѣсныхъ пространствъ при нормальномъ зрѣніи отличаются тонкостью слуха, иногда поразительной. Близорукихъ очень мало, но они есть. Это дѣвушки и женщины кружевницы и мальчики, испортившіе свое зрѣніе чтеніемъ книгъ въ сумеркахъ; «куриная слѣпота» (вслѣдствіе отблеска снѣговъ весною) явленіе нерѣдкое.

Прозвища въ зависимости отъ рода и цвѣта волосъ, глазъ и формы другихъ частей тѣла, равно толщины и худобы даются слѣдующія: рыжой (въ Сольвыч. у.—лисой, а женщина лисая), красной, чиганъ (цыганъ), орѣховые глазки, сѣренькіе глазки, бѣлоглазой, толсторожой, мѣшокъ, веслоухой, терка (щадровитый), рябой, сова, куликъ, козелъ, воробей, кривой, косой, кокова (съ шишкообразнымъ носомъ), лоба (лобастый), косарь, пузатый, коротышъ, пузгленокъ (маленькій и толстый), криворотой, мотовило (длинный и тонкій), прясло (тоже), руль, ротозиня. О долгоносыхъ говорятъ: «его носъ Богъ на семерыхъ несъ», о косыхъ: «одинъ глазъ поволокъ, а другой въ потолокъ», о щадровитыхъ: «черти на рожѣ горохъ молотили», о растолстѣвшихъ: «Богъ не поберегъ—что вдоль, то поперекъ». Надъ ожирѣвшими бабами смѣются: «не трусь тетка: брюхо лопнетъ—рубаха останется».

Названія частей тѣла общеизвѣстныя, за исключеніемъ слѣдующихъ: тулово (туловище), брила (губы), тимя, тимячко (темя), верховище (макушка), лицо (щека, правое лицо и лѣвое лицо), рыло (подбородокъ), куксы (суставы ручныхъ пальцевъ), гузно (задняя часть тѣла).

Любимое положеніе тѣла, при сидѣніи: руки класть на ноги или руки облакачивать на нихъ (особенно женщины). Часто кладутъ руки въ руки (на крестъ въ пазухи); при стояніи держатся прямо и руки опускаютъ по швамъ; есть привычка держать руки «въ затокъ» (пальцы въ пальцы). Лежать очень многіе любятъ на животѣ; спятъ больше на спинѣ, чѣмъ на боку.

II.

Жилище и его принадлежности. Одежда, пища.

Жилища всегда расположены деревнями и селами. Есть и такъ назыв. *кильи* (кельи; въ Сольвычегодскомъ у. *ганьища*)—одинокія избы на отставѣ, гдѣ живутъ бобыли и бобылки («бобылкинъ домъ—заячій ломъ»), наконецъ *починки* — деревеньки въ одинъ или два двора, гдѣ живутъ переселенцы изъ другихъ губерній (напр. въ Никольскомъ у. вят-

чане). Деревни выстраиваются обыкновенно по одной улицѣ, но бываютъ и такія, гдѣ дома стоятъ врасбродъ. О такихъ говорятъ: деревня построена «камницей» [1]).

О гигіеническихъ условіяхъ жилищъ было говорено выше. Климатическимъ условіямъ жилища соотвѣтствуютъ мало, но это обусловливается исключительно бѣдностью. Какъ только крестьянинъ получитъ малѣйшую возможность устроить свой домъ получше—онъ это сдѣлаетъ. И комнаты выстроитъ выше и окна прорубитъ большія, и вставитъ въ нихъ косяки, купитъ стулья, диванъ, кровать и пр. Въ большинствѣ же домовъ холодный воздухъ зимою врывается въ избу потому, что нѣтъ теплыхъ сѣней и дверь одиночная. Такъ какъ окна очень малы, то солнечные лучи почти не проникаютъ внутрь помѣщенія; лѣтнія рамы зачастую дѣлаются глухія, во избѣжаніе мухъ и комаровъ. Если окно косящатое, на него зимою наколачивается съ улицы подушка, набитая куделей; въ серединѣ подушки оставляется маленькое отверстіе для прохода свѣта; на разстояніи $^1/_4$ аршина отъ наружной стѣны дома вбиваютъ въ землю колья и между ними и стѣной набивается солома, для того чтобы холодъ не проникалъ въ избу сквозь пазы стѣнъ.

Избы срубаются осенью или ранней весною гдѣ нибудь на сторонѣ, на свободномъ мѣстѣ, и затѣмъ этотъ срубъ переносится туда, гдѣ онъ будетъ стоять постоянно. Матеріаломъ для избы служатъ еловыя или сосновыя бревна. Подъ углы перваго вѣнца сруба на поверхность земли кладутъ камни, или же срубъ устанавливается на вкопанныхъ въ землю столбахъ, концы которыхъ обугливаются. На срубъ полагается до 20 вѣнцовъ. Высота и длина избы обыкновенно квадратная отъ 12—15 футовъ; люди состоятельные строятъ избу о двѣ горницы, такъ назыв. пятистѣнокъ. Полъ выстилается на перекладинахъ бревенчатымъ накатомъ (а то и безъ него), а сверху устилается половицами. Отъ пола вѣнца на три кверху прорубаютъ окна—косящатыя или безъ косяковъ (волоковыя, волчьи или тулошныя). Выше оконъ, вѣнцовъ на семь выводятъ потолокъ (подволока); онъ лежитъ на балкахъ (матицахъ) изъ толстыхъ бревенъ. Стѣны избы конопатятъ мохомъ, а накаты пола и подволоку паклей, заливаютъ глиной, а поверхъ глины насыпаютъ толстый слой песку; верхній вѣнецъ связываютъ балками; на балки ставятъ стропила; стропила рѣшетятъ или стелютъ крышу изъ теса на три ската преимущественно.

Печь ставится въ заднемъ углу, обращается утьемъ къ лицевому окну; утверждается она на деревянномъ опечкѣ, укрѣпленномъ перекладинами или столбами; столбы утверждаются въ землѣ. Печь бываетъ чаще битая изъ глины, самодѣльная, безъ кожуха, съ трубою; такія печи дѣлаются по большей части въ черныхъ избахъ, въ бѣлыхъ же избахъ печи кладутся съ кожухомъ и трубою изъ кирпича. У зажиточныхъ крестьянъ въ избѣ ставится переборка, — тесовая перегородка: ею отгораживается куть отъ избы; переборка идетъ отъ угла печи до передней стѣны такъ, чтобы въ кути оставалось одно лицевое (кутнее) окно.

Убранство избы состоитъ: изъ непрерывныхъ и несдвигаемыхъ, поставленныхъ кругомъ избы лавокъ и таковыхъ-же полавошниковъ, т.-е. полокъ въ одну или двѣ доски; полавошники служатъ для того, чтобы класть на нихъ разныя вещи: шапки, рукавицы, кушаки и т. н. Въ переднемъ углу стоитъ столъ съ ящикомъ, а надъ нимъ въ сутыкахъ, на особой полкѣ

---

[1]) Группа сконцентрированныхъ деревень зовется *улусомъ*. Улусъ отъ улуса отдѣляется обыкновенно волокомъ (лѣсомъ).

божница—кіоты съ иконами. Полати кладутся повыше двери и занимаютъ въ длину пространство до угла печи, а въ ширину отъ голбца до боковой стѣны. Полати состоятъ изъ досокъ, однимъ концомъ лежащихъ на брусѣ, приколоченномъ къ стѣнѣ, а другимъ вдѣланныхъ въ воронецъ. Иногда съ полатей на печь кладутся три, четыре доски, гдѣ зимою бабы садятся и прядутъ, если внизу холодно. Къ печи придѣлывается тесовый голбецъ. Голбецъ—родъ шкафа съ боковой дверцей, ведущей по лѣстницѣ въ подполье, гдѣ хранится молоко, яйца и т. п. На стѣнѣ около печи часто виситъ судница—полочки съ боковыми стѣнками для помѣщенія тарелокъ, блюдъ и другой посуды.

Подъ тою же крышей часто устраивается горница или мшанникъ—холодная (т.-е. безъ печи) комната, служащая зимою кладовой, а лѣтомъ для спанья.

Позади избы находится *дворъ,* надъ дворомъ сарай или повѣть съ воротами на улицу или на зады дома; внутри двора хлѣвъ, надъ хлѣвомъ клѣть или синикъ, служащій для помѣщенія муки и разнаго домашняго скарба. На дворѣ и въ хлѣвѣ помѣщается скотъ и лошади, а на сараѣ хранится кормъ для животныхъ, сани, сбруя и т. п. Сбоку сарая взъѣздъ; онъ дѣлается открытый или глухой (т.-е. забранный тесомъ), въ послѣднемъ случаѣ на верхней его площадкѣ въ стѣнкѣ прорубается окно, а подъ нимъ ставится лавочка, и площадка служитъ крытымъ балкономъ. За дворомъ находится загорода, т. е. огородъ съ грядами для овощей.

Мѣстныя названія строеній и ихъ назначенія слѣдующія:

Домъ, изба, хата—слова равнозначущія.

Хоромы, хоромина—хорошая изба.

Килья, килейка, ганьище—небольшая хижина.

Сѣноваль, синица, синикъ—отдѣльная постройка, сарай для храненія сѣна, становится обыкновенно на мѣстахъ покосовъ.

Баня. Въ ней лавки, полокъ, каменка.

Гуменникъ—постройка для складыванія сноповъ; въ немъ ворота на вереяхъ, долонь, завалы (скирды), засѣки (мѣсто для колосяницы, мякины и т. п. мелкаго корма).

Мекинница или мекильница—строеніе вродѣ сѣновала для храненія корма.

Анбаръ,—въ немъ сусѣки (закромы) для храненія хлѣбныхъ зеренъ и муки, колоды и кадцы для муки и гороха.

Истопка или зимовка—хижина въ лѣсу для притона охотникамъ.

Овинъ. Въ немъ печь, подовинникъ и полки или колосники, на которые укладываются снопы для сушки.

Мельница—вѣтряная или водяная.

Толчея—вѣтряная или водяная; въ ней толкутъ овесъ на муку или опихиваютъ крупу

Виды оградъ: *огородъ*—изгородь изъ толстыхъ еловыхъ жердей и кольевъ; колья втыкаются въ землю и перевязываются перевязью. Между кольями на каждой перевязи лежатъ жерди на высоту въ ростъ человѣка. Огородъ бываетъ различнаго устройства; онъ ставится вокругъ полей и пожень; если черезъ поле или пожню проходитъ дорога, то на дорогѣ ставятся особаго рода ворота, называемые *отводомъ.*

Частоколъ или *тынъ* ставится вокругъ хмельника или луковища; онъ дѣлается изъ кольевъ и жердей, переплетенныхъ въ замокъ длинными еловыми вицами.

Осѣкъ—особаго рода ограда вокругъ поскотины (скотскаго выгона). Осѣкъ дѣлается изъ деревьевъ съ остающимися на нихъ сучьями; деревья эти просто наваливаются стѣ-

ной. Отъ деревни къ поскотинѣ устраивается *прогонъ*, дорога, огороженная съ обѣихъ сторонъ изгородью.

Въ прежнее время крестьянскія избы строились съ различными украшеніями: на окнахъ дѣлались рѣзные и раскрашенные наличники и навѣшивались таковыя же ставни; на крышахъ ставились коники: передъ мезониномъ выступали вычурные съ раскрашенными балясинами балкончики; взъѣзды украшались рѣзными перильцами; часто пристраивались затѣйливыя съ колонками крыльца; нынче все это положительно не въ употребленіи. Причиною тому не перемѣна вкусовъ, а обѣднѣніе. Лѣсные матеріалы вздорожали вслѣдствіе истребленія лѣсовъ промышленниками, лѣсопильными заводами и пароходами. Мѣстами крестьяне до того нуждаются въ топливѣ, что превращаютъ въ дрова старинныя крыльца, навѣсы надъ взъѣздами, ставни, словомъ все, что только можетъ быть признано лишнимъ около дома, оставляя одинъ голый, безобразный срубъ.

Отопленіе жилищъ, бань и овиновъ производится исключительно дровами, въ крайнемъ случаѣ пеньями и хворостомъ; солома никогда не употребляется. На дрова идутъ: береза, сосна, ель, ольха и осина; послѣдняя, впрочемъ, больше въ видѣ примѣси для очистки трубъ отъ сажи. Печи устраиваются повсюду на одинъ образецъ: обыкновенныя русскія пекарки; у людей состоятельныхъ можно встрѣтить и желѣзныя (переносныя).

До распространенія фосфорныхъ спичекъ были во всеобщемъ употребленіи спички *сирянки*. Сирянкою называется лучинка, обмакнутая въ расплавленную сѣру и для добыванія огня прикасались однимъ концомъ сирянки къ раскаленному углю. Кромѣ сирянки было (и есть) *огниво*, состоявшее изъ стальной пластинки и кремешка [1]); ихъ присѣкали къ труту—пережженой тряпкѣ; вмѣсто тряпки употреблялась также древесная (березовая) губка. При этихъ способахъ добыванія огня, сирянки и огниво хранились въ *сиряницахъ*—деревянныхъ или желѣзныхъ, и въ печуркахъ (углубленія въ бокахъ печи). Нынѣ, съ установленіемъ налога на спички, во многихъ мѣстахъ возвращаются къ прежнимъ способамъ добыванія огня.

Треніемъ огонь добывается, но исключительно во время «оскотья», т.-е. скотскаго падежа или эпидемій, и о способахъ добыванія этого «деревяннаго» огня будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ.

Для освѣщенія жилищъ употребляются:

1. *Свитецъ*. Онъ бываетъ двухъ родовъ: во-первыхъ, желѣзный многокрючный прутъ для втыканія одновременно нѣсколькихъ лучинъ; свитецъ этотъ виситъ на желѣзной скобѣ, прикрѣпленной къ полавошнику; во-вторыхъ, вдѣлываемый въ стоячій деревянный брусокъ; брусокъ укрѣпленъ въ краю корытца, стоящаго на полу; въ корытце наливается вода для того, чтобы въ ней гасли отпадающіе отъ лучины угли.

2. *Нитка*. Толстая, льняная, пропитанная коровьимъ или бараньимъ саломъ нить; она навертывается на палку или деревянный подсвѣчникъ; употребляется на выходъ вмѣсто свѣчки.

3. Сальныя свѣчи — покупныя или самодѣльныя; онѣ вставляются въ желѣзный шандалъ.

4. Керасиновыя лампочки изъ жести, часто безъ стекла; у людей зажиточныхъ висячія съ жестяным абажуромъ.

Все, что касается отопленія и освѣщенія жилища: топка печи и уходъ за ней, уста-

---

[1]) Въ Сольвычегодскомъ у. вмѣсто пластинки употребляется кольцо, и тамъ оно вмѣстѣ съ кремнемъ зовется *огнище*.

новка свитца и уходъ за нимъ, за ниткой и лампами—находится въ завѣдываніи хозяйки (бачерухи).

Посуда употребляется глиняная, деревянная и металлическая—желѣзная и мѣдная.

Глиняная посуда: *блюдо*—большая, глубокая чашка, изъ которой ѣдятъ щи, кашу. *Ставокъ*, *стамѝкъ* или *стоешѐнька*—кринка подъ молоко; *разлёвъ*—большая, узкая внизу и широкая, съ разливомъ вверху, кринка подъ топленое масло; она же мѣстами зовется *стамухой* («стамуха масла»); *топнѝкъ*, *топушка* или *топнушка*—чашечка съ рыльцемъ и прямой ручкой для растапливанія масла; *штенѝкъ*—горшокъ для варки щей; *кашникъ*—для варки каши; *лáтка* — плошка для жаренія мяса; *рыльникъ* — посудина для сметаны или масла; *носáтикъ*—горшочекъ съ носикомъ; *горшокъ*—для варки чего-бы ни было; онъ закрывается *волдхомъ* или *закройникомъ*; *корчáга* или *кубовикъ*—огромная круглая посудина для варки пива; наконецъ, *рукомóй*—глиняный съ двумя рыльцами сосудъ для умыванья.

Деревянная посуда:

Ставецъ—чашка подъ кушанье; *жбанъ*—сосудъ съ крышкой для подаванія на столъ квасу; *корецъ*—ковшъ, въ которомъ подносятъ пиво; для этой же цѣли служитъ *скобкарь*—чашка изъ древеснаго наплыва; на одномъ краю ея обыкновенно дѣлается птичья головка, на другомъ хвостикъ, служащій ручкой; *солоникъ* или *солоница*—особаго вида сосудъ для храненія соли; *извара* или *обрѣзъ* ушатъ для воды; вродѣ его же—*кадца; калабашка*—всякая миска, чашка; *дупелька* — чашка цилиндрической формы; *квасникъ* — кадочка для квасу; *квашонка*—кадочка для квашни; *ручонка* — ведерко съ крышкой, которая можетъ запираться посредствомъ *клеча; хандейка* — маленькая ручонка; *лаговка* или *лагушка* — кадочка съ крышкой для вина или пива; *лагунъ*—бочка съ прорѣзаннымъ въ днѣ ея отверстіемъ, въ ней держатъ квасъ; *мѣрникъ* — чанъ для воды или для пива; *насадка* — боченокъ, вмѣстимостью около полудесятка ведеръ, употребляется больше подъ пиво; *пипырл*—небольшая чашка, въ которой обыкновенно кормятъ собакъ и кошекъ; *долгорукъ*—большой ковшъ, которымъ наливаютъ воду въ чаны при варкѣ пива; *колода* — широкое корыто для спуска сусла изъ чапа; *колодой* же зовется и выдолбленное въ видѣ ящика бревно, изъ него поятъ лошадей и скотъ; *корыто*—выдолбленное изъ осиноваго ствола съ плоскимъ краемъ по концамъ, въ немъ стираютъ бѣлье; *ведра* съ коромысломъ для носки воды; *дойникъ*—особаго рода посудина съ рыльцемъ для доенія въ нее молока, дѣлается изъ можжевельника; *треногъ*—лахань на трехъ ножкахъ для помоевъ; *короновамая чашка*—сплетенная изъ ивовыхъ корней; въ нее кладутъ ковриги хлѣба, передъ тѣмъ какъ ихъ сажать въ печь. *Буракъ* или *туезъ*—цилиндрическій сосудъ изъ бересты съ деревяннымъ дномъ и крышкой, служитъ для храненія всевозможной провизіи какъ сухой, такъ и жидкой (молоко); *бурёшка*—маленькій бурачекъ для храненія воды на покосахъ.

Металлическая посуда:

Братыня—мѣдный сосудъ для подаванія пива; *питина* — стаканъ для питья пива или квасу; *стопа*—оловянный стаканъ; *чугунникъ* — чугунный котелъ въ видѣ горшка для кипяченія воды; *прошивень*—желѣзный листъ для жаренія мяса (рѣдко); сковороды желѣзныя и чугунныя и ковши—желѣзные и мѣдные.

На глиняной посудѣ изображаются раки, рыбы, птицы; чаще же она испещряется безформенными коричневыми и синими пятнами; деревянная—раскрашивается разными узорами; рисуются цвѣты, птицы, фигуры людей и т. п. На дешевыхъ деревянныхъ издѣліяхъ дѣлаются въ видѣ украшенія пятна и точки посредствомъ каленаго желѣза.

Изъ предметовъ домашняго обихода и орудій надо упомянуть слѣдующія: разной величины ухваты, клюка, сковородникъ, лопата для сажанія въ печь хлѣбовъ, мутовка для разбалтыванія муки въ водѣ, скалка для раскатыванія тѣста. Для ѣды употребляются ложки—всегда деревянныя и *пріёмцы*—вилки; ножомъ пища за столомъ никогда не разрѣзается; это дѣлается заранѣе самой хозяйкой. *Помело*—пучекъ можжевеловыхъ вѣтвей, насаженныхъ на *помельникъ* для заметанія печнаго пода; *вѣникъ*—всегда березовый для подметанія пола; *голикъ* — пучекъ голыхъ березовыхъ прутьевъ для заметанія крупнаго сора; *преслице*—прялка, всегда разрисованная или украшенная рѣзьбой; веретена хранятся въ *веретенницѣ*—ящикѣ, сплетенномъ изъ дранокъ. Напряденныя нитки сматываются на *мотовило*,—а съ мотовила на *воробы*. Воробы же устраиваются такъ: къ вертикально укрѣпленному шесту придѣлываются двѣ горизонтальныя доски крестъ на крестъ; на концахъ досокъ укрѣпляются четыре веретена стоймя, на эти веретена и накидывается мотокъ нитокъ; вмѣсто воробъ мѣстами употребляется *сновално*.—Изъ сосновыхъ дранокъ (голтины) плетутся *кузовье*, *кузовеньки*—цилиндрической формы большіе и малые короба съ ручками или безъ нихъ, также *наберухи*—небольшія корзинки, съ которыми ходятъ по грибы и по ягоды. *Пестери* и *пестерки* тоже дѣлаются изъ драницъ; бываютъ, впрочемъ, и плетенные изъ корней. Изъ корней же плетутся *кореники* и *коренушки*. Изъ берестяныхъ лыкъ (лентъ) плетутся *зобеньки* и *кузова*, въ которыхъ пѣшеходы, косцы и охотники носятъ хлѣбъ и пироги; маленькій пестерекъ въ видѣ сулеи съ рыльцемъ для храненія соли зовется *турзукъ*. Рѣшета и сита дѣлаются изъ осины; *насыпка* изъ сосны; насыпка—это лукошко безъ дна, служащее для насыпанія хлѣбныхъ зеренъ въ мѣшокъ, для чего и вставляется въ устье послѣдняго; *ночовки* или *почви*—небольшое осиновое корытце, въ которомъ „полютъ" заспу, т. е. встряхиваютъ молотый ячмень или овесъ, чтобы освободить ихъ отъ мякины. *Ситево*—лукошко для просѣванія зерна; *совокъ*—деревянный большой ковшъ съ усѣченнымъ передкомъ, служитъ для насыпанія муки и крупы. Муку просѣваютъ въ сито или сѣльницу; *хлѣбница*—лукошко, въ которомъ хранятъ печеный хлѣбъ и пироги, — вотъ предметы, безъ которыхъ не обходится ни одно крестьянское хозяйство.

Одежда. Одежда изготовляется изъ различныхъ тканей какъ домашняго, такъ и фабричнаго приготовленія. Для тканья полотенъ, холстовъ и чего бы ни было служитъ ткацкій станокъ или станъ. Жители дальнихъ деревень носятъ все еще самотканныя и самодѣльныя одежды, подгородніе же покупаютъ ситцы и сукна въ лавкахъ.

Вотъ списокъ разныхъ видовъ одежды:

Рубаха—обыкновенно изъ домотканнаго холста или пестряди; у мужчинъ она не доходитъ до колѣнъ; *всегда* носится на выпускъ; воротъ косой на пуговицахъ; рукава безъ обшивки или же съ обшивкой, называемой *запястьемъ* или *накулашникомъ*, то же на пуговицахъ; она подпоясывается домотканнымъ поясомъ, иногда съ цѣлой кучей шерстяныхъ кистей на концахъ. Въ Сольвычегодскомъ у. мужчины зимою носятъ длинную рубаху, застегиваемую у самаго ворота на одну пуговку; рубаха эта зовется *саваницей*.

Женская рубаха шьется различно: у богатыхъ бабъ продольными швами изъ цѣльныхъ полотнищъ. Это такъ наз. *проходница*. Къ рукавамъ рубахи пришиваются иногда рукавчики, манжеты, называемыя *зарукавьемъ* или *залокотницей*; къ подолу пришиваются прошвы—ленты изъ цвѣтного ситцу или кружева; если нижній край расшитъ нитками, онъ зовется *подподольницей*, если же на край (подолъ) нашита кумачная лента это—

наподольница; воротъ, расшитый разноцвѣтными нитками—*остёбка* или *остебенье*; вышитыя полоски на разрѣзѣ ворота зовутся *берьками*.

Чаще же женская рубаха шьется изъ двухъ частей: верхней — *воротушки*; она бываетъ ситцевая или крашенинная, и *подстава*—нижней части изъ бѣлаго холста; обѣ части ошиваются на таліи поперечнымъ швомъ.

Портки мужскіе шьются изъ холста или крашенины, рѣдко изъ тику; они безъ обшивки и тесемокъ внизу, а висятъ свободно; напереди прорѣшка, идущая немного ниже пупа, на таліи же рубецъ (а не обшивка), въ который продѣвается *гасникъ* — шнурокъ, завязываемый напереди.

Лѣтомъ рубаха и портки составляютъ всю одежду крестьянина; въ холодную погоду онъ надѣваетъ *щаны*,—штаны, шьющіеся такъ же, какъ и портки, изъ грубаго домашняго или фабричнаго сукна. Иные надѣваютъ *жулетку*, но больше жители подгородныхъ деревень.

Верхняя мужская одежда весьма разнообразна по своему виду, назначенію и покрою. *Курточка* — шьется обыкновенно изъ синяго холста съ борами и стоячимъ воротникомъ; *коротáшка* — короче сюртука и безъ рукавовъ; бываетъ холодная и теплая; вродѣ ея— *камзолъ* — коротенькая одежда изъ овечьей шерсти. *Троешдвникъ* — кафтанъ о три шва сзади; *троеклúнокъ*—суконный кафтанъ безъ боровъ, съ клиньями на бокахъ; *сиряшка*, *понúтокъ* или *сукманúна* — кафтанчикъ съ борами о два или о три *чекманца* (щипка) изъ домашней шерстяной пряжи. *Похóлстникъ*—одежда мужская и женская для лѣта съ гладкимъ лифомъ, короткою на борахъ или съ клиньями юбкою и узенькимъ воротникомъ у мужчинъ и безъ воротника у женщинъ. Похолстникъ шьется изъ похолстины—домашней ткани по льняной основѣ шерстяной утокъ. *Зипунъ*—коротенькій кафтанчикъ изъ сукна; *сукманникъ* или *сермяга*—почти то же, что сиряшка; *сибирка*— кафтанчикъ съ борами, лѣтній и зимній; дѣлается иногда на ватной подбивкѣ, называемой *подшкóръ*; подъ талію подшиваются для завязыванія тесемки — *подживотники*; къ краямъ пришиваются *схватцы*—проволочные крючки и петли. *Чýйка*—пальто съ таліей; *полушубокъ* нагольный, желтый или черный; старый полушубокъ, покрытый полотномъ, зовется *тяжелкó*; *толупъ*—нагольная шуба съ большимъ мѣховымъ воротникомъ; будучи покрытъ холстомъ, онъ зовется *кошулей*. Женская кошуля—мѣховая верхняя одежда, покрытая чѣмъ бы то ни было, съ таліей и тремя щипками (складками) назади. *Шубнякъ* — подобіе женской кошули, но безъ боровъ. *Балахонъ* — тоже, что армякъ, но съ низенькимъ воротникомъ; шьется изъ ряднаго холста. *Халатъ* или *армякъ*—шьется изъ толстаго фабричнаго сѣраго сукна съ откиднымъ воротникомъ, надѣвается поверхъ тулупа во время осенняго ненастья.

Въ восточныхъ уѣздахъ кромѣ малицы и совика, мѣховыхъ одеждъ, употребительныхъ у всѣхъ жителей крайняго сѣвера, носятъ еще *верхдвицу* — родъ малицы, но не ниже колѣнъ.

Женскія одежды:

Cúтешникъ—ситцевый сарафанъ; сарафанъ же изъ домашняго холста носитъ въ разныхъ мѣстахъ разныя названія: такъ, въ Тотемскомъ у. зовется *кундышъ*, въ Кадниковскомъ *сарафанъ* и *дольникъ*, въ Сольвычегодскомъ у.—*тупáсъ*, въ Кокшенгѣ—*красикъ*. *Холодникъ*—шелковый сарафанъ на легкой подкладкѣ; *шушпанъ*—сарафанъ безъ боровъ назади (*китайникъ*—сарафанъ изъ китайки съ оловянными пуговицами до подолу); *маредникъ* или *маренникъ* (въ Яренскомъ у.—*толстуха*)—сарафанъ, окрашенный дома мареною;

каразейникъ — сарафанъ изъ цвѣтной шерстяной матеріи; сарафанъ изъ штофной матеріи малиноваго цвѣта зовется *штофникъ;* наконецъ, *рытникъ*—сарафанъ изъ парчи. Новые рытники, конечно, уже не шьются и сохранившіеся отъ предковъ надѣваются въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Сарафанъ въ общемъ представляетъ юбку, собранную мелкими складками и пришитую къ тесьмѣ; иногда онъ подвязывается пояскомъ ниже грудей, иногда выше ихъ; отъ тесьмы черезъ плечи спереди назадъ идутъ *проймы*, *накапки* или *намышки*. Въ подгородныхъ деревняхъ сарафаны носятъ однѣ бабы; дѣвицы же носятъ ситцевыя платья съ кофтами.

Поверхъ сарафана женщины надѣваютъ *выбѣгайку* — легкую кофту для выхода на улицу; болѣе старинная *коротѣнька*—родъ кофты безъ рукавовъ, обшитая по краямъ галуномъ. *Нарукавникъ*—коротенькая кофта, застегиваемая спереди на пуговицы; *шугай* или *душегрѣйка*—короткая кофта съ тальмой и большими борами, подбитая ватой; какъ бабы, такъ и дѣвицы носятъ ситцевые передники (запанъ) или каленкоровые, расшитые цвѣтными нитками и обшитые кружевомъ.

Что касается головныхъ уборовъ, то мужчины лѣтомъ носятъ обыкновенную суконную фуражку съ козырькомъ, рѣдко шляпу; зимою же надѣвается круглая мѣховая шапка съ суконнымъ верхомъ. Носятъ и ушатыя шапки изъ пыжиковаго мѣха.

Женскіе головные уборы болѣе разнообразны. Чаще всего женщины покрываютъ голову ситцевымъ платкомъ, сложеннымъ съ угла на уголъ и надѣтымъ такъ, что два угла завязываются въ узелъ подъ подбородкомъ, а третій виситъ сзади свободно. Мѣстами носятъ еще *подшальникъ* — колпачекъ или повязку изъ шерстяной или шелковой матеріи; домашняя повязка такого же фасона зовется *сдерышка* или *волосникъ*. *Борушка* — повязка со сборами, шитая мишурой; *комдкъ* — платокъ, концы котораго завязываются на лбу, причемъ на затылкѣ подкладывается куделя. *Морхатка* или *повойникъ* — повязка, выдающаяся напереди въ видѣ пузыря и обшитая позументомъ; ее надѣваютъ на пирушки. Въ Красноборскѣ и Кокшенгѣ сохранилась еще *коруна*—родъ кокошника. Въ Сольвычегодскомъ у. старухи и теперь еще носятъ *чабакъ*, зимнюю шапку на ватѣ, опушенную мѣхомъ.

На шею, выходя изъ дому, мужчины повсемѣстно надѣваютъ *галстукъ* — ситцевый платокъ, завязываемый узломъ напереди, зимою же *сѣтку* — шерстяной шарфъ, обматываемый вокругъ шеи; концы его прячутся подъ верхнюю одежду.

Мужскія рубахи и женскіе сарафаны повязываются домотканными поясками; поверхъ же кафтановъ и шубъ мужчины опоясываются кушаками: женатые — неширокими и недлинными, холостые широкими и очень длинными съ бахромой по концамъ. Эти кушаки выдѣлываются главнымъ образомъ въ Красноборскѣ Сольвычегодскаго уѣзда; они бываютъ изъ грубой шерсти или бумаги съ шерстью, изъ тонкой шерсти и чистаго шелку и стоятъ отъ полтинника до нѣсколькихъ десятковъ рублей.

На рукахъ носятъ *рукавицы* и *перщатки* или *перстятки*. Кожаныя рукавицы зовутся *рукавками* или *валежками* (въ Никольскомъ и Кадниковскомъ у.), *дуплянницами* въ Сольвычегодскомъ и *кушанками* въ Яренскомъ. *Ровдужьи* рукавицы въ Сольвычегодскомъ у. шьются изъ ровдуги — бритой овчины; *Собачьи рукавицы*— изъ собачьяго мѣху шерстью вверхъ, надѣваются поверхъ шерстяныхъ; шерстяныя рукавицы въ Яренскомъ у. зовутся *лопаточками*; тамъ же *вачиги*—суконныя, покрытыя кожей рукавицы; обыкновенныя, шерстяныя перчатки зовутся *везенками*.

Обувь. Самая распространенная лѣтняя обувь — обыкновенные кожаные сапоги—*кожаники*, зимняя же—*катаники*—валеные сапоги изъ черной или сѣрой овечьей шерсти. Въ сапогѣ-ли, въ катаникѣ-ли, нога всегда обертывается предварительно холщевою тряпкою, называемою *подверткою*, *портянкою* или *онучею*. Въ Никольскомъ у. зимою вмѣсто портянокъ надѣваютъ *скуты* — родъ чулокъ изъ шерстяныхъ лоскутковъ. Лапти носятъ берестяные (берестяники), рѣже липовые. *Питерики* — лапти съ большой выемкой. Лапти привязываются къ ногѣ *оборами*, бичевкою, средняя часть которой пропущена сквозь край лаптя, а концы охватываютъ голень крестъ-на-крестъ („увиваться въ оборы“). Дома для ходьбы куда нибудь недалеко надѣваютъ *ступни*—родъ калошъ изъ берестяныхъ лыкъ. Прежде чѣмъ надѣть лапоть, ногу обертываютъ лѣтомъ портянкою, зимою же надѣваютъ *прикопутки*, *вареги* или *паголенки* — чулки, связанные изъ толстой квашенной шерсти. Носятъ, какъ мужчины, такъ и женщины, и кожаные башмаки съ суконною опушкою, называемые *чарками* въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ у., *котами* въ Сольвычегодскомъ. *Чушни*—башмаки, сплетенные изъ суконныхъ покромокъ въ Кадниковскомъ у. и тамъ же *шоптаники*, башмаки изъ веревокъ, надѣваемые на суконныя портянки (обувь собственно для ходьбы въ лѣсъ). *Моршни* или *поршни* — кожаная обувь, приготовляемая такъ: берутъ продолговатый кусокъ кожи, обтягиваютъ вокругъ ступни, лишнее обрѣзываютъ ножомъ, потомъ къ краямъ пришиваютъ ременныя петельки (тырки), продѣваютъ въ нихъ бичевку и ею привязываютъ моршню къ ногѣ. *Уледи* — мужская обувь, тоже, что чарки, но изъ бѣлой кожи и безъ суконной опушки. Весною, когда снѣгъ начнетъ таять, но еще настолько холодно, что нельзя надѣвать сапоги, обшиваютъ катаники снизу и немного вверхъ кожей (*бранченые* катаники). Такая обувь въ Сольвычегодскомъ и Устюгскомъ у. зовется *упаки* или *чупаки*; въ другихъ мѣстахъ надѣваютъ на катаники кожаные башмаки, или же, обрубивъ носокъ катаника (конечно уже поношеннаго), вставляютъ его въ лапоть и пришиваютъ къ нему.

Искусство шитья, вязанья, плетенья, вышиванья, дубленья кожъ, тканья развито повсемѣстно. Въ югозападныхъ уѣздахъ, гдѣ произведенія земли не удовлетворяютъ всѣмъ жизненнымъ потребностямъ, нѣкоторыя отрасли ручныхъ производствъ развились въ кустарные промыслы. Такъ, въ Вологодскомъ у. плетеніе кружевъ распространено по всѣмъ деревнямъ; въ Кадниковскомъ изготовленіе деревянной посуды, катанье сапогъ (катаниковъ) и шляпъ и выдѣлка вещей изъ коровьяго рога; въ Тотемскомъ—вязка чулокъ; въ Вельскомъ выдѣлка глиняной посуды и пр. Ниже объ этихъ промыслахъ будетъ сказано подробно.

Шитье всякаго рода одеждъ и тканье лежитъ на обязанности женщинъ, изготовленіе обуви и выдѣлка суконъ—на обязанности мужчинъ.

Будничная одежда и обувь не отличается отъ праздничной своимъ видомъ; въ праздники надѣваютъ то, что получше. Народъ отдаетъ предпочтеніе яркимъ цвѣтамъ, но нельзя сказать, чтобы изъ этихъ яркихъ какому нибудь отдавалось особое преимущество. Пожалуй, алый цвѣтъ является преобладающимъ въ костюмахъ дѣвушекъ; парни и мужики надѣваютъ охотно красныя кумачныя рубахи; парни шьютъ себѣ иногда и штаны изъ краснаго и желтаго кумача. Если баба надѣнетъ алый сарафанъ, зеленый передникъ, розовую кофту и желтый платокъ на голову, то на нее засматриваются какъ на женщину, одѣтую съ шикомъ.

Мужскіе наряды не отличаются особыми украшеніями; на рубахахъ и полушубкахъ часто вышиваютъ узорами каемки на груди и полахъ; носятъ вышивные пояса. Женщины

нашиваютъ на платья такъ называемые *грибки* (оборки); на шею надѣваютъ *рѣшотку*—ожерелье изъ мелкихъ бусъ, соединенныхъ мѣстами крупными; обыкновенное ожерелье изъ бусъ зовется *камешки* или *перлицо*, надѣваютъ и *янтари*—ожерелье изъ янтарей и *гранатки*—ожерелье изъ поддѣльныхъ гранатъ; въ ушахъ носятъ серьги, на пальцахъ кольца.

Прическа у мужчинъ всегда одинакова: проборъ по серединѣ, и волосы острижены въ кружокъ, причемъ затылокъ часто подбриваютъ. Бабы тоже пробираютъ волосы и прячутъ ихъ подъ платокъ или въ повязку; дѣвушки заплетаютъ косу.

Румяна и бѣлила для раскрашиванія лица и сурмила (для наведенія бровей) въ большомъ употребленіи у женщинъ, особенно дѣвушекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки красятся поголовно, какъ бы румяны и бѣлы онѣ ни были отъ природы. Въ пѣснѣ баба говоритъ:

Я на первый рубль бѣлилъ,
На второй-отъ рубль мазилъ,
А на третій рубль сурмилъ;

Приду домой—набѣлюсь,
А мазиломъ намажусь,
Черны брови подведу...

Въ другой пѣснѣ мужъ жалуется на то, что всѣ жены принесли мужьямъ своимъ обѣдъ въ поле, а его жена не несетъ. И вотъ онъ ѣдетъ домой съ намѣреніемъ выстегать жену.

Мужикъ ѣдетъ ко двору,
Жена ходитъ въ терему
Набѣленная,
Нарумяненная.

«Ужъ я брошу же лозу,
Поцѣлую жену
И ужинать не хочу».

Всѣ снадобья для подкрашиванія лица покупаются въ лавкахъ. Румяна, мѣстами, дѣлаютъ и дома, а именно настаиваютъ на винѣ сандалъ и имъ мажутъ щеки.

На измѣненіе національныхъ костюмовъ вліяетъ главнымъ образомъ близость городовъ и посадовъ. Въ подгородныхъ деревняхъ не только брошены оригинальные и часто красивые головные уборы и сарафаны, но бабы и дѣвушки уже не довольствуются шелковыми головными платками, юбкой съ кофтой и «пальтушкой», онѣ покупаютъ въ магазинахъ атласныя, бархатныя и соломенныя шляпы съ перьями и цвѣтами, шьютъ себѣ платья въ обтяжку и надѣваютъ драповые бурнусы. Невозможно смотрѣть безъ смѣха и состраданія на полоумныхъ невѣстъ и молодицъ, когда онѣ пріѣзжаютъ въ городъ кататься въ барежевыхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ съ разноцвѣтными перьями и фигурируютъ въ этомъ костюмѣ по городу въ продолженіе трехъ, четырехъ часовъ, не смотря на вьюгу и морозъ. Манія наряженья доходитъ до того, что отецъ семейства иногда продаетъ корову или лошадь для того только, чтобы его дочь-невѣста могла сшить себѣ шелковое платье, обыкновенно голубаго или яблочно-зеленаго цвѣта.

Для характеристики современнаго положенія подгородныхъ деревень приведу отрывки изъ пѣсенъ, сочиненныхъ этими самыми носительницами шелковыхъ платьевъ и страусовыхъ перьевъ.

На моемъ на миленькомъ
Сапоги съ калошами...

Глубокіе кожаные калоши на ногахъ и дождевой зонтъ въ рукѣ, хотя бы въ самую жаркую и сухую пору лѣта—это верхъ франтовства. Между тѣмъ

На дворѣ три лошади:
Перва бура, друга будетъ,
Третью ладятся купить,

т. е. всего-на-всего одна заморенная кляча.

Вы молодчики молоденькіе,
Сюртучки на васъ коротенькіе;
На гуляньеце идутъ,
Въ рукахъ тросточки несутъ,
Во устахъ сигарочки.
За имъ [1]) дѣвица идетъ,
Вродѣ какъ дворянка:
Платье длинно съ криволиномъ,
Рукава косые;
Перелинка на плечахъ
И брезлетки на рукахъ.
Нонѣ мода проявилась:
Стали сѣточки носить,
Черный гарусъ, свѣтлый ярусъ [2]),
А на правой рукѣ кисъ [3]).

Мудрено ли послѣ этого, если несчастный отецъ восклицаетъ въ отчаяніи:

Дѣвки—бѣда
И ребята—бѣда;
Робятъ то въ солдаты,
Дѣвокъ то куда?
Гдѣ запруда худа,
Дѣвокъ то туда.

Въ Устюгскомъ уѣздѣ знаменитая Грибановская мануфактура оказываетъ вредное вліяніе на окружающія ее мѣстности. Вотъ пѣсня, сложенная на эту тему:

Какъ во устюгской въ округѣ,
Во двинской было третѣ,
Какъ по Синегѣ рѣкѣ,
Синегодской волостѣ,
На грибановской землѣ
Распростроился заводъ.
Какъ на этотъ на заводъ
Набираютъ тутъ народъ;
Набираютъ, нанимаютъ,
Пріучаютъ къ мастерству.
Есть крестьяне, есть купцы.
Ярославски молодцы,
Еся также ровнячки,
Навиваютъ тюрички.
Гдѣ ка мотики мотаютъ,
Полоротые стоятъ,
Какъ кудельщички,
Они просмѣшнички,
Какъ ручные дергачи,
Настоящи сорвачи
Панско робятъ полотно,
Да гуляютъ за одно.
Дѣвка улицей идетъ,
Парню Богъ помощь даетъ.
Дѣвка видитъ: парень глупъ,
Подносила мѣдный рубъ.
Парень вовсе безтолковый,
Отдалъ дѣвкѣ весь цѣлковый.
Дѣвка денежки взяла,
Со инымъ гулять пошла.
Какъ на этомъ на заводѣ
Избалованъ весь народъ,
Исплутованъ весь народъ.

[1]) Т. е. за ними.
[2]) Т. е. стеклярусъ.
[3]) Т. е. кисть по правую сторону сѣтки.

Пища и питье. Вологодскій народъ питается по преимуществу растительной пищей. За нею слѣдуетъ молоко, рыба, мясо четвероногихъ и, наконецъ, яйца. Птица—рѣдкое блюдо за столомъ крестьянина.

Для удобства обозрѣнія кушаній, я дѣлю ихъ на слѣдущія категоріи:

1. Растительная пища: а) черный хлѣбъ; б) холодныя кушанья; в) горячія кушанья; г) пироги; д) печенья; е) каши; ж) посторонняя растительная пища.

2. Животная пища: а) холодныя кушанья; б) горячія кушанья; в) пироги; г) жаркое.

Черный хлѣбъ составляетъ основу крестьянскаго обѣда и ужина. Печеніе хлѣба--дѣло хозяйки. Оно требуетъ значительнаго навыка и опытности. Печеніе это производится такъ.

Въ квашонкѣ должна находиться закваска; если же квашня новая, то баба мочитъ куски печенаго хлѣба, чтобы они закисли, или же беретъ гущи изъ квасника и кладетъ (хлѣбъ или гущу) въ квашонку, наливаетъ воды ковша 2—5, затѣмъ просѣянную въ рѣшето ржаную муку всыпаетъ въ воду и разбалтываетъ мутовкой. Когда сгустится такъ, что мутовка можетъ стоять въ растворѣ, покрываютъ квашню тряпкой и ставятъ ее въ теплое мѣсто до утра. Утромъ смотрятъ, и если растворъ поднялся и опалъ до той точки, по которую вчера была налита вода, это значитъ, что квашня «выходила». Тогда баба присыпаетъ еще муки и размѣшиваетъ, но не мутовкой, а уже рукой. Когда тѣсто начнетъ отставать отъ руки, оно готово. Опять покрываютъ и ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы тѣсто поднялось. Когда поднимется, начинаютъ «валять» тѣсто, т. е., выложивши его въ деревянныя чашки, подбрасываютъ кверху, чтобы хлѣбъ былъ круглый, безъ щелей и безъ морщинъ. Затѣмъ, оставивъ хлѣбы въ чашкахъ, ставятъ чашки въ теплое мѣсто и когда опять поднимается, то садятъ въ печь на лопатѣ. Въ печи хлѣбъ сидитъ часа два. Вынувъ короваи изъ печки, баба обмываетъ ихъ водой и если паръ не очень жжется, значитъ хлѣбъ упекся.

Кромѣ обыкновеннаго хлѣба изъ ржаной муки пекутъ еще *обварыши*. Этотъ хлѣбъ мѣсится гуще обыкновеннаго, присаливается и, передъ тѣмъ какъ садить его въ печь, обваривается кипяткомъ. Въ другихъ мѣстахъ присоленый хлѣбъ зовется *чолпанъ*; въ Вельскомъ же уѣздѣ чолпаномъ зовутъ хлѣбъ изъ смѣшанной муки. Если ржаную муку просѣютъ сквозь сито и изъ этой сѣянной муки испекутъ хлѣбъ, получится *мякотина*. Въ Сольвычегодскомъ у. небольшіе хлѣбцы овальной формы изъ ржаной или ячменной муки зовутся *ярушниками*.

Холодныя кушанья и похлебки.

Всякое жидкое кушанье, которое приходится хлебать, зовется *хлёбево*.

Щурикъ, квасъ, въ который накрошены кусочки хлѣба. *Мурикъ* — хлѣбъ съ водой. *Болтушка*, *тяпушка* или *муленина*—толокно, разболтанное густо въ квасу и облитое простоквашей, или безъ нея. *Мѣшанина*—толокно, замѣшанное довольно густо въ водѣ. *Кулага*—холодное постное блюдо изъ густо-свареннаго солоду. *Суревяга*—толченая брусника, замѣшанная толокномъ. *Росолъ*—ботвинье изъ вареной свеклы. *Рощековда* или *мурà*—толченый зеленый лукъ и кусочки хлѣба, разболтанные въ посоленномъ квасу или въ водѣ, ѣдятъ во время Петрова поста. *Кисель овсяный*. Овсяные высѣвки замѣшиваются на водѣ и ставятся на ночь въ теплое мѣсто, чтобы закисли. Для ускоренія броженія, зажигаютъ пучекъ лучины, и когда лучина обуглится, то эти обгорѣлые концы (угарки) суютъ въ кисель. На другое утро жидкость процѣживаютъ и варятъ. Ѣдятъ кисель холодный съ молокомъ.

Горячія похлебки:

Крупянка—овсяная крупа и капуста, разваренные въ водѣ. Иначе—постные шти.

Голомудка—бѣлые грибы или рыжики, отваренные въ водѣ сырыми. Въ отваръ впускаютъ нѣсколько сырыхъ яицъ.

Заспеница—похлебка изъ овсяной крупы, но безъ капусты. *Звѝрецъ*—похлебка изъ луковицъ, отваренныхъ въ водѣ. Луковицы, отваренныя въ квасу—*цыбуля*.

Тюря или *крошенина*—кипятокъ, въ который накрошенъ хлѣбъ и брошена щепотка соли.

Губница—похлебка изъ сушеныхъ отваренныхъ грибовъ съ примѣсью овсяной крупы.

Ляхтя—сушеная и молотая черемуха, сваренная въ суслѣ. Употребляется только въ рождественскій сочельникъ. Перенято у зырянъ; у нихъ зовется *лязъ*.

Пироги:

Налитушка или *наливашка* — пирогъ безъ начинки изъ опарнаго тѣста, облитый сверху *наливай*—растворомъ муки съ масломъ или яйцами.

Мушникъ — продолговатый пирогъ, облитый толченымъ конопляным сѣменемъ или гороховой мукой. Или же дѣлается такъ: раскатываютъ сочень изъ огибки (т. е. муки, замѣшанной на водѣ), на сочень кладутъ опарное тѣсто и поливаютъ крупой, замѣшанной на кисломъ молокѣ.

Политушка или *растегай*—тоже, что налитушка, но обливается сметаной, смѣшанной съ овсяной крупой.

Рогулька или *прѣснушка*—круглый пирогъ изъ прѣснаго тѣста съ защипанными въ видѣ рожковъ краями; въ него наливается растворъ крупы въ молокѣ.

Колобокъ или *колобанъ*—пирогъ изъ ячменной муки безъ начинки; имѣетъ видъ лодки.

Загибень или *заворотень*—пирогъ изъ ржаныхъ сочней (см. ниже) съ какой угодно начинкой (загибой).

Рыжешникъ, *губникъ*—пирогъ, начиненный солеными рыжиками. *Солонѝкъ*—пирогъ изъ ржанаго тѣста, въ который вмѣсто начинки положена (или насыпана сверху) соль. *Капустникъ*—пирогъ съ рубленой капустой; *ягодникъ* — открытый пирогъ съ ягодами — брусникой, черникой или голубикой. *Луковникъ*—пирогъ, начиненный рубленымъ зеленымъ лукомъ. *Брюковникъ*—пирогъ, начиненный мелко-изрубленной печеной брюквой. *Морковникъ*—начиненный морковью; *гречушникъ*—начиненный отваренной гречневой крупой. *Драчёна*—гороховый сдобный пирогъ. *Крупеникъ* или *саламатникъ*—начиненный разваренной овсяной крупой, *пшенникъ* — начиненный разваренымъ пшеномъ; *пшенишникъ* — пирогъ изъ пшеничной (мѣстной, а не крупитчатой) муки. *Гороховики*—пироги или, вѣрнѣе, лепешки съ загнутыми краями; въ нихъ кладется вареный горохъ; *столбцы*—конусовидные пирожки изъ гречневой муки; *ступки*—такіе же пирожки изъ гороховой муки. *Сѝчникъ*—пирожокъ въ загибъ на боку, начиненный рѣпою, капустою или морковью. *Тетѐрьки*—круглые пирожки изъ ржанаго тѣста; на верхъ кладется творогъ.

Печенья: *Сочень*—въ разныхъ мѣстахъ печется различно и имѣетъ различное назначеніе. Въ Сольвычегодскомъ у., напр., ржаную муку замѣшиваютъ густо на водѣ безъ яйца, раскатываютъ въ кружокъ и кладутъ сверху какую бы то ни было начинку. Это самостоятельное кушанье. Или тамъ же сочень исполняетъ должность тарелки: именно на сочни кладутъ кашу и подаютъ на столъ. Въ другихъ мѣстахъ сочень изъ ржанаго тѣста, намазанный масломъ и посыпанный солью зовется *опекишъ*. *Соченькѝ*—тоненькія лепешки,

поджаренныя въ маслѣ. *Шáньга* (слово зырянское, но вошедшее въ употребленіе повсемѣстно) тотъ же сочень изъ ячменной, пшеничной или гороховой муки. *Выгонцáми* зовутся сочни, подаваемые въ концѣ парадного обѣда, дабы дать понять гостямъ, что время выходить изъ за стола.

Блины: овсяная мука замѣшивается жидко на водѣ, или на молокѣ, и изъ этого тѣста пекутся тонкіе блины во всю сковороду. Когда готовы, ихъ обливаютъ топленымъ масломъ а въ постъ ихъ ѣдятъ, обмакивая въ рыжечный разсолъ. Опарныхъ блиновъ не пекутъ.

Олашки дѣлаются различно: то изъ ячменной, то изъ гороховой муки, пекутся на сковородѣ въ видѣ маленькихъ лепешекъ. *Бученыя олашки* — прѣсныя изъ овсяной или пшеничной муки. *Орѣшки* — маленькія олашки изъ ржаной муки съ пахтаньемъ. *Пряженики* или *масленики*—продолговатыя олашки изъ крупитчатой или пшеничной муки на молокѣ или на водѣ; жарятся въ маслѣ.

Сковородники—блинчики изъ ячменной муки, пекутся на сковородкахъ. *Хворосни*—родъ блиновъ на молокѣ и яйцахъ изъ крупитчатой муки, поджариваются въ маслѣ до суха.

Розы—различныя фигурныя печенья изъ крупитчатой муки. *Витушки*—особаго рода крендели изъ крупитчатой муки; свиваются изъ нѣсколькихъ полосъ. *Пѐревитни* — колачики изъ ржанаго тѣста. *Пѣнникъ*—печенье на сковородѣ изъ ржаной муки, замѣшанной на пѣнкахъ, образующихся при вытапливаніи масла.

Каши:

Завáра или *повалúха*—родъ каши, приготовляемой такъ: ставятъ въ печь горшокъ и накаливаютъ его. Затѣмъ насыпаютъ въ него овсяной или ячменной муки и наливаютъ кипяткомъ. Когда прокипитъ, ѣдятъ съ молокомъ или съ масломъ. Вмѣсто муки кладутъ иногда ржаные высѣвки. Мѣстами эту завару ѣдятъ съ тертой рѣдькой, разболтанной въ квасѣ.

Товстая каша изъ ржаной муки, завариваемой въ кипящей водѣ не густо. Ѣдятъ исключительно во время молоченья (Кадник. у.). *Яглая* каша изъ ячменной крупы, развариваемой въ водѣ. *Яблошница* — разваренный и размятый картофель, запеченный въ плошкѣ съ молокомъ и яйцами [1]). *Бурдукъ*-каша изъ ячменной муки, разваренной густо въ водѣ. Почти то же, что заварка (Яренск. у.), *Морковница*—каша изъ мятой моркови съ разными крупами; запекается въ плошкѣ. *Брюковница*—каша изъ брюквы.

Саламатъ—весьма распространенное и любимое кушанье. Молотый ячмень съ мукой и овечьими ошурками (разрѣзанный на кусочки и поджаренный жиръ), обливается масломъ и запекается. Мѣстами же саламатъ—овсяная крупа, разваренная въ горшкѣ и облитая масломъ.

Къ кашамъ можно причислить и слѣдующія кушанья: *печóнка* или *печенúца*—рѣпа или брюква, испеченная въ золѣ. Ѣдятъ съ масломъ или просто съ солью. Или же дѣлаютъ такъ: свѣжую рѣпу кладутъ въ горшокъ и горшокъ опрокидываютъ въ печкѣ кверху дномъ. Такъ онъ стоитъ сутки. Получится *пареница*. Если же эту рѣпу затѣмъ высушатъ, то получится *вѣленица*. Вяленая рѣпа можетъ храниться очень долго, и по мѣрѣ надобности ее развариваютъ, какъ кашу.

Дежéнь или *дежня* приготовляется различно. Въ Кадник. у. овсяную муку размѣшиваютъ въ водѣ густо, до твердости, и поливаютъ сверху жиденькой сметаной. Въ Ни-

[1]) Картофель повсюду въ губерніи зовется яблоками.

кольскомъ у. дежень—простокваша съ толокномъ, въ Сольвычегодскомъ—толокно, размѣшанное съ брусникой [1]).

Посторонняя растительная пища:

Сокъ—камбіальный слой живаго сосноваго дерева, надранный лентами; онъ повсюду въ губерніи употребляется въ пищу. Весной бабы, дѣвки и дѣти, часто и мужики, запасшись туезами, идутъ въ лѣсъ, обнажаютъ дерево отъ коры, надрѣзываютъ лежащій подъ корою слой, пропитанный свѣтлымъ, какъ вода, сладкимъ сокомъ, сдираютъ его лентами, кладутъ въ туеза, уносятъ домой и тамъ лакомятся сами и надѣляютъ другихъ. Пьютъ и березовый сокъ, который собираютъ въ бутылки.

Пестушки или *пистики* — плодоносные стебли полеваго хвоща (Equisetum arvense). Весной, какъ только сойдетъ снѣгъ съ полей, пестушки появляются массами на пашняхъ. Тутъ ихъ собираютъ въ корзины и поѣдаютъ въ сыромъ видѣ. Иногда въ продолженіе всей весны цѣлыя семьи питаются исключительно пестушками за неимѣніемъ хлѣба (Кадник. у.).

Этотъ же самый хвощъ имѣетъ, какъ извѣстно, подземные клубни величиною съ вишню, чернаго цвѣта, внутри же заключается бѣлая сладковатая мякоть, вкусомъ напоминающая орѣхъ. Эти клубни зовутся *земляными орѣшками*. Мѣстами, какъ напр. въ Вельскомъ у., ихъ собираютъ мѣшками, хранятъ и употребляютъ въ пищу, какъ лакомство.

Мучка—молодые цвѣты ели; ихъ собираютъ весною повсемѣстно и ѣдятъ; вкусъ прѣсный, травянистый. Въ Устьсысольскомъ у., гдѣ кедръ произростаетъ обильно, срываютъ молодыя еще мягкія шишки, пекутъ ихъ въ золѣ и ѣдятъ. Прѣсно и терпко; смола завязаетъ въ зубахъ.

Свиные орѣшки—клубни зонтичнаго растенія Chaerophyllum bulbosum. Въ Никольскомъ, Устюгскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-сысольскомъ у., гдѣ это растеніе произрастаетъ обильно на заливныхъ лугахъ, оно выкапывается; клубень (тоже величиною съ вишню) обрѣзывается и съѣдается. Такъ же точно мѣстами выкапываютъ и ѣдятъ клубни весенняго растенія Corydalis solida. Повсемѣстно поѣдаютъ сочные стебли большихъ зонтичныхъ растеній Angelica sylvestris и Heracleum sibiricum, равно и стебель крестоцвѣтнаго Bunias orientalis. Повсемѣстно ѣдятъ въ сыромъ видѣ ягоды черемухи и рябины. Послѣдняя общипывается кистями осенью, когда ее прихватитъ морозомъ и она станетъ сладковатою; связывается бичевкою въ видѣ столба, вѣшается на повѣти и зимою употребляется въ пищу, какъ лакомство. Въ Сольвычегодскомъ у. такія связки рябиновыхъ кистей зовутся *кукшинами*.

Ѣдятъ также растущій по заливнымъ берегамъ рѣкъ и лугамъ дикій лукъ (Allium Schoenoprasum), который въ Устюгѣ зовется дикій вшлвикъ. Это дѣйствительно вкусная приправа къ ухѣ и т. п. На тѣхъ же заливныхъ лугахъ произрастаетъ дикій чеснокъ (Allium angulosum) и въ Сольвычегодскомъ у. въ такомъ изобиліи, что на луга собираются дѣвки изъ ближнихъ и дальнихъ деревень для сбора этого чесноку. Дѣвки эти тамъ зовутся *чесноковками*.

Весною же собираютъ цѣлыми корзинами молодые листья щавеля (Rumex Acetosa) и ѣдятъ ихъ сырыми, особенно дѣти [2]); собираютъ въ лѣсахъ растеніе Oxalis Acetosella,

---

[1]) Слово дежень—зырянское. Узырянъ *дежэнь* —толокно съ квасомъ.

[2]) Почему иногда и болѣютъ рѣзью въ животѣ и даже кровавымъ поносомъ, вѣроятно вслѣдствіе дѣйствія заключающейся въ растеніи щавелевой кислоты.

листья котораго зовутся «кисель», а цвѣты — «молочко» и ѣдятъ, потому что растеніе кислаго вкуса, какъ щавель. Собираютъ и ѣдятъ споровые стебельки маленькихъ папортниковъ Botrychium Lunaria и Botr. rutaefolium. Этотъ послѣдній, принадлежащій къ числу рѣдкостныхъ видовъ въ другихъ губерніяхъ, въ Вологодской произрастаетъ иногда массами на скотскихъ выгонахъ. Народъ зоветъ эти два растеньица *тривкой-муравкой*.

Само собою разумѣется, что такія ягоды, какъ брусника, черника, голубика и морошка поѣдаются въ сыромъ видѣ, какъ говорится, сколько влѣзетъ. Клюкву ѣдятъ мало, поляннку (Rubus arcticus) не ѣдятъ потому, что, какъ ягода весьма цѣнная, она имѣетъ всегда хорошій сбытъ. Ѣдятъ мѣстами и воронику (Empetrum nigrum), не смотря на ея сильное мочегонное свойство [1]).

Животная пища:

Къ холоднымъ кушаньямъ, въ составъ которыхъ входитъ мясо, относится одно: *студни*, приготовляемое изъ ногъ и головы рогатаго скота посредствомъ выварки.

Къ горячимъ: *шти молосныя* (т. е. скоромныя) — наваръ изъ мяса съ капустой и крупой.

Пироги: *мясникъ*—пирогъ съ рубленой говядиной; *рыбникъ*—пирогъ со свѣжей рыбой; *тресковникъ*—пирогъ съ треской или чаще съ палтусомъ и *черевникъ*—пирогъ изъ прѣснаго ржанаго тѣста съ начинкой изъ бараньихъ кишокъ.

Жареное: *жарехой* зовется всякое зажаренное въ плошкѣ мясо. *Середка* или *плечо*—бараній бокъ, начиненный крупой и зажаренный въ маслѣ; *смолость* — жареное коровье вымя; *сальникъ*—мелко изрубленныя и зажаренныя въ салѣ кишки, брюшина, печень и легкія животнаго съ прибавкою яицъ и молока.

Птица, какъ я уже упомянулъ, является за столомъ крестьянина весьма рѣдко; развѣ тамъ, гдѣ сбытъ ея невозможенъ или неудобенъ, или въ ней крайнее обиліе, напр. въ восточныхъ уѣздахъ; здѣсь ѣдятъ тетерекъ и рябчиковъ, и то ихъ не жарятъ, а варятъ.

Уха въ употребленіи только у жителей береговъ большихъ рѣкъ и озеръ, преимущественно у самихъ рыбаковъ.

Яица идутъ въ пищу только какъ приправа, варенымн ихъ не ѣдятъ, иногда впрочемъ пекутъ и очень рѣдко ѣдятъ сырыми, хотя и есть любители. Яйца не признаются питательною пищею, такъ какъ не даютъ желудку ощутительной работы. Крестьянинъ любитъ, чтобы желудокъ былъ, что называется, набитъ, чтобы въ немъ чувствовалась тяжесть, чтобы отрыгалось послѣ принятія пищи [2]).

Запасы пищевыхъ продуктовъ дѣлаются, смотря по состоянію, въ большемъ или меньшемъ количествѣ и разнообразіи. Картофель и другія овощи хранятъ въ земляныхъ ямахъ. или погребахъ, солонину въ погребахъ; говядину вялятъ и развѣшиваютъ на повѣти; грибы (напр. волнушки), посоленные въ кадкахъ и ведрахъ, хранятъ въ погребахъ; хрѣнъ толкутъ и хранятъ въ бутылкахъ; кислую капусту въ кадкахъ на погребахъ же. Свѣжую капусту вялятъ слѣдующимъ образомъ: разрѣжутъ кочень на двѣ или на четыре части, положатъ въ корчагу и поставятъ въ вольную печь, чтобы запарилась. Когда запарится, пластинки

---

[1]) Народныя названія растенія этого—*сика* или *Машка-посикашка*.

[2]) Рыгать послѣ обѣда считается обязательнымъ, особенно въ гостяхъ; безъ этого хозяева будутъ обижены. Рыганіе служитъ признакомъ, что человѣкъ сытъ и если не рыгается, то стараются вызвать отрыжку искусственно. Мужчины рыгаютъ, такъ сказать, басомъ, бабы же выкрикиваютъ, иногда до того громко и рѣзко, что постороннему человѣку, не привыкшему къ этому обычаю, становится жутко.

капусты кладутъ прямо на печной подъ и завяливаютъ. Въ такомъ видѣ капуста сохраняется годъ и болѣе; ее употребляютъ «сухоѣшкой» и холоднымъ кушаньемъ въ квасу.

Пища принимается обыкновенно четыре раза въ день: завтракъ около 5 ч. утра, обѣдъ около 10-ти, паужна около 4 ч. вечера и ужна около 10-ти вечера.

Эти сроки по губерніи вообще измѣнчивы; перемѣны въ нихъ зависятъ отъ времени года, состоянія полевыхъ работъ и, наконецъ, личныхъ достатковъ. Зимою, въ пору сравнительной бездѣятельности, ѣдятъ, напр., и по два раза въ день. За завтракомъ и паужной предпочтительны хлѣбъ и молоко, за обѣдомъ и ужной—щи постныя или мясныя и молоко съ пирогами или хлѣбомъ.

Принимая во вниманіе химическій составъ пищи, можно сказать, что ѣдятъ вообще умѣренно. Обжоры между крестьянами, если они и есть, встрѣчаются какъ исключеніе, или по болѣзни (напр. солитеръ). Многоядущихъ вообще не уважаютъ и смѣются надъ ними. «Гдѣ пирогъ съ крупой, тутъ и мы съ рукой». «Добрался, какъ корова до барды». О хозяйкахъ, пристрастныхъ къ разносоламъ, говорятъ: «Жарила да прягла, себя въ дровни и запрягла», или «сама-то на гущѣ, а любитъ на дрожжахъ». О любящихъ поѣсть хорошо: «хоть и сладко ѣшь, все не лентами выйдетъ».

Народъ имѣетъ понятіе о томъ, что смѣшеніе кушаній и нарушеніе порядка ихъ вредно, есть и разборчивость относительно способа приготовленія и температуры тѣхъ или другихъ яствъ или питій, даже объ удовольствіи имѣть компанію за обѣдомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и поговорки, напр., «всякъ слатенькой пирожовъ любитъ», «каша да щи — хоть ротъ полощи» (т.-е. надоѣдаетъ всегда одно и то же). «Одному и у каши не споро». «Такъ вкусно, что и умъ отъѣшь». «Съумѣемъ съѣсть, было бы къ чему сѣсть». «Холодную похлебку хлебать—что покойника цѣловать». «Эхъ! шти-то какія воложныя (жирныя) — продуть невозможно: такъ пузырья и скачутъ» (т.-е. очень ужъ водянисты). «Языкъ не шубный лоскутъ—разберетъ, что хорошо, что худо», или: «губа не дура, языкъ не лопатка: знаетъ, что горько, что сладко». Хозяйка, если она плохо готовитъ, предупреждаетъ заранѣе: «за скусъ не берусь, а горяченько будетъ», а гости, чтобы не конфузить ее, заявляютъ: «добрые жернова всё мелютъ».

Прѣсныя или недосоленныя кушанья не пользуются почетомъ. На этотъ счетъ говорятъ: «посоли три раза, да разсмѣйся, — впору будетъ». — «Ѣшь солонѣе: и умрешь, такъ не сгніешь». «Присоля хлебнется». «Безъ соли хлебать—что немилова цѣловать».

Почетнымъ угощеніемъ считается рыбникъ въ сопровожденіи водки, саламатъ, овсяный кисель, пряженики, розы, а изъ напитковъ чай и пиво. Самымъ роскошнымъ угощеніемъ считаются бѣлые крупичатые пироги, о бѣдности же свидѣтельствуютъ крупянка и тюря.

Вся семья, т.-е. мужчины, женщины и дѣти ѣдятъ вмѣстѣ, наблюдаютъ только, чтобы не обходить вокругъ стола, когда садятся, во избѣжаніе большой семьи. Каждый членъ семьи придерживается своей ложки, но только въ силу привычки къ ней и ѣсть чужой ложкой не остерегаются.

Негодными и нечистыми считаются животныя не двукопытныя и птицы, не имѣющія перепонки; мотивируется это св. писаніемъ, но соблюдается далеко не вездѣ. Телятъ не ѣдятъ нигдѣ на томъ основаніи, что это «слабая», т.-е. малопитательная и вредная пища.

Зайцевъ не ѣдятъ потому, что у нихъ «собачьи лапки» [1]), а мѣстами не ѣдятъ куриныхъ птицъ, а если и ѣдятъ, то однѣхъ куръ, пѣтуха же ѣсть считается недозволительнымъ.

Изъ рыбъ не ѣдятъ только налимовъ, и то не вездѣ. Налимъ вообще считается принадлежащимъ къ роду «лягушъ». На этомъ же основанiи прежде не ѣли стерлядей, а нынѣ ѣдятъ. Мѣстами не ѣдятъ щуки, но потому собственно, что она, будто бы, производитъ лихорадку. Раковъ ѣдятъ, но не вареными, а пекутъ ихъ живыми на угольяхъ.

Обычая полнаго неупотребленія всего мяснаго, повидимому, не существуетъ нигдѣ. Отъ мясной пищи воздерживаются безусловно лишь во время постовъ—церковныхъ и «обѣщанныхъ», т.-е. соблюдаемыхъ по обѣту, данному напр. по случаю повальной болѣзни на лошадей и на скотъ.

Итакъ, повторю еще разъ, что основная пища вологодскаго крестьянина—ржаной хлѣбъ и пирожное печеніе—трясеничное [2]) и яичное, второе по важности мѣсто занимаютъ всякія овощи [3]), затѣмъ уже слѣдуетъ мясная пища—принадлежность людей богатыхъ и случайная у бѣдныхъ.

Голодные годы хотя и бывали въ губерніи, но голодъ никогда не доходилъ до такой степени, чтобы народъ прибѣгалъ къ употребленію въ пищу животныхъ, птицъ и растеній, не употребляемыхъ въ обыкновенное время. Поѣданіе сосноваго сока и стеблей зонтичныхъ растеній объясняется просто недостаткомъ сахара въ пищѣ, особенно дѣтской; поѣданіе щавеля недостаткомъ кислой пищи. Есть разсказы изъ иныхъ мѣстъ, будто люди во время голода питались соломой и мхомъ, но эти разсказы не заслуживаютъ довѣрія. При недостаткѣ хлѣба ѣдятъ «пестушки», но и то лишь мѣстами и рѣдко. Въ неурожайные годы усиливается отходъ народа на сторону—и только.

Напитки: Квасъ приготовляется изъ ржаного солода. Солодъ варятъ, кладутъ въ квасникъ, разводятъ водой и даютъ закиснуть. *Катный* квасъ приготовляется изъ дробинъ, т. е. остатковъ при варкѣ пива.

Пиво приготовляется изъ солода, сусла и хмеля. Сусло варятъ въ корчагахъ (корчажное пиво) или въ чанахъ; въ послѣднемъ случаѣ вода въ чанахъ нагрѣвается посредствомъ каленыхъ камней [4]). Сусло спускаютъ въ кадки, остуживаютъ и кладутъ хмель. Сусло съ хмелемъ долго кипятятъ камнями и опять остуживаютъ. Этой смѣси берется немного для дрожжей. Когда дрожжи начнутъ дѣйствовать, ихъ выливаютъ въ чанъ и даютъ «выходить». Затѣмъ пиво *складываютъ*, т. е. освобождаютъ отъ хмеля и другихъ частей и разливаютъ въ бочки. Второй сортъ пива, получаемый вторичнымъ наливомъ воды, зовется

---

[1]) Собака повсемѣстно считается животнымъ сквернымъ, нечистымъ. Собакъ никогда не держатъ въ избахъ: онѣ животныя дворовыя и уличныя. Собака можетъ войти въ избу только на время и если дѣти начнутъ играть съ ней, мать закричитъ: брось, бяка! (т.-е. гадость). Молиться черезъ собаку (т.-е. если она лежитъ между молящимся и иконой) считается грѣхомъ, а люди набожные и вовсе не станутъ молиться, если собака находится въ комнатѣ. Надъ пристрастіемъ къ собакамъ народъ смѣется: „въ собачникахъ да въ кобылятникахъ спокопъ вѣку пути не было“.

[2]) Мука „тресенецъ“ или „смѣшица“ получается такъ: берутъ ячменю и овса по равной части, обдираютъ и тотъ и другой и опихиваютъ на мельницѣ, тутъ же провѣиваютъ, прибавляютъ двѣ части ржи или пшеницы, все ссыпаютъ вмѣстѣ и мелютъ. Изъ этой муки и приготовляется трясеничное печеніе, напр. олашки.

[3]) Среди овощей картофель играетъ весьма незначительную роль. Разведеніе картофеля прививается вообще туго; оно существуетъ болѣе въ Вологодскомъ уѣздѣ, и то картофель на $^9/_{10}$ добытаго количества идетъ въ продажу въ Вологду, Грязовецъ и Кадниковъ. Какъ всѣ иноземныя растенія, картофель не пользуется расположеніемъ. Онъ отродился изъ песьяго яйца.

[4]) Камни накаливаютъ не въ печкѣ, а въ полѣ. Для этого нарубятъ кряжей, поставятъ ихъ пирамидой вокругъ кучи камней и зажгутъ.

другодань или *полосканецъ*, или же *брюходуй*. Искусствомъ варить пиво славятся жители Кокшенги.

Сулой—напитокъ, приготовляемый изъ овсяной муки, разболтанной въ водѣ; его пьютъ послѣ ужина.

Чай пьютъ всѣ, кому только средства позволяютъ завести самоваръ и покупать чай и сахаръ. Настоящаго кофе не пьютъ, а вмѣсто него жженый и молотый ячмень.

Пьянство въ средѣ мужчинъ очень распространено, что же касается женщинъ, то онѣ или не пьютъ вовсе или тайкомъ, но мѣстами (напр. въ деревняхъ, окружающихъ Кадниковъ и Никольскъ) пьютъ наравнѣ съ мужчинами и открыто. Мужчины начинаютъ пить водку съ отроческаго возраста. Кромѣ водки, никакихъ одуряющихъ напитковъ народъ не употребляетъ.

Куреніе табаку распространено повсемѣстно; нюханье весьма ограничено. Женщины нигдѣ и никогда не курятъ и не нюхаютъ,—это считается верхомъ распущенности.

При питьѣ воды или квасу говорятъ молитву: «во имя О. и С. и св. Духа» или «Господи благослови», при этомъ непремѣнно дуютъ на питье, чтобы отогнать нечистаго духа. При питьѣ вина приговариваютъ: «пей винцо, какъ суслицо» или «огородъ городятъ—поколачиваютъ, а винцо пьютъ—поговариваютъ». Иногда обращаются къ хозяйкѣ, особенно вдовѣ, съ такою шуткой: «кума, кума, сойди съ ума, купи вина, напой меня». Выпивъ, говорятъ: «горько-то горько, да еще бы столько». Или говорятъ въ шутку еще такъ: «Поднесешь винца, такъ прибудетъ ума у молодца, какъ дашь пива—надѣлаю дива, а какъ дашь воды, такъ натворю бѣды».

Относительно питья и пьянства употребительны слѣдующія пословицы и поговорки: «Видно, съ легкой руки, пошли въ моду кабаки».—«И хорошій пьяница безъ денегъ уставится» (т. е. если нѣтъ денегъ, то и пропоица перестанетъ пить). «Какъ ни бился, а къ вечеру напился».—«Молодъ былъ, въ кабакъ ходилъ, а старъ сталъ—въ кабакѣ и спалъ». «Одинъ пьяница умретъ, десять новыхъ родятся». «Отцы были глупцы, а дѣти стали молодцы» (т. е. пьяницы). «Пьяному Богъ опекунъ». «Пьяному море по колѣно, а лужа по уши». «Пьешь—губы слипаются, а выпьешь—ноги подгибаются» (говорится въ похвалу хорошему пиву). «Ужъ не то мое Танькино сердце, чтобы сарафана не пропить». «Частыя пирушки выводятъ полушки». «Пьяненекъ, такъ не бѣдненекъ».

Когда пьютъ за чье нибудь здоровье, то приговариваютъ: «много лѣтъ здравствовать!» «Будь здоровъ!» «Жить, не стариться!» «Кушай на здоровье!»

III.

Бытъ и занятія: хлѣбопашество, охота, рыболовство.—Повѣрья, сопряженныя съ этими занятіями.—Уходъ за домашними животными.—Отхожіе и ручные промыслы.—Мѣра, счетъ.

Главное занятіе великорусскаго племени Вологодской губерніи—хлѣбопашество.

Изъ хлѣбныхъ растеній сѣютъ: рожь, пшеницу, ячмень и овесъ.

Крайніе сроки посѣва и уборки хлѣбовъ различны, вслѣдствіе разности климатическихъ условій губерніи. Можно отмѣтить нѣкоторые пункты. Такъ: около Кадникова (Нодима)

посѣвъ яровыхъ ок. 9 мая, озимыхъ ок. 20 іюля, уборка ржи ок. 20 іюля, а овса ок. 15 августа. По средней Кубенѣ посѣвъ яровыхъ ок. 15 мая, озимыхъ ок. 1 августа, а уборка ок. 20 сентября. Въ верховьяхъ Кубены (Тройчина) посѣвъ яровыхъ съ 9 по 25 мая, озимыхъ съ 10 по 20 іюля, жатва съ 1 по 25 августа. Въ Сольвычегодскомъ у. посѣвъ яровыхъ со 2-й половины мая, а озимыхъ съ 1-й половины августа. Въ Удорской области, Яренскаго у., жатва не ранѣе первыхъ чиселъ августа, да и то хлѣбъ выжинаютъ зачастую недозрѣлымъ и развѣшиваютъ для дозрѣванія и просушки на прясла—перекладины между особыми столбами, вкопанными въ землю.

Что касается обработки почвы, то можно привести наблюденія спеціалиста [1]) относительно Тотемскаго у. Наблюденія эти примѣнимы болѣе или менѣе и къ прочимъ уѣздамъ западной половины губерніи.

«Обработка почвы подъ посѣвы производится довольно тщательно; особенно внимательно относятся крестьяне къ паровой обработкѣ — какъ на поляхъ, такъ и по запольямъ. Если паровое поле предназначается подъ посѣвъ озимаго, то обработку его производятъ слѣдующимъ образомъ: первый разъ поднимаютъ паръ на полную глубину (до 3—4 верш.), вскорѣ послѣ посѣва яровыхъ; затѣмъ, когда пашня начинаетъ заростать сорными травами, что бываетъ приблизительно въ половинѣ іюня мѣсяца, ее боронятъ, унаваживаютъ, навозъ мелко запахиваютъ, боронятъ вторично и оставляютъ въ такомъ видѣ до посѣвной вспашки, которая обыкновенно производится во второй половинѣ іюля, за 1—2 недѣли до посѣва. Посѣвъ задѣлываютъ боронами. Обработка той части пара, которая предназначается подъ «пирожные» хлѣба (яров. пшеница, ячмень), производится такъ же, какъ и подъ озимый хлѣбъ, съ тѣмъ только различіемъ, что третій разъ пашутъ подъ зиму и въ такомъ видѣ оставляютъ поле до весны слѣдующаго года, когда оно боронится, еще разъ вспахивается и затѣмъ подъ борону засѣвается ячменемъ или яровой пшеницей.

Обработка пара по запольямъ производится такъ же тщательно, какъ и на поляхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что навозъ не вывозятъ, а ограничиваются лишь многократной перепашкой поля (до 3—4—6 разъ); подъ озимый хлѣбъ паръ перепахивается до 4—6 разъ и даже больше, подъ яровой—ограничивается меньшимъ числомъ вспашекъ—до 3—4.

Менѣе тщательно пашутъ навозныя поля, предназначенныя подъ яровой посѣвъ; обыкновенно ограничиваются лишь одной вспашкой не задолго передъ посѣвомъ, причемъ подъ ячмень иногда кладутъ навозъ, чаще въ видѣ поверхностнаго удобренія.

Если посѣвъ льна производится въ пару, тогда обработку послѣдняго нѣсколько видоизмѣняютъ, а именно: навозъ вывозятъ подъ первую вспашку, потомъ сѣютъ ленъ, по уборкѣ льна пашутъ вторично подъ зиму, и затѣмъ весною слѣдующаго года еще разъ пашутъ и сѣютъ подъ борону ячмень или яровую пшеницу.

Никакихъ предохранительныхъ мѣръ при посѣвѣ хлѣбовъ и посадкѣ овощей не принимается. Чтобы картофель не гнилъ, его «огребаютъ» (окучиваютъ) и гряды «чистятъ» (полютъ) два раза—при всходѣ и на цвѣту ботвы. Такъ же точно ничего не предпринимаютъ противъ хлѣбныхъ червей, жучковъ на хлѣбныхъ поляхъ. Въ Вологодскомъ у., отъ крысъ мажутъ засѣки дегтемъ или же посыпаютъ въ норы толченое стекло, тоже самое и на гумнахъ; сыплютъ иногда толченое стекло и на гряды, какъ предохранительное средство отъ кротовъ и слизней.

---

[1]) Загорскій: „Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія полевой культуры у крестьянъ Тотемскаго у.“ 1885 г.

Разнаго рода хлѣба убираются исключительно ручною работой; хлѣбные злаки жнутъ, траву косятъ, ленъ дергаютъ, также и коноплю; хлѣбныя и другія растенія тотчасъ связываютъ. Вяжутъ, жнутъ, косятъ одни и тѣ же лица. Мужчины преимущественно обираютъ хлѣба съ поля въ одрецѣ на лошадяхъ и вѣютъ его, а жнутъ и дергаютъ преимущественно женщины.

При жатвѣ становятся такъ, чтобы вѣтеръ гнулъ колосья въ противоположную отъ работающихъ сторону, если же жнитво поляжетъ, свалится, то жнутъ его по направленію слежки. Мѣстами (Кадник. у.) предпочитаютъ убирать слишкомъ спѣлый хлѣбъ «съ росою», мѣстами же (Вологод. у.) убираютъ обязательно сухой хлѣбъ.

Кормовыхъ травъ нигдѣ въ губерніи не сѣютъ, если не считать опытовъ посѣвки клевера въ южныхъ уѣздахъ.

Сельско-хозяйственныя орудія употребляются слѣдующія:

Соха, состоящая изъ рогаля (иначе болозны), кичиги, росохи, двухъ сошниковъ и сошной вицы. Рогаль состоитъ изъ двухъ ручекъ; къ нему прикрѣплены оглобли и росоха; росоха къ землѣ имѣетъ два широкихъ, заостреныхъ, растопыренныхъ пальца, на которые накладываются желѣзные сошники; росоха укрѣпляется сошною, черемховою вицею. Кичига--широкая, овальная доска, укрѣпленная съ правой стороны росохи у сошниковъ; она отваливаетъ и разрыхляетъ землю. Оглобли, кичига, рогаль и росоха дѣлаются изъ березы. Въ Тотемскомъ у. соха-чертежникъ—съ двумя лемехами, употребляется для перепашки полей.

Необходимая принадлежность сохи—сохарь. Это деревянный бадогъ, который подкладываютъ подъ соху, когда возвращаются съ поля послѣ-паханія, для того чтобы ральники не волочились по землѣ. Это въ Сольвычегодскомъ у. Въ Кадниковскомъ и Вологодскомъ подъ соху подкладываютъ треугольникъ, называемый *волокá*.

Борона состоитъ изъ пластинокъ два аршина въ длину и вершокъ въ ширину съ природными («тутошными») сучками, четверти въ полторы длиной каждый. Концы пластинокъ на разстояніи другъ отъ друга съ вершокъ вдолблены въ поперечные бруски; вся борона состоитъ изъ 8 пластинокъ или рядовъ съ сучками.

Борону-суковатку при работѣ волокутъ на веревкѣ, привязанной къ углу бороны, обыкновенная же борона со вставными зубцами возится иначе. Именно, къ угламъ бороны прикрѣпленъ двумя концами прутъ, называемый *бараномъ*. По барану ходятъ два кольца, а къ кольцамъ въ свою очередь прикрѣпленъ *олукъ*—согнутый дугою ивовый прутъ, въ который, какъ въ оглобли, запрягается лошадь.

Молотило состоитъ изъ ручки (называющейся каткой или каткомъ) съ трубкою на одномъ концѣ; въ трубкѣ укрѣпляется *путецъ* (или путцо) сыромятный или моржовый ремень, на путцѣ же держится батогъ черемховый или рябиновый.

Вилы наземныя (т. е. навозныя) имѣютъ видъ столовой вилки.

Наземный крюкъ (въ Сольвыч. у. называемый *собакой*) служитъ для сгребанія съ телѣги и разбрасыванія навоза по полосѣ.

Лопата-віалка—отличается отъ обыкновенной выемкою на лопасти. Служитъ для подкидыванія зеренъ при вѣяньѣ.

Грабли частыя—для огребанія сѣна и *рѣдкія* для сгребанія колосяницы съ посада во время молоченья.

Удобреніе употребляется какъ отъ рогатаго скота, такъ и отъ лошадей. Конскій навозъ, какъ болѣе сильный, идетъ подъ пшеницу и ячмень.

Огородничество вообще въ губерніи распространено очень мало, хотя «про себя» у каждаго хозяина есть огородецъ при домѣ. Тутъ садятъ огурцы, капусту, рѣдьку, морковь, свеклу, брюкву, укропъ, сахарный горохъ, бобы, макъ, коноплю и хмель.

Въ деревняхъ Вологодскаго у. по южному берегу Кубенскаго озера въ прежнія времена разведеніе яблоней было весьма распространено, но, вслѣдствіе вліянія двухъ или трехъ крайне суровыхъ зимъ, большинство деревьевъ погибло и производство упало. Однако и въ настоящее время яблоновые садики существуютъ во многихъ деревняхъ Грязовецкаго и Вологодскаго уѣздовъ.

Около строеній садятъ черемуху, рябину и березу преимущественно, но только по привычкѣ къ этимъ деревьямъ, а не въ силу какихъ либо повѣрій. Осину же не садятъ близь строеній по слѣдующему повѣрью: когда высшій ангелъ съ соблазненными имъ низшими были низвергнуты Богомъ съ неба на землю за ихъ гордость, то всѣ деревья кромѣ осины пригнулись къ землѣ, на осину же сѣлъ высшій ангелъ — Сатана и низшіе — бѣсы. Осина этого испугалась и задрожала. Осина вообще считается въ народѣ деревомъ нечистымъ и не употребляется ни на какія постройки, исключая подволоки (потолка) въ овинахъ, такъ какъ она крѣпка и не трескается.

Въ огородахъ для охраненія овощей отъ птицъ ставятъ чучела или пугала. Лукъ закрываютъ соломой, соломой же окутываютъ на зиму яблони, которыя поменьше.

Здѣсь умѣстно будетъ привести различные обряды и повѣрья, относящіеся къ полевымъ работамъ.

Счастливыми днями для посѣва признаются понедѣльникъ и четвергъ. Въ Кадниковскомъ у при посѣвѣ озимаго не ѣдятъ ничего, чтобы червь не съѣлъ озими. Къ разсѣваемымъ зернамъ примѣшиваютъ толченую просфору, или же въ цѣльномъ видѣ кладутъ ее въ сѣльницу (лукошко, изъ котораго сѣютъ).

Яровой хлѣбъ сѣютъ, пока еще листья на деревьяхъ не совсѣмъ распустились. При этомъ замѣчаютъ: если посѣять до Діонисіева дня (1 іюня), то жито выспѣетъ, а послѣ— не выспѣетъ. Если Великимъ постомъ хвойныя иглы валятся подъ деревья, то ячмень и пшеница будутъ хороши, а если отлетаютъ въ сторону, то не уродятся.

При посѣвѣ озимоваго молятся Борису и Глѣбу и стараются посѣять, если можно, въ ихъ день (18 авг.), такъ какъ они сами были сѣятели. Потому и поговорка: «коли сѣять на Бориса и Глѣба, то народитъ Богъ хлѣба».

Когда работникъ отправляется жать, то идетъ не черезъ отводъ, а пролѣзаетъ сквозь изгородь и притомъ такъ, чтобы верхняя жердь коснулась его спины. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы спина не болѣла отъ долгой работы въ наклонку. Когда срѣжутъ первый пучекъ колосьевъ, обвязываютъ его вокругъ поясницы и такъ жнутъ весь первый день. Въ другихъ мѣстахъ первый пучекъ женщины просто затыкаютъ за поясъ.

Праздникъ жатвы зовется *кружокъ*. Когда кончатъ жать овесъ, то жарятъ саламатъ. Въ Кадник. у. по окончаніи жатвы ржи катаются по землѣ и говорятъ: жнива ты жнива, отдай мою силу на овсяную жниву».

Двуколосные стебли, находимые иногда въ полевыхъ хлѣбахъ, зовутся *спорыньёй*. Ихъ уносятъ домой и кладутъ сперва къ образамъ, потомъ хранятъ въ сусѣкѣ, чтобы хлѣбъ былъ спорѣе. Про двуколосные стебли говорятъ, что они сберегаютъ и размножаютъ хлѣбъ.

По окончаніи жатвы овса оставляютъ обыкновенно на послѣдней полосѣ часть овса (съ одинъ снопъ) несжатой. Къ концу жнитва вся семья приходитъ дожинать полосу, храня при этомъ гробовое молчаніе и оставляя несжатыми нѣсколько стеблей, которые беретъ старшій въ семьѣ, закручиваетъ ихъ и, не срывая, говоритъ: «вотъ тебѣ, Илья, борода, а ты пой и корми моего добраго коня». Въ другихъ же мѣстахъ приговариваютъ такъ: «вотъ тебѣ, Илья, борода, а намъ хлѣба вороха. Нонѣ былъ урожай хорошъ, а на прокъ лучше того». Затѣмъ все сжатое связывается въ одинъ снопъ, который приносится домой. Этимъ снопомъ выгоняютъ мухъ, говоря: «кыште, мухи, вонъ, хозяинъ пришелъ въ домъ!» [1]). Потомъ снопъ ставится подъ икону Флора и Лавра. Здѣсь онъ стоитъ до Покрова и, наконецъ, его скармливаютъ лошадямъ и коровамъ, «закармливаютъ» имъ скотину.

Когда молотятъ послѣдній овинъ, то говорятъ: «сегодня овинъ именинникъ»; пекутъ пироги, иногда варятъ пиво.

Въ Кадниковскомъ у. въ Егорьевъ день утромъ каждый домохозяинъ приноситъ въ домъ чашку ржи; въ рожь ставитъ икону Георгія, передъ иконой зажженную свѣчу и съ нею вербу, за кушакъ затыкаетъ топоръ, беретъ въ руки чашку съ рожью и обходитъ съ нею свой домъ три раза. Затѣмъ эта рожь относится въ церковь и отдается въ пользу причта, а вербу дѣти бросаютъ въ рѣку. Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда изъ каждаго дома приносятъ въ церковь по лукошку ржи и овса; священникъ окропляетъ этотъ хлѣбъ водою. Рожь и овесъ оставляются въ пользу церкви, но каждый владѣлецъ лукошка беретъ изъ него горсточку и этими освященными зернами начинаетъ посѣвъ.

Льноводство почти всецѣло дѣло бабье. Засѣваютъ ленъ, впрочемъ, работники. Отправляясь засѣвать ленъ, казакъ (работникъ) беретъ съ собою яйцо и передъ началомъ посѣва подбрасываетъ яйцо кверху и говоритъ: «рости ленъ столь высокъ, какъ яйцо вылетѣло (т. е. взлетѣло) и столь гладокъ и чистъ».

Осенью, когда выдергаютъ и постелютъ ленъ, на краю стлища дѣлаютъ изо льна кружокъ, называемый *зеркальцемъ*, и говорятъ: „батюшка, ленокъ, лежи, да глядись"; при этомъ щелкаютъ изо всей силы въ ладоши, чтобы такъ же ленъ хлопалъ о трепало.

Горохъ приносится въ церковь для освященія 6-го августа; до этого дня гороху не ѣдятъ. У кого же болятъ зубы, тотъ не ѣстъ гороху до 3-го Спаса, отъ этого боль прекратится.

2. Охота и рыболовство. Охота и рыболовство—промыслы весьма развитые въ лѣсныхъ и орошаемыхъ большими рѣками уѣздахъ губерніи, въ особенности среди зырянъ. Тутъ эти промыслы составляютъ главное занятіе жителей. Желающимъ ознакомиться подробно съ зырянской охотой, можно рекомендовать сочиненіе Гофмана «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой», я же ограничусь перечисленіемъ и краткимъ описаніемъ тѣхъ ловушекъ на звѣрей и птицъ и рыболовныхъ снарядовъ, которые употребляются великорусскимъ населеніемъ губерніи.

Въ юго-западныхъ уѣздахъ охота не составляетъ промысла. Охотятся только въ свободное отъ другихъ занятій время, такъ сказать, на удачу и притомъ болѣе крестьяне подгородныхъ деревень, такъ какъ убитую птицу или зайца всегда можно сбыть въ городѣ. Сами же крестьяне какъ дикихъ птицъ, такъ и зайцевъ не ѣдятъ. Въ лѣсныхъ уѣздахъ: Вельскомъ, Тотемскомъ, Никольскомъ, Устюгскомъ и Сольвычегодскомъ охота является уже

[1]) Отсюда, вѣроятно и поговорка: «баба въ избу—мухи вонъ!»

важнымъ занятіемъ, подспорьемъ въ хозяйствѣ, а у многихъ—промысломъ, хотя цѣлыми обществами охота нигдѣ не производится. Предметы охоты слѣдующіе:

Пушные звѣри: медвѣдь, волкъ, лисица, куница, выдра, горностай, рысь, росомаха, заяцъ, бѣлка. Бобровъ и соболей въ губерніи болѣе не встрѣчается: они уничтожены. Для шкуры и для роговъ бьютъ оленей и лосей.

Птицы: рябокъ (рябчикъ), полевикъ (тетеревъ), разныя породы куликовъ, утки, гуси, лебеди. Мѣстами, напр. подъ Вологдой, развита ловля пѣвчихъ птицъ для продажи въ городѣ любителямъ. Птицы эти: соловьи, зяблики, клесты, снѣгири, синицы.

Медвѣдей въ губерніи водится очень много и они причиняютъ крестьянскому хозяйству громадные убытки, но систематическаго истребленія этого звѣря нигдѣ не предпринимается. Медвѣдей бьютъ отдѣльные охотники, да мѣстами устанавливаютъ снаряды для ловли этого звѣря — и только. То же самое надо сказать и о волкахъ. Народъ отличаетъ два сорта медвѣдей: *пакостникъ* и *травникъ* или *овсяникъ*. Первый, кромѣ растительной пищи, свойственной этому животному по природѣ, питается и мясомъ задранныхъ имъ животныхъ, второй исключительно растительною пищею: травою, овсомъ, малиною или же добываетъ изъ муравьищъ куколки, разыскиваетъ медъ и т. п.

Охотники бьютъ медвѣдя пулей, вытравляя его зимой изъ „верлоги“ или же, весною, ставятъ въ лѣсу *кулёму*. Кулемой зовется треугольникъ, сколоченный изъ бревенъ съ тяжелыми кряжами наверху. Треугольникъ ставится въ наклонномъ положеніи и подпирается пружкомъ: къ вершинѣ его привязывается кусокъ мяса. Медвѣдь, потянувъ за мясо, спускаетъ пружокъ, треугольникъ падаетъ и убиваетъ его [1]). Мѣстами (какъ напр. въ Сольвыч. у.) охотникъ устраиваетъ *лабазъ*—примостъ на деревѣ, не высоко отъ земли, куда забирается на ночь съ ружьемъ и поджидаетъ звѣря.

Другихъ звѣрей ловятъ въ *клепсу* (клепцы, клепь) — желѣзныя дуги съ пружиной, куда звѣрь попадаетъ лапой. Волковъ стрѣляютъ изъ ружей, ловятъ на поросенка или собаку (рѣдко), роютъ для ловли ихъ ямы, наконецъ отравляютъ стрихниномъ. Не смотря на довольно ревностное истребленіе этихъ животныхъ, они бродятъ по зимамъ около деревень и городовъ огромными стаями, а лѣтомъ въ одиночку хватаютъ овецъ, жеребятъ.

Менѣе крупныхъ звѣрей ловятъ въ петлю. Петля скручивается изъ конскаго волоса и привязывается къ концу длинной жерди. Жердь втыкается однимъ концомъ въ землю и сгибается дугою, петля же прикрѣпляется къ землѣ двумя пружинами. Звѣрь попадаетъ въ петлю, пружины отскакиваютъ, жердь выпрямляется и петля затягиваетъ животному шею.

Рябчиковъ рѣдко стрѣляютъ, а ловятъ въ *слопъ* или *слопецъ*, волосяную петлю, которая ихъ давитъ. Такіе слопцы ставятся въ лѣсу во множествѣ, а приманкой служитъ рябина. Вынувъ рябчиковъ изъ петель, охотникъ кладетъ ихъ въ кучу и въ эту кучу пускаетъ зарядъ дроби для того собственно, чтобы покупатели приняли ихъ за стрѣляныхъ [2]).

Тетерокъ ловятъ на ихъ «порхалищахъ», т. е. на тѣхъ мѣстахъ, куда онѣ слетаются во множествѣ, тетеревей на токахъ; на тѣхъ и на другихъ ставятъ силки, называемые *пленками*. Утокъ стрѣляютъ, но чаще ловятъ въ разнаго рода силки, напр. въ Сольвы-

---

[1]) Снарядъ этотъ заимствованъ отъ зырянъ; у нихъ онъ зовется такъ же. Куломъ по зыр.—смерть.

[2]) Замѣчу кстати, что скупщики и продавцы рябчиковъ отдѣляютъ особенно крупныхъ и продаютъ ихъ дороже подъ именемъ кедровиковъ, на томъ будто бы основаніи, что эти рябчики питаются кедровыми орѣхами. Это несправедливо. Рябчикъ питается исключительно ягодами и по устройству своего клюва никогда не можетъ достать орѣха изъ шишки, а тѣмъ болѣе раскусить его.

чегодскомъ у. въ *плѣницу*. Плѣница устраивается очень просто: въ дно рѣки или курьи втыкаются два колышка и стягиваются сверху шнуркомъ. На шнурокъ вѣшаютъ волосяныя петли, въ которыхъ утка и запутывается.

Мелкихъ птицъ ловятъ въ *дупельки* и въ *тайники*. Дупелька это обыкновенное лукошко, закрытое крышкой. Въ боку его дѣлается маленькое отверстіе съ дверкой на петелькахъ. Къ верхнему углу дверки привязывается шнурокъ, который проходитъ сквозь дырку наружу лукошка и натягивается привязаннымъ къ другому концу его камнемъ. Между краемъ дверки и внутренней стѣнкой лукошка вставляется жердочка, которая держитъ дверку полуотворенною. Въ такомъ видѣ дупелька вѣшается на дерево, а внутрь ея кладется приманка. Птица сядетъ на жердочку, вытолкнетъ ее и дверка захлопнется.

Тайникъ представляетъ два полукруглыхъ прута прикрѣпленныхъ къ третьему такъ, что онъ служитъ имъ осью вращенія. На полукруги натягивается нитяная сѣтка. Тайникъ устанавливается такимъ образомъ, что одинъ полукругъ лежитъ на землѣ, а другой стоитъ къ нему наклонно. На нижній кладется приманка, а къ серединѣ верхняго полукруга привязывается длинная нитка, которую птицеловъ держитъ въ рукѣ, спрятавшись гдѣ нибудь неподалеку. Когда птица сядетъ на приманку, онъ отпускаетъ нитку; тогда верхняя сѣтка падаетъ и закрываетъ птицу.

При многихъ способахъ охоты на звѣрей и на птицъ очень важную роль играетъ хорошая собака. Собаки дрессируются на охотѣ, привыкая постепенно къ своему дѣлу. Особенной понятливостью и чутьемъ отличается порода такъ наз. русскихъ собакъ; съ ними исключительно охотятся на бѣлокъ, тогда какъ на медвѣдя, лисицу, зайца, утокъ употребляются и другія породы. Бѣличьи собаки очень цѣнятся, однако обращеніе съ ними довольно плохое. Крестьяне ихъ рѣдко кормятъ, какъ и вообще прочихъ своихъ собакъ, и предоставляютъ самимъ отыскивать себѣ пищу.

Собаку привораживаютъ къ себѣ такъ: берутъ кусокъ хлѣба и обводятъ имъ вокругъ себя и собаки трижды, а потомъ хлѣбъ отдаютъ собакѣ.

Какъ уже было сказано, крестьяне сами не ѣдятъ зайцевъ, а ловятъ ихъ въ петли, называемыя *говитаномъ* ради шкурки; мясо же продаютъ въ городъ или скармливаютъ собакамъ. Заяцъ является предметомъ многихъ повѣрій и суевѣрныхъ обычаевъ. Когда весною плывутъ на плотахъ или на баркахъ и увидятъ на берегу зайца, то не указываютъ на него и не говорятъ ничего, потому что слово *заяцъ* непремѣнно вызоветъ несчастіе: судно разобьется или сядетъ на мель. Когда ставятъ ловушки на зайцевъ, то перваго зайца отпускаютъ на волю, для того чтобы потомъ ловъ былъ удачный.

Если осенью появится много бѣлки или какой другой дичи, то говорятъ: «это нашъ лѣшій выигралъ у другаго», а если дичи появилось мало, то говорятъ, что лѣшій проигралъ дичь.

Вологодская губернія, какъ весьма обильная текучими и стоячими водами, отличается и обиліемъ и разнообразіемъ породъ рыбъ и развитіемъ рыболовнаго промысла. Медленно текучія и стоячія воды безчисленныхъ озеръ югозападной части губерніи не заключаютъ въ себѣ породъ, отличныхъ отъ живущихъ въ рѣкахъ и озерахъ средней Россіи (исключая нельмушки, обитательницы Кубенскаго озера); здѣсь тѣ же лещи, язи, сиги, судаки, налимы, что и вездѣ, но быстро текущія рѣки среднихъ и восточныхъ уѣздовъ производятъ нѣсколько превосходныхъ по качеству породъ. Въ Сухонѣ, Двинѣ, Вычегдѣ, Печорѣ и

ихъ многочисленныхъ притокахъ водится стерлядь, семга, харіузъ, а озера Усть-сысольскаго уѣзда доставляютъ карасей до 8 ф. вѣсомъ.

Ловля рыбы удочкой очень мало распространена въ средѣ крестьянскаго населенія. Въ средѣ крестьянъ удильщики извѣстны лишь въ одномъ мѣстѣ губерніи, именно въ селѣ Рабангѣ, Вологодскаго у., притомъ удильщики не съ берега, а «съ кола». Въ дно рѣки (Сухоны) вбивается колъ, къ нему привязывается лодка и съ этой лодки удятъ рыбу. Наживкой служитъ или *изуръ*—обыкновенный дождевой червякъ, или *животъ*—какая ниб. маленькая рыбка, или *подпаль*—ракъ въ періодѣ линянія или, наконецъ, *метлякъ* (Palingenia horaria). Годами это послѣднее насѣкомое появляется тучами, какъ саранча, тогда его ловятъ, высушиваютъ въ прокъ и, передъ тѣмъ какъ ловить рыбу, набиваютъ имъ мѣшечекъ или сѣточку и опускаютъ въ воду для привлеченія рыбы, которая къ метляку вообще весьма пристрастна.

Въ небольшихъ рѣкахъ и рѣчкахъ весьма распространена ловля рыбы посредствомъ загораживанья кольями, которые вбиваются въ дно рѣки отъ берега до берега и переплетаются лапникомъ, т. е. еловыми вѣтвями. Эта загородка зовется *заѣзкомъ*. Въ серединѣ заѣзка оставляется отверстіе, называемое *воротами*. Здѣсь укрѣпляются *морды* или другіе снаряды, имѣющіе въ разныхъ мѣстахъ различное устройство и названія. Напр. въ Сольвычегодскомъ у. морда есть мѣшокъ, связанный изъ нитокъ. Онъ натягивается на квадратъ изъ ивовыхъ прутьевъ и распирается дугами, чтобы не спадался. Въ него вставляется *языкъ* — другой мѣшокъ съ отверстіемъ на концѣ. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ морда плетется изъ ивовыхъ прутьевъ и имѣетъ видъ усѣченнаго конуса. Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда ивовая морда зовется *курдюмомъ*, въ Никольскомъ у. *жакомъ*.

Вродѣ заѣзка перегородка черезъ рѣку въ другихъ мѣстахъ зовется *запоромъ*. Тутъ въ воротахъ, черезъ которыя вода стремится съ особенною силою, уставляются *сурпы* и другіе снаряды. Сурпа представляетъ длинный мѣшокъ изъ ивовыхъ прутьевъ и отверстіемъ (твориломъ) смотритъ кверху рѣки; рыбу заноситъ въ турпу теченіемъ и выйти обратно она не можетъ просто вслѣдствіе напора воды.

Кинга и *фитиль*—снаряды довольно сложнаго устройства, оба Сольвычегодскаго у. Кинга состоитъ изъ творила, т. е. рамы изъ прутьевъ, къ которой прикрѣпленъ пирамидальный мѣшокъ изъ прутьевъ же съ отверстіемъ внизу (горло). Мѣшокъ (языкъ) входитъ въ *матицу*, изъ прутьевъ же сплетенный ящикъ, въ нижней стѣнкѣ котораго сдѣлано отверстіе (горлышко), затыкаемое сѣномъ. Рыба входитъ въ языкъ и черезъ горло его въ матицу, гдѣ и остается, затѣмъ, по вынутіи кинги изъ воды, вытряхивается черезъ горлышко.

Фитиль вяжется изъ нитокъ и имѣетъ видъ большаго круглаго мѣшка, распертаго кольцами изъ прутьевъ. Отъ отверстія мѣшка идутъ внутрь прутья, почти сходящіеся вмѣстѣ. Къ отверстію (творилу) мѣшка прикрѣпляются связанныя изъ нитокъ же крылья, длинныя прямоугольныя полосы. Фитиль опускается на дно рѣки и притыкается ко дну коломъ, тогда какъ крылья стоятъ стѣной и служатъ для загониванія рыбы въ фитиль.

Однониткой въ Кадниковскомъ у. зовется тонкая сѣть, которою перегораживаютъ рѣку отъ берега до берега, причемъ рыба запутывается въ петляхъ сѣти.

Помчи—сѣть въ видѣ весьма неглубокаго мѣшка, натянутаго на квадратъ изъ прутьевъ. По угламъ квадрата веревки, сходящіяся въ одну. За эту послѣднюю опускаютъ и подымаютъ помчи.

Бредникъ, мутникъ, сакъ, молёвикъ и *куріны*—снаряды близкаго между собою устройства, служатъ для ловли мелкой рыбы на неглубокихъ мѣстахъ.

Недотка дѣлается преимущественно изъ холста. Она представляетъ два широкихъ и длинныхъ крыла, между которыми идетъ пирамидальный хвостъ. Этою ловушкою *бродятъ* рыбу, т. е. во время лѣтняго мелководья бредутъ по колѣно и волокутъ за собою недотку. *Курма* имѣетъ сходство съ недоткой, но больше ея и всегда вязаная.

Шатины и *поводки*—снаряды, состоящіе изъ бечевокъ съ крючьями на концахъ; на эти крючья ловятъ налимовъ. Вродѣ того же устраивается и сухонскій *подледникъ*.

На озерехъ (напр. Кубенскомъ) и на большихъ рѣкахъ (Двина, Печора) рыбу ловятъ неводами, которые бываютъ тоже разныхъ величинъ и формъ. Напр. на Кубенскомъ оз. практикуется особый способъ ловли рыбы неводомъ, называемый *короводомъ*. А именно невода длиною по 50 саж. укладываются на четыре лодки и выкидываются, образуя въ совокупности кругъ. *Плавить* рыбу тамъ же значитъ ловить ее плавильною сѣтью, которая бываетъ отъ 50 до 200 саж. длины. На томъ же озерѣ употребляются *оханы*, сѣть изъ льняной пряжи, связанная крупными ячейками и употребляемая исключительно для ловли сиговъ. Въ Никольскомъ у., когда плавятъ рыбу на глубокихъ мѣстахъ, употребляютъ *рохаль*, длинный шестъ, на одномъ концѣ котораго прикрѣплены берестяныя ленты. Крохалемъ тычутъ въ воду для выпугиванія рыбы изъ лому. Кромѣ крохаля съ тою же цѣлью употребляется *ботъ*. Это березовый шестъ съ расширеніемъ на концѣ въ видѣ конуса. Конусъ внутри выдолбленъ и около вершины просверленъ насквозь. Держа шестъ вертикально, хлопаютъ (ботаютъ) имъ по водѣ, при чемъ вода, прорываясь въ просверленную дыру, бурлитъ. Въ Кадниковскомъ у. деревянный конусъ замѣняется жестянымъ колпакомъ съ просверленными въ немъ дырками.

Дорожка—снарядъ для ловли преимущественно щукъ, состоящій изъ отполированной металлической пластинки въ видѣ ложечки съ крючкомъ на концѣ, тогда какъ къ другому концу привязывается длинная и тонкая бичева. На крючокъ насаживается наживка или просто какой ниб. красный лоскутокъ. *Плывя въ лодкѣ*, рыболовъ опускаетъ дорожку въ воду и она, тащась на нѣкоторой глубинѣ, вертится, блеститъ и приманиваетъ рыбу.

Повсюду распространена ловля рыбы *лучомъ* или *лученье*. Лученье производится всегда въ темныя осеннія ночи, во время *выстанки* рыбы, т. е. когда она стоитъ спокойно у береговъ (спитъ). На носу лодки къ желѣзной *козѣ* прикрѣпляется *лучъ*, т. е. пучекъ зажженой лучины или смолья, рыбакъ же стоитъ въ лодкѣ съ острогою въ рукѣ и, замѣтивъ рыбу, бьетъ ее острогой. Въ Тройчинѣ Кадниковскаго у. первую заколотую рыбу зарываютъ въ землю, какъ бы рыба ни была велика, въ такомъ случаѣ всю осень ловъ будетъ удачный.

Въ зимнее время рыбу ловятъ, оглушая ее сквозь ледъ деревяннымъ молотомъ, который въ Кадниковскомъ у. зовется *колотъ*, а въ Сольвычегодскомъ *кій*. Ловятъ рыбу и неводами черезъ проруби.

3. Уходъ за домашними животными. Крестьянинъ отлично понимаетъ, какое важное значеніе имѣетъ въ хозяйствѣ хорошій уходъ за скотомъ, хорошее для него помѣщеніе и кормъ. «Завелъ скотинку, не жалѣй и хлѣвинку».—«Хорошая подстилка—половинный кормъ». Тѣмъ не менѣе, скотъ помѣщается обыкновенно въ плохихъ хлѣвахъ, стоитъ по колѣно въ навозѣ, зябнетъ, болѣетъ. Подстилкою служитъ зачастую еловый лапникъ, потому что въ соломѣ недостатокъ: ее берегутъ на случай недостачи сѣна, чтобы скормить

весною тому же скоту. Въ Сольвычегодскомъ у., въ случаѣ недостатка корма, коровъ кормятъ *заваркой*—соломой изсѣченной или измятой, облитой кипяткомъ и пересыпанной мукою, или же *тресеницей* — смѣсью сѣна съ соломой. Весною говорятъ: «ѣшь, коровка, овсяную соломку, поминай, красулька, красное лѣто». Бываютъ такіе годы, что скармливаютъ скоту всю солому съ домовыхъ крышъ.

При отсутствіи луговодства въ юго-западныхъ уѣздахъ, улучшеніе скота немыслимо. Если бы сюда и перевести хорошій скотъ изъ Тотемскаго, Устюгскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ, онъ не поправилъ бы дѣла. Холмогорская порода скота и можетъ существовать только благодаря заливнымъ лугамъ Двины и Вычегды и природному сочному корму; на вологодской и кадниковской осокѣ этотъ самый скотъ измельчалъ и перешелъ бы, вѣроятно, въ мѣстную «тасканскую» породу.

Скотъ пасется съ весны въ паровыхъ, а осенью по уборкѣ хлѣба въ хлѣбныхъ поляхъ; лѣтомъ въ поскотинѣ и на сѣнокосахъ по уборкѣ сѣна, зимою помѣщается на дворахъ. Въ Никольскомъ у. для лѣтней пастьбы рогатаго скота расчищаютъ въ лѣсу мѣсто и огораживаютъ его осѣкомъ. Это мѣсто зовется *лѣтовищемъ*, лошади же пасутся въ *пригородахъ*—лѣсныхъ выгонахъ около селеній.

Городскія стада пасутся всегда подъ наблюденіемъ пастуха и его помощника — *подпаска*, крестьянскія различно: въ восточныхъ уѣздахъ обыкновенно безъ пастуха; будучи выгнаны утромъ, коровы сами возвращаются вечеромъ и уходятъ иногда очень далеко отъ дому.

Въ пастухи нанимаются всегда люди самые бѣдные, бездомные бобыли, въ подпаски—подростки-сироты. Пастуху назначается жалованье, смотря по величинѣ стада, отъ 5 до 50 р. за лѣто, т. е отъ Егорья до Покрова. Прокармливаются же пастухи всегда на счетъ владѣльцевъ скота, т. е. обѣдаютъ, ужинаютъ и ночуютъ поочередно у каждаго владѣльца по суткамъ за каждую корову. Хорошими пастухами дорожатъ, такъ какъ пасти коровъ «толкомъ» дѣло далеко не легкое.

Въ Кадниковскомъ у., хозяева скота, когда городятъ осѣкъ, то работаютъ весь день голодные, а иногда и на второй и на третій день остаются безъ пищи. Въ эти дни не борются, не сдираютъ съ дерева коры и начинаютъ дѣло непремѣнно въ скоромный день. Не ѣдятъ сами для того, чтобы медвѣдь не съѣлъ скотины; не сдираютъ коры для того, чтобы тотъ же медвѣдь не задралъ животинъ; а въ скоромный день начинаютъ работу, чтобы не пришлось изъ-за звѣря остаться на постной пищѣ.

Если случится, что коровы не вернулись на ночь домой, то хозяинъ идетъ туда, гдѣ онѣ ночевали, беретъ тамъ немного земли и, принеся домой, разсыпаетъ ее у себя по двору, тогда скотъ не станетъ болѣе заночевывать въ лѣсу. Въ иныхъ мѣстахъ, чтобы медвѣди не трогали коровъ, постятся на праздникъ Воздвиженья.

Чтобы обезопасить скотъ отъ всякихъ болѣзней и отъ звѣря, пастухъ съ зажженною лучиной и иконой св. Георгія дѣлаетъ «обходъ», т.-е. обходитъ вокругъ полей и осѣка поскотины и говоритъ: «я вокругъ поля ходилъ, Егорья окликалъ: Егорій ты мой Храбрый! ты спаси мою скотину въ полѣ и за полемъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнышкомъ, отъ волка хищнаго, отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго».

Въ другихъ мѣстахъ пастухи обносятъ свою поскотину желѣзнымъ замкомъ и зарываютъ этотъ замокъ въ прогонѣ, чтобы не ворвались волки и другіе хищные звѣри. Дру-

гіе отстригаютъ по нѣскольку волосковъ шерсти отъ каждой коровы, чтобы скотина держалась вмѣстѣ.

Когда корова отелится, ее доятъ восемь сутокъ въ нечистую посудину и молоко это отдаютъ теленку, затѣмъ уже доятъ въ чистую, но передъ тѣмъ хозяйка вливаетъ въ эту посудину воды, приготовляетъ горящихъ углей, ладану и мѣшокъ и начинаетъ молиться Богу. Затѣмъ беретъ все приготовленное, становится къ печному столбу и говоритъ: «матушка, коровушка! стой такъ же крѣпко, какъ вотъ этотъ столбъ!» Потомъ она обмываетъ корову и обтираетъ ее мѣшкомъ, приговаривая: «косточки, суставчики, собирайтесь въ одно мѣстечко; какъ скоро насыпается въ мѣшокъ зерно, такъ скоро наливайся у коровушки молочко». Наконецъ окуриваютъ корову ладаномъ съ горящихъ углей.

Въ Никольскомъ у. окуриваніе коровъ послѣ теленія производится такъ: на третій день приходятъ въ хлѣвъ двѣ бабы съ тремя горящими углями, положенными на глиняную плошку; на угли же бросается трава душица (Origanum vulgare). Бабы обходятъ три раза корову съ этимъ куревомъ, причемъ одна спрашиваетъ: „что куришь?“ а другая отвѣчаетъ: „курю уроки“. На это первая говоритъ: „кури, кури, чтобы ихъ во вѣки не было!“ И такъ три раза.

Теленка держатъ въ избѣ отъ одной до двухъ недѣль. Приносятъ его въ избу въ мѣшкѣ и тотчасъ же прикладываютъ къ печной заслонкѣ, приговаривая: „какъ эта заслонка держится печки, такъ же крѣпко держись и ты своего двора“.

Чтобы увеличить удой молока, хозяйки моютъ подойникъ и кринки корнемъ папортника и окуриваютъ ладаномъ, а чтобы былъ толще *вершокъ* (сливки), то подойникъ и кринки даютъ лизать черной кошкѣ, или съ тою же цѣлью стараются пріобрѣсти ту древесную вѣтку, на которой сидѣла и кричала кукушка и эту вѣтку погружаютъ въ каждую кринку.

Овцы разводятся повсемѣстно и пасутся, гдѣ попало, безъ всякаго призора. Когда купятъ овецъ, то идутъ въ лѣсъ за муравейникомъ, приносятъ съ четверикъ и болѣе хвои и разсыпаютъ ее по двору и въ хлѣвѣ. При этомъ говорятъ: «какъ на семъ муравьищѣ муравьи копятся, какъ бы у меня въ домѣ каждая скотинка велась и копилась. Во имя О. и С. и Св. Д., аминь».

При продажѣ лошади владѣлецъ ея, помолившись Богу, беретъ поводъ узды или поводка себѣ въ полу и изъ полы въ полу отдаетъ покупающему поводъ или поводокъ и вмѣстѣ съ нимъ лошадь, приговаривая: „съ легкой руки дай Богъ полный дворъ живота“. Покупатель снимаетъ шапку и ею проводитъ по спинѣ лошади. Когда приведетъ купленную лошадь домой, ее на дворѣ встрѣчаютъ съ короваемъ хлѣба, которымъ и кормятъ изъ всего коровая. Оставляя на дворѣ лошадь, обращаются къ домовому: „батюшка, кормилецъ, покорми“. Новокупленная лошадь зовется *новолитка*. Чтобы она не тосковала о прежнемъ дворѣ, а держалась новаго, то дѣлаютъ наговоръ на рябинку: „какъ эта рябинка о своемъ кормѣ не тужитъ и не тоскуетъ, такъ бы сивуха (или чернуха) о своей родинѣ не тужила и не тосковала“. Произнеся наговоръ, гладятъ лошадь три раза рябинкой и заключаютъ: „во имя О. и С. и св. Д., аминь“. Въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ всего этого, человѣкъ при покупкѣ лошади обводитъ ее трижды вокругъ себя.

Св. Флоръ и Лавръ считаются покровителями лошадей и пользуются большимъ почтеніемъ. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ въ день Флора и Лавра поѣхалъ обирать съ поля снопы, а было еще утро. Навстрѣчу ему попался человѣкъ и спросилъ: „зачѣмъ

ты работаешь? вѣдь сегодня Флора и Лавра?" „Ну",—отвѣтилъ мужикъ,—„Фролу и Лавру ногой лягну, а Спасу да Миколѣ поставлю по мѣдяному кануну, такъ все и простится". Тутъ его лошадь упала и издохла.

Святой Власій зовется скотскимъ богомъ, такъ какъ покровительствуетъ скоту, подобно св. Георгію. Говорятъ, что кто Власію празднуетъ, того домъ никогда не оскудѣетъ. Въ прогонѣ, по которому скотъ проходитъ изъ деревни на поскотину, ставятъ кресты и тутъ служатъ молебны Власію, прося о защитѣ скота.

Егорій настолько милостивъ къ человѣку, что если его попросить, то онъ и накормитъ и охранитъ скотъ отъ звѣря. Въ Егорьевъ день коровы бываютъ именинницы, потому имъ обязательно носятъ каждой по куску пирога. Въ этотъ же день имъ подстригаютъ хвосты. Съ иконой св. Георгія и съ зажженнымъ ладаномъ обходятъ скотъ три раза. Когда скотину выгоняютъ первый разъ въ поле (гонятъ ее освященной вербой), то хозяинъ или хозяйка снимаетъ съ себя поясъ и кладетъ его вдоль подворотки, чтобы скотина, выходя со двора, перешагнула черезъ поясъ. При этомъ хозяйка говоритъ: „какъ этотъ поясъ держится меня, такъ бы и скотина держалась моего дому, отнынѣ и до вѣку, аминь". Вмѣстѣ съ поясомъ кладутъ еще иногда на землю ножъ, топоръ, шейный крестъ и засушенное растеніе, называемое петровъ крестъ (Corallorhiza innata).

Вслѣдствіе дурнаго состоянія хлѣвовъ и стай и недостаточной и плохой пищи, а зачастую и вслѣдствіе недостатка соли въ питьѣ (изъ-за дороговизны ея), скотъ и лошади подвергаются множеству болѣзней. Такъ какъ ветеринарная помощь развита въ губерніи очень слабо, то крестьяне или сами лѣчатъ скотъ и лошадей, или прибѣгаютъ къ помощи мѣстныхъ коноваловъ и знахарей.

Передамъ теперь то, что я могъ собрать о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ и способахъ ихъ лѣченія.

Вдзгоръ (мытъ)—заразительный насморкъ у лошадей. Лѣчатъ отъ этой болѣзни, подкуривая носъ животному дымомъ тлѣющаго лаптя, положеннаго на горящія уголья. Хотя мытъ отъ этого проходитъ, по впослѣдствіи дѣлаются на тѣлѣ опухоли и нарывы.

Всякія раны у скота или лошадей примачиваютъ мочей. Это считается отличнымъ, всегда дѣйствительнымъ средствомъ.

Грудникъ—болѣзнь вымени у коровъ. Вымя обмываютъ настоемъ лѣсной травы Linnaea borealis.

Лошадей, больныхъ ящуромъ, поятъ настоемъ травы «вороній глазъ» (Paris quadrifolia).

При исплекѣ, «когда жила наскочитъ на жилу» подвязываютъ животному *здоровую* ногу, такъ чтобы оно не могло на нее ступать, а ступало бы на больную и заставляютъ скакать и бѣгать. То же дѣлаютъ, когда у лошади *ископыть*, т.-е. незначительный вывихъ въ козанкѣ (путовомъ суставѣ).

При «потерѣ жваки» у коровы, берутъ кусокъ хлѣба и даютъ его пожевать другой, здоровой, но непремѣнно одной масти съ заболѣвшей, коровѣ и часть этого куска даютъ съѣсть больной. Или же просовываютъ коровѣ въ ротъ лыко, какъ бы обуздывая имъ ее, и концы лыка завязываютъ наверху за рогами. Когда корова пережуетъ это лыко, жвачка у нея возстановится.

Нокоть (вѣтряная колика) или похожая на нее болѣзнь *тельчакъ*, выражающаяся сильнымъ вздутіемъ живота, происходитъ или оттого, что корова съѣла съ овсяницей (овсяной соломой) мышиное гнѣздо или же мохнатаго червяка, называемаго *норкой*.

Озыкъ—неопредѣленное болѣзненное состояніе животнаго приписывается вліянію оговора злаго человѣка. Для излѣченія озыка прибѣгають къ колдуну, который шепчетъ на воду и этою водой поитъ животное. Отъ оговора же или отъ глаза «лихаго» человѣка происходитъ и *встрѣча*—параличъ всякаго вида у коровъ и лошадей.

Кухры или *своробъ*—короста на рогатомъ скотѣ и лошадяхъ излѣчивается тѣмъ, что животное поятъ настоемъ травы Erigeron acris.

Во время «оскотья», т.-е. скотскаго падежа (отъ сибирской язвы), добываютъ «деревянный огонь» съ тою цѣлью, чтобы дымомъ этого огня окурить скотину и тѣмъ прекратить оскотье.

Способы добыванія такого огня слѣдующіе: 1) берутъ съ овина двѣ жердочки (колосники, на которыхъ сушатъ хлѣбъ) и трутъ ихъ одна о другую до тѣхъ поръ, пока онѣ не воспламенятся. Черезъ этотъ огонь пропускаютъ скотъ; 2) въ скотскомъ прогонѣ устраиваютъ воротъ изъ смолистаго сухаго дерева; нижній конецъ ворота воткнутъ тоже въ смолистую плаху, непремѣнно сухую. Этотъ воротъ приводятъ въ дѣйствіе нѣсколько человѣкъ; отъ дѣйствія ворота плаха воспламеняется; для ускоренія воспламеняемости на воротъ кладутъ грузъ; 3) въ деревянный станокъ (употребляемый собственно для вытачиванія веретенъ) кладутъ горизонтально круглую, остроконечную, сухую березовую или сосновую палочку, перевитую ремешкомъ. Ремешекъ прикрѣпленъ къ лучку. На палочку кладутъ крестообразно другую, короче первой, и, чтобы воспламенить палочки, ремешекъ берутъ въ правую руку и передвигаютъ взадъ и впередъ, отъ чего палочка на ремешкѣ начинаетъ вертѣться вокругъ себя; другую же палочку, короткую, держатъ въ лѣвой рукѣ и прижимаютъ къ первой, такимъ образомъ онѣ трутся одна о другую и воспламеняются.

Когда зарываютъ первое павшее отъ язвы животное, въ ту же яму зарываютъ живую собаку или кошку, чтобы болѣзнь перешла на нихъ. Практикуется и обрядъ опахиванія: объѣзжаютъ съ сохою деревню, гдѣ есть больныя животныя, бороздя землю, причемъ соху должна вести непремѣнно невинная дѣвушка. Относительно скотскаго падежа есть примѣта, что если копятся тараканы въ избѣ—это къ прибыли скота, а если вдругъ всѣ исчезнутъ—это вѣрный признакъ наступленія оскотья.

Спеціальные термины для обозначенія половыхъ отправленій и разрѣшенія отъ бремени животныхъ существуютъ слѣдующіе:

У лошадей—*случка*. Кобыла *приняла* жеребца. Въ періодѣ беременности она *берёжа*; *ожеребятилась*—разрѣшилась отъ бремени.

Корова *уискала*, *обыскалась* или *уходилась*—приняла быка; *стельна*—беременна; *отелилась*—разрѣшилась отъ бремени.

Овца—*суягна*—понесла, *осуягнилась*—родила. У собакъ періодъ исканья—*бѣганье*. *Собачьей свадьбой* зовется стая кобелей, бѣгающихъ за сукой; собака *тяжела*—беременна; *ощенилась*—разрѣшилась отъ бремени, кошка *окотилась*.

Имена ласкательныя и презрительныя, даваемыя домашнимъ животнымъ, слѣдующія: рогатому скоту: мамушка, голубушка, умница, сердешная, кормилица, красулька, тпрусенька; деревянная, неудалая, паршивая.

Лошадямъ: батюшка, карюшка, кормилецъ, удалой, тпрусенька, шельма, хромка; окаянный, чугунные шары.

Собакамъ: лапка, орѣшка, франтикъ, кучерко, соловейко, каниско (sic!), проворко; псина, прохвостъ, паршивецъ.

Кошкамъ: киса, кисанька, буска, кошурка.

Отхожій и ручные промыслы населенія. Самый тяжелый и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи и самый вредный на экономическомъ это отхожій промыселъ. Народъ идетъ на заработки въ другія губерніи изъ всѣхъ уѣздовъ, исключая Никольскаго, Яренскаго и Устьсысольскаго. Такъ, изъ Вологодскаго и Грязовецкаго народъ идетъ въ землекопы и въ катальщики; изъ Кадниковскаго въ плотники и на должности низшей прислуги въ большіе города; изъ Тотемскаго въ прислуги въ Вологду, Устюгъ, Ярославль и дальше; изъ Вельскаго и Устюгскаго въ чернорабочіе и пастухи и на фабрики, а женщины въ особенности на рѣчныя пристани для нагрузки баржъ, изъ Сольвычегодскаго въ судорабочіе при сплавѣ судовъ изъ Вологды въ Архангельскъ и изъ Вологды въ Петербургъ.

Промыслы эти конечно вынужденные. Народъ въ высшей степени привязанъ къ своей родинѣ, къ своей деревнѣ, къ своему углу и покидаетъ ихъ только въ крайности. «Кто на чужой сторонѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ». А если и хорошее выпадетъ житье (напр. въ прислугахъ), все же оно гораздо хуже самаго худаго домашняго. «Въ людяхъ добро, а дома вольно», или «дома, какъ хочу, а въ людяхъ, какъ велятъ». Стало быть, главная причина скуки на чужой сторонѣ — это работа не на себя, подневольное дѣло. Если на чужой сторонѣ и кормятъ вволю, все-таки самые дурные домашніе пироги лучше самыхъ хорошихъ, но чужихъ. «Чужой хлѣбъ пѣтухомъ въ горлѣ поетъ, ночью спать не даетъ». «На чужбинѣ все не хорошо и не ладно, а если одно хорошо, то другое худо». «Уѣдно, такъ не улежно, а улежно, такъ не уѣдно», т. е. если кормятъ хорошо, то спать худо, и наоборотъ. «На чужой сторонкѣ и орелъ — воронка», или же, напротивъ, «на чужой сторонкѣ радъ и воронкѣ» — «На чужой-то на сторонкѣ жить не весело: любить некого», поется въ пѣснѣ. «Чужая-то сторонка безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу, безъ зимы сердце вызнобитъ. Ужъ ты робь-ка, работай, не постаивай, на родимую сторонку не поглядывай... Ужъ какъ мнѣ на нее не поглядывать!.» и т. д.

На чужбину крестьянина гонитъ многосемейность, малоземеліе, неурожай, безработица, домашнія несогласія. Надъ этими людьми народъ никогда не смѣется,—это люди несчастные. Но есть жители подгороднихъ деревень, которые бросаютъ свою землю, хозяйство и родныхъ ради удовольствій городской жизни,—ихъ народъ постоянно клеймитъ насмѣшкой. «Въ городѣ жить—съ корзиной ходить», т. е. въ концѣ концовъ придется идти по міру. «Ѣдутъ въ городъ на посадъ—съ пестерюгой поплясать». Про жившихъ въ большихъ городахъ разсказываютъ: прожился онъ тамъ до послѣдней нитки, такъ что домой на липовой машинѣ, т. е. въ лаптяхъ, пріѣхалъ, а все-таки карманные часы въ жулеткѣ. Вынетъ ихъ, загнетъ носъ и говоритъ: что это! ужъ 12 часовъ, а маменьки изъ-міру нѣтъ? (т. е. маменька отправилась съ корзиной сбирать милостыню, а онъ ее дома дожидается).

Вотъ перечень промысловъ (кромѣ отхожаго), развитыхъ въ губерніи въ большей или меньшей степени:

1) Производство кружевъ въ Вологодскомъ и Грязовецкомъ уѣздахъ.

2) Выдѣлка разнаго рода вещей изъ рога и черепахи въ Кадниковскомъ у.

3) Вязанье нитяныхъ чулокъ и носковъ изъ льняной пряжи въ Тотемскомъ у.

4) Выдѣлка глиняной посуды въ Кадниковскомъ и Вельскомъ у.

5) Тканье кушаковъ и поясовъ въ Сольвычегодскомъ у.

6) Выдѣлка катаниковъ, шляпъ, рукавицъ, перчатокъ и войлока изъ овечьей и коровьей шерсти въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

7) Производство свиной щетины въ Устюгскомъ у.

8) Издѣлія изъ свинаго пуха, тамъ же.

9) Производство деревянныхъ окованныхъ желѣзомъ сундуковъ и обшитыхъ жестью шкатулокъ, тамъ же.

10) Плетенье корзинъ изъ корней въ Сольвычегодскомъ у.

11) Производство деревянной посуды въ уѣздахъ Грязовецкомъ, Кадниковскомъ, Тотемскомъ и Устюгскомъ.

12) Выдѣлка лодокъ въ Кадниковскомъ у.

13) Выдѣлка ситъ и лукошекъ въ Устюгскомъ у.

14) Выдѣлка бураковъ изъ бересты въ Устюгскомъ у.

Теперь скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ промысловъ.

Кружевной промыселъ существуетъ въ губерніи съ незапамятныхъ временъ, имѣя центромъ своимъ Вологду, гдѣ плетеніемъ кружевъ занимаются до 500 женщинъ. Для большинства изъ нихъ эта работа представляетъ единственное средство къ существованію. Въ уѣздѣ плетутъ кружева въ селѣ Кубенскомъ и по деревнямъ. Промыселъ существуетъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ Грязовецкомъ и Кадниковскомъ. Вся масса выработаннаго матеріала забирается скупщицами. Это женщины, которыя сами были нѣкогда кружевницами и, наживъ деньги, стали заниматься скупщичествомъ. Профессія эта приноситъ огромные барыши, какъ видно изъ того, что скупщицы въ короткое время становятся капиталистками.

Арсеньевъ въ своей брошюрѣ «Очеркъ кустарныхъ промысловъ Вологодской губ.» говоритъ: «Насколько скупщицы способствуютъ возвышенію цѣнъ на кружева, можно видѣть изъ слѣдующаго: кружевница продаетъ «десятокъ» (10 арш.) узкаго кружева за 15 коп., скупщица перепродаетъ его своей комиссіонеркѣ за 20 к., эта слѣдующей за 25, та въ лавку или въ магазинъ за 30 к., а изъ магазина покупатель получаетъ за 40 или дороже, слѣдовательно, посредникамъ достается 20 коп., т. е. цѣна кружева противъ первоначальной стоимости выростаетъ на 133%.

«Кружевницы работаютъ обыкновенно отъ 8 ч. утра до 12 ч. ночи, или 16 часовъ въ день. Работница средней руки можетъ заработать въ день коп. 20. Заработокъ въ 25 или 30 коп. считается уже большимъ, а въ 40 или 45 — случайная рѣдкость; такимъ образомъ наибольшею цифрою заработка кружевницы можно считать 30 коп. въ день». И наконецъ: «Въ послѣдніе годы всѣ вологодскія кружевницы, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на жизненные продукты и сверхъ спроса развившагося промысла, живутъ въ крайней нуждѣ и безвыходной бѣдности; онѣ, не имѣя непосредственнаго сбыта своихъ произведеній, находятся въ постоянной зависимости отъ скупщицъ, которыя богатѣютъ на счетъ бѣдныхъ кружевницъ, работающихъ до изнеможенія силъ».

Это было писано въ 1881 г. Съ тѣхъ поръ кружевной промыселъ, благодаря модѣ на кружева и возникшему вслѣдствіе этого громадному на нихъ спросу, изъ предѣловъ Воло-

годскаго у., гдѣ онъ сосредоточивался преимущественно, распространился по всей губ. [1]), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдственныя условія производства остались тѣ же, что были и въ 1881 г., если еще не ухудшились.

Въ 1886 г. открылся въ Вологдѣ комитетъ, поставившій себѣ задачею содѣйствіе развитію кустарныхъ промысловъ въ губерніи, и секретарь комитета при открытіи его заявилъ слѣдующее: «Кружевнымъ промысломъ занимается въ настоящее время едва-ли не все женское населеніе губерніи; районъ его, охватывающій какъ городскія такъ и сельскія сословія губерніи, обнимаетъ главнымъ образомъ городъ Вологду и уѣзды Вологодскій, Грязовецкій, Тотемскій, Устюгскій, Вельскій и даже Устьсысольскій—Я долженъ съ прискорбіемъ заявить, что промыселъ этотъ представляетъ самую грустную эксплоатацію капитала надъ трудомъ человѣка, эксплоатацію, къ сожалѣнію, весьма быстро ведущую къ рѣзкому пониженію качества продукта».

Что касается дѣятельности комитета и достигнутыхъ имъ результатовъ въ дѣлѣ содѣйствія развитію кустарныхъ промысловъ, то любопытствующихъ я отсылаю къ протоколамъ комитета, печатающимся отдѣльными брошюрами и перепечатываемымъ въ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей.

Въ 1862 г. крестьянинъ А. Глинкинъ, обучавшійся, гребенному, мастерству, въ Петербургѣ, пріѣхалъ на родину, въ Устьянскую волость Кадниковскаго уѣзда и началъ здѣсь выдѣлку гребенокъ. Въ 1867 г. прибылъ изъ Петербурга мастеръ, родомъ изъ той же Устьянщины, по фамиліи Табаковъ, который основательно зналъ мастерство портсигаровъ, бумажныхъ ножей, пороховницъ и т. п. вещей изъ рога. Онъ первый научилъ семейство Глинкиныхъ этимъ издѣліямъ, такъ что съ 1867 г. они и начали самостоятельно работать роговыя вещи разныхъ сортовъ. Въ 1872 г. роговыя издѣлія явились на московской Политехнической выставкѣ и съ тѣхъ поръ спросъ на нихъ сталъ рости изъ году въ годъ.

Въ настоящее время число роговыхъ кустарей въ Устьянской волости можно считать въ 500 человѣкъ, что составляетъ $^1/_4$ часть мужскаго населенія волости. Роговыя издѣлія выдѣлываются самыя разнообразныя и расходятся не только по всей Россіи, но идутъ и за границу.

«Не смотря на удовлетворительную, повидимому, постановку этого промысла въ обыденной обстановкѣ, все это дѣло есть нечно иное, какъ обширная кулачная эксплоатація 5—6 капиталистовъ крестьянъ или, какъ говорятъ, «хозяевъ».

Послѣднія, заключенныя въ ковычки, строки,—оффиціальное свидѣтельство секретаря кустарнаго комитета. Далѣе говорится:

«Хозяева эти, обладая денежными средствами, пріобрѣтаютъ большими партіями сырой матеріалъ—рогъ и черепаху въ столичныхъ центрахъ; имѣя, затѣмъ, свои мастерскія, хозяева и приготовляютъ изъ названнаго матеріала издѣлія непосредственно, или же обращаютъ роговой и черепаховый матеріалъ въ *плашки* (см. ниже), которыя и раздаютъ для выработки изъ нихъ издѣлій поштучно мастерамъ на сторону. Такова простая канва производства, результаты же ея слѣдующіе: хозяинъ платитъ кустарю за сотню обыкновенныхъ

[1]) Дѣло дошло до того, что плетеніемъ кружевъ по деревнямъ (какъ напр. въ Кадниковскомъ у.) стали уже заниматься и парни.

разсчесокъ изъ своихъ плашекъ 50 коп. [1]), стало-быть такая разсческа хозяину обходится примѣрно въ 5—6 коп., а продаетъ ее онъ за 10—15 и даже 20 коп.

Далѣе, при умственномъ невѣжествѣ хозяевъ, продажныя цѣны на издѣлія ими рѣдко регулируются, а просто они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы выгоднѣе сбыть товаръ, или, какъ говорятъ, «рвутъ»; такъ, на Всероссійской выставкѣ роговой портсигаръ, стоющій хозяину не болѣе 50 коп., продавался за 1 р., 1 р. 50 к., 2 р. и даже 2 р. 50 к.; черепаховая уховертка, стоимостью въ $1^1/_2$—2 коп., сбывалась за 10—15 коп.»

Роговой промыселъ изъ Устьянской волости перешелъ уже въ сосѣднія съ нею — Корневскую, Заднесельскую и Новостаросельскую. Матеріаломъ для издѣлій служатъ прежде всего воловьи рога (черкасскаго южно-русскаго скота), рога холмогорскихъ быковъ, затѣмъ такъ называемаго «русскаго», т.-е. обыкновеннаго мѣстнаго скота, буйволовъ, наконецъ черепаха. Рогъ для какихъ-бы то ни было издѣлій употребляется или въ естественномъ видѣ или окрашенный насквозь (преимущ. въ красно-оранжевый цвѣтъ) или же окрашенный сверху пятнами подъ черепаху.

Выдѣлка рога производится слѣдующимъ образомъ: плавильщикъ, выбравъ рогъ, прежде всего выколачиваетъ изъ него сердцевину, затѣмъ отпиливаетъ корень и вершинку. Корень или нижняя часть, какъ негодная къ дѣлу, идетъ на удобреніе полей или на синькалевые заводы (туда же идутъ роговыя стружки и опилки), верхушки на пуговичныя фабрики. Затѣмъ рогъ поступаетъ въ котелъ съ кипящей водой, гдѣ и размягчается. Если онъ очень толстъ, то подвергается прожиганію раскаленнымъ жигаломъ, которое удаляетъ излишній слой внутри; кромѣ того онъ обрѣзывается снаружи простымъ ножомъ. Правильщикъ, держа рогъ лѣвой рукой, обернутой въ кожу, прижимаетъ концомъ къ дощечкѣ, висящей на груди, а правой снимаетъ неровности вдоль всей поверхности рога. Чтобы не дать рогу остынуть, его кладутъ время отъ времени на горящіе угли и повертываютъ.

Затѣмъ рогъ разрѣзывается особеннымъ способомъ и получаетъ видъ прямоугольника или же трапеціи. Это и есть *плашка*, толщиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ д., которая еще совершенно горячая и мягкая, кладется въ особаго устройства прессъ (*колоду*) и зажимается.

Прессъ состоитъ изъ осиновой колоды аршина $1^1/_2$ дл. и $^3/_4$ арш. ширины, выдолбленной внутри въ видѣ глубокаго корыта. Поперекъ корыта вставляются сдѣланныя изъ высушенной березы бруски (*сырья*) около $^1/_4$ арш. толщиною, которые могутъ свободно двигаться вдоль по корыту. Въ одну изъ поперечныхъ стѣнокъ колоды входитъ желѣзный винтъ, который при поворачиваніи укрѣпленнаго на наружномъ концѣ его колеса, сжимаетъ бруски и сдавливаетъ вложенныя между ними плашки.

Пролежавъ въ прессѣ около часа, плашка вынимается и кладется на печь для просушки. Этимъ работа правильщика и кончается.

Смотря по величинѣ, толщинѣ и достоинству рога, плашка назначается на выдѣлку той или другой вещи. Разбирать плашки по годности ихъ на тѣ или другія издѣлія есть уже дѣло мастера. Когда изъ плашки выкроена ножомъ черновая форма ножа, створокъ папиросницы или чего другаго, обрѣзки отъ нея поступаютъ на выдѣлку мелкихъ вещей: ложекъ для яицъ, соли, чайныхъ совочковъ и т. п., обрѣзки же отъ этихъ послѣднихъ вещей идутъ на уховертки, зубочистки и т. п. миніатюрныя вещи. Такимъ образомъ, не пропадаетъ ни одинъ кусочекъ плашки, даже опилки идутъ въ дѣло, какъ сказано выше.

---

[1]) Указанная цифра слишкомъ высока. Платятъ не 50, а 30, много 40 коп.

Выдѣлка плашекъ производится въ отдѣльной избушкѣ, называемой *шалашкой*. Тутъ помѣщается горно съ горящими углями, котелъ и колода (прессъ). Всякій легко себѣ представить, какова должна быть атмосфера въ подобной шалашкѣ. Вообще, выдѣлка роговыхъ издѣлій при существующей обстановкѣ является однимъ изъ вреднѣйшихъ промысловъ въ гигіеническомъ отношеніи. Устьянскаго кустаря-роговщика всегда можно узнать по его осунувшемуся землистому лицу.

Всѣ выпуклыя вещи выдѣлываются въ деревянныхъ формахъ и прессуются въ другомъ прессѣ на подобіе переплетнаго. Инструментовъ при роговомъ производствѣ употребляется масса. Они частію доставляются изъ Петербурга готовыми, частію изготовляются на мѣстѣ.

Полировка роговыхъ издѣлій производится такъ: сперва очищаютъ вещь терпугомъ, затѣмъ пемзой, потомъ боровымъ хвощемъ и наконецъ такъ называемой „аглецкой землей“ смоченной крѣпкою водкой, т. е. азотной кислотой. Полировкой занимаются мальчики, готовящіеся въ мастера, работаютъ они, какъ и кружевницы, часовъ 15 въ день и все это время дышатъ воздухомъ, пропитаннымъ пылью пемзы, земли и парами азотной кислоты.

Гребенки и гребни разныхъ формъ и величинъ представляютъ главную массу выдѣлываемаго изъ рога товара. За ними слѣдуютъ папиросницы, ножи для разрѣзыванія бумаги, ложки, аптечные и чайные совочки, дамскія шпильки и косныя гребенки и, наконецъ, различныя кабинетныя вещи: чернильные приборы, подсвѣчники, бювары и т. п.

Чулочный промыслъ въ г. Тотьмѣ представляетъ немаловажное подспорье въ средствахъ къ жизни женскаго населенія города и ближайшихъ къ нему деревень. Въ теченіи года вырабатывается здѣсь до 15 тыс. паръ носковъ и чулокъ цѣнностью отъ 20—30 коп. за пару. Вся работа сдается скупщикамъ, наѣзжающимъ по временамъ за товаромъ и развозящимъ его затѣмъ по большимъ ярмаркамъ. За небольшимъ исключеніемъ, всѣ чулочницы—мѣщанки и живутъ въ большой бѣдности.

Гончарный промыселъ существуетъ по всей губерніи. Нѣтъ не только уѣзда, но и волости, гдѣ бы крестьяне не занимались выдѣлкой глиняной посуды, но нигдѣ кромѣ уѣздовъ Кадниковскаго и Вельскаго посуда не переходитъ за границы уѣзда. Вельскія, собственно верховажскія [1]) глиняныя издѣлія появляются на уѣздныхъ рынкахъ и въ Вологдѣ и идутъ даже за предѣлы губерніи.

Въ Кадниковскомъ у. выдѣлка глиняной посуды производится исключительно въ Закушской волости, расположенной по р.р. Кубнѣ и Куштѣ, вблизи Кубенскаго озера. Въ 10-ти деревняхъ этой волости крестьяне занимаются выдѣлкой посуды трехъ видовъ: обливной, луженой и черной. Матеріалъ для этой посуды — глина, добывается тутъ же въ волости.

Закушскіе мастера дѣлали прежде только черную и луженую посуду, обливной же дѣлать не умѣли. Но, какъ говоритъ преданье, лѣтъ 45 тому назадъ зашелъ въ Закушье какой-то богомолецъ, по имени Евстигней, который и научилъ мѣстныхъ горшечниковъ дѣлать обливную посуду, при чемъ показалъ, какъ устроить особый, болѣе удобный кругъ, вращающійся посредствомъ ножнаго привода.

Въ настоящее время обливная посуда приготовляется весьма разнообразнаго вида,

---

[1]) Верховажье—посадъ въ Вельскомъ у. на р. Вагѣ.

а именно: кружки разныхъ величинъ тазы, рукомойники, блюда, чашки, формы для студня, кухонные и цвѣточные горшки, плошки, чайники, водоочистительныя машинки и, наконецъ, дѣтскія игрушки.

Выдѣлка посуды производится въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ („заводахъ") или же дома, смотря по размѣру производства и степени состоятельности производителя.

Сбытъ глиняной посуды довольно широкъ. Посуда идетъ въ Кадниковъ, Вологду, Кострому, Ярославль и Нижній.

Мастеровъ въ Закушьѣ до 200 человѣкъ; заработокъ въ общей сложности составляетъ до 45 р. на взрослаго рабочаго въ теченіе 6—6½ мѣс., посвящаемыхъ занятію промысломъ.

Кушачный промыселъ имѣетъ центромъ своимъ городъ Красноборскъ, Сольвычегодскаго у., и распространенъ не столько въ самомъ городѣ, сколько въ сосѣднихъ волостяхъ, преимущественно же Березонаволоцкой. И здѣсь нѣсколько бабъ, которыя побогаче, занимаются скупщичествомъ. Считается (приблизительно), что одна мастерица заработаетъ въ годъ отъ 18—22 рублей.

Кушаки ткутся изъ чистой овечьей шерсти, изъ шерсти пополамъ съ бумагой и изъ одной бумаги. Наконецъ, есть и самый низкій сортъ изъ овечьей же шерсти съ примѣсью коровьей и холщевыхъ нитокъ.

Кромѣ кушаковъ ткутся и „поясья" и „подживотники" (пояски и тесемки). Заработокъ на этихъ издѣліяхъ не превышаетъ 15 коп. въ сутки на мастерицу. Красноборскіе кушаки отличаются своею необыкновеной прочностью.

Катальный, иначе валяльный, промыселъ существуетъ тоже по всей губерніи, исключая сѣверо-восточныхъ уѣздовъ, но развитъ преимущественно въ Кадниковскомъ у. Почти всѣ жители Грибцовской волости катальщики; по крайней мѣрѣ нѣтъ деревни, въ которой бы не занимались этимъ промысломъ; затѣмъ онъ распространенъ и въ четырехъ другихъ волостяхъ.

Катальный промыселъ сталъ развиваться съ 40-хъ годовъ, когда открылось хорошее мѣсто сбыта валеной обуви—Архангельскъ, куда съ тѣхъ поръ и сбываются главнымъ образомъ катаники мѣстной работы. Жители Грибцовской волости почти всѣ работаютъ на „хозяевъ", которыхъ считается до шести человѣкъ, изъ хозяйской шерсти, получая за пудъ изработанной шерсти отъ 4—5 руб. Работу катальщики начинаютъ съ октября, т. е. со времени окончанія полевыхъ работъ и продолжаютъ вплоть до мая.

Матеріаломъ для катальнаго промысла служитъ овечья шерсть—рунная и кислая; покупается она хозяевами больше на сторонѣ, за недостаткомъ мѣстной.

Битье шерсти и скатыванье ея въ сухомъ видѣ производятся въ жилыхъ домахъ, а стирка въ баняхъ. Въ этихъ же баняхъ устраиваются стапки, въ родѣ широкой скамьи, на которыхъ и производится самая стирка. Изъ пуда шерсти выкатывается обыкновенно паръ 10—12 мужскихъ и 14—12 женскихъ катаниковъ. Продаются катаники—мужскіе отъ 1 р. 50 коп. до 1 р. 80 к. за пару, а женскіе отъ 90 к. до 1 р. 10 к. за пару. „Хозяева" отъ торговли катаниками наживаютъ отъ 300—500 р. въ годъ.

Работу мастера начинаютъ съ 3 ч. утра и кончаютъ часовъ въ 10 вечера. На обѣдъ и отдыхъ полагается 2 часа, такимъ образомъ на самую работу приходится около 17 часовъ въ сутки. Непомѣрно-продолжительная работа, пыль во время битья шерсти и затѣмъ паръ въ банѣ, быстрый переходъ отъ жара къ холоду, все это вмѣстѣ взятое очень вредно вліяетъ на здоровье рабочихъ.

Предметы катальнаго производства — катаники, валеныя калоши, войлока и сукна. Мѣстами катаютъ и шляпы, но мало. Шляпы вышли изъ моды и замѣняются суконными фуражками московскаго издѣлья.

Щетинный промыселъ сосредоточивается въ Великомъ Устюгѣ. Онъ заключается въ отдѣлкѣ свиной щетины или въ разборкѣ ея по сортамъ, которые и вяжутся въ пучки.

Щетина покупается у крестьянъ Устюгскаго у. и сосѣднихъ у., гдѣ развито свиноводство:—Тотемскаго, Вельскаго, Никольскаго и Сольвычегодскаго, но главная закупка производится въ г. Сарапулѣ, Вятской губ. и въ Ирбитѣ.

Щетинное производство, подобно большей части остальныхъ, находится въ рукахъ кулаковъ, но на этотъ разъ не крестьянъ, а устюгскихъ купцовъ, имѣющихъ свои мастерскія въ Устюгѣ.

По свидѣтельству г. Арсеньева, кустари формируются въ щетинныя мастерскія артелями съ правомъ равномѣрныхъ паевъ по заработку. Подрядчикъ артели зовется *головкой*. Онъ договаривается съ хозяиномъ о цѣнѣ и набираетъ въ свою артель потребное количество товарищей, не обусловливая ихъ вступленіе никакими письменными договорами, а по обычаю—на слово. Заработокъ каждаго мастера немного болѣе 20 рублей. Сбытъ щетины въ Петербургъ, откуда она идетъ главнымъ образомъ за границу, въ Англію.

Рядомъ съ производствомъ щетины слѣдуетъ поставить и издѣлія изъ свиного пуха, вырабатываемыя въ томъ же Устюгѣ и его уѣздѣ. Свинымъ пухомъ, какъ извѣстно, зовется мягкая, шелковистая шерсть, ростущая на тѣлѣ свиньи рядомъ съ жесткой шерстью, но короче ея. Пухъ бываетъ двухъ сортовъ: перепускной, т. е. прочесанный вдвойнѣ и простой, перемѣшанный съ короткой щетиной. Пухъ покупается крестьянами въ щетинныхъ мастерскихъ и идетъ на выдѣлку стелекъ въ катаники, ковровъ для лѣстницъ, котовъ, веревокъ и возжей. Заработокъ каждаго кустаря не болѣе 10—20 коп. въ день.

Сундучный и шкатулочный промыслы существуютъ исключительно въ Устюгскомъ уѣздѣ. Они распадаются на два промысла: производство деревяшекъ и слесарную работу. Деревяшки для шкатулокъ и сундучное дерево изготовляются крестьянами подгороднихъ волостей. слесарная работа производится городскими мастерами. За пять штукъ приготовленныхъ къ обивкѣ сундуковъ платятъ отъ 80 к. до 1 р. 30 коп. Обитые желѣзомъ сундуки идутъ въ продажу—писанные по 3 р., крашеные по 2 р. 60 к. за пятокъ. Сбытъ въ самомъ Устюгѣ преимущественно во время Прокопьевской ярмарки (8 іюня) и скупщикамъ въ другіе уѣзды. Заработокъ на взрослаго рабочаго не превышаетъ 60 р. за шесть зимнихъ мѣсяцевъ.

Шкатулочныя деревяшки обшиваются жестью, которую особые мастера предварительно раздѣлываютъ „подъ морозъ“, т. е. наводятъ на нее рисунки подобные замерзшему пару на оконныхъ стеклахъ посредствомъ крѣпкой водки, соли, лаку и зеленой или желтой краски. Затѣмъ шкатулка обтягивается въ клѣтку полосками жести, которыя просто приколачиваются гвоздиками. Внутренность оклеивается бумагой или плисомъ; въ стѣнкахъ иногда вставляются винты для привинчиванія шкатулки къ столу или къ полу; большія шкатулки имѣютъ обыкновенно три замка съ разными секретами и съ музыкой при отпираніи и запираніи.

Сбытъ этихъ шкатулокъ весьма широкъ. Главная масса ихъ идетъ на Нижегородскую ярмарку, гдѣ шкатулки раскупаются армянами и татарами.

Шкатулки выдѣлываются въ спеціальныхъ мастерскихъ, работаютъ ихъ и отдѣльныя

личности по заказу. Прочностію и чисткою отдѣлки отличаются только эти заказныя шкатулки.

Производство корзинъ изъ сосновыхъ корней до недавняго времени ограничивалось одной деревней, Окуловской. Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда. Въ 1886 г. про изводство искусственно привили въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, откуда корзины и доставляются въ Вологду на выставку кустарныхъ издѣлій для продажи. Издѣлія отличаются чистотой и прочностью, но вмѣстѣ непомѣрной дороговизной.

Выдѣлкою деревянной посуды отличается Кадниковскій уѣздъ. Выдѣлываются блюда (чашки для ѣды), кадки, ведра, ушаты, жбаны, солонки, ручонки, шайки. Въ Трегубовской вол. Тотемскаго у. деревянной посуды производится на 4 т. р. въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ и сбывается эта посуда въ Устюгъ. Въ трехъ волостяхъ Кадниковскаго у. занимаются выдѣлкою ольховыхъ боченковъ подъ коровье масло, вмѣстимостью отъ 12—15 пудовъ. Въ Вологодскомъ уѣздѣ выдѣлываются боченки съ желѣзными обручами для виноторговцевъ и производителей сливочнаго масла.

Лукошечный промыселъ развитъ по всей губерніи, но особенно славится своими издѣліями Нестеровская волость Устюгскаго у. Лукошки дѣлаются изъ осины и сшиваются черемховыми вичками. Средній заработокъ за 6 мѣсяцевъ на одного рабочаго полагается до 22 руб.

Въ томъ же Устюгскомъ и отчасти въ Кадниковскомъ у. занимаются выдѣлкой ситъ. Сѣтка для сита ткется изъ конскаго волоса и нашивается на ободокъ (обичку) изъ осины. Одинъ промышленникъ въ состояніи сработать въ зиму не болѣе сотни ситъ, а такъ какъ сотня продается отъ 14—20 руб., матеріалъ же обходится производителю отъ 7—10 руб., то вся его выручка не превышаетъ 7—10 руб. въ зиму.

Въ пѣскольскихъ волостяхъ Кадниковскаго у. существуетъ выдѣлка лодокъ изъ осины. Выдолбленный стволъ осины распаривается горячей водой, края его расширяются и удерживаются до высыханія дугами. Это есть такъ наз. стружокъ. Стружокъ съ наколоченными по бортамъ его досками зовется набойницей, стружокъ же можетъ быть превращенъ и въ карбасъ. Эти три вида лодокъ расходятся не только по губерніи, но и за предѣлы ея, напр. въ Петербургъ.

Выдѣлка бураковъ, т. е. особаго рода цилиндрическихъ сосудовъ изъ бересты, развита особенно въ Шемогодской волости Устюгскаго уѣзда. Занимаются этимъ промысломъ ок. 168 человѣкъ. Тутъ же производятся бураки и бурачки, обложенные фольгой и покрытые сверху тонкимъ слоемъ вырѣзанной въ узоръ бересты, необыкновенно чистой и изящной работы. Прекрасныя издѣлія изъ березовыхъ лыкъ производитъ Нестеровская волость Вологодскаго уѣзда. Это коробки, чемоданчики, баулы, сплетенные изъ полосъ бересты шириною въ палецъ. Полосы раскрашиваются различными красками, раздѣлываются сусальнымъ золотомъ и лакируются. Вещи оригинальныя и весьма прочныя, но недоступныя вслѣдствіе высокихъ цѣнъ.

Кромѣ названныхъ промысловъ можно еще упомянуть слѣдующіе:

Въ деревняхъ, лежащихъ по Двинѣ въ Сольвычегодскомъ у. и частію Устюгскомъ, занимаются вязкой рыболовныхъ снастей. Матеріаломъ служатъ конопляныя и льняныя нитки, изготовляемыя на мѣстѣ. Вотъ перечень изготовляемыхъ снастей.

Неводъ длиною до 100 саж. Вяжется цѣлую зиму и продается рублей за 20.

Бредникъ—отъ 8—10 саж. Цѣна до 5 р.

Фитиль—до 2 р.

Морда—1 р. 50 к.

Мерёжа—отъ 3—4 руб.

Всѣ эти снасти вяжутся мужчинами и продаются на ярмаркахъ въ Красноборскѣ и Устюгѣ. Кромѣ того вяжутся *столбы*, снасти вродѣ невода, длиною до 6½ арш. и шириною до 2 арш., цѣна 50 коп. Столбы увозятся въ Архангельскъ, гдѣ ихъ покупаютъ поморы для ловли сайды, трески и другой морской рыбы.

Черневая работа началась въ Устюгѣ уже давно и въ царствованіе Екатерины II здѣсь существовала цѣлая мастерская серебряныхъ черневыхъ издѣлій, которая сгорѣла. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія черневая работа все еще процвѣтала въ Устюгѣ, но съ 1873 г. производство стало сокращаться и, наконецъ, сосредоточилось въ рукахъ одного мастера, недавно умершаго. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что устюгская чернь считалась лучшею въ Россіи. Также погибло и знаменитое нѣкогда сольвычегодское сканное мастерство, т. е. выдѣлка вещей изъ серебряной проволоки.

Столярное ремесло существуетъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи, но издѣлія не выходятъ за предѣлы волости или уѣзда. Работаютъ столяры дома, не имѣя особыхъ мастерскихъ, и инструменты ихъ не отличаются хорошими качествами, равно какъ и издѣлія: окраска и лакировка мебели не красива и не прочна, но за то издѣлія берутъ своею прочностью и дешевизной. Такъ напр. окрашенный черной краской и покрытый лакомъ стулъ стоитъ 25—30 коп., такой же отдѣлки диванчикъ 50 коп., большой столъ съ выдвижнымъ ящикомъ на точеныхъ ножкахъ 50—60 коп.

Мѣра, *счетъ*. Въ Кадниковскомъ у. пространство измѣряется извѣстной длины коломъ, разбитымъ по числу душъ въ селеніи; при измѣреніи всего пространства, каждое семейство получаетъ столько частей кола, сколько надѣловъ въ семействѣ. Измѣряется пространство и саженями, шагами (тоже, что аршинами) и лаптями (тоже, что слѣдами, т. е. переступая и прикасаясь пяткой къ носку). Въ Вологодскомъ у. пространство мѣряютъ еще косьевищемъ.

Границы на поляхъ опредѣляются огородами (т. е. изгородями), рѣчками, лугами, межами; въ лѣсахъ дѣлаютъ просѣку въ 1½ саж., затесываютъ пограничныя деревья; часто и рѣчки служатъ границею какъ въ лѣсахъ, такъ и на открытыхъ (не лѣсныхъ) сѣнокосахъ; кромѣ того на границахъ сѣнокосовъ вбиваютъ сваи ок. 1 арш. черезъ каждыя 10 сажень.

Сыпучихъ тѣлъ: *малёнка*—тоже, что четверикъ, *осмина*—½ четверти, *рѣшето*—(четыре рѣшета) = маленкѣ = лукошку.

Жидкостей: ушатъ или извара = 3 ведрамъ; ведро, бутылка или полуштофъ (иначе *сорокоушка*), стаканъ или чарка, шкаликъ, косушка; *носокъ*—винный боченокъ, имѣющій видъ подойника съ рыльцемъ въ ¼ или ½ ведра и въ ведро.

Дровъ: *батогъ*—линейная сажень; три батога составляютъ кубическую сажень. Батогъ зовется иногда еще *полѣнница* или *костеръ*.

Пряжи: *мотъ*—9—11 мотковъ или пасмъ (въ другихъ мѣстахъ отъ 5—20). *Пасмо* въ Сольвычегодскомъ у. 120 нитокъ, въ Кадниковскомъ—30 нитокъ длиною 1½ арш. *Чисменка* или *чисменица*—3 нитки; 40 чисменицъ составляютъ пасмо.

Льна: *куча* въ Никольскомъ у. 20 повѣсмъ, связанныхъ вмѣстѣ, повѣсмо же — пучекъ неопредѣленной длины и толщины. Въ Кадниковскомъ у. куча=50 повѣсмъ. *Кирбь*= 100 повѣсмъ.

Сжатаго хлѣба: ржи—*суслонъ*, въ немъ 10 или 12 сноповъ; на овинъ ржи насаживаютъ 20 суслоновъ; яровые хлѣба: суслонъ=5 и 10 сноповъ; яроваго хлѣба на овинъ насаживаютъ—на однорядникъ 30 суслоновъ, а двурядникъ—40 и 50.

Печенаго хлѣба: *коровай* фунтовъ 10 или 12.

Ризень—ломоть, отрѣзанный во весь коровай; *полурпзокъ*—половина ризня.

Луку или чеснoку: 120 луковицъ, сплетенныхъ вмѣстѣ по 30 луковицъ въ длину и по 4 въ ширину составляютъ *батманъ*. Въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто батманъ говорятъ: пленка, пленица или столбецъ.

Сѣна: *стогъ* (пирамидальный) и *зародъ*. Въ зародѣ различаютъ *проймины*, равные возу.

Облитникъ — огромный зародъ, сажени 2 ширины, заключающій въ себѣ сотни двѣ *копенъ*. Облитникъ ставится въ деревнѣ и покрывается соломой. Это — запасное сѣно, назначенное въ продажу скупщикамъ (Сольвыч. у.). Въ Сольвычегодскомъ же уѣздѣ (Рябовской вол.) сѣно мѣряютъ саженями. Одна сажень пудовъ около 60-ти.

Копна волоковая въ 5 пуд. вѣсомъ, *описная* состоитъ изъ 6-ти волоковыхъ или 5 пудовыхъ.

Кружева: *десятокъ* - кусокъ въ 10 аршинъ. *Недомѣрокъ*—имѣющій неполные 10 арш.

Корзины (кузовье): *кругъ*—7 или 9 вложенныхъ одна въ другую корзинъ.

Углы, треугольники, четырехъ-угольники, многоугольники, кругъ, шаръ — измѣряются коломъ или веревкой.

За единицу времени принимаются сутки или отдѣльно — день и ночь. Части сутокъ: повдень (половина дня); повночь—половина ночи.

Меженные дни—самые долгіе лѣтніе. *Филипповки*—самые короткіе зимніе.

Сорочина—сорокъ дней по усопшемъ. *Година*—годъ.

Названія дѣленія года удерживаются преимущественно календарно-церковныя.

Съ солнечнаго восхода считается день, а съ заката ночь. Часъ дня опредѣляется по наблюденію тѣни. Пору дня опредѣляютъ по упряжкамъ — время отъ завтрака до обѣда, отъ обѣда до павжны, отъ павжны до ужны, также и наблюдаютъ и тѣнь отъ солнца.

По замѣчаніямъ стариковъ, во время полевыхъ работъ, лошадь лѣнивѣе работаетъ въ концѣ упряжки; въ это время приходится усиленно понукать ее, она безпрестанно останавливается, а есть и такія лошади, что если пришло время пообѣдать и отдохнуть, то ни къ чему не послужатъ никакіе побои.—Пора ночи узнается по пѣнію пѣтуха, онъ непремѣнно поетъ въ полночь (иные въ 11 ч.), а къ утру учащенно.

За основаніе для счисленія времени берется напр. Модестовъ день (18 дек.); если праздникъ въ такомъ-то году въ четвергъ, то въ этотъ день будетъ Рождество и Новый годъ. Если Спасовъ день (1 авг.) во вторникъ, то въ этотъ день будетъ Успенье, Ивановъ день (29 авг.), Ярославскіе (19 сент.), Васильяновъ день (10 окт.), заговенье на Филипповъ постъ (14 нояб.), Введеніе во храмъ (21 нояб.). Такъ же узнаютъ и семейные праздники, напр. именины; для этого замѣчаютъ «большой праздникъ» и къ именинамъ отъ этого праздника прибавляютъ сколько нужно недѣль и дней. Счетъ же времени мясоѣда, масляницы ведется по замѣчанію въ году—сколько недѣль и дней былъ мясоѣдъ или на которой недѣлѣ была масляница отъ дня Рождества, столько времени прибавляютъ или убавляютъ по узнанію этихъ событій въ слѣдующемъ году.

Парами считаютъ банные вѣники, колья, сапоги, катапики, одежду; пятками и десятками—ленъ, яйца, огурцы, яблоки, снопы.

Вѣники считаютъ парами потому, что связавъ пару, удобно повѣсить ее на жердочку, грядку. Колья втыкаютъ въ землю парами. Яйца, огурцы, яблоки сосчитать пятками, десятками легко и при счетѣ взять въ руки удобно. Снопы же считаютъ десятками потому, что изъ 10 сноповъ составляется суслонъ сжатаго хлѣба, а сосчитавъ суслоны, легко опредѣлить количество овиновъ и общее количество сноповъ. Вообще же счетъ именно на пятки и на десятки самый употребительный, (а не на четверки или шестерики, напр.) потому, что у человѣка 10 пальцевъ.

Счетъ умственнаго счисленія: сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія производится съ большаго наименованія, а остальныя прибавляются (или убавляются) къ большимъ однороднымъ предметамъ или числамъ. Напр. нужно умственно вычесть 28 изъ 65. Сначала вычтутъ изъ 65-ти 20-ть, останется 45, изъ 45-ти 8-мъ, получатъ тридцать семь; или же 65—20=45; 45—5=40; 40—3=37. Дѣлаютъ выкладки и на счетахъ, которые въ домашнемъ обиходѣ имѣются почти повсюду.

IV.

Семейные нравы и обычаи.

Каждая семья живетъ на попеченіи и подъ наблюденіемъ главы семейства—домохозяина, который въ большинствѣ случаевъ пользуется неограниченною властью. Впрочемъ, огромную роль играетъ при этомъ личный характеръ отца. Если отецъ человѣкъ непреклонный, упрямый, вся семья ходитъ по-стрункѣ; устарѣетъ владыка и, все-таки, до самой его смерти, сыновья его, хотя бы и женатые, относятся къ нему съ почтеніемъ, по старой привычкѣ, мирясь съ тѣмъ фактомъ, что онъ, можетъ быть, и имъ и сестрамъ ихъ испортилъ всю жизнь своимъ самодурствомъ.

Если же у отца характеръ мягкій, слабый, миролюбивый, или отецъ настолько уменъ, что признаетъ необходимостъ уступокъ ради общаго благоденствія (такія личности въ крестьянской средѣ не рѣдкость) сознаетъ, что, приходя въ дряхлость, глупѣетъ, а не умнѣетъ, въ такой семьѣ жизнь идетъ несравненно лучше, нѣтъ этого неудержимаго стремленія дѣлиться и расходиться, во что бы то ни стало или бѣжать въ дальніе города на заработки, когда можно безъ нужды жить дома, и отношенія дѣтей къ отцу отличаются такой глубокой привязанностью, такой неподдѣльной нѣжностью и заботливой предупредительностью, что невольно дивишься. Въ такихъ семьяхъ мать иногда играетъ очень видную роль, но никогда не первенствующую: до этого не допустятъ сыновья, если бы отецъ и готовъ былъ допустить. Если отецъ, по убѣжденію ли, по мягкости ли характера, уступаетъ долю своей власти, эта власть не переходитъ или, вѣрнѣе, не отдается въ руки женщины. Ея сфера—все, что касается домашняго обихода, за ней остается право «отдавать» дочерей, но важнѣйшіе вопросы жизни и хозяйства рѣшаются мужчинами.

Подчиненное положеніе мужа женѣ или, какъ говорится, нахожденіе мужа подъ башмакомъ у жены, въ крестьянской средѣ явленіе исключительное. Такой мужъ клеймится общимъ презрѣніемъ и терпитъ двойное горе: отъ дурного обращенія съ нимъ жены и отъ постоянныхъ насмѣшекъ сосѣдей. Въ народныхъ пѣсняхъ такіе мужья осмѣиваются весьма

ѣдко. Такъ, напр., самъ мужъ разсказываетъ, что его «жена — барыня» [1]), отправляясь «ко сосѣду во бесѣдушку», задаетъ ему задачу: одновременно смолоть мѣшокъ пшеницы [2]), сбить въ масло горшокъ сметаны, укачивать ребенка и стеречь цыпленка. Какъ же онъ ухитряется?

Правой рученькой пшеничку мололъ,
Лѣвой рученькой сметанку болталъ,
Правой ноженькой дитятко качалъ,
Изо всѣхъ я глазъ на цыпоньку глядѣлъ.

Дѣло, можетъ, обошлось бы ладно, но вдругъ въ избу влетаетъ какой-то «маршинъ съ аршинъ». Мужикъ опасаясь, вѣроятно, что этотъ маршинъ унесетъ дитятку или схватитъ цыпленка, кидается къ нему со всѣхъ ногъ.

Я разсыпалъ пшенички мѣшокъ,
Я раскокалъ сметанки горшокъ,
Разбудилъ я малу дитятку,
Задавилъ я малу цыпоньку.

Результаты такой поспѣшности оказались весьма печальные. «Жена—барыня», вернувшись домой, «задаетъ мужу трепку».

«У ней мужъ у ногъ катается».

Замѣчательно, что въ массѣ пословицъ и поговорокъ, обращающихся въ средѣ вологодскаго народа, нѣтъ *ни одной* характеризующей, такъ или иначе, подчиненное положеніе мужа. Это служитъ прямымъ доказательствомъ исключительности подобнаго явленія.

Будь женщина того умнѣе, энергичнѣе, трудолюбивѣе, а мужъ того глупѣе, лѣнивѣе, порочнѣе, она все таки—существо, стоящее несравненно его ниже, просто потому, что она женщина. «Худой мужъ въ могилку—добра жена по под-оконью», т. е. если мужикъ и считался, и былъ дурнымъ человѣкомъ, да умеръ, то жена его, хотя и хорошая, а пойдетъ по-міру, потому что одной бабѣ, хотя и хорошей, ни за что не прокормить семью.

«У хорошаго мужа и дура просужа», т. е. и глупая жена сходитъ за умную. «Мужъ запьетъ—полдома пропьетъ, жена запьетъ — весь домъ пропьетъ»; или «мужъ пропилъ скалку да валекъ, а баба весь потолокъ». «Красна жена мужемъ, а пава перьямъ» [3]). «Хороша камка, да подъ холстъ легла», т. е. дѣвушка хотя и называлась «славнухой», но выйдя замужъ, потеряла, такъ сказать, свою личность.

Вообще, женщина не пользуется уваженіемъ въ народѣ, какъ существо глупое отъ природы. Она считается бездушною тварью. Мужики говорятъ бабамъ: «изъ-за насъ живете и красуетесь». Самое слово женщина вовсе не употребительно въ народѣ. Маленькая дѣвочка зовется дѣвочкой, взрослая—дѣвкой, замужняя—бабой, старуха—бабкой. Души, какъ сказано, у женщины не признается. «Какая у бабы душа? у ней не душа, а паръ».— «На семь бабъ одна душа».

Не признавая женщину за человѣка и отвергая въ ней душу, крестянинъ обращается съ женщиной вообще хуже, чѣмъ со своей лошадью или коровой. Бить жену или, какъ

---

[1]) Это «жена—барыня», повторяемое въ пѣснѣ не одинъ разъ, указываетъ, что если эта жена и не дѣйствительная барыня, т. е. дворянка, то, по крайней мѣрѣ, купчиха или мѣщанка, но не крестьянка. Словомъ «жена—барыня» авторъ пѣсни какъ бы оправдываетъ несчастнаго мужика, сѣвшаго не въ свои сани, т. е. женившагося на женщинѣ не изъ своего сословія.

[2]) На ручной мельницѣ, конечно.

[3]) Т. е. перьями.

говорится, «учить» ее — не только не считается предосудительнымъ, но даже необходимымъ, чуть не похвальнымъ. «Бей жену какъ шубу, такъ меньше будетъ шуму», а въ одной пѣснѣ дается такой совѣтъ: «бей жену къ обѣду, а къ ужину опять, чтобы шти были горячи, каша масляная, жена ласковая, обходительная». «Жену учи до дѣтей, а дѣтей—безъ людей», т. е. бей жену пока еще дѣти не народились, а дѣтей такъ, чтобы люди не видѣли Въ другой пѣснѣ разсказывается, какъ братъ навѣстилъ свою замужнюю сестру и распрашиваетъ: каково ей живется? Та отвѣчаетъ: «ой, братецъ голубчикъ, какъ я несчастлива! Сегодняшнюю ночку шелковая плетка всю ночь просвистѣла, мое тѣло бѣло всю ночь прогорѣло, слезы горючія всю ночь пролилися». Старый мужъ, у котораго молодая жена, жалуется, что ему нельзя ее бить, потому что онъ очень жалостливъ. «Ужъ я билъ жену часокъ, а плакалъ денекъ, а то билъ жену денечекъ, а плакалъ недѣльку».

Ироническіе и презрительные отзывы о женщинѣ услышишь и въ разговорахъ, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ, и въ сказкахъ. Можно бы исписать нѣсколько страницъ, выбирая, изъ имѣющагося въ рукахъ матеріала, неодобрительные отзывы о женщинахъ во всѣхъ стадіяхъ ея жизни, во всѣхъ ея положеніяхъ, тогда какъ добрыхъ словъ не наберешь и страницы.

О дѣвушкахъ-невѣстахъ говорятъ: «хороша дочь Аннушка, какъ хвалитъ матушка», «въ нарядѣ и пенекъ хорошъ», «дѣвокъ худыхъ не слыхано, а бабъ хорошихъ не видано», т. е. пока дѣвушка еще невѣста, про нее распространяютъ самую лучшую славу, а вышла замужъ—и оказалась никуда негодной. Надъ женской лѣнью и притворствомъ смѣются: «ой, какъ устала: съ мѣста не вставала!» «Болитъ бокъ девятый годъ, не знаю, которое мѣсто.» — «Стряпала, ряхала [1]), а не отдыхала. Широка постать [2]),— легчи [3]) поспать. Баба пробудилась, а солнышко закатилось.» — «Шей да пори, такъ не будетъ пустой поры». О женской хитрости и плутовствѣ выражаются такъ: «бойкую бабу и въ ступѣ пестомъ не изловить», т. е. все увертывается, или: ловкая баба и въ ступѣ, будто бы, съумѣетъ спрятать, что угодно. «Гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошли», потому что она хитрѣе чорта. «Личико бѣленько, да ума маленько», говорятъ о красивыхъ женщинахъ, держась повѣрья, что красавицы всегда глупы. «Не умѣетъ тремъ собакамъ щей разлить» —крайняя степень глупости. «У нея хоть осиновымъ коломъ въ ухѣ верти», т. е. такая ужъ дура, что ничѣмъ ея не проберешь. Отсюда и бранное выраженіе: «уховертная дура». «Хороша-то хороша, только бы къ хорошимъ-то не подходила». — «Съ бабой не спорь, а отойди, да взвой»,—до того она упряма. «Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь», т. е. довѣрять нельзя ни одному бабьему слову. «Смѣхота Палагеюшкѣ: мужъ безъ головы домой пріѣхалъ», т. е. смѣется даже въ трагическихъ случаяхъ жизни.

Особенно не благоволитъ народъ къ старымъ дѣвамъ. Старая дѣва — личность самая жалкая въ крестьянской семьѣ. Будь она и скромная и трудолюбивая, все-таки считается, что всѣ ея труды и достоинства никогда не вознаградятъ того, что на нее потрачено вообще и что тратится. «Старая дѣвка— семейная язва». «Старыя дѣвки» —считаются воплощеніемъ злобы, хотя это далеко не всегда такъ. «Поповой собаки, отставнаго солдата да старой дѣвки злѣе нѣтъ». — «Вмѣсто семи кобелей держи старую дѣвку — облаетъ злѣй».

---

[1]) Прибирать, мыть, обиходить.

[2]) Полоса въ полѣ.

[3]) Лечь.

Баба споритъ со старой дѣвкой:—«Я не дура—у меня мужъ есть!»—«Я не дура—замужъ не пошла!» возражаетъ послѣдняя.

Такими же безполезными членами семьи, какъ и старыя дѣвы, считаются старики и старухи. Къ нимъ относятся вообще безъ всякаго уваженія и въ лучшихъ случаяхъ — съ холоднымъ равнодушіемъ. Если еще они сохранили умственныя способности и могутъ служить какъ совѣтники въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, или если «дѣдка» сохранилъ обаяніе своего прежняго непреклоннаго характера, то его какъ бы побаиваются, по старой привычкѣ, но если старикъ и старуха слабы и умственно и физически, то къ нимъ относятся съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и обыкновенно съ ироніей. «На старухъ смотрѣть, такъ не жить», говоритъ молодежь.—«Сѣдъ, сѣдъ! [1]) пора бы и на тотъ свѣтъ!» кричатъ ребятишки проходящему мимо старику. На вопросъ гостя (ради приличія): «что ваши старики?» Хозяйка отвѣчаетъ съ усмѣшкой: «что имъ! только и гуляти—съ печи да на палати». Или отдѣльно про бабку: «ее ужъ давно на томъ свѣтѣ съ фонарями ищутъ», а про дѣдка: «онъ послѣднія лапти топчетъ». Если уже дѣдка человѣкъ надоѣдливый, ворчунъ, то на вопросъ о его здоровьи отвѣчаютъ: «когда-то чортъ умретъ, а онъ еще и не хвораетъ». Въ спорѣ со стариками говорятъ имъ въ шутку: «нонѣче стариковъ мѣняютъ на быковъ», а подъ сердитую руку: «просилъ бы себѣ у Господа Бога чередной смерти да деревяннаго кафтана», т.-е. христіанской смерти съ покаяніемъ да гроба. Отлежали себѣ бока старики на печкѣ, вздумалось имъ сходить навѣстить сосѣда, и тутъ надъ ними смѣются, говоря во слѣдъ: «старыя кости потрепали въ гости». «Не торопись на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ», говорятъ старику, который любитъ выпить и, вмѣстѣ охать и жаловаться на свои недуги.

Женившись и начавъ семейную жизнь, молодой крестьянинъ говоритъ: «будетъ съ насъ, не робята у насъ, а робята будутъ—на себя добудутъ», или: «будетъ ротокъ, будетъ и кусокъ», но все-таки, вслѣдствіе непрочности своего экономическаго положенія, онъ ужасно боится, чтобы у него не народилось лишнихъ дѣтей. Подъ лишними разумѣются обыкновенно дѣвочки, появленіе которыхъ на свѣтъ встрѣчается иногда какъ истинное несчастіе. Но если дѣвочекъ и нѣтъ, или ихъ не излишекъ, одного сына считается недостаточно, хотя онъ, какъ одиночка, и освобождается отъ воинской повинности. Одинъ сынъ—не сынъ, два сына—пол-сына, три сына—сынъ». О маленькихъ дѣтяхъ говорится: «дѣтки маленьки съѣсть не дадутъ, выростутъ побольше—износить не дадутъ», т.-е. при большой семьѣ родители часто себѣ самимъ должны отказывать въ кускѣ хлѣба, чтобы дѣти были сыты, а когда эти дѣти подрастутъ—своего платья не успѣешь износить, потому что надо его перешивать для дѣтей. «Это не бѣда, какъ всѣ дѣти подъ одной шубой, а то бѣда, какъ надо каждому по шубѣ». Жалуясь на недостачу хлѣба, многодѣтные крестьяне приводятъ поговорку: «семеро ватажки вертятъ коровашки», т.-е. на ватагу изъ семерыхъ ребятъ надо не мало короваевъ хлѣба.

Отецъ, обыкновенно, не обращаетъ на маленькихъ дѣтей никакого вниманія, отчасти за недосугомъ, отчасти и болѣе потому, что не въ обычаѣ мужику няньчиться съ ребятишками,—бесѣдовать съ ними, ласкать ихъ—это бабье дѣло. «Мать у корзины накормитъ, отецъ у сусѣка заморитъ», т.-е. если нѣтъ матери, то нечего разсчитывать, чтобы отецъ сталъ заботиться о дѣтяхъ: «сыты—ладно, а голодны, такъ сами ищите чего-нибудь по-

[1]) Т.-е. сѣдой старикъ.

ѣсть». «Какъ нѣтъ въ ульѣ матки, такъ нѣтъ и порядку». Мать вѣчная и неустанная попечительница и защитница своихъ дѣтей. «Нѣтъ такого дружка, какъ родимая матушка». Шалятъ маленькія дѣти—она сама ихъ наказываетъ, но никогда при чужихъ людяхъ, а если нашалятъ большія, старается скрыть ихъ шалости всѣми зависящими отъ нея средствами. «И плачешь, да прячешь».

Дѣтей крестьяне наказываютъ вообще мало и рѣдко. Мать, обыкновенно, только крикнетъ на ребенка, если онъ расшалился, въ худшемъ случаѣ дернетъ его за ухо или за волосы и то больше если онъ попался подъ руку. Сѣкутъ дѣтей въ рѣдкихъ случаяхъ, больше ограничиваясь угрозами. А если ужъ и приходится сѣчь, то это обязательно исполняетъ отецъ; мать для этого слишкомъ «жалостлива». «Учи дитя, пока поперекъ лавки лежитъ», т.-е. пока ребенокъ еще малъ, «а вдоль лавки сѣчь уже ни къ чему не поведетъ». Матери часто говорятъ въ шутку: «пока дитя растетъ, такъ говорится: дитятко, не ушибись, а выростетъ, такъ: дитятко, не ушиби».

Лѣтъ 7-ми дѣвочка зимою начинаетъ прясть, кропать (штопать) что-нибудь изъ платья, такъ что незамѣтно пріучается къ дѣлу. Это продолжается до замужества. Лѣтомъ дѣвочки нянчатся съ маленькими дѣтьми у себя дома, а не то поступаютъ въ пѣстуньи къ чужимъ людямъ на время полевыхъ работъ, съ 12-ти же лѣтъ начинаютъ работать серьезно, первоначально грести сѣно, потомъ и косить, жать и проч.

Мальчикъ становится работникомъ съ такого возраста, какъ только его силы позволятъ наложить на него какой бы то ни было трудъ. Физически крестьянскія дѣти развиваются несравненно ранѣе городскихъ. Въ тѣ годы, когда городскія дѣти ходятъ еще гулять съ нянькой, крестьянскій мальчикъ исполняетъ уже множество домашнихъ и полевыхъ работъ. Ранній и непосильный трудъ отзываетя иногда, однако, очень вредно на дѣтяхъ. Попадаются крестьянскіе парни, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста имѣющіе видъ людей пожилыхъ: низкій, пріостановившійся ростъ, желтоватый цвѣтъ кожи, тусклые глаза, морщины на лбу, блѣдность слизистыхъ оболочекъ и проч., но обыкновенно такая «собачья старость» обусловливается не однимъ непосильнымъ трудомъ, а также и дурнымъ питаніемъ съ младенческаго возраста и перенесеніемъ острыхъ болѣзней: тифа, оспы.

Игры крестьянскихъ дѣтей отличаются большимъ разнообразіемъ. Самыя употребительныя изъ нихъ читатель найдетъ въ приложеніяхъ.

Привязанность дѣтей къ матери весьма сильна. Но если мать умерла и отецъ женился на другой, то этой женщинѣ, хотя бы она и отличалась положительными достоинствами, весьма трудно заслужить любовь пасынковъ и падчерицъ. Въ лучшемъ случаѣ къ ней холодно-равнодушны. Если же она женщина со слабостями, жизнь ея самая печальная. Пока дѣти малы, она еще живетъ сносно. «Сдобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговенье щи дохлебать». Это ей будутъ напоминать впослѣдствіи безпрестанно, такъ какъ дѣти ничего не забываютъ. Но какъ только встали на ноги, они непремѣнно составятъ ничѣмъ не расторжимую коалицію противъ женщины, которую никогда и ни въ какомъ случаѣ не признаютъ за родную. „Горько пасынкамъ, не слаще и мачихѣ". Въ одной трогательной старинной пѣснѣ расказывается, какъ молодой вдовецъ женился и выстроилъ себѣ новый домъ.

Малыя дѣтушки плачутъ они воютъ,
Нову горенку они ругаютъ,
Злую мачиху проклинаютъ:
«Ты сгори-ка, сгори, горенка новая,

Ты-умри-ка, умри, мачиха презлая,
Ты возстань-ка, возстань, матушка родная,
Ты вернись-ка, вернись, избушка дымовая!»

Существуетъ другая пѣсня на ту же тему, но тутъ отецъ, чтобы жениться на другой, убиваетъ свою первую жену.

Изъ-подъ камня ли то камня сѣраго
Вытекала рѣка вода холодная.
Тутъ дѣвица бѣло мылася
Да на гулье снаряжалася.
Взошла на гору—диво видѣла,
Диво видѣла, дивовалася:
У колодчика у ключеваго
Тутъ донской казакъ конюшка поилъ
Онъ не конюшка поилъ—свою жену губилъ.
Ему женушка возмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася [1]):
—«Ахъ ты мужъ мой, мужъ, ты донской казакъ!
Не губи душу рано съ вечера,
Ты губи душу со полуночи,
Когда сосѣдушки поразойдутся,
Когда семейнички спать улягутся,
Малы дѣтушки крѣпкимъ сномъ заснутъ»...
Малы дѣтушки просыпаются,
Своей маменьки опи хватаются:
—«Родный тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ подъ окошечкомъ».
—«Не обманывай, родный тятенька!
Наша маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору за колодиной».
—Вы не плачьте-ка, малы дѣтушки!
Я сострою вамъ высокъ теремъ
Я повѣшу вамъ золотую цѣпь,
Приведу я вамъ молодую мать...»
—«Ты сгори, сгори, нашъ высокъ теремъ,
Ты скипи, скипи, золотая цѣпь!
Ты помри, помри, молодая мать,
Ты возстань, возстань, наша матушка!...»

Къ родительскому проклятію народъ относится съ необыкновенною боязнью, такъ же точно какъ къ родительскому благословенію питаетъ глубокое уваженіе. Молитва матери творитъ чудеса. «Материнская молитва со дна моря достанетъ».

Есть повѣрье, что если родители проклянутъ ребенка, его непремѣнно унесетъ лѣшій. Если отецъ на смертномъ одрѣ, хотя бы и заочно, дастъ свое благословеніе, то жизнь получившаго это благословеніе будетъ счастлива, а если не дастъ, хотя бы и не преднамѣренно, то все пойдетъ худо [2]).

Нерѣдко можно услышать мнѣніе, что нѣжныя чувства въ крестьянской средѣ развиты мало, что парни не влюбляются искренно и дѣвушки любятъ молодыхъ людей тоже, такъ сказать, поверхностно, поэтому принужденіе со стороны родителей выйти замужъ за нелюбимаго человѣка не дѣйствуетъ гибельно на нравственную сторону принуждаемой, какъ это бываетъ въ средѣ людей другихъ сословій, что дѣвушка скоро забываетъ предметъ своей любви мирится съ обстановкой въ нелюбимомъ домѣ и привыкаетъ къ навя-

---

[1]) Въ Сольвычегодскомъ у. и теперь въ большомъ употребленіи выраженіе усиленной просьбы: «я тебѣ паду въ праву ножку!»

[2]) Въ Корбангской вол., Кадниковскаго у., разсказываютъ, что однажды мать выругала свою маленькую дочь чортомъ. Въ ту же минуту дѣвочка бросилась бѣжать непроизвольно черезъ дворъ и огороды и скрылась безслѣдно. На другой день ее нашли едва живую и на всѣ разспросы могли добиться отъ нея только того признанья, что около нея «дѣдушка былъ».

занному ей насильно человѣку; тоже самое и относительно молодаго человѣка. Это совершенно ложное мнѣніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять и пересмотрѣть любой сборникъ народныхъ пѣсенъ [1]) и въ этомъ сборникѣ въ особенности отдѣлъ пѣсенъ любовныхъ. Всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ, что такія прекрасныя пѣсни могли вылиться только изъ сердца преисполненнаго искреннею любовью. Есть любовныя пѣсни, отличающіяся такою нѣжностью и глубиною чувства и до того безукоризненныя по формѣ, что въ самомъ дѣлѣ какъ-то не вѣрится, чтобы ихъ могли сложить безграмотныя деревенскія дѣвушки, не имѣющія ни малѣйшаго понятія о стихотвореніи, между тѣмъ извѣстно достовѣрно, что дѣвушки-то и есть сочинительницы; парни -- стихотворцы несравненно рѣже.

Самъ народъ признаетъ, что любовь — чувство, съ которымъ шутить нельзя. «Коли что полюбится, такъ и умъ отступится». — «Любовь — не картошка, въ горшкѣ не сваришь». «Въ чужую душу попадешь, такъ и своей не сбережешь». «До люби (т.-е. любви) и живота не нажить». Послѣднее означаетъ, что чувство любви — главный стимулъ, заставляющій человѣка трудиться и заботиться о пріобрѣтеніи собственности, въ виду будущаго блага своей семьи. «Милому мила — и безъ бѣлилъ бѣла», или «миленекъ — и не умытъ бѣленекъ». И даже «милаго побои не больно болятъ».

Сердечныя отношенія между мужемъ и женой сохраняются до конца жизни. Приведу одну пѣсню на эту тему.

Ужъ какъ по мосту, мосту
Шелъ старикъ со старухой.
Мостовина подломилась,
И старуха провалилась.
Старикъ плачетъ, воетъ,
Въ слезахъ причитаетъ:
«Ужъ ты свѣтъ моя старуха,
Моя крѣпкая дума,
Размышленый твой разумъ!
Не съ кѣмъ мнѣ думу думати,
Не съ кѣмъ слова промолвити,
Не съ кѣмъ по-міру ходити,
Кошеля волочити».
Тутъ старуха услыхала,
Крѣпко взрадовалась,
На рѣзвы ноги вставала,
Старика цѣловала.

Вологодскій народъ, какъ и весь вообще народъ русскій, чрезвычайно гостепріименъ. Отказъ путнику, попросившемуся переночевать, является въ видѣ крайняго исключенія. Не пуститъ въ избу странника или прохожаго развѣ баба, оставшаяся почему либо дома одна, въ которой страхъ передъ чужимъ человѣкомъ («кто его знаетъ, что онъ въ мысляхъ держитъ!») превозмогаетъ чувство гостепріимства и сострадательности, или же семья раскольниковъ. Не покормятъ прохожаго въ томъ только случаѣ, когда у самихъ ѣсть нечего.

Гость, входя въ избу, выражается порой такъ: «Хлѣбъ да соль вамъ, не остаться ли намъ?» Или: «миръ вамъ, и я къ вамъ!» Хозяева отвѣчаютъ: «милости просимъ!» Когда гость собирается уходить, хозяева говорятъ: «милости просимъ и на-предки (впередъ)».

---

[1]) Я разумѣю пѣсенъ, записанныхъ со словъ народа и сочиненныхъ народомъ, а не пѣсенники поэтовъ, писавшихъ пѣсни «въ народномъ духѣ», какъ Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ и др. Эти пѣсни въ народѣ не прививаются.

Баба говоритъ гостьѣ: «что, родная, не погостила нисколько, ужъ и торопишься, только въ глаза напорошила!» Гостья, уходя, говоритъ: «простите меня грѣшную!»

Если хозяинъ не радъ гостю или гостьѣ, то пока тѣ еще не вошли, говоритъ: „милости просимъ мимо стола щей хлебать!" или: „не торопся, Окся, какъ-то еще къ кашѣ-то принустятъ!"

Гостей сажаютъ за столъ по рангамъ и возрастамъ: близкую родню въ самый уголъ подъ образа, а прочую по сторонамъ. Прежде всего пьютъ чай; хозяинъ подноситъ всѣмъ гостямъ, не исключая и дѣтей, по рюмкѣ водки, причемъ обязательно кланяется. Хозяйка также низко кланяется каждому гостю, котораго подчуетъ хозяинъ; во время чая пьютъ и пиво. Гость, принявъ братыню изъ рукъ хозяина и заставивъ самого отпить изъ нея, передаетъ своему сосѣду, сосѣдъ опять другому и т. д. Чай пьетъ гость съ однимъ кускомъ сахару, сколько бы чашекъ ни выпилъ; взять второй кусокъ считается крайне неприличнымъ. Послѣ чаю обѣдаютъ; передъ каждымъ кушаньемъ пьютъ водку и пиво тѣмъ же порядкомъ, какъ и ранѣе. Въ Никольскомъ у. пиво подносятъ въ деревянномъ ковшѣ, называемомъ *корецъ*, причемъ хозяинъ приговариваетъ: „корецъ съ питьемъ, поклонъ съ челобитьемъ, милости просимъ, пить подносимъ". Въ Вельскомъ у. при подчиваніи гостей употребляются слѣдующія выраженія: „поѣлосте, поѣлосте, дорогіе гости!" говоритъ хозяинъ, а гости отвѣчаютъ: „то и дѣло надвигаемъ, наѣлозилися!"

Въ прежеее время существовалъ еще обычай пѣть за столомъ такъ наз. *псáльмы*. Нынѣ это вывелось, или если сохранилось, то лишь въ немногихъ мѣстахъ [1]). По сообщенію г. Бартенева изъ Васьяновской вол., Кадниковскаго у., «божественное пѣніе бываетъ за столомъ, по праздникамъ, но рѣдко».

Нищенство дѣйствительное и профессіональное весьма развито въ губерніи и, къ сожалѣнію, прогрессируетъ въ своемъ развитіи. Не подать нищему считается большимъ грѣхомъ. „Съ тюрьмой да съ сумой никогда не бранись", „сума да тюрьма всѣмъ родня", потому что неизвѣстно, можетъ и самому придется ходить по подъ-оконью и „кликать", между тѣмъ народъ часто бранится съ сумой, т.-е. съ нищими и смѣется надъ ними. Это потому, что есть множество людей, ходящихъ по міру изъ лѣности, или у которыхъ нищенство обратилось въ промыселъ. Это люди часто вполнѣ состоятельные, но они запрягаютъ лошадь и отправляются въ дальнія деревни; гдѣ ихъ никто не знаетъ—просить милостыню. Собранный же хлѣбъ продаютъ или откармливаютъ имъ свиней. Есть нищіе

---

1) Вотъ образецъ одной такой псáльмы, записанной въ Вологодскомъ уѣздѣ:

О человѣче бренный,
Какъ ты скоро отмѣнный!
Жизнь твоя краткая
Подобна есть дыму,
Скоро убѣгающу,
Вѣтромъ разносиму.
Языкъ разноцвѣтущій
Рѣчивъ добротою,
Скоро будетъ связанъ
Вѣчной нѣмотою.
Глаза лучезарны,
Увы, потемнѣютъ,
Смерти вѣчнымъ облакомъ
Покрытись имѣютъ.
Ланиты багряныя,
Ланиты всерясны,
Червіемъ изъядены,
Станутъ быть ужасны.
Слава твоя какъ пузырь
Разскочится водный,
Гласъ тя похваляющій
Умолкнетъ народный.
Сребро твое и злато
Скоро будетъ ржею,
Алмазы, бриліанты
Станутъ быть землею.
Точію дѣла твоя
Будутъ непремѣнны,
О сихъ будешь оправданъ,
Или осужденный.

просто по страсти къ бродяжничеству (больше бабы). Это народъ знаетъ и потому на возгласъ: „милостыньку ради Христа!“ нищіе слышатъ иногда отвѣтъ: „Богъ подастъ, рожа толста!“ Есть нищіе лакомки. Имъ подадутъ хлѣба, а они просятъ пирожка. „Не защипаны рожка“! отвѣчаетъ хозяйка, или „не по болѣстямъ прихоти“, или „не жирно ли будетъ, глаза заплывутъ“.— „Богъ подастъ, меньше крошишь“.— „Сзади: Христа-ради, а спереди: на погорѣлое мѣсто“! Это говорятъ именно о притворныхъ нищихъ, которые, прося милостыню подъ окнами, увѣряютъ, наприм., что они пошли по міру потому, что у нихъ хлѣбъ выбило градомъ, а у крыльца,—что ихъ деревня сгорѣла. Есть искусники прикидываться несчастными, но народъ трудно обмануть, особенно мужчинъ. Они почему-то отличаютъ настоящихъ нищихъ отъ притворныхъ.

Вотъ пѣсня о двухъ братьяхъ-Лазаряхъ, которую поютъ нищіе [1]).

Жили да были на вольномъ свѣту,
На вольномъ свѣту, на подсолнышномъ
Два братца, да два и Лазаря.
Богъ ихъ надѣлилъ не однимъ счастьемъ:
Большаго-то брата богачествомъ,
А младшаго-то брата убожествомъ.
Заводилъ богатый преогромный пиръ;
Съѣзжались къ богатому князья да бояра,
Князья да бояра, да богаты купцы.
Приходилъ убогій къ брату своему,
Стукнулъ подъ окномъ да говоритъ:
— „Дома ли мой братецъ, богатый Лазарь?
Напой, накорми, мое тѣло одѣжи“ [2]).
Закричалъ богатый громкимъ голосомъ:
— „Отойди прочь, скверный, ты прочь отъ окна!
Какой ты мнѣ братецъ, убогой человѣкъ?
Князья, бояра—то братья мои,
Купцы торговы—то друзья мои“.
Злые-то псы по подстолью ходили,
Мелкія крошечки сбирали,
Этимъ моя душенька сыта была.
Взмолился убогой на небеса:
„Господи владыко, Спасъ милосливой,
Услыши, небесный, молитву мою,
Молитву мою да неправедную!
Есть моя молитва, есть неправедная:
Пошли ко мнѣ, Господи, двухъ ангеловъ,
Грозныхъ, немилосливыхъ
По мою по душеньку по Лазареву.
Этакъ моя душенька поцарствовала!“
Услышалъ небесный молитву его,
Молитву его да и праведную
„Есть твоя молитва есть и праведная!“
Послалъ Господь двухъ ангеловъ,
Двухъ святыхъ, милосливыхъ
По его душеньку по Лазареву.
Съ честьей, со славой душу вынимали,
Посадили душеньку на пелену,
Понесли душеньку на небеса
Къ Аврааму, Іакову во прекрасный рай.
Пошелъ богатый во пиръ пировать,
Во пиръ пировать, во компанью посидѣть.
Каменны палаты его пламенемъ взяло,
Тутъ скорбѣлъ богатый день до вечера.
Взмолился богатый на небеса:
„Господи-владыка Спасъ милосливый,
Услыши, небесный, молитву мою,
Молитву мою да и праведную!
Есть моя молитва, есть и праведная:
Пошли мнѣ, Господи, двухъ ангеловъ
Двухъ святыхъ милосливыхъ,
По мою по душеньку по Лазареву,
Этакъ моя душенька намаялася!“

[1]) Нижеслѣдующій стихъ представляетъ варіантъ стиховъ о Лазарѣ, сравнительно съ помѣщенными въ Сборникѣ П. Безсонова: «Калѣки-перехожіе» (М. 1864). *Ред.*

[2]) Т.-е. одѣнь.

Услышалъ небесный молитву его,
Молитву его да неправедную:
„Есть твоя молитва, есть неправедная!“
Послалъ ему Господи двухъ ангеловъ,
Двухъ грозныхъ немилосливыхъ:
Крюкомъ-корюкомъ душу вынимали,
Посадили душеньку на востро копье,
Понесли душеньку въ адъ подъ клюки.

Увидалъ богатый брата своего.
«Братецъ, обмокни мизинной перстъ,
Обведи мои уста, чтобъ не запекалися!»
А братецъ говоритъ: «какъ тебѣ я обведу,
Какъ ты меня братомъ не считалъ
И мое имя не нарекалъ?»

Причины нищенства (истиннаго) весьма разнообразны. При всемъ трудолюбіи народа, благосостояніе семьи можетъ быть разрушено въ четверть часа времени какою-нибудь случайностью, напр. пожаромъ или градобитіемъ. «Одинъ разъ раззорился—вѣкъ по міру пошелъ». О неурожаяхъ, безработицѣ, скотскихъ падежахъ ужъ и говорить нечего. Въ мѣстностяхъ съ теплымъ климатомъ, съ болѣе плодородной почвой и лучшими путями сообщеній, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, жизнь крестьянина не находится въ такой зависимости отъ несчастныхъ случайностей. Здѣсь на сѣверѣ главный хлѣбный злакъ — рожь; пшеница и ячмень сѣются сравнительно мало, картофель тоже рѣдокъ, о просѣ и кукурузѣ и не слыхали, стало-быть, если рожь уродилась худо—хлѣба на семью не достанетъ, надо прикупать его, а заработать деньги на хлѣбъ трудно, потому что большіе города далеки, а идти къ нимъ надо пѣшкомъ, извозный промыселъ не выручаетъ, потому что ѣздоковъ мало, дороги худы и концы лошадямъ приходится дѣлать огромные (станціи по 25 и 30 верстъ), а кормъ лошади плохой: овесъ дорогъ, а сѣно худо. Страхованія скота и хлѣба не существуетъ, кредитныхъ учрежденій тоже. Изъ огородныхъ овощей садятся только самыя обыкновенныя и то «про себя»: капуста, картофель, лукъ, рѣдька, а «рѣпа и горохъ и сѣются про воровъ»; о разведеніи овощей въ большомъ количествѣ для сбыта и думать нечего вслѣдствіе холоднаго климата и неимѣнія мѣстъ сбыта. «За что ни хватись, все въ люди покатись».

При такой непрочности своего экономическаго положенія, крестьянинъ всю свою надежду возлагаетъ на Бога. «Если бы не Богъ, кто бы намъ и помогъ?» «На людей не упѣвай [1]), а на Бога уповай». «Человѣкъ по человѣкѣ, а Богъ по всѣхъ». Если же несчастіе и обрушилось, оно принимается со смиреніемъ, которому нельзя не удивляться. «Богъ далъ, Богъ и взялъ», «не по нашему хотѣнью, а по божью велѣнью», «противъ Бога не съ палкой».

Вотъ еще нѣкоторыя общія черты, характеризующія народъ вологодскій съ нравственной стороны:

Что этотъ народъ въ общемъ уменъ, сметливъ, хитеръ и остроуменъ, какъ вообще великорусское племя—объ этомъ повторять нечего. Умственныя способности, какъ и физическія силы, развиваются весьма не одинаково. Есть очень умные дѣти и очень глупые парни и дѣвки; иногда развитіе задерживается на долго и проявляется вдругъ (напр. послѣ тяжкой болѣзни). На отвлеченныхъ предметахъ вниманіе удерживается вообще не долго, но память развита; запоминаютъ все скоро и помнятъ долго; у мужчинъ память вообще

---

[1]) Упѣвать—жаловаться.

крѣпче, чѣмъ у женщинъ. О мужикѣ и говорятъ: у него крѣпкая память, а о женщинѣ: память-то какъ у дѣвушки. «Дѣвичьей памятью не похваляются, а потыкаются». «У бабы память какъ дирявое рѣшето».

Побратимство существуетъ, но довольно ограниченно. Если друзья мѣняются крестами, они зовутся *крестовыми* и всегда помогаютъ другъ другу въ нуждѣ [1]).

Обычныя выраженія и формы вѣжливости, уваженія, дружбы, любви и ласки слѣдующія: при встрѣчѣ снимаютъ обоюдно шапку и кланяются, здороваются за руку, разговариваютъ (особенно женщины). При встрѣчѣ въ дорогѣ говорятъ: «Богъ по пути», «миръ дорогой», «путемъ дорогой». Въ Никольскѣ при встрѣчѣ двоихъ можно услыхать вопросъ: «каково наживаете (sic)?» Входя въ лавку, говорятъ торговцу: «Богъ за товаромъ!» Привѣтствуя работающаго, говорятъ: «Богъ въ помощь», «Богъ на помочь». Къ любимому человѣку обращаются иногда такъ: «Васильюшка, свѣтикъ мой, показался слѣдикъ твой!» Въ шутку говорятъ при встрѣчѣ: «здравствуй, носъ красный!»

Ласкательныхъ эпитетовъ существуетъ великое множество: лапушка, голубь, голубокъ, голубчикъ, мезонька (тоже, что голубчикъ), бажоночекъ (отъ сл. бажоный), мильвончикъ (милліончикъ), невѣженька (sic!), другъ, дружище, дружочекъ, христовый, христовушка, родимый, дитятко, красное солнышко, любава (любезная), душечка, номилашечка, милка, миленочекъ, андслокъ и пр. и пр.

Если разлучаются на долго, обнимаются, цѣлуются крѣпко и много разъ. При этомъ говорятъ: «прости, не поминай лихомъ, Богъ дастъ свидимся».

Со времени введенія всеобщей воинской повинности свадьба затѣвается только тогда, когда женихъ вышелъ изъ призывнаго возраста и по семейному положенію остался свободнымъ отъ отбыванія воинской повинности, до призывнаго же возраста или до отбыванія повинностей свадьбы бываютъ въ бѣдныхъ семьяхъ для того, чтобы имѣть даровую работницу. Браки производятся по разсчету или по выбору родителей и родственниковъ или по волѣ жениха и невѣсты, при этомъ оцѣниваются достоинства послѣднихъ. При выборѣ невѣсты, главное вниманіе обращается на физическія качества, потомъ на нравственныя; личность, удовлетворяющая требованіямъ въ томъ и другомъ отношеніи зовется *славутницей* или *славнухой*; при выборѣ жениха тоже главную роль играютъ физическая сила и ловкость.

О существованіи обычая похищенія невѣстъ можно привести свидѣтельство лица, близко знавшаго бытъ и нравы тѣхъ мѣстностей, о которыхъ онъ разсказываетъ [2]).

«Кража невѣстъ, говоритъ авторъ замѣтки, существуетъ въ Тотемскомъ у. по волостямъ Демьяновской, Кептурской, Илезской, отчасти Брусенской и Монастырихинской. Обычай этотъ развивается и уже теперь (1876) есть въ уѣздахъ Устюгскомъ, Вельскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ между зырянами [3]). Въ показанныхъ волостяхъ Тотемскаго у. молодой человѣкъ не посылаетъ сватовъ, а, уговорившись съ дѣвушкою, отправляется къ священнику. Они исповѣдываются, пріобщаются и того же дня между 8 и 12 часами свя-

---

[1]) Въ Васьяновской вол. Кадниковскаго у. побратимомъ или побратимкомъ называютъ роднаго брата.

[2]) П. И. Проневскій. См. Вологод. губерн. вѣдомости 1876 г. № 8.

[3]) Слова «между зырянами» относятся, конечно, къ одному Яренскому у.

щенникъ ихъ вѣнчаетъ. На другой день новобрачные вмѣстѣ съ священникомъ отправляются въ домъ родителей просить прощенія».

Далѣе авторъ сообщаетъ что родители обыкновенно охотно даютъ это прощеніе, а бываетъ и такъ, что зная заранѣе о состоявшемся похищенія, выходятъ встрѣчать молодыхъ съ хлѣбомъ, солью и образомъ.

Такимъ образомъ, указанный обычай развился просто вслѣдствіе непомѣрныхъ денежныхъ тратъ, съ которыми сопряжена крестьянская свадьба со стороны обѣихъ, вступающихъ въ родство, семей, такъ же точно какъ нерѣдко крестьянскія семьи поголовно переходятъ въ расколъ, чтобы избавиться отъ поборовъ со стороны духовенства.

Выдать дочку замужъ какъ можно пораньше—главная забота родителей, а когда дѣло устраивается, они несказанно рады, что дѣвка у нихъ «съ хлѣба долой».—«Данъ тебѣ колоколъ, такъ съ нимъ хоть объ уголъ», говорятъ отецъ или мать мужу своей дочери, т. е. отдана тебѣ дѣвка, такъ и дѣлай съ ней, что знаешь.

Дѣвушка, живя дома, работаетъ съ малолѣтства, но какъ она ни работай, все-таки содержаніе ея, считая необходимые наряды для приманки жениха и всѣ свадебные расходы, едва-ли окупится тою пользою, какую она приноситъ какъ работница. Кромѣ того, что ее надо наряжать, надо копить для нея и приданое. «Дѣвушка растетъ — новинки клади, выросла совсѣмъ—денежки неси». А что касается нарядовъ, то говорится: «курицу не накормить, дѣвицу не нарядить». «Думай, не думай, гадай, не гадай, а выростетъ дѣвка—замужъ отдай», говоритъ отецъ, а мать, видя проходящихъ мимо оконъ парней—жениховъ, учитъ дочку, сидящую за ткацкимъ станкомъ: «Тки дочи, тки дочи, не суючи (не продергивая челнока, а лишь стуча бердомъ, дѣлая видъ будто быстро ткетъ, чтобы женихи это слышали): женихи идутъ по улицѣ». А дочь отвѣчаетъ: «тку, мати, тку—и берденъ на полу», т. е. все уже оборвала и бердо уронила.

При выдачѣ дѣвушекъ замужъ, стараются, по обычаю, выдавать сперва старшую, потому что «черезъ снопъ не молотятъ», но рады радешеньки бываютъ, если возьмутъ хоть которую нибудь. «Дѣло сдѣлано: дура замужъ выдана».

Дѣвки боятся, чтобы ихъ не отдали далеко отъ роднаго дома, родителямъ же любѣе отдать подальше, женихи тоже предпочитаютъ невѣсту изъ чужой деревни. Дѣвку утѣшаютъ: «не вздыхай тяжело, не отдадутъ далеко, хоть за лыску, да близко, хоть за курочку, да на свою улочку, хоть за воронку, да на свою сторонку, хоть за батожокъ, да на свой бережокъ», женихи же судятъ такъ: «ближняя — ворона, а дальняя—соколена». Дѣвки высматриваютъ жениховъ покрасивѣй и побойчѣй, это само собою разумѣется. «Подбей-щека, да подбей-нога», т. е. будь женихъ хоть драчунъ, лишь бы умѣлъ плясать. Но есть и такія, которыя говорятъ: «хорошъ и румянъ, да не спрячешь въ карманъ», «хорошіе-то про хорошихъ, а намъ-то и такъ добро», или «хоть и шадровитъ, да издали красовитъ».—Мать надѣется на судьбу, которая пошлетъ суженаго, когда придетъ время. «Суженый уродъ будетъ у воротъ».

Въ большей части губерніи дѣвичьему цѣломудрію не придается строгаго значенія. Есть мѣстности, гдѣ дѣвка, имѣвшая ребенка, скорѣе выйдетъ замужъ, чѣмъ цѣломудренная, такъ какъ она, значитъ, не будетъ неплодна (неплодность брака всегда почему-то приписывается женѣ). Не даромъ сложилась поговорка: «это не порокъ, что у дѣвушки парнекъ (т. е. сынъ), а то порокъ, какъ у дѣвки да три дѣвки».

Когда дѣвушка объявлена невѣстой (лѣтъ съ 16-ти), она начинаетъ гадать о своей будущей судьбѣ.

Чтобы узнать, сколько человѣкъ будетъ въ томъ семействѣ, въ которомъ дѣвушкѣ придется жить по выходѣ замужъ, берутъ въ руку столько соломенокъ, сколько можно захватить и бросаютъ ихъ въ потолокъ; число застрявшихъ въ щеляхъ потолка или въ паутинѣ соломенокъ и покажетъ число членовъ семьи. — Чтобы узнать, съ которой стороны прiѣдетъ женихъ или гдѣ онъ живетъ, идутъ вечеромъ на перекрестокъ и кружатся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ. Куда упадетъ головой гадающая, оттуда и должно ждать жениха.

О пригожествѣ или уродствѣ жениха узнаютъ такъ: подходятъ къ полѣницѣ, и, закрывъ глаза, берутъ изъ нея черезъ голову на удачу полѣно и несутъ въ избу: если попалось гладкое, то женихъ будетъ красивый, если кривое, шершавое, суковатое, то—хромой, некрасивый.

Будетъ ли «смирная» или «ворчажливая» свекровка, узнаютъ такъ: наливъ на сковородку воды, расщипываютъ клочекъ кудели и покрываютъ кринкой; «если вода долго булькаетъ, подымаясь въ кринку, свекровь будетъ ворчливая, а если подымется быстро, то хорошая смирная».

Также ходятъ слушать къ хлѣбному амбару и если слышатъ, что тамъ «мететъ" значитъ выйти за бѣднаго, а если «пересыпаетъ», то за богатаго. Вечеромъ на Новый годъ дѣвушки невѣсты ходятъ слушать подъ окнами и смотря потому, что услышатъ, судятъ о томъ, проживутъ ли этотъ годъ еще въ дѣвкахъ или выйдутъ замужъ. Ходятъ и на перекрестки дорогъ и гадаютъ: съ которой стороны услышатъ звонъ колокольчика, въ ту сторону и выйдутъ замужъ. Подойдя къ частоколу, раскинутъ руки саженью и на этомъ пространствѣ перебираютъ колья, говоря: вдовецъ, молодецъ, вдовецъ, молодецъ—до послѣдняго. Какое слово упадетъ на послѣднiй колъ, такой будетъ и женихъ, т.-е. вдовецъ или холостой. Наконецъ на Новый годъ идутъ въ стаю (хлѣвъ) и перевязываютъ корову поясомъ, а на другое утро, еще до прихода къ коровамъ хозяйки, входятъ въ стаю и и смотрятъ: если перевязанная корова стоитъ рогами къ двери, то выйдутъ замужъ, а если задомъ, то не выйдутъ.

Общественныя увеселенiя, служащiя для ознакомленiя молодежи между собою, въ разныхъ мѣстахъ губернiи носятъ разныя названiя: вечерины, игрища, посидѣнки, бесѣдки, супрядки и всѣ они сводятся къ тому, что молодежь обоего пола собирается по вечерамъ въ той или другой избѣ и здѣсь устраиваетъ игры и разныя увеселенiя. Это зимнiя сборища и о нихъ я буду сейчасъ говорить подробно, лѣтомъ же во время общественныхъ праздниковъ—«гулящихъ» и «обѣщанныхъ», молодцы и дѣвицы собираются въ кучу или отдѣльно гуляютъ — молодцы съ молодцами, дѣвушки съ дѣвушками; качаются на *качуляхъ*—маховыхъ и круговыхъ, водятъ *короводы*, или молодецъ и дѣвица топчутся и кружатся то въ ту, то въ другую сторону, парни пляшутъ въ присядку, оттопывая каблуками.

Манеры ухаживанiя парней за дѣвушками весьма разнообразны и зависятъ отъ характера ухаживающаго и степени его расположенiя къ предмету своихъ домогательствъ. Выдержки изъ пѣсенъ на эту тему дадутъ нѣкоторыя характерныя указанiя.

Сама вижу по лицу и по очамъ:
Не ходите-ка, робята, по ночамъ.
По улицѣ не ходите-ка,
Пустяковъ не говорите-ка,
Подъ окошечкомъ не стойте-ка,
Про насъ пѣсенокъ не пойте-ка,
Во гармонью не играйте-ка,
Спятъ дѣвицы, не пугайте-ка.
Не пугай-ка, Саша, Грашеньку,
Не буди, Алешка, Машеньку:
Онѣ спятъ, не пробудятся,
Растрепались—не полюбятся.

Какъ ходилъ-гулялъ Ванюша
Вдоль по улицѣ,
На Паранино окошко
Часто взглядывалъ,
Про Паранино здоровье
Часто спрашивалъ.—
Научи, душа Параня,
Какъ къ тебѣ ходити?
Научи душа-Параня,
Какъ тебя любити?
—Ты не улочкой, Ванюша,—
Переулочкой,
Ты не въ слѣдъ ступай Ванюша,—
Въ переслѣдочекъ.
Подъ окошечко придешь—
Ты не стукайся,
Ты не стукайся, Ванюша,—
Поцарапайся.

У воротъ было воротечекъ,
У воротъ было рѣшощатыхъ,
Тутъ молодчикъ убивается,
Онъ ко стѣнкѣ прививается,
Сиротинкой называется.
— Кто-бы, кто-бы сиротинушку призрѣлъ.
Кто бы его ночевать пустилъ?
Одна дѣвица промолвилася,
Красавица проговорилася:
— Ужъ я нонче сиротъ больно люблю,
Сиротинку ночевать пущу... и т. д.

Я не думала, не чаяла:
Мой-отъ миленькой отчаянной.
Я отчаянныхъ на смерть люблю!
Безшабашному рубашку шью:
На рубашкѣ-то косой воротокъ.
Не жалѣю девять пуговокъ въ рядокъ.
Девять пуговицъ оловянненькихъ,
Любятъ дѣвки миловзглядненькихъ!

У калитки стоитъ парень молодой,
Говоритъ: напой, красавица, водой!
Ты напой меня колодешной водой,
Я пришелъ къ тебѣ въ рубашкѣ голубой.
— Голубая, не подыгрывай,
Не люба, такъ не заигрывай.
Голубая, вся отдѣлана каймой.
Въ посидѣнки играй, миленькой, со мной.

Въ Маныловской вол. Кадниковскаго у. замѣченъ такой обычай: парень, если всевозможныя средства обратить на себя вниманіе дѣвушки истощены, подходитъ къ ней, дѣлаетъ губами: пс, пс, пс, пс.... и въ тоже время шаркаетъ одной ногой по полу, какъ бы растирая что нибудь. Въ Кадниковскомъ же уѣздѣ самымъ вѣрнымъ средствомъ приворожить сердце считается то, если выпустить хотя одну каплю крови и дать съѣсть въ чемъ либо любимому человѣку. [1]).

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь характерные разсказы одного деревенскаго парня о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, записанные съ его словъ. [2]).

«Рѣдкая изъ нашихъ дѣвокъ не гуляетъ до замужества. Дѣвка знаетъ одного парня, хотя бываетъ и такъ, что одна дѣвка знается и съ нѣсколькими парнями; а нашъ братъ молодяжникъ знаетъ не одну дѣвку. Почти каждый изъ парней, едва минетъ 15 лѣтъ, какъ ужъ начнетъ баловаться. Особенно балуются тѣ рябята, которымъ слѣдуетъ въ солдаты идти; тѣхъ болѣ опасаются дѣвки, болѣ боятся ихъ и отецъ и мать дѣвки. Онѣ насъ, правда, просятъ жениться на ихъ, какъ воротимся изъ солдатчины и мы соглашаемся на это съ кажной, хотя бы ихъ была и не одна, а между тѣмъ на умѣ-то бываетъ не то чтобы сдержать обѣщаніе, а наровишь, какъ бы обмануть ихъ. Если которая дѣвка тебя любитъ, то даетъ снять съ себя кольцо, либо даритъ кисетъ, а замѣсто того ей покупаешь пряниковъ или подаришь зеркальцо или мыло. Ты-то дай ей немного, а она-то ужъ отдастъ тебѣ вдвое. Бывало на пивныхъ праздникахъ на сумѐрькахъ ты уговоришься съ нёй на счетъ какого нибудь дома, туда она тебѣ и принесетъ водки полуштофъ, либо и два, да не одинъ десятокъ яицъ. Водку выпьешь, изъ яицъ сдѣлаешь солянку, а потомъ съ ней и короводишься. Ну, не всегда же проходитъ по добру по здорову. Бываетъ такъ, что во время хватятся дѣвки и почнутъ искать ее. Ужъ, вѣстимо дѣло, сдогадаются, какимъ дѣломъ дѣвица промышляетъ и идутъ [3]) искать ее съ топоромъ, либо съ ружьемъ, либо съ полѣномъ, чтобы изловчиться нашего брата огрѣть по чему попало, и какъ изловчиться: изъ ружья, такъ и изъ ружья, топоромъ, такъ топоромъ. Знамо дѣло, тутъ надо ужъ быть ловкому, чтобы уйти отъ бѣды. Буде случится ночью, такъ тихонько на карачкахъ и выползешь въ двери, либо унаровишь пору и въ окошко выскочишь.

«И со мной случались также такія событія и даже не по-однажды. Разъ узналъ я, что дѣвка, съ которой я любился, спитъ въ избѣ одна. Забрался я къ ней къ ночи, залѣзъ на палати и полеживаю. Приди же на ту пору ея отецъ спать въ ту же избу и па палати тоже. Я съ краю у печи, она пришлась по серединѣ, а онъ у вольнаго-то краю. Я лежу не шелохнусь и думаю себѣ: какъ старикъ уснетъ, тотчасъ же и задамъ деру. Только и покажись старику студено что-то. Онъ и говоритъ дѣвкѣ: Марья! пусти-ка меня поближе къ печкѣ-то, а та и сказывливаетъ: тутотка мѣста совсѣмъ мало—пегдѣ будетъ упомѣститься.—Полно-ка врать-то, пусти. Вижу я, что мнѣ не сдобровать; я не помню и какъ, съ полатей-то соскочилъ, да и дрáлова. Что ужъ было опосля меня—не знаю.

---

[1]) Въ Маныловской же вол. Кадниковскаго у. существуетъ такой обычай: если у мужа съ женой пойдутъ нелады, то для возстановленія любви и согласія берутъ комочекъ земли съ того мѣста, гдѣ дрались пѣтухи и, смѣшавъ эту землю съ саломъ (для липкости), засовываютъ комочекъ въ дверную щель, но такъ, чтобы онъ держался очень слабо и прилипъ къ платью мужа, когда тотъ станетъ отворять дверь. Конечно, это дѣлается по секрету отъ самого мужа. Если комочекъ прилипнетъ, любовь возстановится.

[2]) Записаны въ Кадниковскомъ у. и переданы мнѣ обязательно С. А. Дилакторскимъ.

[3]) Родители или братья.

«А то былъ еще такой случай. Забрался я къ дѣвкамъ на ночь, да видно какъ оплошалъ, только свознала про то матка дѣвки-то, шуму не подняла, а меня ошарила ощупью, а я прикинулся, будто сплю, самъ весь скорчился, головой забился подъ подушку. Ничего въ ту пору мнѣ не сдѣлала, только подъ подушкой-то немного потеребила меня за волосья.

«Привелось и такъ: узналъ я отъ дѣвки, что она спитъ одна; пришелъ къ ней ночевать. Середи ночи пришелъ къ ней же спать отецъ: ему больно докучили блохи, такъ онъ и пришелъ спать въ эту горницу. Я думалъ, что убѣгу до свѣту середи ночи. А онъ нюхалъ табакъ и потерялъ же онъ табатерку; ищетъ ее а найти не можетъ. И сталъ вздувать сирянку, чтобы освѣтить, я скатился съ постели на полъ да на карачкахъ и бѣжать изъ избы вонъ.

«Разъ тоже дядя дѣвки-то провѣдалъ какъ-то про наши дѣла съ ней. На сумѣрькахъ я подошелъ къ избѣ, къ окну и вздулъ сирянку, чтобы узнать, одна-ли она въ избѣ. Въ это время на меня и накинулся мужикъ съ палкой въ рукахъ; а у меня на ту пору былъ привязанъ топоръ за поясомъ; ладно еще, что я успѣлъ во время замахнуться, онъ и отскочилъ.

«А то помню, приняли меня разъ за вора. Я подошелъ къ окошку, чтобы въ него влѣзть, а передъ окномъ-то былъ разостланъ ленъ. Хозяева-то учуяли и подумали, что ихъ ленъ воруютъ, и вышли на меня пять человѣкъ: отецъ дѣвки-то да два брата, да два зятя, кто съ топоромъ, кто съ ножикомъ, а кто съ полѣномъ. Въ ту пору въ деревнѣ были посидѣнки и молодцы гуляли, такъ хорошо еще, отговорился, будто успрятался подъ избу отъ молодцовъ, потому, дескать, они меня собирались поколотить. Мнѣ повѣрили, и я вышелъ благополучно.

«Дѣло улаживается больше благополучно, потому дѣвки, какъ дѣйствуютъ по согласію и по уговору, дѣло и улаживаютъ; а старики — отецъ да мать — хотя и не любо, да не всякій разъ перечутъ намъ, потому мы при случаѣ тому и другому подзатыльниковъ надаемъ. Особенно старухи — такъ тѣ хоша и не потакаютъ намъ, такъ по крайности не мѣшаютъ. Вѣстимо дѣло, ужъ достанется дѣвкѣ, если она не схоронится, да про ея затѣи узнаютъ родители. Побьютъ ее да поколотятъ довольно, однако шибко больно бить не смѣютъ, потому дѣвка застращаетъ, что пожалуется парню, такъ парней-то и боятся.

«Промежу собой дѣвицы укрываютъ другъ друга и хоша бы и знала какая дѣвка съ какимъ парнемъ гуляетъ, однако парнямъ этого не высказываютъ, а при случаѣ, буде доведется до разговора, все говоритъ, что она честная, не гулящая. Нашъ же братъ парни — такъ мы похваляемся. Иной буде шибко напьется пьянъ, такъ заберется въ компанію дѣвокъ, да и почнетъ хвастать свою дѣвку, да иной разъ даже и всю одежду-то на ней приврётъ. Опосля же того, какъ вытрезвится, да повинится передъ ней, такъ она ему завсегда проститъ обиду и по прежнему съ нимъ любится. Недавно парень-то ушелъ въ острогъ на три года изъ за дѣвки, а она все-таки его провожала изъ дома вплоть до городу.

«Иной разъ бываетъ, и прослыхаютъ, что у парня и не одна дѣвка, начнутъ нашего брата стыдить, а мы будемъ отпучиваться, да отвиливаться, а нѣтъ, такъ и выругаемъ, такъ живо отстанутъ. Догадки же нерѣдко бываютъ, когда у парня нѣсколько колецъ на рукахъ.

«Много изъ-за этихъ дѣвокъ бываетъ и ссоръ и драки. Чуть случится промежу парней какой-нибудь половчѣе, побаще да покрасивѣе, такъ онъ, буде со стороны, и не под-

ходи къ нашимъ дѣвкамъ, а то сейчасъ изобьютъ. Почнутъ драться тѣ, кто не столь ражъ, изъ опаски, чтобы дѣвки не полюбили молодцовъ, которые покрасивѣе и не забросили своихъ. А то бываютъ драки изъ-за гармоній, изъ-за пляски. Ежели, примѣромъ сказать, у одного и хорошая гармонія, да онъ играть-то не мастеръ, а у меня хоша и вдвое подешевле, да выиграю еще лучше его, вотъ ему и обида, сейчасъ и наровитъ поднять драку, а то ежели кто кого перепляшетъ—тоже дѣло да драки доходитъ.

«Въ дракахъ всякъ держится своихъ пріятелей, съ которыми ведетъ компанію. Бываютъ молодцы, которые носятъ съ собой про запасъ камень; обернетъ его въ платокъ, да острымъ краемъ и лупитъ, во что попало Либо запасаются гирей, или на ту пору покупаютъ глыбу сахара съ острымъ мѣстомъ; какъ ей влѣпятъ въ тѣло—такъ весь край-то сахару и закрасѣетъ отъ крови,—а я такъ про запасъ ношу съ собой толстое зеркало стеклянное,—тоже можно ловко ударить, не хуже камня, буде ладно приведется.

«Случилось и мнѣ быть битымъ. О ту пору, надо полагать, мужикъ, который меня ударилъ-то, принялъ съ пьяныхъ глазъ за старшаго брата. У меня съ нимъ никакого сердца не бывало, а съ братомъ то была давняя ссора изъ-за коней да изъ-за станціи. Онъ подстерегъ меня, какъ я сходилъ съ съѣзду, да изъ-за стороны и хватилъ по косицѣ [1]). Я тутъ и упалъ, сразу и сталъ безъ памяти. Народъ сбѣжался, сразу меня унесли домой (это дѣло то было въ своей деревнѣ); изъ меня ключомъ лила кровь. Я цѣлыхъ полтора часа былъ какъ мертвый. Какъ пришелъ въ чувство, сейчасъ же меня и повезли къ фершалу. Хорошо, что о ту пору скоро хватились, а то я весь бы изошелъ кровью. Это было объ Ильинѣ днѣ; съ той поры я и пролежалъ полторы недѣли; потомъ, накопецъ, выздоровѣлъ, вотъ только остался рубецъ, а впрочемъ я какъ слѣдуетъ быть здоровъ, ѣмъ не хуже прежняго и голова не болитъ. За ударъ я взялъ съ мужика только 25 руб. Братъ не велѣлъ мнѣ брать меньше 60 р., а мать и говоритъ: возьми и 10 руб., и то денежки. Я запросилъ 50 руб., онъ мнѣ сразу же положилъ 10 руб. Скоро мы,—въ одинъ день и положились. И, обрадѣлъ же онъ, какъ я его простилъ-то. Вѣрно, что онъ далъ бы и 35 руб., потому—богатъ, ему надо было бы отсидѣть до трехъ лѣтъ въ острогѣ за этотъ ударъ-то. Да какъ я—то ужъ сталъ поправляться, да и онъ-то со всей семьей ужъ больно валялся у меня въ ногахъ, такъ ужъ я ему и простилъ. Хотя я ему и говорилъ, чтобы онъ меня не боялся, однако онъ отъ той поры опасается меня и думаетъ, что я его задушу».

Теперь скажу о зимнихъ собраніяхъ или посидѣнкахъ.

Когда соберутся, сперва все идетъ довольно чинно: дѣвки прядутъ и поютъ пѣсни, парни подыгрываютъ на гармоникѣ, болтаютъ, любезничаютъ, говорятъ загадки и прибаутки, потомъ начинаютъ заигрывать съ дѣвками, поджигаютъ куделю на прялкахъ, тушатъ лучину и т. п. Когда расходятся, начинается плясъ. Парни садятся къ дѣвкамъ на колѣни, цѣлуются, обнимаются. Это не считается ни мало неприличнымъ, но верхомъ неприличія считается, если дѣвка сядетъ на колѣни къ парню и его обниметъ или поцѣлуетъ. Это въ Тройчинѣ Кадниковскаго у., но не вездѣ такъ. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Никольскомъ у., въ Корбангской и Никольской волостяхъ Кадниковскаго у.) посидѣнки или вечеринки превращаются въ совершенныя оргіи разврата, гдѣ слово неприличіе не имѣетъ

[1]) Косица—високъ.

уже мѣста. Но посмотримъ, какъ «играютъ» въ Тройчинѣ Кадниковскаго у. по разсказу г. Шустакова, помѣщенному въ Волог. Губерн. Вѣдомостяхъ.

Устраиваются игры, напр. въ такомъ родѣ:

Рубка къ стулу. Кладется на полъ колачъ, такъ чтобы онъ плотно прилегалъ къ стулу (простому деревянному обрубку). Требуется перерубить этотъ колачъ поперекъ однимъ ударомъ топора.

Рубка на стулѣ. На стулъ кладутъ 3—4 колача другъ на друга и требуется перерубить ихъ однимъ ударомъ. Кто перерубитъ, тотъ беретъ колачи себѣ, если же нѣтъ, то долженъ уплатить за нихъ тому, съ кѣмъ былъ споръ.

Бросаніе черезъ воронецъ. Кто нибудь садится на лавку спиною къ воронцу и кидаетъ колачъ черезъ голову и черезъ воронецъ. Если перебросить, беретъ колачъ себѣ. Или же прислоняется головой къ стѣнѣ, зажавъ между головой и стѣной копѣйку и сидя такъ, кидаетъ колачъ, стараясь, чтобы копѣйка не выпала.

Ѣда. Берутся съѣсть условное количество колачей. Если съѣдятъ, то не платятъ за нихъ, а нѣтъ, то оплачиваютъ ихъ стоимость вдвое. [1]).

Въ Васьяновской вол. Кадниковскаго у. устраиваются состязанія борцовъ. Борющіеся схватываются руками за плеча, а ногами производятъ быстрыя, увертливыя движенія для того, чтобы одному другаго свалить («обороть»); свалившійся считается побѣжденнымъ.

Тянутся на скалкахъ (каткахъ). Для этого садятся другъ противъ друга, упершись ногами подошва въ подошву; на носки ногъ кладутъ катокъ, берутъ его руками «въ замокъ» и тянутся каждый въ свою сторону. Кто не въ силахъ перетянуть, выпускаетъ катокъ или, держа катокъ, встаетъ; этотъ и считается перетянутымъ.

Тянутся на пальцахъ. Согнувъ средніе пальцы крючкомъ, захватываютъ одинъ другого и тянутся.

Или такъ: одинъ садится колачемъ (подогнувъ ноги подъ себя) и держитъ носки ногъ руками, а другой беретъ сидящаго подъ пазухи и переваливаетъ черезъ себя.

Берутъ стулъ за нижнюю часть передней ножки и подымаютъ его одной рукой выше головы.

Тягаться *мурашомъ.* Двое встаютъ на четвереньки, надѣваютъ на шею тотъ и другой одинъ кушакъ и тянутъ каждый въ свою сторону.

Привожу двѣ посидѣночныхъ игры, записанныхъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. [2]).

Игра «овинъ горитъ» съ «женитьбой».

Коноводъ выходитъ на середину избы и говоритъ: «давайте, сожгемъ овинъ».—Давайте, отвѣчаютъ прочіе.—Коноводъ беретъ стулъ, ставитъ его на середину избы и садится. Всѣ поютъ:

Сидитъ, сидитъ ящуръ,
Сидитъ окаящій
На золотомъ стулѣ,
Въ орѣховомъ кустѣ;
Орѣшки щелкаетъ,
Жениться смекаетъ.

Коноводъ идетъ выбирать себѣ невѣсту. Которую желаетъ изъ дѣвушекъ, ударяетъ по плечу платкомъ и отходитъ къ товарищамъ. Такъ же выбираютъ и прочіе. Когда невѣсты выбраны, коноводъ говоритъ теперь давайте смотрѣть дружка.

---

[1]) Напр. берутся съѣсть 2 фунта кренделей (съѣдены) или 40 штукъ вареныхъ яицъ (недоѣдены). Такъ на Нодимѣ, Кадниковскаго у.

[2]) См. Волог. Губ. Вѣдом. 1888 г. № 14, статья Ѳ. Кульчинскаго.

Два парня кладутъ по срединѣ избы двѣ заслонки, а на нихъ двѣ клѣтки дровъ, подкладываютъ лучину и зажигаютъ дрова. Тогда начинается прыганье черезъ горящія клѣтки. Дѣвушки прыгаютъ черезъ одну, парни черезъ другую. Кто прыгнетъ, не задѣвъ верхняго полѣна, того хвалятъ; кто задѣнетъ, тому говорятъ: «слѣпую бралъ, да обрался»! и дѣвки стегаютъ его поводкомъ. Неловкой дѣвкѣ говорятъ: «слѣпого брала, да обралась», и ее тоже стегаютъ.

Когда всѣ перепрыгнули по разу, парни говорятъ: «ну что-же, дѣло сдѣлано, какая, есть, привелось обвѣнчаться, давайте повѣнчаемтесь».

Коноводъ снова ставитъ стулъ, садится и говоритъ:—«Ну, выходи, хромая, слѣпая, повѣнчаемся»!

Избранная имъ ранѣе дѣвушка выходитъ и начинаетъ ходить вокругъ сидящаго, а хоръ поетъ:

Я вкругъ келейки хожу,
Я вкругъ новенькія,
Вкругъ сосновенькія;
Млада старца бужу:
Ужъ ты, старецъ, встань,
Спасенная душа, встань!
Къ тебѣ дѣвица идетъ
Да штофъ рому несетъ,
Что напиться велитъ,
Позабавиться.

При этомъ коноводъ встаетъ и начинаетъ ходить въ противоположную сторону, а хоръ продолжаетъ:

Ужо встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей
Для милыхъ гостей,
Для товарищей.

Дѣвушка садится, а парень начинаетъ ходить вкругъ ея. Хоръ поетъ:

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія.
Ужъ я старицу бужу;
Ужъ ты, старица, встань,
Спасенная душа, встань!
Встань къ заутренѣ звонятъ,
На расходѣ говорятъ.
Люди молятся,
Черти возятся.
Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.

Она встаетъ и начинаетъ тоже ходить. Хоръ поетъ:

Отойди прочь пономарь,
Отойди прочь пустозвонъ!
Не могу я встать,
Головы поднять.
Голова моя болитъ,
Сердце ключикомъ кипитъ.

Такимъ образомъ вѣнчаются и всѣ прочіе. Коноводъ говоритъ: «ну, робята, давайте снова жениться. Были первыя бабы, да тѣ умерли, а жениться можно до трехъ разъ».

Тогда начинается опѣваніе коновода и прочихъ парней. Хоръ поетъ:

За Ивана возьмемъ,
За Корниловича.
Что которая невѣста
Безъ бѣлилъ она бѣла,

Онъ во городъ-то пойдетъ,
Онъ во Кіевъ пойдетъ,
Онъ не пенья рвать,
Не коренья драть,
Онъ невѣстъ смотрѣть
Да красавицъ выбирать.
Безъ румянецъ хороша,
Безъ подверточки толста,
Безъ подмостокъ высока,
То невѣста моя
То и суженная.

Послѣ этого дѣвки собираются въ кутнемъ углу, а парни ставятъ скамейку подъ палатный брусъ. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ по дѣвушкѣ, ведетъ ее и садитъ на скамейку. Когда выборъ конченъ, дѣвушки идутъ въ кутній уголъ, а парни остаются подъ палатями и коноводъ говоритъ: ну, ребята, теперь мы поженились, давайте ходить. Парни берутъ своихъ дѣвушекъ, начинаютъ ходить и всѣ поютъ:

По за насту (2), по за настью,
По за кругу (2) по за дѣвичью
Тутъ-то ходитъ, тутъ гуляетъ
Удалой молодчикъ.
Онъ-то ищетъ, онъ-то смотритъ
Невѣсты себѣ.
Радость дѣвица душа,
Поди, выдь за меня!
Я какъ къ зимѣ (2) сани точеныя,
А какъ къ лѣту (2) золоту куплю карету.
Гдѣ ни встрѣтятся,
Тамъ поклонятся,
Гдѣ ни сойдутся,
Поцѣлуются.

Игра «пшону сіяли».

Дѣвки становятся въ линію, также противъ нихъ парни. И тѣ и другіе поютъ поочередно. Когда дѣвки пропоютъ свой стихъ, то берутся за руки и наступаютъ на парней, которые тогда подаются назадъ; когда парни запоютъ, то наступаютъ на дѣвокъ и тѣ подаются, и т. д.

Дѣвки: Коней выпустимъ. (2)
Ой рядила ладу выпустимъ. (2)

Парни: Коней взымаемъ (2) (припѣвъ тотъ же).—Коней выкупимъ.—На выкупъ не дадимъ.—Мы дадимъ сто рублей.—Намъ сто не надобѣ.—Мы дадимъ тысячу.—Намъ тысячу не падобѣ.—Што же вамъ надобѣ?—Намъ надобѣ дѣвица.—Вамъ которая дѣвица?—Намъ надо крайняя.—У насъ крайняя въ золотѣ.—Намъ надо въ жемчугѣ.—У насъ нѣтъ такой.—Давайте, ворота найдемъ.

Дѣвки, не разъединяя рукъ, подымаютъ ихъ вверхъ, образуя ворота, въ которыя парни проходятъ, направляются къ избранной дѣвушкѣ и поютъ.

Наша играла да выиграла,
Ваша играла да проиграла.

Дѣвки: Благо бѣсова урода
Со двора сволокли.
Не ткаха была,
Не шелковница.
Испечетъ—сожгетъ,
Сваритъ—прольетъ,
Принесетъ на столъ
Не поклонится,

Не по воду хожайка,
Не щей варея,
Не хлѣба печея.
Парни: Не тужи, мати, объ этомъ, не печалься!
Мы станемъ учить—переучивать,
Мы станемъ качать, перекачивать.
У насъ будетъ пряха, у насъ будетъ, ткаха,
Шелковница, полушелковница,
Не поклонится,
Отворотится.

По воду хожайка, щей варея,
Щей варея, хлѣба печея,
Испечетъ — не сожгетъ, сваритъ — не прольетъ.
На столъ принесетъ—поклонится,
Поклонится, не отворотится.

Раздолье для молодежи бываетъ еще во время празднествъ, называемыхъ *мольбами* и распространенныхъ по всей губерніи.

Въ Кадниковскомъ у. (Заднесельская вол.) слово мольба употребляется въ слѣдующемъ значеніи: когда при существующей въ селѣ Кихти церкви бываетъ храмовой праздникъ, церковный староста за нѣсколько времени до наступленія праздника отправляется сбирать хлѣбъ по приходу (преимущественно рожь); изъ собраннаго хлѣба варится пиво и во время праздника распродается, а деньги, выбранныя за него, обращаются въ пользу церкви. Это-то обычай и называется *мольбой*. «Нынѣ староста мольбу затѣваетъ», говорятъ крестьяне передъ праздникомъ.

Во время этихъ праздничныхъ бражничаній существуетъ съ давнихъ поръ практикующійся еще въ иныхъ мѣстахъ и понынѣ (напр. Кокшенга, Тотемскаго у.) обычай: выходить съ чурками (полѣньями) за околицу и нападать на перваго встрѣчнаго и бить его.

Въ Грязовецкомъ у. по этому поводу разсказывается слѣдующее: ватагѣ молодыхъ ребятъ попадается старикъ — отецъ одного изъ нихъ. По уговору же они должны были каждый перваго встрѣчнаго наградить оплеухой. Сынъ, узнавши во встрѣчномъ отца, выдѣляется изъ толпы, кланяется ему въ ноги со словами «прости меня грѣшнаго и даетъ ему затрещину». Затѣмъ и все скопище отпускаетъ по удару на голову старика.

Въ одной старинной пѣснѣ есть указаніе на этотъ обычай:

Въ первой встрѣчѣ спуску нѣтутка
Ни отцу нѣту, ни матери,
А не то что братцу-шурину.

V.

Свадебные обряды.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію свадебныхъ обрядовъ, надо сдѣлать нѣкоторыя общія указанія.

Свадьбы совершаются преимущественно (а мѣстами исключительно) въ рождественскій мясоѣдъ. Всѣ главные свадебные моменты происходятъ въ молосные (мясные) дни, сва-

танье же по большей части въ понедѣльникъ, по поговоркѣ: «съ легкаго денька понедѣльпичка.» Свадебныя торжества продолжаются недѣлю и болѣе, расходы съ жениховой и невѣстиной стороны одинаковы: рублей 15, 25, 50 (Кадник. у.).

Женихъ получаетъ полотенце, рубашку и брюки [суконные); отецъ и мать его— рубашку, концы холста и пестряди; прочіе родственники по полотенцу, платочку бумажному или шерстяному (Кадн. у.). Въ Вологодскомъ у. когда бываеть гостьба (женихъ съ товарищами) у невѣсты, то они дарятъ деньги (коп. 10, 20), а то вообще дарятъ платки (на перегосткахъ).

Невѣстѣ дается приданое: икона Богоматери ([1]), бѣлье, платье, постель, шуба, одѣяло шубное (изъ овчинъ), двѣ столовыхъ ложки (ей и молодому), чайная чашка, двѣ навозныя вилы (однѣми навозъ наметывать, другими разбивать его на полосѣ), грабли, коса-литовка, серпъ, кросна (ткацкій станокъ), прялище, молотило; иногда выговаривается овца или даже корова.

За нѣсколько дней до свадьбы варятъ пиво, закупаютъ вино; наканунѣ свадьбы пекутъ свадебный коровай; онъ изготовляется изъ ржаной (ситной) муки безъ особыхъ обрядовъ. Имъ родители благословляютъ брачущихся для того, чтобы они жили богато; пекутъ пироги крупитчатые (бѣлые) и пшеничные. Крупитчатые пекутъ на сковородкахъ: 1) кулебяки съ рыбой (четвероугольные съ выемками въ бокахъ), 2) круглые съ яйцами, черникой, изюмомъ; 3) пряженики; 4) пшеничные пироги простые и съ начинкой. Печеньемъ занимаются женщины-стряпухи (Кадник. у.).

Въ Вологодскомъ у. для жениха и невѣсты пекутъ по бѣлому коровако съ цвѣткомъ па верху. Здѣсь благословляютъ обязательно *чернымъ* хлѣбомъ, «чтобы черный-то хоть былъ». Подсвѣчники непремѣнно въ два или четыре рожка.

Въ избѣ во время свадебныхъ пиршествъ стоятъ длинные столы въ два ряда: одинъ идетъ отъ божницы къ полатямъ, другой къ кути; каждый столъ накрытъ бѣлой скатертью. Первый столъ съ свадебнымъ короваемъ накрытъ двумя скатертями, чтобы съ первою скатертью взять коровай для встрѣчи молодыхъ послѣ вѣнца. Этотъ хлѣбъ употребляется молодыми въ пищу послѣ всѣхъ свадебныхъ пиршествъ; на каждомъ столѣ коровай хлѣба и соль, ворохъ пироговъ-кулебякъ на деревянныхъ блюдахъ; братыня пива съ ковшомъ; передъ каждымъ гостемъ лежатъ хлебальныя ложки.

О бракѣ идутъ прежде всего между семейниками рѣчи: гдѣ, какъ и у кого подыскать молодицу; въ большинствѣ случаевъ стараются найти ее въ болѣе отдаленныхъ деревняхъ.

И вотъ по заключеніи согласія между родителями женить сына, они посылаютъ къ невѣстинымъ родителямъ одного изъ близкихъ родственниковъ въ качествѣ „сводчика". Сводчикъ, зовущійся въ иныхъ мѣстахъ тоже переметнымъ сватомъ, войдя въ избу, садится на лавку такъ, чтобы смотрѣть въ доль половицъ и говоритъ:—Можно ли дѣвушку посмотрѣть? Мы имѣемъ жениха, а у васъ невѣста. Если отвѣтъ получится: можно, милости просимъ!—то спустя два или три дня послѣ этого предложенія сводчикъ, женихъ съ родителями и ближайшіе родственники на трехъ или четырехъ лошадяхъ, одѣ-

[1]) Называемая *сгонкою*, потому что ею дѣвушка какъ бы сгоняется со двора.

тыхъ въ лучшую сбрую, (но безъ колокольцовъ) и запряженныхъ въ лучшія сани или тарантасъ, ѣдутъ на „смотрины“. По прибытіи на мѣсто, пріѣзжіе иногда идутъ не прямо въ домъ невѣсты, а въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, для того, чтобы дать невѣстѣ время одѣться. Въ ожиданіи смотринъ, молодые люди односельцы и изъ ближнихъ деревень ходятъ по улицамъ нарядные съ пѣснями и гармониками. Невѣста же, вырядившись во весь блескъ, какъ къ вѣнцу, ожидаетъ жениха въ избѣ. Жениха вводятъ въ избу невѣстины родители. Онъ молится на образа, низко кланяется на всѣ стороны и здоровается съ невѣстою за руку. Потомъ садятся: невѣста на приготовленный посреди избы стулъ, женихъ на лавку противъ нея. Иногда рядомъ съ невѣстой сажаютъ какую нибудь старуху, чтобы невѣста казалась красивѣе. Садятся по лавкамъ и всѣ пріѣхавшіе съ женихомъ. Въ это время изба бываетъ биткомъ набита зрителями: на полу, на полатяхъ и въ кути.

Когда придетъ все въ порядокъ, сводчикъ скажетъ невѣстѣ: „ну-ка, невѣста, попряди!“ Невѣстѣ подаютъ пряслице и она прядетъ нитки; когда сдѣлаетъ на веретенѣ пріема три, ее останавливаютъ словами: „дородно, довольно“. Затѣмъ, по знаку жениха, сводчикъ говоритъ невѣстѣ: „ну-ка, невѣста, пройди по полу,—не хромая-ли?“ Та проходитъ вдоль избы, подходитъ къ жениху и говоритъ: „побезпокойтесь и вы пройти по полу, не хромые-ли?“. Тотъ исполняетъ. Далѣе сводчикъ скажетъ обоимъ: „Ну-те-ка, помѣряйтесь ростомъ»: Женихъ и невѣста становятся плечами вмѣстѣ и всѣ зрители голосятъ: „ровня, ровня“ «или пара, пара»! А то подхватятъ и на смѣхъ (если одинъ изъ нихъ ростомъ малъ): „какъ не пара, какъ двое!“

Это въ Кадниковскомъ у.; въ Сольвычегодскомъ же надо отмѣтить слѣдующія варіаціи: женихъ, пріѣхавши къ невѣстѣ, останавливается посреди избы, а отецъ или мать его говоритъ: наше смотрите, свое кажите. На эти слова одна изъ женщинъ выводитъ невѣсту изъ кути Невѣста, поклонившись жениху, удаляется обратно и такъ до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ женихъ беретъ невѣсту за руку и посылаетъ взять со стола зажженную свѣчу, беретъ свѣчу и три раза поворачиваетъ невѣсту за плечо, освѣщая ее огнемъ и возвращаетъ свѣчу невѣстѣ; та ее уноситъ, возвращается и становится рядомъ.

Возвращаюсь къ Кадниковскому у. Послѣ этой церемоніи происходятъ такъ назыв. смотрины мѣста, т. е. освидѣтельствованіе имущества невѣсты. Невѣста беретъ ключъ и идетъ съ матерью и сестрами въ клѣть; за ней идетъ женихъ съ родителями и родственниками.—Осмотръ имѣнія производится тщательно: считаютъ количество рубахъ, юбокъ, сарафановъ и т. п. Затѣмъ возвращаются въ избу, садятся за столъ и пьютъ чай съ небольшимъ количествомъ вина. Мать невѣсты и мать жениха вынимаютъ пряженики (небольшіе бѣлые пироги) и дѣлаютъ рукобитье, т. е. колотятъ пирогъ о пирогъ. Со стороны въ это время кричатъ: «съ попятнаго бочка сороковка вина!» При отъѣздѣ сводчикъ, отъ имени жениха, приглашаетъ «посмотрѣть мѣсто у жениха».

Черезъ день или два невѣстины родители со всѣми взрослыми семейниками и ближними родственниками отправляются въ домъ жениха въ лучшихъ саняхъ, но тоже безъ колокольчиковъ. По прибытіи ихъ, женихъ съ родителями выходитъ къ воротамъ или ко крыльцу, встрѣчаетъ и ведетъ ихъ въ избу, а лошадей ставятъ на повѣть люди со стороны жениха. Прибывшихъ садятъ за столъ и женихъ угощаетъ ихъ чаемъ и водкой. Въ концѣ стола сводчикъ обращается къ жениху: „нутка, женихъ, покажи пожалуйста мѣсто“. Женихъ тотчасъ встаетъ, а съ нимъ и всѣ пріѣхавшіе, и отправляются гурьбой къ

амбару. Женихъ отпираетъ амбаръ и говоритъ „милости просимъ, посмотрите". Осмотрѣвъ хлѣбъ въ амбарѣ, идутъ смотрѣть скотину, дворъ, горницу и все имущество (1).

По осмотрѣ мѣста, за отдѣльнымъ совѣщаніемъ пріѣхавшихъ его смотрѣть слѣдуетъ общее совѣщаніе, на которомъ окончательно рѣшаются самыя условія свадьбы (2), какъ то: кто долженъ платить причту за бракъ, сколько и которая сторона должна сдѣлать свадебныхъ столовъ, время „образовки" и т. п. Сдѣлка эта зовется „запросватываньемъ". Въ случаѣ удачи «сколотить" свадьбу (въ противномъ случаѣ сейчасъ же разъѣзжаются), молятся Богу, садятся за столъ и начинается „пропиваніе невѣсты". Въ этомъ случаѣ вино льется рѣкой. Угощающіе говорятъ: сколько хошь пей, только душу береги (3).

Съ пропиванія невѣсты возвращаются домой позднимъ вечеромъ. Въѣзжая въ свою деревню, поютъ пѣсни. Невѣста начинаетъ причитать:

Что ни ключики ли брякнули,
Не замочки ли щелкнули,
Не меня ли запоручили
За поруки за крѣпкія,
За письма за мелкія?
Выручать-то меня-не выручить,
Выкупать-то не выкупить,
Не златомъ, не серебромъ,
Не всей златой казной.

Въ условленное время въ домѣ невѣсты устраивается «образовка». На образовку къ невѣстѣ ѣдетъ женихъ съ отцомъ и двумя или тремя ближними родственниками и сводчикъ. Со стороны невѣсты собирается не вся родня и не всѣ сосѣди, но бываютъ всѣ ея подруги. Женихъ привозитъ невѣстѣ гостинцы: сусло, ситцевый или шерстяной платочекъ и пряники; даритъ же ее въ кути при здорованьи съ нею. Затѣмъ жениха съ его роднею сажаютъ за столъ; невѣста выходитъ изъ кути и даритъ жениха полотенцемъ своего рукодѣлья, также и пріѣхавшихъ съ нимъ; съ женихомъ же посылаетъ дары своего рукодѣлья и другимъ его родственникамъ. Затѣмъ она становится рядомъ съ женихомъ передъ иконами и начинается образовка. Къ нимъ подходитъ невѣстинъ отецъ и благословляетъ образомъ, потомъ мать крестна—ябожатка невѣсты. По полученіи благословенія, женихъ и невѣста садятся рядомъ за столъ; ихъ угощаютъ. Во время угощенія подружки невѣсты поютъ:

Ужъ ты измѣнщица, измѣнщица!
Да какая же ты лицемѣрщица!
Ты сказала: замужъ не пойду,
Замужъ не пойду, въ монастырь уйду,
За собой двухъ подружекъ уведу:
Я первую-то во ключницы,
А другую во прислужницы,
А сама сяду въ игуменьи.

Невѣста запѣваетъ:

Приходила ко мнѣ свахонька,
Чужа свахонька незнакомая,
Похвалила чужу сторону:
У жениха-то домъ на пять сажень,
Что ржи-то посѣяно три поля;
Да у него-то передъ окошечкомъ
Садъ на пять сажень съ половиною,
Во поляхъ-то насѣянъ виноградъ
На пять сажень съ половиною.

---

1) Нерѣдко бываетъ, что женихъ и невѣста показываютъ не все, а иногда и не свое, а взятое на время чужое имущество.

2) Договоры устные. Но если въ домъ берется зять-пріемокъ, тогда между зятемъ, тестемъ и сватомъ дѣлаются и письменные договоры.

3) Случается, что свадьба разстраивается почему либо послѣ пропиванія невѣсты, тогда та и другая сторона остаются при своихъ расходахъ.

Подружки отвѣчаютъ:

Ты княгиня, ты княгинюшка!
Ты не вѣрь свахѣ незнакомой!
У него домъ на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ съ половиною.
Поля-то его горемъ посѣяны,
Слезами-то исполиваны.

Женихъ, чтобы дѣвицы не продолжали въ этомъ родѣ, даритъ имъ деньги.

Послѣ угощенія со стороны невѣсты, женихъ съ своей стороны угощаетъ невѣсту, родню ея и сосѣдей привезенною имъ съ собою водкою.—Когда отстолуютъ, невѣста причитаетъ:

Ужъ я пьяница, пьяница,
Горе-горькая пьяница!
Пропила да прогаркала
Свою буйную голову
На чужу дальню сторону...

Ее уводятъ въ куть. Къ ней входитъ женихъ, даетъ пряниковъ и уговариваетъ не плакать, прощается и уходитъ, потомъ возвращается, говоря: «забылъ шапку», давая этимъ понять, чтобы невѣста его проводила. Она провожаетъ его. Онъ уѣзжаетъ, объявивъ день свадьбы.

Проводивъ жениха, невѣста причитываетъ вполголоса отца и мать:

Богъ судья тебѣ, батюшка
И родимая матушка!
Скородумчивъ зародился,
Скоро думушку удумалъ
Отдавать на чужу сторону
Меня молодешеньку.
Молодымъ я молодешенька,
Зеленымъ я зеленешенька!
Ты родимая матушка!
Ужо какъ я стану жить-поживать
На чужой-то на сторонушкѣ,
Молодымъ я молодешенька!
Не разумѣю молодешенька
Жить я во чужихъ людяхъ:
Тамо люди-то ученые,
Тамо люди-то тореные.
А пуще всѣхъ потяжелѣе
Удалому добру молодцу
Наровить да унаравливать.
Что не ключики-то брякнули,
Не замочки-то щелкнули,
По рукамъ-то ударили
Да меня запоручили
За поруки за крѣпкія,
За замки за желѣзные
На чужу дальню сторону,
На вѣковую досашницу,
На вѣковую разлушницу.
Государь ты мой батюшка
И родимая матушка!
Ужъ что вамъ поглянулося
На чужой на сторонушкѣ?
Ли скотина рогатая,
Ли сусѣки горбатые,
Ли сусѣдки тороватыя?
Оговорили, обаяли
Родимова-то батюшку
Родимую-то матушку!
Вы на что распрогнѣвались,
Родимый мой батюшка
Родимая моя матушка
На меня молодешеньку?
Не сусѣкъ хлѣба выѣла,
Не другой испроторила,
Не безчес(т)ьеце приняла.

Опричитавъ родителей, невѣста раздѣвается при помощи подругъ, причемъ она жалѣетъ о разлукѣ съ ними; подруги утѣшаютъ ее, а она причитаетъ вполголоса:

Не унимайте, подруженьки!
Надо мнѣ тужить да плакати:
Разлучаетъ меня батюшка
И сердешная матушка
Съ вамъ, мои подруженьки.

Тутъ подружки собираются уходить, а невѣста, прощаясь съ ними, приглашаетъ придти пошить къ свадьбѣ и причитаетъ:

Вы подруженьки голубушки!
Не забудьте, голубушки,
Вы придите, подруженьки,
Ко мнѣ молодешенькѣ
Пока я въ горѣ во кручинѣ.
Какъ придете, мои голубушки,
Мнѣ веселяе да поваднѣе
Съ вамъ, мои подруженьки.
Изсажу-же васъ, подруженьки,
На брусовыя на лавочки,
На кленовыя скамеечки.
Поглядите, подруженьки,
Что я стану кроить, накраивать
Изъ своего рукодѣльеца.
Охти мнешеньки тошнешенько!
Не охота назвать по имени
До поры да до времечка
Тые родни не сердешные,
Не сердешные, богоданные,
Видно надо дарить-ударивать.

Тутъ всѣ расходятся по домамъ и затѣмъ въ домѣ невѣсты не бываетъ ничего особеннаго до «плаканья».

Въ дни между смотринами и свадьбой подружки каждый день приходятъ къ невѣстѣ сидѣть. Подойдя подъ окно избы, онѣ причитаютъ:

Вы не жмитесь, бѣлы снѣги,
Не колыбайся, мать сыра земля,
Мы у батюшекъ отпросилися,
Мы у матушекъ доложилися
Ко подружкѣ голубушкѣ,
Мы съ ней горя помыкати.
Горькихъ слезъ прiубавити.

Невѣста идетъ навстрѣчу къ подругамъ и причитаетъ:

Вамъ добро идти жаловать,
Вы подружки голубушки!
Вамъ спасибо, голубушки:
Не забыли, подруженьки,
Меня молодешеньку
При горѣ кручинушкѣ,
При послѣдней порѣ-времечкѣ
Во душахъ красныхъ дѣвицахъ,
Во дѣвичьей чес(т)ной красотѣ.

Затѣмъ невѣста садится въ уголъ подъ окно, а подруги противъ нея. Она начинаетъ:

Благослови Христосъ истинный,
Мать Божья, Богородица!
Мнѣ запѣть пѣсня новая,
Пѣсня новая, непѣвалая,
Во дому не бывалая,
Объяснить горе кручинушку
По деревнѣ какъ по городу,
По домамъ, какъ и по теремамъ,
По сосѣдямъ, какъ по баринамъ,
По сосѣдкамъ, какъ по барынямъ,
По подружкамъ голубушкамъ.
Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Ужъ вы свѣтъ мои голубушки!
Сколь счастливы зародилися!
У меня у молодешеньки
Много горя, много кручины:
Три поля горя насѣяны,
Всѣ слезами исполиваны,
Кручиною огорожены,
Печальей исподпираны.

У батюшки подъ окошечкомъ
Три горы горя накачены.
Что первое горе кручина:
Отдаетъ меня батюшка
И родимая матушка
На чужу дальню сторону
Во замужье проклятое.
Ужъ я глупая, неразумная,
Въ чужихъ людяхъ небывалая,

Затѣмъ она обращается къ матери:

Ужъ ты свѣтъ моя матушка!
Наряжу тебѣ службицу,
Службицу невеликую,
Работушку нетяжелую:
Ты возмит-ка, родимая,
Во свои-то бѣлы руки
Ты свои золоты ключи.
Отоприт-ка, родимая,
Сундуки окованные,

Мать беретъ платокъ и закрываетъ невѣсту.

Ужъ ты свѣтъ моя матушка!
Ты на что распрогнѣвалась
На меня молодешеньку?
Посадила, родимая,
Меня въ куть подъ окошечко.
На горемычное мѣстечко.
Не велѣла, родимая,
Мнѣ далеко разглядывать,
Мнѣ широко расхаживать.

Къ подружкамъ:

Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Чѣмъ потрафили родителямъ?
Али раннимъ вставаньецемъ,
Али позднимъ ложеньецемъ?
Ужъ я что-же засидѣлася,
Ужъ я что-же заглядѣлася?
Не въ саду-ли загулялася,
Не на садъ-ли заглядѣлася,
Не на яблонь-ли кужлявую,
Не на яблочки-ли сладкія,
Съ чужимъ людямъ неживалая.
Во чужихъ-то добрыхъ людяхъ
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Старому покоритися,
Молодому поклонитися,
Старова назвать дядюшкой,
Молодого-то по имени,
Величать по отечеству.

Ты возмит-ка, родимая,
Ты свои золоты ключи,
Отоприт-ка, родимая,
Сундуки окованные,
Ты возмит-ка, родимая,
Платочекъ-то шелковый,
Призакрой-ка, родимая,
Половину свѣта бѣлаго.

Ты на что распрогнѣвалась
На меня молодешеньку?
Я у васъ жила, родимые
Потише ключевы воды,
Пониже шелковой травы,
Я не закромъ хлѣба выѣла,
Не другой испроторила,
Я у васъ не бывала
Безо спросу на улицу.

Не на грушу-ли зеленую?
Засидѣлась молодешенька
У батюшки въ свѣтлой свѣтлицѣ,
У матушки въ новой горницѣ
Заглядѣлась молодешенька
На подружекъ голубушекъ,
На ихъ буйныя головы.
У ихъ буйныя головы
Сколь не гладко учесаны [1]),
У ихъ косы-то русыя
Сколь не плотно уплетены!

---

[1]) Оборотъ рѣчи: *сколь не* въ значеніи *очень*.

Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ,
У ихъ дѣвья чесна красота [1])
Сколь не красиво наложена
Да и плотно приколота.
Какъ сама про-ся подумаю,
Про свою буйну голову:
У меня у молодешеньки
У меня буйна голова
Сколь не гладко учесана,
Сколь не плотно уплетена,
Что на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.
У меня дѣвья красота,
Сколь не баско наложена,
Сколь не плотно приколота.
Что сидитъ дѣвья красота
Поверхъ буйныя головы,
Поверхъ русаго волосьеца.
Она ростить себѣ крылышки,
Хочетъ спорхнуть да и улетѣть.
Полети, дѣвья красота,
Далеко по святой Русѣ,
Высоко по поднебесамъ,
Полети, дѣвья красота,
Во лѣса во дремучіе,
Ужъ ты сядь, дѣвья красота,
На березоньку бѣлую.
Какъ пройдетъ пора времечко,
Пройдетъ пора сумотошная
И зима-то холодная,
И придетъ лѣто теплое,
И пойдутъ мои подруженьки
По зеленые вѣнички,
Обломаютъ березоньку;
И падетъ дѣвья красота
На грязи топучія,
На болота зыбучія.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто красовитое.
Полети, дѣвья красота
Во луга во зеленые.
Ты сядь-ка дѣвья красота
На траву на шелковую,
На цвѣты на лазоревы.
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ пора-то рабочая,
И пойдутъ люди добрые
Со косамъ со литовочкамъ,
Подкосятъ траву шолкову.
Упадетъ дѣвья красота
На щетку колючую.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто красоватися.
Полети, дѣвья красота
На синее морюшко;
Ужъ ты сядь, дѣвья красота
Середь моря на камешекъ.
Какъ подымется погодушка
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ,
Разобьетъ сѣрой камешекъ
На мелкія дресвиночки,
Упадетъ дѣвья красота
На самое донышко.

Въ день «плаканья» или въ дѣвишникъ съѣзжаются дальніе родственники невѣсты и остаются до конца свадьбы. «Плаканье» устраивается вечеромъ наканунѣ свадьбы; тутъ присутствуютъ подруги невѣсты и молодые люди изъ ближнихъ деревень.

Невѣста сидитъ въ кути. По приходѣ подружекъ, она поетъ имъ съ помощью «причитальщицы» (женщины, нанимаемой собственно для руководства всѣхъ причетовъ и пѣсенъ свадебныхъ) слѣдующій причетъ:

Вы садитесь-ка, подруженьки,
Поблизку да всѣ возлѣ меня,
Подсобите, подруженьки,
Мнѣ тужити да плакати
О дѣвичьемъ житьѣ красованьѣ!
Я въ дѣвушкахъ не нагулялася
Да и платьеца не наносилася.

[1]) Дѣвья красота—цвѣтная шелковая лента, которою дѣвушки повязываютъ голову.

Затѣмъ слѣдуетъ одѣванье невѣсты. Она проситъ мать принести ей платье и поетъ похороннымъ мотивомъ:

Моя милосливая матушка!
Ты возьми, моя матушка,
Ты свои золоты ключи,
Ты сходи, моя матушка,
Ты во свѣтлую свѣтлицу,
Во новую во горницу,
Принеси ты платье цвѣтное,
Всю и скруту [1]) хорошую.
Тамо въ новой-то горенкѣ
Въ дубовой коробочкѣ
Мое лежитъ платье цвѣтное,
Принеси, сердешна матушка!
Не пожалѣй, моя сердешная,
Тамо во новой во горенкѣ
На косящатомъ окошечкѣ
На серебряномъ на блюдечкѣ
Лежитъ дѣвья чесна красота.

Получивъ платье, невѣста благодаритъ мать:

Те спасибо моя сердешная:
Принесла платье цвѣтное
И дѣвичью чесну красоту,
Не пожалѣла, сердешная.
Я уряжуся молоденька
По старому да по прежнему.

Одѣвшись, невѣста прохаживается, красуется и поетъ:

Погляди, родима матушка,
Каково я нарядилася,
Каково набѣлилася,
Каково нарумянилася.
Не потухли ли бѣлилечка,
Не посмякли ли мазилечка,
Прямешенько ли дѣвья красота?

Затѣмъ она садится къ столу и проситъ отца и мать собрать ужинъ, чтобы угостить своихъ подругъ въ послѣднiй разъ:

Ты послушай, моя матушка!
Наряжу я тебѣ работушку,
Работушку нетяжелую,
Службицу недолгую:
Ты сбери-ка, сердешная,
На столы на дубовые,
Ты накрой-ка, сердешная,
Свои скатерти браныя,
Принеси-ка сердешная,
Два хлѣба бѣло-ситные.
Еще принеси, сердешная,
Всѣ яства сахарныя.
Ты слушай, сердешный батюшка!
Принеси, сердешный батюшка,
Буде купилъ, вина зеленаго,
Буде варилъ, пива пьянаго,
Принеси, сердешный батюшка
На столы на дубовые,
Не пожалѣй, сердешный батюшка!

Когда соберутъ ужинъ, невѣста проситъ своихъ подругъ сѣсть за столъ поужинать:

Это слава тебѣ Господи!
Жалѣютъ меня сердешные,
Чего наряжу, меня слушаютъ.
Я поподчую подруженекъ
По старому да по прежнему.
Вы подруженьки голубушки!
Мы пойдемъ ка, подруженьки!
Подхватите бѣлы лебеди,
Меня подъ бѣлы рученьки,
Подсобите бѣлы лебеди,

---

[1]) Всѣ наряды.

Встать со брусовыя лавочки;
Рада бы сама, да не носятъ,
Не носятъ ножки рѣзвыя.
Вы сведите бѣлы лебеди,
Среди свѣтлыя свѣтлицы
Средь столовыя горницы.
Вы садитесь, подруженьки,
Со мной хлѣба-то кушати
Съ первые до послѣдніе
Съ большіе да и до меньшіе.

Сѣвъ за столъ, начинаютъ пѣть пѣсни или, какъ говорится, подпричитывать. Въ пѣсняхъ этихъ дѣвушки отъ имени невѣсты обращаются отдѣльно къ каждой подругѣ и ея роднымъ, причемъ поименовываютъ въ пѣсняхъ имя и родство каждаго. Невѣста во все время подпричитываній неистово реветъ и чѣмъ сильнѣе ревъ ея, тѣмъ болѣе ей чести. Лицо ея въ это время бываетъ закрыто платкомъ. Между тѣмъ во время припѣвовъ невѣстина божатка топитъ для нея баню.

Въ первой пѣснѣ невѣста подпричитываетъ своего отца такъ:

Тебѣ добро да добро жаловать,
Государь сердешный батюшка!
Подойди, сердешный батюшка:
Рюмочка вина зеленаго,
Еще стаканъ пива пьянаго.
Пей на здоровьеце, сударь батюшка,
Отъ меня отъ молоденьки
Сердечушку на здоровьеце,
Головушкѣ на весельеце.

Когда пѣсня кончена, отецъ подходитъ къ дочери и беретъ съ подноса рюмку вина и стаканъ пива. При этомъ невѣста, обнявши отца, реветъ безъ причетовъ. То же дѣлаетъ затѣмъ и мать невѣсты, за нею каждый изъ родственниковъ.

Когда всѣ родные припѣты и угощены, припѣваютъ подругъ невѣсты такъ:

Тебѣ добро да добро жаловать,
Моя подружка голубушка,
Свѣтъ Матрена Николаевна!
Подойди, моя голубушка!
Тебѣ рюмочка вина зеленаго,
Тебѣ стаканъ пива пьянаго.
Выпей, выкушай, голобушка,
Сердечушку на здоровьеце,
Головушкѣ на весельеце.

При этомъ невѣста, обнявъ дѣвушку, реветъ, тоже безъ причетовъ.

Иногда по окончаніи подпричитываній, которая нибудь изъ подругъ невѣсты, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарокъ, повязавъ платкомъ голову, какъ будто она сама невѣста, ходитъ подъ окна сосѣднихъ домовъ и причитаетъ:

Ты сердешная тетушка,
Топи печку поранѣе,
Приходи ко мнѣ, голубушка,
Ты завтра на плаканьеце,
На тяжелое разставаньеце
Съ моей милой родиной
Со моей дѣвьей красотой.

Причетъ этотъ зовется *выкликиваніемъ зори*. Когда подпричитыванія кончены, невѣста угощаетъ подругъ ужиномъ, причемъ поютъ въ унисонъ:

Мои подруженьки голубушки,
Вы поѣшьтет-ка, покушайте
Яишничковъ вмѣсто пшенишничковъ,
Пшенишничковъ вмѣсто колачиковъ,
Колачиковъ вмѣсто пряженичковъ.

Отужинавъ, невѣста выходитъ изъ-за стола и поетъ:

Это слава тебѣ Господи,
Слава Христу, слава небесному!
Отвела я ужну честную,
Больно сыто наужиналась,
А хлѣба-соли не убыло.

Затѣмъ проситъ подругъ провѣдать баню:

Вы подруженьки-голубушки,
Вы сходитет-ка, провѣдайте
Про меня теплу парушу.
Вы спрошайте, подруженьки,
У хресныя божатушки:
Не истопилась ли тепла паруша?
Истопилась, такъ я пойду,
Да помоюся, да попарюся.
Еще спрошайте, бѣлы лебеди,
Вы у теплыя-то парушп:
Не смоетъ-ли тепла паруша
Моего горя кручинушки?

Подруги спрашиваютъ на-распѣвъ:

Ты подруженька-голубушка,
Ты намъ дай провожатаго,
Чтобъ па улицѣ не заблудитися
Подъ окномъ не наколотитися.

Невѣста отвѣчаетъ:

Вы подруженьки-голубушки,
Я вамъ дамъ провожатаго
Мою подружку голубушку,
Анну Прокопьевну,
А сзади-то ее стережетъ
Марья Степановна.

Дѣвушки идутъ провѣдать баню и приходятъ оттуда съ предложеніемъ идти мыться:

Тебѣ добро идти жаловать
Что во теплую парушу.
Отвѣчала божатушка:
„Истопилася тепла паруша,
Наношено воды ключевыя,
Наварено мыла-щелоку [1]),
Напарено шелковыхъ вѣниковъ“.
Поди, парься наша голубушка.
Мы спрошали у теплы паруши,—
Сомьетъ она горе-кручинушку,
Станешь жить ты по старому,
По старому да по прежнему,
Пойдешь гулять со подружкамъ,
Со подружкамъ голубушкамъ.

Невѣста благодаритъ подругъ и проситъ проводить ее до бани:

Вамъ спасибо, подруженьки!
Вы сходили да провѣдали
Про меня теплу парушу.
Я схожу да помоюся,
Помоюся да попарюся,
Я сомью горе-кручинушку.
Вы подруженьки голубушки!
Мы пойдемъ-ка, голубушки,
Подхватите, бѣлы лебеди,
Меня подъ бѣлыя рученьки.
Подсобите бѣлы лебеди,
Встать со брусовыя лавочки.
Рада бы сама, да не носятъ,
Не носятъ ножки рѣзвыя.

---

[1]) Вслѣдствіе дороговизны мыла, крестьяне повсюду моются въ баняхъ щелокомъ.

Подруги берутъ невѣсту подъ руки и выходятъ изъ избы. Поютъ во весь голосъ:

Благословит-ка Христосъ истинный,
Мать пресвятая Богородица,
Идти во теплую парушу
Въ добрый часъ да во евангельскій!

Невѣста причитаетъ:

Охти мнешеньки тошнешенько!
Больно страшно показалося,
Ужасно да поглянулося:
На мосту-то на калиновомъ [1])
Сидитъ старая кыка шитая [2]),
Она въ онучища увивается,
Она въ лаптища обувается,
Во оборища [3]) уплетается,
Она со мною снаряжается
Идти во теплую парушу.

При пѣніи этого причета пятятся, а пропѣвши его идутъ опять впередъ.

Благословит-ка Христосъ истинный!
Мать пресвятая Богородица,
Другимъ часкомъ, другой минуточкой
Идти во теплую парушу.
Въ доброй часъ да во евангельскій.

Невѣста продолжаетъ:

Того страшнѣе показалося,
Ужаснѣе поглянулося,
На мосту то на калиновомъ
Стоятъ чумаки да цѣловальники,
Хвалятся они да похваляются,
Что опозорятъ молодешеньку
Они во завтрашній денечекъ
При церквѣ при божественной,
При попахъ да при дьяконахъ,
При маленькихъ церковникахъ,
При всемъ народѣ—добрыхъ людяхъ.

При пѣніи этого причета тоже пятятся, а потомъ идутъ впередъ и поютъ:

Глупая я, неразумная,
Головушка неразмышленая!
Позабыла молодешенька
Во горѣ да во кручинушкѣ
Позвать во теплую парушу
Родну сердешную матушку.
Ты сердешная матушка!
Тебѣ добро да добро жаловать
Прежде меня въ теплу парушу.
А не изволишь родна матушка—
Мнѣ ты дай благословеньеце,
Принеси, моя родимая,
Тонку бѣлую исподочку [4]),
Во которой во исподочкѣ
Я во любыхъ гостяхъ гостила
У жалосливыя тетушки;
У которой исподочки
Во борахъ красно солнышко,
Въ вороту свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ рукавахъ часты звѣздочки.

При пѣніи этого причета къ невѣстѣ подходитъ мать, креститъ ее рукою и подаетъ исподочку. Мать возвращается домой, а невѣста проситъ подругъ сходить въ баню прежде ея:

---

[1]) Мостъ—сѣни передъ избой.

[2]) Кыка, кика, кичка—бабья повязка. Здѣсь кыка является въ видѣ старухи, одѣтой въ кичку, какъ образъ замужества, ожидающій невѣсту.

[3]) Оборы—бечевки, которыми лапти привязываются къ голенямъ.

[4]) Сорочку.

Вы подруженьки-голубушки,
Вамъ добро да добро жаловать
Прежде меня въ теплу парушу,

А не изволите подруженьки,
Дайте мнѣ благословеньеце
Отъ чиста сердца жалослива.

Подойдя къ банѣ, передъ дверью ея поютъ:

Благословит-ка Христосъ истинный!
Мать пресвятая Богородица,
Идти во теплую парушу;
Вы не гнитесь половочки,
Не ломитесь переводочки:
Не тяжелѣ иду стараго,
Не тяжелѣ я прежняго,
Развѣ тѣмъ потяжелѣе,
Что во горѣ, во кручинѣ.

Вы подруженьки-голубушки!
Идитет-ка по-малешеньку,
Ступайтет-ка по-тихошеньку,
Ставьтет-ка столбы точеные,
Дергайте шесты сочeные,
Вѣшайте сукно зеленое
Вплоть отъ высокова терема
Да до теплыя паруши.

Затѣмъ невѣста проситъ божатку встрѣтить ее и отворить двери въ баню:

Во кругу ли красно солнышко?
Моя жалос(т)ь жалосливая,
Моя кресная матушка,
Рукодержавная божатушка,

Ты встрѣть меня, моя голубушка,
Со божьей со милостью,
Со пресвятой Богородицей!

Божатка встрѣчаетъ, отворяетъ двери въ баню, гдѣ невѣста и остается съ двумя или тремя любимыми подругами, съ сестрой, если она находится въ числѣ подругъ, и съ божаткой; послѣдняя моетъ невѣсту. Остальныя дѣвушки-подруги возвращаются въ избу, спѣвъ прежде у дверей бани пѣсню. Поютъ протяжно въ высокій тонъ:

Раструбилась трубонька рано по зорѣ,
Расплакалась дѣвица по русой косѣ.
Скажи, красна дѣвица, кто косу плелъ?
Вечеромъ позднешенько матушка плела.
По утру ранешенько подруги заплели,
Усадили косыньку жемчугомъ всю.

Богъ судья, Богъ судья Иванъ молодецъ!
Прибралъ свахонекъ милосливыхъ:
Зачали косоньку рвать-порывать,
Раздѣлили косоньку на шесть долей,
Заплели косоньку на двѣ косы,
Завили косоньку поверхъ головы.

Невѣста отвѣчаетъ:

Вы послушайте, подруженьки,
Что я буду вамъ говорити:
Вы не пойте, подруженьки,

До поры пѣсенъ свадебныхъ,
До поры да до времени
Не припѣвайте добра молодца.

Изъ бани невѣста возвращается съ подругами и съ божаткой. Въ сѣняхъ мать встрѣчаетъ ее съ иконою. Невѣста причитаетъ:

Во кругу ли красно солнышко?
Моя жалос(т)ь жалосливая,
Моя надось упадчивая,
Моя родимая матушка,

На мосту па калиновомъ
Встрѣть меня, сердешна матушка,
Ты съ божьей со милос(т)ью,
Со пресвятой Богородицей.

Войдя въ избу, невѣста приглашаетъ своего отца въ баню:

Мой жалосливый сударь батюшка!
Тебѣ добро да добро жаловать
Послѣ меня въ теплу парушу.
Много воды, много горячія,
Наварено тамъ мыла-щелоку,
Напарено зеленыхъ вѣниковъ.

Съ тѣмъ-же приглашеніемъ обращается къ роднѣ.

По окончаніи банной церемоніи начинается дѣвишникъ. Тутъ невѣста проситъ отца и мать сѣсть за столъ и чтобы дѣвушкамъ подружкамъ позволили поиграть и повеселиться. Она поетъ протяжно и жалобно:

Прикажит-ка, сударь батюшка,
Сѣсти мнѣ молодешенькѣ
Подъ любое подъ окошечко,
Подъ любое подъ переднее
Со подружкамъ-голубушкамъ.
Государь сердешный батюшка,
Моя родимая матушка!
Что я буду вамъ говорити,
Говорить да докучатися:
Дайте волюшку великую
Моимъ подружкамъ-голубушкамъ
Погулять, покрасоватися.

Затѣмъ обращается къ подругамъ, проситъ ихъ повеселиться безъ нея, напоминая имъ хороводы дѣвичьи и праздничныя гулянья:

Вы подруженьки-голубушки!
Вы послушайте, подруженьки!
Не надѣйтесь, голубушки
На меня молодешеньку.
Не заведу я, молодешенька,
Короводы, круги дѣвичьи,
Не запою молодешенька
Пѣсенку я короводную,
Какъ до того да прежде этого
Заводила молодешенька
Короводы, круги дѣвичьи,
Запѣвала молодешенька
Я пѣсенки короводныя.
Вспомяните, бѣлы лебеди,
Вы меня молодешеньку
При веселыхъ гуляньецахъ.
Доживите, подруженьки,
До лѣтные поры времени,
До годовыхъ до праздничковъ.
Вспомяните, бѣлы лебеди,
Вы меня молодешеньку,
Какъ придете, подруженьки,
Ко церкви божественной,
Къ Васильяну милосливому;
На чужой на сторонушкѣ
Мнѣ икнется помалешеньку,
Вздохнется потихошеньку.
Буду думать молодешенька,
Что вспомянули подруженьки
Меня молодешеньку
При веселомъ гуляньецѣ.

Во время дѣвишника невѣста остается или за столомъ или уходитъ въ куть. Молодцы и дѣвушки проводятъ время въ пѣніи пѣсенъ, шуточныхъ разговорахъ и другихъ забавахъ. Подружки остаются ночевать у невѣсты.

Утромъ въ свадебный день подруги будятъ невѣсту и поютъ протяжно въ пол-голоса:

Не ласточки не касаточки
Съ тепла гнѣздышка свиваются,
Наша подруженька-голубушка
Долго спишь ты, высыпаешься.
Пора вставать да пробуждатися
Со мягкія постеленки,
Со мягкаго зголовьеца,
Изъ подъ тепла одѣялечка.

Невѣста встаетъ и причитаетъ:

Благословит-ка Христосъ истинный!
Привзнять буйна головушка
Отъ высокого зголовьеца,
Да привзнять права рученька,
Перекрестить лицо бумажное
На святой день на севодняшной,
На часъ на топерешной.
Я спала да высыпалася,
Я ждала да дожидалася
Батюшкова побуженьеца,
Матушкина покликаньеца.
Не побуждаетъ сударь батюшка
И сердешная матушка
Во севодняшной бѣлой день.
Я не знаю и не вѣдаю
Для чего да и ради чего?
Не знать они меня жалѣючи,
Не знать они избываючи;
Можно знать да можно вѣдати:
Не жалѣючи, а избываючи.
Избудете да и переживаете
Единымъ часкомъ малешенькимъ,
Малешенькимъ, коротешенькимъ.
Они ходятъ, обряжаются,
До полу не дотыкаются,
За ворончики хватаются [1]).
Я сама знаю-вѣдаю,
Что избываютъ родимые
Меня молодешеньку
На чужу дальню сторону.
Что въ севоднешну темну ночь
Мнѣ младѣ мало спалося,
Много мнѣ младѣ видѣлось,
Привидѣлось молодешенькѣ;
Унесло мою постелюшку
На чужу дальню сторону.

Невѣста посылаетъ божатку за водой:

Подойди, моя божатушка!
Наряжу тебѣ работушку
На своемъ роду не впервые,
На вѣку не впослѣдные
Во душахъ красныхъ дѣвушкахъ:
Возьми ведеречко дубовое,
Коромыслецо кленовое,
Черпушечку серебряную,
Сходи во поле во чистое,
Тамъ во полѣ во чистоемъ
Есть три ключа воды ключевыя.
Почерпни, моя божатушка,
Съ трехъ ключей воды ключевыя,
Принеси, моя божатушка,
Сюда во свѣтлую свѣтлицу.
Я умоюсь молодешенька
На день на севоднешной,
На часъ на топерешной.
Еще принеси, божатушка,
Тонко бѣло полотенечко.

Умывшись, невѣста проситъ мать принести восковую свѣчу и благословленную икону., чтобы помолиться:

Ты сердешная матушка!
Сходи въ новую горенку,
Принеси Пресвяту Богородицу.
Ты поставь, сердешна матушка,
Во́ кіоту бѣлокаменну,
Еще принеси сердешна матушка,
Ты свѣчу воска ярова.
Зазори [2]), сердешна матушка,
Помолюсь я молодешенька
За всю родню я сердешную
И за себя молодешеньку.

---

[1]) Т. е. ходятъ на цыпочкахъ, хватаясь рукой за воронцы, чтобы удержать равновѣсіе.

[2]) Засвѣти.

Затѣмъ проситъ подругъ подвести ее къ иконамъ на молитву:

Вы подруженьки-голубушки!
Подхватите, бѣлы лебеди,
Подъ бѣлыя подъ рученьки,
Подсобите, бѣлы лебеди,
Встать съ брусовыя со лавочки.
Пріобстойтесь, ножки рѣзвыя,
Приразмашитесь, руки бѣлыя,
Пріудержись буйна головушка
На моихъ могучихъ плечахъ.
Вы подруженьки-голубушки!
Подводите, бѣлы лебеди,
Меня середь свѣтлы свѣтлицы
До пресвятыя Богородицы.

Теперь невѣста стоитъ передъ иконою съ зажженною свѣчою и молится, причитая въ то же время. На молитвѣ за каждое лицо кладетъ земной поклонъ. Божатка же передъ каждымъ поклономъ подметаетъ полъ, для того чтобы отогнать нечистаго или на тотъ случай, если кто въ порошинкѣ положилъ порчу.

Благослови Христосъ истинный,
Мать Божья, Богородица,
Помолиться мнѣ молодѣ.
Я первой поклонъ положу
За царя благовѣрнаго.
Ему создай Христосъ истинный
Добра здоровья, вѣка долгаго
И на вѣку здравья великаго.
Я еще поклонъ положу
За царицу благовѣрную.
Ей создай... и т. д.
Я еще поклонъ положу
За царевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
Имъ создай, и т. д.
Я еще поклонъ положу
За всю палату государеву.
Имъ создай, и т. д.
Я еще поклонъ положу
За солдатовъ новобранцевъ,
Имъ создай, и т. д.
Я еще поклонъ положу
За поповъ да за дьяконовъ,
За всѣхъ маленькихъ церковниковъ.
Имъ создай, и т. д.
Я еще поклонъ положу
За жалосливова батюшку.
Ему создай, и т. д.
Я еще поклонъ положу
За родну сердешну матушку.

И т. д., за голубочка братца милаго, за сестрицу жалосливую, за всю родню свою сердешную. И наконецъ:

Тяжело слово вымолвить,
Да пришлось выговаривать:
Я еще поклонъ положу
За удала добра молодца.
Помолиться молодешенькѣ
О своемъ-то здоровьецѣ:
Мнѣ создай Христосъ истинный
Добраго здоровья, вѣку долгаго,
На вѣку здравья великаго.

Послѣ богомолья невѣста садится на лавку у стола, подпричитываетъ отца, мать и всю родню. За это ее дарятъ деньгами. Отца подпричитываетъ такъ:

Государь сердешный батюшка!
Подойди, сердешный батюшка,
Ко мнѣ молодешенькѣ.
Подумай-ка, сударь батюшка,
Намъ приходитъ разставаньеце
Да живое разлученьеце.
Намъ не разставъ будетъ разстатися
Съ тобой, сударь батюшка!

Те спасибо, сударь батюшка,
На твоемъ подношеньецѣ,
На рублѣ на серебряномъ,
На другомъ позолоченномъ.

Послѣднею подпричитываетъ тетку:

Подойди, сердешна тетушка,
Ко мнѣ молодешенькѣ.
Мнѣ еще было хотѣлося
Съ тобой повидатися,
Тебѣ во очи увидѣти,
Рѣчь-прогласьеце услышати,
За хлѣбъ за соль поклонитися.
Была добра да и жалослива.
Я любила къ тебѣ тетушка
По часту въ гости гостити.
Ты говорила мнѣ тетушка:
«Тебѣ добро да добро жаловать!
Долго нейдешь да не жалуешь,
Я давно жду дожидаюся
Все тебя, моя голубушка!»

Тутъ невѣста съ подругами уходитъ въ куть и одѣвается для «красованья» въ хорошее платье и шляпку. Одѣвшись, не сходя съ мѣста, причитаетъ отцу и матери:

Мой жалосливый сударь батюшка!
Не осердись, сударь батюшка,
Что у тебя я не спрошалася,
У матушки не доложилася,
Урядилась молодешенька
Не въ пору, не во времячко,
Не въ годовой честной праздничекъ,
Не въ Христово Воскресеньеце.
Мнѣ можно знать, можно вѣдати,
Можно самой догадатися:
Урядилась молодешенька
При послѣднемъ часу времечкѣ,
При концѣ житья дѣвичья.
Погляди сердешна матушка,
Каково я пріурядилася?
Я бѣло ли набѣлилася,
Румяно ли нарумянилась,
По плечу ли платье цвѣтное,
Подъ лицо ли дѣвья красота?

Затѣмъ невѣста отпрашивается у родителей погулять въ послѣдній разъ въ дѣвушкахъ:

Жалосливый сударь батюшка,
Ты родна сердешна матушка!
Отпусти, сударь батюшка,
Меня къ церкви Божественной,
Господу Богу молитися,
Помолявши Господу Богу,
Пойду гулять да красоватися
Со подружкамъ-голубушкамъ
По славной-то по площадѣ [1]).
Буде далеко вамъ покажется,
Такъ отпусти, сударь батюшка,
На рѣку на славну Кубену.
Говорятъ же люди добрые,
Что растаяли снѣжки бѣлые,
Что прошла рѣка Кубена,
Выросла трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревы.
Буде далеко покажется,
Опусти, сударь батюшка,
На широкую на улочку,
Буде далеко покажется,
Такъ сядемте сударь батюшка,
За столы за дубовые
Съ сердешной со матушкой,
Съ голубочкомъ братцемъ миленькимъ,
Съ сестрицемъ жалосливенькимъ,
Съ Любой, съ милой невѣстушкой
И со всей родней сердешною.

[1]) У мѣстной церкви.

Во время этого причитанія, всѣ родные садятся за столъ, а невѣста по окончаніи причета проситъ подругъ подвести ее изъ кути къ столу:

Вы подруженьки голубушки,
Подсобите бѣлы лебеди
Встать съ брусовыя со лавочки.
Доведите, бѣлы лебеди,
Меня середь свѣтлы свѣтлицы,
Средь столовыя горницы
До государя свѣта батюшки,
До родны сердешны матушки,
До всей родни до сердешныя.

Подойдя къ столу, невѣста снова просится у родителей погулять. Ей прикрываютъ лицо платкомъ; она ходитъ по избѣ, красуется и причитаетъ:

Это какое мнѣ гуляньеце?
Призакрыто лицо бѣлое
И дѣвичья чесна красота.
Отокрой, сударь батюшка,
Мою дѣвью чесну красоту!

Отецъ подходитъ и открываетъ ей лицо. Она прохаживается и продолжаетъ:

Вы раздайтесь, люди добрые,
Мои подружки голубушки!
Дайте волюшку великую
Ходить, гулять, красоватися!

Подруги отвѣчаютъ:

Ходи, гуляй, наша голубушка,
Свѣтъ Татьяна Степановна!
Тебѣ не долго поры времечка
Ходить, гулять, красоватися
Во душахъ во красныхъ дѣвушкахъ.

Невѣста продолжаетъ:

Рвись, носися, платье цвѣтное,
Моя дѣвья чесна красота
На моей буйной головушкѣ,
На святомъ русомъ волосьецѣ;
Вы топчитесь, башмачечки,
Вы грязнитесь, чулочечки
На моихъ на рѣзвыхъ ноженькахъ.

Невѣста останавливается у стола и сдаетъ красоту платочкомъ сидящимъ за столомъ отцу, матери и другимъ, причитая, приглашаетъ подружекъ посмотрѣть на красоту. Во время причитанія невѣста стоитъ и часто ударяетъ руками о столъ. Мотивъ совершенно похоронный:

Вы подружки, голубушки!
Посмотрите, бѣлы лебеди,
На дѣвичью чесну красоту!
Не наводитъ ли дѣвья красота
Перьеце лебединое,
Крыльеце соколиное,
Да не хочетъ ли красота
Улетѣть съ буйной головы?
Подыму я свои рученьки
Выше буйной головушки,
Ухвачуся за красоту:
Не летай, дѣвья красота,
Съ моей буйной головушки
Со свята руса волосьеца
До поры да до времени,
До вѣнца до злаченаго!
Я не знаю, да не вѣдаю
Кому сдать дѣвью красоту?
Развѣ сдамъ дѣвью красоту
Государю свѣту батюшкѣ?

Передъ тобой, сударь батюшка,
Моя дѣвья чесна красота!
Береги, сударь батюшка,
Мою чес(т)ную красоту
Отъ вѣтру, отъ вихорю,
Отъ часта мелкова дождичка.

Послѣ отца, матери и всей родни, невѣста сдаетъ красоту подругамъ и подросткамъ-дѣвушкамъ:

Мои подружки голубушки
Передъ вамъ дѣвичья красота!
Берегите, бѣлы лебеди,
Отъ вѣтру, отъ вихорю,
Отъ часта мелкова дождичка.
Ужъ я глупая, неразумная!
Имъ на что дѣвичья красота!
У нихъ своя дѣвья красота.
Маленькія недоросточки,
Передъ вамъ дѣвья красота!
Берегите мою красоту, и т. д.

Потомъ невѣста проситъ у нихъ красоту обратно, чтобы съѣздить къ вѣнцу.

Маленькія недоросточки!
Мнѣ-ка дайте вы красоту
Съѣздить къ церкви божественной,
Ко вѣнцу ко злаченому,
Отъ вѣнца отъ злаченаго
На чужу дальню сторонушку.

Всѣ эти причеты поются въ Васьяновской вол., Кадниковскаго у. Въ Большемургинской вол. того же уѣзда, при той же самой обрядности, причеты настолько различны, что я считаю нужнымъ привести ихъ здѣсь.

Приглашая къ себѣ подружекъ на сидѣнье, невѣста причитаетъ:

Вы собирайтесь, подруженьки,
Ко мнѣ на горе на кручину,
На печаль на великую.
У меня у младешеньки
Много горя да кручины
Полна буйная голова;
У меня горючихъ-то слезъ
Текутъ три рѣчки быстрыя.
Онѣ текутъ не перетекутъ,
Онѣ текутъ урываются,
Желты песочки смываются,
А меня избываются,
Меня на чужую сторону,
На злодѣйку измѣнщицу.

Въ домѣ дѣвицы причитаютъ:

Смѣть ли намъ приступитися
Ко посаду ко городу,
Ко дѣвичьему ко терему?
Ужъ какъ есть у терема
У дверей-то придвернички,
У воротъ приворотнички.

Невѣста:

Я возьму двери за скобу,
Отворю двери па пяту
Я на правую на руку.
Мнѣ которой ногой ступити?
Я ступлю ногой правою.
Ты не гнись-ка половочка,
Не ломись переводинка,
Я не тяжела иду.
Тяжело горе-кручина,
Тоска печаль великая.
Ужъ вы раздайтесь, всѣ гости,
Разодвиньтесь-ка, гостейки,
Гостеньки по праву руку
Да гостейки по лѣву руку.

Ужъ вы дайте путь дороженьку
По единой по половочкѣ,
Ужъ вы дайте видѣть во очи
Мнѣ подружекъ голубушекъ.
Свѣтъ подружки голубушки!
Ужо дайте мнѣ, подруженьки,
Вы сроку недолгаго.
Мнѣ не годъ годовати,
Не зиму зимовати,
Не весну красоватися,
Не лѣто-то теплое,
Не гулящіе праздничжи
Со подружкамъ голубушкамъ.
Мнѣ недѣльку посидѣти,
И та коротешенька.
Всѣ деньки проднюются,
Всѣ часы скоротаются
Во единой часъ сбираются.
Одна ночка ночевати,
Да и та коротешенька
У родимого батюшки,
У родимыя матушки.
Не знать ходя проходити,
Не знать сидя просидѣти,
Не знать думу продумати
Со родимымъ со батюшкой,
Со родимой-то матушкой.
Доживу я молодешенька
До дни до учетнаго,
До часу послѣдняго.
Вотъ поѣдутъ ко батюшку,
Ко родимой ко матушкѣ
Со полымемъ да со грабежомъ
Чужи люди незнамые
Со чужи дальни стороны
Со злодѣйки измѣнщицы.
Что ограбятъ-то батюшка
Ополонятъ мою матушку,
Меня во полонъ возьмутъ.
Что возьмутъ не покорятся,
Повезутъ не поклонятся;
Повезутъ молодешеньку
Ко церкви божественной,
Ко святому монастырю,
Ко холоднымъ ко папертямъ.
Приведутъ молодешеньку
Меня въ церковь божественну,
Поставятъ молодешеньку
Со чужимъ со чужениномъ
На едину половочку,
На единой подножничекъ.
Тутъ выйдетъ священный попъ
Съ божьей книгой евангельемъ.
Онъ первой-отъ листъ возложитъ,
Божье слово возговоритъ:
Вы снимите со дѣвицы
Чес(т)ну дѣвичью красоту,
Съ нея волюшку вольную!
Приведитесь подруженьки
За моей становой спиной,
За моимъ могучимъ плечомъ,
Вы берите, подруженьки,
Мою дѣвичью красоту
На свои на бѣлы руки;
Вы носите сберегаючи,
Меня вспоминаючи.
Вспомяните, подруженьки,
Меня на чужой сторонушкѣ
Черезъ день да на каждый день.
То не много ли покажется—
Вспомяните, подруженьки,
Во недѣльку единова.
То не много ли покажется,
Вспомяните, подруженьки,
Во годокъ-то единова.
Мнѣ легошенько икнется
Тяжелешенько вздохнется
На чужой на сторонушкѣ.

Передъ уходомъ въ баню невѣста причитаетъ:

Ахти мнѣ, испугалася!
Испугалась кики бѣлыя.
Идетъ кика-то бѣлая
Изъ подъ порогу не видати
Изъ-за двери не слышати.
Кошелями увѣсилась,
Костылями подпирается,
До меня добирается.

Невѣста проситъ ужинать:

Подымай-ка ты, батюшка,
Ты родимая матушка,
Подтащите столы дубовые.
Постели-ка ты, матушка,
Скатерти бранныя,
Ужъ ты дай-ка мнѣ, матушка
Обгорѣлую корочку,
Безчеренную ложечку,
Плесни-ка ты матушка,
Мнѣ щей повареночку.

Невѣста съ подругами садится за столъ. Когда отстолуютъ, невѣста закрывается платкомъ и благодаритъ за угощеніе.

Спасибо вамъ, батюшка
И родимая матушка,
Напоили, накормили
Чего душа изволила
Со подружкамъ голубушкамъ
Вдостальные послѣдные.
Ужъ вы пѣтухи, пѣтухи,
Голосистые пѣтухи!
Вы не пойте-ка, пѣтухи,
По утру-то ранешенько!
Не будите-ка, пѣтухи,
Вы родимаго батюшку
Вы родимую матушку,
Вы породу сердешную.
Пусть они бы попроспали;
Не поспѣть бы не поладилось
На завтрашной бѣлой день
Про чужихъ-то незнамыхъ людей.

Послѣ того какъ невѣсту вымоютъ въ печи или въ банѣ, на нее надѣваютъ ширинку, чтобы кто не испортилъ. Еще пока она моется, съ нея снимаютъ поту (sic) и назавтра запекаютъ въ пирогъ, который и подается новобрачнымъ, чтобы они любовно жили.

Возвращаюсь къ описанію свадьбы въ Васьяновской волости.

Послѣ красованья, невѣста садится въ передній уголъ, окруженная подругами, и ожидаетъ жениха. Въ этотъ свадебный день деревня принимаетъ праздничный видъ: всѣ одѣты нарядно и проводятъ время въ разныхъ развлеченіяхъ на улицѣ. У невѣсты посторонняго народу набирается полная изба.

Теперь посмотримъ, что дѣлается въ домѣ жениха въ свадебный день.

Когда гости жениха соберутся, родители благословляютъ его сперва иконою, а потомъ хлѣбомъ и солью; послѣ родителей благословляютъ отецъ и мать крестные. Затѣмъ тысяцкій беретъ жениха за руку и всѣ садятся за столъ по старшинству: по правую руку жениха его крестный отецъ — тысяцкій, братъ или дядя—большой баринъ, а за нимъ и прочая родня; по лѣвую руку двѣ или три свахи. (Эти мѣста всѣ будутъ занимать за столомъ и потомъ у невѣсты на хлибинахъ). За столомъ сидятъ въ верхнемъ платьѣ, въ тулупахъ.

Столомъ распоряжается (угощаетъ) дружка. По окончаніи столованья срѧжаютъ поѣздъ. Чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ болѣе поѣздъ; упряжь лошадей увѣшиваютъ колокольчиками, бубенчиками и украшаютъ бантами.

Во время столованія дѣвушки и молодушки въ кути поютъ пѣсни. Мотивъ веселый и скорый.

Во Кремлѣ было во городѣ,
На горѣ, на красномъ золотѣ
Васильюшка чесалъ кудри,
Александровичъ расчесывалъ,

Татьянѣ говорилъ рѣчи:
Татьяна, перевей кудри,
Перевей кудри золотомъ,
Унижи скатнымъ жемчугомъ,
Татьянушка отвѣтъ держитъ,
Свѣтъ Степановна отвѣтствуетъ:
Я топере не твоя слуга,
Не твои хлѣбъ соль кушаю,
Не тебя, свѣта, слушаю.
Я батюшковъ хлѣбъ соль кушаю
Я его, свѣта, слушаю.

Эта пѣсня пропѣвается три раза, но въ третій разъ съ тою разницею, что жениха невѣста слушаетъ, т. е.

Я топере твоя слуга,
Твои хлѣбъ соль кушаю,
Тебя, свѣта, слушаю.

Вторая пѣсня:

Не по горенкѣ яблочекъ катался,
Не по блюдцу жемчужной разсыпался,
Тутъ Васильюшка жениться снаряжался.
Ему матушка головушку чесала,
По три волоса въ кудринку завивала,
Завивши-то кудринку, наказала:
Ты поѣдешь на чужу дальню сторонку,
Тамъ те станутъ красны дѣвки причитати,
Молодыя молодицы пѣсни пѣти,
Молодыя молодушки припѣвати,
А старыя старушки тя хвалити.
Ты умѣй ихъ, мое дитятко, дарити:
Краснымъ-то дѣвицамъ по рублинкѣ,
Молодымъ-то молодицамъ по полтинкѣ,
А старымъ-то старушкамъ по три гривны.

Пріѣхавъ къ дому невѣсты, останавливаются у воротъ. Женихъ и гости выходятъ изъ саней. Дружка идетъ въ избу и заявляетъ невѣстинымъ родителямъ о прибытіи жениха-князя. При этомъ дружкѣ перевязываютъ правое плечо полотенцемъ [1]); это его символъ. Дѣвушки тѣмъ временемъ поютъ пѣсни у воротъ въ честь жениха-князя. Мотивъ скорый и веселый.

Вьюнъ на водѣ извивается,
Василій у воротъ убивается,
Проситъ свое, суженое,
Свое ряженое, запорученное,
Запорученное, запросватанное,
Это хорошо, надо лучше того.

При повтореніи этой пѣсни выносятъ коробы съ бѣльемъ невѣсты и припѣваютъ:

Это хорошо, надо лучше того.

Когда пропоютъ третій разъ, припѣваютъ:

И вывели ему Татьяну душу.

На этотъ припѣвъ подходитъ къ жениху божатка (сваха) невѣстина и даритъ его полотенцемъ, а отецъ невѣстинъ угощаетъ жениховыхъ гостей виномъ и приглашаетъ жениха съ гостями въ избу.

---

[1]) Полотенце это аршина четыре или пять длиной, расшитое по краямъ и по краю вышивокъ сшитое вмѣстѣ. Когда дружка перекинетъ его черезъ плечо, оно волочится по землѣ.

Женихъ сидитъ въ саняхъ, пока не вынесуть хворосни: два пирога тонкіе, разсученные. На одномъ, верхнемъ, уточка изъ тѣста, посаженная въ мохъ и цвѣты; на нижнемъ пирогѣ щипочки. Эти щипочки отламываютъ всѣ, кромѣ жениха, и запиваютъ квасомъ. Тогда женихъ идетъ въ избу. Дѣвицы причитаютъ:

Не сама свѣтла свѣтлица
На пяту растворилася,
Не верба въ избу клонится,
Не шелковый клубъ катится,
Клонится, покланяется
Дворянинъ, да отецкой сынъ.
Попритихните на морѣ
Всѣ и гуси и лебеди,
Призамолкните въ теремѣ
Всѣ гости и гостейки,
Всѣ подружки голубушки.
Вы дайте послушати
У князя-то друженьки,
Что гораздъ ли то друженька
Онъ и слово-то молвити
Да молитву сотворити,
Челобитье отправити
Съ чужедальнія стороны,
Со злодѣйки измѣнщицы.

Невѣста отвѣчаетъ:

Мнѣ не мило, не дорого
Его челобитьеце:
Я возьму челобитьеце
На свои на бѣлы руки

Она встаетъ:

Подниму челобитьеце
Выше буйныя головы,
Заражу челобитьеце
О столы бѣлодубовые.

Падаетъ на столъ.

Въ избѣ пріѣзжіе останавливаются подъ палатями, не снимая съ себя верхняго платья. Невѣста и подруги причитаютъ. Мотивъ печальный:

Не грозись-ка гроза грозная,
Не похваляйся, добрый молодецъ
До поры да до времени.
Я у батюшки въ волѣ великой
У матушки въ дрокѣ [1]) сердешной
И въ дѣвичьи житьѣ красованьѣ.
Послушай-ка, добрый молодецъ,
Отъ меня отъ молодешеньки,
Отъ моихъ подругъ голубушекъ!
Идит-ка по единой половочкѣ.
У батюшки во свѣтлой свѣтлицѣ,
У матушки въ столовой горницѣ
Есть три стола снаряженые,
Снаряженые да оцѣненные.
Первый столъ-то во сто рубликовъ,
Другой-то въ пятьдесятъ рублей,
А третій-то въ двадцать пять.
Вы не сбейте яства сахарныя,
Вамъ съ батюшкой не расплатитися,
Золотой казной не откупитися.

Охти мнѣшеньки тошнешенько!
Отъ кого правятъ челобитьеце?
Буде правятъ челобитьеце
Отъ родни да отъ сердешныя,

---

[1]) Въ холѣ.

Я возьму челобитьеце
Во свои руки бѣлыя,
Я прижму челобитьеце
Къ сердцу жалосливому,
Отъ сердца жалосливаго
Предъ свои очи ясныя.
Буде правятъ челобитьеце
Отъ удала добра молодца,
Такъ возьмите челобитьеце
Во свои ручки бѣлыя,
Подымите ручки бѣлыя
Выше плечъ да буйны головы,
Ошибите челобитьеце,
Чтобъ разлетѣлось челобитьеце
На мелко лепетейнице [1]).

Подружки поютъ:

Больно смѣло подступаетесь!
Какой родней называетесь?
Мнѣ кажется да и глянется:
Не родня не сердешная,
Чужи люди съ чужу сторону.
Ты скажи, добрый молодецъ,
Которую даришь дѣвушку?
Дѣвушку али молодушку,
Аль вдову посѣдѣлую?
У насъ дѣвушка не безъ имячка,
Не безъ имячка, не безъ величества.
Наша подружка голубушка
Татьяна свѣтъ Степановна.
Такъ изволь назвать по имячку
Извеличать по величеству.

Женихъ подноситъ невѣстѣ на тарелкѣ подарки: зеркало, мыло, башмаки, а дѣвушкамъ дружка отъ жениха кулебякъ. Невѣста причитаетъ:

Ахти мнёшеньки тошнешенько!
Не осудите, бѣлы лебеди,
Что я приняла челобитьеце
Отъ удала добра молодца.
Мнѣ не коря будетъ коритися,
Не клоня будетъ клонитися.
Прежде меня покорилися—
Государь сердешный батюшка,
Государыня матушка.

Послѣ этого невѣста встаетъ и идетъ къ жениху съ полотенцемъ.

Вы подруженьки голубушки!
Подсобите, бѣлы лебеди,
Встать со брусовыя лавочки,
Пойду встрѣчать добра молодца.
Охти мнёшеньки тошнешенько!
Чьи, откуды же наѣхали?
Изъ Москвы али изъ Питера?
Аль изъ славныя Вологды?
Какъ по платью по цвѣтному
Будто роду-то господскаго,
А по рѣчѣ, по прогласьецу—
Будто роду-то поповскаго,
А по поклонамъ-то
Будто роду-то крестьянскаго.
Вамъ добро да добро жаловать:
Тонко бѣло полотенечко,
Хитро мудро рукодѣльеце.
Не чваньсят-ка, не ломайсят-ка
До поры да до времечка.
Буде чванишься ломаешься,
Могу назадь воротитися
Сѣсть на брусовую лавочку.

При этомъ она присѣдаетъ на лавку, но опять встаетъ и идетъ къ жениху.

---

[1]) Осколки, клочки.

Мнѣ сидѣть не отсидѣтися,
Пойду встрѣчу молодешенька
Удалова добра молодца.
Охъ, я глупая, неразумная,
Головушка не размышленая!
Не спрошала молодешенька
У дружки-то у князькова:
Ты скажи, дружка князьковъ
Про удала добра молодца:
Какъ назвать его по имени
Извеличать но величеству?

Дружка говоритъ:

Тебѣ добро да добро жаловать
Свѣтъ Василій Александровичъ!
Тонко бѣло полотенечко,
Хитро-мудро рукодѣльеце!
Не осудит-ка, добрый молодецъ,
На государя свѣта батюшка,
На родимую матушку.
Не ѣздилъ сударь батюшка
Ни въ Москву ни въ Вологду,
Не накупилъ сударь батюшка
Ни атласу, ни бархату.
Только случилося у матушки
Тонко бѣло полотенечко,
Хитро-мудро рукодѣльеце.
Изволь принять добрый молодецъ,
Свѣтъ Василій Александровичъ.

Женихъ принимаетъ полотенце. Онъ и всѣ гости въ тулупахъ садятся за столъ, который уставляють яствами, невѣста же удаляется въ куть и причитаетъ. Въ причетѣ она бранитъ «сводчика», какъ виновника свадьбы.

Есть въ домѣ у батюшка
Гостенекъ ново-пріѣзжій
Его хорошо назвать по имечку:
Свѣтъ Иванъ Викторовичъ.
Я давно жду дожидаюся
Въ куть подъ кутнее окошечко
За темную занавѣсочку.
Онъ ходилъ да перехаживалъ,
Ровно лѣшій перенашивалъ
Деревнямъ да по задворьецамъ,
Улицамъ по за полѣнницамъ.
Такъ создай же Христосъ истинный
Тебѣ 40 сыновъ, 40 дочерей.
Сыновей тебѣ не женивать,
Дочерей не отдавывать.
На печи бы заблудитися,
Черезъ напыльникъ свалитися,
Горячимъ щамъ обваритися,
Кисилемъ бы подавитися,
Молокомъ бы похлебнутися.

Въ Большемургинской вол. причетъ этотъ поется такъ:

Государь ты мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Идите, угащивайте
Своихъ дорогихъ гостей,
Одного не угащивайте
Свата перелестнаго,
Человѣка лукаваго.
Что ходилъ перелестный сватъ
Полямъ по запольецамъ,
Деревнямъ по задворьецамъ,
По собачьимъ тропиночкамъ,
По свинячьимъ лазеечкамъ.
Износилъ же лестливый сватъ
Трои лапти березовы,
Исподпиралъ лестливый свѣтъ
Трои ожига банные.
Первой разъ поколотится
Высокъ теремъ пошатится,
Другой разъ поколотится
Зауголки отпадають,
Третій разъ поколотится
Подстрѣлило у молоды

Мое сердце ретивое.
Уже дай Боже сватушку
За эту за выслугу
Ему три чирья въ бороду,
А четвертый подъ горлышко
Вмѣсто краснаго солнышка!
Уже дай Боже сватушку
Что за эту за выслугу
На печи заблудитися,
Со напыльника свалитися,
Да во щахъ бы сваритися!

Сватъ идетъ къ невѣстѣ въ куть и даритъ ее деньгами; дѣвушки же садятъ ему въ волосы «липушокъ» [1]), а то и за волосы теребятъ. Когда сватъ вернется отъ невѣсты дѣвицы поютъ:

Да еще свата неняло [2])
За эту то выслугу
На дворѣ заблудитися,
Съ лѣстницы свалитися.
Да еще свата неняло
Дай Боже сватушку
40 сыновей, 50 дочерей,
Сыновей то бы исженивать,
Дочерей не отдавывать,
Семьюшка бы копилася,
Хлѣба соли не родилося.

Сватъ откупается. Когда откупится, ему поютъ:

Спасибо те сватушка
На златѣ на серебрѣ,
На рублѣ на полуторѣ,
На гривнѣ злаченой.

Дѣвицы ради шутки сшиваютъ изъ бумаги платъ и подаютъ на ухватѣ свату. Тотъ беретъ. Дѣвицы начинаютъ хвалить поѣздъ:

Государь добрый молодецъ
Дворянинъ да отецкой сынъ
Ты ходилъ всего недѣльку,
Всего шесть деньковъ,
Ты ходилъ нахвастывалъ:
Уберу я свой княжой поѣздъ
Молодецъ къ молодцу,
Всѣ молодцы во единый ликъ,
На нихъ шубы суконныя,
На нихъ шапки бобровыя.
Ты государь добрый молодецъ,
Дворянинъ да отецкой сынъ,
Заганемъ тебѣ загадочку,
Не хитрую, не мудрую:
Уже что на бѣломъ свѣтѣ
Краше краснаго солнышка,
Свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца,
Милѣе отца-матери?

Женихъ беретъ коровай хлѣба, крестится, кладетъ на голову и кланяется дѣвушкамъ. Тѣ начинаютъ хвалить сидящихъ за столомъ:

Погляжу-то я,
Посмотрю-то я
По свѣтлой по свѣтлицѣ,
За столы бѣлодубовые,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя,
За питья медовыя:
Поѣзжанушки всѣ сидятъ

---

[1]) Колючая шишка лопуха.
[2]) Т. е. если еще этого свату недостаточно.

Ровно частыя звѣздочки,
Молодой-то князь сидитъ
Равно красное солнышко.
Свахонько-то сидитъ
Какъ зоря-матка утрення
Во погоду веселую.
Какъ тысяцкой-то сидитъ
Ровно младъ свѣтелъ мѣсяцъ
Со звѣздами со частыми
Со лучами со ясными.

Если сидитъ священникъ, то ему поютъ·

Священный-то попъ сидитъ
Его красота священная
Рука-то благословенная.

Жениху:

Государь добрый молодецъ
Дворянинъ да отецкой сынъ!
Не утаи, добрый молодецъ
Въ правдѣ слова единова:
Ты не ходишь-ли, добрый молодецъ,
Во лѣса-то разбойничать,
По деревнямъ-то за дѣвушкамъ?
Ты не ходишь-ли, молодецъ,
По царевымъ по кабакамъ?
Не пьешь-ли, добрый молодецъ,
Ты вина-то зеленаго?
Не держишь-ли, молодецъ,
Травы-то поганыя,
Табаку-то проклятаго?
Не сидѣть бы мнѣ молодѣ
Со вечера до полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта,
Не ждать-бы мнѣ молодѣ
Тебя со царева кабака.

Дѣвицы идутъ на дворъ и умышленно хлопаютъ дверью.

Не надѣйся, добрый молодецъ,
На меня молодешеньку:
Я тебѣ не работница. (Хлопаютъ).
Я тебѣ не сѣнокосница (Хлопаютъ).
Я тебѣ не водоносница (Хлопаютъ).

Придя со двора:

Мы ходили, подруженьки,
На твой на широкой дворъ,
Мы смотрѣли, подруженьки,
На твой на княжой поѣздъ.
Ужъ всѣ кони пьютъ, ѣдятъ,
Одинъ конь не пьетъ не ѣстъ:
Онъ повѣсилъ буйну голову
Онъ во ясли дубовыя,
Во сѣно шелковое.
Погляжу-ка я посмотрю
За столы бѣлодубовые,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя.
Что всѣ гости пьютъ, ѣдятъ,
Одинъ гость не пьетъ, не ѣстъ:
Онъ повѣсилъ буйну голову
Во столы бѣлодубовые
Во скатерти браныя,
Во яства сахарныя.

Дѣвицы дѣлаютъ изъ платка зайчика, украшаютъ его кольцами, вмѣсто глазъ втыкаютъ булавки и кладутъ на тарелку передъ женихомъ, другую же пустую тарелку подъ деньги ставятъ рядомъ. Женихъ даетъ денегъ, а сваха пряниковъ. Зайца ставятъ передъ тысяцкимъ и поютъ:

Тысяцкой, ты чесной человѣкъ!
Слышишь-ли, разумѣешь-ли?
Разумѣешь-ли, понимаешь-ли?
Мы тебѣ поемъ,
Честь хвалу отдаемъ
Надо-ли тебѣ
Полонъ дворъ живота?

Тысяцкій отвѣчаетъ: это хорошо.

Да надо лучше того.
Надо ли тебѣ
Три амбара ржи?

Тысяцкій: это хорошо.
Дѣвицы: Надо лучше того.
И такъ всѣмъ прочимъ. Затѣмъ поютъ:

На морѣ корабль
Съ товарами идетъ;
Со указчикомъ, со приказчикомъ.
Въ чистомъ полѣ яблонька,
Подъ яблонькой кровать,
На кровати-то перина,
На перинѣ зголовье,
На зголовьѣ-то Василей;
Люди ходятъ вкругъ него,
Пробуждаютъ его.
Ужъ я право не могу:
Права рученька болитъ.

Эту пѣсню поютъ три раза. Въ третій разъ:

Татьяна ходитъ вкругъ него,
Побуждаетъ его.
Соскочилъ и побѣжалъ
И въ ладони защелкалъ.

Зрители хлопаютъ въ ладоши.

Между тѣмъ невѣста при началѣ стола проситъ отца отвести ее въ другую избу для одѣванья къ вѣнцу.

Государь сердешный батюшка!
Отведи-ка, сударь батюшка,
Во мѣстечко упокойное,
Чтобъ не чула, да не слышала
Чужихъ людей съ чужу сторону.

Отходя въ другую избу, она прощается съ кутью:

Прощай, рай, мѣсто прекрасное!
По зимамъ сидѣла съ пряселкой,
По веснамъ сидѣла съ кружевцамъ,
По осенямъ-то со швеечкамъ.
Я первую-то ступень ступлю
Изъ царства небеснаго,
Изъ рая, мѣста прекраснаго,
Изъ дѣвичья житья-красованья.

Проводивъ дочь, отецъ возвращается въ избу, подходитъ къ столу съ виномъ и пивомъ и подчуетъ нареченнаго зятя; тотъ, поблагодаривъ, отклоняетъ предложеніе и проситъ выпить тестя. Тесть пьетъ, говоря: „добро да радостно тебѣ подъ вѣнецъ встать“. Затѣмъ гостей подчуетъ дружко, а отецъ невѣсты отходитъ въ сторону. Дружко подаетъ пирогъ „кроянова“ смотрящимъ съ полатей и изъ угловъ ребятишкамъ и говоритъ: „маленькіе ребятки, косыя заплатки, костыжные воры, рѣпные обжоры; на полатяхъ лежите, сопли до полу вѣсите“. Другой пирогъ подаетъ постороннимъ дѣвицамъ, говоря: красныя дѣви-

цы, пирожныя мастерицы, криношныя блудницы, горшечныя погубницы, какъ бы у матери яичко своровать да ребятамъ отдать, примите отъ нашего князя краяное!“

Въ Большемургинской вол. послѣ этого сваха жениха и дружко идутъ въ куть за невѣстой со стаканомъ квасу, въ который опущены деньги. Невѣста квасъ выливаетъ, а деньги беретъ себѣ. Это называется выкупомъ невѣсты. Ее хотятъ увести, дѣвицы не пускаютъ. Невѣста, накрывъ стаканъ платкомъ, даритъ платокъ дружкѣ. Она причитаетъ:

Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки!
Вы вставайте станицею,
Сплетайтесь плетеницею,
Вы стѣною бѣлокаменной
Не продавайте, подруженьки
Вы меня молодешеньку,
За злато, за серебро.

Дружко и сваха даютъ дѣвицамъ денегъ и уводятъ невѣсту за руки подъ благословеніе. Она причитаетъ:

Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Что не яблонь кужлявая
Передъ вамъ выростала,
Не прутьеце, вѣтьеце
Передъ вамъ увивается.
Что проситъ чадо милое
Чадо милое благословеньеца
На севоднешной бѣлой день.
Государь ты мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Ужъ вы дайте благословеньеце
Съ чиста сердца да съ радости
На севоднешной бѣлой день.
Мнѣ съ твоимъ благословеньецемъ
Мнѣ въ садо садитися,
Подъ вѣнецъ становитися
Со чужимъ со чужениномъ
Со добрымъ дороднымъ молодцемъ.

Когда ведутъ къ столу она причитаетъ:

Поплыла лебедь бѣлая
За столы за дубовые.

Садится рядомъ съ женихомъ. Отецъ беретъ дочь за руку; она не даетъ руки и причитаетъ:

Государь ты мой батюшка,
Ужъ ты красное солнышко!
Тебѣ на-што спонадобилась
Моя рученька правая?
На моей на правой рукѣ
На ней не письма писаны,
Не узоры нашиваны,
На моей на правой рукѣ
Одно перстенье злаченое.

Отецъ беретъ руку и подаетъ жениху. Тотъ сажаетъ невѣсту на лавку, она упирается. Отецъ и мать невѣсты обносятъ ихъ три раза образомъ. Дѣвицы поютъ:

Государыня свѣтъ подруженька,
Мы чего у тебя спросимъ:
Не тай-ка, подруженька,
Правды слова единова.
Не жметъ-ли добрый молодецъ
Твоей рученьки правыя
Къ перстенью ко злаченому?
Не жметъ ли добрый молодецъ
Твоей ноженьки правыя
Ко брусчатой ко лавочкѣ?

Невѣста отвѣчаетъ:

Не кладу, суди-боги,
На добра, дородна молодца,
Я кладу, суди-боги,
На вальяжнаго мастера:
Онъ мнѣ да обмалилъ
Мое перстенье злаченое.

Невѣста, выходя изъ-за стола, тащитъ за собою скатерть, а иногда беретъ и бросаетъ ее въ кого попало. Если это мужчина, онъ скоро женится, а дѣвушка—выйдетъ замужъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она причитаетъ:

Спасибо вамъ, батюшка,
И родимая матушка
На хлѣбѣ и на солѣ,
На большой добродѣтели:
Попоили, покормили
Съизмала до возрасту.
Берегли родной батюшка
И родимая матушка
Отъ краснаго солнышка,
Не уберегли родимые
Отъ чужи дальни стороны.

Въ Васьяновской волости, послѣ того, какъ невѣста одѣлась, отецъ идетъ къ ней съ шубкой, а она ему причитаетъ:

Охти мнешеньки тошнешенько!
Сталъ ходить сердешный батюшка,
Сталъ носить платье цвѣтное.
Я не знаю, не вѣдаю
Для чего да ради чего?
Не знать—меня жалѣючи,
Не знать—избываючи,
Можно знать да можно вѣдати,
Не жалѣючи—избываючи.

Одѣвшись, невѣста ходитъ съ подружками по улицѣ, красуется и причитаетъ:

Я пойду молодешенька
Гулять да красоватися
По широкой по улицѣ
Со подружкамъ голубушкамъ.

Подруги отвѣчаютъ:

Ходи, гуляй, наша голубушка,
По широкой по улицѣ
Нонѣ пора-время гулящее
Нонѣ гуляютъ люди добрые.

Невѣсту подводятъ подъ окно ея дома, къ матери, которой невѣста и причитаетъ:

Посмотри, сердешна матушка,
Я гуляю да красуюся
Со подружкамъ голубушкамъ.
Ты скажи, сердешна матушка,
Не утай слова единова:
Уѣхали ли чужи люди?
Буде уѣхали чужи люди,
Я пойду во свѣтлу свѣтлицу
Буде не уѣхали чужи люди,
Прогуляю молодешенька
Изъ утра день до вечера,
Съ вечера до полуночи.

Въ это время мать сидитъ подъ окномъ и плачетъ. Затѣмъ подруги ведутъ невѣсту съ улицы въ избу. Передъ дверью она останавливается, прося, чтобы мать встрѣтила ее.

Войдя въ избу съ матерью, невѣста останавливается по серединѣ и причитаетъ:

Охти мнешеньки тошнешенько!
Я недолго погуляла,
Больно много прогуляла.
Прогуляла молодешенька
Батюшкову волю великую,
Матушкину дровку сердешную
И дѣвичье житье-красованье.
Прогуляла молодешенька:
Въ дому стало не по старому,
Не по старому, не по прежнему.
На столахъ-то по двѣ скатерти,
По два хлѣба бѣло-ситные,
Средь стѣны бѣлокаменны
Стоитъ пресвятая Богородица.
Передъ святою Богородицей
Двѣ свѣчи воску ярова.
Я не знаю, не вѣдаю:
Которому Богу молитися?
Старый Богъ милуетъ по старому,
А новый Богъ милуетъ по новому.
Помолюсь же молодешенька
Явленной свѣтъ Богородицѣ:
Ты явись, свѣтъ Богородица,
Прежде меня въ чужу сторону,
Ты встрѣть, свѣтъ Богородица,
Меня со божьей со милостью.
Веселѣе жить, поваднѣе
На чужой дальней сторонушкѣ
Съ тобой, свѣтъ Богородица!

Помолившись, стоя середи избы, она проситъ позволенія сѣсть за столъ:

Государь сердешный батюшка!
Не прошаю, родимый батюшка,
Не имѣнья, не богачества,
Прошаю, родимый батюшка,
Великаго благословенія
Отъ чиста сердца жалосливаго,
Сѣсть за столы за дубовые
За скатерти шито-браныя.

Получивъ позволеніе, невѣста кланяется на всѣ стороны и садится за столъ. Въ это время подъ нее подкладываютъ овчиное одѣяло, причемъ по правую сторону одѣяла становится ближній родственникъ невѣсты, а по лѣвую родственникъ жениха. Невѣста причитаетъ:

Вы подруженьки голубушки!
Не сдавайте меня съ легкихъ рукъ
Съ легкихъ рукъ да на тяжелыя!
Крѣпки, крѣпки чужи руки,
Крѣпче желѣза нѣмецкаго,
Крѣпче камня синяго.

Послѣ этого родня женихова выходитъ изъ-за стола, а родня невѣсты подходитъ къ невѣстѣ, обнимаетъ ее и плачетъ. Послѣднею подходитъ божатка, которую невѣста и опричитываетъ:

Моя крес(т)ная матушка!
Наведемъ съ тобой, божатушка,
Перьеце лебединое,
Крыльеце соколиное,
Улетимъ съ тобой, божатушка,
За море за синее,
На воды на теплыя,
Къ купцу ко богатому,
У купца у богатаго
Нѣтъ ни сына, ни дочери.
Онъ возьметъ меня молоду
Вмѣсто дочери милыя,—
Стану жить да красоватися.

Женихъ подходитъ теперь къ невѣстѣ, но ему не позволяетъ сѣсть около нея охраняющій одѣяло со стороны невѣсты и проситъ выкупить одѣяло, говоря: «сегодня не

середа, а наша невѣста не безъ серебра». Женихъ даетъ серебряныхъ денегъ и садится на одѣяло рядомъ съ невѣстой. Они берутъ другъ друга за правыя руки, а человѣкъ, охранявшій одѣяло, отходитъ. Въ это время къ жениху подходитъ мать невѣсты и подноситъ ему платокъ, гладитъ его по головѣ, кланяется низко и отходитъ. Тогда дружка «приликаетъ» (зоветъ) отца, чтобы тотъ «сдавалъ» съ рукъ невѣсту. Отецъ подходитъ, беретъ правыя руки жениха и невѣсты платкомъ (чтобы жили богато и чтобы показать всѣмъ, что онъ дочь сдалъ). Невѣстѣ закрываютъ лицо платкомъ и невѣста остается закрытой до вѣнчанья.

Начинаютъ собираться въ церковь, причемъ невѣсту благословляютъ родители и божатка, сначала иконой, а потомъ хлѣбомъ и солью. Женихъ, невѣста и всѣ поѣзжане присѣдаютъ на минуту на лавки, потомъ всѣ разомъ встаютъ, становятся передъ иконами и молятся, чтобы путь къ вѣнцу былъ благополученъ. Въ это время одинъ изъ невѣстиной родни побойчѣе, умѣющій говорить, выходитъ впередъ и проситъ денегъ на мячъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Старые, молодые, женатые, холостые, усачи, бородачи, добрые молодцы, лямочки точены, табулочки строчены, подвить нога, подтянуть бока, по улочкѣ пройти, прогаркать, просвистать и того можно добрымъ молодцемъ назвать. Ахъ, князь молодой, тысяцкой, большой баринъ, второй баринъ, сватъ со свахонькой переѣзжей гостейкой, дружка съ поддружьемъ, чашнички, наливальнички, ухабнички, сберегальнички, весь вашъ княжой поѣздъ, я къ вамъ пришелъ на сегоднешной бѣлый день, позвольте вы мнѣ поближе подступиться, пониже поклониться, поздороваться. Я васъ пришелъ посмотрѣть, самъ себя показать. Здравствуйте, господа сенаторы, изъ какой вы конторы? А я изъ нижней межевой конторы. Я человѣкъ не шведской, я человѣкъ не турецкой, я человѣкъ не персицкой, а такой же россійской Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Замотскаго волостнаго правленія, Быковскаго общества, деревни Села-Терентьева Николай Лаврентьевъ Васильяновъ, у меня у добраго молодца полная пазуха блохъ, около поясницы вшей какъ брусницы, но и пол-дѣла же вшамъ плодиться, когда мы умѣемъ съ ними водиться. Мы гребешковъ не покупаемъ, только однимъ коточигомъ [1]) покопаемъ. Вотъ случилось мнѣ молодцу въ Токаревѣ концѣ погулять на крыльцѣ. И сказано: тутъ есть ключъ, иди не стучь, смаху дверей не отворей. И побойся вышняго Бога, не скажи лишняго слова, за лишнія словеса будешь выволоченъ вонъ за волоса. Я смаху дверей не отворялъ, лишняго слова не сказалъ, запалъ подъ лѣстницу, принесли мнѣ дѣвки плошку яишницы. Я хлебалъ, торопился, чуть не подавился. На мое счастье приходилъ Сычевъ и приносилъ пироговъ концовъ: хошь ѣшь, хошь гложи, хошь такъ положи, а я поѣлъ, поглодалъ, остатки въ назуху ссовалъ, потомъ краснымъ дѣвушкамъ раздавалъ, на мѣсто пряничковъ отвѣчалъ, а самъ на себя пустого слова не слыхалъ. Ахъ, Саши да Маши, дѣвушки наши! Головки у нихъ гладки, на ихъ аленькія фатки, знаютъ онѣ наши молодецкія ухватки. Ахъ, князь молодой, тысяцкой, большой баринъ, второй баринъ, сватъ со свахонькой, дружка съ поддружьемъ, чашнички, наливальнички, ухабнички, сберегальнички, весь вашъ княжой поѣздъ, мы васъ на сегоднешной день на топерешней часъ ждали дожидали, всѣ пути дорожки расчищали, горы и долы осѣкали; заступы, лопаты приломали, черезъ рѣчки быстры мосты наводили, на бѣлой дворъ ворота растворяли, изъ петниковъ вынимали, вашимъ конямъ овса

[1]) Костяная пластинка, обостренная съ одного конца; употребляется для плетенія лаптей, а также для исканія вшей.

и сѣна надавали, васъ молодцей встрѣчали, въ высоки терема вводили, за столы дубовые садили, всѣхъ платкамъ ширинкамъ одарили, за трудъ за работу попросили. Насъ на работу ходило сто братовъ съ братомъ. Есть еще у насъ въ полку шесть бабъ голож...хъ. У нихъ ж..ки голы, онѣ не смѣютъ къ вамъ на сваребку придти. А мы по сваребкамъ гуляемъ, денежки сбираемъ, берестяныя заплаты покупаемъ, у бабъ ж..ы кропаемъ. Мы на ваши денежки станемъ заплаты покупать, да у бабъ ж..ы кропать и потомъ къ вамъ на сварбу опушшать. Ежели вы не вѣрите тутъ, такъ посмотрите въ куть, вси бабы тутъ. Ну такъ вотъ вы пожалуйте за трудъ, за работу на мячъ, на рогозку, на мячъ на шерсть рубликовъ шесть, съ новаго свата два рубля на брата, а для всей родни серебро рубли. А ежели вамъ много покажется, мы вамъ полтинку назадъ сдадимъ; мы эти денежки размѣнимъ, да по своей братьи раздѣлимъ» [1]).

Свадебный поѣздъ составляется иногда изъ десяти саней, запряженныхъ парами, тройками, одиночками. Упряжъ бываетъ самая лучшая. Въ первыхъ саняхъ ѣдетъ дружка съ иконой, въ слѣдующихъ женихъ съ тысяцкимъ, за женихомъ невѣста со свахой, за ними остальные. Въ дорогу съ собой берутъ „краянова“—кулебякъ, пряниковъ и конфетъ, чтобы раздавать просителямъ въ деревняхъ, черезъ которыя придется ѣхать. Раздаютъ краяное свахи.

Когда женихъ садится въ сани, невѣста подаетъ ему возжи три раза; онъ бросаетъ возжи назадъ, а она его величаетъ всякій разъ. Въ третій разъ онъ беретъ возжи, стегнувъ ее ими по шубкѣ, тогда она садится въ сани при помощи подругъ. Сѣвъ въ сани, она прощается съ подругами и проситъ ихъ передать поклонъ матери.

Вы подруженьки голубушки!
Вы простите подруженьки!
Не видать васъ, подруженекъ,
Душой красной дѣвушкой.
Вы подруженьки голубушки!
Вы сходите, подруженьки,
Къ сердешной ко матушкѣ,
Вы скажите, подруженьки,
Отъ меня ей низкой поклонъ
Моей сердешной матушкѣ;
Не ждала бы седни матушка
Молодой молодицею.
Я пріѣду молодешенька
Не одна одинешенька
Со удалымъ добрымъ молодцемъ
Со всей родней несердешною,
Несердешною, богоданною.

Во время усаживанія дѣвицы поютъ:

Со берегу, со берегу
Самокаты катятъ,
Сами катятся.
Со терема, со терема
Красну дѣвицу ведутъ.
Скобы брячатъ,
Башмаки говорятъ.
Просятъ коня,
Коня батюшкова,
Батюшковъ конь
Не ступись, не везись,
Не вези молоду
На чужу сторону.

[1]) Въ прежнее время въ день свадьбы невѣстины сосѣди и другіе мужчины играли на улицѣ въ этотъ мячъ; мячъ женихъ возилъ съ собой и отдавалъ его въ пользу невѣстиныхъ сосѣдей; нынѣ женихъ мяча съ собою не возитъ, а деньги, собранныя на мячъ, теперь идутъ на попойку.

Этою же пѣснью припѣваютъ коня матери, а потомъ коня жениха.

Когда всѣ усядутся, дружка три раза обходитъ поѣздъ съ иконою. Онъ беретъ съ собой сундукъ съ пряниками и блюдо съ двумя ложками и скатерть, которая была на столѣ, и садится. Тогда поѣздъ трогается.

Во избѣжаніе дурныхъ случайностей во время срядовъ къ вѣнцу, молодые кладутъ себѣ въ сапоги льняное сѣмя; голое тѣло обвязываютъ поясомъ, связаннымъ собственно для этого. Когда молодые идутъ изъ избы, чтобы садиться въ сани, передъ ними метутъ полъ и дверные пороги и обметаютъ косяки. Надо еще замѣтить, что во время приготовленій къ свадьбѣ никого ничѣмъ не ссужаютъ, чтобы молодые хранили супружескую вѣрность.

Выѣхавши изъ деревни, невѣста плачетъ въ своемъ полѣ:

Вы простите, поля чистыя
И луга зеленые!
Не работывать, не хаживать
Душой красной дѣвушкой.

Подъѣхавъ къ церкви, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и они идутъ въ церковь, предводимые дружкой, тысяцкимъ и свахами. Когда встанутъ къ вѣнцу, имъ подстилаютъ подножникъ, на который каждый изъ нихъ старается встать первымъ, чтобы быть потомъ „набольшимъ“.

Во время вѣнчанія замѣчаютъ, что если вѣнцы на головахъ свѣтлые, это означаетъ, что оба невинны. Послѣ вѣнца молодые цѣлуются, къ нимъ подходятъ поѣзжане и поздравляютъ „съ законнымъ бракомъ“; послѣ родни поздравляютъ церковники и, если новобрачные богаты, то просятъ ихъ проводить съ пѣніемъ въ сторожку, гдѣ новобрачные угощаютъ причтъ пивомъ и водкой.

Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ къ молодому. Родители встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью въ вывороченныхъ наизнанку шубахъ, а дѣвицы осыпаютъ ихъ овсомъ или пшеницею. Войдя въ избу, молодые останавливаются по серединѣ, причемъ молодая даритъ полотенцами свекра и свекровь съ роднею по усмотрѣнію и указанію свекрови. Послѣ даровъ садятся за столъ; сидятъ по степени родства. Кушанья подаетъ дружка, закрывая каждое блюдомъ и говоря: „Господи Іисусе Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Извольте покушать, да насъ послушать“.

Во время столованія, дѣвушки въ кути поютъ пѣсни, за что ихъ угощаютъ виномъ и пивомъ. Мотивъ веселый.

Всѣ кони подъ коврами,
Одна лошадь подъ тафтою.
Накругъ этого коня
Василій-свѣтъ ходитъ,
Изъ правой полы
Пшеной кормитъ.
Ты конь ли мой предобрый,
Съѣзди для дѣвицы
Татьяны красавицы.
Татьянушка спесива,
Степановна горделива:
Изъ саней сама не выходитъ:
На дворѣ-то очень грязно,
На сараѣ порошисто,
Въ терему-то комаристо.
Туто Василій отвѣчаетъ:
На дворѣ то есть солома,
На порошицѣ [1]) есть вѣникъ,

[1]) Дверной порогъ.

На комариковъ есть пологъ,
На Татьяну есть угроза—
Еся плеточка шелкова.

Послѣ столованія молодыхъ съ иконою провожаютъ спать въ подклѣть. Брачное ложе устраивается всегда въ отдѣльной горницѣ, непремѣнно холодной, или на сѣникѣ. Постель стелятъ на полу или на примосткѣ. Тутъ молодая даритъ свекра и свекровь полотенцами; тѣ уходятъ, а молодыхъ укладываютъ спать дружка и сваха. Молодая раздѣваетъ мужа; онъ даетъ ей за это денегъ. Дружка обращается къ молодому со словами: „смотри, не клади молодую на край, а то ночью украдутъ, а не то и я, пожалуй, сглупую". Молодой отвѣчаетъ: „не украдутъ, не упущу".

Молодой ложится на кровать такъ, чтобы молодушкѣ нельзя было лечь, тогда она обращается къ нему со словами: „припусти меня на постелю". Онъ отвѣчаетъ: „милости просимъ". Она по обычаю, старается прыгнуть черезъ него, для того чтобы легче носить ребятъ.

Съ цѣлью произвести дѣтей мужескаго пола никакихъ суевѣрныхъ пріемовъ въ употребленіи нѣтъ, а есть примѣта: послѣ совершенія супружескаго акта, женщина ложится на нѣсколько времени на правый бокъ, думая, что въ такомъ случаѣ родится мальчикъ. Иногда во время совершенія супружескаго акта, съ цѣлью упрочить взаимную любовь, молодые приговариваютъ: „какъ Адамъ и Ева жили любовно, такъ бы жили любовно и любили брачное дѣло (имя рекъ), во имя О. и С. и св. Д., аминь".

Ночью молодыхъ ходятъ провѣдывать сваха и дружка и приносятъ саламатъ; за это молодица даритъ сваху полотенцемъ.

По утру молодыхъ будитъ дружка послѣ того, какъ гости опохмелятся. Когда молодые встанутъ, ихъ кормятъ олашками; въ это время молодой угощаетъ гостей виномъ, подзывая къ себѣ каждаго по имени. Пріѣзжаетъ тесть звать молодыхъ съ гостями на хлибины.

Въ Тотемскомъ у. на другое утро послѣ свадьбы родня начинаетъ *разыскивать* молодую, какъ пропавшую, и обращается къ свату, какъ къ похитителю. Онъ ведетъ всѣхъ на подклѣть, но молодую куда-нибудь прячутъ и надъ сватомъ «совершается потѣха». Его, какъ вора, одѣваютъ въ рогозы, опутываютъ веревками, на голову надѣваютъ узду, подаютъ въ руки корзину и въ такомъ видѣ водятъ на показъ по всей деревнѣ. Въ каждомъ домѣ въ корзину свату кладутъ что-нибудь съѣстное—«милостыню», какъ преступнику. Затѣмъ возвращаются въ домъ молодого, гдѣ уже всѣ сидятъ за столомъ. Тутъ сватъ долженъ откупаться за найденное поличное. Подаютъ двѣ совершенно одинаковыхъ бутылки, одну съ водкой, другую съ соленой водой и предоставляютъ свату угадать, въ которой вино, въ которой вода. Если сватъ укажетъ на бутылку съ водой, то и выпиваетъ ее всю [1]).

Въ Палемской вол., Сольвычегодскаго у., на другое утро послѣ свадьбы невѣстѣ приносятъ воды, а дружка, надѣвъ на вилы три березовыхъ голика и привязавъ къ виламъ колокольчикъ, идетъ въ избу. Здѣсь, какъ только онъ ступитъ за порогъ, сваха молодой хватаетъ вилы и повязываетъ вѣники полотенцемъ, послѣ чего дружка идетъ по избѣ и, потрясая вилами, приглашаетъ всѣхъ на умыванье. Тогда всѣ идутъ на повѣтъ умываться, причемъ каждый изъ гостей подходитъ къ молодой и она расчесываетъ ему греб-

---

[1]) См. Волог. Губ. Вѣдом. 1880 г. № 50 и 51.

немъ волосы, за что онъ даетъ ей денегъ. Послѣ умыванья молодыхъ въ видѣ шутки обливаютъ водой изъ ведра или даже изъ ушата.

Съ пріѣздомъ тестя, приготовляется «радошный» столъ. Передъ столованьемъ гости умываются, получая воду изъ рукъ свахи, а полотенце изъ рукъ молодицы. Каждому умывающемуся молодица кланяется въ поясъ, а они ее дарятъ деньгами за мыло. Такъ— въ Васьяновской вол., Кадниковскаго уѣзда. Въ Метлинской вол., Сольвычегодскаго у., гости, умывшись, получаютъ каждый рюмку водки изъ рукъ невѣсты и при этомъ цѣлуютъ ее. Этотъ обрядъ зовется *мыльное цѣлованіе.*

Въ Васьяновской вол. особенности радошнаго стола состоятъ въ томъ, что за столомъ поютъ псалмы, тропари, кондаки и многолѣтіе. Когда гость начинаетъ пить водку или пиво, молодица со свахою встаютъ и низко ему кланяются. Послѣ стола поютъ обыкновенныя пѣсни и бываетъ пляска. Пляшутъ «русскую» изъ 24-хъ колѣнъ.

Въ Палемской вол., Сольвыч. у., обѣдъ начинается не ранѣе 2-хъ часовъ дня и мѣста за столомъ, какъ и наканунѣ, занимаются по степени родства, но на первыхъ мѣстахъ садятся уже гости со стороны молодой. 4-е кушанье за этимъ обѣдомъ зовется *честью.* Это большая, неразрѣзанная часть (фунтовъ 30, 35) зажареннаго мяса, отъ которой на каждомъ столѣ отрѣзываютъ потребное количество, передаютъ на слѣдующій столъ и такъ до послѣдняго.

Здѣсь надо упомянуть о странномъ обычаѣ отказывать невѣстинымъ гостямъ. Когда подадутъ *честь*, то кто-нибудь сбрасываетъ съ полатей пестерь, въ которомъ лежатъ шапки и рукавицы невѣстиныхъ гостей и говоритъ: «шапки видите, двери знаете, просимъ о выходѣ». Тогда гости встаютъ изъ-за стола и уѣзжаютъ домой. Этимъ никто не оскорбляется. Жениховы гости по большей части разъѣзжаются на третій день.

Вечеромъ этого дня молодые съ гостями ѣздятъ на хлибины въ домъ молодицы. Тутъ прежде всего подносятъ стаканъ пива или водки молодому, а молодой тестю, потомъ всѣхъ гостей подчуетъ молодой. Когда гость начинаетъ пить, тогда зять со свахой встаютъ и низко кланяются. Послѣ стола поютъ пѣсни и пляшутъ «русскую», какъ и послѣ радошнаго стола.

Въ концѣ увеселеній молодыхъ уводятъ въ особое помѣщеніе, гдѣ ихъ угощаютъ «на особинку». Вернувшись къ гостямъ съ особинки, садятся ужинать. Послѣ ужина хозяинъ приноситъ пестерь съ шапками, кушаками и рукавицами, давая этимъ понять, что гостямъ пора домой. Молодые же остаются гостить на сутки.

Въ первое воскресенье послѣ свадьбы тесть ѣздитъ съ молодыми и ихъ ближней родней по сосѣдямъ звать ихъ къ себѣ въ гости. Это зовется «молодишникомъ». Въ недѣлю масляницы молодые ѣздятъ къ отцу молодой на нѣсколько дней. Въ это время исполняется и шуточный обычай «ѣздить бобромъ на молодомъ». Для этого, когда молодой выйдетъ посмотрѣть на катающихся *на шестахъ* [1]), знакомые односельчане притаскиваютъ розвальни безъ оглобель, насильно садятъ въ нихъ молодого и затѣмъ, вскочивъ въ розвальни въ числѣ иногда десяти человѣкъ, давя другъ друга и молодого, скатываются на розвальняхъ подъ гору.

Въ Петровъ день молодыхъ «садятъ на яйца». Въ этотъ день тесть и теща отпра-

---

[1]) Шесты устраиваютъ такъ: выбираютъ пологую горку, на ней укладываютъ параллельно на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. одна отъ другой еловыя жерди въ видѣ рельсъ и обливаютъ ихъ водой, чтобы онѣ обледенѣли. Катающіеся всходятъ наверхъ, становятся каждый обѣими ногами на одну изъ жердей, берутъ другъ друга за руки и скатываются внизъ.

вляются къ молодымъ и везутъ съ собой водку, блины, пироги съ рыбой, сыръ, отъ 50 до 100 штукъ печеныхъ яицъ и другія кушанья, словомъ полный обѣдъ, кромѣ того привозятъ зятю рубаху и штаны. Въ домѣ молодыхъ тесть и теща усаживаютъ молодыхъ и ихъ близкую родню и угощаютъ [1]).

Между участниками свадьбы впослѣдствіи отношенія устанавливаются въ извѣстной степени родственныя, и посторонніе участники свадьбы зовутся сватовьями, а женщины сватьями. О праздникахъ они гостятъ другъ у друга.

Если родителей жениха и невѣсты нѣтъ уже въ живыхъ, или они почему-либо не могутъ исполнять своихъ обязанностей на свадьбѣ, то ихъ замѣняютъ или братья, или дяди, или сватовья.

Невѣсты сироты или же незаконнорожденныя сами заводятъ наряды и копятъ приданое; если нѣтъ своего, то приданое дается отъ ихъ родни или отъ родни жениха, смотря по состоянію. Порядокъ свадебныхъ обрядовъ, пѣсень, причетовъ — такой же, какъ и при обыкновенныхъ свадьбахъ.

На вдовьихъ свадьбахъ пѣсень и причетовъ не бываетъ; вдова, ѣдущая къ вѣнцу, не закрываетъ лица, какъ дѣвушка-невѣста.

Когда молодушка переѣзжаетъ въ домъ мужа, то, войдя въ избу, останавливается подъ матицею, оглядываетъ окружающихъ и говоритъ про себя: «вы мои овечки, а я вашъ волчокъ»; это для того, чтобы быть большухою въ домѣ.

Неплодность женщины въ крестьянской семьѣ считается большимъ несчастіемъ; думаютъ, что неплодіемъ Богъ караетъ родителей за грѣхи ихъ или ихъ отцовъ. Если же женщина забеременѣла, то стараются предрѣшить вопросъ: кто родится — сынъ или дочь? Замѣчаютъ при этомъ, что если женщина худѣетъ лицомъ, то родитъ мальчика, а не худѣетъ, то дѣвочку; если животъ обостряется — родитъ мальчика, если онъ широкій — дѣвочку, если раздваивается, то двойни. Или если выдается правый бокъ—родитъ мальчика, а лѣвый, то дѣвочку.

Передъ наступленіемъ родовъ, родильницу удаляютъ отъ прочихъ домочадцевъ въ хлѣвъ, въ подполье или въ чуланъ. — Передъ наступленіемъ акта рожденія женщину кладутъ на спину; тутъ она обыкновенно пріобщается; если же роды трудные, то прощается съ родными. Мужъ во время родовъ обыкновенно присутствуетъ и даетъ женѣ въ ротъ воды изъ своего рта или держитъ жену на колѣняхъ.

При началѣ родовъ родильница молится: «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломониду, не погнушайся мнѣ грѣшной, помоги мнѣ при родахъ». Къ Соломонидѣ обращаются потому, что, по представленію крестьянъ, когда Божіей Матери пришло время разрѣшиться отъ бремени, то св. Іосифъ пошелъ, привелъ Соломониду и она приняла младенца.

Для облегченія родовъ приготовляютъ на водѣ настойку изъ васильковъ и пьютъ ее; за неимѣніемъ настойки, васильки просто жуютъ и глотаютъ. Родильница пьетъ также воду съ углей, выскочившихъ изъ печи, заранѣе собираемыхъ и хранимыхъ, для того

---

[1]) См. Вологская Губ. Вѣд. 1880 г. № 24.

чтобы родить такъ же скоро, какъ уголь выскочилъ изъ печи. Съ этою же цѣлью пьютъ настой травы, называемой *прострѣлъ* (Pulsatilla patens).

Для облегченія родовъ, бабка разстегиваетъ воротъ рубахи—своей и родильницы, расплетаетъ у нея косу, вынимаетъ серьги изъ ушей, при родовыхъ мукахъ велитъ зажечь вѣнчальныя свѣчи, окачиваетъ водой обручальныя кольца и этой водой поитъ родильницу; мужъ же идетъ къ попу и проситъ отворить царскія двери въ церкви.

До наступленія родовъ, родильница еще должна грызть свое колѣно, когда же младенецъ родился, бабка, завернувъ пупокъ младенца въ пеленочку, подноситъ его ко рту матери и велитъ кусать этотъ пупокъ, при чемъ спрашиваетъ: «что грызешь?» — «Грызу» (т.-е. грыжу), отвѣчаетъ родильница.— «Чтобы по вѣку не было грызы»; затѣмъ бабка начинаетъ мыть ребенка. Его завертываютъ вмѣсто простыни въ грязную отцовскую рубаху, для того, чтобы отецъ любилъ ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ животь родильницы перевязываютъ полотенцемъ туго на туго. Ей обязательно подаютъ ломоть ржанаго посоленаго хлѣба и рюмку водки—чистой или настоенной на калганѣ, и она должна съѣсть хлѣбъ и выпить водку.

Дѣтское мѣсто моютъ холодной водой и завертываютъ въ чистую тряпку. Если оно послѣ дѣвочки, то съ нимъ кладутъ одно яйцо, а если послѣ мальчика, то два. Мѣсто съ яйцами зарываютъ въ навозъ или подъ подвальное бревно. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы у ребенка не было грыжи. Пуповину перевязываютъ на-туго ниткой и мажутъ деревяннымъ масломъ. Затѣмъ каждый день въ продолженіе недѣли головку новорожденнаго сильно сжимаютъ руками.

Если дѣти родятся въ сорочкѣ, то замѣчаютъ, что они будутъ счастливы въ жизни; сорочку высушиваютъ и берегутъ до вѣнца, женихъ или невѣста берутъ ее съ собою для счастія или, вообще, во избѣжаніе всего дурнаго въ теченіи свадебныхъ дней.

Если у новорожденнаго головка необыкновенно развалилась, или онъ кричитъ вяло, слабо, замѣчаютъ, что онъ скоро умретъ и, наоборотъ, если головка маленькая и крѣпкая, и онъ кричитъ громко, то будетъ жить. Если ребенокъ появляется на свѣтъ лицомъ внизъ, это тоже означаетъ, что онъ «не жилецъ».

Для удаленія дурныхъ вліяній окачиваютъ водой три дверныхъ скобы и этой водой вспрыскиваютъ новорожденнаго; или же сливаютъ воду со дна двухъ ведеръ на тарелку и наговариваютъ: «какъ на этихъ на уторахъ не держится вода, такъ бы не держалась на рабѣ божіемъ (имя рекъ) опризорище и оговорище; съ вѣтру пришли на вѣтеръ и подите». Этой водой ребенка поятъ и вспрыскиваютъ для той же цѣли.

Вѣрятъ повсюду въ то, что ангелъ приноситъ душу ребенка и присутствуетъ при его рожденіи. Зная, что злые духи особенно опасны для новорожденныхъ и родильницъ, ихъ однихъ не оставляютъ въ избѣ до очистительной молитвы и сороковой; кромѣ того родильницу не показываютъ постороннимъ, пока она не оправится, во избѣжаніе всякихъ дурныхъ вліяній.

Вѣрятъ, что ребенокъ родится въ тотъ самый часъ, въ который зародился, также точно, какъ и умретъ рано или поздно въ этотъ же часъ. Мѣстами же думаютъ, что ребенокъ родится черезъ 9 мѣсяцевъ, изо дня въ день спустя недѣлю послѣ зачатія. Женщина, родившая мертваго ребенка (стало быть, остающагося некрещенымъ) покупаетъ каленкору на 40 рубашечекъ дѣтскихъ и 40 крестиковъ и раздаетъ 40 тяжелымъ (т.-е. беременнымъ) женщинамъ, для того, чтобы ея ребенку было легче.

Въ самый день рожденія ребенка родильницу водятъ въ баню. Когда она идетъ туда, бабка третъ ей лобъ солью и приговариваетъ: «какъ эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, такъ бы раба божія (имя) не боялась ни опризорищей, ни оговорищей.» При этомъ она бросаетъ соль на отмашку.

Какъ только женщина родила и извѣстіе объ этомъ разнеслось по деревнѣ, пекутъ пироги и несутъ родильницѣ, „какъ волхвы несли дары свои". Пироги эти бѣлые и ихъ нанесутъ иногда на цѣлый мѣсяцъ. Но пироговъ не пекутъ и не носятъ тѣ бабы, которыя въ это время беременны. Родильницѣ теща подноситъ рюмку водки, другую рюмку зятю, ему же платокъ, потомъ свекру и свекрови, всѣмъ знакомымъ и бабкѣ (повитухѣ) по рюмкѣ и платку, или же ситцу.

Родильница встаетъ съ постели, смотря потому, какъ оправится. Въ крайнемъ случаѣ даютъ «отдохнуть» три дня. Въ иныхъ мѣстахъ если вылежитъ на спинѣ неподвижно сутки, даютъ встать на другой же день.

Пеленаніе и купаніе ребенка предоставляется бабкѣ въ продолженіе девяти дней. Во время пеленанія бабка говоритъ: «одну душу Богъ простилъ, другую народилъ. Во имя О. и С. и Св. Д.; аминь»; при этомъ кладетъ на младенца крестное знаменіе.

Мать старается кормить ребенка грудью какъ можно долѣе по примѣтѣ, что пока кормитъ одного, новаго не понесетъ. «На сырое молоко живо пристанетъ». Иногда не отнимаютъ ребенка отъ груди до трехъ лѣтъ.

Крещеніе младенца происходитъ въ церкви или на дому, смотря по обстоятельствамъ и состоянію родителей. Выборъ имени новорожденному не сопровождается никакими обрядами. Обыкновенно даютъ имя того святаго, въ какой день ребенокъ родился, или по близости этого дня. Часто даютъ имя любимаго или особенно счастливаго родственника или же, для запечатлѣнія памяти, имя дѣда или бабки.

Купальную воду съ остриженными волосами выносятъ воспреемники и выливаютъ подъ часовню, или въ такое мѣсто, гдѣ не ходятъ люди и скотъ. Волосы младенца бросаютъ въ купель и смотрятъ, какъ они станутъ плавать. Если кружатся—къ житью, если идутъ ко дну—не къ житью. Смотрятъ также «входитъ ли въ тѣло елей» при крещеніи; если входитъ—будетъ жить; также наблюдаютъ чихнулъ ли младенецъ: если чихнулъ—будетъ жить.

Воспреемники какъ другъ къ другу, такъ и къ родителямъ младенца становятся въ родственныя отношенія, называютъ другъ друга кумъ, кума или божатъ, божатка, крестникъ, крестница. Къ крещенію божатка приготовляетъ крестнику рубашку, божатъ—крестикъ, или даетъ денегъ на крестикъ. Родильница иногда получаетъ отъ воспреемника ситцевый платокъ. Въ Никольскомъ у. въ день крестинъ пекутъ особые пирожки съ овсяною мукой, намазанные сверху масломъ; они зовутся *кстинчики*. Беременной женщинѣ нельзя воспринимать младенца: или онъ умретъ, или она не доноситъ, а если и доноситъ, то ея ребенокъ не будетъ жить.

На Удорѣ, въ Яренскомъ у., младенца для крещенія никогда не носятъ въ церковь, а, по старинному обычаю, всегда крестятъ дома. Въ кумовья, тоже по обычаю, берется первый попавшійся на улицѣ. Если родился мальчикъ, при крещеніи бываетъ одинъ крестный отецъ, а дѣвочка, то—одна крестная мать.

Маленькимъ дѣтямъ рожденіе ребенка объясняютъ различно. То говорятъ: ходила мам-

ка въ городъ (или куда-либо) да вѣтромъ брюхо надулю, то—дитя родилось изъ лѣвой пазухи, то—нашла у себя подъ пазухой, то—принесла въ колѣняхъ изъ поля.

Колыбель для ребенка, зыбка, дѣлается изъ еловыхъ или сосновыхъ дранокъ и бываетъ продолговато-овальной формы; къ ея ободу, облучку привязываются два дугообразныхъ лучка, къ лучкамъ веревки, веревки же прикрѣпляются къ концу очепа (качулно)—длиннаго шеста, утвержденнаго въ потолкѣ или продѣтаго въ желѣзное кольцо, ввинчиваемое въ потолокъ; зыбку покрываютъ ситцевымъ или холщевымъ пологомъ.

Порожнюю зыбку не позволяютъ качать, чтобы ребенокъ спалъ хорошо, покойно; если же качать порожнюю, это вредно для ребенка и у матери отъ этого скоро родится другой ребенокъ; также не даютъ качать двоимъ разомъ. На качулно не вѣсятъ пеленокъ, иначе дитя будетъ спать неспокойно. Если ребенокъ смѣется во снѣ, это значитъ, что его „тѣшатъ ангели".

Если предшествующія дѣти у родителей умирали, то практикуется мнимая продажа дѣтей, состоящая въ томъ, что родители даютъ нѣсколько копѣекъ лицу, у котораго дѣти растутъ сильныя и крѣпкія. Этотъ человѣкъ беретъ деньги, покупаетъ въ церкви свѣчку и ставитъ ее тому святому, имя котораго дано мнимо-купленному новорожденному. Въ жизни и покупщикъ и ребенокъ обоюдно зовутся мнимыми: кумъ, кума, божатъ, божатка.

Если ребенокъ не по лѣтамъ уменъ или очень рѣзвъ, то думаютъ, что онъ недолговѣченъ. Широкое темя у ребенка означаетъ, что онъ живучъ, а острое—признакъ недолговѣчности. Большихъ размѣровъ голова вообще служитъ признакомъ большаго ума, хотя и замѣчаютъ, что не всегда большеголовые—умны. «Лобъ широкъ, да въ головѣ то-мохъ».

Уходъ за больными дѣтьми обыкновенно довольно ласковый и внимательный. Ихъ держатъ въ необыкновенномъ теплѣ, среди лѣта окутываютъ овчиннымъ одѣяломъ; раза по два въ день суютъ въ печку; кладутъ въ зыбку больному «сонъ пр. Богородицы», просфорную печать погружаютъ въ воду и этой водою моютъ и поятъ дѣтей.

Если ребенокъ долго не говоритъ, его поятъ водой, которой былъ окаченъ колокольчикъ, или же дѣлаютъ такъ: сажаютъ ребенка въ мѣшокъ и несутъ кругомъ церкви. Если въ это время кто спроситъ: что несешь? надо отвѣтить: колоколъ. Обнеся вокругъ церкви, втаскиваютъ мѣшокъ на колокольню и ставятъ его подъ колоколъ; окачиваютъ языкъ колокола водой и этой водой поятъ ребенка. Если узнаютъ, что гдѣ нибудь льютъ колоколъ, то дѣлаютъ «жертву на колоколъ», т. е. даютъ (или посылаютъ) деньги.—Если ребенокъ долго не ходитъ (*сѣдунъ* съ большимъ брюхомъ „отъ опою"), то его ставятъ на полъ и рубятъ кругомъ его полъ топоромъ. Болѣзнь сѣдуновъ называется *собачья старость*. Для излѣченія ея иногда нахлещутъ собаку поганымъ вѣникомъ, а потомъ этимъ вѣникомъ хлещутъ ребенка, чтобы выгнать изъ него болѣзнь.

У дѣтей бываетъ болѣзнь *ношникъ* (безсонница). Для излѣченія дѣлаютъ колобанъ (колобъ) на дрожжахъ и даютъ ѣсть ребенку, но лучшимъ средствомъ считаютъ квасцы. Ребенокъ не спитъ оттого, что его не моютъ и отъ „родимой грязи" въ немъ зарождается *щетинка*. Ночью эта щетинка высыпаетъ на спинѣ и на плечахъ. Чтобы ее вывести, бабушка сперва натираетъ ребенка мыломъ, споласкиваетъ и затѣмъ паритъ ребенка въ печкѣ, приговаривая при этомъ: «я мою и парю отъ ношника отъ полуношника, отъ двоезубаго, отъ троезубаго, отъ двоеглазаго, отъ троеглазаго, отъ дѣвки пустоволоски» [1]).

---

[1]) Т. е. которая ходитъ безъ платка. Такая дѣвка можетъ *изурочить* ребенка.

Когда же выпарить, толчетъ квасцы, смѣшиваетъ ихъ со слюной и натираетъ ребенка и такъ по два и по три дня. Тогда щетинка пропадаетъ.

Когда у ребенка выпадетъ молочный зубъ, то бросаютъ этотъ зубъ черезъ голову на печь и приговариваютъ: «мышка, на тебѣ зубокъ рѣпяной, дай мнѣ костяной»!

Женщину, заспавшую ребенка, ставятъ въ церкви на три ночи на покаяніе. Около ея чертятъ на полу кругъ, изъ котораго она не должна выйти, пока не придетъ попъ. Дьяволъ, не смотря на то, устраиваетъ по вѣрованію крестьянъ иногда страшныя шутки. Такъ былъ случай, что въ первую ночь стоянія женщины, онъ поджегъ церковь, на вторую ночь опрокинулъ церковь (она была деревянная) и прогрызъ стѣну, а на третью ночь поставилъ церковь кверху дномъ.

Вмѣсто стоянія въ церкви, въ другихъ мѣстахъ виновная женщина, вмѣстѣ съ мужемъ, взявъ въ руки икону и «христовску» свѣчу, обходитъ ночью три раза вокругъ селенія. При этомъ случилось однажды, въ первую ночь и мужъ и жена едва могли совершить обходъ, потому что вездѣ оказался осѣкъ да лѣсъ (поставленный, конечно, дьяволомъ) и въ лѣсу «кричало», на вторую ночь лѣсу стало меньше, а на третью оба прошли уже свободно.

Болѣзни, лѣченіе ихъ, смерть и погребеніе. Вотъ народныя названія важнѣйшихъ болѣзней въ Вологодской губерніи: *Волосси* — незаживающая рана, язва на рукѣ или на ногѣ. *Кила*, *Грыза*—грыжа. *Кумоха*—перемежающаяся лихорадка. *Огневица*—горячка. *Баринъ* или *чирей*—всякій большой, сопровождающійся лихорадкой, нарывъ. *Насмока*—насморкъ. *Удушье* — кашель. *Харкъ* — чахотка или бронхитъ, вообще упорный кашель. *Просонье* или *тяжелая*—золотуха у дѣтей. (О золотушныхъ говорятъ: «тяжелая въ глазахъ»). *Храньцы*, *худыша*, *купоросница*, *худая* или *дурная боль*—сифилисъ. *Корюха*—корь. *Воспа*, *воспица* — оспа. *Куриная слѣпота* — потеря зрѣнія по закатѣ солнца. *Междуперстица*—боль между пальцами (язвы отъ нечистоплотности). *Нажимъ*—твердая мозоль. *Своробъ*, *нудъ*, *нудище*, *почесуха*—чесотка. *Озыкъ* или *сполохъ*—столбнякъ или нервный припадокъ отъ испугу. *Родимецъ*, *родимчикъ*—падучая болѣзнь. *Ношникъ*—безсонница у дѣтей. *Уразъ* или *урасъ*—боль вслѣдствіе ушиба. *Усови*—колотье (напр. при воспаленіи или ревматическое). *Утинъ*—боль отъ сорванія пупа. *Цынгота*—цинга. *Черевня* или *черевухи*—поносъ. *Жолви*—чирви, вереда, если они въ большомъ количествѣ. *Заноготница*—нарывъ подъ ногтемъ. *Пошоура*—всякая эпидемическая болѣзнь.

Существуетъ легенда: когда Богъ пожелалъ сотворить человѣка, то начертилъ на пескѣ его фигуру, а дьяволъ подошелъ и сдѣлалъ на этомъ чертежѣ 77 ранъ, дырокъ. Тогда Богъ сказалъ: если ты сдѣлалъ 77 ранъ, то я сотворю 77 травъ для исцѣленія этихъ ранъ.

Дѣйствительно, народъ главнымъ образомъ лѣчится травами или, точнѣе: важнѣйшія народныя медицинскія средства составляются изъ растительныхъ продуктовъ. Въ приложеніи къ настоящему моему труду читатель найдетъ списокъ растеній, которыя употребляются народомъ съ лѣкарственными цѣлями съ указаніями отъ какихъ именно болѣзней и какъ они употребляются, а затѣмъ перечень средствъ изъ царства минераловъ. Теперь же я

хочу сказать о воззрѣніяхъ народа на болѣзни вообще, перечислить болѣзни, которыя лѣчатся безъ посредства лѣкарствъ и упомянуть о суевѣрныхъ обрядахъ, относящихся къ лѣченію.

Отношенія къ болѣзни и смерти вполнѣ фаталистическія. «Богъ по душу не пошлетъ— сама душа не выйдетъ». «Не смертная, такъ вынесетъ», т. е. если болѣзнь, которою страдаетъ человѣкъ, не та, отъ которой ему предназначено умереть, то онъ выздоровѣетъ, хотя бы и лежалъ при послѣднемъ издыханіи. «Какъ ни биться, а отъ смерти не отбиться». «Смерть въ глаза не смотритъ». «У рукъ – отъ не бывало – не вдругъ умрешь», говорятъ о человѣкѣ, долго болѣющемъ или находящемся въ агоніи. «Домовища (т. е. гроба) не ищутъ, и само придетъ».

Народъ сильно вѣритъ въ предзнаменованіе болѣзни или смерти, равно и въ предчувствіе ихъ. Чувствуя себя худо, больной говоритъ: «простите мои милые, мнѣ ужъ скоро кончикъ». Предзнаменіемъ сильной болѣзни или смерти служатъ, напр. скрипъ потолочной матицы, щель, дѣлающаяся въ хлѣбѣ при печеніи его, трескъ потолка или стѣнъ, несвоевременное пѣніе пѣтуха; также если курица запостъ пѣтухомъ, зачешется у человѣка переносье или скотина станетъ неспокойною, если собаки начнуть рыть яму подъ окнами—все это «передъ головой».

Находясь въ тяжелой болѣзни, человѣкъ нерѣдко даетъ обѣщаніе сходить въ какой-нибудь отдаленный или знаменитый монастырь, или же даетъ обѣтъ послать въ монастырь (чаще всего Соловецкій) одного изъ своихъ сыновей на извѣстный срокъ. Такіе сыновья и зовутся обѣщанными. Другіе даютъ обѣщаніе не ѣсть по понедѣльникамъ скоромнаго или поститься цѣлый годъ, и обыкновенно эти обѣты выполняются свято.

Самою заразительною болѣзнію считается «худая боль»—сифилисъ. Дѣйствительно, если въ семьѣ заболѣлъ одинъ человѣкъ, то отъ него неизбѣжно заражаются всѣ, такъ какъ и ѣдятъ, и пьютъ, и спятъ вмѣстѣ, и парятся въ одной печкѣ. Пораженный сифилисомъ крестьянинъ живетъ дома и работаетъ, пока не свалится, и не обращается за помощью къ врачу или къ фельдшеру, а тѣмъ болѣе не ложится въ больницу, зная, что лѣченіе сифилиса продолжительное. Домашнее же лѣченіе этой болѣзни ограничивается обыкновенно питьемъ настоя «дорогой травы», т. е. сассапарели.

Если въ деревнѣ появилась горячка, то обыкновенно изъ того дома, гдѣ есть больные, не позволяютъ выходить никому и другихъ туда не пускаютъ, такъ что остающіеся здоровыми люди чуть что не должны умирать голодною смертью. Если же въ домѣ слегли всѣ, то положеніе этихъ несчастныхъ становится поистинѣ ужаснымъ. Причиною горячки, какъ и вообще всѣхъ острыхъ заразительныхъ болѣзней, признается: наказаніе Божіе или «злое повѣтерье».

Во многихъ мѣстахъ губерніи сохранился такой обычай: когда человѣкъ заболѣлъ горячкой и бредитъ, то дѣвки (изъ этого или изъ сосѣднихъ домовъ) ночью, раздѣвшись до рубахи, берутъ соху и проѣзжаютъ, бороздя землю, три раза вокругъ того дома, гдѣ есть больной. Дѣлается это такъ, чтобы не знали семейники. Или-же: сосѣди больнаго собираются по секрету, берутъ соху и обносятъ ее вокругъ дома, *обарываютъ* зараженный домъ. Во время обнесенія три раза останавливаются и роютъ сошниками землю. И въ томъ и въ другомъ случаѣ полагаютъ, что болѣзнь не можетъ переступить за черту обхода.

Думаютъ, что если бросить на улицу тряпку, которой перевязывался больной, то тотъ, кто ступитъ на нее, непремѣнно заразится.

Отъ кумохи (лихорадки) больного поятъ водою, которой былъ окаченъ колоколъ, или же кладутъ ему въ изголовье послѣдъ отъ теченія коровы или отъ рожденія ребенка, такъ какъ «кумоха этихъ нечистотъ не любитъ», кладутъ и табакъ; въ полъ около двери вколачиваютъ подкову, кладутъ больного на медвѣжью шкуру, или же кладутъ въ печь (черную, безъ трубы) смолистыхъ дровъ — запахъ смолы тоже непріятенъ кумохѣ. Пишутъ также на бумажкѣ первую главу изъ евангелія св. Іоанна, носятъ эту бумажку на крестѣ шесть недѣль, сжигаютъ и золу проглатываютъ. Наконецъ, на лоскуткѣ бумажки пишутъ начальныя и конечныя буквы каждаго слова молитвы, начинающейся словами: «иже на всякое время, на всякій часъ» и даютъ эту бумажку съѣсть больному.

Въ случаѣ пораненія съ обильнымъ истеченіемъ крови, если остановить кровь перевязкою не удается, прибѣгаютъ къ заговариванью. Надъ раной произносятъ трижды слѣдующее заклинаніе: «шла баба Аника, вела быка за нитку; нитка сорвалась и кровь унялась, аминь».

Или: «Во имя О. и С. и св. Д., аминь. Летитъ воронъ, несетъ въ ротѣ иглу булатну, нить бѣлошелкову у раба божія (и. р.) рану зашивать. Пойду къ морю, у синяго моря сѣрый камень, отъ сѣраго камня ни воды, ни капли, вѣкъ по вѣки отнынѣ и до вѣку во вѣки вѣковъ, аминь.(Трижды)».

Отъ чесотки лѣчатся тѣмъ, что читаютъ на воду молитву св. Духу и этой водой поятъ больного; или же чаще обыкновеннаго лазятъ въ печку и парятся.

Когда больной теряетъ надежду на выздоровленіе, односельцы приходятъ къ нему прощаться, просятъ забыть ссоры, драки, брань и т. п.

Для облегченія смерти, умирающаго кладутъ на солому, даже держатъ на рукахъ, потому что на чемъ либо мягкомъ умирать труднѣе. Если умирающій—младенецъ, то зыбку ставятъ подъ иконы, такъ какъ въ висящей зыбкѣ умирать тяжело. Родители даютъ младенцу благословеніе на тотъ свѣтъ. Есть повѣрье, что младенецъ «трудится», т. е долго не умираетъ за грѣхи родителей.

Для облегченія смертной агоніи стараются говорить тихо и не шумѣть, а больного закрываютъ чѣмъ нибудь бѣлымъ.—Пока больной не умеръ, никто не смѣетъ «ревѣть» (т.-е. голосить). Матери плакать объ дѣтяхъ грѣхъ, потому что «который младенецъ померъ, то это Богу свѣчка ушла». Ребенокъ до семилѣтняго возраста пойдетъ непремѣнно въ рай, а младенецъ двухъ или трехъ лѣтъ можетъ даже «поступить въ ангелы».—«Если умеръ большой, то и рукъ не надо, а если маленькій, то *тамъ* съ нимъ водятся».—«Родители не должны плакать по дѣтямъ, отъ этого они (дѣти) уходятъ глубже, а если не плачутъ, то возносятся». Но по родителяхъ слѣдуетъ плакать.

О случаяхъ летаргіи слышно очень мало, но все же такіе случаи народу извѣстны. Полагаютъ, что летаргикъ «заспался», и «ходилъ на тотъ свѣтъ».

Чтобы удостовѣриться въ томъ, что смерть наступила дѣйствительно, подносятъ ко рту умершаго стекло, и если оно «даетъ пыхъ», значитъ человѣкъ еще живъ. Также слушаютъ сердце; вообще же непреложнымъ признакомъ наступленія смерти считаютъ окостенѣніе тѣла. Если больной умеръ скорчившись, и ногъ не могутъ выпрямить, то ихъ ломаютъ. Существуетъ и поговорка: «не умирай скорча—ноги изломаютъ», или «не умирай скорча—не возьметъ порча».

На подоконникъ или въ изголовьѣ умирающаго ставится вода для того, «чтобы душа летѣла и крылышки свои обмыла».

Есть примѣта, что если умершій смотритъ, то скоро будетъ въ домѣ еще покойникъ. Если умерли двое въ одинъ годъ, то не миновать и третьяго. Думаютъ, что покойникъ все слышитъ, пока ему не бросятъ на глаза земли.—Если на покойникѣ былъ металлическій шейный крестъ, его снимаютъ и надѣваютъ кипарисный, потому что Спаситель былъ распятъ на кипарисномъ крестѣ.

Покойника обмываютъ непремѣнно вдовы, въ Кадниковѣ мужчину обмываютъ мужчины же. Солому, на которой обмывали покойника, уносятъ за хлѣбные магазины или сжигаютъ. Образъ, стоявшій передъ покойникомъ, опускается на воду. Мѣстами щепки и стружки отъ гроба сжигаютъ, мѣстами же кладутъ въ гробъ, а что останется, зарываютъ въ землю или бросаютъ въ рѣку. Если стружки отъ гроба принести въ домъ, то будетъ новый покойникъ. Если гробъ сдѣлаютъ великъ не въ мѣру, или если, кладя покойника въ гробъ, замѣтятъ, что онъ еще не совсѣмъ окостенѣлъ, это есть признакъ близости другого покойника.

Въ гробѣ мужа жена кладетъ гребень и мыло (Кадник. у.) Если помыться тѣмъ мыломъ, которымъ мыли покойника, то мывшійся человѣкъ сдѣлается «худолицымъ» (больнымъ). Иные прибѣгаютъ къ этому средству, чтобы избавиться отъ солдатства. (Вологодскій уѣздъ).

Вода, которой обмывали покойника, считается вѣрнымъ средствомъ отъ запоя, но опаснымъ. Даже кормятъ пищей, приготовленной на этой водѣ. По этому случаю разсказывается слѣдующая легенда. Одна женщина, чтобы отучить своего мужа отъ запоя, напоила его водой съ покойника. Вскорѣ онъ попросилъ ѣсть. Она накормила его пищей, приготовленной на той же водѣ. Всю поданную пищу мужикъ съѣлъ съ необыкновенною жадностью, а насытиться не могъ и сталъ просить еще и еще... Съѣвши все, что было въ домѣ, онъ принялся грызть свою жену и съ такимъ остервененіемъ, что сосѣди не успѣли сбѣжаться на ея крики, и она была уже загрызена.

На покойника надѣваютъ обыкновенно черную «оболочку», т.-е. какое нибудь верхнее платье, а поверхъ его бѣлый саванъ до пять. Ноги обуваютъ въ лапти, босаго никогда не хоронятъ. При шитьѣ савана ничего не стригутъ, а все рвутъ и шьютъ впередъ иголку. Потому и поговорка о дурномъ шитьѣ: «сшила словно на покойника».

При послѣднемъ прощаніи съ покойникомъ, одинъ изъ родственниковъ обходитъ три раза гробъ съ топоромъ въ рукахъ, держа лезвее впередъ; при послѣднемъ разѣ ударяетъ обухомъ по гробу и тогда уже гробъ подымаютъ и несутъ въ церковь.

Человѣкъ, несущій образъ при похоронахъ, не долженъ ни въ какомъ случаѣ оглядываться, иначе будетъ непремѣнно еще покойникъ въ томъ домѣ, откуда умершій.—При похоронахъ человѣка, умершаго отъ заразительной болѣзни, всѣ надѣваютъ рукавицы. Нѣкоторые, во избѣжаніе зараженія, пьютъ деготь.

Надъ могилой женщины крестъ ставятъ съ дощечками (кровелькой) на два ската, а надъ могилой мужчины или простой крестъ или съ яблочками (Кадник. у.).

Когда тѣло зароютъ, провожавшіе покойника садятся на могилу, ѣдятъ и пьютъ водку. Затѣмъ, уходя, берутъ съ собою земли съ могилы, чтобы не бояться покойника. Вернувшись домой, открываютъ заслонку и смотрятъ въ печь, а землю кладутъ въ рукомойникъ и водою съ этой земли умываются. Въ Кадниковѣ, для того чтобы не бояться покойника, когда гробъ опущенъ въ могилу, на него кидаютъ платокъ.

Послѣ смерти человѣка, душа его въ продолженіе сорока дней ходитъ «по своимъ

мѣстамъ».—«Надъ чѣмъ плачутъ?» спрашиваетъ душа. «Надъ твоимъ тѣломъ», отвѣчаютъ ей. Въ углу у окна вѣшаютъ полотенце, которое никто не смѣетъ тронуть въ теченіе 40 дней, потому что когда душа прилетаетъ, то обтираетъ этимъ полотенцемъ свое лицо.

Такъ какъ на 40-й день душа непремѣнно проходитъ домой и гдѣ нибудь стукнетъ, давая о себѣ знать, то въ этотъ день пекутъ шаньги и ставятъ подъ иконы на почетномъ мѣстѣ, «чтобы было чего умершему покушать».

Кому случается проходить мимо кладбища, гдѣ лежатъ его родные, тотъ останавливается и кланяется трижды. Послѣ каждой церковной службы считаютъ долгомъ «привернуть» къ покойнику на могилу и поклониться ему.

Обязанности вдовы по отношеніи къ покойному мужу: молиться за него Богу, чуждаться общества; иныя даютъ обѣтъ не выходить замужъ за другого. Дѣтямъ не позволяютъ въ продолженіе года пѣть пѣсенъ.—Траура не носятъ, потому что онъ не по средствамъ, а выражаютъ свое горе тѣмъ, что надѣваютъ все, что только есть похуже, и такъ ходятъ весь годъ. Дѣвушка, у которой умеръ отецъ, расплетаетъ косу и ходитъ съ распущенными волосами 40 дней, а иная и круглый годъ, завиваетъ ее, но «косника», т. е. тесемочки, шнурка, не вплетаетъ.

Въ Яренскомъ у., именно на Удорѣ у зырянъ, при поминовеніи усопшихъ родныхъ въ дни ихъ именинъ и кончины приглашаютъ къ обѣду родныхъ. Кромѣ того, два раза въ году—въ Троицкую и Покровскую субботы поминаютъ покойниковъ въ церкви. Тогда въ церковь несутъ блины, рыбные пироги, кашу, молоко, вареныхъ и жареныхъ рябчиковъ. Часть кушаній отдается причту, а остальное по окончаніи обѣдни выносится на могилу умершихъ родныхъ, гдѣ всѣ участвующіе въ поминовеніи садятся въ кружокъ и съѣдаютъ другую часть. Эти поминки у удорцевъ зовутся *каризни*, а у другихъ зырянъ *казьи-лэмъ* [1]).

Такъ какъ похороны у зырянъ отличаются нѣкоторыми оригинальными особенностями, то я приведу свѣдѣнія о нихъ, заимствованныя изъ статьи А. Фролова, гдѣ говорится именно о похоронныхъ обрядахъ въ селѣ Усть-Немъ, Устьсысольскаго уѣзда [2]).

Покойника обмываютъ и одѣваютъ, какъ должно, но вмѣсто верхняго платья надѣваютъ холщевую рубаху, разрѣзанную спереди и подпоясанную, а на голову шапку. Въ гробъ кладутъ листья отъ вѣника, а въ головы вмѣсто подушки куделю. Гробъ дѣлаютъ на улицѣ подъ окномъ и всѣ орудія кладутъ въ гробъ. Когда гробъ внесутъ въ избу и покойника опускаютъ въ гробъ, то орудія вынимаютъ. Щепки отъ гроба сгребаютъ и сжигаютъ, а всѣ обмывавшіе и одѣвавшіе покойника грѣютъ у этого огня руки для того, чтобы руки потомъ не боялись холода. Когда покойника везутъ въ церковь, то хозяинъ дома долженъ, наклонившись къ землѣ, взглянуть изъ подъ саней на ноги лошади для того, чтобы лошадь потомъ не спотыкалась, или же въ хомутъ втыкаютъ иглу безъ ушей. Во время похоронъ на могилѣ раздаютъ милостыню нищимъ, причемъ бабы голосятъ. Есть повѣрье, что ангелъ покойника живетъ въ домѣ 40 дней, и потому въ это время никто не садится подъ божницу. Тутъ же на гвоздѣ виситъ полотенце, до котораго никто не смѣетъ дотрогиваться. Въ 40-й день одна или двѣ бабы провожаютъ ангела съ хлѣбомъ, солью, пивомъ и голосятъ.

---

[1]) См. Волог. губ. Вѣдом. 1875 г. №№ 89—91.

[2]) См. Волог. губ. Вѣдом. 1885 г. №№ 21 и 22.

Въ пользу причта поступаетъ все, что лежало на гробѣ, а на гробъ кладутъ холстъ, мужское и женское верхнее платье, иногда овчины.

Нерѣдко похороны происходятъ безъ отпѣванья священникомъ; хоронятъ сами крестьяне, а отпѣваніе и панихида бываютъ въ церкви послѣ похоронъ черезъ нѣсколько недѣль, даже черезъ полгода.

О душахъ самоубійцъ думаютъ, что онѣ идутъ къ діаволу. «Душу дьяволу отдалъ». Есть поговорка о самоубійцѣ: «чорту баранъ».

На могилу самоубійцы сыплютъ нѣсколько пшеничныхъ зеренъ и наблюдаютъ издали: если птица не клюетъ, то не надо и поминать покойника, исключая Дмитріевой субботы да Всѣхъ Святыхъ, когда покупаютъ крендели и пряники и раздаютъ людямъ, а богатые раздаютъ яйца. (Одно яйцо стоитъ 40 поклоновъ). Если же видятъ, что птица клюетъ зерна, то кидаютъ ихъ и потомъ на могилу въ продолженіе года и даже двухъ, «сколько не напостынетъ». Разсказываютъ, что одинъ самоубійца являлся во снѣ и просилъ не поминать его, потому что отъ этого онъ опускается глубже, говорилъ, что ихъ шестеро носятъ сатану на головѣ, а подошвы ихъ сосутъ.

VI.

Вѣрованія.

Въ этой главѣ я намѣренъ изложить то, что мнѣ самому извѣстно, или что я успѣлъ собрать относительно воззрѣній вологодскихъ крестьянъ на міръ физическій и духовный.

Космографическія понятія народа остаются тѣ же, какими они были двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ. Школа не дала въ этомъ случаѣ крестьянину ничего. Если учитель и толковалъ ему, что земля и луна имѣютъ видъ шара и обращаются вокругъ солнца, что планеты—не звѣзды, что звѣзды—солнца, что облака—паръ, что молнія—слѣдъ электрической искры и пр. и пр., то, во-первыхъ, если это и было сказано, то бездоказательно и не демонстрировалось ни приборами, ни рисунками, а во-вторыхъ,—забыто тотчасъ же по выходѣ изъ школы, такъ какъ у насъ крестьянскій мальчикъ по выходѣ изъ школы прерываетъ съ ней всякія сношенія и ничего не читаетъ, такъ какъ книгъ взять негдѣ.

Когда обращаешься къ крестьянину съ вопросами относительно устройства вселенной, онъ весьма затрудняется дать какіе-нибудь опредѣленные отвѣты. Очевидно, онъ никогда серьезно не задавался подобными вопросами, и никто этихъ вопросовъ въ немъ не подымалъ. Если станешь записывать все, что скажетъ каждый относительно неба, свѣтилъ небесныхъ, земли и разныхъ физическихъ явленій, то почти невозможно сдѣлать всему записанному одинъ сводъ. Не только въ разныхъ уѣздахъ и волостяхъ, но и въ одной и той же деревнѣ существуютъ разныя понятія о физической природѣ и иногда совершенно противоположныя одно другому. Общихъ или даже широко распространенныхъ теорій и мнѣній почти не существуетъ. Поэтому я приведу то лишь, что чаще можно слышать.

Земля признается плоскостью; небо опрокинуто надъ нею въ видѣ свода. Земля очень велика и края ея сходятся съ небомъ; думаютъ, что она все прибываетъ, ростетъ. Землю держатъ три кита. На землѣ материки и океаны, моря. На материкахъ разныя царства;

границы между ними стѣны, частоколы, вообще что нибудь высокое и твердое, черезъ что ни перейти, ни переѣхать безъ разрѣшенія нельзя. Положеніе Россіи какъ на землѣ, такъ и относительно другихъ царствъ, пространство ея, климатъ, населеніе и проч. совершенно неизвѣстны, можно сказать, никому.

Солнце и мѣсяцъ ходятъ вокругъ земли; куда солнце дѣвается на ночь, а мѣсяцъ на день—никто сказать опредѣленно не можетъ. О звѣздахъ самыя смутныя и сбивчивыя понятія [1]). Дождь, градъ, снѣгъ падаютъ изъ облаковъ; облака—массы въ видѣ киселя; иногда они надаютъ на землю и ихъ находятъ. Тихій вѣтеръ происходитъ отъ дуновенія ангеловъ, а бурный отъ дьявола. Всякія, такъ сказать, ненормальныя явленія природы: бури, вихри, метели, гроза, градъ, ливни, появленія кометъ, метеоровъ, сѣверныя сіянія, круги около солнца—все это дѣйствія таинственныхъ, злыхъ, рѣдко добрыхъ духовъ.

Надъ міромъ царитъ Богъ-Господь. Онъ является иногда людямъ въ видѣ странника, сѣдого старика. Божественныхъ существъ, добрыхъ духовъ, могутъ видѣть вообще тѣ только, кто этого достойны по своей праведной жизни или исключительнымъ несчастіямъ.

Землю Богъ сотворилъ вмѣстѣ съ сатаной. Богъ взялъ въ ротъ немного земли, тоже сдѣлалъ и сатана. Богъ дунулъ и у него стала ровная земля, сатана дунулъ и у него образовались горы.

Богъ сотворилъ человѣка изъ земли и вдунулъ въ него душу. Однако у турокъ и евреевъ души не признаютъ. «Это—псы; отъ нихъ псиной и пахнетъ». Другіе же признаютъ въ нихъ душу, но называютъ ее поганой. У животныхъ тоже отрицаютъ душу. «У нихъ паръ, а не душа». Душа человѣка помѣщается въ сердцѣ, а исходитъ изо рта.

Относительно кончины міра утверждаютъ, что конецъ ему будетъ въ третьей тысячѣ. До страшнаго суда долженъ появиться на землѣ антихристъ. Двѣнадцать дѣвокъ послѣдовательно родятъ двѣнадцать незаконныхъ младенцевъ; послѣдній изъ нихъ и будетъ анти-

---

[1]) Большинство нисколько не интересуется звѣзднымъ небомъ, но одинъ внимательный и умный крестьянинъ указалъ на поясъ и мечъ Оріона и сказалъ, что эти звѣзды зовутся *грабельцы*, пояснивъ, что мечъ—это ручка, а три звѣзды пояса—самыя грабли. Венера утренняя—*зорница*, вечерняя же—другая звѣзда. Указывая на Плеяды, сказалъ, эта кучка звѣздъ зовется *Лосъ* и онъ отчетливо видитъ всѣ *семь*. Звѣзды, составляющія Большую Медвѣдицу, знаетъ, но не можетъ совокупить ихъ взглядомъ въ одно созвѣздіе. Давно замѣтилъ красный цвѣтъ Арктура, но на сверканія Сиріуса не обращалъ вниманія, хотя и знаетъ, что это зимняя звѣзда и высоко не поднимается, когда же я просилъ присмотрѣться и сказать, однимъ ли онъ цвѣтомъ горитъ, онъ замѣтилъ, что разными, и очень этому удивился.

Пониманіе красотъ природы у иныхъ совершенно отсутствуетъ или, вѣрнѣе, дремлетъ, у иныхъ почему-то развито необыкновенно ярко. Приведу примѣры, можетъ быть, не лишніе. Парень родился и жилъ въ деревнѣ въ 8-ми верстахъ отъ Кубенскаго озера. Однажды я спрашиваю его между прочимъ: видно ли отъ нихъ изъ деревни озеро? Отвѣчаетъ, что не видно. Я изумляюсь. Озеро должно бы быть видно, такъ какъ деревня на горѣ. Онъ божится, что не видно. Вскорѣ послѣ этого мы ѣдемъ вмѣстѣ въ деревню, всходимъ на гору и передъ нами открывается темносиняя полоса озера; видѣнъ даже противоположный берегъ съ бѣлѣющимися на немъ церквами. Парень въ изумленіи. Только *теперь* обратилъ онъ вниманіе на эту картину. Впослѣдствіи онъ не разъ смѣялся надъ самимъ собой по этому поводу, и никакъ не могъ сообразить, почему онъ до меня *не видалъ* озера, проживши въ деревнѣ 15 лѣтъ.

Другой, изъ отдаленнаго уѣзда, проводившій дни и недѣли въ неустанной работѣ, изумилъ меня своею наблюдательностью и увлеченіемъ красотами природы. Цвѣты онъ дѣлитъ на два класса: *баскіе* и *небаскіе*; всѣ баскіе имѣютъ у него свои названія. Сорвавъ маленькое растеньеце подъ названіемъ Euphrasia officinalis, онъ показываетъ его мнѣ, какъ одно изъ баскихъ, хотя прелестный цвѣточекъ можно какъ слѣдуетъ разсмотрѣть только въ лупу. Сплетать вѣнки и составлять букеты изъ баскихъ цвѣтовъ для него наслажденіе. На мой вопросъ: какъ смотрѣли на это его пристрастіе односельчане, парень отвѣчалъ, что одни смѣялись и говорили, что завивать вѣнки—бабье дѣло другіе же, что цвѣты божія творенья, и самъ Богъ велѣлъ ими любоваться. Тонкость вкуса этого человѣка выражалась въ томъ, что ему нравилась дѣйствительно изящныя цвѣты, тогда какъ крупные и яркіе (напр. піонъ) онъ отнесъ къ небаскимъ, потому что „больно въ глаза мечется“.

христъ. Тогда вспыхнетъ общая война, изсякнутъ всѣ воды и всѣ клады выйдутъ на поверхность. Люди будутъ искать воды вездѣ, но не найдутъ, а найдя клады, пойдутъ отъ нихъ прочь и скажутъ: тьфу! проклятое злато! Потомъ загорится земля, и тогда всѣ люди умрутъ и души пойдутъ въ рай или въ адъ, а земля станетъ пуста. Во II-мъ Отдѣлѣ читатель найдетъ копію съ одной старинной рукописи, въ которой трактуется о пришествіи антихриста и страшномъ судѣ.

Богъ и другіе добрые духи обитаютъ въ раю. Рай—садъ вѣчно зеленый, находится на небѣ, адъ же подъ землей. Въ раю ничѣмъ не кормятъ, да и ѣсть тамъ не захочется, «потому что тамъ духъ (т. е. запахъ) хорошъ, какъ въ саду». Въ аду же грѣшники горятъ въ огнѣ и кипятъ въ смолѣ. Начнется адъ отъ Давидова дома въ старомъ Іерусалимѣ, тутъ спускъ въ него. Рай сторожитъ апостолъ Петръ, адъ же—дьяволъ Солча или иначе—адскій зажигатель.

Ангелы имѣютъ видъ человѣка, только съ крыльями, и одѣты въ бѣлыя одежды. Сотворилъ ихъ Богъ изъ камня. Объ этомъ разсказывается такъ:

Сатана и Богъ—родные братья [1]). Однажды идутъ они дорогой и увидѣли камень, а на немъ два молотка. Богъ взялъ одинъ молотокъ, ударилъ въ камень и изъ него вылетѣлъ ангелъ; сатана ударилъ другимъ молоткомъ, и изъ камня вылетѣлъ дьяволъ. Потомъ Богъ опять ударилъ и у него опять вылетѣлъ ангелъ, а у сатаны опять дьяволъ. Сатана разсердился и сталъ ударять шибче и чаще,—у него начали вылетать по пяти, даже больше дьяволовъ разомъ. Оттого и дьяволовъ больше, чѣмъ ангеловъ.

По другому толкованію, согласно Библіи, дьяволы—отверженные ангелы. Каждая падучая звѣзда это отверженный ангелъ, обращенный въ дьявола и падающій съ неба на землю. Въ началѣ, когда первые непослушные ангелы были изгнаны изъ рая, они стали падать на землю; тѣ, которые упали на дворы домовъ, стали домовыми, въ воду—водяными, въ лѣсъ—лѣшими.

По полу своему ангелы—женщины, также и серафимы, а херувимы—мужчины.

Клясться именемъ Бога—большая клятва, но «*право*» считается «выше солнца». Это самая страшная божба. Виды же божбы слѣдующіе: ей Богу! передъ Богомъ! право-ну! на то те Христосъ! на то те Микола! на то те Истинный! вотъ те Истинный! Будь я проклятъ! правалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! лопни мои глаза! выдь душа!

Дьяволъ съ цѣлымъ легіономъ своихъ ангеловъ-чертей—страшнѣйшій врагъ человѣка. Бороться съ нимъ—представляетъ едва преодолимую задачу, такъ какъ иногда и крестное знаменіе и самая важная охранительная молитва: «да воскреснетъ Богъ»—не дѣйствуютъ. Потому раздражать дьявола—значитъ идти на вѣрную погибель. Благоразумный человѣкъ долженъ всячески стараться жить съ дьяволомъ въ мирѣ, и если не угождать ему—за это опять послѣдуетъ наказаніе отъ Бога—то, во всякомъ случаѣ, задабривать его всѣми позволительными средствами. Извѣстны случаи, что дьяволу ставятъ свѣчи, извѣстно и то, что въ церкви гдѣ-нибудь да нарисованъ дьяволъ, наконецъ и то, что нѣкоторые богомазы на загрунтованной доскѣ пишутъ сперва изображеніе дьявола, и когда это изображеніе высохнетъ, снова загрунтовываютъ и уже на этомъ второмъ грунтѣ изображаютъ угодника.

Какъ выше упомянуто, если ребенокъ смѣется во снѣ, его «тѣшатъ ангели», если плачетъ, «то тутъ *онъ* подсовывается». Если въ это время выругать ребенка, дьяволъ его не-

---

[1]) «Господь сотворилъ сатану и назвалъ его братомъ, далъ ему ангелей и отпустилъ ихъ въ западную сторону».

премѣнно подмѣнитъ. Во время христовской заутрени дьяволу дается одна секунда, въ которую онъ можетъ безнаказанно подмѣнить ребенка. Если въ эту секунду мать изругаетъ ребенка, дьяволъ подмѣняетъ его *своимъ*. Отсюда ругательное выраженіе «оммѣнышъ».

Дьяволъ имѣетъ привычку гадить въ воду. Если не покрыть сосуда съ водой или не перекрестить его, дьяволъ или войдетъ въ воду, или нагадитъ въ нее. Впрочемъ, крестъ вѣрнѣе всякой крышки. Дьяволъ говоритъ: я не могу обмыться ни въ рѣкѣ, ни въ колодцѣ, ни даже въ лужѣ (потому что Спаситель освятилъ воду), а обмоюсь на столѣ, если тутъ стоитъ вода, а не то въ прѣсномъ молокѣ.

У кого нѣтъ рѣсницъ, тотъ считается чортомъ или, во всякомъ случаѣ, весьма подозрительнымъ человѣкомъ, такъ какъ «у нехорошаго нѣтъ рѣсницъ». Подозрительными считаются и люди прихрамывающіе, потому что дьяволъ, какъ извѣстно, прихрамываетъ.

Съ дьяволомъ можно заключить всякій договоръ. Договоръ этотъ можетъ дать красоту, богатство, но безусловно требуется подписать его своею кровью. Чтобы избавиться отъ выполненія такого договора, надо отстоять въ церкви три ночи, не оглядываясь назадъ и не смотря по сторонамъ. Привитіе оспы и ставленье банокъ приноравливаются къ договору съ дьяволомъ. Умирающій отъ оспы «помираетъ въ христовой ризѣ», пятнышки-же, остающіяся на кожѣ послѣ привитія оспы, — антіева печать.

У всякаго человѣка есть свой ангелъ - хранитель, но и дьяволъ не покидаетъ человѣка ни на минуту. Ангелъ стоитъ по правую его сторону, дьяволъ по лѣвую. Если какой нибудь шамокъ (соринка) попалъ въ кушанье, нельзя бросать ее на полъ, въ особенности на правую сторону, потому что можно попасть въ ангела, точно также и плевать направо большой грѣхъ.

Дьяволъ если вздумаетъ шутить, то шутки его всегда очень злыя и вредныя, подчиненные же ему чертенята, народъ молодой, постоянно шалятъ и шутятъ, но шутки ихъ не приносятъ особаго вреда человѣку.

Столбъ пыли, вихрь, подымающійся на дорогѣ, производится дьяволомъ, который начинаетъ вертѣться и подымаетъ пыль. Если въ такой столбъ, бѣгущій по дорогѣ или по полю, бросить ножъ, то ножъ окажется въ крови. Опытъ этотъ, однако, очень опасенъ, такъ какъ раненый дьяволъ непремѣнно отмститъ. Если наклониться и взглянуть на такой столбъ между ногъ, то можно увидѣть дьявола. Въ иныхъ мѣстахъ думаютъ, что въ каждомъ вихрѣ заключены мужчина или женщина, которые «запрокляты». Если крикнуть «вызы, вызы»! вихрь становится злѣе, но если закричать: «натолку чесноку да въ с.. ку зобью», то вихрь совершенно взбѣленится и можетъ надѣлать бѣдъ, напр. кинуться на домъ и сорвать крышу, сломить дерево или оборвать съ него всѣ листья, повалить всю рожь въ полѣ и т. п.

Въ Кадниковскомъ у. (Нодима) разсказываютъ, что на Новый годъ чортъ выгоняетъ коровъ пастись къ устью какой - нибудь рѣчки, и если обойти это мѣсто съ иконой, то чортъ хотя и выскочитъ и коровы разбѣгутся, но двухъ-трехъ все-таки можно успѣть захватить. Коровы эти какія-нибудь «хватанныя» или «проклятыя».

На перекресткахъ черти собираются и играютъ въ бабки или бьются на кулачкахъ, любятъ тоже собираться на колокольняхъ, а въ жаркую пору дня забираются подъ густыя нависшія вѣтви большихъ елей, гдѣ темно и прохладно; въ городахъ собираются на чердакахъ и часто поднимаютъ бѣготню и драку, и если войдутъ съ огнемъ, то они обра-

щаются въ кошекъ и разбѣгаются. Чтобы разогнать чертей, надо ихъ «изматюкать» (обругать по-матерному); черти вообще не любятъ и боятся такого рода ругательствъ.

Человѣкъ, продавшій душу черту и заключившій съ нимъ договоръ, колдунъ или колдунья [1]). Эти люди имѣютъ громадную власть и вредъ, причиняемый ими, страшно великъ. Колдунъ можетъ обращаться въ любое животное и другихъ обращать въ звѣрей (преимущественно волковъ). Въ Кадниковскомъ у. разсказываютъ, что колдунъ приходитъ въ лѣсъ, ударяетъ топоромъ въ пень и обращается въ волка для того, чтобы заѣсть скотину, принадлежащую тому человѣку, на котораго онъ, колдунъ, за что-либо гнѣвается. Чтобы снова принять человѣческій видъ, ему надо вытащить топоръ изъ пня. Извѣстно, что колдунъ можетъ обратить въ волковъ весь свадебный поѣздъ. Всѣ мельники если не прямые колдуны, то во всякомъ случаѣ въ дружбѣ съ чертомъ или съ водянымъ. Колдунъ наводитъ порчу всевозможными способами: нашептываетъ на хлѣбъ, на воду, на пирогъ и т. п.

Узнать достовѣрно, былъ ли человѣкъ колдунъ, можно передъ его смертью. Въ смертный часъ колдунъ (или колдунья) начинаетъ бѣгать по избѣ, бросаться на что попало, кричать, пѣть, смѣяться и т. п. Всякая колдунья передъ смертью должна всѣхъ „своихъ“ чертей передать другой колдуньѣ или колдуну и наоборотъ. «Такъ черти отъ одного къ другому и переходятъ». Если желаютъ убить колдуна, то обыкновенными средствами этого сдѣлать нельзя, а лишь вооружившись телѣжною осью. Для того же, чтобы колдунъ не могъ вредить послѣ своей смерти, ему надо подрѣзать жилы подъ колѣнками. Колдунъ нерѣдко уноситъ спорынью (приполонъ) съ хлѣба. Для этого онъ обходитъ поле съ серпомъ и сжинаетъ по нѣскольку колосьевъ въ разныхъ мѣстахъ.

Колдуны иногда обращаютъ людей въ лягушекъ. Въ Вологодскомъ у. существуетъ повѣрье, что всѣ лягушки — обращенные люди. Есть видъ лягушекъ, называемыхъ дворовыми, потому что онѣ живутъ на скотьихъ дворахъ и высасываютъ молоко у коровъ. Ихъ боятся убивать, потому что онѣ могутъ влѣпиться въ тѣло, и тогда лягушку ничѣмъ не отодрать, приходится умереть отъ нея.

О добываніи разныхъ волшебныхъ предметовъ извѣстны слѣдующія повѣрья:

Чтобы добыть косточку-невидимку, надо поступить такъ: взять черную кошку и сварить ее въ горшкѣ, въ овинѣ или въ банѣ, гдѣ нѣтъ иконъ, взять зеркало, чтобы видѣть свое лицо, и когда кошка разварится и кости распадутся, брать постепенно одну кость за другою въ зубы, смотрясь при этомъ въ зеркало. Съ которой костью лицо пропадетъ въ зеркалѣ, та и есть косточка-невидимка. Съ этой косточкой можно ходить воровать и т. п. (Кадниковскій у.)

Шапка-невидимка добывается слѣдующимъ образомъ: надо найти цвѣтокъ «адамову головку» [2]), который расцвѣтаетъ около Иванова дня, и положить его въ церкви подъ престолъ, чтобы онъ пролежалъ тамъ сорокъ дней. Затѣмъ когда его вынуть, онъ получаетъ такую чудодѣйственную силу, что если держать его въ рукѣ, то будешь видѣть дьявола, чертей, лѣшихъ, словомъ—всю «отпадшую» силу. Тогда можно сорвать съ лѣшаго шапку, надѣть на себя и станешь такъ же невидимъ, какъ и лѣшій. Въ этой шапкѣ можно дѣ-

---

[1]) Вѣдьмъ въ Вологодской губерніи положительно нѣтъ, хотя слово вѣдьма (вѣльма) и извѣстно, но оно употребляется какъ бранное въ смыслѣ чертовка. Многіе, употребляя это слово, не знаютъ, что оно собственно означаетъ.

[2]) Cypripedium Calceolus, изъ семейства Орхидей.

лать, что угодно, никто не увидитъ и не узнаетъ. Передъ смертью надо бросить шапку въ рѣку, чтобы черти взяли ее обратно.

Въ одномъ старинномъ травникѣ о растеніи адамовой травѣ говорится слѣдующее: Трава глава Адамова. Растетъ возлѣ — — — болота по раменю — — — — — мѣстамъ, а растетъ кустиками въ локотокъ по 3 и 5 и 12 (sic.) ростомъ въ колѣно, цвѣтъ рудожелтъ, красенъ, какъ головка съ роткомъ, и всякихъ видомъ (?) и рвать ее съ крестомъ Господнимъ и говорить Отче нашъ и трисвятое, а кто грамотъ не умѣетъ, говори 300 молитвъ и принеси въ домъ, въ которомъ человѣкъ порченъ, да дай ему пить и обличать тотъ часъ и дай женѣ чреватой, какъ ей время и скоро родить, а кто хочетъ діавола или еритика видѣть и ты корень пей и надъ ней освяти воду и положи подъ престолъ 40 дней и возьми и носи при себѣ въ чистотѣ и ты увидишь воздушныхъ уволныхъ (?) демонъ же, а кто хочетъ мельницу строить водяную, положи ту траву на подушку къ запрудѣ, и та запруда во вѣки нерушима будетъ, и кто хочетъ высоко лазить—съ ней ужаса нѣтъ и земля кажется близко. Она же къ посѣку и ко всякой ранѣ присыпать годна».

Въ Тройчинѣ Кадниковскаго у. есть повѣрье, что кто желаетъ быть невидимымъ, тотъ во время христовской заутрени долженъ придти въ баню и найти тамъ «банника», который въ это время обыкновенно спитъ, снять съ него шапку и бѣжать съ нею, какъ можно скорѣе, въ церковь. Если успѣешь добѣжать до церкви, прежде чѣмъ банникъ проснется, то будешь обладать шапкой-невидимкой, иначе банникъ догонитъ и убьетъ.

У покойника отрубаютъ украдкой палецъ и съ этимъ пальцемъ ходятъ воровать. Если обойти съ пальцемъ домъ, гдѣ есть мертвецъ, то всѣ въ домѣ уснутъ такъ крѣпко, что можно войти и дѣлать, что удодно, никто ничего не услышитъ.

«Невидимый цвѣтъ» добывается съ «блошника» (папоротника), который расцвѣтаетъ въ ночь на Ивановъ день. Берутъ съ собою скатерть, приходятъ на то мѣсто, гдѣ растетъ блошникъ, и разстилаютъ скатерть рядомъ съ блошникомъ. Какъ только цвѣтокъ блошника распустится, надо въ ту же минуту его сорвать. Держа при себѣ цвѣтокъ блошника, станешь такъ же невидимъ, какъ и въ шапкѣ невидимкѣ.

За дьяволомъ слѣдуютъ второстепенные духи: домовой, лѣшій и водяной и, наконецъ, три третьестепенныхъ, именно: банникъ, овинникъ и кикимора. О нихъ я теперь и скажу.

Вѣрованіе въ домоваго распространено повсемѣстно; культъ его наиболѣе развитой, и дѣятельность домоваго проявляется въ одинаковыхъ чертахъ на всемъ пространствѣ губерніи.

Слово *домовой* весьма мало употребительно въ народѣ. Обыкновенно этотъ духъ зовется *дворовымъ*, *дворовушкой*, *кормильцемъ*, *кормильчикомъ*, наконецъ, *батаманкой* (Сольвыч. у.).

Видъ домоваго бываетъ весьма разнообразный. Во многихъ мѣстахъ толкуютъ, что онъ не имѣетъ *своего* вида, а является въ томъ или другомъ образѣ, какой ему вздумается принять: въ образѣ человѣка, покрытаго шерстью (чаще всего), черной кошки, собаки. Вообще же, видѣть его удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

По понятіямъ большинства, домовой живетъ въ каждомъ *жиломъ* домѣ, другіе же утверждаютъ, что въ тѣхъ лишь домахъ, гдѣ держатъ скотину. Впрочемъ, въ самомъ домѣ онъ не живетъ никогда, а живетъ на дворѣ (потому и дворовый, а не домовой),

въ стаѣ (хлѣвѣ), гдѣ сидитъ обыкновенно подъ яслями и только по зимамъ забирается въ подполье.

При переходѣ въ новый домъ зазываютъ съ собой и домоваго: «батюшка кормилушка, иди со мной жить въ новый домъ».

Домовые, какъ и люди, бываютъ разнаго характера: злые, добрые, мрачные, веселые, спокойные, безпокойные, шутливые; иные любятъ домъ и привязанность свою къ хозяевамъ и къ скоту выражаютъ разными видимыми знаками, другіе безъ перерыва вредятъ и выкидываютъ злобныя шутки. Если у лошади грива заплетена косой, это есть признакъ того, что домовой любитъ домъ и животныхъ, у нелюбимаго скота домовой обираетъ кормъ, запихиваетъ коровъ и овецъ въ ясли, перепутываетъ гриву у лошади, пачкаетъ ее съ ногъ до головы въ навозѣ; иногда онъ вредитъ человѣку и непосредственно: пугаетъ его на смерть, душитъ ночью, наваливаясь на грудь и т. п.

О шалостяхъ домоваго можно привести слѣдующіе разсказы [1]):

Года два тому назадъ, въ дер. Варламовѣ, Васьяновской волости, Кадниковскаго у., у крестьянина Филарета Иванова Кочкова шалилъ домовой въ продолженіе года ежедневно.

Поводомъ къ этимъ шалостямъ послужило слѣдующее обстоятельство: у сосѣдки дѣвушки потерялись полусапожки, янтарныя бусы и ремень. Дѣвушка говорила: у кого моя потеря окажется, у того въ домѣ зашалитъ домовой. Потерянныя вещи оказались у означеннаго крестьянина Кочкова и, прежде чѣмъ Кочковъ нашелъ вещи у себя на дворѣ, домовой съ вышки началъ бросать на мостъ (въ сѣни) дресвяное каменье, сухую глину, банные вѣники, головешки и черепки отъ посуды. На этотъ разъ однако хозяева сочли это за шалости молодяжниковъ (молодежи); шалуновъ искали по всему дому, но никого не нашли, а нашли подкинутыя дѣвушкины вещи. На слѣдующій день шалости повторились въ томъ же видѣ, какъ и наканунѣ; тутъ хозяева убѣдились, что это дѣло домоваго. Шалости продолжались все лѣто по ночамъ: какъ только дѣти и хозяева уснутъ, домовой и зашалитъ, и такъ настойчиво, что разбудитъ всѣхъ въ домѣ и не даетъ спать далеко за полночь. Зимою шалости производились въ избѣ и не въ опредѣленное время, напр., хозяева сядутъ пить чай вечеромъ, а онъ начнетъ бросать на середину избы дресвяное каменье, сухую глину, и съ такою силою, что эти предметы разсыпаются въ дребезги; или во время ужина кинетъ съ печи на полъ катаники, или же начнетъ плясать, причемъ отчетливо слышится шлепанье босыхъ ногъ.

Однажды вмѣстѣ съ хозяевами пилъ чай заѣзжій крестьянинъ—продавецъ соли. Онъ поставилъ подлѣ себя на полъ лукошко, въ которомъ вѣшалъ соль. Откуда ни возьмись извѣстный шалунъ и швырнулъ лукошко съ солью къ двери съ такою силой, что шумъ отъ паденія оглушилъ всѣхъ присутствующихъ. Торговецъ, не предупрежденный хозяевами о шалостяхъ домоваго, остолбенѣлъ, а когда ему открыли причину, такъ испугался, что безъ памяти кинулся вонъ изъ избы и былъ таковъ.

Другой разъ лѣтомъ, когда въ деревнѣ случился праздникъ и всѣ пировали, домовой какъ то особенно расшалился и хозяинъ пригласилъ сосѣдей посмотрѣть на его шалости. Сосѣди пришли со всѣми гостями. Во время представленія, со стороны зрителей сыпались различныя шутки по адресу домоваго: при пляскѣ его говорили: хоть бы ты завелъ опорки, а то вѣдь ноги смозолишь! Брали узду и ловили его, причемъ былъ общій хохотъ. Когда

[1]) Записанные А. В. Бартеневымъ.

домовой кидалъ каменье, зрители кричали: чѣмъ каменье кидать, лучше бы бросилъ намъ мѣшокъ серебра,—мы бы вина купили и тебя напоили; или такъ: давай, ребята, откидывать ему назадъ каменье, можетъ быть и попадемъ въ его! Наконецъ, загалдѣли: что ты больно разгулялся здѣсь? Возьмемъ ружье да разстрѣлимъ тебя!

На всѣ шутки зрителей домовой отвѣчалъ самою веселою пляскою и свистомъ и, наконецъ, его оставили.

Чтобы избавиться отъ безпорядковъ, Кочковы принимали въ домъ мѣстныя чудотворныя иконы: Семигородной Божіей Матери и Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ, служили водосвятные молебны, кропили святой водой весь домъ, но ничто не помогало. Вѣря, что «чортъ ладана боится», домъ окуривали ладаномъ, но и это не дѣйствовало. Обращались къ «знаткамъ» (колдунамъ) и знахарямъ—все было тщетно!

Избавиться отъ шалостей домовой помогъ самъ. Надо сказать, что онъ шалилъ между прочимъ и на гумнахъ во время работъ. Разъ Кочковы молотили хлѣбъ на гумнѣ, а домовой шалитъ да шалитъ. Одинъ изъ молотильщиковъ и обратился къ нему: видно ты никогда шалить не отстанешь? А домовой и отвѣчаетъ: воткни христовскія свѣчи во всѣ дверные косяки и проходы, тогда отстану. Хозяева исполнили это немедленно и шалости прекратились. Свѣчки эти и теперь находятся во всѣхъ дверныхъ косякахъ и проходахъ.

Лѣшій, какъ и домовой, не имѣетъ опредѣленнаго образа. Чаще всего онъ является въ видѣ человѣка огромнаго роста, одѣтымъ въ бѣлое.

Мѣсто обитанія лѣшаго всегда въ лѣсу. Здѣсь у него есть свои тропы. Если скотина попадетъ на эту тропу, ей ни за что не выйти изъ лѣсу. Тогда хозяева берутъ икону и обходятъ съ нею вокругъ поскотины или же служатъ молебенъ. Случается, что и человѣкъ, попавъ на эту тропу, заблудится. Чтобы отыскать дорогу, прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ, раздѣваются до-нага, перетрясаютъ всю одежду и надѣваютъ ее снова, благословясь, или же выворачиваютъ шапку и руковицы, а если и это не помогаетъ, то и тулупъ.

У лѣшаго есть жены и дѣти. Жены—похищенныя дѣвушки, дѣти—тоже похищенные до крещенія младенцы.

Чтобы вызвать лѣшаго, надо придти ночью въ лѣсъ, снять шапку, кланяться лѣсу и говорить: «лѣсной князь, выдь сюда, помоги моей бѣдѣ, самъ удружу». Тогда лѣшій выйдетъ. Эхо [1]) считается откликомъ лѣшаго.

Водяной обитаетъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, озеръ и болотъ, а также и въ боготахъ [2]) маленькихъ рѣчекъ. У всякой рѣчной мельницы непремѣнно живетъ водяной. Мельникъ всегда долженъ быть въ ладу съ водянымъ; если мельникъ самъ не колдунъ, то онъ обязательно долженъ обратиться къ колдуну, прежде чѣмъ сдѣлать запруду и поставить мельницу, иначе запруду размоетъ и мельницу изломаетъ. Когда мельница готова и пошла въ ходъ, надо непремѣнно дать водяному что-либо въ жертву, т.-е. бросить въ воду какой нибудь предметъ.

Мельникъ при посредствѣ водянаго можетъ сильно вредить людямъ. Такъ, напр., ему стоитъ бросить въ воду какую нибудь вещь, принадлежащую постороннему человѣку, чтобы этотъ послѣдній захирѣлъ или, вообще, съ нимъ приключилось что-либо недоброе.

---

[1]) Слово *эхо* неизвѣстно въ народѣ. Говорятъ *рай* и отсюда глаг. *раить*.

[2]) *Боготъ* и *бочагъ* или *курганъ*—яма въ рѣчкѣ, иногда весьма глубокая, гдѣ вода не высыхаетъ все лѣто.

Водяной—всегда злобный духъ, и его очень опасаются. Безъ креста никто не рѣшиться купаться днемъ, а ночью и съ крестомъ на шеѣ опуститься въ воду въ глубокомъ мѣстѣ представляетъ большой рискъ.

Какъ мельники, такъ и рыболовы должны, что называется, ухаживать за водянымъ, если хотятъ, чтобы ловля шла у нихъ успѣшно. Они бросаютъ въ воду лапоть съ портянкой и кричатъ: «на тебѣ, чортъ, лапти, загоняй рыбу!» Къ пальцамъ вершей привязываютъ высушенную лѣсную ящерицу, и тогда рыба хорошо ловится. Ящерицы эти ловятся и высушиваются заранѣе. Устьсысольскіе зыряне, отправляясь въ плаваніе и отчаливъ отъ берега, бросаютъ въ воду столько кусковъ хлѣба, сколько сѣдоковъ въ лодкѣ—въ жертву водяному.

У водяного есть своя рыба, называемая *лежня* или чортова рыба [1]). Если она попадется въ сѣти, ее сейчасъ-же кидаютъ обратно въ воду. Въ иныхъ мѣстахъ и налимъ считается чортовой рыбой и потому его не ѣдятъ.

Къ водянымъ духамъ причисляется и *бѣлая баба* (русалка?). Въ каменистыхъ рѣкахъ она иногда выходитъ изъ воды, садится на камень и расчесываетъ себѣ волосы. Замѣтивъ человѣка, сейчасъ же кидается въ воду. (Кадник. у.).

Банникъ—живетъ исключительно въ банѣ. Ходить вечеромъ или ночью въ баню не только страшно, но и опасно, такъ какъ банникъ—духъ не добрый и можетъ принести человѣку смертельный вредъ.

Овинникъ обитаетъ въ овинахъ; это духъ добрый. Когда засушиваютъ овинъ въ первый разъ, то просятъ овинника, чтобы онъ все сохранилъ въ цѣлости отъ невзгодъ и напастей, а когда кончатъ работу, то кланяются и говорятъ: «спасибо тебѣ, батюшка овинникъ, послужилъ вѣрой и правдой».

Кикимора—духъ, имѣющій видъ дѣвушки въ бѣлой рубахѣ или и въ другой какой одеждѣ; она живетъ въ гумнахъ до святокъ, а послѣ святокъ куда-то уходитъ. Видѣть ее случается очень рѣдко.

Въ средѣ народа вращается масса рукописныхъ молитвъ [1]), отрывковъ изъ евангелія съ толкованіями, акаѳистовъ и разныхъ сочиненій мистическаго характера. Въ числѣ этихъ рукописныхъ памятниковъ особеннымъ почетомъ пользуется «Сонъ пресвятой Богородицы», который можно найти чуть не въ каждомъ домѣ. Онъ списывается обыкновенно въ тетрадку величиною въ осьмушку, такъ какъ этотъ форматъ удобнѣе всего для ношенія въ карманѣ или за пазухой. Отправляется-ли крестьянинъ въ дальнее путешествіе, или идетъ изъ деревни по дѣламъ въ городъ, онъ обыкновенно прихватываетъ тетрадку съ собою, если же въ судъ, то сонъ пр. Богородицы берется обязательно, «чтобы судьи были милосливы». Сонъ Богородицы кладутъ въ изголовье больнымъ. Думаютъ, что тотъ, кто спишетъ «сонъ Богородицы» девять разъ и раздастъ девятерымъ, тотъ будетъ «святъ».

Всякія страшныя и гибельныя явленія природы, какъ выпаденіе града, ливни, бури, грозы, наводненія, какъ я уже сказалъ выше, считаются или наказаніемъ, посылаемымъ отъ Бога, или дѣломъ дьявола. Во время грозы, напр., принимаются разныя предосторожности, но обыкновенно суевѣрныя. Ѣсть во время грозы что-либо считается грѣхомъ; всякія занятія оставляются. Подъ крышу втыкаютъ освященныя въ Тройцынъ день березки

---

[1]) Подкамешникъ—Cottus Gobio.

[2]) Одна изъ такихъ молитвъ приводится во II-мъ Отдѣлѣ.

для предотвращенія удара молніи; снимаютъ иконы и ставятъ ихъ на окно лицомъ на улицу; закрываютъ чѣмъ нибудь самоваръ, чтобы молнія его «не увидала»; зажигаютъ передъ образами крещенскія или христовскія свѣчи; выставляютъ на крыльцо желѣзную клюку, потому что молнія ея боится. При пожарѣ, происшедшемъ отъ молніи, не позволяютъ кричать; пожаръ заливаютъ прѣснымъ молокомъ, дробинами изъ квасника или кидаютъ въ огонь сырое яйцо.

Производителемъ грозы считается повсемѣстно пророкъ Илія. Громъ—это шумъ отъ его колесницы. Илія начинаетъ преслѣдовать чертей и тѣ прячутся, куда попало. Если человѣкъ не оградился крестомъ, дьяволъ залѣзетъ и въ него, и тогда человѣкъ легко можетъ быть убитъ молніей. Въ Васьяновской вол. Кадников. у. Ильинская недѣля зовется грозною [1]). Въ Тройчинѣ того же уѣзда Ильинъ день празднуютъ поочереди—одинъ годъ въ одной деревнѣ, на слѣдующій годъ въ другой и т. д.; въ той деревнѣ, гдѣ приходится праздновать, варятъ пиво, а въ самый день праздника приносятъ образъ пр. Иліи и служатъ молебны, почему это празднество и носитъ названіе «мольбы». Мѣстами варится не пиво, а сусло.

Во время пожара, происшедшаго отъ другихъ причинъ, затапливаютъ печь въ домѣ сосѣднемъ съ горящимъ, вѣря, что огонь противъ огня утишитъ пожаръ. Также баба, у которой въ то время мѣсячныя очищенія, обѣгаетъ три раза вокругъ горящаго дома, чтобы дьяволъ не перенесъ огня на сосѣдніе дома. Во время пожара не позволяютъ ни курить, ни пѣть, ни свистать. Свистать вообще считается грѣхомъ, въ особенности въ избѣ, это подражаніе чертямъ. «Засвисталъ, какъ чортъ».

Большіе годовые и другіе праздники сопровождаются многими обрядами, происхожденіе которыхъ часто не могутъ объяснить и самые старые люди. Приведу то, что мнѣ извѣстно.

На Новый годъ, не молясь Богу, надо перекрестить подушку и сказать: «что во снѣ увидится, то и сдіется». Это вызываетъ вѣщіе сны. Или-же, ложась спать, завязываютъ въ лѣвый рукавъ таракана и замѣчаютъ: куда онъ во снѣ поведетъ, тамъ и придется весь годъ жить.

На Новый годъ умываются съ серебра и съ пасхальнаго яйца. «Какъ любятъ серебро добрые люди, такъ и меня бы любили». Ѣдятъ саламатъ и послѣ ужина (какъ въ сочельникъ, см. ниже) ищутъ подъ столомъ зерно, брошенное Василіемъ Великимъ. Это зерно прячутъ и хранятъ до посѣва. Когда станутъ сѣять, то кладутъ зерно на ладонь, смѣшиваютъ съ другими зернами и просятъ Бога, чтобы народилъ побольше хлѣба.

Въ Тройчинѣ, Кадниковскаго у., въ ночь на Новый годъ всѣ члены семьи берутъ по ложкѣ воды и выносятъ въ холодное мѣсто, а поутру смотрятъ: у кого вода застыла съ углубленіемъ, тотъ умретъ, у кого ровно или съ бугоркомъ—будетъ жить.

Большимъ почетомъ пользуется св. Николай угодникъ, называемый «милостивымъ». Его считаютъ самымъ милостивымъ изъ святыхъ, и въ Кадниковскомъ у. разсказывается по этому поводу слѣдующая легенда:

Одинъ воръ постоянно ставилъ Николѣ свѣчки, чтобы его не замѣчали въ воровствѣ. Однажды забрался онъ въ домъ, укралъ деньги и пошелъ домой, какъ вдругъ слышитъ за собой погоню. Онъ сталъ молиться Николѣ, обѣщая поставить свѣчку. Никола явился въ видѣ сѣдого старичка и говоритъ: помогу, иди за мной. А погоня ужъ близко. Никола

---

[1]) А также *звѣриною*, потому что въ эту недѣлю медвѣдь, будто бы, особенно настойчиво преслѣдуетъ скотъ.

привелъ его къ «пропадущей» (павшей) коровѣ и говоритъ: лѣзь въ нутро. Воръ послушался и влѣзъ, а Никола отошелъ въ сторону. Тѣ, которые гнались за воромъ, пробѣжали, не замѣтивъ его: онъ «отлежался». Приходитъ Никола и говоритъ: выходи. Воръ вышелъ и спрашиваетъ: за что же ты меня наказываешь?—А ты за что меня наказываешь? спрашиваетъ Никола.

— Какъ наказываю? я еще всегда *вамъ* свѣчки ставлю.—Да вотъ свѣчками то и наказываешь: мнѣ твои свѣчки еще душнѣе этой падины (падали). Съ тѣхъ поръ воръ пересталъ воровать и ставить свѣчки на краденыя деньги [1]).

Въ день Аграфены Купальницы (23 іюня) ходятъ вечеромъ въ лѣсъ и рвутъ травы, приносятъ домой, ввязываютъ въ вѣники и приговариваютъ: «пріѣхала купаленка на семьдесятъ телѣженькахъ, привезла намъ купаленка добра и здоровья, богатства и почести».

Св. Антипа считается цѣлителемъ зубной боли. Дѣлаютъ деревянный зубъ и вѣшаютъ его на икону. Также заказываютъ серебрянику изображенія рукъ и ногъ. Потомъ эти вещи продаются духовенствомъ другимъ болящимъ.

Св. Касьянъ считается немилостивымъ угодникомъ. У кого въ високосномъ году случилось какое-либо несчастіе въ домѣ, про того говорятъ: «Касьянъ на него посмотрѣлъ».

Въ день Симеона Столпника хоронятъ мухъ. Дѣлаютъ изъ рѣпы гробъ, кладутъ въ него муху и закапываютъ въ землю на улицѣ у передняго угла, приговаривая: «муха къ мухѣ идите мухъ хоронить».

Въ крещенскій сочельникъ стелютъ христовскую скатерку [2]), садятся за столъ, ничего не говоря, и наблюдаютъ, чтобы на скатерку не упало крошекъ. Когда отужинаютъ, снимаютъ скатерку и смотрятъ подъ столъ; тамъ иногда находятъ три зерна: ржаное, ячменное и пшеничное. Это признакъ того, что годъ будетъ хлѣбородный. Если нѣтъ, то наоборотъ. Вообще, зерна подъ столомъ находятъ только въ благочестивыхъ семьяхъ.

Навечеріе Богоявленія зовется въ Кадниковскомъ у. «сочевникомъ». Въ этотъ день варятъ въ особомъ горшкѣ кутью, состоящую изъ гороха съ пшеницей съ примѣсью сока изъ конопляннаго сѣмени или меду. Молодыя дѣвки берутъ кутью и, ходя по деревнѣ, кидаютъ кутью съ ложки въ лицо встрѣчному. Въ сочельникъ всѣ старые и пожилые не ѣдятъ до вечерней зари, а когда звѣзды взойдутъ, напьются освященной воды и закусываютъ сочнемъ изъ ржаной муки.

Крещенье въ Кадниковскомъ у. зовется «водокрещеніе». Въ этотъ день крестятъ рукой или ножомъ по воздуху окна и двери въ избѣ, а также ставятъ кресты мѣломъ, краской или углемъ. Это дѣлается во избѣжаніе того, чтобы не вошли кикиморы и нечистые духи, такъ какъ и тѣ и другіе во время освященія воды кидаются всюду.

Богоявленская вода считается святою и хранится весь годъ. При освященіи воды купаются всѣ, кто о Рождествѣ надѣвалъ «личину», т. е. маску. Надъ прорубью, въ которой освящаютъ воду, ставятъ по угламъ четыре елки, сводятъ ихъ вершинами вмѣстѣ и закрываютъ по бокамъ ельникомъ, такъ что образуется шалашъ. Въ этихъ прорубяхъ купаются зимою не только въ крещенье, но и о святкахъ. Въ это время устраиваются (въ Замотской вол. Кадников. у.) «повады», т.-е. собранія дѣвокъ и ребятъ изъ разныхъ деревень. Въ

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ. Рус. Ск. III.* № 246. Объ отцѣ Николаѣ (Пермской губ.). *Ред.*

[2]) Христовской она зовется потому, что стелется въ христовъ день на столъ передъ приходомъ попа. На нее кладутъ короваи, яйца и тому под., попъ же кладетъ крестъ. Когда попъ уйдетъ, скатерку сейчасъ снимаютъ, прячутъ и въ продолженіе года вынимаютъ въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. покрываютъ ею трудно больного).

субботу вечеромъ молодцы ходятъ и мажутъ дѣвокъ сажей, разболтанной заранѣе въ шайкѣ. Въ воскресенье же утромъ этихъ дѣвокъ купаютъ, насильно, конечно. Если вода не глубока, то дѣвку берутъ за руки и за ноги и бросаютъ въ воду, а чтобы она вся вымочилась ее перекатываютъ, вытаскиваютъ и отпускаютъ домой переодѣваться.

Рождественскій сочельникъ мѣстами зовется *кутейникомъ*. Невѣсты гадаютъ на кутьѣ, возьмутъ ложку кутьи и плеснутъ на двери; кто послѣ этого первый отворитъ двери и начнетъ что нибудь говорить, то замѣчаютъ предметъ его разговора: соотвѣтственно этому будетъ и женихъ у гадающей невѣсты. Мѣстами за два дня до Рождества дѣвицы сообща пекутъ пироги. Муку, соль, рыбу приноситъ каждая участница. Пироги ѣдятъ сами и угощаютъ парней.

На святкахъ наряжаются всячески, кому какъ вздумается, и надѣваютъ маски изъ бумаги или изъ бересты. Мѣстами одинъ изъ наряженныхъ запасается большой корзинкой и стоитъ на улицѣ, а ребятишки (тоже въ личинкахъ) въ это время воруютъ въ той избѣ, куда они зашли, хлѣбъ или пироги и передаютъ стоящему па улицѣ. Кромѣ того, ребята нахватываютъ всевозможныхъ вещей съ повѣти: сани, пошевни, сохи, бороны, утаскиваютъ куда-нибудь подъ гору и сваливаютъ въ кучу. Такъ какъ считается, что на святкахъ всѣмъ «вольно», т.-е. можно дѣлать, что угодно, то и взыскивать за такія шалости и ругаться хозяину нельзя, а лучше караулить свое добро, чтобы его не растащили и не изломали. Большіе парни лазятъ на крыши и затыкаютъ трубы соломой, перевертываютъ возы вверхъ полозьями и т. п.

На святкахъ же дѣвки вывѣшиваютъ за окно гребень и приговариваютъ: «суженый, ряженый, приходи голову чесать!» Также опускаютъ въ кадку ложки: чья ложка отплыветъ, тотъ и умретъ въ томъ году, или же вѣсятъ на вѣсахъ краюшку хлѣба и свѣсивъ выносятъ на повѣть, а утромъ смотрятъ: если прибыло, то хлѣбъ будетъ дешевъ, а убыло, то дорогъ.

На масляничной недѣлѣ повсюду устраиваются катанья на лошадяхъ или съ горъ на салазкахъ и «корежкахъ», Корежка—доска, обмазанная снизу коровьимъ каломъ, облитая водой и замороженная; часто къ такой доскѣ придѣлывается стульчикъ для сидѣнья или примораживается круглая деревянная чашка, въ которую и садятся, держа въ рукахъ по коротенькой палочкѣ для подталкиванья такой «ледянки».

Въ Кадниковскомъ у. катанье съ горъ на масляницѣ заканчивается сожженіемъ на берегу рѣки дегтярной бочки; тутъ же разбиваютъ объ ледъ и корежки. Въ Заднесельской волости, того же уѣзда, вечеромъ съ воскресенья на чистый понедѣльникъ, чуть только стемнѣетъ, зажигаются такъ пазываемыя «масленки», т.-е. груды хвороста и всякаго сора, сношеннаго изъ деревни ребятами за нѣсколько времени до этого дня. Въ церемоніи сожженія участвуютъ больше дѣти, но бываютъ и взрослые. Зажегши масленку, дѣти прыгаютъ вокругъ нея и кричатъ: «наша масленка, гори вплоть до Петрова дни!»

Въ первый день Великаго поста, кромѣ того, что полощутъ ротъ, но и моютъ и полъ и лавки. «Сыромасло долой, крашенина наверхъ» (поговорка за обѣдомъ). Вся семья поголовно лазитъ въ печку мыться.

На крестопоклонной недѣлѣ пекутъ кресты. Въ одинъ крестъ запекаютъ печинку (кусочекъ глины), въ другой—крестикъ изъ лучинки, въ третій—серебряную монету. За обѣдомъ кресты разбираютъ всѣ семейники. Кому попадется крестъ съ монетой, тому жить богато, кому съ печинкой, тому печально, а кому съ крестикомъ, тому въ томъ году уме-

реть. Въ иныхъ мѣстахъ каждый ломаетъ свой крестъ у себя на головѣ, и въ чьемъ крестѣ окажется крестикъ изъ лучинки, тотъ долженъ первый засѣвать хлѣбъ.

Среда 4-й недѣли великаго поста зовется «средокресье», потому что исполняется половина поста. Вечеромъ этого дня молодые парни стараются обмануть какого-нибудь подростка, говоря ему: «сядь подъ кузовъ, услышишь, какъ говѣнье переломится». Если тотъ повѣритъ и сядетъ, то его обливаютъ водой и потомъ смѣются: «слышалъ, какъ говѣнье переломилось?» [1]).

Въ великій четвергъ, когда большуха проснется, то будитъ ребятъ и велитъ имъ кусать пальцы рукъ и ногъ сквозь воротъ своей рубахи, какъ это ни трудно, — для того, чтобы не болѣли пальцы. Потомъ беретъ ведро, идетъ на колодезь и, принеся воду, опускаетъ въ нее серебрушку (монету). Этою водой всѣ умываются. Дѣвушки берутъ воду и бѣгутъ на хмѣльникъ «до вороны» (т.-е. пока она еще не закаркала) и умываются тутъ, приговаривая: «какъ хмель любятъ добрые люди, такъ бы и меня любили».

Большуха начинаетъ считать деньги. Посчитавши, лѣзетъ на голбецъ, открываетъ трубу и кричитъ тамъ, клича скотину по очереди и каждую по имени. Потомъ беретъ косу и дѣлаетъ видъ, что коситъ, потомъ серпъ, и жнетъ, потомъ молотило, и молотитъ (все это въ избѣ, конечно); до прихода народа она еще сходитъ за вересомъ (т.-е. можжевельникомъ—для паренья кринокъ) и, наконецъ, начнетъ пахтать сметану. Возьметъ соли, завернетъ ее въ тряпку, обмокнетъ въ друзги и броситъ въ печь. Эта «четверговая» соль употребляется отъ зубной боли.

Старыя помела выбрасываютъ въ окно для того, чтобы хищныя птицы не хватали курицъ. Если въ избѣ развелось много таракановъ, то баба беретъ помело и клюку между ногъ и въ одной рубахѣ объѣзжаетъ три раза свой домъ, приговаривая: «гребу и мету лишнихъ таракановъ и посылаю ихъ за богатствомъ».

Вся семья въ этотъ день окуривается, т.-е. шагаетъ черезъ горящій на сковородкѣ можжевельникъ для того, чтобы очиститься отъ грѣховъ и чтобы весь годъ не знать болѣзней.

Въ Вологодскомъ у. въ великій четвергъ ходятъ въ лѣсъ кричать, для того чтобы не было хищныхъ звѣрей. Кричатъ: «волки, медвѣди изъ слуха вонъ; зайцы, лисы къ намъ въ огородъ!» При этомъ стучатъ въ сковороды, звонятъ въ коровьи колокольчики и т. п. Также гребутся пальцами въ золѣ въ печуркѣ для того, чтобы находить утиныя гнѣзда (для яицъ).

Такъ какъ въ теченіе свѣтлой недѣли двери въ рай бываютъ отворены, такъ же, какъ и царскія двери въ церкви, то кто умретъ на этой недѣлѣ, пойдетъ прямо въ рай. Во время христовской заутрени, когда въ первый разъ запоютъ «Христосъ воскресе!» все, что пожелаешь,—исполнится. Этимъ пользуются нерѣдко и съ дурными цѣлями. Такъ, на возгласъ священника: Христосъ воскресе! любитель играть въ карты отвѣчаетъ: три туза

---

[1]) Великій постъ повсюду зовется *великоговѣнье*.

да козырная! и отъ этого ему весь годъ должно везти въ игрѣ. Про удачныхъ охотникахъ говорятъ: «вѣрно онъ въ христовскую заутреню просвиру разстрѣлилъ», что охотники и дѣлаютъ.

Послѣ христовской заутрени (и обѣдни) бѣгутъ домой со всѣхъ ногъ (хотя бы нѣсколько верстъ), потому что кто первый прибѣжитъ домой, «у того работа пойдетъ въ году всѣхъ круче».

Оканчивая этимъ собранныя мною свѣдѣнія о вѣрованіяхъ населенія Вологодскаго края, я счелъ удобнымъ выдѣлить въ отдѣлъ II-й собранные мною заговоры, примѣты и нѣкоторые образцы отреченной литературы: въ нихъ читатель найдетъ нѣкоторыя указанія, характеризующія вѣрованія и суевѣрія мѣстныхъ крестьянъ.

ОТДѢЛЪ II.

I.

а) Заговоры [1].

А. Заговоры приворотные.

1.

Во имя О. и С. и Св. Д., аминь. Хр. во. Встану я рабъ Божій, Яковъ, благословясь. пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, съ улицы за ворота въ чистое поле, перекрестясь. Въ чистомъ полѣ попадетъ мнѣ р. б. Якову двѣнадцать вѣтровъ вихоревъ дѣтей. А я р. б, Яковъ спрошу: куда вы пошли? А мы пошли за моря въ поморье подъ пещеры [2]) зажигать. А я р. б. Яковъ вамъ помолюся: вы не ходите за моря подъ пещеры зажигать, а подите ко мнѣ р. б. Якову .... [3]) зажгите курни, запалите сердце сердцемъ, легкое съ легкимъ, животъ съ животомъ, тѣло съ тѣломъ, кровь съ кровью, чтобы казалися р. б. другъ дружкѣ краше краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, любимѣе отца и матери, какъ крещеный человѣкъ безъ хлѣба поѣсть соли не можетъ, не жить, не быть, такъ бы они р. б. не могли другъ безъ друга ни дня не быть, въ ночи бы не засыпали, слюнами не заплевали, словесно не заговаривали другъ друга во всякой день во всякой часъ ... [4]) другъ друга ухомъ не слышатъ и глазомъ не видятъ, тоскуютъ и горюютъ, и какъ ухомъ услышатъ и глазомъ увидятъ другъ друга радуются и смѣются, веселятся днемъ при солнышкѣ, а въ ночи при мѣсяцѣ и при чистыхъ звѣздахъ ветхе и молодѣ, на исходѣ и на перекроѣ, рано и поздно, на утряной зорѣ, на вечерней зорѣ, во всякую бы пору не было бы имъ покою рабамъ божіимъ. Какъ соли жгутъ и варятъ, такъ бы у нихъ р. б-хъ горѣло и кипѣло сердце съ сердцемъ, легкое съ легкимъ, животъ съ животомъ, тѣло съ тѣломъ, кровь съ кровью жгло и горѣло .... [5]) животомъ и съ черною печенью, чтобы сердце ихъ тлѣло, горѣло вѣкъ по вѣку отнынѣ до вѣку. Въ коемъ словѣ помѣшался или въ коемъ позабылся, заднее назадъ, а переднее напередъ за сто словъ впередъ будь моя статья во вѣки плотна заморскаго нерукосозданнаго булата. Во имя О. и С. и Св. Д. А. [6]).

---

[1]) Печатая ниже помѣщаемые заговоры Вологодскаго края, мы сочли нужнымъ изъ имѣющихся въ литературѣ заговоровъ отмѣтить въ примѣчаніяхъ наиболѣе близкіе варіанты къ Вологодскимъ заговорамъ. Желающихъ ближе познакомиться съ заговорами, появившимися въ печати, отсылаемъ къ слѣдующимъ трудамъ: [1]) Сахаровъ. Сказанія Русс. Народа I. отд. II. (Чернокнижіе) (СПБ. 1841) [2]) Майковъ: Великорусскія заклинанія въ З. И. Р. Г. О. II. (СПБ. 1869). [3]) Аѳанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія Славянъ. III. гл. 26-я (текстовъ заговоровъ не приводится; указанія на способы заговариванья и обряды, соблюдаемые при этомъ). [4]) Драгомановъ: Малорусскія Нар. Преданія и разсказы Отд. III. [5]) Тр. Этн.-Статист. Экспед. въ Запад. край. Юго Зап. отд. т. I. [6]) Ж. М. Н. Пр. т. 1863, № 1, 3, 4, 6 и 7. [7]) П. Ефименко. Сборникъ Малоросс. Заклинаній (1874) [8]) Рыбниковъ. Пѣсни. т. IV. [9]) Минхъ: Народ. Обычаи, суевѣрія и предразсудки крестьянъ Саратовской губ. (СПБ. 1890). [10]) Сб. Харьков. Историко-Филолог. Общ. т. II. ст. Манджуры.—Сказки, пословицы и т. п. зап. въ Екатериносл. и Харьковск. г. (Харьк. 1890). [11]) Могилевскія Г. В. 1889 № 2, 18 (перепечат. въ Этнографич. Обозрѣніи 1889. кн. V. стр. 161, 162). [12]) Этнографич. Обозрѣніе кн. V. 1890. кн. 2. [13]) Екатеринославскія Г. В. 1890. № 43. [14]) Южанинъ. 1890 № 86 (переп. въ Этногр. Обозр. кн. VI, 1890 № 3). [14]) Лѣтописи рус. литер. и древн., изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, отд.3, стр. 73- 80. *Ред.*

[2]) Въ подл. потпещеры.

[3]) Два или три слова невозможно разобрать.

[4]) Пробѣлъ для двухъ или трехъ словъ въ подл.

[5]) Одного слова въ рукописи нельзя разобрать.

[6]) Ср. Л. Н. Майкова. Великорусскія заклинанія (№ 2 и 8). Зап. И. Р. Г. О. II. СПБ. 1869. *Ред.*

2.

Встану я р. б. благословясь и пойду перекрестясь изъ избы въ двери, съ двора воротми въ чистое поле къ окіяну морю, ко камени латарю и острову, къ престолу Господню, къ семидесяти огненнымъ отроковицамъ. (Встрѣ)чу я р. б. (и. р.) огненную отроковицу и спрошу я р. б. (и. р.): куды пошла огненная отроковица? И рече огненная отроковица: я пошла зажигать моря, и рѣки, и езера, мхи, и болота, и потоки и зеленыя дубровы. И возмолюся я р. б. (и. р.): гой еси ты, огненная отроковица! воротися ты къ окіяну морю ко каменю латарю къ семидесяти огненнымъ отроковицамъ, возьми мои огни и зажги у р. б. (и. р.) сердце, печень и чрево, нутро и кровь горячую, чтобы она не могла ни жить ни быть, ни пить ни ѣсть, вяхла (sic) бы и сохла, плакала и тужила бы по мнѣ р. б. (и. р.), зрѣла бы и смотрѣла на мое на бѣлое лицо, на ясныя очи, на черныя брови и какъ на красное солнце, пила бы и ѣла и единъ кусъ кусала и меня р. б. (и. р.) съ ней съ очей не спущала. И рече огненная отроковица: та ... р. б. (и. р.) взяла твои огни и жгла у тыя р. б. (и. р.) сердце, печень, чрево, нутро и кровь горячую, не станетъ ни жить ни быть, не пить ни ѣсть и станетъ вяхнуть и сохнуть, плакать и тужить по тебѣ р. б. (и. р.) и станетъ зрѣть и смотрѣть на твое на бѣлое лицо, на ясныя очи, на черныя брови и какъ на красное солнце ... гла бы ...... [1]).

3.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій нашъ, помилуй насъ. Земля мати неслушшая (sic), лѣси не перимайте, вѣтры не уносите. Трижды.—Встану я р. б. Яковъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, со двора воротми въ чистое поле подъ красное солнце, на восточную сторону. Идетъ изъ восточной стороны семьдесятъ воогненныхъ (sic) святыхъ мужей, несутъ по семидесяти лучей въ ... [2]), въ коктяхъ, въ ноздряхъ, въ ясныхъ очахъ, и пошли они вся семьдесятъ воогненныхъ святыхъ мужей въ чистое поле рожигать сѣрова камени, синева камени, кремни камени, бѣлова камени. И гой еси вы вся 70 воогненныхъ святыхъ мужей, не ходите вы въ чистое поле рожигать сѣрова камени, синева камени, кремени камени, бѣлова камени, и что я вамъ наряжу, куды я васъ пошлю вы вся 70 святыхъ мужей ко р. б. (и. р.), и зажгите вы вся 70 св. мужей у р. б. (и. р.) нутро и брюхо, сердце и печень, кровь и жилы, хоть и плоть юности и ярость, и чтобы онъ р. б. (и. р.) безъ р. б. (и. р.) не могъ [3]) ни жить ни быть, ни часу часовать на кой день, тако же бы онъ р. б. (и. р.) на р. б. (и. р.) зрѣлъ и смотрѣлъ и очей не сносилъ и онъ р. б. (и. р.) и р. б. (и. р.) другъ другу казались краснѣе краснаго солнца, лучше князя и боярина на кой день на кой часъ р. б. (и. р.) и р. б. (и. р.) не увидитъ и голосу не услышитъ, и они бы р. б. (и. р.) по р. б. (и. р.) тоску тосковали и отъ той тоски съ подружкамъ не отсидѣться, въ банѣ не отпариться, кислымъ не запить, прѣснымъ не захлебать, по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, поздно и рано мала молода мѣсяца на ветху на молоду и на перекроѣ мѣсяца будьте мои слова ста словъ лучше, кое слово недоговорено и то бы слово шло всѣхъ напередъ и всѣхъ ямцее (sic) и всѣхъ прынцее (sic), вострѣе шильнаго жала, топорнаго вострея, по всякъ день по всякъ часъ по всякое время, поздно и рано. Всѣмъ тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ во вѣки вѣковъ, аминь [4]).

В. Для огражденія свадебнаго поѣзда отъ колдуновъ.

4.

Во имя О. и С. и Св. Д. Благослови Господи Боже, благослови, отче, святыя своя говорить святыми своими молитвами. Я, р. б., въ томъ всемъ на корысть и на радость и на божію милость въ избѣ два, на дворѣ четыре сидятъ святые Петръ и Павелъ на золотомъ стулѣ своимъ златымъ скипетромъ стережетъ и бережетъ меня, р. б., Якова и князя молодого (и. р.) и княжну молодую (и. р.) и весь княжой полкъ за вороты и перевороты на встрѣчѣ и на постижкѣ въ отводахъ и проверзинахъ пропущаетъ и пасетъ, отрока отроковицу отбиваетъ и отгоняетъ отъ меня, р. б., Якова князя молодого (и. р.) и княгиню молодую (и. р.)

---

[1]) Не окончено.
[2]) Рукопись нельзя разобрать.
[3]) Судя по мѣстоименіямъ и глаголамъ, заклинаніе произносится отъ 3-го лица. Въ подл. ясно: чтобы *онъ* и *не могъ*.
[4]) Ср. Майковъ. l. c. № 21. *Ред.*

и весь княжій полкъ своимъ златымъ скипетромъ пр — — и — — — уроки и призоры, волхвуна и волхвунью, вѣдуна, вѣдунью, колдуна и колдунью, вѣщика, вѣщицу, призорщика и уротчика и всякаго злого человѣка бьетъ и колетъ въ нутро и въ печень и въ кости и въ жилы, во всякія недобрыя мысли, стережетъ и бережетъ меня, р. б., Якова на севодняшней бѣлой день князя молодого (и. р.) и княгиню молодую (и. р.). Встрѣчу мнѣ, р. б. Якову Михайло архангелъ и говоритъ: гой еси ты, р. б., не съ волховствомъ ли, не съ колдоствомъ ли уходили? Государь Михайло архангелъ! хочу я, р. б. Яковъ, съ животворящимъ крестомъ Господнимъ да пресвятыя Божіей Матери молитвами. И выпущаетъ Михайло архангелъ свои багровыя выжлята, и его багровыя выжлята рыщутъ по чистому полю, отметаютъ и отгоняютъ отъ меня, р. б., Якова, и князя молодого (и. р.) и княгину молодую (и.р.) на севоднишной бѣлой день уроки, призоры злого и недобраго человѣка избав(ь)те. Всѣмъ моимъ словамъ и приговорамъ ключи вторе(sic) уста замокъ вѣкъ по вѣку отнынѣ и до вѣку во вѣки аминь.

5.

Се азъ, р. б., Яковъ, пойду мимо брашную деревню, а въ брашной деревнѣ волхвунъ, волхвунья, колдунъ, колдунья, вѣдунъ, вѣдунья, вѣщикъ, вѣщица, уротчикъ, уротчица и всякой злой человѣкъ захотѣлъ меня р. б. Якова корити испортить. Се азъ божи молюся святому великомученику Георгію: спусти снесь(sic) милость божію, ударь деревяннымъ копіемъ волхуна и волхвунью, колдуна и колдунью, вѣщика и вѣщицу, призорщика, уротчика и всякаго злого человѣка ударь въ тимя, пролей горячую кровь, умъ съ памятью смѣшай, чтобы онъ меня, р. б., Якова, князя молодого (и. р.) и княгину молодую (и. р.) на сегоднишной бѣлый день укорить не могъ, испортить не дай, Господи, лихому человѣку мѣста въ избѣ за столомъ средь полу въ дверяхъ на колиновомъ мосту, на брусчатой лѣстницѣ на повитѣ въ воротахъ на прохожей улицѣ, въ отводахъ, преверзинахъ, въ огородахъ, въ тѣсныхъ мѣстахъ не могъ не укорить не испортить. Будьте мои слова крѣпче крѣпкаго замка булатнаго съ моимъ словомъ съ востоку и до западу отнынѣ до вѣку во вѣки аминь.

6.

Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Господи Боже, благослови и очисти меня, р. б.,—Встану я, р. б., Яковъ, благословясь, пойду перекрестясь своими словесами на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ кипарисъ дерево, подъ тѣмъ кипаристовымъ деревомъ стоитъ сыродубовая бесѣда, на той сыродубовой бесѣдѣ сидитъ самъ Христосъ, да съ нимъ сидятъ тридевять апостоловъ, Козма и Даміанъ и Костянтинъ и св. Стефанъ, и я, р б., Яковъ помолюся самому Христу: гой еси ты самъ истинный Христосъ, сотворивый небо и землю, Адама и Еву и насъ грѣшныхъ [1]), сошли Господи тридевять апостоловъ, чтобы поставили около меня р. б. Якова, около князя молодого (и. р.) и княгини молодые (и. р.), около всего княжева полку. И посылаетъ Господь самъ Христосъ на землю тридевять апостоловъ, Козма и Даміана Константинъ и Стефанъ (небесные), Николай чудотворецъ, Костантинъ несетъ костянъ тынъ, Козма Даміанъ мѣдные врата, Стефанъ несетъ желѣзныя вереи, небесный Николай чудотворецъ несетъ булат(ъ) вереи и становятъ весь костянъ тынъ, врата мѣдные и вереи желѣзныя отъ земли и до небесъ сколь высокъ, столь и въ сыру землю глубокъ, вѣкъ по вѣку отнынѣ и до вѣку во вѣки вѣковъ аминь.

С. Отъ опасностей въ сраженіяхъ.

7.

Молитва отъ огненнаго бою и отъ сабель и отъ копей и отъ всякаго ратнева оружія на войню идучи и отъ всякаго немѣрнаго меча.

Во имя О. и С. и св. Д. Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа буди со мною съ, р. б., (и. р.) милость божія Господа нашего Іисуса Христа, именемъ св. пророка Иліи отъ порчи и отъ стрѣлъ, и пулкя и дробь и ядро стой, не ходи ко мнѣ, р. б. (и. р.) святаго чудотворца скораго помощника и теплаго заступника Николы порча, пулька и дробь стой не ходи ко мнѣ, р. б. (и. р.) молитвами святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла отъ порчи, и стрѣла, пулька, дробь и ядро стой не ходи ко мнѣ, р. б. (и. р.).

[1]) Въ подл. хрешныхъ.

8.

Во имя О. и С. и св. Д. Господа Бога и Спаса нашего I. Хр. Иду я, р. б. (и. р.), на ратное дѣло противо ратныхъ людей и ратные тѣ люди идутъ каменьемъ меня, р. б. (и. р.), убьютъ, морскимъ пескомъ засыпаютъ, водою морскою покрываютъ, моимъ супостатомъ и моимъ недругомъ въ Чернемъ морѣ со дна ключевыя воды недоставывать, ни древа крестнаго и гвоздей и желѣза не достать и не вынимывать, тако и меня, р. б. (и р.), и мою за говорную дружину не испортити, не убити и не ранити изъ пушекъ и пищалей и санапаловъ и луковъ не убити и саблею и топоромъ ни копьемъ меня, р. б. (и. р.), ни братію мою ничѣмъ не ранити и нынѣ и пр. и во вѣки вѣк. аминь.

9.

Посла Господь Спасъ нашъ I. Хр. архангела своего Михаила защитити меня, р. б. (и. р.), со всѣми небесными силами, со всѣмъ своимъ святымъ оружіемъ и со своимъ скипетромъ меня, р. б. (и. р.), и кругъ товарищевъ моихъ ставятъ градъ каменный Вифлеемъ, въ томъ градѣ за триста соборовъ ангелъ и архангелъ и св. апостолы со всѣми небесными силами хранятъ меня, р. б. (и. р.), и тии св. отецъ. Аминь.

10.

Надѣюще сердце да написати: единъ святъ, единъ Господь I. Хр., сотворивый небо и землю да заповѣдываетъ и на херувимехъ почиваяй на престолѣ славы своея и како не могутъ зрѣти и стояти вси ангели божіи и вся твари и такъ бы не могли зрѣти и стояти противъ меня, р. б. (и. р.), и весь міръ мои други и недруги, вѣдуны и вѣдуньи, колдуны и колдуньи, еретики и еретицы и тѣ разные люди своимъ ратнымъ оружіемъ до моего вѣка. Аминь.

11.

И какъ воскресилъ Господь Богъ нашъ I. Хр. въ шесть тысящъ отъ гроба своего и сниде во адъ и растворилъ врата адскія и какъ не могли стояти противо силы небесныя сила отпадшая, такъ бы не могли стояти противъ меня, р. б. (и. р.), и нести имъ свое порченіе, ратное оружіе, пушки и пищальныя ядра и санапалныя свинцятыя и всякія дробь и кинжалы, вси бы разорились видимыя и невидимыя до моего вѣка. Аминь. (3).

12.

Какъ метелъ (?) не можетъ летѣть и тяжело упасти, такъ бы отъ тѣхъ недруговъ не могли бы порчу на меня пустить и на моихъ совѣтныхъ товарищевъ и на меня, р. б. (и. р.), до моего вѣку. Аминь (3).

13.

Святый государь Михайло архангелъ защити меня, р. б. (и. р.), своимъ златымъ щитомъ и избавь своимъ скипетромъ. Всякую порчу и стрѣлу не допущай до сего листа и до меня, р. б. (и. р.), и до моихъ совѣтныхъ товарищевъ копія и меча и сабли, топора и рогатины и всякаго ратнево оружія. Святый Михайло архангелъ, закрой, защити отъ тѣхъ ратныхъ людей и отъ того же ратнево оружія заваливай меня, р. б. (и. р.), каменною горою, поставиоколо меня градъ Вифлеемъ, въ томъ градѣ породила пресв. Владычице наше Богородица сына своего Господа Бога и Спаса нашего I. Хр. Его благослови вангелъ (sic) и архангелъ небесныя силы воеводы Михаилъ архангелъ, херувимы и серафимы, силы небесныя хранители храните меня, р. б. (и. р.), святымъ небеснымъ духомъ отъ всякія порчи и порченья и ратнево оружія, отъ всякаго приходу за сто за три тысящи поприщъ совершенія сей молитвѣ со всѣми небесными силами святыми мученики и нынѣ и пр. и во вѣки вв. аминь (3).

14.

Страсть и раскаяніе Христово побѣда всѣмъ порчамъ и людемъ вѣрныхъ и невѣрнымъ и отъ оружія пушечнымъ ядрамъ и пищальнымъ и санапалнымъ, пулкамъ и дробу и всякому ратному оружію. Аминь.

15.

— — — — — — — — — — — — [1]) отъ стрѣлы летучія и отъ всякаго желѣза кованаго и некованаго и отъ синево булату и отъ краснаго и бѣлаго и отъ укладу и отъ стрѣлы каленыя и простаго желѣза и отъ красной мѣди и синія и бѣлыя и отъ проволоки и отъ всякаго звѣря костей его и отъ всякаго древа и отъ жимолости и отъ древъ русскихъ и заморскихъ и отъ всякія птицы нерья въ лѣсѣ и въ полѣ и отъ всякаго руду (sic) человѣческаго русскаго и татарскаго и черемисскаго и литовскаго и нѣмецкаго и всѣхъ нечестивыхъ родовъ еленскихъ родовъ и враговъ и супостатовъ [2]) отстрела (?) и порчя стой не ходи до меня, р. б. (и. р.), и до моихъ совѣтныхъ товарищевъ и поди чрезъ поминаніе Господа нашего I. Христа и чрезъ терновны вѣнецъ который бысть на главѣ Господне(й) [3]) отстрела и порчи стой не ходи до меня, р. б. (и. р.), и у моихъ совѣтныхъ товарищевъ и поди стрѣла чрезъ погребеніе Господа нашего I. Хр. Господи, сохрани и соблюди и закрой и защити, р. б. (и. р.), отъ всякія притчи и порчи и болѣзни и страсти и отъ всякія пулки и стрѣлы и всемогущихъ не можетъ сокрушить служебника своего и во единомъ утвержденіи и сокрушеніи св. отецъ. Аминь.

16.

Заклинаю и заимаю я, р. б. (и. р.), словомъ живымъ, Богомъ распятымъ, крестомъ христовымъ и всѣмъ силамъ небеснымъ и всякую порчу и всякое порченье ядро и пулку и дробь и копье, рогатину и саблю и ножомъ на меня, р. б. (и. р.), не идти, не ранить и не сокрушить до моего вѣку. Аминь.

17.

Отстрела (?) и ядро и пулка и дробь и всякое ратное оружіе, стой, не ходи ко мнѣ, къ р. б. (и. р.), поди чрезъ — — —каго Бога, который сотворилъ небо и землю и все тварь.

Отстрела и пулка и ядро и дробь, стой, не ходи ко мнѣ къ, р. б. (и. р.), и къ моимъ совѣтнымъ товарищамъ чрезъ святыя, которыя сотворили волю божію отъ начала свѣта и до сего листа.

Отстрела и пулка и ядро и дробь, стой, не ходи ко мнѣ, р. б. (и. р.), поди чрезъ знаменіе Господа Бога и Спаса нашего I. Хр. и чрезъ весь день дни и чрезъ погребеніе господне Господа нашего I. Хр. иже не можетъ сокрушить и ранить меня, р. б. (и. р.), и моихъ товарищей. Аминь.

18.

Сохрани крестъ господенъ и помилуй меня, р. б. (и. р.), закрой, защити и моихъ товарищей совѣтныхъ и поди цѣлная стрѣла цѣвьемъ во древо, а перьемъ во птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, а желѣзо и свинецъ кань въ свою матерь землю отъ меня, р. б. (и. р.), и отъ моихъ совѣтныхъ товарищевъ думныхъ и дружныхъ святыхъ отецъ. Аминь, аминь, аминь. [4])

19.

Во имя О. и С. и св. Д. Есть море okiянъ, на томъ морѣ okiянѣ стоитъ столпъ желѣзный, на томъ столпѣ желѣзномъ есть желѣзенъ мужъ, подпершись своимъ желѣзнымъ посохомъ отъ земли и до небесъ отъ востока и до западу и тотъ мужъ желѣзный заимаетъ и заповѣдываетъ своимъ дѣтемъ всякому желѣзу кованому и некованому, простому и каленому и свинцу изъ пищалей и санапаловъ изъ луковъ стрѣлами стрѣляти, и поди всякое желѣзо прочь отъ меня, р. б. (и. р.), и до моего зраку и возрасту съ тѣмъ словомъ утверженымъ святыхъ отецъ. Аминь. [5])

---

[1]) Начало утрачено.

[2]) Вѣроятно заклинаніе и кончается этимъ словомъ, затѣмъ идетъ другое.

[3]) Вѣроятно начало новаго заклинанія.

[4]) Ср. Майкова В. з. № 331, гдѣ это заклинаніе подробнѣе. Обращеніе производится къ архангелу Михаилу. *Ред.*

[5]) № 19 входить, какъ и предшествующій № 18, въ составъ заклинаціи, помѣщеннаго у Майкова L. с. подъ № 331. См. также Сахарова. Сказ. Русс. нар. I стр. 23, № 18. *Ред.*

20.

Молитва и словеса Господа нашего I. Хр. утвержденіе молитвѣ. Есть море окіанъ, на томъ морѣ окіанѣ есть море желѣзное, на томъ морѣ желѣзномъ есть столпъ желѣзный, на томъ столпѣ желѣзномъ есть мужъ желѣзный, отъ востоку и до западу подпершись своимъ желѣзнымъ посохомъ заимаетъ и заповѣдываетъ своимъ дѣтямъ всякому желѣзу, булату и укладу и свинцу и каменю и мѣди и сталѣ и всякому желѣзу: Подите въ свою матерь землю отъ меня, р. б. (и. р.), и отъ моихъ заговорныхъ товарищевъ изъ рукъ, цѣвьемъ въ древо, перьемъ въ свою матерь птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, а ко мнѣ, р. б. (и. р.), не ходи во вѣки вѣковъ. Аминь. [1])

21.

Во имя О. и С. и св. Д. Есть озеро желѣзное, на томъ озерѣ желѣзномъ есть царь желѣзный и тѣмъ всѣмъ желѣзамъ отецъ и мать. Царь желѣзный, защити меня, р. б. (и. р), отъ всякаго желѣза, и порчи, и копья, и рогатины, и отъ сабли, и отъ стрѣлы, и отъ топора, и отъ ножа, и отъ меча, и отъ пищали, и отъ санапаловъ, и отъ свинчатыхъ пулекъ, и отъ приплотовъ, и отъ ядеръ камен(н)ыхъ, и желѣзныхъ и всѣхъ приплодовъ.

Господи Iисусе Хр. Сыне Божій, помилуй насъ Царь Небесный, помилуй насъ, р. б. (и. р.), и со всѣмъ совѣтнымъ товарищамъ и отъ всякія порчи повели Господи всякую стрѣлу, и ядро, и пулку, и всякое древо прочь отъ меня, р. б. (и. р.), въ свою матерь землю, а моего тѣла не вреди и моихъ совѣтныхъ товарищевъ, а я тебѣ больши брать и по земли пойду, аки вѣтръ утвержена сія молитва Духа Святого и молитвами Пресв. Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, Матери Господа и Бога и Спаса нашего I. Хр. и святыми ангелы и архангелы и св. пророковъ и всѣхъ святыхъ небесныхъ безплатныхъ молитвами заповѣдавъ всякимъ людемъ и всякимъ порчамъ и всякому ратному оружію не идти на меня, р. б. (и. р.), изрядному и ратнему оружію на меня, р. б. (и. р.), Аминь (3.).

22.

Господи благослови отче святый Михайло архангелъ, государь, защити меня, р. б. (и. р.), и моихъ совѣтныхъ товарищевъ и заговорныхъ и думныхъ дружинъ своимъ святымъ соборомъ архангельскимъ со всѣми небесными силами на сто народовъ отъ порчи, отъ всякаго ратнева оружія огненнаго, отъ возмернова и отъ вормашнова, и отъ стрѣлъ частыхъ, и отъ пушекъ, и отъ пищалей, и отъ санапаловъ, и отъ всякихъ ядеръ, и отъ всякихъ пулекъ вормашнова оружія, и отъ сабель и мечевъ, и отъ топоровъ, и отъ колотовова оружія, отъ копья, и отъ ножа, и отъ рогатины и отъ кинжаловъ. Есть святая гора Голгофа, на той горѣ Голгофѣ распятъ бысть Господь нашъ I. Хр., на крестѣ смерть вкусилъ тако и въ третій день воскресъ отъ гроба. И ранити соблюди Господь князя моего заговорныхъ товарищевъ во единомъ утверженіи святыхъ отецъ. Аминь.

Аще кто сію молитву на себѣ носитъ у живота своего, подай ему Господи душевное спасенье и тѣлесное здравіе, покори ему Господи подъ нозѣ его вся супостаты, его и не прикоснется къ нему діаволъ и сотонино мечтаніе, и не можетъ ему зло сотворити очи и за очи до скончанія живота его утверженіе порчамъ стрѣла и пулка и ядро до небеси не укуси мя брата своего, р. б. (и. р.), и заговорныхъ дружинъ и нынѣ и пр. и во в. в. Аминь.

23.

Святый Михайло архангелъ, сниди съ небеси своимъ златымъ скипетромъ и щитомъ защити меня, р. б., (и. р.), и моихъ заговорныхъ товарищевъ отъ порчи, отъ мечу, и отъ сабли, и отъ копей и отъ рогатинъ, и отъ топоровъ и отъ кинжаловъ и отъ ратнева всякаго оружія воинскаго, и отъ стрѣлъ, и отъ колотовова и отъ ядеръ и отъ всѣхъ нечестивыхъ родовъ защити меня, р. б., (и. р.). Святой государь Тихонъ, утиши всякой порчи — — — немир— — — ратное всякое вражье оружіе.

Святой государь, помилуй насъ государь мину всякія порчи стрѣлу, ядро и пулку и дробь и меня, р. б. (и. р.), и отъ моихъ заговорныхъ товарищевъ отведи прочь святой государь Лука евангелистъ за руки схвати у моихъ недруговъ и не давай меня р. б. (и. р.)

---

[1]) Ср. Майковъ в. с. № 331. Сахаровъ. Сказ. Русс. нар. I. стр. 22, № 18. *Ред.*

и моихъ заговорныхъ дружекъ испортити, святый государь Іоаннъ евангелистъ, св. Лука ев., св. Маркъ ев., св. Матвѣй ев., сохраните и соблюдите меня, р. б. (и. р.) и мою заговорную дружину своимъ скипетромъ отъ порчи, отъ меча, и отъ сабель, и отъ копей, и отъ рогатинъ, и отъ топоровъ, и отъ ножовъ, и отъ кинжаловъ, и отъ всякаго ратняго оружія, отъ стрѣлъ, и отъ ядеръ, и отъ дробу, и отъ пулекъ свинчатыхъ, и отъ каменныхъ и отъ всякаго дерева, и отъ древянаго удара, и отъ всякаго звѣря костей и отъ всякаго звѣря костей, и отъ всякаго плоду древянаго и отъ жимолости до моего вѣку. Аминь.

24.

Во имя О. и С. и св. Д. Господа Бога и Спаса нашего І. Хр., именемъ пресв. Богородицы и присно Дѣвы Маріи, моленіемъ св. пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна и моленіемъ св. ангелъ и архангелъ Михаила и Гавріила и моленіемъ св. небесныхъ силъ безплотныхъ, хирувимовъ и серафимовъ и всѣхъ ангельскихъ и архангельскихъ ликъ и св. чудотворецъ моленіемъ и св. апостолъ Петра и Павла и св. митрополитовъ московскихъ Петра, Алексѣя, Іоны и всея Россіи новыхъ чудотворецъ и моленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами соблюди Господи и помилуй меня, р. б. (и. р.), и моихъ совѣтныхъ товарищевъ помилуй защити и закрой отъ порчи и отъ порченія, отъ стрѣлы летящіе и отъ пулки и отъ всякаго желѣза кованаго и своимъ ратнымъ орудіемъ супостат(а) други и недруги въ очи и за очи кто портитъ истрѣляетъ въ сію молитву и въ меня, р. б. (и. р.), да не могутъ устояти противъ меня, р. б. (и. р.), мои други и недруги. Аминь [1]).

25.

Именемъ Господа нашего І. Хр. иже и меня, р. б. (и. р.), и моихъ товарищевъ никто же не можетъ испортити и сокрушити и ранити и соблюди Господи воинъ моихъ заговорныхъ товарищевъ во единомъ совершеніи святыхъ о(тецъ) отъ всякаго порченья желѣза кованаго и некованаго и укладу и булату и отъ хрустали и отъ мѣди красныя и зеленыя и отъ проволоки и отъ свинцу и отъ всякаго звѣря костей и отъ жимолости и отъ всякаго древа и отъ всѣхъ стрѣлъ крестъ Господень побѣда діаволомъ и непріязненнымъ людемъ отъ меня, р. б. (и. р.), крестъ и церковная красота явленіе съ небеси царю Константину побѣди враговъ его тако и меня, р. б. (и. р.), явися креста неложно побѣди враговъ моихъ и всякому ихъ порченію не будетъ нахожденія пулькѣ и ядру и дробе и стрѣлъ до меня, р. б. (и. р.), всякому безвѣрному дыханію.

Молитва отстрела на рять идучи носить ея на себѣ по всякъ день и кто сію молитву носитъ въ чистотѣ и тому человѣку никоторое надъ нимъ нечистыя непріязненныя силы не будетъ и не учинятъ ничего и раны его не возьмутъ и не будетъ дожденія порчамъ и ядрамъ и пулькамъ и дробу и стрѣламъ и всякому ратнему оружію до сего листа во вѣки вѣковъ. Аминь. (3).

26.

Господи благослови отче мене меншій мой братъ есть самъ еси оловянъ а сердце мое вощаное, ноги твои каменныя отъ земли и до небеси (sic) меня р. б. (и. р.) и не укуси меня аки песъ, оба есть окоянныи отъ земми (sic) усмотрю тя брата своего очима своими тогда убоится сердце отъ смотренная (sic) моего ты буди вощанъ (sic), во вѣки вѣковъ. Аминь.—[2]).

D. Для умилостивленія судей и злого человѣка.

27.

Встану я, р. б. (и. р.), утромъ рано благословясь и перекрестясь, умоюсь чистою ключевою водою и утрусь чистымъ бѣлымъ полотенцемъ, помолюсь я самому Господу и пресвятой Богородицѣ, пойду, р. б., изъ избы въ широкія сѣни, изъ сѣней въ ворота, изъ

[1]) Ср. А. Н. Минхъ: Нар. обычаи, суевѣрія, предразсудки крестьянъ Саратовской губ. (СПБ. 1890) стр. 84, 85. Въ заговорахъ № 23 и 24 обращеніе производится къ тѣмъ-же святымъ, какъ и въ заговорѣ, помѣщенномъ въ трудѣ г. Минха. *Ред.*

[2]) Эти 26 заклинаній списаны съ рукописи, принадлежавшей крестьянину Корбангской волости Кадниковскаго уѣзда. Заговоръ № 26 представляетъ собой незначительный варіантъ заговора, помѣщеннаго у г. Майкова (L. c.) подъ № 336. *Ред.*

воротъ на широкую улицу и въ чистое поле подъ чистое небо, подъ красное солнце подъ свѣтлый мѣсяцъ и частыя звѣзды и возстанутъ передо мной воины и воеводы меня судити и казнію меня угрожати, до меня готовы были казнить, а при мнѣ даромъ дарить, безъ меня волки, а при мнѣ овцы, вѣкъ по вѣки отнынѣ и до вѣка во вѣки вѣковъ. Аминь.—Затѣмъ еще трижды: помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его.

Примѣч. Это заговоръ, такъ назыв. „подходомъ“, произносится когда идутъ къ человѣку, который за что-либо сердитъ, или же къ судьямъ. — (*Вологод. у. Архангельской вол.*).

28.

E. Отъ укушенія змѣи.

Змія, у тебя слюна въ ротѣ и у меня въ ротѣ, у меня слюна въ ротѣ, а у тебя въ морѣ. Вѣкъ по вѣкъ отнынѣ и до вѣки и во вѣки вѣковъ. Аминь. (Трижды. Каждый разъ плюнуть и помазать ужаленное мѣсто). (*Архангельской вол. Вологодскаго у.*).

F. Для богатства семьи.

29.

Наша изба о четыре угла, во всякомъ углу по ангелю стоитъ. Самъ Христосъ среди полу стоитъ, со крестомъ стоитъ, крестомъ градитъ, хлѣбъ и соль, скотъ и животъ и всю нашу семью. (*Двиницкой вол. Кадников. у.*)

G. Отъ дьявола.

30.

Ангель мой, хранитель мой, сохрани душу мою, скрѣпи сердце мое. Врагъ-сатана, поди прочь отъ меня, отъ Духу Святого, на мнѣ печать Христова, Спасова рука, Богородицынъ крестъ. Во градѣ Христовѣ три листа написаны: Маркъ, да Лука, да Микита мученикъ за насъ муку мучитъ, за царя Бога молитъ, за насъ за грѣшныхъ молитву творитъ, Христа величаетъ. (*Тоже*).

H. Для удачной охоты.

31.

Во имя Отца, Сына и св. Духа. Благослови меня, Господи, словеса говорить отъ земли до небеси, отъ востока до западу. Встану я, р. б. (и. р.), благословясь и перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ отвода, въ заворы, въ чистыя поля, въ зеленые луга, подъ солнечны лучи, подъ золоты кресты, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнышко. На красное солнышко, на золоты кресты, на свѣтлый мѣсяцъ лихіе люди глазомъ не оглядятъ, словомъ не оговорятъ, думой не подумаютъ и мыслямъ не помыслятъ: также на меня, р. б. (и. р.), глазомъ бы не оглядѣли, словомъ бы не оговорили, думой бы не подумали и мыслями бы не помыслили. И пойду я, р. б., въ чистое поле, въ широкое раздолье и погляжу я, р. б., на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ златая гора; на той на златой горѣ сидитъ старъ-матёръ человѣкъ сѣдатъ, бородатъ. - Старъ-матёръ человѣкъ, сѣдатъ, бородатъ! Я пришелъ къ тебѣ, р. б., помолиться и поклониться тебѣ: наставь меня на путь на дорогу, оборони меня сзади и спереди отъ всѣхъ злыхъ лихихъ людей, отъ киженниковъ, отъ постриженниковъ, отъ лихихъ порченниковъ, отъ вороговъ, отъ ворожей, отъ колдуновъ и колдуньей, отъ всѣхъ злыхъ лихихъ людей! Ну, и позаганивай ты мнѣ птицы небесныя: тетеревей, тетерокъ, рябей, рябушекъ, бѣлыхъ куропатокъ, заморскихъ зайцевъ. Тетереви, тетерки, рябы, рябушки, бѣлыя куропатки, заморскіе зайцы! Теките и бѣгите, какъ течетъ рѣка Волга и рѣка Которосль: она течетъ безъ умолку, безъ перемолку, денно и нощно ко мнѣ въ манепты, безъ повороту, безъ попяту, каждый часъ, каждую минуту, двадцать четыре часа. Въ моихъ манентахъ нѣтъ ни духу ни нюху. Аминь! тьфу!

Задносельской вол. Кадниковскаго у.
(*Записанъ А. Е. Мерцаловымъ*).

32.

Заговоръ охотника отъ злого человѣка.

Встану я, р. б. (н. р.), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, во чистое поле, за овраги темные, во лѣса во дремучіе, на тихія болота, на веретища, на горы высокія. Буду я въ лѣсахъ добраго звѣря бить: бѣлку, куницу, зайца, лисицу, полевиковъ и рябей, волковъ и медвѣдей. На синихъ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ буду я бить: гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. Кто злой человѣкъ на меня, р. б. (н. р.), поиметъ злобу, тому бы злому человѣку съ берега синя моря песокъ вызобать [1]), изъ синя моря воду выпить, въ лѣсу лѣсъ перечесть и сучье и еловое и осиновое и ячменную мякину въ глазахъ износить, дресвянный камень зубами перегрызть. Никому моего промысла не оговорить и не озавидовать. Какъ Божія милость [2]) возстаетъ въ бурѣ и въ падерѣ [3]), ломитъ темные лѣса, сухіе и сырые коренья, вотъ такъ бы у того лихого злого человѣка сердце, кости и суставы бы ломило. И какъ по Божьей милости громъ гремитъ и стрѣла летаетъ за дьяволомъ, такъ бы такая же стрѣла пала на злого человѣка. Будьте мои слова и крѣпки и мѣтки. Аминь, аминь, аминь.

(Въ Вологод. губерн. Вѣдом. напечатанъ въ формѣ пѣсни).

33.

J. Отъ порѣза.

Во имя О. и С. и Св. Д. ам. Дернъ дернѣетъ, земля твердѣетъ, отъ дерна и земли и камня нѣтъ ни крови, ни руды, ни щипоты и ни ломоты и ни болѣзни, тожъ и у раба божія (и. р.) не было бы ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни изъ 70-ти суставовъ и изъ 3-хъ суставовъ, становыхъ костей, изъ-подъ пятныхъ жилъ. Аминь царю небесному. (Читается 9 разъ).

---

b) Примѣты.

Если въ день имянинъ неудачно испекутся пироги, то имянинникъ умретъ въ томъже году.

Если упадетъ со стола ножъ—къ гостю, а ложка—къ гостьѣ.

Если скатерть накрыта лѣвой стороной кверху «ѣсть не наѣстись».

Когда услышишь въ первый разъ кукованье кукушки, то будешь богатъ весь годъ, если въ то время была въ карманѣ хоть какая нибудь монета. Если слышишь кукушку вправо отъ себя — жить благополучно и богато, а влѣво, то несчастливо, а если всочъ (въ лицо), то много лѣтъ здравствовать, а если взадѣ (позади себя), то скоро умрешь. Когда кукушка закукуетъ, загадываютъ: сколько разъ она крикнетъ, столько еще лѣтъ проживешь.

Если послѣ метенія пола остались отъ вѣника листья, это признакъ того, что будутъ гости.

Если дѣвушка не чисто вымела полъ—у нея будетъ „корявый" мужъ.

Если во время метенія пола обмести ноги парня, то его не будутъ любить дѣвки, или ему не найти невѣсты, «невѣста будетъ объѣзжать».

Уголья скачутъ изъ печи—передъ гостями; челошаетъ (т. е. горитъ сажа надъ устьемъ печи)—передъ гостемъ.

Когда вынимаютъ пироги изъ печи и пирогъ перевернется—къ прибылому.

Прощаться или здороваться черезъ порогъ—поссориться.

Когда человѣкъ выходитъ изъ избы и его колонутъ (хлопнутъ) по спинѣ рукой, хотя бы и нечаянно—счастья ему не будетъ.

Если немытыми руками брать хлѣбъ, будутъ «изжоги».

Если обтирать руки о скатерть, то на пальцахъ будутъ заусенцы или сойдетъ съ долони кожа.

Въ огонь плевать — пузырь на языкѣ вскочитъ; также если дунуть на свѣчку (а надо загасить ее пальцами).

---

[1]) Забать—жевать что либо сыпучее.
[2]) Божія милость—гроза.
[3]) Падера—вихрь.

Если поперекъ дороги перебѣжитъ заяцъ — ждетъ полная неудача, даже лучше воротиться. Тоже дурной признакъ встрѣтить попа, дѣвку или кошку, а собаку или нищаго—хорошій; если у нищаго полная корзина—еще лучше.

Если курица поетъ пѣтухомъ — предвѣстіе несчастія; ее надо скорѣе заколоть. Если пѣтухъ поетъ не во время—дурной признакъ.

Если въ Рождество за обѣдомъ не напиться воды (т. е. воздержаться отъ питья) то все лѣто не будетъ мучить жажда.

Языкъ свербитъ (чешется)—съ «витрянымъ» говорить; кокова (кончикъ носа) чешется—къ покойнику, переносье — слышать о покойникѣ; усъ чешется—либо гостинцы ѣсть, либо чирью сѣсть. Задняя часть чешется—масло дешево будетъ; ладонь—получать деньги; у рукъ запястья чешутся или глаза—плакать; подъ правымъ колѣнкомъ чешется—любая (т. е. желанная) дорога, а подъ лѣвымъ—нелюбая. Бровь чешется—съ милымъ раскланиваться; правая бровь чешется—гдѣ нибудь тебя хвалятъ, а лѣвая—хулятъ.

Когда отправляются куда нибудь въ путь, нехорошо если печь открыта; если печь въ это время топится, то ставятъ въ устье лучинку, какъ бы закрывая ее.

Сопли пришли — разумки придутъ, говоритъ мать; т. е. когда у младенца показались первыя сопли, это признакъ того, что пробуждаются мыслительныя способности.

Руки дрожатъ—воръ.

Руки холодныя—сердце горячее.

Ѣсть въ потемкахъ—дѣти воры будутъ.

Не пей нападкой — подтолкнетъ чортъ лопаткой. (Нападкой — ставши на колѣни или легши на животъ).

Ножикъ тупъ—хозяинъ глупъ; скатерка черна—хозяюшка глупа.

«Вихти (стельки) изъ сапогъ нельзя вытрясать на такомъ мѣстѣ, гдѣ ходятъ; кто перешагнетъ — у того будетъ насмока. Отлишить отъ себя насмоку можно обманомъ. Придешь къ кому и спросишь: чего съ озера возишь? а иной сглупа и скажетъ: осоку.—Такъ вотъ на мою насмоку, высморкаешься и кинешь въ него сопли, или можно потихоньку намазать сопли на скобу (дверную) сусѣду: кто возьмется за скобу, къ тому перейдетъ вся насмока».

«У счастливаго волосъ, у несчастнаго—ноготь», т. е. у кого быстро растутъ волосы—человѣкъ счастливый, а у кого ногти—несчастный.

Помело въ печкѣ не жгутъ, чтобы подъ (т. е. печной полъ) дольше стоялъ.

Черемуху не жгутъ въ печи, чтобы росли ягоды, а если рябиновая вица или батогъ попадутъ въ яму, гдѣ тушатъ уголье—не затушить ямы, все уголье исшаетъ.

На ногтяхъ бѣлыя полоски—къ обновѣ; заусеницы на пальцахъ—передъ горемъ.

Сажа въ кулакъ врѣзалась—не передъ добромъ.

«У кого вошка, у того и денежка»; «что вошь—то грошъ, что гнида—то гривна».

Чтобы приворожить жениха, надо покормить его съ заслонки; также и пѣтуха и при этомъ говорятъ: какъ бы эта заслонка держалась своего устья, такъ бы и пѣтухъ держался своего дому.

„О святкахъ не мотаютъ вечеромъ нитокъ, чтобы рожь не смоталась.

Скакать на доскѣ послѣ Троицы - овесъ примнешь.

Вытрясать скатерть за окно до Вознесенья — Христа ушибешь; плевать за окно—въ него попадешь".

Когда рожь цвѣтетъ—въ свистульки не свищутъ, а то зерно не можетъ наливаться.

„Если народится много жеребятъ - травы будутъ худы и зимой сѣно будетъ дорого.

Птичка синюшка прилетаетъ за 12 дней до пашни; она и поетъ: ори, бороии, ори, борони.

Въ заговѣнье напрядено—мыши съѣдятъ. (Потому, что жирными руками).

Волденка (волнушка) раньше рыжика стала расти—не жди грибовъ. Если пошелъ крупный и прямой дождь—грибы пойдутъ расти (грибовый дождь).

Если во время святокъ погода стоитъ пасмурная, снѣжная, то и во время сѣнокоса будетъ дождливая, сырая и хлѣба худы, и наоборотъ.

Если ночь на рождество звѣздная, такая же на Новый годъ и на Крещенье, то лѣтомъ будетъ много ягодъ и грибовъ и горохи хорошіе.

Если съ утра дождь—до полдня дождь, съ полдня дождь—весь день дождь. Если солнце закатывается безоблачно, день будетъ назавтра ясный, если въ тучѣ — дождливый. Крутая радуга — къ ведру, пологая — къ сильному продолжительному дождю. Пузыри на лужахъ послѣ дождя—къ пущему дождю, или «бабочки выскакиваютъ» [1])—тоже къ сильному дождю".

---

[1]) Бабочки—водяные столбики, выскакивающіе изъ водной поверхности вслѣдъ за паденіемъ на эту поверхность крупной капли дождя.

Куры, вороны, галки ощипываются—къ дождю; куры и воробьи купаются въ пыли—передъ дождемъ; кошка свертывается клубкомъ передъ ненастьемъ; камни отпачиваютъ — передъ дождемъ. Звукъ церковнаго колокола въ вечернее время бываетъ яснѣе или слышнѣе—передъ хорошей погодой. Если въ лѣтнее время вечеромъ крикнуть въ полѣ и происходитъ эхо, то слѣдующій день будетъ хорошій. «Вода воды ждетъ», т. е. если роса велика, то будетъ дождь. Блохи кусаютъ — передъ дождемъ; вши заходятъ — тоже, мухи становятся особенно назойливы—тоже.

Мѣсяцъ въ кругу — къ холодной погодѣ; кругъ около солнца, а въ особенности свѣтовой снопъ надъ солнцемъ при закатѣ—къ сильнымъ морозамъ.

Если въ день 40 мучениковъ — морозное утро, то весной будутъ еще 40 утренниковъ. „Если Благовѣщенье—день ясный, то все лѣто будетъ красное".

Если лѣтомъ паритъ въ воздухѣ, какъ въ банѣ (особенно послѣ дождя)—передъ грозой. Ворона ходитъ разинувъ ротъ и усиленно каркаетъ—тоже. Зорница — хлѣбъ зоритъ, т. е. онъ выспѣваетъ.

Когда прилетѣли грачи—весна недалеко; прилетѣли жаворонки—скоро наступитъ тепло. Если журавли прилетѣли, когда еще рѣки не вскрылись—быть протяжной веснѣ. Крикъ чаекъ означаетъ, что рѣка не сегодня - завтра вскроется.

Когда прилетятъ гуси и ласточки—весна установилась. Первый громъ весной — устанавливаетъ тепло. Если первый разъ гремитъ въ ночи—быть лѣту грозному, а на полдень—звѣриному.

Если гуси и лебеди отлетаютъ рано - быть скорой и прочной зимѣ.

На Благовѣщенье утренникъ—40 утрениковъ впереди, а если весной ихъ не будетъ, то отстоятъ лѣтомъ («отзимокъ» въ іюнѣ).

Если весна холодная—осень будетъ тепла, потому и поговорка: «сѣешь въ шубѣ, - жнешь въ рубахѣ». Весна дождливая и протяжная, осень такая же, и наоборотъ.

Примѣты наружныхъ чертъ человѣка: уроды (горбатые, хромые, косые) всегда злы. Красивые собой—глупы. Долговязый человѣкъ никогда не бываетъ уменъ, а если при этомъ еще головка «кочешкомъ» (т. е. несоотвѣтственно мала)—дуракъ. Длинная шея и длинные пальцы рукъ тоже не говорятъ въ пользу ума; большой носъ, напротивъ, указываетъ, что и умъ не маленькій; голова «горбушкой»—крайняя ограниченность; большая голова—признакъ ума (но не безусловно); человѣкъ небольшаго роста и съ маленькой головой— «своего добьется» (энергичный). Сѣрые глаза — умный человѣкъ, желтые—злой, голубые — добрый, очень голубые—глупый; каріе—непостоянный, фальшивый, сладострастный, черные — душа темная, вѣрить такому человѣку нельзя, сближаться съ нимъ—опасно.

c) *Апокрифическое сказаніе о концѣ міра.*

Чюдная царица Богородице, услыши молитвы рабовъ своихъ, избавь, слободи муки превѣчныя, не лиши Ты насъ царства небеснаго.—Пора, человѣче, воспокаяться на истинный путь возвратитися; примите попа, отца духовнаго. Уйди въ пустыню во предальнюю, постригися въ ризу во черную, поскимся въ скиму спасеную, въ скиму во три креста, молися Спасу и Пречистей Пресвятей Божіей Матери Богородицѣ, да чтобы намъ во вѣки не мучитися.—Вы, глупые человѣче неразумные, не то сойди во пустыню во дальную, не то затворися въ килію во темную, не то постригися въ ризу во черную, не то поскимся въ скиму спасеную. Затвори свое сердце въ бѣломъ тѣлѣ, постриги свое сердце любовію, поскимъ свое сердце всекротостію, буди, человѣче, смиренъ и кротокъ и милостивъ. Востань, человѣче, во полунощи, пролей слезы горькое рыданіе, да чтобы намъ во вѣки не мучитися; и долго намъ жить, да умереть будетъ. И торги купечество минуются, имѣніе богачество останется, да умъ въ головѣ ужъ помѣшается; злато серебро да не по(ло)жать съ тобой; златомъ серебромъ отъ смерти не отсыпаться, слезами отъ смерти не отплакаться, дружіями, братьями отъ смерти не защитомъ быти. Земля ты земля, мать сыроматерая, а всякому человѣку земля отецъ-мать и гробы колоды бѣлодубовыя, а всякому человѣку домы привѣчные каменье суседи приближные и черви чрячи (?) не усыпаемые, а всякому человѣку встрѣча первая и первая встрѣча на второмъ суду, когда народится на землю судія неправедная, неправедный судія да злой антихристъ врагъ, а станетъ судить онъ все неправдою; онъ много на землѣ христіанъ побождати станетъ, велитъ онъ старцамъ растригатися, велитъ онъ старцамъ поженитися. Антихристу врагу Господь и не потерпитъ, сошлетъ онъ на землю двухъ святыхъ пророкъ: Илію пророка да Иноха, да станутъ пророчити: не сдавайтеся, рабы Божіи, антію-Христу, антихристъ-врагу, сотонѣ и діаволу; его будетъ животъ недолгой, а царствовати ему будетъ не во вѣки, жить ему будетъ на тридцать лѣтъ, а тридцать лѣтъ

превратитъ Господь за три года, а три года пройдутъ за три мѣсяца, а три мѣсяца пройдутъ за три дни, а три дни пройдутъ за три часа, а три часа пройдутъ за единый часъ, а часъ пройдетъ за минутою, а минута пройдетъ какъ окомъ мигнуть. Антихристъ-врагъ на Илію пророка осердится, попретъ онъ копіемъ ребра и заколетъ меж(д)у олтаремъ меж(д)у и це(р)ковью. Илія пророкъ тутъ да убитъ и со Инохомъ. Отъ тые отъ крови отъ пророческія загорится земля сыроматерная и выгоритъ земля на тридевять локоть да три тысящи. Потянутъ вѣтры всесильные отъ востоку солнца и до западу и вздуетъ пепелъ по край земли, очистится земля аки бывъ харатья абы въ де (?) бумага хлобчатая абы вде вдова пренепорочная а столь де бѣла, какъ искони была. Сошлетъ Господь на землю двухъ святыхъ ангеловъ осмотрѣти матерь сыру землю. Придутъ ко Христу сами. поклонятся: ты царствуй во вѣки Судія праведный. Ты праведный Судія Самъ Іисусъ Христосъ. Очистилась земля аки бывъ харатья абывде бумага клопчатая абы вде дѣвица чистая, абывде вдовица пренепорочная, а столь де бѣла, какъ искони была. Пошлетъ Господь на землю тысящу ангеловъ построить святой престолъ посреди земли, на коемъ мѣстѣ претерпѣвъ Господь вольное распятіе, построитъ Господь святой престолъ на томъ мѣстѣ. Снесутъ на землю чуденъ крестъ, положатъ крестъ на святой престолъ, сойдетъ на землю судія праведный, а праведный судія самъ Іисусъ Христосъ, а станетъ судить онъ все правдою и книги евангелія разогнутся и царскія двери отверзятся, наши грѣшныя дѣла да открываются, мертвые во гробахъ готовятся на второй судъ на пришествіе, на второй судъ лиши (?) пришевъ ко Христу, а праведницы стоятъ одесную страну, а грѣшницы стоятъ на ошую страну, а праведницы стоятъ яко свѣтелъ мѣсяцъ свѣтитъ отъ лицъ отъ ихъ аки луна печетъ да солнце красное и грѣшницы стоятъ кабы темная ночка осеная. Возвратится Господь ко всѣмъ праведникомъ: аминь, аминь глаголю вамъ; вы подте мои люди праведные, да вы подте мои люди скимницы, да вы подте мои люди пустыницы, вы подте мои христолюбимицы, вы подте ко мнѣ во прекрасный рай; прекрасный рай вамъ радуется, вамъ райская пища готовится. Припадутъ грѣшные ко сырой землѣ, восплачутъ всѣ люди грѣшные. Ты царствуй во вѣки судія праведный, а праведный судія самъ Іисусъ Христосъ. Прими наши слезы горькое рыданіе, избавь, слободи муки превѣчныя, не лиши ты насъ царства небеснаго, да чтобы намъ во вѣки не мучитися!—Возвратится Господь ко всѣмъ грѣшникамъ: аминь, аминь, да я глаголю вамъ: да вы подте прочь, люди проклятые, вы подте прочь люди беззако(н)ные, вы подте въ муку въ превѣчную, муку въ безконечную. Возвратятся грѣшные во вестошную страну, припадутъ грѣшные ко сырой землѣ, восплачутъ всѣ люди грѣшные: ты свѣтъ наша мати прекрасный рай, госпоже пресвятая Богородице, избавь, свободи муки превѣчныя, не лиши ты насъ царства небснаго, да чтобы намъ во вѣки не мучитися. Возглаголуетъ мати прекрасный рай, госпоже пресвятая Богородице: аминь глаголю вамъ: вы подте прочь люди проклятые, вы подте прочь люди беззакон(н)ые, когда вы прогнѣвали судію праведную, а праведную судію да самого Христа. А будто вы малы не родились, вы Господу Богу не молились, не знали вы не середы не пятницы, не свѣтлаго Христова воскрешенія, не любили вы, прокляты, другъ друга, вы братъ брата ненавидѣли; вы подте въ муку въ превѣчную, а превѣчную муку въ безконечную; вамъ вѣкъ со бѣсамъ будетъ мучитися, что будетъ татями, ворами, разбойниками, прелюбодѣямъ, чародѣямъ, табашникамъ и горькая мука въ кромѣшномъ аду, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное, чернокнишцомъ, еретикамъ, богоотступникамъ—имъ горькая мука во кромѣшномъ аду, клеветникомъ, двоязычникомъ—они будутъ за языцы на крюки повѣшены, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное; дѣвицамъ, вдовицамъ, отроковицамъ, блудницамъ, травами, кореньямъ плоды замиривали, имъ будутъ топиться печи мѣдныя, заслоны будутъ желѣзные, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное; плясунамъ, скоморохамъ, гудошникамъ, имъ горькія дмы (?) во кромешномъ аду, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное. Попами (ъ?), дьяконами, блазнителями не вдостой литургію Божію служили, они будутъ за языцы на крюки повѣшены, то имъ будетъ мука вѣчная, житіе будетъ безконечное. Да славенъ Богъ и прославится да чюдная царица Богородица.

(Копія съ старинной рукописной книжки. Въ концѣ надпись: „Кадниковской округи Васьяновской волости“. А на оборотѣ: Сія книжка Андрея Илина Григорьева его собственная никому бы ни внимаца).

д) *О почитаніи пятницъ* [1] *большихъ въ году.*

1. На первой недѣлѣ поста великаго. Кто сію пятницу почитаетъ (постится) тотъ человѣкъ отъ бѣды сохраненъ будетъ.

[1] По двумъ спискамъ. Разница одного списка отъ другого указывается въ скобкахъ.

2. Предъ Благовѣщеніемъ. Кто и т. д., тотъ человѣкъ отъ діавола скареднаго (убійства) сохраненъ будетъ.

3. На страстной недѣлѣ. Кто и т. д., тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ (муки вѣчной избавленъ) будетъ.

4. Предъ Вознесеніемъ Господнимъ. Кто..., отъ потопленія (воднаго) сохраненъ (избавленъ) будетъ.

5. Предъ Духовымъ днемъ. Кто..., отъ востраго меча сохраненъ (избавленъ) будетъ.

6. Предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи. Кто..., отъ скудости (недостатку и скудости) сохраненъ будетъ.

7. Предъ Иліею пророка. Кто..., муки вѣчной (огня и меча) избавленъ будетъ.

8. Предъ Успеніемъ пресв. Богородицы. Кто..., отъ всякаго смущенія (отъ веснухи) избавленъ будетъ.

9. Предъ Кузьмою Даміаномъ. Кто..., отъ зле (?) нападенія сохраненъ (отъ всякаго грѣха избавленъ) будетъ.

10. Предъ Михаиломъ архангеломъ. Кто..., того человѣка имя написано будетъ у Пресв. Богородицы (отъ падучея болѣзни избавленъ будетъ).

11. Предъ Рождествомъ Христовымъ. Кто..., при смерти своей Пресв. Богородицу узритъ.

12. Предъ Крещеніемъ. Кто..., того человѣка имя написано будетъ у самого Господа нашего Іисуса Христа во вѣки аминь (написано будетъ въ книгѣ животной) [1].

---

[1]) Помѣщенный списокъ отличается отъ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ списковъ. Такъ, напр., въ трудѣ *А. Н. Минха: Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губ.* за почитаніе 1-й пятницы „человѣкъ незапною смертію не умретъ", за почитаніе 2-й „отъ непріятеля сохраненъ будетъ"; 3-й—„отъ воровъ сохраненъ будетъ", 7-й—„отъ убіенія громомъ сохраненъ будетъ", 8-й—„отъ сушенія трясовицею сохраненъ будетъ", 9-й—„отъ смертнаго грѣха избавленъ будетъ". У *Драгоманова: Мал. Нар. Преданія. Святыя пятницы.* За почитаніе 1-й пятницы „убогим чоловік не буде". „передъ Велико днем; за сюю пъятницю від наглоі смерти заховается"; Передъ Вознесеніемъ—„не буде смутку мати". Передъ Духовымъ днемъ „в воді не утоне" „Перед Петром і Павлом – за сюю п. від нопасти заховается". „Передъ Спасомъ"—„въ гріхах смертельнихъ не умре". „Передъ першою Пречистою"—увидитъ передъ смертью Пресв. Богородицу. „Передъ другою Пречистою"—„від злих людей заховается" „Передъ Честним Хрестомъ„—„не буде муки мати". „Передъ Михайлом"—„від усякого гріха заховается". „Перед третею Пречистою"—„в книгу небесну записанний буде". „Перед Різдвом"—„Господь візьме душу его до царства небесного". (Подольск. губ.). Далѣе *во II т. Зап. Югозап. Отд. Им. Р. Г. О.* (стр. 116—118), мы находимъ слѣдующія повѣрія о почитаніи пятницъ. „Первая... послі сирноі неділі жени Хведоровой... той человікъ (т. е. поч
тающій эту пятницу „постами и молитвою") од скверности, од болізности сохраненъ вуон буде". 2-я
редъ Благовѣщеніемъ—„од смерти од ненадежноі сохранен вуон буде"; 3-я—„проти тридневнаго пресв
Воскресенія" — од осужденія, од нареченія сохранен вуон буде"; 4-я—передъ Вознесеніемъ—„од сум
сохранен вуон буде"; 5-я—передъ Духовымъ днемъ—„од води, од потопу сохранен вуон буде"
редъ Ильинымъ днемъ „од огню громоваго сохранен вуон буде". 7-я — передъ Успеніемъ—„од
трясовоі сохранен вуон буде"; 8-я передъ Усѣкновеніемъ главы Іоанна Предтечи — „од ме
сохранен в. б."; 9-я передъ Косьмой и Даміаномъ—„при путі при дорозі с. в. б.", 10-я пере
Арх.—„од звіра яденого с. в. б."; 11-я—передъ Рождествомъ Хр.—„од напасти, од нахо
12-я передъ Богоявленіемъ—„од вітра, од лютих морозів с. в. б." *Н. А. Янчукъ* въ своей
губ. (въ *Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи вып. I, въ IX О. Л. Е. А. и Э.*) приводитъ слѣдующій перечень пятницъ, почитаемыхъ бѣлоруссам
той, т. н. „градовая" иначе „ледоватый день", чтобы лѣтомъ поля не были побиты
ства Хр., 3) на масляницѣ, 4) послѣ Троицина дня т. н. „семуха", 5) пятница на
т. н. „дзесятуха"—почитающіе эту пятницу спасаютъ отъ града свои поля (стр
авторъ приводитъ перечень почитаемыхъ пятницъ, съ апокрифической рукопи
отличается отъ приводимаго г. Иваницкимъ: вотъ онъ—1) 6-го марта 2)
Страстной недѣлѣ 4) пер. Вознесеніемъ, 5) передъ Пятидесятницей, 6) пе
Успеніемъ, 8) передъ Усѣкновеніемъ главы Іоанна Предтечи, 9) перед
Михаила Арх. 11) передъ Рождествомъ Хр. 12) по Рождествѣ. Рукоп
лучатъ почитающіе каждую изъ указанныхъ пятницъ; она сообщает
сленныя пятницы) постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ
стыню творити убогимъ. А отъ плотскихъ похотей грѣховныхъ
зачнется, не здравъ бываетъ: любо хромъ, любо слѣпъ, или ин
никъ, злу начальникъ" (стр. 197). О почитаніи пятницъ см.
тературы II; 2) *Православ. Собесѣдникъ.* 1859 г. кн. 2; 3)
Исторія русской словесности, ч. I; 5) *Кіевская Старина.*
апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ; (также отдѣльно

e) *О почитаніи недѣли* [1]).

(Лицевая сторона).

Письмо найденное чуднымъ образомъ Господа Нашего Іисуса Христа, писанное собственною Рукою золотыми литерами на Еврейскомъ языкѣ, и оное было найдено отъ Лобнаго мѣста въ двѣнадцати поприщахъ съ изображеніемъ Его Креста. Письмо сіе было истолковано семилѣтнимъ отрокомъ, который до того времени ничего не говорилъ. Вотъ содержаніе онаго: чтите святые воскресные дни дѣлами благочестія, если же будете исполнять, то избѣжите Моего проклятія и получите ваше Воскресеніе. Для отдохновенія и для присутствія при службѣ Божіей въ праздничные и воскресные дни, вспомоществуйте бѣднымъ отъ трудовъ вашихъ, если же вы будете исполнять и сіе правило, то ваши поля и дома наполнены будутъ Благословенія, если же напротивъ того то вы будете прокляты Мною и будете имѣть язву и гладъ и жестокое душевное страданіе и волненіе, въ ознаменованіе Моего гнѣва и должны поститься пять пятницъ и читать пять разъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!“ и „Богородице Дѣво радуйся“, вспоминая мои страсти и то, что Я претерпѣлъ на древѣ крестномъ для вашего спасенія, вы будете носить сіе письмо на себѣ въ честь Мою и должны давать копіи всѣмъ, кто просить будетъ. Отвергающіе истину сего письма, написаннаго Моею рукою, бубутъ прокляты, лишены узрѣть Божество въ день Суда; напротивъ же того, если будутъ объявлять о немъ несуевѣрно и давать съ него копіи всѣмъ тѣмъ, которые просятъ, будутъ благословлены Мною, и если сдѣлаютъ столько грѣховъ, сколько на небеси звѣздъ небесныхъ, будутъ Мною прощены, когда во всѣхъ грѣхахъ сдѣланныхъ ими раскаются и исповѣдаются у священниковъ. Очень счастливы тѣ, которые возьмутъ съ сего письма копію и будутъ сохранять у себя въ домахъ съ большимъ благочестіемъ, то никогда злой духъ, ни громъ, ни огонь и ни другое бѣдствіе не коснется во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сіе письмо прислано было въ Невскій Монастырь отъ Римскаго Папы, дабы всякій монахъ имѣлъ у себя въ келіи.

Списана сія молитва и письмо въ городѣ Усть-Сысольскѣ, Вологодской губерніи. Іюня 22 дня 1866 года.

[1]) Апокрифическія письма о почитаніи недѣли, распространены въ рукописяхъ въ народѣ почти, повсемѣстно. Прилагаемое письмо есть лишь одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ этого рода писемъ; варіантъ этотъ къ тому же крайне испорченъ. Отсылаемъ для сравненія къ *Этнографическому Обозрѣнію* Кн. IV. 1890. № 1 стр. 97—100. См. также *Драгоманова*, Малор. нар. преданія. Наука Господня стр. 168. *Ред.*

(Оборотная сторона).

Молитва, найденная во гробѣ Господа Нашего Іисуса Христа.

Іисусъ Христосъ Сынъ Бога истиннаго, помози мнѣ, Спаситель
міра! Спаси меня Дѣво-Владычица; умоли за меня, бѣдную
грѣшницу возлюбленнаго Сына Твоего Господа! Красота
Ангеловъ, утѣшеніе мучениковъ, зеркало Божества,
Дѣво и Госпоже, помилуй меня въ послѣдній
часъ, когда изыдетъ душа изъ сего бѣд-
наго тѣла и умоли Сына Твоего, Гос-
пода Нашего Іисуса Христа дать
оставленіе горькихъ моихъ
прегрѣшеній, членъ Вѣры Боже мой! Вѣрю всему, чему научаетъ меня
Церковь Твоя, вѣрю, поелику Ты повелѣлъ мнѣ еси. Аминь.

Послѣ сей молитвы прочитай псаломъ: „живый въ помощи вышняго". Дѣйствіе сей молитвы таковое, что тотъ, кто будетъ носить эту молитву на себѣ, не умретъ нечаянною смертью: не отъ пожару, не отъ моровой язвы, не отъ падучей бо-
лѣзни; если же женщина должна
родить, то родитъ вдругъ безъ вся-
кой болѣзни; въ домѣ, гдѣ будетъ эта
молитва, не будетъ никакихъ дьявольскихъ
искушеній либо другихъ какихъ навожденій; если
кто будетъ эту молитву носить на себѣ сорокъ дней,
то прежде смерти, въ самый часъ своей кончины увидитъ
пресвятую Богородицу. Сподоби мя, Мати Божія видити Тя,
мнѣ недостойному рабу Твоему. Аминь.

II.

Списокъ растеній, употребляемыхъ въ Вологодской губерніи, какъ лѣкарственныя.

а) *Растенія мѣстныя* [1]).

1) *Atragene alpina L.*

Лѣсной или *дикій хмель*; *княжокъ*.

Настой этого растенія пьютъ по утрамъ и вечерамъ по чайной чашкѣ отъ продолжительной головной боли. Дѣйствіе снотворное, нѣсколько одуряющее.

2) *Pulsatilla patens Mill.*

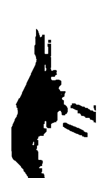
Прострѣлъ боровой, *стрѣльная трава*.

Растеніе собирается въ полномъ цвѣту вмѣстѣ съ корнями. Употребляется отъ различныхъ женскихъ болѣзней: пьютъ настой на водѣ или на водкѣ. Въ Никольскомъ у. имъ поятъ женщинъ во время родовыхъ потугъ. Охотники пропускаютъ это растеніе въ стволъ ружья, что придаетъ послѣднему какія то особенныя качества. (Отсюда, вѣроятно, и названіе).

Въ старинномъ травникѣ объ этомъ растеніи говорится: «растетъ при борахъ сильныхъ въ мартѣ мѣсяцѣ и въ апрѣлѣ и въ маѣ скрозь снѣгъ, ростомъ въ пядь, растетъ кустиками и цвѣтъ синей вельми хорошъ, а рвать ее въ апрѣлѣ 23-го числа, а въ то мѣсто положить

---

[1]) См. N. Ivanitzky «Ueber die Flora des Gouvernements Wologda» in Enlger's «Botanische Jahrbücher» 1882 и дополненіе къ этой статьѣ въ томъ же журналѣ за 1889 г.



яйцо великоденное, и та трава носити при себѣ и отъ того человѣка діаволъ бѣжитъ за 2 степеней, а кому заставить изба или домъ, положи подъ нижнее бревно и въ томъ дому жить хорошо».

3) *Ranunculus acris L. и R. polyanthemos L.*

Купальница, козелецъ, звѣздочки.

Въ числѣ другихъ травъ ввязывается въ вѣникъ, которымъ парятся на Ивановъ день.— Какъ хорошее средство отъ водянки въ видѣ настоя. Цвѣты, истолченные въ порошокъ и смоченные, прикладываются къ тѣлу въ видѣ мушки, чтобы произвести пузыри.

4) *Ranunculus sceleratus L.*

Употребляется какъ и предъидущій вмѣсто мушки, но отличается несравненно сильнѣйшимъ дѣйствіемъ. Извѣстны случаи, что раны и язвы, произведенныя этимъ вреднымъ растеніемъ, были причиной смерти.

5) *Aconitum Lycoctonum L. var. Septentrionale Kölle.*

Укрытъ; *хранитель, христопродавка, христово копье, укропъ христовъ, волчій корень.*

Теплый настой этого растенія пьютъ по три чайныхъ чашки въ день отъ колотья въ бокахъ и въ груди, также отъ шума въ головѣ. Корень, какъ весьма ядовитый, употребляется для отравленія волковъ.

6) *Actaea spicata L.*

Бронецъ, брунецъ.

Цѣнится наиболѣе и разыскивается рѣдкая разновидность этого растенія *leucocarpa*— съ бѣлыми ягодами. Настой на водѣ или на водкѣ употребляется отъ различныхъ женскихъ болѣзней.

7) *Paeonia anamala Pall.*

Марьинъ корень, Máшины пуговки.

Въ Яренскомъ у. среди зырянъ и русскихъ настой корня этого растенія считается отличнымъ средствомъ отъ кашля.

8) *Linum usitatissimum L.*

Лёнъ.

Изъ льняного сѣмени дѣлаютъ припарки и прикладываютъ къ ревматическимъ опухолямъ.

9) *Chelidonium majus L.*

Чистотѣлъ.

Сокъ этого растенія употребляется для вывода бородавокъ, а зыряне разведеннымъ въ водѣ сокомъ натираютъ мѣста, пораженныя чесоткой.

10) *Corydalis solida Sm.*

Хохлатка, мотовильце, морская рѣпка.

Все растеніе, предварительно высушенное вмѣстѣ съ клубнями, обвариваютъ кипяткомъ и пьютъ, какъ чай, отъ головной боли.

11) *Thlaspi arvense L.*

Денежникъ.

Въ Никольскомъ у. во время жатвы это растеніе затыкаютъ за поясъ, чтобы не болѣла спина.

15) *Raphanus sativus L.*

Рѣдька.

Рѣдечный сокъ пьютъ при желудочныхъ страданіяхъ и отъ глистовъ. Тертая рѣдька, настоенная на водкѣ, считается хорошимъ средствомъ отъ перемежающейся лихорадки: пьютъ по рюмкѣ утромъ и вечеромъ. Тертою рѣдькою натираются въ банѣ (или въ печкѣ) при простудѣ боковъ и спины. Употребляется также какъ горчишники.

16) *Coronaria Flos cuculi A. Br.*

Умывальница, умыванье, лягушечье мыльце, дрёма.

Настоемъ этой травы умываютъ коровъ послѣ теленія, вмѣстѣ съ ольховыми листьями. Моютъ лицо и руки отъ загара. Зыряне (у которыхъ эта трава зовется *кӧкъ-бордъ*) пьютъ настой отъ безсонницы.

17) *Hypericum quadrangulum L. и H. perforatum L.*

Звѣробой, чихорье. Зырян. *вэжъ-турунъ.*

Растеніе выкапываютъ вмѣстѣ съ корнями, сушатъ на солнцѣ, заваривають и пьютъ вмѣсто чая. Въ мѣстностяхъ, гдѣ *H. perforatum* растетъ обильно (напр. въ Никольскомъ у.) его запасаютъ и насушиваютъ массами. Настоемъ звѣробоя лѣчатъ отъ простуды (потогонное), отъ геморроя, грыжи и кашля. Цвѣты звѣробоя настоенные на маслѣ придаютъ послѣднему алый цвѣтъ (репейное масло); масло это употребляется какъ втираніе при ломотѣ.

18) *Erodium cicutarium L'Her.*

Грабельцы, междуперстица.

Настаиваютъ на водѣ листья и настоемъ обмываютъ пораженныя чесоткою мѣста (между пальцами, гдѣ, какъ извѣстно, чесотка появляется прежде всего).

19) *Trifolium repens L. и T. hybridum L.*

Бѣлый макъ.

Народъ не отличаетъ этихъ двухъ видовъ трилистника, и настой того и другого одинаково употребляетъ отъ «бѣлой грыжи».

20) *Prunus Padus L.*

Черемха. Зырян. *лёмъ-пу.*

Ягоды повсюду употребляются сырыми и сушеными отъ поноса у дѣтей, а для взрослыхъ сушеныя ягоды завариваютъ въ чайникѣ, ставятъ въ вольную печь, чтобы крѣпче настоялись, и настой даютъ пить или же приготовляется отваръ изъ свѣже-содранной черемуховой коры. Черемуховый листъ кладутъ въ чайникъ съ чаемъ для запаху. Цвѣты черемухи, настоенные на водѣ, считаются отличной глазной примочкой.

21) *Alchemilla vulgaris L.*

Шапошникъ, росянка, копытникъ, бороченъ.

Настой этой травы считается отличнымъ средствомъ отъ поноса.

22) *Potentilla norvegica L.*

Горлянка.

Растеніе цѣликомъ завариваютъ въ чайникѣ или въ горшкѣ и отваръ пьютъ отъ опухоли въ горлѣ (жабы).

23. *Fragaria vesca L.*

Землянка, землянища Зырян. *мортъ-озъ.*

Листья, собранные до цвѣтенія и высушенные на солнцѣ, завариваютъ и пьютъ вмѣсто чая. Настой изъ листьевъ считается единственнымъ средствомъ для излѣченія бѣлей. Для этого листья собираютъ до Иванова дня, т. е. пока еще нѣтъ ягодъ. Настой пьютъ тепловатый, по чайной ложкѣ въ день. Настой этотъ тоже считается полезнымъ отъ каменной болѣзни. Ягоды вмѣстѣ съ цвѣточными чашечками варятъ до полученія густого сиропа и имъ сводятъ веснушки. Настой изъ цвѣтовъ земляники употребляется какъ примочка, когда „прѣютъ очи".

24) *Rubus idaeus L.*

Малина. Зырян. *ӧмыдзь.*

Цвѣты малины и сушеныя ягоды завариваютъ и пьютъ при простудѣ и отъ кашля, какъ потогонное. Взваръ изъ сушеныхъ ягодъ съ краснымъ медомъ считается хорошимъ средствомъ отъ коклюша.

25) *Rubus Chamaemorus L.*

Морошка. Зырян. *ныръ-помъ.*

Морошечный „цвѣтъ" (собственно чашечки цвѣтка) въ видѣ настоя на кипящей водѣ, считается отличнымъ средствомъ отъ водянки какъ сильное мочегонное).

26) *Rosa acicularis Lindl.* и *R. cinnamomea L.*

Шипишникъ, шипнякъ, шипица. Зыр. *лэжнӧгъ.*

Лепестки настаиваютъ на холодной водѣ и этимъ настоемъ примачиваютъ глаза, когда они гноятся, или когда у дѣтей глаза „засыпаются". Лепестки сушатъ на солнцѣ, завариваютъ, какъ чай, и пьютъ отъ простуды; корень варятъ въ водѣ и отваръ пьютъ отъ поноса. Отваръ изъ плодовъ считается хорошимъ средствомъ при запорѣ мочи.

27) *Filia parvifolia Ehrh.*

Липа. Зырян. *нинъ пу.*

Липовый цвѣтъ, заваренный кипяткомъ,—отличное средство отъ простуды (мягчительное и потогонное); также пьютъ и здоровые вмѣсто чая.

28) *Sedum purpureum Link.*

Лѣсная, заячья или *дикая капуста; уразная.*

Растеніе это держатъ въ домахъ для предохраненія скота отъ болѣзней. Настой листьевъ пьютъ отъ грыжи или отъ головной боли.

29) *Sedum acre L.*

Грыжная трава, молодильце, молодень.

Настой листьевъ этого растенія считается вѣрнымъ средствомъ отъ грыжи.

30) *Epilobium angustifolium L.*

Кипрей, краснобыльникъ, красноголовикъ, скрыпунъ, Иванъ-чай. Зырян. *ӧӧй.*

Женщины пьютъ настой листьевъ при долгихъ мукахъ передъ рожденіемъ младенца. Зыряне пьютъ настой корня отъ поноса.

31) *Ribes nigrum L.*

Черная смородина.

Почку употребляютъ весною, какъ чай. Ее сперва сушатъ, завариваютъ и пьютъ съ молокомъ, какъ напитокъ, или для „очищенія крови", а въ особенности этотъ чай считается полезнымъ для дѣтей отъ золотухи. Надо пить шесть недѣль безпрерывно утромъ и вечеромъ по чайной чашкѣ. Сокомъ изъ ягодъ примачиваютъ лицо, чтобы свести веснушки.

32) *Parnassia palustris L.*

Горлянка, перелой.

Настоемъ этого растенія лѣчатъ у дѣтей поносъ, называемый перелоемъ. Въ Никольскомъ у. корни этого растенія настаиваютъ, и настой пьютъ отъ полового безсилія.

33) *Carum Carvi L.*

Гуньба, тминъ.

Настой изъ тмина женщины пьютъ при кормленіи ими грудью дѣтей, чтобы было болѣе молока.

34) *Levisticum officinale Koch.*

Зоря.

Дико не растетъ, но разводится въ огородахъ. Отваръ изъ корня этого растенія пьютъ отъ водянки.

35) *Angelica sylvestris L.*

Дидель правскій [1]), *дудель.*

Зыряне употребляютъ сокъ этого растенія для сведенія бѣльма.

36) *Daucus Carota L.*

Морковь.

Морковный сокъ пьютъ отъ «дурной крови» при цингѣ и скорбутѣ, именно свѣжій корень натираютъ теркой, прожимаютъ сокъ сквозь тряпку и пьютъ его каждое утро по рюмкѣ. Такъ какъ сокъ нѣсколько слабитъ, то, попивъ недѣлю, отдыхаютъ и снова пьютъ. Тертую морковь прикладываютъ къ ранамъ. Морковь ѣдятъ въ сыромъ видѣ для уничтоженія глистовъ.

37) *Viburnum Opulus L.*

Калина. Зырян. *эколъ.*

Ягоды собираютъ въ концѣ августа, парятъ въ вольномъ жару и даютъ ѣсть дѣтямъ, страдающимъ золотухой; съ тою же цѣлью парятъ и вѣтви, а зыряне дѣлаютъ изъ вѣтвей отваръ. Въ Никольскомъ у. ягоды варятъ съ медомъ до полученія сиропа и даютъ золотушнымъ дѣтямъ.

38) *Valeriana officinalis L.*

Ладаница, свѣтлокорёнка.

Корни этого растенія высушиваютъ, парятъ и настой даютъ пить при сердечныхъ болѣзняхъ.

39) *Tussilago Farfara L.*

Мать-мачиха, мачешникъ.

Листья прикладываютъ къ головѣ во время жара; привязываютъ также къ уколотому и загнившему мѣсту; настой листьевъ пьютъ отъ золотухи и отъ удушья.

40) *Erigeron acris L.*

Овечій свороборъ.

Послѣ стрижки овецъ часто на рукахъ образуется сыпь, тогда теплымъ настоемъ этого растенія моютъ руки.

41) *Inula Helenium L.*

Девясилъ.

Дико это растеніе не встрѣчается, но нерѣдко выращивается въ садахъ и дичаетъ. Корень его употребляется настоенный на водѣ отъ лихорадки и ломоты. Многіе завариваютъ изрѣзанный корень кипяченой водой и, давъ постоять пол сутокъ, пьютъ настой отъ одышки. Сущеные листья прикладываютъ къ ранамъ. Листья варятъ и отваромъ моютъ руки, пораженныя коростою.

42) *Achillea Millefolium L.*

Дикая гречиха, узикъ бѣлый, мерчикъ, ёлочка, тысячелистникъ, милефоль (въ городахъ). Зырян. *чарлатурунъ.*

Милефоль употребляется для излѣченія бѣлей, именно разновидность съ бѣлыми цвѣтами; разновидность же съ красными пьютъ для открытія регулъ. Листья, изжеванные во рту, прикладываются къ порѣзанному мѣсту. Цвѣты милефоля въ смѣси съ цвѣтами ромашки обвариваютъ кипяткомъ и настой пьютъ при катаррѣ желудка.

---

[1]) Т. е. настоящій.

43) *Leucanthemum vulgare Lam.*

Бѣлюшки, *кукишки*, *тягунъ*, *поповникъ*, *попы*. Зырян. *чечкöмъ-юръ*.

Настой поповника употребляется отъ грыжи и отъ мелкихъ глистовъ—въ Вологодскомъ у., въ Тотемскомъ — отъ головной боли, въ Никольскомъ отъ пахучей отрыжки и непріятнаго вкуса во рту.

44) *Artemisia vulgaris L.*

Чернобыльникъ.

Въ Вологодскомъ у. берутъ верхнюю часть стебля съ цвѣтами, заваривають въ чайникѣ и наваръ даютъ пить женщинамъ, когда у нихъ закрываются регулы; тамъ же растеніе цѣликомъ кладутъ въ горшокъ съ водой, горшокъ плотно закупориваютъ, ставятъ въ вольную печь и когда упрѣетъ, то настоемъ моютъ голову или же и пьютъ его отъ глухоты.— Корень чернобыльника употребляется при падучей болѣзни. Зыряне пьютъ настой этого растенія тоже отъ падучей болѣзни, а женщины въ особенности при болѣзненныхъ родахъ.

45) *Artemisia Absinthium L.*

Полынь.

Дико попадается рѣдко, потому покупается въ лавкахъ. Все растеніе заваривается цѣликомъ въ чайникѣ и отваръ употребляется при перемежающейся лихорадкѣ. Въ другихъ мѣстахъ настой пьютъ при боли въ поясницѣ (утинъ); продолжительнаго употребленія избѣгаютъ, такъ какъ оно производитъ нервное разстройство.

46) *Tanacetum vulgare L.*

Пижма, *девятибратная*, *рябинка дикая*. Зырян. *пыжма*.

Стебель съ листьями или же одни сѣмена этого растенія парятъ и даютъ принимать внутрь отъ глистовъ. Просушенное и измолотое въ порошокъ растеніе кладутъ въ нюхательный табакъ.

47) *Gnaphalium dioicum L.*

Горлянка, *грудная трава*, *заячья трава*, *заячій пушокъ*, *холодянка*.

Настой растенія пьютъ отъ грыжи. При опухоли горла (жабѣ) прикладывается къ горлу въ видѣ припарки. Настой цвѣтовъ пьютъ отъ золотухи.

48) *Cacalia hastata L.*

Волконогъ.

Водный настой изъ стебля употребляется при утреннемъ умываніи отъ «дурнаго глаза». При этомъ берутъ лишь такіе экземпляры, у которыхъ насчитаютъ 40 листьевъ. Свѣжіе листья прикладываются къ порѣзанному мѣсту.

49) *Centaurea Scabiosa L.*

Глубокая трава.

Настоемъ корня поятъ дѣтей нездоровыхъ ногами (если они долго не ходятъ, „сѣдуны"). Настой пьютъ и взрослые отъ слабости въ тѣлѣ, а женщины при родовыхъ кровотеченіяхъ.

50) *Cirsium lanceolatum Scop.*

Чертополохъ, *вдовецъ*.

Стебли этого растенія парятъ въ печи въ плотно закупоренномъ горшкѣ и настоемъ моютъ спину и бока, когда въ нихъ чувствуется колотье и ломота отъ простуды или отъ ушиба.

51) *Lappa tomentosa Lam.*

Шимобаръ, *лопухъ*, *лапушникъ*, *лепунцы*, *колюнецъ*, *репейникъ*.

Корни настаиваютъ на водѣ и настой пьютъ передъ ѣдой при ранахъ на тѣлѣ; листья прикладываютъ къ ранамъ. Въ иныхъ мѣстахъ настой этотъ пьютъ отъ золотухи. Свѣжіе листья употребляются вмѣсто горчичника: ихъ привязываютъ къ головѣ (ко лбу) больного и къ икрамъ. Лѣчатъ ими также отъ ревматической ломоты въ ногахъ, обвязывая ноги кругомъ толсто листьями, или же корни репейника, тщательно промытые въ холодной водѣ, разрѣзываются на части и парятся въ закрытомъ горшкѣ; отваръ даютъ пить по стакану утромъ и вечеромъ страдающему ревматизмомъ. Настоемъ корня репейника мочатъ волосы, чтобы они скорѣе и гуще росли.

52) *Taraxacum officinale Wigg.*

Молочникъ, *полая трава*, *болячки*.

Сокъ этого растенія употребляется отъ зубной боли; его принимаютъ тоже при мучительныхъ родахъ; сводятъ имъ лишаи на рукахъ и на тѣлѣ. На здоровыхъ мѣстахъ отъ этого сока появляются прыщи, сыпь, особенно у дѣтей; отсюда и названіе *болячки*.

53) *Campanula Cervicaria L.*

Синій звѣробой; *кудлатый звонокъ*

Наваръ этого растенія въ водѣ употребляется отъ лишаевъ; даютъ пить и родильницамъ, чтобы „золотникъ (кровотеченіе) не ходилъ послѣ родовъ". Для этого цвѣты надо сры-

вать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не слышно пѣнія пѣтуха. Это растеніе входитъ также въ наборъ, состоящій изъ $1/_6$ части куколицы, звѣробоя, Anthriscus, Pedicularis и церковнаго ладана, изъ котораго дѣлается настой, употребляемый отъ родимца.

54) *Campanula latifolia* L.

Бѣлоцвѣтка.

Разновидность этого растенія съ чисто-бѣлыми цвѣтами, растущая обильно подъ Никольскомъ, засушивается, настаивается и настой употребляется отъ общей слабости. Многіе его пьютъ просто, какъ чай.

53) *Vaccinium Vitis idaea* L.

Брусница, брусенка. Зырян. *пулъ.*

Стебли и листья брусники парятъ въ горшкѣ и пьютъ отъ кашля и удушья, а сырыя ягоды употребляются какъ средство утоляющее жаръ. Мѣстами настой листьевъ пьютъ отъ ревматизма, зыряне-же пьютъ этотъ настой отъ поноса.

55) *Vaccinium Myrtillus* L.

Черница. Зырян. *чöдъ.*

Сушеныя ягоды черники повсемѣстно, какъ русскими такъ и зырянами, употребляются какъ отличное средство отъ поноса.

57) *Ledum palustre* L.

Душница, клоповникъ, лѣсной размаринъ, багульникъ.

Употребляется повсемѣстно для уничтоженія клоповъ и блохъ, для чего свѣжее растенія кладутъ подъ постели, втыкаютъ въ стѣны и въ полати. Зимою кладутъ въ хлѣва къ свиньямъ, чтобы свиньи больше спали. Народный рукописный травникъ выражается объ этомъ растеніи такъ: „У кого есть тараканы въ избѣ, цвѣтомъ багуновымъ да съ корою черемховою избу топить; въ то время не ходи, а пойдешь — умрешь, да ты самъ за стѣной стой, всѣ тараканы помрутъ, а топи по двою на сутки“.

58) *Gentiana Amarella* L.

Тропникъ, уразница, стародубка, грыжная трава.

Высушенное растеніе съ цвѣтами и листьями парятъ въ печи и наваръ даютъ пить грыжи; нѣкоторые для этого варятъ растеніе въ молокѣ. Холодный настой травы пьютъ
оли въ спинѣ и въ ногахъ, также отъ кашля. Траву даютъ лошадямъ съ овсомъ и съ хлѣбомъ отъ чиханья.

Menyanthes trifoliata L.

ль, *поносная трава.*

ъ, какъ и зыряне, пьютъ настой этой травы отъ перемежающейся лихорадки;
ся чаще на водкѣ, чѣмъ на водѣ.

tum officinale L.

дикая зоря.

растенія считаются превосходнымъ средствомъ, какъ припарка при пере-
тами настой ихъ пьютъ отъ лихорадки.

fficinale L.

цимъ въ Никольскомъ у., но мною это растеніе ни въ этомъ, ни въ
найдено не было. Собирать его надо на утренней зарѣ, выкопать,
ихъ мелко, запечь въ хлѣбѣ и давать больному, укупленному
этомъ больной не долженъ знать о заключающейся въ хлѣбѣ

скаленный кирпичъ или сковороду и дымъ пропускаютъ
боли. Отъ этого на сковороду, будто-бы, валятся малень-
ращается.

а.

ркѣ и прикладываютъ къ обожженному мѣсту на
отофель смѣшать съ ямайскимъ ромомъ и эту
ѣсту.

ятся, сливаютъ въ стаканъ, прибавляютъ
омъ, пока оно еще совершенно теплое,
ѣ.

65) *Origanum vulgare L.*

Душица, *ладанка, богородская трава.*

Высушенные на солнцѣ листья пьютъ вмѣсто чая. Также парятъ этой травой крынки и подойники и окуриваютъ коровъ послѣ теленія.

66) ***Plantago major** и P. media L.*

Попутникъ, *пупяника, плетешки, плетошникъ*. Зырян. *сись-турунъ*.

Листья прикладываютъ къ опухолямъ и чирьямъ, также къ пузырямъ на ногахъ, когда сотрутъ ноги во время ходьбы. Сѣмена попутника, высушенныя и истолченныя въ порошокъ, принимаютъ внутрь какъ мочегонное. Нѣкоторые лѣчатся сѣменами отъ кроваваго поноса, настаивая ихъ на кипяченой водѣ. Мѣстами листья попутника употребляются какъ припарка при сорваніи пупа.

67) ***Rumex domesticus** Hartm. и R. aquaticus L.*

Кобылья кислица, *кобылій стецъ*.

Корни этихъ растеній стираютъ въ порошокъ, перемѣшиваютъ со сметаной, прибавляютъ нѣсколько горючей сѣры и этою мазью мажутъ руки и другія мѣста на тѣлѣ, пораженныя чесоткою. Отваръ листьевъ того и другого вида Rumex считается хорошимъ сред ствомъ отъ кроваваго поноса. Горячій настой изъ листьевъ Rumex Acetosa пьютъ во вре горячки.

68) ***Polygonum Bistorta** L.*

Черевышно коренье; *раковыя шейки*. Зыр. *уръ-божъ*.

Корень этого растенія тоже считается хорошимъ средствомъ отъ кроваваго пог ревни) у дѣтей; для этого корень рѣжутъ на куски, кладутъ въ горшокъ, обливак закупориваютъ и ставятъ въ вольную печь; когда разопрѣетъ, даютъ пить. Та требляютъ его и зыряне.

69) ***Polygonum Convolvulus** L.*

Хмелекъ, ***подборная***.

Настой этой травы женщины пьютъ послѣ родовъ, въ случаѣ сильного

70) ***Salix pentandra** L.*

Ивина, ***ива***. Зырян. ***нюръ-бадь***.

Ивовую кору завариваютъ въ чайникъ и настой пьютъ по чайной перемежающейся лихорадки.

71) ***Urtica dioica** L.*

Крапива. Зырян. ***пэчэръ***.

Настой листьевъ на горячей водѣ употребляется отъ грыжи сѣмянъ—отъ кашля. Корень парятъ въ печкѣ въ крѣпко закуп женщины, врачуя этимъ опусканіе матки. Въ Никольскомъ у. по мѣстамъ, пораженнымъ сочленовымъ ревматизмомъ.

72) ***Betula alba** L.*

Береза. Зырян. ***кыдзь***.

Березовую почку (называемую *мочкой*) настаиваютъ животѣ. Настоенная на маслѣ, эта мочка считается отл ранъ. Если у женщины неправильные регулы, то вырѣз и прикладываютъ ихъ къ голой ногѣ внутренней сторо перемѣняя каждый день, и когда регулы откроются, п бересты накладываютъ на открытыя гноящіяся г рану густымъ растворомъ сахара. Березовымъ д тизмомъ.

73) ***Alnus incana** DC.*

Ольха, ***ёлшина***. Зырян. ***лолъ-пу***.

Отваръ ольховыхъ шишекъ какъ у р поноса.

74) ***Orchis maculata** L.*

Божья ручка; *кукушкины слезки*.

Настой этого растенія пьютъ во и превращаются въ порошокъ, котор кладется на чайную чашку кипятку

75) *Paris quadrifolia L.*

Бронецъ, вороньи ягоды, медв

Ягоды этого растенія гло настой незрѣлыхъ ягодъ, что

парни глотають ягоды этого растенія передъ свадьбой во избѣжаніе импотенціи. Отваромъ изъ сушеныхъ ягодъ поятъ лошадей, больныхъ ящуромъ.

76) *Majanthemum bifolium DC.*

Жируха, змѣевикъ, ягодный бронецъ, заячьи ягоды, вѣкошныя ягоды.

Настой растенія употребляется отъ ногтоѣды и отъ слабости въ ногахъ; женщины пьютъ его при сильномъ послѣродовомъ кровотеченіи. Мѣстами настой употребляется при сердечныхъ болѣзняхъ.

77) ***Allium Cepa L.***

Лукъ.

Луковицу пекутъ на огнѣ или въ печи и привязываютъ къ нарыву для скорѣйшаго созрѣванія; въ сыромъ видѣ толченыя луковицы употребляются какъ горчишники.

78) *Abies sibirica Ledeb.*

Пихта. Зырян. *ніу.*

Зыряне употребляютъ сокъ пихты какъ слабительное, а смолу какъ вяжущее средство при кровотеченіи изъ ранъ.

79) *Picea vulgaris Link.*

Ель. Зырян. ***козъ-пу.***

Еловую смолу прикладываютъ къ ранамъ и нарывамъ, какъ вытягивающее средство, предварительно размягчивъ ее въ теплой водѣ. Зыряне съ тою же цѣлью примѣшиваютъ къ смолѣ сало.

80) ***Pinus sylvestris L.***

Сосна. Зырян. ***пожёмъ-пу.***

Содранный съ обнаженной отъ коры сосны „сокъ" высушиваютъ, обращаютъ въ порошокъ и имъ присыпаютъ порѣзы, чтобы скорѣе зажили. Сосновую „сѣру" (смолу) собираютъ съ дровъ и прикладываютъ къ занозамъ, какъ вытяжное средство.

81) ***Juniperus communis L.***

Вѣресъ; ягоды зовутся ***можжюха*** [1]).

Отваръ вересовыхъ ягодъ употребляется отъ водянки. Въ Никольскѣ для этого набираютъ свѣжихъ ягодъ, парятъ ихъ въ бутылкѣ съ $2^1/_2$ золотниками селитры и со скипидаромъ. Тамъ же настой изъ ягодъ пьютъ отъ поноса. Изъ вересовыхъ ягодъ дѣлаютъ настой, ставятъ на ночь въ вольную печь и пьютъ его отъ водянки. Или съ тою же цѣлью ягоды толкутъ и потомъ варятъ, такъ чтобы онѣ одинъ разъ вскипѣли; давши остынуть, процѣживаютъ, затѣмъ завариваютъ въ чайникѣ и пьютъ. На вересѣ находятъ губку, которою лѣчатъ отъ запоя. Для этого ее настаиваютъ на двухъ трехъ стаканахъ водки трое сутокъ, и настой даютъ пить подверженному запоямъ.

82) ***Lycopodium clavatum L.***

Дерябка, деряга, подвельный бронецъ. Зыр. ***кöчь-вöнь.***

Растеніе обвариваютъ кипяткомъ и теплый настой пьютъ по двѣ чайныхъ чашки въ день женщины при остановкѣ мѣсячныхъ очищеній.

83) ***Aspidium spinulosum Sw.***

Сорокапритычная трава.

Листья распариваются и прикладываются къ опухолямъ, какъ смягчающее, а отваромъ мочатъ голову, если есть жаръ.

84) ***Agaricus muscarius L.***

Мухоморъ.

Грибъ разрѣзываютъ на мелкія части и кладутъ въ бутылку, которую, крѣпко закупоривъ, закапываютъ въ землю на 6 недѣль; образовавшеюся въ бутылкѣ мазью мажутъ мѣста больные ревматизмомъ.

б) *Иноземныя растенія.*

85) ***Capsicum annuum L.***

Стручковый перецъ.

Стручки настаиваются на водкѣ и настой употребляется какъ втираніе отъ ревматизма, или же берутъ съ пол-штофа спирта, въ него кладутъ $^1/_8$ ф. перца, $^1/_4$ ф. мыла и эту смѣсь настаиваютъ въ теченіе 6 недѣль въ тепломъ мѣстѣ. Образовавшеюся мазью натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

86) ***Laurus nobilis L.***

Лавровое дерево.

---

[1]) Слово можжевельникъ въ народѣ неизвѣстно.

Настой трехъ сухихъ листьевъ въ полуштофѣ водки или воды даютъ пить дѣтямъ отъ золотухи.

87) *Smilax medica Schl.*

Сассапарель. Дорогая трава.

Настой корней на водѣ пьютъ отъ сифилиса и отъ золотухи.

88) *Anthemis nobilis L.*

Ромашка.

Завариваютъ въ чайникѣ и даютъ пить женщинамъ послѣ родовъ „для установленія живота". Употребляется также отъ кашля, какъ способствующее отдѣленію мокроты.

89) *Mentha piperita L.*

Перечная мята.

Растеніе съ листьями и стеблями завариваютъ какъ чай и пьютъ съ медомъ отъ простуды и кашля, какъ потогонное; употребляется также при разстройствахъ желудка.

90) *Salvia officinalis L.*

Шалфей.

Стебель и листья обвариваютъ кипяткомъ и пьютъ отъ простуды, также при страданіяхъ печени и при ненормальныхъ регулахъ.

Изъ минераловъ и металловъ, употребляемыхъ съ лѣкарственными цѣлями, нужно упомянуть слѣдующіе: [1])

Глина. Употребляется во многихъ случаяхъ: ее привязываютъ къ головѣ и къ ногамъ вмѣсто горчишниковъ и даютъ дѣтямъ глотать кусочки при накопленіи кислотъ въ желудкѣ (съ этою же цѣлью употребляется и толченый березовый уголь).

Мѣлъ—наскобленный и насыпанный на суконку прикладывается къ мѣсту рожистаго воспаленія; смѣшанный съ постнымъ масломъ—къ ранамъ; кусочки мѣла глотаютъ при изжогѣ.

Известь. Истолченная въ порошокъ служитъ для натиранія тѣла, пораженнаго чесоткою. Квасцы употребляются для присыпки ранъ, чтобы остановить кровотеченіе. Внутрь принимаются для очищенія бронхъ отъ мокроты.

Песокъ рѣчной служитъ для излѣченія англійской болѣзни у дѣтей, для чего ребенка садятъ въ ящикъ и засыпаютъ сухимъ пескомъ.

Соль поваренная употребляется противъ икоты и изжоги и какъ слабительное, при чемъ растворяютъ соль въ водкѣ; глотаютъ ее при нервныхъ боляхъ головы (мигрени).

Сѣра горючая служитъ для выжиганія бородавокъ, а стертая со сметаною — какъ мазь отъ чесотки.

Хрусталь горный, толченый, принимается внутрь отъ каменной болѣзни.

Беллемниты (чортовы пальцы) обращенные въ порошокъ, служатъ для присыпки ранъ отъ порѣзовъ.

Желѣзо примѣняется многоразлично. Красное вино, настоенное на каленыхъ гвоздяхъ употребляется отъ поноса у дѣтей. Воду, настоенную на гвоздяхъ, пьютъ при малокровіи. Наскобленную желѣзную руду пьютъ въ винѣ или водѣ отъ ушибовъ и при желудочныхъ болѣзняхъ. Раскаленнымъ желѣзнымъ гвоздемъ прижигаютъ нервъ больного зуба. Желѣзный гвоздь употребляется и какъ симпатическое средство: имъ обводятъ вокругъ больного зуба и потомъ вколачиваютъ въ ростущую осину.

Мѣдь въ видѣ опилокъ принимается внутрь съ хлѣбомъ для скорѣйшаго сростанія переломленныхъ костей; наскобленная ножомъ мѣдь принимается также отъ грыжи. *Серебро* въ видѣ колечекъ носится въ ушахъ дѣтьми и взрослыми, страдающими золотухой.

Свинецъ въ видѣ свинцовой бумаги, служащей оберткою чая, служитъ для обкладыванія ушибленныхъ мѣстъ вмѣсто свинцовой примочки.

---

[1] См. Вологодскій сборникъ 1885 г. т. IV, статья М. М. Куклина.

III.

Дѣтскія игры [1]).

1. *Костыги.*

1. ***Въ казанки***: а) ***Въ закидышки.*** Костыги ставятся въ рядъ. Каждый кидаетъ свой казанокъ (т. е. извѣстную костыгу) и кто закинетъ всѣхъ дальше, тотъ начинаетъ игру. Сколько выбьетъ, столько и беретъ себѣ.

б) ***Съ бую.*** Костыги ставятся у стѣны и каждый по очереди бросаетъ свой казанокъ въ стѣну. Чей казанокъ отскочитъ всѣхъ дальше отъ стѣны, тотъ первый и бьетъ. Сколько выбьетъ, столько и беретъ себѣ.

2. ***Въ плитки.*** а) ***Въ закидышки.*** Костыги устанавливаютъ на лугу или на дорогѣ и „закидываются", какъ въ казанки, но не костыгами, а плитками (желѣзными, яйцевидной формы). Бьютъ въ костыги съ того мѣста, куда закинулись. Если при этомъ одна костыга упадетъ на другую—не въ счетъ, а врозь, то „обираютъ", т. е. берутъ себѣ. Примѣняется еще ко всѣмъ играмъ въ костыги слѣдующее правило, если бьютъ пару, а валится одна костыга, то бьющій кричитъ: „на откось!", если-же не успѣетъ крикнуть и другіе закричатъ: „откось!" то эти костыги опять ставятся на̀ конъ.

б) ***Съ бую.*** Выбираютъ нѣкоторое мѣсто отъ костыгъ и оттуда кидаютъ; плитка летитъ черезъ костыги и съ мѣста ея паденія бьютъ въ костыги; начинаетъ тотъ, чья плитка упала всѣхъ дальше.

в) Условія игры тѣ же, но ***съ гнилой*** и ***безъ гнилой.*** Въ первомъ случаѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ костыгъ сзади ихъ проводятъ черту, которая зовется ***гнилой,*** и когда бьютъ, то стараются, чтобы плитка выскочила дальше черты. Если выскочила, то сбитыя костыги обираются, а если нѣтъ, то снова ставятся на конъ. Безъ гнилой—черты не проводятъ.

3. ***Въ пятокъ.*** Ставятся пять костыгъ: одна въ центрѣ квадрата, остальныя по угламъ его; бьющій кидаетъ въ нихъ за три шага. Если собьетъ двѣ костыги, то не беретъ ихъ, а еще отдаетъ двѣ своихъ, если же собьетъ три, то беретъ ихъ, а ставившій костыги добавляетъ три своихъ ему и дополняетъ конъ. Если бьющій собьетъ одну, то беретъ ее, а противникъ платитъ ему одну и дополняетъ конъ. Если же собьетъ четыре, то отдаетъ противнику четыре своихъ.

4. ***Въ плочки.*** Костыги устанавливаются въ рядъ; играющіе кидаютъ каждый свой казанокъ на землю, стараясь, чтобы онъ упалъ на ***плочку*** (одинъ изъ бочковъ костыги; противоположный ему бочекъ зовется ***сайда,*** передняя сторона– ***корова*** или ***ника,*** задняя – ***жогъ*** или ***жоха***). У кого упадетъ на плочку, тотъ бьетъ первый; у кого на жогъ—тотъ вторымъ, если же на корову, то лежащую костыгу бьютъ сверху другой костыгой до тѣхъ поръ, пока она не ляжетъ какъ нибудь иначе, такъ какъ коровой не бьютъ. Когда же упадетъ на ***сайду,*** то бьютъ по уговору: или съ закрытыми (рукой) глазами, или же „съ лѣвши", т. е. лѣвой рукой.

---

[1]) Изученіе дѣтскихъ игръ завоевываетъ себѣ все большее и большее мѣсто. Если и нельзя не согласиться, что многія изъ дѣтскихъ игръ могутъ служить лишь для „національной педагогіи", то съ другой стороны многія изъ нихъ имѣютъ серьезное значеніе, частью оттого, что носятъ въ себѣ отголосокъ старинныхъ вѣрованій и обычаевъ, частью, оттого, что рисуютъ подчасъ и современный намъ бытъ, отношеніе къ окружающему. Съ какой-бы точки зрѣнія мы не оцѣнивали собраніе дѣтскихъ игръ (а также и игрушекъ), оно всегда останется важнымъ и интереснымъ для этнографа. Для желающихъ сравнить помѣщаемыя игры съ извѣстными въ литературѣ укажемъ на важнѣйшія источники, гдѣ помѣщено описаніе дѣтскихъ игръ въ Россіи. 1) Терещенко: Бытъ Русскаго Народа IV. 2) Сахаровъ. Сказанія Русскаго Народа 3) Чубинскій. Тр. Этногр.—Статист. Экспедиціи. III. Далѣе заимствуемъ у Н. Ѳ. Сумцева перечень слѣдующихъ 7-ми заглавій. 4) Изв. И. Р. Г. О. (1885) 5) Маякъ 1843. XI. 6) Русс. Бесѣда. 1856. 7) Маркевичъ: Обычаи и повѣрья Малороссіянъ. 8) Потебня: Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. 9) Кіевская старина 1887 г., 1889. Наиболѣе подробное сочиненіе по вопросу о дѣтскихъ играхъ принадлежитъ Е. А. Покровскому „Дѣтскія игры". Кромѣ того описаніе игръ можно найти въ статьѣ В. П. Тихонова: Описаніе дѣтскихъ игръ.. въ с. Мазунинѣ, Сарапульскаго у., Вятской губ. въ I вып. настоящаго сборника (IX т. Тр., Отд. Этнографіи), въ вышедшемъ въ этомъ году III вып. 2-го т. Сб. Харьковскаго Историко-Филологическаго Общ. „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ у." П. Иванова, и въ Этнографич. Обозрѣніи VI. 1890. 3. статья г. Балова. Желающіе познакомиться болѣе подробно съ литературой этого вопроса могутъ найти не мало библіографическихъ указаній въ предисловіи къ труду г. Иванова, составленномъ Н. Ѳ. Сумцовымъ Что касается дѣтскихъ игрушекъ, то г. Иваницкій предоставилъ въ распоряженіе Отдѣла обширную коллекцію игрушекъ, употребляемыхъ въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ., Коллекція помѣщается въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ. *Ред.*

всѣ
и т

кап
кал
упа
т.
каз
пал

бал
съ
бр
и
пр
по
во,

вя
его
„ч
ші
по

на
уд
еп
кл
на
ее
ж
ди
си

ва
па
ко
зі

о
о

н
м
с
д
л
в
-

і

затѣмъ *на вилку*, т. е. вдоль ладони, затѣмъ *на закуску*, т. е. на верхнюю поверхность кисти. Если онъ кончилъ закуской, то говорится *вышелъ на руку* и, если не желаетъ болѣе играть, то говоритъ: «чуръ, не заигрался». За нимъ слѣдуетъ другой тѣмъ же порядкомъ. Если играющій промахнулся, т. е. ножъ упалъ и не воткнулся въ землю, тогда дѣлаютъ *мачокъ*. Это деревянный гвоздикъ, который втыкается въ землю и играющій ударяетъ по немъ положенное число разъ черешкомъ ножа и затѣмъ долженъ вытащить мачокъ зубами.

11. Въ цари.

Берутъ палку и всѣ играющіе охватываютъ ее одной правой рукой. Чья рука очутится наверху, тотъ *царь*. Онъ садится, беретъ мячъ и приказываетъ, кому ему угодно, кинуть мячомъ въ кого-либо по его же, царя, указанію. Промахъ зовется *ячо* (яйцо). Кто сдѣлаетъ три яча, тотъ выключается изъ игры; такъ до послѣдняго. Послѣдній становится царемъ, садится на мѣсто прежняго царя и приказываетъ, въ свою очередь, старому царю колотить мячомъ въ спину, всѣхъ по очереди. (Сольвычег. у.)

12. Юла.

Играющіе становятся въ кругъ и одинъ говоритъ: «пять сотъ тюрья, пономарь бадья, шишелъ вышелъ, девятый бобъ», такъ чтобы на каждаго приходилось по слову; послѣдній выключается. Кто останется, тотъ и *юла*. Онъ бѣгаетъ и старается поймать кого нибудь, а тѣ его дразнятъ: юла, юла! (Сольвычег. у).

13. Корова.

Въ Кадников. у. зовется *здлотцо*; состоитъ въ томъ, что замерзшій на дорогѣ коневый или коровій калъ подкидываютъ ногой, стараются подкатить кому нибудь подъ ноги и въ то же время ударить по ногѣ, чтобы онъ упалъ. (Тоже.)

14. Черепъ.

На полѣно кладется доска такъ, чтобы находилась въ равновѣсіи. Двѣ дѣвочки ставятся по концамъ лицомъ другъ къ другу и начинаютъ прыгать. Когда одна изъ нихъ, будучи подброшена и падая, попадетъ мимо доски, говорится, что она разбила *пол-черепа*, если промахнется второй разъ, то разбила *весь черепъ*. Послѣ этого ее штрафуютъ и она выключается изъ игры.

15. Ты куколка.

Весной, какъ только первая лужайка растаетъ, въ какой нибудь праздникъ, собираются дѣти, становятся въ кругъ, а одинъ въ средину. Этотъ послѣдній поворачивается вокругъ себя, дотрагивается каждому до груди и говоритъ; «ты куколка, я куколка, зачѣмъ долго не была, не боялась типуна; типу, типу, не судья, ради кошеля, шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ".—На кого упало слово пошелъ, тотъ отходитъ и т. д., до послѣдняго. Кто остался, тотъ бѣгаетъ за другими и ловитъ. Кого поймаетъ, тотъ, въ свою очередь, долженъ ловить, и т. д.

16. Имжалки.

Играютъ въ избѣ. Одинъ подходитъ къ печкѣ и дотрагивается до устья суставомъ пальца, чтобы замарать его сажей. Затѣмъ, согнувши кисть руки, чтобы не было видно запачканнаго сустава, подходитъ къ кому нибудь и предлагаетъ угадать, который суставъ запачканъ. Кто попадетъ на запачканный суставъ, тому и водить. Ему завязываютъ глаза, ведутъ къ двери и спрашиваютъ: гдѣ стоишь?—Онъ отвѣчаетъ: у скобы.—Что продаешь?—Щи да квасъ.—Ну, такъ ищи три года насъ. Затѣмъ всѣ разбѣгаются, а завязанный, раскинувъ руки, идетъ впередъ и старается поймать кого-нибудь.

17. Шарикъ.

На землю кладется шарикъ, а поперекъ его дощечка, такъ что одинъ конецъ ея лежитъ на землѣ, а другой поднятъ. На этотъ послѣдній кладется шарикъ. Затѣмъ палками выкапываютъ лунки; одна изъ нихъ побольше для матки. Кому пришлось водить, тотъ на-

блюдаетъ за шарикомъ, а одинъ изъ прочихъ старается попасть въ шарикъ палкой, и когда попадетъ, то бѣжитъ за палкой и затѣмъ спѣшитъ встать на свое прежнее мѣсто у лунки, а кто водитъ, бѣжитъ за шарикомъ и старается занять мѣсто противника у свободной лунки. Если никто не попалъ въ шарикъ и палки остаются лежать, то «матка выручаетъ сынковъ», попадаетъ въ шарикъ и, если сшибетъ, то тотъ, кто водитъ, бѣжитъ за шарикомъ, остальные же за своими палками и спѣшатъ вернуться и занять свою лунку или же лунку матки. Если тотъ, кто водитъ, успѣетъ схватить шарикъ и бросить въ доску, пока прочіе не заняли еще своихъ мѣстъ, то встаетъ на чье-нибудь мѣсто и тогда начинаетъ водить тотъ, на чье мѣсто онъ всталъ.

18. Яички.

Каждый для себя дѣлаетъ лунку, всѣ по прямой линіи; передъ игрой уговариваются, сколько кому класть на «руку»; затѣмъ шарикъ катятъ вдоль лунокъ; въ чью лунку онъ закатится, тотъ *жгётъ*, т. е. кидаетъ въ кого нибудь шарикомъ, и если промахнется, то въ его лунку кладутъ яичко, т. е. камешекъ, а если попадетъ, то тотъ, въ кого попало, старается *отжечь*, т. е. попасть, въ свою очередь, въ кого либо; если промахнется, то и ему кладется въ лунку яичко, и т. д. Когда положатъ яичко, то всѣ становятся у своихъ лунокъ, берутъ шарикъ и говорятъ: «*чуръ не зá мячъ*»; кто же возьметъ мячъ, не сказавши этихъ словъ, то остальные кричатъ: «чуръ зá мячъ» и ему кладутъ яичко. Потомъ катятъ снова, и т. д. и, наконецъ, у кого дойдетъ до положеннаго числа яичекъ, напр. до пяти, то онъ долженъ *выгребать* яички изъ лунокъ руками, а прочіе въ это время колотятъ его по спинѣ.

19. Ерга.

Въ землѣ выкапываются продолговатыя ямки по числу игроковъ. Каждый становится у своей ямки и одинъ кидаетъ мячъ. Въ чью ямку попадетъ мячъ, тотъ хватаетъ его и кидаетъ въ любого. Промахъ зовется *яйцо*. Такихъ промаховъ, яицъ, можно сдѣлать до 5-ти. Съ кѣмъ это случится, того *ёргаютъ*, т. е. каждый бьетъ его мячемъ въ спину, приговаривая: „на пироги, на шаньги, на мягкой хлѣбъ, на покатушнички. Ерга, не ерга, баранъ не баранъ, на повѣти спалъ, въ ячею н.....ъ Комъ, комки, нарубили рубыши на еловые кряжи, куды хошь побѣжи“. Затѣмъ загадываютъ ему загадки и пока не отгадаетъ, его все „стежатъ“, т. е. бьютъ мячомъ. (Сольвыч. у.).

20. Въ мячъ.

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и становятся въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Сзади каждой партіи проводится пограничная черта. Которая-нибудь партія начинаетъ пинать мячъ ногами по направленію къ другой, а та старается отпинывать и не допустить мячъ до пограничной черты сзади себя. Игра кончается тѣмъ, что которой-нибудь партіи удастся догнать мячъ до пограничной черты.

21. Въ лапту.

Выбираютъ ровное мѣсто и раздѣляются на двѣ партіи. Каждая партія выбираетъ себѣ матку (посредствомъ перехватыванія рукою палки: чья рука на верху, тотъ матка). Каждая матка, держа палку за вершину, обноситъ ее вокругъ своей головы, подкидываетъ и хватаетъ. Если уронитъ, зачинъ не ея. Затѣмъ выбираются *сынки*. Одинъ изъ играющихъ назоветъ себя палкой, другой соломенкой (или какъ нибудь иначе), подходятъ къ маткѣ и спрашиваютъ: палка или соломенка? Если матка угадаетъ, то спрашивавшій остается при ней. Когда выборъ сынковъ конченъ, то тотъ, чей зачинъ, остается на *салѣ*, т. е. на мѣстѣ, откуда будутъ стрекать мячъ, а прочіе уходятъ въ поле.—Начинаютъ стрекать сынки. Когда первый сынокъ стрекаетъ, другой бѣжитъ въ поле, а въ то же время сынки, стоящіе въ полѣ стараются *ужечь* бѣгущаго, т. е. попасть въ него мячомъ. Если не ужгутъ, то онъ остается въ полѣ, а остальные сынки стрекаютъ мячъ. Когда всѣ перестрекаютъ, стрекаетъ матка. Тогда сынки возвращаются изъ поля въ сало, а тѣ, которые въ полѣ, стараются ужечь кого нибудь изъ бѣгущихъ. Если ужгутъ, быстро перебѣгаютъ въ сало и стрекать начинаютъ тѣ, которые были въ полѣ. Если случится, что кто-нибудь схватитъ мячъ на лету, тогда всѣ переходятъ въ сало стрекать мячъ.

22. Ланы.

Выкапываются въ рядъ ямки—*ланы* каждымъ изъ играющихъ. Затѣмъ чеканятъ шаръ, т. е. подбрасываютъ его палкой, чтобы узнать, кому придется водить. Каждый становится у своей ланы, заступивъ ее ногою и держа палку въ рукѣ и когда тотъ, кто водитъ, покатитъ шаръ, въ шаръ бросаютъ палками. Если шаръ укатится далеко, кто водитъ, бѣжитъ за шаромъ, а прочіе за своими палками. Въ случаѣ, если никто не попалъ въ шаръ, то матка говоритъ: „ставь на стамочки на выручку". Тотъ, кто водитъ, кладетъ шаръ на горбылекъ, т. е. на какой-нибудь бугорокъ и матка сбиваетъ шаръ съ этого бугорка. Если и матка промахнулась, то тотъ, кто водитъ, *печатаетъ* всѣ ланы, т. е. дотрагивается шаромъ до каждой ланы, и тогда снова чеканятъ.

23. Луны.

Каждый для себя выкапываетъ лунку, всѣ по прямой линіи. Съ обѣихъ сторонъ лунокъ параллельно имъ кладутъ по батожку, чтобы мячъ не откатывался въ сторону.-Начинающій игру катитъ мячъ, и въ чью лунку мячъ закатится, тотъ хватаетъ его и бросаетъ въ кого попало изъ играющихъ. Если попадетъ, всѣ бѣгутъ прочь, а тотъ, въ кого попало, хватаетъ мячъ, бѣжитъ и бьетъ въ кого угодно. Если попадетъ, тотъ, въ свою очередь, бросаетъ въ кого попало и т. д., если же *мимнетъ*, т. е. промахнется, то на немъ считается *копѣйка*, а мячъ хватаетъ, кто захочетъ, возвращается къ лунамъ и снова катитъ. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока на кого-нибудь не нагонятъ пять копѣекъ. На кого нагнали, тотъ беретъ мячъ и кидаетъ его между ногъ назадъ отъ себя столько разъ, сколько игроковъ, а тѣ хватаютъ мячъ поочередно и ударяютъ имъ бросавшаго. Кто промахнулся, тотъ больше не бьетъ, а кто попалъ, тотъ имѣетъ право ударить въ бросавшаго еще четыре раза.

24. Игра ожикомъ.

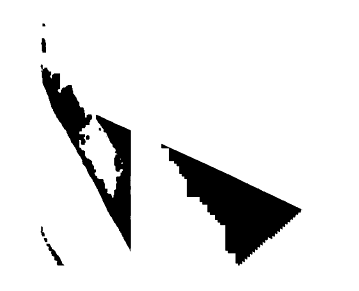
Чертятъ на землѣ кругъ и обтыкаютъ его колышками. Кто постарше, «встаетъ въ матки», а прочіе попарно ходятъ «шептаться», т. е. уговариваются назвать другъ-друга какъ-либо, напр., одинъ называется *козанокъ*, другой *бабка*, подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: «матка, матка, казанка или бабка»? Матка отвѣчаетъ то или другое. Кого угадаетъ, тотъ остается у нея въ партіи, а другой идетъ къ другой маткѣ; такъ и прочіе. Тогда матки кидаютъ между собой жеребій, которой партіи идти въ кругъ, которой остаться „по-за-кругу". Оставшіеся за кругомъ отходятъ; кто нибудь изъ нихъ беретъ мячъ и прячетъ его подъ полу. Другіе тоже суютъ руки подъ полу, чтобы не узнать, у кого находится мячъ, идутъ къ кругу и ходятъ кругомъ, а тѣ, что въ кругѣ, повертываются, чтобы въ нихъ не попалъ мячъ. Наконецъ тотъ, у кого мячъ, кидаетъ его въ кого-либо стоящаго въ кругу и всѣ бѣгутъ прочь. Оставшіеся въ кругѣ стараются попасть мячомъ въ кого-либо изъ бѣгущихъ. Ежели попадутъ, то тотъ, въ кого попало, отходитъ въ сторону и садится, такъ какъ онъ *выжженъ*, если же „мимнутъ", то изъ круга выходитъ тотъ, въ котораго попали пришедшіе, бросившій же остается въ кругу. Такъ игра продолжается до послѣдняго *выжига*. Когда выжгутъ всѣхъ стоявшихъ въ кругу, то эта партія вторично становится въ кругъ, если же выжгли всѣхъ бывшихъ за кругомъ, то эта внѣшняя партія становится въ кругъ.

25. Вотыкалка.

Чертятъ на землѣ кругъ съ ½ арш. въ діаметрѣ, подвостряютъ палку и втыка- поочередно въ кругъ. У кого палка не воткнется и упадетъ, его начинаютъ *гонять*; и- кто угодно беретъ вотыкалку, идетъ впередъ и влѣпляетъ ее въ землю до тѣхъ по- она не свалится при неудачномъ ударѣ. Тогда беретъ другой и продолжаетъ втык- до послѣдняго. Когда всѣ перевтыкали, то тотъ, котораго гонятъ, беретъ воты- четъ съ ней на одной ногѣ къ кругу. Ежели скакать устанетъ, то отдаютъ на одной ногѣ) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была перемѣна гонявшихъ.

26. Еги-Баба.

Одинъ встаетъ на городокъ (верхняя площадка взъѣзда у из- а стоящіе внизу у взъѣзда спрашиваютъ: чего, дядя? Тотъ о- спрашиваютъ: на чьи боки? Еги-баба, т. е. стоящій на горо- тотъ и долженъ взбѣжать по взъѣзду на городокъ. Еги-ба- шій возвращается внизъ, гдѣ его встрѣчаютъ кулаками - затѣмъ, сганиваютъ кулаками и еги-бабу.



27. *Орина.*

Одинъ становится на гумнѣ къ овину, прочіе подходятъ и кричатъ: Орина изъ овина погоняй насъ! Орина кидается и хватаетъ кого-нибудь. Кого схватитъ, тотъ становится Ориной, но не имѣетъ права переступать за гумно („на берегъ“).

28. *Свая.*

Берутъ сваю толщиною въ четверть и болѣе, и длиною въ аршинъ, заостряютъ съ одного конца и начинаютъ вбивать въ землю. Каждый изъ играющихъ ударяетъ по сваѣ дубинкой по одному разу. Затѣмъ всѣ бѣгутъ и прячутся, а тотъ, кто водитъ, старается расшатать и выдернуть сваю. Выдернувъ ее, бѣжитъ съ ней искать спрятавшихся. Какъ только найдетъ кого-либо, возвращается на мѣсто, втыкаетъ сваю въ дыру и кричитъ: засалю! Если же во время поисковъ кто-либо выскочитъ изъ засады, подбѣжитъ къ дырѣ прикроетъ ее ногой и закричитъ: съѣхалъ! то водить приходится старому.

29. *Лодка.*

Дѣйствующія лица: *атаманъ*, выбирается рослый, говорящій басомъ. Костюмъ его: шитый галунами и блестками кафтанъ; шаровары, заправленные въ личные сапоги, мохнатая высокая шапка и подобающее вооруженіе. Иногда въ маскѣ.

Есаулъ—по костюму очень похожій на атамана, но не такъ нарядный.

Приклонскій—пьяница-разбойникъ въ статскомъ костюмѣ.

Попъ—въ маскѣ и подобающемъ костюмѣ, обыкновенно старый.

Дѣвица.

Разбойники—шайка. Костюмъ: красная рубаха, обшитая по вороту, рукавамъ и подолу галунами или золотой бумагой, и шаровары.

Атаманъ входитъ въ комнату, гдѣ находится публика; свита его останавливается въ дверяхъ. Онъ размахиваетъ саблей и поетъ:

Ты позволь-ка, намъ, хозяинъ,
Въ нову горенку войти.

Хоръ Ай лели, ай лели,
Въ нову горенку войти.

Ат. Въ нову горенку войти,
Все имѣнье осмотрѣть. (Хоръ—тоже).
Все имѣнье осмотрѣть,
Да и пиво и вино. (Хоръ).
Да и пиво и вино,—
Не прокисло ли оно. (Хоръ).

Атам. Огнемъ горю, жаромъ пылаю, побѣды презираю. Хлѣбъ, соль, да вода, да явится шайка моя!

Хоръ (поетъ)

Наша шайка здѣсь живетъ
Вольно, безпашпортно,
Нашъ хозяинъ—острый ножъ,
Сабля-лиходѣйка.
Мы не воры, мы не воры,
Не разбойнички:
Государевы крестьяне,
Рыболовнички.
Ужъ мы рыбицу ловили
По амбарамъ, по клетямъ,
По высокимъ чердакамъ.

Ат. Есаулъ!

Ес. Что прикажете?

Ат. Приведи мою лодку и шайку разбойниковъ! (Разбойники входятъ и садятся на полъ въ два ряда, какъ гребцы въ лодкѣ; атаманъ и эсаулъ становятся по концамъ лодки другъ противъ друга. Всѣ покачиваются, изображая волненіе).

Ат. (къ попу). Отецъ, разрѣшите спѣть пѣсню?
Попъ. Разрѣшаю и благословляю.
Ат. (поетъ). Внизъ по матушкѣ, братцы, по Волгѣ....
Хоръ (пристаетъ при словѣ *братцы*). По широкому раздолью.....
Ат. Поднималася, братцы, погода.

Погодушка не малая,
Не малая, волновая,
Ничего въ волнахъ, братцы, не видно.

Ат. Есаулъ!
Ес. Что прикажете?
Ат. Возьми мою подзорную трубку и посмотри на всѣ четыре стороны: нѣтъ ли пенья, коренья, подводнаго каменья, чтобы намъ, добрымъ молодцамъ, не сѣсть на мель.
Ес. (смотритъ). Вижу.
Ат. Что же ты видишь?
Ес. Колоду.
Ат. Какую тамъ къ чорту воеводу! Смотри, я тебя такъ ободрю и къ чорту въ работники сошлю. Держи правѣй, никуда не ворочай (продолжаетъ):

Только видно одна шлюпка,
Одна шлюпочка чернѣетъ,
Вотъ чернѣетъ.
На ней паруса, братцы, бѣлѣютъ,
На гребцахъ шапки синѣютъ,
Вотъ синѣютъ.....

Есаулъ!
Ес. Что прикажете?
Ат. Возьми мою подзорную трубку, и т. д...... Что же ты видишь?
Ес. Червь.
Ат. Какую невидаль тамъ червь! Въ водахъ червь, въ землѣ червь, въ лѣсахъ сучки, въ городахъ полицейскіе крючки, хотятъ нашихъ добрыхъ молодцевъ сковать, связать и къ чорту въ работники послать. Держи правѣй, никуда не сворачивай.
Ес. Слушаю.
Ат. (продолжаетъ пѣть):

На гребцахъ шляпы, братцы, синѣютъ,
На нихъ кушаки алѣютъ.
Самъ хозяинъ, братцы, во нарядѣ:
Во кумашненькой рубашкѣ....

Есаулъ!
Ес. Что прикажете? (и т. д., какъ и ранѣе). Вижу садъ!
Ат. А я этому очень радъ.
Ес. При немъ находится прекрасная дѣвица.
Ат. А! это хорошо! (Поютъ):

Приворачивай, братцы-ребята,
Ко крутому бережку,
Ко Куляшину предворью.....

Есаулъ!
Ес. Что прикажете?
Ат. Весла по бортамъ и рабочихъ по мѣстамъ.
Есаулъ!
Ес. Что прикажете?
Ат. Приведи ко мнѣ прекрасну дѣвицу, что находится за 12-ю желѣзными замками (приводятъ дѣвицу).
Ат. (къ ней): Не желаешь ли выйти за меня замужъ?
Дѣв. За такого то кровопивца!
Ат. Сѣчь! рубить!

Разбойники (кричатъ). Лучше за Приклонскаго отдать!

Ат. Ну, послушаю, ребята, вашего совѣта: не возьметъ-ли Приклонскій.... Приклонскій!

Пр. (стоя за дверями, хриплымъ голосомъ) Эй?..

Ат. Приклонскій!

Пр. Эй?..

Ат. Приклонскій, пьяница, поди сюда!

Пр. (Входитъ, шатаясь и натыкаясь на разбойниковъ). Что прикажете, господинъ атаманъ?

Ат. Не желаешь ли ты жениться?

Пр. Э! жениться! по моему, лучше задавиться. Да, положимъ, при старости лѣтъ не худо: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, да кого же ты мнѣ дашь? 70-ти лѣтнюю старуху?

Ат. Я тебѣ дамъ не 70-ти лѣтнюю старуху, а 17-ти лѣтнюю дѣвицу.

Пр. А гдѣ же она? (Ему показываютъ. Онъ, пошатываясь, останавливается передъ ней). Ахъ! красоточка моя, полюби-ка ты меня! Я человѣкъ богатый: у меня есть четверка табаку, фунтъ картошки, славная будетъ окрошка, а придешь домой, и полопать нечего. (Показываетъ на висящій у нея на шеѣ медальонъ). Чей это у тебя, голубушка, портретъ?

Дѣв. Матушки.

Пр. А кто у тебя матушка?

Дѣв. Не знаю.

Пр. А кто у тебя отецъ?

Дѣв. Приклонскій.

Ат. Ба! Приклонскій? Сѣчь! рубить! (Ее зарубаютъ).

Пр. (Отрезвившись, къ атаману). При такой моей горести я спою пѣсню, а вы споите къ моей пѣснѣ припѣвъ. (Поетъ):

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце во мнѣ бьется.
Хоръ. Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея, нѣтъ ея.
Пр. Нѣтъ ея, знать запропала,
За ракитовъ кустъ запала. (Припѣвъ).
У кого спрошу? Кто скажетъ?
Кто несчастную покажетъ? (Припѣвъ).
Земледѣлецъ не видалъ ли?
Ловчій въ полѣ, не слыхалъ ли? (Припѣвъ).
Пастушокъ въ лужкахъ душистыхъ,
При ручьяхъ пастушка чистыхъ. (Припѣвъ).
Злу тоску мою прервите,
Милы дѣвушки, скажите. (Припѣвъ).
Нѣтъ ея, мой духъ терзайся,
Лейтесь слезы, грудь пронзайся! (Убиваетъ себя изъ пистолета и падаетъ).

Ат. Кого мы лишились? Приклонскій бурю сокращалъ, корабли остановлялъ, теперь его не стало! Поэтому надо воздать ему послѣдній долгъ, похоронить съ честью. (Вызываетъ попа). Вотъ видишь ли, кончился нашъ Приклонскій, поэтому отслужи панихиду.

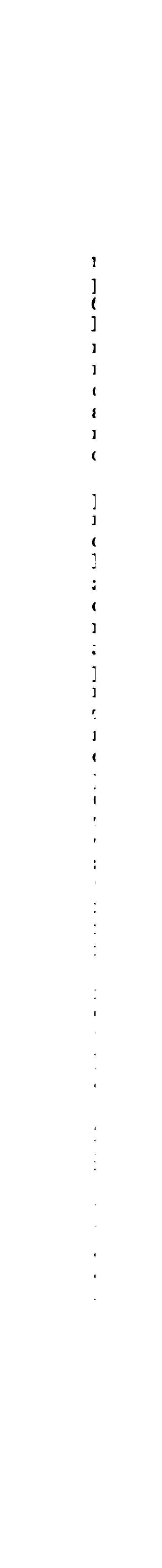
Попъ. Не ври! мы сейчасъ съ нимъ выпивали.

Ат. Говорятъ тебѣ: служи!

Попъ. Требникъ и кадило! (Ему подаютъ). Съ праздникомъ, господа!

Ат. Какой же это, туракъ, праздникъ?

Попъ. А ты уменъ, какъ попъ Семенъ, такъ и служи самъ. (Уходитъ.)



тамъ, которые были отданы подъ закладъ: они были невражены. И видя М. Т—въ, што тамъ на берегу три совдата ходятъ, приказалъ подчалиться къ берегу. Причалились къ берегу и подошли тѣ три совдата, которые были въ змѣиной брюшинѣ, а М Т—въ на корабъ нейдетъ, на радостяхъ ходитъ взадъ да впередъ по берегу. Совдаты сговорились: давайте, отчалимтесь, да уѣдемте, пущай онъ останется здѣсь, ему отсюда не придти, а мы дома скажемъ, что его змѣи съѣли, а мы, молъ, корону достали, насъ царь и наградитъ. Сейчасъ отчалились отъ берегу, а М. Т—въ скачъ-поскачъ, а никакъ не можетъ взойти на корабъ, сѣлъ на берегъ и заплакалъ. Поплакалъ и придумалось ему: пойду я за кораблемъ, не могу ли дойти до дому? И пошелъ М. Т—въ берегомъ, подался [1]) недалеко, вдругъ выскочилъ изъ лѣсу чортъ, бѣжитъ, да самъ и кричитъ: а! ты у насъ корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, вотъ ужъ топере не убѣжать, я тебя съѣмъ! М. Т-въ побѣжалъ отъ чорта и перескочилъ за канавку, тутъ ужъ чорту дѣла нѣтъ до него, онъ не можетъ за канавку перейти, тутъ ужъ земля не чорта, а медвѣдя.—Только онъ за канавку перескочилъ, сейчасъ ему медвѣдь навстрѣчу, три сажени вышины да двѣ ширины, разѣлъ пась и говоритъ: заходи ко мнѣ въ ротъ, отъ меня ужъ не уйдешь. Ты корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, да и отъ чорта ушелъ, а ужъ отъ меня не уйдешь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милосливый. И сталъ прошать М. Т — въ, чтобы онъ его спасъ. И говоритъ М. Т-въ: Михайло Потаповичъ, спаси меня, а самъ поклонился медвѣдю въ ноги. Сейчасъ медвѣдь усѣлся на лужокъ и сталъ разсказывать М. Т — ву: у царя севодня пиръ, вотъ ужъ пріѣхали къ нему съ короной. А М. Т—въ и затосковалъ силно: ахъ! гтъ, не привелось мнѣ на пиру попировать! А медвѣдь говоритъ ему: ежели желаешь, то мы поспѣемъ на пиръ съ тобой. Онъ опять поклонился модвѣдю въ ноги. Сдѣлай, гтъ, такую милость, штобы поспѣть на пиръ! Сейчасъ медвѣдь приказалъ залѣзать на его, полѣзъ М. Т—въ на его, медвѣдь поприсѣлъ. И поскакалъ медвѣдь во всю рысь. Подскакалъ къ овинамъ къ тому городу, въ которомъ былъ царь, и приказалъ, штобы про него не сказывать, што его медвѣдь привезъ: ежели какъ скажешь, такъ сейчасъ тебя изъ артили выхвачу и съѣмъ. Забожился М. Т—въ, што не скажу. Простился съ медвѣдемъ и пошелъ въ городъ. А царь корону принялъ отъ тѣхъ и усадилъ всѣхъ въ передній уголъ. Ужъ пьютъ да попиваютъ, а Михайла не забываютъ, за упокой поминаютъ потому што тѣ пріѣхали и сказали, што М. Т—ва змѣи съѣли и никто не считалъ его живымъ. Только идетъ М. Т—въ на глаза царю. Царь какъ увидѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ охапку и спрошалъ: гдѣ ты взялсё? А вотъ, гтъ, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ. И разсказалъ все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился царь и разстрѣлялъ совдатовъ, тѣхъ, которые омманули его, только трехъ оставилъ, которые были въ змѣиномъ превѣ. А М. Т—въ только помянулъ про медвѣдя, а медвѣдь тутъ и есь, распехиваетъ народъ своей широкой грудьей; стража вся испугалась такого преогромнаго звѣря и у совдатовъ выпали ружья изъ рукъ. И пропустили медвѣдя къ царю во дворецъ. Подходитъ медвѣдь и добирается до М. Т—ва и хочетъ его съѣсь. Но М. Т—въ ему въ отвѣтъ говоритъ: не ѣшь меня, медвѣдь, не я, гтъ, сказалъ про тебя, но хмель мой сказалъ. Давай и тебя напоимъ, и ты неладно заговоришь.—Сейчасъ прикатили сороковку бочку, напоили медвѣдя, онъ однимъ духомъ ее высcалъ [2]) и сдѣлался пьяной и повалился и не помнитъ самъ себя. А стража хотѣла его убить. Но М. Т—въ не далъ. Онъ, гтъ, меня спасъ, такъ и я его спасу. А вся стража покорялась М. Т—ву.

Медвѣдь проснулся и не помнитъ, какъ онъ плотно спалъ. Тамъ стали разсказывать другіе протчіе, какъ это дѣло было; медвѣдь поблагодарилъ М. Т—ва, что онъ спасъ отъ стражи и самъ удалился во свою сторону. А М. Т—въ получилъ отъ царя половину царства и женился на царевнѣ у того же царя. И топере ешшо все-тъ живутъ съ царевной и царствуютъ вмѣстѣ со своимъ тестемъ [3]).

---

2. О царѣ и царицѣ и двухъ ихъ сыновьяхъ и о волшебной старухѣ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не имянно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь да царица. У царя—у царицы были два сына; они ходили въ школу. Какъ придутъ они изъ школы, не спросятся кухарки, што есь въ печи, все съѣдятъ.—Однажды царь ходилъ по городу прогуливаться. Повстрѣчался онъ съ мужикомъ, а этотъ

[1]) Подвинулся впередъ.

[2]) Высосалъ.

[3]) Ср. *Романовъ Бѣлорусскій сборникъ.* III. Могилевск. губ. отд. II. № 30. Проварна Ярыжка. *Садовниковъ Сказки и преданія Самарскаго края.* № 2. Иванъ—Туртолинъ. *Ред.*

мужикъ продавалъ птицу. А на этой птицѣ подписано подъ папороткамъ [1]): кто мою голову съѣсъ, тотъ будетъ червонцамъ плевать, а кто мое сер(д)це съѣсъ, тотъ будетъ на умѣ все знать.

Увидѣлъ царь эту запись и купилъ у мужика птицу, принесъ домой и велѣлъ кухаркѣ зажарить. Она зажарила, а сама и вышла вонъ изъ кукни. Въ то время пришли его сыновья изъ школы и увидѣли въ печи птицу и съѣли пополамъ: одинъ головку, а другой серце. Который голову съѣлъ, тотъ сразу и сталъ червонцамъ плевать, а который серце съѣлъ, тотъ сталъ все на умѣ знать.—Вдругъ приходитъ кухарка домой, а у нее птички-то и нѣтъ; сейчасъ же она доказала царю, што съѣли птичку твои сыновье. Царь приказалъ обѣихъ сыновей заколоть да зажарить ему и думалъ, што если съѣсъ сыновей, то будетъ червонцамъ плевать и на умѣ знать. Приходитъ лакей, а ужъ сыновье не тутъ-то были. Который все зналъ на умѣ и узналъ до поры [2]), што царь хочетъ ихъ заколоть обѣихъ. И отправились эти сыновье въ разныя стороны. Старшій сынъ пошелъ и сталъ разсказывать, што на умѣ у кого есь, а меньшой сталъ червонцамъ плевать, тѣмъ и кормился.

Однажды онъ пришелъ въ деревню, а въ этой деревнѣ жила волшебная старуха, а у старухи была ешшо внучка. Эта внучка была мастерица въ карты играть. Онъ и добрался до этой дѣвицы, пришелъ къ ней и зачали въ карты играть, а она такому гостю рада. Дѣвица эта играла, играла, не могла его переиграть и пошла къ своей бабушкѣ. - Баушка! могу ли нѣтъ переиграть, гтъ, его?—Нѣтъ, гтъ, дитятко, не переиграешь его. Онъ какъ плюнетъ, у него и полонъ подолъ червонцевъ.—Такъ што же мнѣ съ имъ дѣлать? - А возьми, съ нимъ поиграй, да и купи бутылочку водки ему, а полбутылки спирту, поднеси стаканчикъ, либо два.—Вотъ она пришла домой, а у ее ужъ водка была готова, поиграла немного и спросила его: пьешь, гтъ, водку? Онъ отвѣчаетъ: не худо, топере бы стаканъ-другой выпилъ. Сейчасъ она поставила передъ его бутылку и говоритъ: вотъ, пей, сколько хошь. Онъ эту бутылку живо всю выпилъ. Потомъ она принесла полбутылки спирту, и спиртъ онъ выпилъ. И ослабѣлъ, играть съ ней не можетъ, легъ да и заснулъ на этомъ же мѣстѣ. И спитъ онъ плотно богатырскимъ сномъ. А эта дѣвица опять побѣжала къ баушкѣ.—Што, гтъ, теперь дѣлать съ нимъ? онъ ужъ сильно пьянъ лежитъ. А та и говоритъ: гляди, когда его выломаетъ [3]), то эту ломанину ты и слижи, и будешь червонцамъ плевать. Сейчасъ она взяла эту ломанину и употребила въ похлебку, съѣла и стала она червонцамъ плевать, а ему еще въ ротъ напехала червонцевъ. Онъ проснулся, опять стали играть. Онъ въ первый разъ плюнулъ—покрасило [4]), а во второй-отъ разъ плюнулъ—денегъ то ужъ нѣтъ.—Затосковалъ и пошелъ онъ отъ нее путемъ дорожкой. Идетъ онъ и слышитъ впереди ревъ. Подходитъ къ тому мѣсту и видитъ: дерутся два чертенка,—нашли кошелекъ самотрясъ. Нашли они вмѣстѣ, а не знаютъ, которому принадлежитъ и сильно другъ дружку избили. Подошелъ онъ къ имъ и спросилъ: што дѣлаете? Они ему отвѣчаютъ: разсуди, братъ, которому принадлежитъ этотъ кошелекъ? Онъ посмотрѣлъ на того, на другова и сказалъ: вотъ я опушму мушку и который переже [5]) схватитъ и принесетъ, того и кошелекъ. Махнулъ рукой, а никакой мушки не выпустилъ. Сейчасъ спорхнули чертята и полетѣли искать мушку, а онъ съ кошелькомъ возратился ко старухиной внучкѣ. Приходитъ онъ въ домъ, а она такому гостю рада. Приняла, да и давай играть. Играли, играли,—ни который другъ дружку не можетъ переиграть. Одинъ тряхнетъ кошелькомъ—полный подолъ, а другая плюнетъ—того больше. Сейчасъ опять побѣжала ко своей баушкѣ. Што, могу-ли нѣтъ, баушка, переиграть ево? А баушка гтъ: нѣтъ, не переиграть его.—Такъ што же мнѣ съ имъ дѣлать?—А возьми, напой его пьянова и посмотри, какой кошелекъ, и сошей такой же, и навали въ него денегъ, и ему въ карманъ и сунь, а этотъ возьми себѣ.—Она пришла домой и сдѣлала по баушкинымъ наукамъ, сошила такой кошелекъ и пересыпала деньги.—Пробудился молодецъ, она и стала говорить: давай играть. И зачали они играть. Вынявъ изъ кармана кошелекъ, тряхнувъ въ первый разъ — покрасило, въ другой разъ тряхнулъ — не тутъ-то было! денегъ-то и нѣтъ! — Испугался, дѣлать нечего, и пошелъ изъ избы. Вышелъ онъ на улицу и пошелъ прежней дорогой. Подходя къ счастливому мѣсту, опять дерутся два чертенка. Онъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: о чемъ вы деретёсь такъ? — Они отвѣчаютъ: да вотъ нашли коверъ-самолетъ, да не знаемъ, какъ раздѣлить его. Онъ сказалъ имъ: давайте я раздѣлю. Они поклонились ему въ ноги: раздѣли пожалуста!—Онъ махнулъ рукой и говоритъ: я опустилъ птичку; кто схватитъ напередъ, тово коверъ и есть. Чертенята соскочили и полетѣли изъ виду вонъ. Царевичъ (в)сталъ на коверъ-самолетъ и сказалъ:

[1]) Папаротки—крылья.
[2]) до поры—заблаговременно.
[3]) вырветъ.
[4]) удалось, вышло хорошо.
[5]) прежде, раньше.

коверъ-самолетъ лети выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Коверъ поднялся и полетѣлъ. И говоритъ царевичъ: опустись въ садъ къ волшебной старухѣ. Сейчасъ коверъ и спустился въ садъ.—Увидѣла волшебная старуха и побѣжала за внучкой: бѣги-ка, гть, скорѣе, опять прилетѣлъ твой игрокъ, поднеси ему рюмочку-другую. Она соскочила съ лавки и побѣжала. Прибѣжала въ садъ, а тутъ стоитъ царевичъ на коврѣ и съ ковра не сходитъ. Она и бросилась къ нему съ виномъ, взошла на коверъ, а онъ шопоткомъ и сказалъ: коверъ-самолетъ, лети выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго! Коверъ поднялся изъ виду вонъ и полетѣлъ и ее понесъ съ собой.—Летѣли они надъ моремъ и сѣли на островъ, а тотъ островъ въ двѣ сажени длины и сажень ширины, одна на немъ горушечка, есть тутъ и кустикъ. Тутъ они улеглись спать. Царевичъ уснулъ, а она не спитъ. По малѐньку вытащила она коверъ изъ подъ его, да сама и сказала: лети, коверъ-самолетъ, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Коверъ поднялся и полетѣлъ и опустился къ ёй въ садъ. А царевичъ проснулся, испугался, сидитъ и ревитъ подъ кустикомъ.—Вдругъ нигдѣ взять три голубя, прилетѣли и сѣли на этотъ кустикъ на вѣточки. Одинъ голубь и говоритъ другому: кто бы вѣточку мою сломилъ, то и сдѣлалъ бы черезъ море мостъ калиновый и сукномъ обитъ, съ перилами. Другой голубь говоритъ: кто бы мою вѣточку сломилъ, то и сдѣлалась бы тройка кòней и съ кучеромъ и карета стеклянная по этому мòсту ѣздить. А третій голубь говоритъ: кто бы мою вѣточку сломалъ, то сдѣлалась бы золотая уздечка. Эту уздечку на которую хошь дѣвицу накинь, такъ сдѣлается самолучшей кобылицей. Проговорили эти слова и сами скрылись. Царевичъ сейчасъ и сломилъ первую вѣточку, и сдѣлался мостъ калиновый, сукномъ обитый; сломилъ другую и сдѣлалась тройка кòней и кучеръ и стеклянная корета; сломалъ третью, и сдѣлалась золотая уздечка. Онъ взялъ уздечку въ карманъ, самъ сѣлъ въ повозку и потурилъ по этому мосту.—Поѣхалъ онъ къ той же волшебной старухѣ подъ окно. Не доѣхалъ до саду, вылѣзъ и пошелъ въ садъ.—Увидѣла волшебная старуха и побѣжала за внучкой.—Бѣги скорѣе твой-отъ игрокъ ужъ въ саду гуляетъ. Та схватила бутылку водки и побѣжала въ садъ. Онъ вынялъ изъ кармана уздечку, накинулъ на нее и сдѣлалась онъ отличной кобылицей. Сѣлъ на нее царевичъ верхомъ и давай гонять взадъ и впередъ по дорогѣ; гонялъ, гонялъ, догонялъ до того, что не одна съ неё пѣна слѣзла, снялъ уздечку, она опять сдѣлалась дѣвицей и сейчасъ къ нему въ ноги.—Прости меня, говоритъ, а вотъ тебѣ кошелекъ-трясунчикъ и коверъ-самолетъ. Онъ и взялъ ее взамужъ. Денегъ у нихъ много, она червонцемъ плюетъ, онъ кошелькомъ трясетъ, тройка кòней и коверъ-самолетъ. И зажили они богато [1]).

(Записано со словъ крестьянина Кадниковскаго уѣзда, Замошской волости, Николая Васильянова).

3. Варіантъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ [2]).

Города Мурома Илья былъ муромецъ, сынъ Ивановичъ. Онъ 20 лѣтъ безъ ногъ былъ, никуда не ходилъ. Въ его именины, на окончаньѣ сѣнокоса, отецъ и мать пошли къ обѣднѣ помолиться о его здоровьѣ. Ушли они, помолились Богу. Господь Царь небесный услышалъ

1) Ср. Аѳанасьевъ. Русскія сказки II. № 115. Чудесная курица. *Ред.*

2) Въ рукописномъ матеріалѣ, доставленнымъ въ Отдѣлъ П. И. Астровымъ, встрѣчается варіантъ сказанія объ Ильѣ, записанный г. Астровымъ въ с. Темиревѣ, Хохловской вол., Елатомскаго у., Тамбовской губ. Варіантъ, который мы приводимъ, крайне испорченъ. Интересно, однако, что въ представленіяхъ жителей указанныхъ мѣстностей смѣшивается Илья пророкъ и Илья-богатырь: безъ различія и тотъ и другой называется Илья Великій. Вотъ разсказъ, который записалъ г. Астровъ въ указанной мѣстности „Илью Великаго Господь посылалъ прогонять чертей. Напередъ Богъ съ чортомъ вмѣстѣ жили. Что Богъ ни прикажетъ, куда ни пошлетъ, чортъ все слушается. Потомъ вышелъ изъ повиновенія. Тогда Богъ послалъ Михаила-архангела прогонять его. Михаилъ-архангелъ боролся съ нимъ; видитъ—осилить не можетъ. Тогда Богъ послалъ съ нимъ Илью Великаго. Они опять осилить не могли: они машутъ по нимъ, а черти все вверхъ хотятъ. Тогда Богъ далъ имъ свой жезлъ. Если не одолѣете—Самъ, сказалъ, пойду. Съ жезломъ чертей прогнали. Они сквозь землю провалились въ рѣку. Илья Великій прежде человѣкомъ былъ. Только у него руки и ноги отсохли. Отецъ и мать пошли въ лѣсъ дрова рубить. Илья почувствовалъ въ себѣ силу и говоритъ: еслибъ ноги и руки, я бы съ корнемъ древа рвалъ и бросалъ. Слетѣли съ неба три ангела, велѣли ему встать. Илья говоритъ: не могу; тѣ опять—Илья всталъ. Ангелы велѣли ему выпить чашку вина. Онъ выпилъ. Илья почувствовалъ, что силы у него прибавилось. Ангелы велѣли ему выпить другую. Спрашиваютъ, что съ нимъ. Говоритъ, силы у него столько, что еслибы былъ столбъ отъ земли до неба, то онъ повернулъ-бы всю божію колесницу. Тогда эти трое дали ему выпить четвертую чашу вина; силы у него стало меньше. Больше ему не нужно было силы. Тогда сталъ Илья искать себѣ богатырей, съ которыми бы побиться. Узналъ про Соловья-Разбойника. Соловей былъ мужикъ, залѣзалъ на деревья, разбойничалъ. Илья вошелъ къ нему въ домъ. Илья велѣлъ Соловью свистѣть. Соловей свистнулъ. Илья еле удержался на ногахъ. Теперь, говоритъ Илья, я тебя свистну, завязывай глаза. Завязалъ ему глаза и свистнулъ его дубиной. Соловья убилъ. У Соловья были дѣти. Говорятъ, какъ поѣдетъ Илья черезъ ворота, какъ нибудь придавимъ его. Сѣли оба на ворота, положили чѣмъ его раздавить. Илья какъ-то увернулся: Богъ его спасъ и взялъ его на небо“. *Ред.*

ихъ молитву и послалъ къ нему, Ильѣ, Илью пророка да Миколу-милостиваго. Пришли они къ нему и говорятъ: что-де сидишь? А онъ имъ говоритъ: да вотъ не могу встать, а то поподчивалъ бы васъ. А они говорятъ: вставай на ноги, благословясь. Онъ всталъ и сталъ, немного опираясь.—Слава Богу, говоритъ, для васъ будто мнѣ Богъ здравіе даетъ, я обрадѣлъ! [1]) У отца моего сварено пиво, я вамъ принесу. Онъ пошелъ и нацѣдилъ большую чашу пива и сталъ подчивать. Они говорятъ: выпей самъ на здоровье! Онъ выпилъ и говоритъ: для васъ я принесу другую. Сходилъ и принесъ. Ему опять говорятъ: выпей самъ на здоровье! Выпилъ и другую чашу. Его и спрашиваютъ: какъ чувствуешь ноги? — Чувствую, говоритъ, силу.—Такъ сходи, говорятъ, и выпей третью; сходилъ онъ и по третью, выпилъ ее. Спросили его опять про силу, а онъ сказалъ: чувствую большую силу, такую, что еслибы въ землю поставить столбъ, а въ столбъ ввернуть кольцо, то имъ я повернулъ бы всю подвселенную.—И пошелъ онъ и принесъ имъ цѣлую бочку-сороковицу пива; тѣ попробовали; сказали: хорошо пивко; дай Богъ тебѣ жить да богатѣть, и ушли.—Приходятъ отецъ съ матерью и видятъ, что сынъ здоровъ, на ногахъ стоитъ, и благодарятъ Господа, что здоровъ. Обрадовались этому, позвали кое-кого по ближности—поздравить сына съ именинами.—Вотъ потомъ и сталъ Илья говорить отцу съ матерью: поживу я съ вами немножко и пріищу себѣ коня по мысли, чтобы можно было на немъ разъѣхаться. И сталъ онъ по ближности коня искать. Отецъ съ матерью дали ему благословенье; онъ ходилъ и искалъ коня: какого ни найдетъ, руку положитъ, конь подгибается. Ну, да нашелъ-таки такого коня, какого ему нужно было, обраталъ [2]) его и поѣхалъ. И сталъ онъ говорить отцу-матери: поѣду я теперь поганыя мѣста очищать, дайте мнѣ благословеніе!—Тѣ говорятъ: мы даемъ благословеніе, только добрыхъ людей не обижай. И поѣхалъ онъ въ инное [3]) царство: слышалъ онъ, что есть тамъ сильный, могучій богатырь, изморилъ онъ все тамошнее царство: по 12-ти овецъ-яловицъ за обѣдомъ съѣдалъ. Голова съ пивной котелъ, между глазъ аршинъ уляжется.—Пріѣхалъ Илья къ нему,—богатырь въ тѣ поры обѣдать сбирается: у него пріёмницы [4]) какъ вилы назёмныя [5]), ткнетъ овцу — и въ ротъ.—Спросилъ его богатырь: откуда ты молодецъ?—Изъ Мурома, отвѣчалъ Илья.—Слышалъ я, говоритъ, есть богатырь Илья; скажи, великъ ли онъ ростомъ будетъ?—Да точно такой, какъ я, отвѣчаетъ Илья.—Не великъ же вашъ богатырь, вѣрно не ѣстъ онъ столько, какъ я, видишь вотъ, сколько я поѣдаю!—Нѣтъ, отвѣчаетъ Илья, нашъ богатырь ѣстъ по обычному, да вѣдь нѣтъ и толку въ большой ѣдѣ: у отца моего была кобыла обжорчива да корова опойчива, объѣлись барды и околѣли. Не показалось [6]) Ильѣ, и богатырь началъ искоса на него посматривать, не показалось и ему, бросилъ въ въ него желѣзными вилами, да попалъ въ косякъ, а не въ Илью. Глядѣлъ, глядѣлъ на него Илья, да и говоритъ: а по-моему не такъ, а вотъ какъ: взялъ свою шляпу (?) изъ подъ пазухи, вѣсомъ 40 пудовъ, да какъ броситъ въ него; голову ему сразу проломилъ и бревно вышибъ, такъ его тутъ и покоренилъ [7]).

И поѣхалъ Илья дальше, все на поганыя мѣста забирается, гдѣ на дорогахъ людей грабятъ. Слышалъ онъ: есть Соловей-разбойникъ—на семи дубахъ гнѣздо свито, отъ свисту его люди умирали. Подъѣзжаетъ, и будетъ за полверсты, свиснулъ Соловей-разбойникъ. Конь подъ Ильей упалъ на карачки. И говоритъ Илья; что мой конь испугался? Не богатырскаго ли огарка [8]), не молодецкаго ли посвисту? Оглядѣлъ онъ Соловья, натянулъ тугой лукъ, навелъ калену-стрѣлу и пустилъ въ правый глазъ. И упалъ съ дуба долой Соловей. Потомъ взялъ его Илья и привязалъ къ своему стремену и поѣхалъ. А у Соловья поближности были три дочери. Подъѣзжаетъ Илья и видятъ онѣ его. Младшая и говоритъ; вонъ батюшка кого-то ведетъ; другая посмотрѣла и говоритъ; нѣтъ, кабы ли не нашего батюшка кто-то ведетъ? И хотѣли онѣ его воротами задавить: ворота-то были на желѣзныхъ цѣпяхъ. Но не допустилъ до того Соловей и закричалъ имъ: принимайте этого человѣка съ честью и славой, чтобъ меня въ живыхъ оставилъ. Тѣ и приняли Илью съ честью и славой, почитали его и просятъ: оставь намъ батюшку на прокормленье! А Илья говоритъ; нѣтъ, не оставлю. И поѣхалъ съ Соловьемъ дальше. — По ближности тутъ свадьба была. Пріѣзжаетъ онъ на эту свадьбу, принимаютъ его тамъ съ честью. Сидитъ онъ за столомъ и говоритъ: есть у меня птица—на дубу при дорогѣ сидѣла, людей свистомъ убивала. Тѣмъ

---

1) Обрадовался.
2) Обуздалъ; *обрать* узда.
3) Иное.
4) Вилка.
5) Навозныя.
6) Не понравилось
7) Убилъ.
8) Отъ сл. *гаркать*—кликать, звать.

испытать захотѣлось: заставь, говорятъ, свиснуть хоть въ пол-свиста. И говоритъ Илья: ну, Соловей-разбойникъ, свисни, да не во весь свистъ. Свиснулъ Соловей — изъ оконъ рамы повыпрядали, а люди на полъ попадали. — Изъ этого мѣста поѣхалъ Илья въ инное царство; на тамошняго короля много силы наступало, а сила вся некрещёная; стали Илью объ оборонѣ просить. Взялъ онъ березу изъ корени вонъ и началъ тою березою силу некрещёную бить и въ три часа всю ее перевелъ. — Отсюда поѣхалъ Илья снова въ инное царство. Тамъ наступалъ на православныхъ сильный, могучій богатырь. Съѣхался съ нимъ Илья. Ровно не два богатыря съѣзжались, а двѣ горы сходились! Выбилъ богатырь Илью изъ сѣдла, да поправился онъ, наступилъ на него и побилъ: упалъ тотъ къ ногамъ его. — Изъ какого ты града, чьево ты роду-племени? — спросилъ его Илья. — Охъ! отвѣчалъ тотъ, вотъ былъ бы я на твоемъ мѣстѣ, не сталъ бы, какъ ты, спрашивать: изъ какого граду, чьего роду-племени? А распоролъ бы я груди бѣлыя твои, закинулъ бы очи ясныя. Сказался онъ Ильѣ и нашелся ему въ роднѣ. И сталъ его звать съ собой Илья — поганыя мѣста очищать; побратались они и поѣхали вмѣстѣ. Поѣхали и доѣхали до иннаго царства. Тамъ тоже могучій богатырь наступаетъ на царство и проситъ царь Илью о помощи. Пошелъ Илья съ товарищемъ и много силы побили... Царь позвалъ ихъ къ себѣ и сдѣлалъ пиръ на веселѣ, а послѣ того Илья съ товарищемъ домой поѣхалъ. Весело всрѣтили ихъ отецъ съ матерью, начали угощать, пировство пошло, а нашей сказкѣ пришелъ конецъ.

(Сообщено А. Е. Мерцаловымъ, а имъ записано со словъ кр. Кадниковскаго у., Заднесельской вол., дер. Малаго Турова, Александра Жижина.)

---

4. Сучье рожденье [1]).

Прискаска. Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, въ горшокъ ляпнуло; течи, потечи, идетъ добрый молодецъ изъ-за печи на свиньѣ въ сѣдлѣ, топоромъ подпоясался, ноги за поясомъ; квашня старуху мѣситъ. Я ей сказалъ: спорынья въ старуху! [2]) она какъ схватитъ изъ за лопаты печь, меня печью хлесь; я побѣжалъ, черезъ портки приступокъ и изорвалъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ царь съ царицей и глубочайшей были старости, лѣтъ 80-ти. Въ одно время [3]) ловили на морѣ рыболовы рыбу. Увидавши, царь и посылаетъ своего слугу: сходи къ рыболовамъ и вели закинуть сѣти на мое счастье, тамъ ужъ они сколько ни запросятъ, ты все имъ давай. Рыболовы закинули сѣть и вытащили одну щуку, только что на ней кожа была какъ золотая. Приноситъ слуга эту щуку, и приказываетъ царь своей нянюшкѣ приготовить пирогъ Та разрѣзала щуку на три части; со серединою испекла про нихъ, съ головою про себя, обрубила хвостъ и бросила его подъ столъ. Лежала подъ тѣмъ столомъ преогромная сука, она и съѣла этотъ хвостъ. — Когда скушали пирогъ, съ того времени царица стала беременна и также ихняя нянюшка, въ то же самое время и сука; и родили онѣ даже въ одни дни, въ одни часы; сука хоша принесла младенца, только были собачьи уши. Потомъ сходили за священникомъ, начали давать имена. Царскому сыну дали Иванъ-царевичъ, а няньккину — Иванъ-нянькинъ. Священникъ пошелъ изъ комнаты вонъ. Сука, увидавши священника, начала говорить человѣческимъ голосомъ: что же батюшка, моему-то сыну какое дать имя? Священникъ посмотрѣлъ подъ столъ. Увидавши младенца: ну, когда отъ суки родился, пусть будетъ Сучье-рожденье. Сука отвѣчаетъ ему: мнѣ и этого довольно.

Эти молодцы росли не по годамъ, а по часамъ. Пришли всѣ трое въ совершенный возрастъ, стали ходить гулять и заниматься охотою. Звались они братьями, постоянно ходили вмѣстѣ.

И говоритъ царскій сынъ своимъ братьямъ: вотъ, что, братцы! кто же изъ насъ старшій будетъ, чтобы одному намъ повиноваться? А Сучье-рожденье говоритъ: давайте, братцы, кидать сорока-пудную палицу; который изъ насъ дальше броситъ, тотъ и будетъ старшій,

---

[1]) Сказка № 4 а также сказки №№ 7, 8, 19, 20, 23, 31—34, 36 и 38 записаны М. М. Куклинымъ въ Во-[illegible]. Имъ же доставлены г. Иваницкому и нѣкоторые другіе №№ сказокъ *Ред.*

[2]) [illegible] того, чтобы сказать: „спорынья въ квашню!“ какъ принято.

чтобы тому и повиноваться. Ивану-царевичу не хотѣлось такъ сдѣлать, потому что я, говоритъ, царскій сынъ, такъ вы должны мнѣ повиноваться, но много прекословить не смѣлъ. Взявши сорока-пудную палицу, бросили жеребей—кому впередъ начинать кидать ее. И досталось Ивану царскому сыну, потомъ Ивану нянькину-сыну, а Сучью-рожденью послѣднему. Иванъ-царевичъ бросилъ далеко, Иванъ-нянькинъ кинулъ еще дальше, Сучье-рожденье всѣхъ дальше бросилъ.—Вотъ, братаны, вы должны всѣ мнѣ повиноваться по нашему уговору.

Въ одно время собрались и поѣхали всѣ вмѣстѣ на охоту и заблудились въ большомъ непроходимомъ лѣсу, такъ что къ вечеру могли они только выбраться на одинъ пространный лугъ, гдѣ находился пребольшой каменный домъ и каменные пустые подвалы, а черезъ рѣку мостъ.

Говоритъ Сучье-рожденье своимъ братьямъ: вотъ что, братцы! нужно здѣсь намъ ночевать, надо разузнать, кто здѣсь проживаетъ. Бросили они жеребей, кому стоять у мосту и караулить ночью. Досталось Ивану, царскому сыну. Царскій сынъ всталъ у мосту, а братья его остались въ домѣ ночевать. И въ это время, часовъ въ 12 ночи, проѣзжалъ по мосту Поганое Поганище о три головы. Только что въѣхалъ на середину моста, кони у него споткнулись.—Фу! что вы спотыкаетесь! Говорятъ, что Сучье-рожденье родится, да оно еще не родилось...

Иванъ-царевичъ, увидавшій это чудовище, очненно испугался и скрылся отъ него изъ виду.

На разсвѣтѣ утромъ рано приходитъ къ своимъ братьямъ. И спрашиваетъ его Сучье-рожденье: что же, братецъ Иванъ, видѣлъ въ сегодняшную ночь?—Положительно я ничего не видѣлъ,—не сказываетъ.

Такъ же пришла очередь на другую ночь и Ивану нянькину-сыну. Тоже самое, часовъ въ 12 ночи проѣзжаетъ чудовище о шести головъ. Кони у него на серединѣ моста споткнулись.—Фу! что вы спотыкаетесь! Еще Сучье-рожденье не родилось; говорятъ, что родится, но оно еще не родилось.

Иванъ, нянькинъ-сынъ, также очненно испугался этого чудовища и скрылся изъ виду его.

Приходитъ къ своимъ братьямъ утромъ рано. Спрашиваетъ его Сучье-рожденье: что же, братецъ Иванъ, сегодняшную ночь видѣлъ?—А ничего не видалъ,—отвѣчаетъ онъ Сучью-рожденью.

На третьи сутки приходитъ чередъ дежурить Сучью-рожденью. Взявши, Сучье-рожденье на сумеркахъ выкопалъ у мосту яму и поставилъ столбъ, взялъ рюмку, разрѣзалъ себѣ палецъ и капнулъ одну каплю крови въ рюмку и поставилъ на столбъ. И говоритъ своимъ братьямъ: слушайте, братцы! вы сегодня ночь пожалуйста не спите. Когда у насъ зайдетъ съ чудовищемъ распря, то посмотрите на эту рюмку, хошь она и полная будетъ крови, вы все таки ко мнѣ на помогу пріѣзжайте, а кровь польется изъ рюмки вонъ, такъ вы отсюдова выбирайтесь сами, по крайней мѣрѣ, мнѣ одному погибнуть, а не всѣмъ.

Тоже самое, въ 12 часовъ ночи проѣзжаетъ чудовище о 12-ти головъ. Въѣхалъ на середину моста, кони у него и споткнулись.—Фу! что вы спотыкаетесь! Еще Сучье-рожденье не родилось; говорятъ, что оно родится, но еще не родилось.

Сучье-рожденье выходитъ къ нему на мостъ навстрѣчу и говоритъ: вы, чудовище, въ этомъ ошибаетесь: я уже давно родился.

Вышло чудовище изъ коляски и отвѣчаетъ Сучью рожденью: что же, Сучье-рожденье, мы съ тобою будемъ дѣлать? Будемъ мириться, или биться?—Не желаю мириться, давай биться!

И началъ Сучье-рожденье биться съ чудовищемъ. И начало вовсе чудовище побѣждать Сучье-рожденье. Сучье-рожденье смотритъ на столбъ: рюмка стала полная крови, братьевъ же къ нему на помогу нѣтъ. И говоритъ Сучье-рожденье: дай, братъ, еще мнѣ проститься съ бѣлымъ свѣтомъ. Чудовище отставши его бить, а между тѣмъ Сучье-рожденье сдернулъ съ ноги сапогъ и бросилъ къ тому дому въ ворота, гдѣ конь его рвался на дворѣ. Въ то время ворота растворились, конь выбѣжалъ вонъ, напалъ на чудовище и началъ давить его. Когда чудовище начнетъ управляться съ конемъ, то нападетъ на него Сучье-рожденье. И наконецъ вовсе ослабло чудовище и Сучье-рожденье побѣдилъ его. И взявши, отрубилъ всѣ 12 головъ, а туловище бросилъ въ воду. У этого мосту лежала преогромная плита; отвалилъ плиту, положилъ подъ нее головы, сѣлъ на коня, поѣхалъ. И заходитъ онъ въ этотъ домъ, гдѣ были братья его. Братья его очненно испугались и скрылись въ пустыхъ подвалахъ. Идетъ онъ мимо подваловъ и кричитъ: братцы мои, братцы любезные! гдѣ вы находитесь, живы или нѣтъ? Братья слышатъ его голосъ, а выйти не смѣютъ. Сейчасъ же Сучье-рожденье является въ эти подвалы, а братаны его сидятъ тутъ. Увидали они Сучье-рожденье, пали ему въ ноги.—Извини насъ, пожалуйста, за нашу измѣну!

Вышли изъ подваловъ, сѣли на коней и поѣхали. Говоритъ имъ Сучье-рожденье: вотъ что, братцы! Заѣдемте къ тому мосту, я тамъ забылъ перчатки. — Отвѣчаетъ ему царскій сынъ: эхъ, братъ, пріѣдемъ домой, такъ и новыя купишь. Подъѣхали къ мосту, Сучье-рожденье отвалилъ плиту и показамъ имъ всѣ 12 головъ. Братья взглянулись другъ съ дружкомъ, а ничего не сказали. Взявъ у плиты перчатки, надѣлъ на руки и поѣхалъ.

У Сучья-рожденья были три сестры волшебницы. Собрались онѣ въ одно мѣсто и начали говорить промежъ себя, какъ бы имъ братьевъ сгубить. Старшая сестра говоритъ: я сдѣлаюсь яблонею, ежели они этихъ яблоковъ наѣдятся, то всѣ трое помрутъ, а середняя: я сдѣлаюся периной,—когда они на меня лягутъ, тогда ужъ имъ не встать будетъ; а третья: я сдѣлаюсь, говоритъ, колодцемъ,—имъ захочется пить и они будутъ изъ меня пить воду, тогда, тоже самое, могутъ помереть.

И увидали они на дорогѣ яблоню. И говоритъ имъ Иванъ-царевичъ: ахъ, братцы, какая преотличнѣйшая яблонь! давайте, сорвемте по яблочку и съѣдимте.—Отвѣчаетъ Сучье-рожденье: ну, какія яблоки! давай, поѣзжайте впередъ, и то опоздали.

Увидавши на дорогѣ перину.—Ахъ, братцы, какая преотличнѣйшая перина, давайте-ка, отдохнемте на ней! — Отвѣчаетъ Сучье-рожденье: ну что за отдыхъ! нужно поспѣшать домой.

Доѣзжаютъ они до колодца. Говоритъ имъ Иванъ нянькинъ-сынъ: братцы, ужасно мнѣ пить охота! Отвѣчаетъ Сучье-рожденье: ну, что за питье! неужели ты холодной воды не пивалъ!

Выѣзжаютъ они на пространный лугъ, по которому протекалъ преизрядный ручеекъ. Говоритъ Сучье-рожденье: вотъ давеча пить-то хотѣли; здѣсь изъ этого ручейка сколько угодно, столько и можете кушать, и на этомъ лужку также и отдохнуть.

Взявши, слѣзли съ коней, напились изъ ручейка, отдохнули и поѣхали впередъ.

Заѣзжаютъ въ лѣсъ и нашли въ лѣсу избушку. Остались въ ней ночевать. Сучье-рожденье и говоритъ имъ: вотъ что, братцы! Нужно тепереча намъ ходить на охоту: по крайней мѣрѣ мы хоша не съ простыми руками пріѣдемъ домой. Побили онѣ утокъ и кое-какой дичи. На другое утро Сучье-рожденье пошелъ съ нянькинымъ Иваномъ на охоту, а Иванъ царскій-сынъ остался приготовлять пищу.

Только успѣлъ истопить печку и кое-что приготовить, вдругъ видитъ: идетъ старичекъ съ ноготокъ, а борода семь локтей, плеть тащитъ три аршина, пришелъ къ дверямъ и не можетъ ихъ отворить.—Иванъ царскій-сынъ, взявши, отворилъ ему двери, посадилъ на лавку.

Говоритъ ему старичекъ: пить да ѣсть хочу, давай! Иванъ царскій сынъ, что было у него приготовлено, все передавалъ старику, тотъ все пріѣлъ, а потомъ задалъ Ивану порку.

На другое утро остался Иванъ нянькинъ-сынъ; царскій сынъ пошелъ съ Сучьимъ-рожденьемъ на охоту. Тоже самое, только что приготовилъ пищу, идетъ тотъ самый старикъ, все у него поѣлъ и этому далъ порку.

На третье утро пришла очередь Сучью-рожденью, а тѣ братаны ушли на охоту. Сучье-рожденье истопилъ печку и приготовилъ пищу, наклалъ трубку табаку, закурилъ и сѣлъ къ окошку. Увидавши: идетъ этотъ опять старичекъ.—Ого какой братъ, ползетъ, бугоръ! Подошелъ къ дверямъ.—Отвори двери! Сучье-рожденье отвѣчаетъ ему: не великъ чортъ и самъ отворишь.—Старичекъ отворилъ двери. — Посади на лавку! — Не великъ чертъ, и самъ влѣзешь!—Старикъ сѣлъ на лавку.—Давай пить да ѣсть мнѣ!—Сучье-рожденье выхватилъ плеть у старика и давай пороть его плетью. - (Такой сякой)! мы и сами трое сутокъ не ѣдали!—Отжарилъ старика, вытащилъ въ лѣсъ, раскололь еловый пень, который былъ толщиною вершковъ двѣнадцать и защемилъ ему длинную бороду, самъ возвратился во свою хижину.

Приходятъ братья его съ охоты.—Вотъ что, братцы! пойдемте въ лѣсъ, какое я нашелъ чудо! Пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ у него былъ оставленъ старикъ, а старика ужъ нѣту, нѣту и пня. Онъ выворотилъ пень съ корнемъ и унесъ его на бородѣ и видѣнъ былъ кровавый слѣдъ: должно быть, старикъ разбился. И пошли они по этому слѣду, дошли до подземнаго ходу, а лѣстницы туда не было.

— Вотъ что, братцы! Что во что ни встанетъ, а нужно стыскать этого старика. Давайте, найдемъ медвѣдя, сымемъ съ него шкуру, нарѣжемъ ремней и спустите вы меня туда въ эту пропасть.

Въ скоромъ времени нашли они верлогъ съ медвѣдемъ, убили медвѣдя, сняли шкуру, нарѣзали ремней и опустили Сучье-рожденье въ пропасть. Сучье-рожденье приказалъ имъ его дожидаться, до тѣхъ поръ, говоритъ, пока я не возвращусь.

Сучье-рожденье спустился, пошелъ и дошелъ онъ до мѣднаго царства, взошелъ въ это царство и увидалъ сидящую дѣвицу въ креслахъ. И плела она салфетку. — Здравствуй,

красна
отсюдо
мужъ
Дошел
красна
дитъ к
возьме
знаетъ.
Д
Увида
старич
Возьму
рѣчки,
ная в
сторон
вите—
I
старик
гой.—
чилъ н
денье.
почтев
раласі
все на
Какъ
извѣст
а онъ
въ ша
до то
тащил
этихъ
домой
ронѣ
можеп
я теб
]
ихъ
царст
вича
помив
свой
рано
лѣтъ

челов

медле
Сучье
мѣстѣ
подрс
жаетъ
гналт
Сучье
койнс

и Вор
гатыр
(Сара

5. Горыня, коромысло и Иванъ-Богатырь.

Горыня и Коромысло отправились путешествовать по бѣлу-свѣту. Дорогою повстрѣчались они съ Иваномъ-богатыремъ. Куда путь держите? спрашиваетъ Иванъ-богатырь.—Пошли путешествовать по всей землѣ, отвѣчаетъ Горыня. Иванъ-богатырь и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ дошли они до горы. Иванъ-богатырь и говоритъ Коромыслу: развороши эту гору! Коромысло разбѣжалось, хлопнулось объ гору и отлетѣло назадъ. Такъ же точно отскочилъ и Горыня. Иванъ-богатырь усмѣхнулся и говоритъ: ой вы горе-богатыри! ударилъ по горѣ кулакомъ и гора развалилась. Пошли дальше. Видятъ: у дороги стоитъ ветхій домишка, а въ немъ сидитъ маленькій мужичекъ и ѣстъ разныя сласти. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: растворите-ка ворота! Горыня и Коромысло сколько ни бились, ни силились, никакъ не могутъ растворить воротъ. Иванъ-богатырь подошелъ къ воротамъ, дотронулся пальцемъ и ворота свалились съ петель. Вошли они во дворъ, оттуда въ сѣни и не могутъ найти дверей въ избу. Ходили, ходили, наконецъ нашли. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: идите въ избу и расправьтесь съ этимъ старикомъ. А старикъ этотъ былъ подземный царь. Вошли Горыня и Коромысло въ избу. Старикъ ударилъ того и другаго и они полетѣли отъ него прочь: Коромысло подъ лавку, а Горыня къ двери. Услыхавъ стукъ, Иванъ-богатырь вошелъ въ избу. Старикъ испугался, выскочилъ изъ избы и спрятался. Горыня и Коромысло подсмотрѣли, что онъ спрятался на дворѣ подъ камень. Иванъ-богатырь отвалилъ камень и увидали они бездонную яму. Вотъ и стали они плести веревку изъ елей, цѣлый лѣсъ исплели на сотню верстъ, а конецъ веревки все таки до дна не досталъ. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги. Вотъ Иванъ-богатырь и сталъ спускаться по этой веревкѣ, а Горыня и Коромысло держали за конецъ. Долго онъ спускался, наконецъ спустился до дна и пошелъ подземнымъ царствомъ. Шелъ долго-ли коротко-ли и увидѣлъ хрустальный дворецъ, а вкругъ того дворца стоитъ войско съ огненными мечами. Иванъ-богатырь подошелъ къ войску, показалъ ему кулакъ, раздвинулъ по сторонамъ и вошелъ во дворецъ. Въ этомъ дворцѣ и жилъ подземный царь. Въ этомъ дворцѣ было много дверей и всѣ онѣ крѣпко заперты. Иванъ-богатырь дотронулся до нихъ пальцемъ и двери растворились. Наконецъ подошелъ къ послѣдней двери, за которой сидѣлъ подземный царь, а съ нимъ дѣвица-плѣнница.—Кто тамъ? спрашиваетъ подземный царь.—Я, твой слуга, отвѣчаетъ Иванъ-богатырь, отворилъ дверь, схватилъ царя за бороду, ударилъ объ полъ и положилъ подъ половицу. Потомъ, подошелъ къ красавицѣ и сталъ ее спрашивать: кто она и какъ сюда попала? Красавица разсказала ему, что мужъ ея находится здѣсь въ плѣну и сидитъ закованный въ цѣпяхъ въ сосѣдней комнатѣ.

Вошли они туда. Мужъ красавицы едва уже дышалъ и не могъ стоять на ногахъ, потому что двѣ недѣли не ѣдалъ ничего. Расковали его и положили на кровать. Но онъ недолго пожилъ и умеръ.

Иванъ-богатырь съ красавицей пошли на бѣлый свѣтъ. Шли долго и пришли опять ...ямѣ, въ которую Иванъ-богатырь спускался. Какъ имъ попасть на бѣлый свѣтъ? Вдругъ ...тъ: выпалъ изъ гнѣзда орленокъ. Иванъ-богатырь взялъ его въ свои руки, покрылъ ...деждой и держитъ. Прилетѣлъ орелъ и видитъ, что Иванъ-богатырь ласкаетъ его ...И спросилъ его: чѣмъ ты хочешь, чтобы я послужилъ тебѣ за то, что ты призрѣлъ ...лъ моего птенца? Иванъ-богатырь попросилъ вынести его на бѣлый свѣтъ. Вотъ ... орла и скоро очутились на бѣломъ свѣтѣ. И женился Иванъ-богатырь на кра... ...и они жить да поживать да дѣтей наживать.

Про золоту гору (Волынск. г.). № 53 Про змія (Гродненск. г.). № 57 Про того цара, ...нск. г.). № 64 Богодавецъ Иванъ (Кіевской. г.). № 68 Про Сучченка (Екатери... ...-Багатыря (Кіевск. губ.). *Сборн. Харьков. Историко-Филологич. Общ. II. ст. И. И.* ... *Екатеринославск. и Харьковск. губ.* Костыпинъ сынъ (стр. 18); Марко Сучченко ...Иванъ Кухаревычъ (стр. 28). Кыріакъ—Кобылячій сынъ (стр. 43). *Трейландъ.* ... *Этнографіи, изд. при Дашковскомъ Этнографич. Музеѣ.* Вып II. № 56. Какъ ...*чановъ. Бѣлорусск. Обор. III. Могил. г. отд. II.* № 4 Мѣдзяный вовкъ; ...2 Иванъ—дуракъ. № 13. Вячорка, Повношникъ, Заранка, № 14 Царь ... 16 Удовинъ сынъ. № 17 Иванъ Ивановичъ, Кобылкинъ сынъ. № 20 ...*Преданія* стр. 255. Ведмеже вухо. (Маріупол. у.); стр. 262. Коршбуры дракона; стр. 271. Иванъ царевичъ и желѣзный волкъ. *Рудченко.* (Кіевск. г.) № 24. Лови. *Эрленвейнъ. Нар. Рус. ск.* стр. 76. Иванъ ...вѣтозоръ (Тульск. г.) *Худяковъ. Великорус. ск.* № 2. Три брата ...вичъ. № 45. Иванъ кобылинъ сынъ. № 46. Иванъ Кошкинъ. ...вичъ; № 117. Богатырь (Рязанск. г.). *Садовниковъ: сказки и* ... Мотивъ рожденія отъ животнаго является крайне распро... *Volkskunde.* *Ред.*

6. Дивій мужъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, не въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ царь съ царицею, а у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ. Дворецъ царскій стоялъ въ густомъ зеленомъ саду, въ которомъ росли золотыя яблочки. И повадился въ этотъ садъ ходить воръ, рвать золотыя яблоки. Долго подстерегали вора этого и, наконецъ, поймали; поймали и посадили въ темницу. Воръ этотъ былъ Дивій мужъ. Однажды Иванъ-царевичъ, гуляя въ саду, увидалъ на окнѣ темницы, въ которой сидѣлъ воръ, маленькую красивую птичку и хотѣлъ ее застрѣлить, но стрѣла пролетѣла въ окно темницы. Иванъ царевичъ подошелъ къ окну, а Дивій мужъ и говоритъ ему: Иванъ царевичъ, выпусти меня! я тебѣ не только отдамъ стрѣлу, но и впередъ пригожусь. Иванъ царевичъ сжалился надъ нимъ и выпустилъ изъ темницы. А Дивій мужъ въ этотъ день приговоренъ былъ къ смертной казни.

Когда Дивьяго мужа не оказалось въ темницѣ и объ этомъ донесли царю, то царь велѣлъ привести всѣхъ темничныхъ сторожей и хотѣлъ ихъ казнить, но одинъ изъ сторожей сказалъ царю, что вора выпустилъ Иванъ-царевичъ. Царь очень разсердился на сына и собралъ своихъ боярь и князей, чтобы судить Ивана-царевича. Бояре и князья и присудили выгнать Ивана-царевича изъ царства. Въ этотъ же день его и выгнали.

Идетъ Иванъ-царевичъ дорогою и горько плачетъ. Сѣлъ онъ на камешекъ, чтобы отдохнуть и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. Глядитъ, а Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, словно изъ земли выросъ, и говоритъ ему: здравствуй, Иванъ-царевичъ! я давно тебя дожидаюсь. Прошу пожаловать ко мнѣ отдохнуть и хлѣба-соли покушать...

Иванъ-царевичъ очень обрадовался, всталъ и они отправились въ домъ къ Дивьему мужу. За столомъ Иванъ-царевичъ разсказалъ про свое горе, какъ отецъ выгналъ его изъ царства.

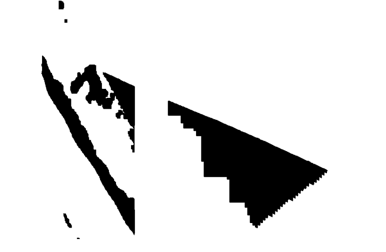
— Не печалься и не горюй!—сказалъ ему на это Дивій мужъ,—все къ лучшему! Потомъ велѣлъ женѣ своей поднести Ивану царевичу рогъ съ питьемъ, да сладкаго яблочка наливчатаго. Когда тотъ выпилъ и закусилъ яблочкомъ, Дивій мужъ подвелъ его къ палицѣ булатной во сто пудовъ и сказалъ: попробуй, подними! этой палицей ты долженъ сразиться съ змѣемъ. Иванъ-царевичъ сколько ни пытался, никакъ не могъ поднять палицы. Тогда Дивій мужъ велѣлъ женѣ своей снова налить рогъ питьемъ и поднести наливчатый яблочекъ, и когда онъ выпилъ и съѣлъ яблоко, то приподнялъ булатную палицу. Тогда Дивій мужъ сказалъ ему: иди теперь къ царю, который живетъ недалеко отсюда, наймись къ нему въ конюхи, ты убьешь змѣя, поѣдающаго каждый день по десятку людей.

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ царю, нанялся въ конюхи и былъ лучше и исправнѣе всѣхъ конюховъ, послушенъ и услужливъ каждому, за что его всѣ другіе конюхи и всѣ служащіе царя полюбили, и царь часто награждалъ его за исправность, а вскорѣ поставилъ его первымъ конюхомъ. Не взлюбилъ его только одинъ конюхъ по имени Дѣвкинъ сынъ и искалъ случая погубить его.

Однажды царская дочь дѣлала для конюховъ угощеніе и приказала всѣмъ придти въ ея комнаты. Обнося ихъ виномъ, она замѣтила, что одного конюха нѣтъ; не было также и Ивана-царевича, который въ это время чистилъ коней. Вычистивъ коней, онъ сѣлъ отдохнуть и задумался и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. А Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, какъ изъ земли выросъ и говоритъ ему: пожалуй ко мнѣ, Иванъ-царевичъ, хлѣба-соли откушать.—Иванъ-царевичъ всталъ и они пошли. Дивій мужъ велѣлъ подать Ивану-царевичу рогъ питья и наливчатое яблочко; когда Иванъ-царевичъ выпилъ и съѣлъ яблоко, Дивій мужъ подвелъ его опять къ булатной палицѣ во сто пудовъ и сказалъ подними ее! Иванъ царевичъ поднялъ палицу, какъ перышко.—Можешь теперь сразиться съ зміемъ! сказ Дивій мужъ; поторопись же домой, чтобы товарищи не замѣтили твоего отсутствія скоро выйдутъ изъ-за стола. Завтра же, когда царь повезетъ свою дочь на съѣде ты зайди ко мнѣ и получишь отъ меня палицу и боевого коня. Иванъ-царевич домой.

На другой день, дѣйствительно, по жребію выпало, что царь долже свою дочь на съѣденіе змію. Всѣ пошли ее провожать до того мѣста, гд тавить, а Иванъ-царевичъ пошелъ къ Дивьему мужу. Дивій мужъ на отдалъ ему стопудовую палицу и богатырскаго боевого коня и с змія, то спѣши пріѣхать сюда, не показываясь царю.

Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, привязалъ къ боку п съ зміемъ. Скоро онъ увидалъ царевну, которая сидѣла на дожидаясь смерти. Иванъ-царевичъ, не показываясь ей, сп видитъ онъ: море заколыхалось и вышелъ изъ него



своей засады и бросился на змія. Долго бились они, наконецъ Иванъ-царевичъ такъ ловко ударилъ змія палицей по головѣ, что онъ тутъ-же и издохъ. Хотѣлъ онъ тотчасъ же ѣхать, чтобы царевна не узнала его, но замѣтилъ на рукѣ своей большую рану, изъ которой текла кровь и подошелъ къ царевнѣ, чтобы та перевязала ему рану. Царевна перевязала ему руку своимъ шелковымъ платкомъ, стала благодарить за свое спасенье и просила ѣхать вмѣстѣ съ нею во дворецъ къ отцу ея. Но Иванъ-царевичъ, помня наказъ Дивья мужа, не сказалъ ей ни слова, повернулъ своего коня и уѣхалъ. И лишь только онъ скрылся изъ глазъ, какъ конюхъ Дѣвкинъ сынъ выскочилъ изъ-за кустовъ съ ножемъ въ рукахъ и сказалъ царевнѣ: если ты не скажешь отцу своему, что я спасъ тебя отъ змія, то я тебя зарѣжу.

Царевна испугалась и дала ему вѣрное слово назвать его освободителемъ отъ змія.

Вотъ приходятъ они во дворецъ къ царю. Царевна подвела Дѣвкина сына къ отцу и сказала, что онъ ее спасъ отъ змія. Царь обрадовался, увидавъ свою дочь живою, и въ награду за спасеніе своей дочери, обѣщалъ Дѣвкину сыну отдать за него дочь, а въ приданое дать пол-царства. Назначили и день свадьбы.

Когда узналъ объ этомъ Дивій мужъ, далъ Ивану-царевичу волшебное колесо и гусли, велѣлъ ему одѣться старикомъ и идти въ заповѣдный лугъ, который находился недалеко отъ царства. При посредствѣ волшебнаго колеса, Иванъ-царевичъ выстроилъ золотой дворецъ и сталъ играть на гусляхъ волшебныя пѣсни.

Услыхала эти пѣсни царевна и посылаетъ свою няньку узнать: кто такъ хорошо играетъ.

Нянька пришла въ заповѣдный лугъ и увидала золотой дворецъ. Вошла она во дворецъ—во всѣхъ комнатахъ благоуханіе, изъ первой комнаты прошла во вторую, потомъ въ третью—никого нѣтъ. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ увидѣла прекраснаго юношу, играющаго на гусляхъ, и такъ заслушалась его пѣсенъ, что не могла сойти съ мѣста.

Между тѣмъ, царевна ждала, ждала, не могла дождаться няньки. Посылаетъ она другую и та также не возвратилась. Не вытерпѣла царевна и пошла сама. Приходитъ во дворецъ, видитъ няньки ея сидятъ, а прекрасный юноша играетъ на гусляхъ. Царевна тотчасъ же узнала въ немъ своего избавителя отъ змія, подошла къ нему и просила идти съ ней къ царю. Иванъ-царевичъ и пошелъ. Пришли они къ царю и она разсказала, какъ онъ ее избавилъ отъ змія, а равно и о томъ, какъ Дѣвкинъ сынъ хотѣлъ ее зарѣзать. Царь такъ разсердился, что велѣлъ тотчасъ же отрубить голову Дѣвкину сыну, а Ивана-царевича женилъ на своей дочери [1]).

7. Елена прекрасная.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ была дочь Елена прекрасная. Она была хороша, только въ томъ бѣда, — много башмаковъ изнашивала. Елена прекрасная каждую ночь уходила, потому и башмаковъ много изнашивала, а уходила она за тридевять земель въ тридесятое царство къ одному любовнику, и никто не могъ ее замѣтить.

Однажды царь сдѣлалъ заявленіе во всемъ своемъ царствѣ: не выищется ли такой человѣкъ, который усмотритъ, куда его дочь уходитъ? И вотъ нашелся одинъ пастухъ; приходитъ къ царю и говоритъ ему: ваше царское величество! я слышалъ ваше великое слово, будто бы ходитъ дочь ваша неизвѣстно куда, и никто усмотрѣть не можетъ. Я это дѣло могу разузнать—куда она ходитъ.

Отвѣчаетъ ему царь; ежели вы узнаете, то я за васъ ее замужъ отдамъ.

Наступаетъ вечеръ. Угостившись, пастухъ легъ отдохнуть на диванъ одной залы, но прикинулся нарочно, будто заснулъ. Вдругъ приходитъ Елена прекрасная и говоритъ: про-

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ Русск. сказки I.* № 67 а и в. Корелевичъ и его дядька. (Воронежск. г.), № 68. Иванъ царевичъ и Марія царевна (Пермск. г.), № 69. Масенжны дзядокъ, № 92. Два Ивана солдатскихъ сына II, № 104. Сказка о молодцѣ-удальцѣ, (Тверской г.). *Сб. Хар. Истор.-Филолог. Общ. II. Манжура. Сказки зап. въ Екатериносл. и Харьковск. г.* Иванъ царевичъ, Иванъ Кухаревичъ стр 28. Солдатскіе сыны богатыри стр 30. Иванъ Ивановычъ, русскый царевычъ, та морское чудерство, стр. 33. *Трейландъ. Латышскія сказки въ Сб. Мат. по Эт. изд. при Дашк. Эт. Музеѣ II,* № 116 О двухъ сыновьяхъ лѣсника. *Романовъ. Бѣлорусск. Сб. III. Могилев. г., отд. II,* № 4. Мѣдзяный вовкъ, № 9. Чаволай, № 14. Царь Василь, № 17. Иванъ Ивановичъ Кобылкинъ сынъ, № 18. Иванъ и Кусилка, № 26. Иванъ дуракъ, № 43. Иванъ Ивановичъ Удовинъ сынъ. *Драгомановъ. Мал. Нар. Пред.* Два королевича, стр. 283. *Рудченко. Нар. Южн.-русск. ск. I,* № 48. Незнайко (Полтавской г.). *Худяковъ: Великорусс. ск.,* № 44. Удивительный мужикъ (Рязанской г.), № 119. Два брата, (Нижегор. г.). *Садовниковъ. Ск. и пред. Самарск. края,* № 4. Иванъ царевичъ и Марья краса. *Ред.*

щ
вс
пе
ул
рі
мс
вт
та

лі
де
дт
ги
а

лс
и
не
вт
и

ча
ра
от
ну
пр

да

оп

Ка

чт
яв
же
ко
и
ко
по

он
ка
тр

во
пи
по
ск
и
ти

лу
по
ей
ми
и
др
его

И вставши пастухъ по одно утро, простился со своимъ тестемъ и пошелъ знакомой дорогой. Идетъ онъ мѣднымъ лѣсомъ и схватили его черти на дорогѣ.—Эй, стой, братъ! теперече отъ насъ не уйдешь!—Вотъ что, братцы! оставьте меня живаго, потому что я вашихъ вещей не имѣю; ими владѣетъ одинъ король; я пошелъ за ними, только не знаю, какъ ихъ достать.—Ступай, братъ, мы тебя научимъ. Когда придешь ты туда, подкупи одну дѣвку, а самъ тряпнись объ землю и привратишься лошадью; увидаетъ тебя король, велитъ поймать, а Елена прекрасная велитъ тебя изрубить. Когда тебя станутъ рубить, эта бы дѣвка взяла одинъ кусокъ и зарыла бы противъ дворца, тогда ты превратишься въ яблонь. Эту яблонь Елена прекрасная прикажетъ срубить. Какъ станутъ рубить, также первую щепку вели взять и бросить въ прудъ. Только дѣвка въ прудъ бросить, какъ ты превратишься лебедью. Король увидаетъ тебя, начнетъ имать [1]), раздѣнется нагой, поплыветъ за тобою въ прудъ, ты въ то время вылети, тряпнись объ землю, превратишься по прежнему въ человѣка и возьмешь эти драгоцѣнныя вещи, потому король постоянно на себѣ ихъ носитъ, а тутъ оставитъ на берегу.

Приходитъ онъ въ то царство, нашелъ и подкупилъ одну дѣвку горничную, чтобы она за нимъ слѣдила. Взявши, тряпнулся объ землю, превратился прекраснѣйшею лошадью и давай бѣгать мимо дворца. Увидавши, король приказалъ поймать. Поймали лошадь и заперли въ конюшню. Елена прекрасная говоритъ: лошадь эта не даромъ! я ее приказываю изрубить!—Жалко было королю лошади, да дѣлать нечего, изрубили лошадь. На другой день король, вставши по утру рано, увидалъ преизрядную яблонь и сказалъ о томъ Еленѣ прекрасной. Та, выслушавши его рѣчь, приказываетъ срубить яблонь и сожегчи, а пепелъ развѣять на вѣтеръ. Срубили яблонь. Какъ первая щепка отлетѣла, взявши эта дѣвка приступила ногою, никто не замѣтилъ. И бросила ее въ прудъ. Яблонь сожгли, пепелъ развѣяли по вѣтру.

На другой день король пошелъ прогуливаться въ садъ и увидалъ—на прудѣ плавала лебедь. Подошелъ къ ней такъ близко, что только бы въ руки взять. Лебедь поотплыла на другое мѣсто. Король опять подошелъ, хочетъ схватить—лебедь опять отплыла. До того королю влекательно было поймать лебедь, что онъ раздѣлся и поплылъ за нею въ прудъ. Лебедь отъ него все далѣ и далѣ. Когда король отплылъ далеко отъ берегу, лебедь стрепенулась и вылетѣла на берегъ, тряпнулась объ землю и сдѣлалась по прежнему добрымъ молодцомъ. Молодецъ взялъ, надѣлъ на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку и саблю саморубку, короля этого убилъ, а самъ отправился во дворецъ къ Еленѣ прекрасной.

Та, увидавши его, очень испугалась.—Супруга моя любезная, не пугайтесь, я пришелъ за вами.—Елена прекрасная собралась и отправилась со своимъ супругомъ на родину. Прибыли они къ своему отцу и пастухъ представилъ ему дочь его а свою супругу. Съ того времени сталъ пастухъ жить да поживать да дѣтей наживать. Елена прекрасная не стала болѣе отъ него уходить, стала его любить [2]).

(*Со словъ крестьянина В. Кореникова*).

8. Настасья прекрасная.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь, а у этого царя были сынъ да дочь: сынъ—Иванъ царевичъ, дочь—Марья царевна. И былъ у этого царя кругъ [3]) дворца прекраснѣйшій садъ; въ этомъ саду бесѣдка, а у бесѣдки стоялъ на часахъ одинъ солдатикъ очень красивый собой. И ходила въ этотъ садъ прогуливаться одна енеральская дочь. Влюбилась она въ этого солдатика; постоянно придетъ къ нему, посидитъ, поразговариваетъ и отправится домой. Царь это дѣло смѣтилъ, приходитъ къ солдату и говоритъ: — Слушай, служивый! должно быть, тебя любитъ эта енеральша?—Точно такъ, ваше царское величество, у насъ съ нею любовь происходитъ третій годъ.

Однажды царь прогуливался въ саду и явилась тутъ енеральша. Захотѣлось царю склонить ее къ себѣ въ любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь разсердился на нее и говоритъ:—Ахъ ты, подлая! солдату.....!—Какъ! я солдату......?—Сейчасъ отправилась къ солдату, приходитъ и говоритъ ему: — Что же, служивый, вы какими словами похваляетесь, будто я вамъ......? Солдатъ очень испугался, да отъ робости и сказалъ: — Да

---

[1]) Ловить.

[2]) Ср. *Трейландъ. Латышскія сказки въ Сб. Мат. по Этногр., изд. при Дашковск. Эт. Музеѣ*. II. № 113. О трехъ царевнахъ. *Садовниковъ. Ск. и пр. Самарскаго края*. № 7. Торбочка-Самобранка. *Ред.*

[3]) Т. е. кругомъ.

ка
св
вл
ле
да

тр
то
от

го
ру
въ
ту

го
ни
да
ви
ви
У

по

пи
цы

ув
не
ва
хо
ш
пы
Р

С

О
Д
не
те
ли

П
м
ги
ж
и
п
И
б
п
Н
ж
ш
б
и

ла

Вдругъ ночью приходитъ Настасья прекрасная, взяла и отстригнула у солдата уголъ у жулетки, а сама ушла.

Солдатъ, проснувшись и замѣтивъ это дѣло, взялъ у всѣхъ отстригъ углы у жулетокъ? Утромъ приходитъ Настасья прекрасная и спрашиваетъ: кто, господа у васъ большой. Пьяницы всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: я большой, я большой! Подходитъ она къ солдату.—Вотъ онъ надъ вами большой! Тутъ пьяницы ее спросили: почему вы замѣчаете?—Я вечоръ вотъ уголъ отстригла у жулетки. Пьяницы посмотрѣли: также и у нихъ нѣтъ угловъ.—Нѣтъ, это неправда; вотъ и у насъ угловъ нѣтъ. Настасья прекрасная видитъ: толку нѣтъ, приказала ихъ прогнать въ шею.

Солдатъ съ пьяницами отправился въ городъ и нанялъ квартиру. Вдругъ пріѣхалъ Иванъ царевичъ. Началась пушечная пальба, по всему городу стало извѣстно, что пріѣхалъ настоящій женихъ. Настасья прекрасная собралась и пошла встрѣчать со всѣмъ своимъ прислугамъ. Встрѣтили Ивана царевича, приняли во дворецъ и начали водить его по комнатамъ. Привели его въ одну комнату, въ которой между оконъ была рѣшетка вродѣ копій, а на кажномъ копьѣ человѣчья голова. Вотъ и говоритъ Настасья Ивану царевичу: Иванъ царевичъ! вы двѣ загадки отгадали, такъ я согласна идти за васъ замужъ, только съ тѣмъ, что сошьете вы мнѣ платье подъ вѣнецъ такое точно, какое и я сошью, чтобы матерія одна была, ширина одна и длина и къ завтрашнему утру чтобы было готово.

Иванъ царевичъ пошелъ по портнымъ, по портнихамъ, только его дуракомъ называютъ: почемъ мы знаемъ, какое она сошьетъ!—Идетъ онъ городомъ со своимъ адъютантомъ; попадается имъ на встрѣчу старуха.—Что баушка, не знаешь ли какой нибудь портнихи или портнаго хорошаго?—Нѣтъ, родимые, не знаю; сходите, вотъ недавно пріѣхали какіе то пьяницы, спросите у нихъ, они народъ дошлый, небось и знаютъ.—Иванъ царевичъ отправился на квартиру къ пьяницамъ, приходитъ туда, а тамъ пѣсни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрошалъ у нихъ: послушайте, господа! кто изъ васъ большой! Всѣ отвѣчаютъ: я большой и я большой? Царевичъ посмотрѣлъ и отправился обратно, вдругъ солдатъ выбѣгаетъ за нимъ.—Вамъ что угодно, Иванъ царевичъ?—Вотъ, что братъ, землякъ, не можете ли пожалуйста сошить платье: какое царевна шьетъ, такое и мнѣ нужно. Всѣхъ, обошелъ портныхъ, никто не берется. — Что жъ, я возьмусь и сдѣлаю, только подпишите треть царства. Царевичъ переговорилъ со своимъ адъютантомъ.—Ну хорошо, съ нашей стороны будетъ готово, только пожалуйста изготовьте къ завтрашнему утру. Царевичъ отправился къ себѣ на квартиру, а солдатъ надѣлъ шляпу невидимку и пошелъ во дворецъ. Пришелъ туда, гдѣ платье шилось, только что его кончили. Солдатъ сидитъ, вдругъ является Настасья прекрасная. И приказала одной фрелинѣ надѣть. Та надѣла и прошла по полу.—Ну гдѣ ему дураку сошить такое платье! Фрелина сняла платье, положила въ сундукъ, а Настасья прекрасная ушла. По уходу ея, солдатъ взялъ платье себѣ подъ пазуху и опять сѣлъ.—Черезъ нѣсколько времени хватились платья, а его нѣтъ; опять взяли скроили по той же мѣркѣ изъ той же матеріи и давай шить скорѣй; сразу кончили.—Солдатъ отправился домой. Утромъ является царевичъ и спрашиваетъ: что, изготовили? — У меня готово, какъ у васъ?—У насъ тоже.—Ну, такъ пожалуйте документъ, Царевичъ подалъ документъ, а солдатъ ему платье.—Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она напередъ свое покажетъ.

Царевичъ пришелъ къ Настасьѣ прекрасной.

— Ну что же, изготовили?—У меня готово.

— Такъ покажите.—Нѣтъ, вы напередъ покажите, потомъ и я покажу.—Царевна надѣла платье и прошла по полу. — Ну вотъ у насъ какое! Царевичъ вынулъ свое — точно такое же.—Ну, Иванъ царевичъ хитеръ, только кто у тебя хитричаетъ? Еще сдѣлай мнѣ башмаки, такіе же, какіе и я сдѣлаю. Иванъ царевичъ отвѣчаетъ: ну хорошо, приготовлю.

Распростившись съ Настасьей прекрасной, отправился опять съ адъютантомъ по сапожнымъ мастерамъ, но ни одинъ не берется.—Чортъ ее знаетъ, какіе она сошьетъ! Адъютантъ говоритъ царевичу: пойдемъ-ка опять къ пьяницамъ. Приходятъ къ пьяницамъ, спрашиваютъ большого,—всѣ въ одинъ голосъ: я большой, я большой! Солдатъ выходитъ опять къ Ивану царевичу.

— Что вамъ, Иванъ царевичъ, нужно? — Да вотъ что: нужны башмаки, не можете-ли пожалуйста сдѣлать?—Отчего, могу, только треть царства отпишите; приносите утре [1]) документъ—и получите башмаки.

Царевичъ отправился на квартиру; солдатъ пошелъ во дворецъ. Приходитъ туда, тамъ башмаки совсѣмъ сдѣлали, поставили на шкапъ. Солдатъ взялъ ихъ и отправился. Тамъ

[1]) Завтра.

— Охъ, дрожайшая дочь! Ладно, что напомянула, а то я совсѣмъ про него забылъ.

Сейчасъ приказъ вышелъ: ослободить солдата. А Марья-царевна заранѣе сказала ему: когда выйдешь на волю, являлся бы на свадьбу. — Солдатъ по выходѣ одѣлся какъ можно лучше и отправился во дворецъ на свадьбу. Принятъ онъ былъ въ лучшемъ видѣ, наипаче отъ Марьи-царевны. Отошло вѣнчанье, съѣхались гости, и пошелъ пиръ на весь міръ. Какъ распировались, солдатъ подходитъ къ царю и подаетъ ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всѣмъ посѣтителямъ своего дому и началъ читать вслухъ. Прочитавши всѣ документы, проводилъ свадьбу. Послѣ свадьбы призываетъ къ себѣ сына.

— Ну, сынъ мой любезный, вы отправляйтесь въ то царство къ своей супругѣ, здѣсь тебѣ не принадлежитъ ничего, потому что ты самъ подписалъ три трети царства.

Царевичъ отправился съ Настасьей прекрасной въ ея царство, а старый царь отдалъ Марью-царевну замужъ за солдата. Солдатъ сталъ жить да поживать, царствомъ управлять [1]).

9. Пѣтушокъ.

Не помню въ какомъ было царствѣ и въ какомъ государствѣ, на ровномъ мѣстѣ какъ на боронѣ, жили были въ одной деревнѣ старикъ со старухою. У нихъ кромѣ всякаго добра были жерновки и пѣтушокъ. Жерновки сами мололи имъ муку, а пѣтушокъ стерегъ все ихъ добро и служилъ имъ.

Къ старику и старухѣ часто ѣздилъ одинъ баринъ, который закупалъ у нихъ муку. Узнавъ объ этихъ жерновкахъ, баринъ захотѣлъ ихъ купить у старика, но какъ [2]) старикъ не продавалъ жерновки ни за какія деньги, то баринъ рѣшился украсть ихъ. — Однажды, когда старикъ со старухой уѣхали въ городъ за покупками, а дома оставили стеречь свое имущество пѣтушка, баринъ пришелъ къ нимъ и взялъ жерновки. Пѣтушокъ это видѣлъ и когда хозяева вернулись домой, сталъ бѣгать около нихъ да кричать: баринъ укралъ наши жерновки, баринъ укралъ наши жерновки! Хозяева заглянули въ сѣни, гдѣ стояли жерновки, дѣйствительно ихъ не оказалось, и они горько заплакали. А пѣтушокъ и говоритъ имъ: не плачьте и не горюйте, я помогу вамъ въ бѣдѣ! И побѣжалъ къ барину. Войдя къ нему, во все горло заоралъ: баринъ, баринъ! подай наши жерновки! Баринъ сперва испугался, а потомъ приказалъ слугамъ поймать пѣтушка и потопить въ прудѣ.—Поймали пѣтушка и стали топить. Пѣтушокъ какъ-то вырвался изъ рукъ и сталъ плавать по пруду, приговаривая: пѣтушокъ, пей воду, пѣтушокъ, пей воду! и выпилъ всю воду изъ пруда, прибѣжалъ къ барину и опять закричалъ: баринъ, баринъ! подай наши жерновки! Баринъ приказалъ слугамъ натопить жарко печку и посадить пѣтушка въ печь. Такъ и сдѣлали, а пѣтушокъ бѣгаетъ въ печкѣ да приговариваетъ: пѣтушокъ, лей воду, пѣтушокъ, лей воду! и всю печь залилъ водою, выскочилъ изъ печки и опять закричалъ: баринъ, баринъ! подай наши жерновки! Баринъ не зналъ, что ему больше дѣлать съ пѣтушкомъ и отдалъ ему жерновки.

Прибѣжалъ пѣтушокъ съ жерновками домой. Старикъ и старуха очень ему обрадовались и стали опять жить да поживать весело и въ довольствѣ [3]).

10. Колдунъ и его ученикъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ старичекъ со старушкой; у нихъ былъ сынъ молодыхъ лѣтъ и состояніе ихъ оченно бѣдное. И не знаютъ, куда отдать сына учиться какому нибудь ремеслу, лишь бы съ хлѣба сбыть. И пошелъ отецъ со своимъ сыномъ въ городъ, пришли въ городъ, но не могутъ ничего пріискать. Сидитъ отецъ противъ одной харчевни, самъ про себя думаетъ: хоть бы нечистый духъ взялъ моего сына въ ученіе! Только успѣлъ это подумать, и выходитъ изъ этой харчевни старикъ. — Отдай, братецъ, мнѣ своего сына въ ученье?—Что жъ ты возьмешь за ученье?—Сто рублей возьму.

— Къ чему же ты научишь моего сына?—Ко всякому ремеслу могу обучить.—А гдѣ твоя фатера?—Моя фатера тамъ за заставой домъ большой.—На долго ли ты возьмешь моего сына?—На три года, я ранѣе [4]) взять не могу его.

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русс. ск. II.* № 33 Вѣщій сонъ. *Ред.*

[2]) Вмѣсто *такъ какъ.*

[3]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русс. сказки: II.* № 110. Пѣтухъ и жорновки (Воронежск. у.). *Романовъ. Бѣлорусск. Сб. III. Могилевск. губ.* I. № 3. Жоронцы. *Рудченко. Нар. Юж.—русск. ск.* I. № 20 и 21 Півник. (Кіевск. и Полтавск. г.). *Худяковъ: Великорусск. сказки.* № 66. Баринъ и пѣтухъ (Рязанск. г.) *Садовниковъ: Ск. и пр. Самарскаго края.* № 48. Баринъ, пѣтухъ и жерновы. *Ред.*

[4]) Т. е. менѣе.

Отецъ отдалъ своего сына и неизвѣстно кому. Проходитъ годъ, другой, такъ и т
время приходитъ, надо идти за сыномъ. Приходитъ въ этотъ домъ. — Гдѣ, говоритъ,
сынъ? — Теперь тебѣ еще не время получить сына, завтрашній день можешь увидѣть
Приходитъ на другой день.—Ну вотъ, говоритъ, если узнаешь, что твой сынъ, то тво
будетъ, а если не узнаешь, то навѣки разстанешься съ нимъ. Я, говоритъ, завтрашній де
выпущу двѣнадцать голубей; изъ двѣнадцати голубей узнавай своего сына. Сказалъ это
скрылся неизвѣстно куда. Вышелъ отецъ старикъ на лугъ, а на лугу гуляетъ голубокъ. Этот
голубокъ какъ увидалъ старика, хлеснулся о сырую землю и сдѣлался прекраснымъ доб
рымъ молодцемъ.—Ты, говоритъ, батюшка, за мной?—Да, любезный сынъ, за тобой.—Смотри
же, говоритъ, любезный батюшка, мой хозяинъ оборотитъ насъ двѣнадцати голубямъ, и за-
мѣчай: я правое крылышко выставлю, и говори, что это мой сынъ. И потомъ онъ насъ обо-
ротитъ двѣнадцати лебедямъ, изъ лебедя въ лебедь и въ одно перо. Ты, смотри, гляди, я
лишь вдоль-то артили и пролечу. И говори, что это мой сынъ. Онъ тебѣ скажетъ: ступай
куда хошь съ нимъ. Потомъ онъ насъ оборотитъ двѣнадцати молодцамъ, изъ молодца въ
молодецъ, изъ лица въ лицо и платье одинаковое. Смотри, замѣчай: я будто что нечаянно
уроню бѣлый шелковый платочекъ и стану поднимать, и говори, что это мой сынъ. Онъ и
скажетъ: ступай куда хошь съ нимъ.

Такъ оно все и случилось. И взялъ отецъ своего сына домой. Приходятъ домой.

— Ну, старуха, не знаю, чему моего сына обучили.—Ахъ, любезный батюшка и ма-
тушка, не тужите обо мнѣ! вотъ что я тебѣ скажу, любезный батюшка. Я хлопнусь о сырую
землю и сдѣлаюсь карею лошадью, ты меня продавай, а узды съ меня не продавай и проси
за меня сто рублей.

Приходятъ въ городъ. Сынъ стукъ о сырую землю и сдѣлался прекрасной карей ло-
шадью. Старикъ приводитъ его на конную.—Сколько стоитъ твоя лошадь?—Сто рублей.—
Получи деньги.—Я, говоритъ, коня продаю, а узды не продаю.—На что намъ твоя такая
дрянная узда?—Старикъ получилъ деньги и отдалъ коня. Только успѣлъ немного миль (sic)
отойти, а сынъ его и догоняетъ.—Ну вотъ, говоритъ, и я, любезный батюшка. Завтра я
оборочусь опять сивой лошадью, проси за меня опять сто рублей. — Оборотился сивой ло-
шадью и повелъ его отецъ на конную, все равно какъ и раньше, сто рублей взялъ.—Вотъ
что, говоритъ, любезный ботюшка, оборочусь я въ послѣдній разъ воронымъ жеребцомъ и
тогда ты за меня проси триста рублей, а узды никакъ не продавай; если ты меня съ уздой
продашь, то тебѣ меня вѣки вѣковъ не видать. Оборотился воронымъ жеребцомъ и старикъ
опять эту же самую плохую надѣлъ узду. Попадаются ему встрѣчу купцы. Однако сторго-
ваться не могли и привелъ онъ коня на конную. И ни откуда возьмись является старикъ.—
Что, дѣдка, продаешь коня?—Продаю.—Сколько стоитъ?—Триста рублей.—На, возьми деньги.—
Я, говоритъ, коня то продаю, а узды не продаю. — А развѣ, говоритъ, безъ узды лошадь
продается?—Выхватилъ у него поводъ и сѣлъ на коня. И давай его этотъ конь носить по
болотамъ и лѣсамъ. А старикъ этотъ и былъ тотъ самый колдунъ учитель. И едва онъ могъ
приворотить къ своей сестрѣ колдуньѣ. Привязалъ старикъ коня къ березѣ. И пришедши въ
избу къ своей сестрѣ.—До того я ѣздилъ, что присталъ, дай мнѣ спокою. Она его напоила, на-
кормила и спать уложила.—Ахъ, говоритъ, что онъ сдѣлалъ! привязалъ коня и не напоилъ
его! Она подошла, отвязала этого коня и привела на рѣку поить. Только конь никакъ не
пьетъ, дальше въ воду заходитъ да мордой фыркаетъ. Она понемногу и стала поводъ отпу-
щать и говоритъ сама себѣ: вотъ хорошіе кони нашей худой воды не пьютъ, а вода такая
черная. Вдругъ конь вырвалъ поводъ у старухи изъ рукъ и вдоль рѣки и поплылъ.

Узналъ колдунъ, что конь уплылъ—за нимъ въ погоню. Оборотился онъ щукою, а конь
ершомъ и—подъ камень. Какъ щука ни воровата, не могла ерша схватить. А этотъ ершикъ
и уплылъ въ турецкое государство и сталъ подъ плотъ. Черезъ нѣсколько времени и идетъ
горнишная дѣвица за водою. Этотъ ершикъ оборотился золотымъ кольцомъ и — прямо въ
ведро. Дѣвушка: ахъ, какое прелестное колячко, взяла его и надѣла на руку. Носитъ нѣ-
сколько времени, а царская дочь и говоритъ: гдѣ ты, горнишная, нашла сіе кольцо?—Я
нашла, говоритъ, сіе кольцо, когда ходила утромъ за водою, стала черпать воду и нашла его
въ ведрѣ.—Ахъ, любезная, продай сіе кольцо!—Нѣтъ, ваше царское величество, кольца сего
я не продамъ, а если вамъ угодно, извольте, я вашей милости такъ подарю его. И отдала
эта дѣвица кольцо царской дочери. Живутъ такъ нѣсколько времени, онъ днемъ кольцомъ,
а ночью съ царскою дочерью добрымъ молодцомъ.

И вотъ узналъ какъ-то старикъ колдунъ, что ученикъ его находится въ турецкомъ го-
сударствѣ золотымъ кольцомъ у царской дочери на рукѣ. Приходитъ лично къ этому царю
турецкому.—Отдайте, говоритъ, мнѣ сіе кольцо?—А царь отвѣчаетъ: я и знать не знаю, какое
такое кольцо!—А у вашей дочери на рукѣ, говоритъ колдунъ. Призываетъ царь свою дочь.—
Что это, говоритъ, любезная моя дочь, какое ты имѣешь чужое кольцо? отдай его сему ста-

рику.—Не отдамъ я сего кольца, скорѣе соглашусь лишиться жизни, тѣмъ съ симъ кольцомъ разстаться. Тогда колдунъ говоритъ: если вы мнѣ не отдадите кольца, то я все ваше царство сожгу, чтобы завтра было мнѣ отдано!—Вотъ наступила ночь. Хлопнулось кольцо объ полъ и оборотилось добрымъ молодцемъ. И говоритъ царской дочери: когда завтра придетъ старикъ, отдай ты ему окаянному меня, сними его съ руки и брось на полъ около самыхъ ногъ. Тогда я разсыплюсь пшеницей и старайся приступить нѣсколько зернетъ. А старикъ оборотится голубемъ и станетъ клевать эту пшеницу; когда всю приклюетъ, полетитъ и скажетъ: вѣки вѣковъ никогда не прилечу! Тогда ты отступи зернета и я опять у тебя буду кольцомъ на рукѣ.

Такъ все и случилось. И живутъ они опять по прежнему: онъ днемъ кольцомъ, а ночью съ ней добрымъ молодцомъ. Вотъ и говоритъ царская дочь своимъ родителямъ: любезные родители! я не могла себѣ найти болѣе достойнаго жениха, какъ этотъ кавалеръ! Онъ днемъ кольцомъ, а ночью со мной добрымъ молодцомъ. Позвольте намъ съ нимъ принять законный бракъ. | А что, спрашиваетъ царь, можетъ онъ защитить мое царство? — Могу, говоритъ, ваше царское величество. — Какимъ же родомъ можешь ты сохранить мое царство? — Онъ хлеснулся объ полъ и еще прекраснѣе сдѣлался. И какъ бы невидимой силой сдѣлалъ показаніе, будто держитъ все царство на одной рукѣ и хранитъ оберегательство своей державы. Тогда царь сочеталъ ихъ законнымъ бракомъ, и стали царствовать и благодарить Бога [1]).

11. Иванъ купецкой сынъ.

Жили были два брата и имѣли они по двѣнадцати лавокъ и по трех-этажному каменному дому. У младшаго брата былъ мальчикъ годовъ пяти или шести. Младшій братъ померъ, а его молодая хозяйка вздумала ѣздить по тіатрамъ, познакомилась съ разными офицерами и пустилась въ распутное поведеніе. Такое время пришло, что весь товаръ измотала и лавки продала, осталась съ однимъ домомъ; и домъ продала и купила себѣ маленькую килейку [2]). Дошло до того, что ей своего сына нечѣмъ стало кормить. И приходитъ она къ своему брату.—Любезный братецъ! возьми моего сына, а твоего племянника,—мнѣ его нечѣмъ стало кормить. Онъ и взялъ его. Живетъ мальчикъ у своего дяди, а мать его стала ходить тайно въ лавку и у своего сына выпросить то кусокъ сукна или ситцу, то матеріи какой дорогой; и все продастъ и израсходуетъ въ питейныхъ заведеніяхъ. Дядя это замѣтилъ и прогналъ своего племянника. Жилъ онъ у матери въ домѣ, а ей кормить его нечѣмъ. Опять приводитъ его къ своему брату. — Любезный братецъ! возьми моего сына, а твоего племянника, мнѣ никакъ кормить его нечѣмъ. Онъ по сожалѣнію взялъ и поставилъ обряжать лошадей и коровъ, а мать не стала его провѣдывать, потому что у сына ей взять нечего.

И вздумалъ этотъ дядя ѣхать на ярмарку и нагрузили двѣнадцать кораблей. И нужно плыть все озеромъ, а въ этомъ озерѣ никакъ нѣтъ пропуску: кто голову отдастъ, тотъ можетъ проѣхать. И племянника Иванушку съ собой взялъ.—Ну, господа корабельщики, прикащики, поѣзжайте прямо озеромъ, что̀ Богъ дастъ!—До половины озера доѣхали, тутъ корабли и встали,—ни взадъ ни впередъ.

И говоритъ купецъ: ну, корабельщики и прикащики, кидайте жеребей, кому изъ васъ бросаться въ озеро...—А намъ, говорятъ, какая надобность за твое богатство бросаться? …—бросайся самъ.—Ахъ, господа прикащики и корабельщики! мнѣ не жалко ни богат… ги имущества, только жалко мнѣ своей жены молодой. Любезный племянникъ, Ивануш… говоритъ, тебя кину.—А кидай, дяденька, мнѣ одна смерть! Взялъ его дядя и кинулъ. … пошли, а сей мальчикъ очутился въ водяномъ царствѣ въ прекраснѣйшемъ дворцѣ. … лежитъ старикъ на кровати и покрыто его лицо бѣлымъ полотномъ. Подходитъ … говоритъ: здравствуй, дѣдушка любезный!—Здравствуй, сынокъ дорогой! Во всемъ … сдѣлаю, по всѣмъ ты у меня садамъ ходи и по виноградным погребамъ, … не ходи въ три комнаты, которыя я запрещаю тебѣ. Вотъ тебѣ отъ всѣхъ … я полечу на Бѣлую Русь.

…с. сказки. II. № 140 a, b, c, d и e. Хитрая наука (Воронежск. г., Архангельск. …кій II. Малор. сказки. № 102. Охъ або чортъ (Полтавск. г.). № 103. Про Оха …04. Охъ (Волынск. губ.). *Трейландъ. Латышскія сказки въ Сб. М. по Эт. изд. при* … чортовомъ работникѣ. *Драгомановъ. Малорусск. Нар. Преданія:* стр. 326. Охъ …усск. ск. II. № 29. Охъ (Полтавск. г.). *Эрленвейнъ. Нар. Русск. ск.* стр. 53. …*Худяковъ. Великорусс. ск.* № 19. Иванъ дорогокупленный (Рязанск. губ.). …). *Садовниковъ. Ск. и пр. Самарск. края.* № 64. Учитель и ученикъ. *Ред.*

Ну, садись же, говоритъ, на меня.—Сѣлъ на него Иванъ и перенесъ его старикъ всѣ моря и всѣ океаны и поднесъ его подъ самое подъ ея государство.

А Марья-царевна вздумала въ успрятки играть и выбираетъ себѣ жениха. Кого она найдетъ, тому голова долой, а кого не найдетъ, то будетъ его невѣстой. И говоритъ старикъ: вотъ тебѣ бѣлый шелковый платочекъ; на этомъ платочкѣ завязаны три узелочка. Выйдешь ты въ чистое поле гулять, развяжи сперва этотъ, потомъ другой и третій узелокъ. Ну, ступай, теперь больше не видать меня. Идетъ онъ во дворецъ и идутъ съ нимъ два молодца деревенскіе. Онъ и спрашиваетъ ихъ: куда вы, добрые молодцы, идете?—Съ царевной въ успрятки играть. А ты куда? — И я тоже. И пришли всѣ трое къ ёй во дворецъ. Марья-царевна выходитъ и спрашиваетъ: что вамъ нужно, добрые молодцы?—Съ вамъ, ваше царское величество, въ успрятки поиграть.—Если я не отгадаю, то ваша буду супруга, а если отгадаю, то вамъ голову долой. Согласны-ли? - Согласны.—Ну, успрятывайтесь.

Вышли они на крыльцо и спрашиваютъ другъ дружку: ты куда пойдешь? Одинъ говоритъ: я въ сѣно зароюсь, а другой: я къ коровѣ подъ ясли лягу. А ты куда, добрый молодецъ?—А я въ чистое поле разгуляюсь. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ первый узелокъ и летитъ орелъ-птица. — Садись на меня, Иванъ, купецкой сынъ. Сѣлъ на него и этотъ орелъ-птица вылетѣлъ на самый надъ домъ, потомъ спустился и говоритъ: я не слуга тебѣ. Идетъ онъ во дворецъ и тѣ два молодца идутъ. Она и спрашиваетъ: гдѣ же вы были? - Извольте отгадывать. Сейчасъ посмотрѣла въ волшебное зеркало и говоритъ: одинъ лежалъ въ сѣнѣ зарывшись, другой у коровы подъ яслями, а ты молодой взлеталъ на птицѣ надъ моимъ дворцомъ.—Тѣмъ двумъ и голова долой, а Иванъ говоритъ: ну что же дѣлать? Смерть, такъ смерть. И вышелъ тутъ старикъ отецъ Марьи-царевны. Дай, говоритъ, ему еще разъ успрятаться.—Ну, ступай.

Вышелъ онъ въ чистое поле, развязалъ другой узелокъ и бѣжитъ лёвъ-звѣрь.—Садись на меня. И ушелъ съ нимъ подъ домъ.—И это отгадала Марья-царевна. Попросилъ за него отецъ старикъ, чтобы еще разъ ему успрятаться. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ третій узелокъ и бѣжитъ щука. И ушла съ нимъ на дно морское и сѣла подъ камень. Выплыла и говоритъ: ну, мы теперь тебѣ не слуги. И это отгадала Марья-царевна.—Ну, дочь моя любезная, говоритъ царь, дай ему четвертый разъ успрятаться. Вышелъ онъ на дворъ и спустился на бадьѣ въ колодезь. И приходитъ горничная дѣвушка за водою и увидала его.— Ахъ, Иванъ, купецкой сынъ, я тебѣ помогу! Вытащила его изъ колодца, стукнула въ лобъ, онъ и сдѣлался маленькой рыбкой. Бросила рыбку на полъ и сталъ онъ опять добрымъ молодцемъ.—Ступай теперь. Приходитъ онъ во дворецъ.—Ну, отгадывай, говоритъ. Сколько Марья-царевна ни смотрѣла въ зеркало и баушка въ волшебной книгѣ—не могли отгадать. Выходитъ старикъ отецъ и говоритъ: вотъ твоя нареченная невѣста.—Не супруга-ли? спросилъ Иванъ, купецкой сынъ. Тутъ Марья-царевна его узнала. И стали они жить да поживать да добро наживать [1]).

12. Проклятая царевна.

Дѣло было въ святки. Какъ въ прежнее время, такъ и нонѣче, молодцы и дѣвушки собираются на посидѣнки. [2]) Отъ одного селенія верстъ съ пол-десятка шли молодцы въ ночное время на посидѣнку. На половинѣ дороги попалась имъ баня, выстроенная для мятья льну. Одинъ и говоритъ: кто осмѣлится въ эту баню зайти и взять съ каменки камень, тому рубль серебра! И выискался одинъ изъ этой артели. Вошелъ въ баню, взялъ съ каменки камень, вышелъ.—Вотъ, говоритъ, ребята, вы чего боитёсь, и бросилъ этотъ камень въ сторону и неизвѣстно, куда онъ улетѣлъ. А товарищъ ему подалъ рубль.—Ну, говоритъ, господа, пойдемте въ заведеніе, я васъ, говоритъ, попотчую на этотъ рубль. И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посидѣнки, приходитъ этотъ человѣкъ домой. Только успѣлъ онъ разболокчись [3]), поѣсти и лечь спать, какъ ему на ухо и шепчетъ кто-то: принеси мой камень! гдѣ его взялъ, тутъ и положь!—Онъ сперва думалъ, что это шутка, но дѣло дошло до того, что ни днемъ ни ночью не стало давать покоя. Дѣлать нечего, надо идти искать камень. Долго искалъ онъ его, однако нашелъ и какъ только хотѣлъ положить этотъ камень на каменку, схватываетъ его за руку неизвѣстно кто.—Ты, говоритъ, добрый молодецъ, долженъ быть моимъ мужемъ, а я твоей женою! — Какъ, говоритъ, такъ! я тебя не знаю.—А

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ: Русскія сказки.* II. № 130 в. Елена премудрая. *Ред.*
[2]) Вечернія собранія молодежи.
[3]) Раздѣться.

закричитъ, лишо услыхаютъ. Волкъ видитъ, что дѣло не ладно и сталъ мальчика упрашивать: вылѣзь изъ меня!—Нѣтъ, гтъ, не вылѣзу, а свези меня къ отцу на повѣтъ, такъ вылѣзу. Разсказалъ мальчикъ гдѣ отецъ живетъ и поѣхали къ отцу. Бѣжитъ волкъ прямо на сарай, а мальчикъ и закричалъ: батюшка да матушка! бѣгите да волка сѣраго бейте, на повѣтъ прибѣжалъ!

Выскочили старики, убили волка. Мальчикъ изъ волка и вышелъ.—Кожу выдѣлали да сошили мальчику изъ нея тулупъ, а мясо бросили. И топере живутъ по прежнему — мальчикъ въ тулупѣ, а старикъ да старуха радуются [1]).

14. Сказка про трехъ сыновей.

Жили были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ, а у нихъ былъ отецъ. Захотѣлъ большой братъ поискать счастья, выпрошалъ у отца сто рублей и пошелъ путемъ дорожкой. И попадаетъ ему настрѣчу старичекъ и спрашиваетъ у его: куда молодецъ пошелъ?—А пошелъ искать счастья.—Старикъ и говоритъ ему: пойдемъ, у меня есть счастье. Есть у меня козелъ. Только скажи ему: топни всѣмъ ногамъ, сейчасъ и будетъ груда денегъ. Молодецъ отдалъ старику сто рублей, взялъ козла и повелъ его. Дошелъ онъ до кильи [2]) и пришлось ему тутъ ночевать. Постучалъ онъ и вышла старуха.—Кто тамъ?—А я, баушка, пусти переночевать. Старуха говоритъ: бѣги [3]), мы радёшеньки. Вотъ онъ привязалъ козла къ столбу, а самъ легъ на полати и наказываетъ старухѣ: ты, старуха, не говори козлу: топни всѣмъ ногамъ:

Когда молодецъ уснулъ, старуха и говоритъ старику: скажемъ козлу, чтобы топнулъ ногамъ?—Ну, говори, сказалъ старикъ. И сказала старуха, козелъ топнулъ и стала груда денегъ. Старикъ и старуха испугались и начали деньги обирать. Вотъ старикъ сходилъ къ сусѣду, купилъ козла и привязалъ его къ столбу, а того козла спряталъ.

По утру всталъ молодецъ, взялъ козла и пошелъ домой. Пришелъ домой и говоритъ отцу: сбирай, батюшка, всѣхъ гостей и сусѣдей. Отецъ собралъ, посадилъ всѣхъ за столъ, а молодецъ поставилъ козла на постилу [4]) и говоритъ: козелъ, топни всѣмъ ногамъ! А козелъ и не топаетъ. Онъ по другой разъ говоритъ и по третій, все козелъ стоитъ. Вотъ онъ его и давай пинать, а отецъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ зачалъ сына за волосье пазгать и потомъ прогналъ его въ пастухи.

Черезъ нѣсколько времени второй сынъ говоритъ отцу: батюшка! дай и мнѣ сто рублей денегъ, и я пойду искать счастья.

Вотъ онъ пошелъ и встрѣчается ему старикъ. — Куда молодецъ пошелъ? — А вотъ пошелъ искать счастья.—Купи у меня скатерку развернушку? Только скажешь: скатерка, дай попить и поѣсть, все она и дастъ. Купилъ онъ скатерку и пошелъ домой. Подошелъ къ той самой килейкѣ и выпросился ночевать. Поужиналъ, легъ спать и сказалъ хозяину: не говори, скатерка, дай попить и поѣсть, а самъ уснулъ. Старуха ночью и говоритъ: старикъ! давай, скажемъ! — Ну, давай, говори! — Вотъ старуха и сказала: скатерка! дай попить и поѣсть! сейчасъ на столѣ и очутились всякіе пироги и вино. Вотъ они поѣли, завернули скатерку и убрали, а на мѣсто этыя положили свою.

Вотъ по утру молодецъ всталъ, взялъ скатерку и пошелъ домой. Приходитъ и велитъ отцу собрать всѣхъ родныхъ и сусѣдей. Собрали, посадили за столъ, молодецъ и говоритъ: скатерка, дай попить и поѣсть! А она и не шевелится. Вотъ онъ другой разъ и третій, а она все молчитъ. Отецъ и этого сына отправилъ въ пастухи.

Того же часу и говоритъ младшій сынъ дуракъ: давай и мнѣ сто рублей, и я пойду искать счастья. — Куда ты, дуракъ, пойдешь? А тотъ и заплакалъ. Отецъ подалъ ему сто рублей. Дуракъ обрадовался, взялъ деньги и пошелъ.

Дорóгой настигъ старичка и разговорились они. Старикъ и говоритъ: у меня есть плетка, ты только ей скажи: плетка щелкни! Взялъ дуракъ плетку и пошелъ.

Дошелъ до кильи, гдѣ жили старикъ со старухой и выпросился ночевать. И наказы-

[1]) Записана со словъ крестьянина Кадниковскаго у. Замошской волости Николая Васильянова). Ср. *Аѳанасьевъ*: *Русск. сказки III*. № 168. Мальчикъ съ пальчикъ. *Чубинскій II. Малорусск. сказки* № 22. Хлопецъ съ пальчикъ. (Гродненск. г.). *Трейландъ: Латышскія сказки; въ Сб. Мат. по Этн. изд. при Дашков. Эт. Музеѣ II.* № 108. Мальчикъ съ пальчикъ. *Драгомановъ: Мал. нар. пред.* стр. 355. Мальчикъ съ пальчикъ (Маріуп. у.). *Худяковъ*: *Великорусск. ск.* № 64. Липунюшка (Рязанск. г.) *Садовниковъ*: *Сказки и преданія Самарск. края.* № 33. Мизинчикъ. *Ред.*

[2]) Маленькая избушка.

[3]) Иди, ступай. Весьма употребительный оборотъ.

[4]) Половикъ.

16. Котокъ золотой лобокъ.

Жилъ старикъ со старухой близъ лѣсу въ худой избенкѣ. Разъ старуха и посылаетъ старика въ лѣсъ: ступай, говоритъ, старикъ, наруби дровъ, я хоть печку истоплю да каши наварю. Взялъ старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Подходитъ къ пню, только ударилъ по немъ топоромъ, какъ выскочилъ котокъ золотой лобокъ и крикнулъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! что тебѣ, старикъ, надо?—Старикъ не зналъ что̀ сказать, думалъ, думалъ, наконецъ, и придумалъ: избенку надо-бы, избенка у насъ плоха стала... —Ступай домой, говоритъ котокъ, будетъ у васъ новая изба...

Приходитъ старикъ домой и видитъ: стоитъ большая новая изба. Вышла къ нему на встрѣчу старуха и говоритъ: домъ-то у насъ богатый, да дровецъ нѣтъ, поди, наруби дровъ. Пошелъ опять старикъ въ лѣсъ, стукнулъ топоромъ въ пень, выскочилъ котокъ и говоритъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! чего тебѣ, старикъ, надо?—Старуха дровецъ проситъ, сказалъ старикъ. — Хорошо, иди домой, будутъ у васъ дровца. Приходитъ старикъ домой и видитъ: около его дома цѣлые костры дровъ навалены. А старуха вышла изъ дому и говоритъ: всего-то у насъ много, только хлѣба нѣтъ, поѣсть нечего.

Взялъ опять старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Стукнулъ топоромъ о пень... и т. д. чего тебѣ надо?—Муки старуха проситъ, ѣсть, говоритъ, нечего.—Хорошо, ступай домой, будетъ у васъ мука.—Приходитъ старикъ домой и видитъ: хлѣба полные амбары навалены. Вышла старуха и говоритъ старику: всего-то у насъ много, только сидѣть не на чемъ. Взялъ старикъ... и т. д. чего тебѣ надо? — Мебели проситъ старуха, сидѣть, говоритъ, не на чемъ.—Ступай съ Богомъ домой, будетъ у васъ и мебель.—Приходитъ старикъ домой и видитъ: мебелью весь домъ установленъ. Старуха опять и говоритъ: всего-то у насъ много, только одёжи нѣтъ, надѣть нечего.

(Котъ даетъ старику и старухѣ одежду. Тогда старуха заявляетъ желаніе сдѣлаться царицей, а чтобы старикъ былъ царемъ. И это исполняется. Наконецъ, старуха посылаетъ мужа къ коту, чтобы тотъ сдѣлалъ ее Богородицей. На это котъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ въ пень. Старикъ вернулся домой и вмѣсто дворца нашелъ прежнюю ветхую избенку и жену свою въ прежнемъ видѣ) [1].

17. Ивановъ цвѣтъ.

Жилъ въ одномъ городѣ богатый трактирщикъ, у котораго было много служащихъ, или какъ ихъ зовутъ — половыхъ. Однажды половые разговорились между собою о томъ, какъ можно сдѣлаться богатымъ и знатнымъ. Одинъ и говоритъ: я знаю средство сдѣлаться богатымъ. — Что же ты не испытаешь его, коли знаешь? спрашиваютъ другіе. — Боюсь, опасно.—По крайней мѣрѣ разскажи намъ, въ чемъ это средство заключается.—Нужно, говоритъ, достать Ивановъ цвѣтъ, т. е. цвѣтокъ папоротника, который разцвѣтаетъ только въ ночь на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ добудетъ, отъ того никакой кладъ не укроется и онъ можетъ все сдѣлать, что̀ захочетъ.—Ладно, попробуемъ! сказалъ одинъ изъ половыхъ по имени Сидорка.

И вотъ, когда насталъ канунъ Иванова дня, поздно вечеромъ, Сидорка отправился въ лѣсъ къ знакомому кусту папоротника. Въ полночь онъ увидѣлъ, что на папоротникѣ разцвѣлъ цвѣтокъ. Сидорка сорвалъ его и побѣжалъ домой. И вдругъ онъ видитъ большой огненный шаръ катится ему прямо подъ ноги. Сидорка понялъ, что это дьявольское навожденіе и закричалъ: чуръ меня! Шаръ тотчасъ же пропалъ. Пошелъ онъ дальше. Долго шелъ, наконецъ, увидалъ вдали огонекъ. Пошелъ на огонекъ и подошелъ къ избушкѣ. Заглянулъ въ нее и видитъ на печи лежитъ старый-престарый старикъ. И говоритъ ему старикъ: тебѣ одному не справиться съ Ивановымъ цвѣткомъ, я тебѣ помогу въ этомъ. Слѣзъ старикъ съ печки, взялъ ножикъ и разрѣзалъ у Сидорки на ладони кожу, всунулъ подъ нее цвѣтокъ и въ ту же минуту заростилъ рану. Потомъ взялъ со стѣны сумочку, подалъ ему и сказалъ: городъ, въ которомъ ты живешь, окруженъ врагами и тебѣ, чтобы освободить его, стоитъ только сказать: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята въ сумку!

Только, что это вымолвилъ старикъ, какъ Сидорка очутился у города. Городъ дѣйстви-

---

[1] Ср. *Аѳанасьевъ: Русскія сказки I.* № 39. Золотая рыбка № 40. Жадная старуха. *Романовъ: Бѣлорусскій Сб. III. Могил. г. отд. II.* № 89. Котокъ золотой лобокъ. *Сбор. свѣд. для изуч. быта крестьян. насел. Россіи* вып. I. стр. 386. О происхожденіи медвѣдя. *Худяковъ. Великорусс. ск.* № 37. Заколдованное дерево липка (Москва). *Ред.*

тельно былъ окруженъ непріятелемъ. Увидавши враговъ, Сидорка закричалъ: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! И вылѣзло изъ ранца войска видимо-невидимо, напало оно на враговъ и прогнало ихъ отъ города. Послѣ этого Сидорка былъ встрѣченъ царемъ съ большимъ почетомъ, произведенъ въ фельдмаршалы и находился при царѣ до самой его смерти.

18. Змѣя.

Въ одной деревнѣ былъ женатый мужикъ и съ нимъ жила его мать старуха. Сынъ и невѣстка не взлюбили старуху и часто ее ругали и бранили. Однажды въ самый Христов день пришли они отъ обѣдни и сѣли за столъ разговляться. Сынъ за что-то осердился мать и сказалъ: лучше бы я змѣю видѣлъ за столомъ, чѣмъ тебя!

Черезъ нѣсколько времени жена его пошла въ погребъ за молокомъ и видитъ — г душкѣ сидитъ огромная змѣя. Какъ только змѣя увидѣла бабу, тотчасъ же вспрыгн нее и обвилась вокругъ ея шеи. Никакими усиліями не могли оторвать змѣи отъ ш Такъ змѣя и жила на ней, питаясь молокомъ изъ ея грудей. Если баба придетъ мыться, змѣя сползетъ съ нея и сядетъ на потолокъ у дверей, а какъ только ба она тотчасъ же опять вспрыгнетъ ей на шею. Такъ баба и умерла со змѣею [1])

(*Вологодск. у., дер*

19. Иванъ глиняный.

Жилъ старикъ со старухой. Однажды старикъ сказалъ старухѣ: с мнѣ глины, я слѣплю мальчика, такъ онъ будетъ намъ замѣсто сын глины, размочила ее и они стали лѣпить, слѣпили и положили въ печ сѣла у печки прясть. Прядетъ она, вздремнула и уронила клубокъ (бецъ. Встала и хотѣла было идти за нимъ, какъ вдругъ слышитъ Старуха отворила печку и оттуда вышелъ Иванъ по прозванью гли мама, за клубкомъ, и пошелъ. Старуха сѣла и дожидается. В глиняный и говоритъ: мама, мама, какую я тебѣ сказку скажу я клубокъ да веретенце и тебя съѣмъ съ праслицемъ!

Съѣлъ свою мать и пошелъ на улицу. Видитъ—отецъ воритъ: тятя, тятя, какую я тебѣ сказку скажу: былъ я веретенце, мать съ праслицемъ, и тебя съѣмъ съ топором На встрѣчу ему идутъ дѣвки съ ведрами.—Дѣвки, дѣвки я въ голбцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, мать съ п съѣмъ съ ведрами! Съѣлъ дѣвокъ и пошелъ дальше. (Слѣдуетъ та же сказка; затѣмъ онъ съѣдаетъ мужик лѣсу и, наконецъ, натыкается на медвѣдя). Какъ очень силенъ. Началъ онъ было сказку свою, но м глиняный струсилъ и спрятался за толстое дерев мялъ, мялъ, да и раздавилъ. И выкатились и праслицемъ, старикъ съ топоромъ, дѣвки съ ве и мужикъ съ дровами. Увидѣвши медвѣдя, и испугался и убѣжалъ, а они возвратились во веретенцемъ за своей старухой.

20. Стра

Жили были мужикъ да баба. Ж тей имѣть имъ очень хотѣлось. Вот и просила помочь ей чѣмъ нибудь. корешки въ полночь съ мягкимъ вскорѣ дѣйствительно забеременѣ

Какъ-то мужику понадоби пилъ вечеръ. Бабѣ стало ст нибудь ночевать къ себѣ, но

---

[1]) Ср. *Сбор. Харьковск. Ис стр. 8. Ред.*

и легла на печь. Въ полночь у ней родился ребенокъ. Она спеленала его и положила къ себѣ на колѣни. И видитъ: ребенокъ смотритъ на нее такъ, словно съѣсть хочетъ. Испугалась она, положила ребенка въ зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдругъ слышитъ, кто то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашиваетъ: кто тамъ?—Странникъ. Баба побѣжала отпирать. Странникъ вошелъ въ избу и улѣзъ на печь. За нимъ улѣзла и баба и спряталась за него. И видитъ она: выскочилъ ребенокъ изъ зыбки и тоже лѣзетъ на печь и говоритъ: я тебя съѣмъ! Но старикъ перекрестилъ его и ударилъ по головѣ. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Старикъ взялъ корешки, сжегъ ихъ на огнѣ и пошелъ вонъ изъ избы.

21. Колдунъ.

Въ одномъ захолустномъ селѣ сторожъ при церкви былъ колдунъ. Церковь и сторожка, въ которой онъ жилъ съ женою и двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, стояли наотставу отъ селенія. Жена прожила съ нимъ много лѣтъ, а не знала, что мужъ ея былъ колдунъ и чернокнижникъ. И вотъ когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то сказалъ женѣ: я чувствую, что скоро помру и тогда ты не оставайся при мнѣ дома ночевать, а иди въ деревню.—Дѣйствительно, вскорѣ онъ умеръ. Но жена не послушалась и осталась дома съ покойникомъ.

Въ полночь мальчикъ проснулся и говоритъ матери: мама! тятя глаза открылъ!—Полно, дитятко, спи! отвѣчала мать. Но мальчикъ опять говоритъ: мама! тятя встаетъ! — Полно, дитятко, перекрестись да спи! — Наконецъ мальчикъ закричалъ; ой, мама! тятя идетъ къ намъ.

Мать открыла глаза и видитъ: покойникъ дѣйствительно всталъ и, скрестивши руки на груди, съ оскаленными зубами, идетъ къ нимъ. Не зная, что дѣлать, женщина обратилась съ молитвою о помощи къ Алексію человѣку Божію, во имя котораго была построена ихняя церковь. И вдругъ явился старецъ въ свѣтломъ одѣяніи съ жезломъ въ рукахъ и сказалъ: не бойся, раба божія! Покойникъ же при появленіи старца тотчасъ упалъ на полъ. И до самаго утра старецъ стоялъ между покойникомъ и постелью женщины и ея дѣтей. Утромъ колдуна похоронили и въ могилу его вбили три осиновыхъ кола.

22. Три покупки.

Не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, а у царя были три сына. Разъ и говоритъ своимъ сыновьямъ государь: даю я вамъ по сту рублей, подите и купите всѣ по штукѣ, кому что нужно. И отправились братья въ путь дорожку и дошли до столба. И написано на столбѣ и показываютъ руки на всѣ три стороны, въ которыя стороны все были дороги. И пошли братья по разнымъ дорогамъ: старшій прямо, средній вправо, а младшій влѣво.

И приходитъ старшій братъ въ городъ, подходитъ къ рынку и видитъ: сидитъ мужчина, а у него стоятъ три каляски. И спрашиваетъ старшій братъ: сколько стоятъ твои каляски? Мужчина отвѣчаетъ: эти двѣ тридцать рублей, эта одна сто рублей.—Почему же эта дороже? Потому, что эта каляска можетъ въ часъ объѣхать весь бѣлый свѣтъ. Подалъ старшій братъ деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средній братъ входитъ въ городъ и видитъ: сидитъ вѣкошница [1]), а у нея лежатъ три зеркала. И спрашиваетъ: сколько стоятъ эти зеркала?—Эти два сорокъ рублей, а это зеркало одно сто рублей.—Что за особенность въ этомъ зеркалѣ?—А въ него посмотришь и увидишь, что гдѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Подалъ деньги за зеркало и отправился домой.

Третій братъ тоже входитъ въ городъ и видитъ: лежатъ на лавочкѣ яблоки. И спрашиваетъ онъ: много-ли стоятъ эти яблоки? Отвѣчаетъ торговецъ: эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей.—Почему же это дороже? Потому что кто бы не былъ у васъ въ семьѣ или гдѣ на бѣломъ свѣтѣ нездоровъ какой либо болью, можешь вылѣчить одной частью отъ этого яблока. Подалъ деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встрѣтились всѣ три брата и приходятъ домой и кажутъ своему отцу покупки и разсказали, у кого для чего существуетъ.

Черезъ нѣсколько времени вышли афишки по всѣмъ правленіямъ, не токма по городамъ, что не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, у него

[1]) Вѣкошница—мелочная торговка, продающая свой товаръ съ *вѣка*, крышки отъ короба.

была больная дочь, которая нѣсколько годовъ лежитъ въ постелѣ, и государь объясняетъ, что, кто можетъ вылѣчить мою дочь, за того отдаю ее замужъ.

Вотъ и стали собираться наши три брата. Посмотрѣлъ середній братъ въ зеркало и увидѣлъ, въ какомъ государствѣ больная, сѣли въ коляску и отправились въ это государство. И въѣхали въ городъ и сейчасъ донесли государю, что пріѣхали лѣкаря изъ иныхъ земель. Государь велѣлъ допустить ихъ до своей больной дочери. Младшій братъ вырѣзалъ изъ своего яблока часть и подалъ больной. Она съѣла эту выточку [1]) и сейчасъ почувствовала легче, черезъ трое сутки выздоровѣла и отгадайте: за котораго слѣдуетъ ее отдать? За меньшова, потому что у меньшака [2]) яблока убыло, у тѣхъ не убыло.

---

23. Работникъ.

Въ одной деревнѣ жилъ мужъ съ женой и дожили они до глубочающей бѣдности: больше стало жить нечѣмъ. И говоритъ мужикъ бабѣ: ну, баба, я пойду поряжусь къ богатому мужику въ работники. Пошелъ и порядился, взялъ задатку 15 руб. и скоро прожилъ эти деньги, пошелъ порядился къ другому и у другого взялъ 15 руб., и эти прожилъ, пошелъ къ третьему и у третьяго порядился, взялъ 15 руб. и эти прожилъ.

И пришлось мужику сходить къ обѣднѣ. Пришли и тѣ мужики богатые въ церковь. Жили они между собою дружно и завели разговоръ; одинъ другому началъ сказывать: вотъ что, братцы, я этта [3]) порядилъ работника какого, да вонъ онъ стоитъ!—Да какъ же, и я его порядилъ! Третій: и у меня порядился! Поговорили мужики промежъ себя, работнику ничего не сказали, а онъ слышалъ ихніе разговоры, приходитъ домой и говоритъ своей женѣ: ну баба, я теперь пойду и поряжусь работать къ чорту.

Пошелъ въ лѣсъ и попадается ему чортъ навстрѣчу, спрашиваетъ: куда мужикъ пошелъ? Отвѣчаетъ ему мужикъ: въ лѣсъ дрова рубить.—Такъ вотъ что: порядись ко мнѣ въ работники. Мужикъ отвѣчаетъ ему: съ удовольствіемъ, очень радъ.—Такъ приходи завтра въ такое-то мѣсто, объ цѣнѣ нечего разговаривать, я цѣной не обижу.

Пришелъ мужикъ къ чорту работать. Чортъ напоилъ его водкой.—Ну, ступай, ложись спать, у меня ни одинъ работникъ до троихъ сутокъ не работаетъ.—Вотъ прожилъ мужикъ трои сутки; на четвертыя всталъ его хозяинъ по утру рано, разбудилъ работника: ну-ка, работникъ, пойдемъ въ лѣсъ, нужно срубить три осины толщиной вершковъ въ 16-ть, длиною шести сотенъ и сдѣлать черезъ рѣку лавы.

Вотъ взяли по топору и пошли въ лѣсъ; у чорта топоръ былъ вѣсомъ фунтовъ въ 30-ть. Пришли въ лѣсъ и начали рубить осину; чортъ какъ началъ хвостать—сразу половину пересѣкъ, а мужикъ не можетъ и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чортъ и говоритъ своему работнику: ну, братъ, давай, потащимъ осину на рѣку; взялъ подъ комель, а мужикъ не даетъ ему, говоритъ: отойди, чахотный, прочь, гдѣ тебѣ унести, ступай, берись подъ вершину.—Дѣлать нечего, чортъ пошелъ къ вершинѣ, поднялъ вершину и давай подбираться. Мужикъ кричитъ: молодецъ хозяинъ, давай еще маленько!—Чортъ поднадàлъ [4]), осину всю и поднялъ. Мужикъ влѣпилъ топоръ въ осину, самъ сѣлъ на комель.—Ну, хозяинъ, пошелъ!—Чортъ попёръ осину, до того, что присталъ [5]).—Ну, казакъ, давай, отдохнемъ!—Ну, какой тебѣ отдыхъ, давай, тащи, уродъ! Дѣлать нечего, не хочется чорту поддаться мужику, пошли опять впередъ. Притащили осину на рѣку. Чортъ и говоритъ работнику: ну, казакъ, давай, кидай!—Нѣтъ, хозяинъ, стой, дай перебраться, у насъ съ тобой не на одномъ плечѣ. И свернулся мужикъ съ комля.—Ну, хозяинъ, кидай!—Чортъ бросилъ осину и самъ свалился.—Что же ты, хозяинъ?—Я присталъ, ступай ты обѣдай, а я отдохну здѣсь.

Мужикъ приходитъ обѣдать и спрашиваетъ его чертовка: что, братъ, гдѣ оставилъ хозяина?—Онъ, чахотный, притащилъ бревно, свалился, на рѣкѣ лежитъ, поди только не околѣетъ.

Работникъ пообѣдалъ и легъ спать на повѣти въ сани. Чортъ пришелъ домой и жалуется своей хозяйкѣ: ну, баба! вотъ такъ работникъ! Я то ли не едрёнъ, онъ меня втрое едренѣе, надо его ужо ночью убить, а то жить намъ будетъ плохо.

Мужикъ выслушалъ чортовы разговоры, дожилъ до вечера, поужиналъ, пошелъ спать.

---

[1]) Вырѣзку.
[2]) Меньшакъ—младшій.
[3]) Недавно.
[4]) Подвинулъ на себя.
[5]) Усталъ.

такъ давай повернемся, ты иди подъ вершиной впередъ. Навалилъ на черта всю осину, а самъ сѣлъ на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говоритъ чортъ своему дѣдушкѣ: ой, дѣдушка, это намъ не работникъ, онъ меня замаетъ: я въ поту тащу, а онъ все идетъ въ леготѣ; надо его разсчитать, а нѣтъ, такъ зарѣзать.

Пастухъ это слышалъ, положилъ на свою кровать корыто и закрылъ его, а самъ легъ подъ кровать. Чортъ ножикъ наточилъ, бѣжитъ и началъ корыто рѣзать, а пастухъ подъ кроватью хрипитъ, будто онъ зарѣзанъ.

Ушелъ чортъ въ избу, а работникъ и идетъ къ нему. Старый чортъ и говоритъ; намъ тебя не надо, разсчитаемъ тебя. Разсчитали его, отдали деньги за весь годъ, пастухъ и пошелъ. Пошелъ, только не знаетъ, какъ изъ лѣсу выйти, заблудился совсѣмъ. Трои сутки блудился, увидалъ дуплю [1]), влѣзъ на нее, чтобы посмотрѣть, не видно ли гдѣ жила [2]) и провалился въ дуплю. — Просидѣлъ онъ тутъ трое сутокъ, не ѣвши, и думаетъ, что ужъ смерть.

Вдругъ слышитъ: народъ кругъ [3]) дупли заговорилъ. Какой-то мужикъ подошелъ да и колонулъ по дуплѣ обухомъ. А пастухъ и забучалъ, будто что улей. Мужикъ и давай рубить дуплю, подрубилъ дуплю, а пастухъ какъ закричитъ; охъ ты! мой домъ рубить! я тебѣ дамъ, постой-ка! Мужикъ испугался и—унеси Господи! а ко́ней тройку тутъ и оставилъ. Пастухъ вылѣзъ, сѣлъ на ко́ней и поѣхалъ домой [4]).

25. Сказка про солдата и его сумку.

Вышелъ солдатъ со службы, идетъ и думаетъ: служилъ я царю 25 лѣтъ, а не выслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ!—Видитъ—идетъ ему навстрѣчу старикъ. Поровнялся съ нимъ старикъ и спрашиваетъ: о чемъ, служивый, думаешь?—Думаю о томъ, что служилъ царю 25 лѣтъ, а не выслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ! — Такъ чего же тебѣ надо? — Хоть бы научиться въ карты всѣхъ обыгрывать, да никто бы меня не обидѣлъ. — Хорошо, я дамъ тебѣ карты и сумочку: тебя никто не обыграетъ и не обидитъ.

Взялъ солдатъ отъ старика карты и сумку и пошелъ. Приходитъ онъ въ деревню и просится ночевать. Ему и говорятъ: здѣсь у насъ тѣсно, а вонъ въ томъ новомъ дому ночевать нельзя.—Отчего нельзя? — Да такъ. — Пустите меня въ тотъ домъ? — Иди.—Купилъ солдатъ свѣчку да и полуштофъ водки, вошелъ въ домъ и усѣлся. Сидитъ, карты перебираетъ; рюмочку выпьетъ и карточку положитъ. Въ самую полночь вдругъ двери отворились и бѣсенокъ за бѣсенкомъ полѣзли въ комнату; набралось ихъ пропасть и стали плясать. Солдатъ смотритъ и дивится. Но вотъ одинъ бѣсенокъ подскочилъ къ солдату и ударилъ его хвостомъ по щекѣ. Всталъ солдатъ и спрашиваетъ: ты что это? въ шутку или вправду?—Какія шутки! отвѣчаетъ бѣсенокъ.—Тогда солдатъ крикнулъ: въ сумку! и всѣ черти полѣзли въ сумку, ни одного не осталось.

На утро солдатъ видитъ: хозяева дома несутъ гробъ. Вошли въ комнату, хозяинъ и говоритъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа?—Аминь! отвѣтилъ солдатъ.—Да ты развѣ живъ? спрашиваютъ его.—Какъ видишь!

Солдатъ такъ полюбился хозяевамъ, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажилъ солдатъ богато и съ женой согласно. Черезъ годъ родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нѣтъ,—никто къ солдату нейдетъ. Вышелъ онъ на большую дорогу и думаетъ: какая женщина встрѣтится первая, та пусть и будетъ крестною матерью. Только что успѣлъ онъ это подумать, видитъ, идетъ старая старуха и худая-прехудая, кости да кожа. Солдатъ и говоритъ ей: бабушка! у меня дочь родилась, а крестить никто не идетъ.—Такъ что-же, я окрещу, идите въ церковь, я сейчасъ приду.

Принесъ солдатъ младенца въ церковь и кума пришла, сняла съ плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдатъ и говоритъ ей: кума! зайди поздравить крестницу!—Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчасъ приду.

Пришелъ солдатъ домой, приготовилъ все, скоро пришла и кума. Опять сняла съ плеча косу, положила у порога и сѣла за столъ. Когда отпировали, она встала и говоритъ: кумъ,

---

[1]) Полое дерево.
[2]) Жилое мѣсто.
[3]) Около, вокругъ.
[4]) Записано со словъ крестьянина Кадниковскаго у. Замошской волости Ник. Васильянова.

проводи меня! Солдатъ одѣлся и пошелъ провожать куму. Вышли они въ сѣни, она и говоритъ: кумъ! хочешь-ли научиться ворожить? — Какъ-бы не хотѣть!—А ты знаешь-ли, кто я? Я—смерть. Если тебя позовутъ къ больному и ты увидишь, что я стою у него въ головахъ, то не берись лечить, а когда буду стоять въ ногахъ, то берись; спрысни больного разъ холодной водой, онъ и выздоровѣетъ. Прощай!

Въ этотъ годъ въ той деревнѣ сдѣлалось столько больныхъ разными болѣзнями, что нашъ солдатъ, прослывшій за знахаря, едва успѣвалъ переходить изъ одной избы въ другую и всѣхъ вылѣчивалъ. Случилось, что заболѣлъ царь, а слухъ о солдатѣ, что онъ хорошо лѣчитъ, разнесся уже по всему государству. Вотъ его и призываютъ къ царю. Входитъ солдатъ къ царю, поглядѣлъ и видитъ: его кума стоитъ въ головахъ.—Плохо дѣло! говоритъ солдатъ. Однако велѣлъ принести скамейку и положить на нее царя. Когда это сдѣлали, солдатъ и давай вертѣть скамейку съ царемъ, кума-же его стала бѣгать кругомъ, стараясь быть въ головахъ у царя и до того добѣгала, что устала и остановилась. Тогда солдатъ повернулъ къ ней царя ногами, вспрыснулъ его водой и царь сдѣлался здоровъ.

Пошла смерть отъ царя, а солдатъ за ней, схватилъ ее и говоритъ: не уйдешь!—Охъ, кумъ, кумъ! я тебѣ сказала, что когда стою въ головахъ, то не берись лѣчить, а ты по своему дѣлаешь. Ну, я тебѣ за это припомню! – Ты это, кума въ шутку или вправду говоришь?—Какія тутъ шутки!—Такъ въ сумку! крикнулъ солдатъ и смерть залѣзла въ сумку. Пришелъ солдатъ домой и бросилъ сумку на чердакъ.

Черезъ годъ времени приходитъ къ солдату Микола милостивый, и говоритъ: служивый, отпусти смерть! Народу стараго на землѣ много, онъ проситъ смерти, а смерти нѣтъ.—Пусть пролежитъ еще два года, тогда и отпущу, сказалъ солдатъ.

Прошло два года. Солдатъ выпустилъ смерть изъ сумки и говоритъ: каково, кума въ сумкѣ?—Ну, кумъ, будешь ты просить смерти, я не приду къ тебѣ.—Обо мнѣ кума не безпокойся, я и самъ на тотъ свѣтъ приду!

Вотъ солдатъ живетъ да поживаетъ; въ карточки играетъ да водочку попиваетъ; жена и дочь у него ужъ умерли, а онъ все живъ. Однажды, играя въ одномъ домѣ въ карты, онъ услышалъ, что скоро придетъ антихристъ, и станетъ людей мучить. Солдатъ испугался и отправился на тотъ свѣтъ. Шелъ, шелъ, шелъ, наконецъ, приходитъ къ лѣстницѣ, которая тянулась до неба и сѣлъ тутъ отдохнуть; потомъ, собравшись съ силами, полѣзъ по лѣстницѣ. Лѣзъ, лѣзъ, лѣзъ и прилѣзъ какъ есть къ самому раю.—А у дверей рая стоятъ апостолы Петръ и Павелъ. Солдатъ и говоритъ имъ: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай!—А ты кто такой? спрашиваютъ его.—Я солдатъ.—Нѣтъ, тебя въ рай не пустимъ, ты самъ отказался отъ рая; иди туда, вонъ тебѣ рай!—И указали ему на адъ. Солдатъ пошелъ къ аду, у ада стоятъ два бѣсенка. Солдатъ и говоритъ: святые апостолы Петръ и Павелъ въ рай меня не пускаютъ; пустите вы меня въ адъ?—Иди, говорятъ ему бѣсенки, и пропустили его въ адъ.

Приходитъ солдатъ въ адъ; отвели ему тамъ особую комнату. Онъ настругалъ спичекъ, наколотилъ ихъ въ стѣну, развѣсилъ свою амуницію и легъ отдыхать. Отдохнувши, насбиралъ толстыхъ палокъ и понадѣлалъ изъ нихъ ружей, наловилъ чертей, составилъ изъ нихъ роту и началъ ихъ обучать военному искусству. Если который изъ чертей залѣнится, то его и палкой и подзатыльниковъ надаетъ и всѣхъ чертей въ аду изуродовалъ.

Узналъ сатана, что солдатъ, который долженъ быть въ раю, живетъ у него въ аду, и захотѣлъ его душою завладѣть. Приходитъ къ солдату и говоритъ: давай играть въ карты!—Давай, говоритъ солдатъ.—Только съ такимъ условіемъ: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебѣ отдамъ грѣшную душу. Солдатъ согласился и они усѣлись играть. Играютъ, играютъ и все солдатъ выигрываетъ.—Нѣтъ, говоритъ сатана, больше играть съ тобой не буду, ты, пожалуй, у меня всѣ души выиграешь.

Узнали и бѣсы, что это тотъ самый солдатъ, у котораго они сидѣли въ сумкѣ, и рѣшились его выгнать изъ ада. Наговорили на него сатанѣ, что онъ мучитъ чертей и никому спокою не даетъ своимъ солдатскимъ ученьемъ, и сатана далъ приказаніе по аду, чтобы выгнали тотчасъ же солдата. Окружили черти комнату солдата и объявили ему приказъ сатаны. Дѣлать было нечего. Взялъ солдатъ свою амуницію и двѣ выигранныя имъ у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошелъ. Только вышелъ онъ изъ своей комнаты, видитъ, всѣ черти выстроились въ рядъ, заиграла музыка и запалили изъ ружей.—Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошелъ, и всѣхъ ихъ выругалъ.

Приходитъ онъ опять къ раю и говоритъ: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай!—Да вѣдь ты отказался отъ рая,—говорятъ ему,—ступай въ адъ.—Да я тамъ былъ!—Такъ еще сходи.—Да пропустите вотъ хоть эти двѣ грѣшныя души.—Ну, пусть онѣ идутъ, сказали апостолы и отворили ворота. Солдатъ поставилъ впереди душу жены,

самъ всталъ по за нею, а позади себя поставилъ душу дочери. Такъ всѣ трое и вошли въ рай. И до сихъ поръ живутъ они да поживаютъ въ раю, ни нужды ни горя не знаютъ [1]).

26. Кузьма скоробогатый.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ старикъ со старухой, а у нихъ былъ сынъ по имени Кузьма, по прозванью Скоробогатый. Когда старикъ и старуха померли, не захотѣлось Кузьмѣ сидѣть дома, а захотѣлось по землѣ походить, свѣта бѣлаго посмотрѣть. Вотъ собрался онъ въ путь-дорогу, взялъ краюшку хлѣба, косарь [2]), да ножикъ, сѣлъ на лошадь задомъ напередъ и поѣхалъ странствовать. Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ два, а все версты не можетъ отъѣхать. Наскучило ему и усталъ онъ сидѣть, слѣзъ съ лошади и легъ на землю отдохнуть. Видитъ, на лошадь его сѣло нѣсколько мухъ да пауковъ. Разсердился на нихъ Кузьма, хватилъ ножомъ по лошади и убилъ восемь пауковъ и нѣсколько мухъ, только ножикъ его переломился на двѣ части: одна часть прилипла къ языку лошади, другая попала ей въ ротъ, да тамъ и пропала.

Отдохнувъ, Кузьма поѣхалъ дальше. Видитъ, середи дороги стоитъ столбъ, а на немъ надпись. Сошелъ Кузьма съ лошади и сталъ читать надпись. На столбѣ было написано: «всякій проѣзжающій, какой бы ни былъ богатырь, долженъ подписать здѣсь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелалъ подписаться на столбѣ и вотъ какъ онъ написалъ: «слушайте и читайте, что я вамъ разскажу: здѣсь проѣзжалъ богатырь Кузьма по прозванію Скоробогатый, который однимъ взмахомъ по восьми пауковъ побиваетъ, а маленькой сошки, мухъ и счету нѣтъ». Написалъ и поѣхалъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени подъѣзжаютъ къ этому столбу два богатыря: Еруслань Лазаревичъ и Алеша Поповичъ. Прочитавши надпись, они подивились, что существуетъ на свѣтѣ такой богатырь и захотѣли его догнать. Догнали его скоро, и видятъ: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, самъ онъ не вооруженный ничѣмъ и сидитъ не по-русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подъѣхавъ къ нему, поклонились ему до земли и просили принять ихъ въ число меньшихъ братьевъ. Кузьма съ важностью отвѣчалъ имъ на это, что согласенъ считать ихъ меньшими братьями и поѣхали они вмѣстѣ.

Ѣдутъ и видятъ на пути городъ. Не доѣзжая до него остановились и отпустили лошадей своихъ въ зеленый лугъ. Царь этого города, узнавши о пріѣздѣ богатырей, выслалъ противъ ихъ войско въ 50 человѣкъ. Еруслань Лазаревичъ подошелъ къ старшему названному своему брату и спрашиваетъ: кому идти противъ нихъ? Кузьма сказалъ: о такое пустое войско мнѣ рукъ не стоитъ марать, иди ты и приколи ихъ. Еруслань Лазаревичъ выѣхалъ и побилъ все войско. Царь выслалъ вдвое больше, но и это войско побилъ Алеша Поповичъ. Царь, видя, что съ богатырями трудно справиться, вздумалъ помириться и послалъ князей своихъ и бояръ къ Кузьмѣ, какъ къ старшему богатырю, съ подарками и съ просьбою пожаловать къ нему во дворецъ.

Пришли къ Кузьмѣ князья и бояре и сказали: сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! не вели насъ казнить, а позволь слово выговорить. — Говорите, отвѣчалъ Кузьма. Тогда они сказали: царь нашъ, узнавъ, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, проситъ у васъ прощенія и приглашаетъ къ себѣ во дворецъ. Тогда Кузьма вмѣстѣ съ братьями поѣхалъ къ царю во дворецъ. Царь встрѣтилъ ихъ съ низкими поклонами и повелъ въ свои хоромы, а потомъ сдѣлалъ для нихъ большой пиръ. Кузьма съ братьями такъ были довольны пріемомъ и угощеніемъ царя, что согласились остаться жить у него при дворцѣ.

У царя этого была дочь красавица изъ красавицъ, первая во всемъ свѣтѣ. Панъ китайскій посваталъ ее за своего сына, а царь не хотѣлъ отдать и отказалъ. Панъ китайскій, разсердившись за это на царя, объявилъ ему войну. Царь послалъ сказать Пану китайскому, что онъ нисколько не боится его, потому что у него при дворѣ есть такіе богатыри, что однимъ взмахомъ восьми побиваютъ. Панъ китайскій послалъ войско въ триста тысячъ человѣкъ, а царь противъ него выслалъ одного Кузьму Скоробогатаго, который выѣхалъ на своей худой лошаденкѣ и ничѣмъ не вооруженный, только одинъ косарь былъ воткнутъ за поясомъ. Увидавъ такое огромное войско, Кузьма сначала было струсилъ, но потомъ оправился. Войско Пана китайскаго расположилось на широкомъ зеленомъ лугу. Подъѣхавъ къ

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русск. сказки. I.* № 90. Солдатъ избавляетъ царевну. № 91 Бѣглый солдатъ и чортъ. *Сб. Харьк. Истор.-Фил. Общ. II. Манжура: сказки собр. въ Екатериносл. и Харьковск. губ.* Солдатъ та страхъ, стр. 60. Солдатъ та смерть. стр. 61. *Ред.*

[2]) Ножъ, которымъ щеплютъ лучину.

войску, Кузьма сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ березѣ, а самъ сѣлъ на камень и сталъ натачивать свой косарь. Панъ китайскій выслалъ противъ Кузьмы одного китайца, который былъ похрабрѣе всѣхъ, и велѣлъ ему дѣлать то же, что станетъ дѣлать Кузьма. Выѣхалъ китаецъ, сѣлъ на другой камень противъ Кузьмы и также сталъ натачивать свой ножъ. Потомъ Кузьма подошелъ къ китайцу и поклонился ему до земли. Тоже сдѣлалъ и китаецъ. Кузьма въ это время ударилъ его косаремъ по шеѣ и китаецъ упалъ мертвый. Когда это увидѣли китайцы, то бросились на него. Кузьма вскочилъ на лошадь, но позабылъ ее отвязать отъ березы и давай хлестать что было силы. Гдѣ взялась и сила у лошади: поднялась на дыбы, вырвала березу съ корнемъ и понеслась на китайцевъ. Китайцы подъ нею падали какъ снопы, давили другъ друга, а береза ихъ хлестала и била. И такъ было побито все войско.

Панъ китайскій, узнавъ о разбитіи своего войска, поскорѣе заключилъ съ царемъ миръ и заплатилъ ему большую дань. Кузьму царь встрѣтилъ съ почетомъ и въ благодарность за побѣду женилъ на своей дочери. Когда же царь умеръ, Кузьма сдѣлался наслѣдникомъ его царства и сталъ жить да поживать и меньшихъ своихъ братьевъ не забывать [1]).

27. Кумъ разбойникъ.

Жилъ въ одной деревнѣ бѣдный крестьянинъ. У него родился сынъ и пошелъ онъ по своимъ сосѣдямъ звать кого нибудь въ кумовья. Вышелъ на дорогу и встрѣтился съ разбойникомъ; пригласилъ его къ себѣ въ кумовья и тотъ согласился. - Когда окрестили младенца, кумъ подарилъ ему много денегъ, такъ что отецъ изъ бѣдняка сталъ богатымъ человѣкомъ и открылъ на эти деньги лавку и постоялый дворъ. Когда мальчикъ выросъ и началъ выбѣгать на улицу, ребятишки и стали дразнить его, что отецъ крестный у него разбойникъ и даже отца попрекали, что онъ разжился на разбойническія деньги. Мужику не полюбилось это, онъ пошелъ въ судъ и объявилъ, что кумъ его — разбойникъ. Судьи пріѣхали въ домъ крестьянина съ солдатами и велѣли крестьянину пригласить кума къ себѣ въ гости. Разбойникъ и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдатъ пьяными и заперли ихъ въ сѣновалъ. Когда же судьи захотѣли схватить кума за столомъ, онъ выстрѣлилъ три раза изъ пистолета въ потолокъ. Комната наполнилась дымомъ и онъ въ это время выбѣжалъ на дворъ и затѣмъ скрылся со своими товарищами въ лѣсу. Долго ихъ искали, но не могли найти, между тѣмъ они подожгли постоялый дворъ и лавку и мужикъ сталъ такимъ же бѣднякомъ, какъ и прежде.

Черезъ годъ послѣ этого разбойникъ приходитъ къ мужику и спрашиваетъ: какъ тотъ поживаетъ и каково живетъ его крестникъ? И попросилъ, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда мальчикъ пришелъ, разбойникъ сказалъ, что принесъ ему въ подарокъ красный колпакъ и сталъ примѣрять колпакъ на голову своего крестника. — Какъ разъ впору! сказалъ онъ, и разрубилъ мальчику топоромъ голову.

28. Калѣкинъ сынъ.

Жилъ одинъ богатый купецъ по имени Марко. Онъ былъ знакомъ и гостился со всѣми знатными вельможами и даже съ самимъ царемъ. Когда у него родилась дочь, онъ созвалъ къ себѣ гостей и во время пира сказалъ имъ: я со всѣми знакомъ и ко мнѣ ходятъ въ гости всѣ, не бывалъ только Іисусъ Христосъ. Гости на это сказали ему: постели бархатные ковры при входахъ въ комнаты, такъ онъ и придетъ.—Марко тотчасъ же приказалъ постлать бархатные ковры при входѣ въ каждую комнату. Вскорѣ по этимъ коврамъ пришелъ бѣдноодѣтый странникъ (это былъ Іисусъ Христосъ) и попросился переночевать. Увидѣвъ его, Марко сказалъ: какъ ты смѣешь входить сюда, когда у меня гости? и велѣлъ ему идти на задній дворъ.

Ночью къ страннику явился ангелъ и сказалъ, что у калѣки убогаго родился сынъ. Странникъ на это отвѣтилъ, что этотъ сынъ женится на дочери купца Марко. — Разговоръ этотъ подслушала служанка и передала Марку.—Не будетъ этого никогда! сказалъ Марко,— неприлично знатной купеческой дочери выходить за калѣкинъ сына! и приказалъ взять у

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ: Русскія сказки III.* № 234. Иванъ-дуракъ (Пермской губ.), № 235. Ѳома Беренниковъ (Калужск. губ.). *Чубинскій II. Малорусскія сказки II.* № 96. Швецъ-богатырь. *Худяковъ. Великор. ск.* № 51· Кузьма Серафонтовичъ (Рязанск. г.). № 121. Иванъ Косыревъ (Нижегор. г.). *Ред.*

калѣ
вокру

плач
комы
ихъ
полож
приб
шелъ
чихъ
насть

пѣть
носте
Въ ч
мальч
чика.
мальч
Доро
него
домъ
ленно
убил
сказа
наше
что б
что б
пяти
брос
хозяи
фабр
мужа
какъ
чіе у
брос
наслѣ

лоша
стало
мой
лоша
опят
обра
волк
вотъ
жалъ
бует
теплу
убѣж
у во
запер

и Та
ландъ.
ском
Марк
Садов

Воротился волкъ въ свой лѣсъ голодный и съ досады заплакалъ. Такъ баба запаслась дровами на цѣлую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя: она ему всѣ три слова объяснила.

30. Курочка и пѣтушокъ.

Жилъ былъ пѣтушокъ да курочка. И пошли они въ зáгородку [1]) погулять да бобиковъ поклевать. Склюнулъ пѣтушокъ первый-отъ бобикъ да и подавилсё. И посылаетъ курочку на рѣчку за водицей: курочка, курочка! сходи на рѣчку, принеси мнѣ водицы напиться! Пошла курочка на рѣчку.—Рѣчка ты, рѣчка, дай мнѣ водицы; водица-то пѣтушку, а пѣтушокъ лежитъ на горушкѣ, бобикомъ подавилсё. А рѣчка говоритъ курочкѣ: сходи къ липкѣ, попроси листочекъ; токо дастъ листочекъ, такъ я дамъ водицы. Пришла курочка къ липкѣ и говоритъ: липка ты липка! дай мнѣ листочекъ! Листочекъ-то рѣкѣ, а рѣка дастъ водицы, а водица-то пѣтушку, а пѣтушокъ лежитъ на горушкѣ, бобикомъ подавилсё. Липка ей въ отвѣтъ: сходи къ дѣвкѣ, токо дѣвка дастъ нитку, такъ я дамъ листочекъ. Пришла она къ дѣвкѣ и т д. (Дѣвка обѣщаетъ дать нитку если курочка сходитъ къ торговкѣ и та дастъ иголку. Торговка посылаетъ курочку къ коровѣ, чтобы та дала молочка, корова къ сѣновалу, чтобы сѣновалъ далъ сѣна. Сѣновалъ и далъ сѣна. Сѣно она принесла коровѣ, корова дала молочка, отъ нея къ торговкѣ и т. д., наконецъ, когда принесла водицы пѣтушку, то увидѣла, что пѣтушка ужъ вороны расклевали [2]).

31. Нѣмыя дочки.

Жилъ старикъ со старухой, а у нихъ были три дочки и всѣ три нѣмыя [3]), да и умомъ-то ихъ Богъ обидѣлъ. Вотъ старуха захворала и умерла. Остался одинъ старикъ и думаетъ: что я буду дѣлать съ нѣмыми? Развѣ жениться мнѣ? По крайней мѣрѣ когда умру, такъ у моихъ дочерей будетъ мать, авось она ихъ какъ нибудь пристроитъ.

Женился старикъ на молодой и хитрой бабѣ, но недолго пожилъ и умеръ. Осталась мачиха съ нѣмыми падчерицами и стала думать, какъ бы ихъ съ хлѣба долой сбыть. Подумала и порѣшила отдать ихъ замужъ. Стала она жениховъ пріискивать да дочекъ наряжать. Пріискала жениха и говоритъ дочкамъ: сегодня придетъ женихъ, такъ вы при немъ ничего не говорите, а то онъ какъ узнаетъ, что вы нѣмыя, ни которую изъ васъ не возьметъ: сидите да молчите.

Пришелъ женихъ. Мать посадила его за столъ, а рядомъ съ нимъ ту дочку, которая была всѣхъ покрасивѣе; другая сѣла на лавку, а третья на полати. Стала баба угощать жениха: подала на столъ щей, а говядину въ блюдѣ оставила на шесткѣ и сама сѣла съ ними за столъ. Въ это время вскочила на шестокъ кошка и стала ѣсть говядину. Увидала это съ полатей третья дочка и закричала: мáхиха, мáхиха! кóха-то мяхо ѣстъ! Вторая, которая сидѣла на лавкѣ, и говоритъ ей: мохи ты, мохи! А третья перекрестилась да и сказала: слава тебѣ Бóхи, что я-то промохáла! [4]) Женихъ какъ услыхалъ это, вышелъ изъ-за стола и бѣгомъ домой, а къ дѣвкамъ больше ни одинъ женихъ и не посватался.

32. Слѣпая невѣста.

Въ одной деревнѣ у мужика и бабы была одна дочь и та слѣпая, да и глупая еще, а выйти замужъ ей очень хотѣлось. Узналъ объ этомъ одинъ парень изъ сосѣдней деревни и захотѣлъ ее обмануть, посмѣяться надъ ней.—Однажды, когда мужикъ и баба ушли изъ дому и оставили слѣпую одну, приходитъ къ ней парень и говоритъ: выйди за меня замужъ! Дѣвка обрадовалась, отдала ему все свое имущество и снарядилась тотчасъ же ѣхать къ вѣнцу. Парень свезъ ея имущество домой, а ее повозилъ кругомъ дома, привезъ въ избу и говоритъ: обвѣнчались! Потомъ посадилъ ее на печь, а самъ домой ушелъ.

---

[1]) Огородъ.

[2]) Ср. *Аѳанасьевъ: Русск. сказки. I.* № 34. Смерть Пѣтушка (Архангельск. у.). *Романовъ. Бѣлорусскій Сбор. III. Могилевск. губ.* отд. I. № 4. Пѣтухъ и курочка. *Садовниковъ. Ск. и пр. Самарск. края.* № 49. Пѣтухъ и бобокъ. *Ред.*

[3]) Т.-е. косноязычныя, какъ видно изъ послѣдующаго. У вологжанъ нѣтъ особаго слова для выраженія этого физическаго недостатка.

[4]) Промолчала.

Вотъ сиді
хорошо, словно
Приходят
такъ давно спя
мое все свезено
Посмотрѣ
кой-кого изъ с

У одной
приходѣ стари
рикъ своей ст
ты дьякономъ
нять въ свящ
щеннику, съ
началъ служи
христіанинъ
увидалъ, что
слушайте, пр
хать, батюшк
Вотъ и
бята, прежде
попъ у насъ
Вотъ до
наклалъ полн
вославные мі
И всѣ міряне
И вывалился
и всѣ міряне
Въ это
бѣжалъ на п
ногою. — Спр
пинанье отоп
народъ лягае
баринъ: чтó,
узнаете. Бар
шиваетъ ее
отошло, ляга
ногами. И т
поповъ: въ

Жилъ
лѣсъ и попа
давай за не
рень одного
нилъ это мѣ
поѣдемъ-ка
запрягъ лоп
и поѣхали
нашли день
его попъ.—
Ванька, ска
врать, дура
домой и гов
попу. — Д

оторву ему голову. И пошелъ дуракъ къ попу. Попъ въ то время возилъ навозъ, рабочихъ у него не было. Пришелъ дуракъ и оторвалъ попу голову; туловище успряталъ подъ солому: былъ возъ привезенъ, а голову принесъ домой и бросилъ на вышку. И сказываетъ своему отцу: ну, батька, топерече попъ не скажетъ, я ему оторвалъ голову. — Ой, Ванька, дуракъ, дуракъ! Куда-жъ дѣвалъ голову-то?—Принесъ домой и бросилъ на вышку...

Взявши, старикъ зарѣзалъ козла и положилъ на то мѣсто козлячью голову, а попову голову обралъ. Вотъ черезъ нѣсколько часовъ хватились попа, а его и слѣдъ простылъ. Это всѣмъ на удивленье: куды дѣвался попъ?

И пошелъ Ванюха мимо попова дому и увидала его попадья; начала спрашивать: — Ванька, не видалъ ли моего попа? — Какъ не видалъ! давэча оторвалъ ему голову.—Ой, Ванька, перестань тебѣ врать!—Не вру! поди, посмотри: на назму лежитъ въ соломѣ.

Пошли, развалили солому и нашли туто попа безъ головы, и начали спрашивать у дурака: куды дѣвалъ голову?—Куда дѣвалъ? снесъ домой и бросилъ на вышку.

И пошли къ Ванькѣ въ домъ искать попову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью и кажутъ Ванькѣ: эта Ванька?—Нѣтъ, не эта.—Такъ мы не можемъ другой найти, ступай, ищи самъ.—Ванька влѣзъ на вышку и давай ходить, взялъ козлячью голову и бросилъ на повѣть: на вотъ, обирайте!—Тѣ посмотрѣли, покачали головой.—Нѣтъ Ванька, не эта, этотъ не нашего приходу [1]).

35. Сказка про Иванушка дурачка.

Жили были старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушка-дурачекъ. Старикъ померъ, а старуха разъ и послала Иванушка въ лѣсъ за грибамъ. - Поди, Ваня, сходи за грибамъ, наберешь грибовъ,—наваримъ, да поминки сдѣлаемъ.—Ну, ладно, я поду, мама. Взялъ пестерку большую и пошелъ въ лѣсъ, набралъ не грибовъ, а поганокъ - дехтериковъ да мухоморовъ полную пестерку и пошелъ домой. Идетъ онъ дорогой, а мужикъ сѣетъ горохъ. Ваня и сказалъ ему: дядя! выросъ бы у тя горохъ не биляе моихъ грибовъ! Мужикъ на это осердился и давай дурака теребить.

Пришелъ онъ домой и плачетъ. Мать спрашиваетъ его: объ чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ и разсказалъ. Мать ему говоритъ: дуракъ! ты не такъ сказалъ! Ты бы сказалъ: дядюшка! носить тебѣ — не выносить, возить—тебѣ не вывозить, вотъ бы онъ тебя и похвалилъ.—Ну ладно, мама.—Пошелъ опять, а ему на встрѣчу несутъ покойника. Поравнялся съ нимъ да и говоритъ: дядюшки, носить-бы вамъ—не выносить, возить-бы вамъ—не вывозить!—И опять дурака оттеребили.

Пошелъ домой, плачетъ. Мать спрашиваетъ: объ чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ и разсказалъ. Дуракъ! ты не ладно сказалъ! ты бы пѣлъ: святый Боже, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну ладно, я пойду, мама, спою. Идетъ, а ему на встрѣчу свадебный поѣздъ. Онъ и запѣлъ: святый Боже! Дружка выскочилъ и давай теребить дурака. Опять пошелъ домой дуракъ и плачетъ. Мать и спрашиваетъ его: о чемъ Ваня, плачешь?—Мама, я иду, ѣдетъ свадьба, я и запѣлъ святый Боже, а они ну меня теребить!—Ой ты, дуракъ! ты бы взялъ гармонію, игралъ бы да плясалъ бы, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну, ладно. Идетъ, а у мужика горитъ овинъ, онъ и началъ играть въ гармонью и плясать Увидалъ его мужикъ и давай теребить.

(Потомъ онъ заливаетъ свинью, которую начали палить. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: этимъ-то кусочкомъ о Христовѣ дни не стыдно разговѣться. Дуракъ пошелъ и натолкнулся на человѣка, отправлявшаго естественную надобность, сказалъ, что велѣла мать, и былъ опять побитъ. Мать говоритъ: ты бы плюнулъ да отошелъ. Дуракъ встрѣчаетъ попа съ крестомъ и плюетъ. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: батюшка, благослови меня! Наконецъ онъ попадаетъ на медвѣдя, проситъ у него благословенія и медвѣдь его разрываетъ) [2]).

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русс. сказки III.* № 225. Дуракъ и береза. *Драгомановъ: Малорус. нар. преданія.* Три брата Кондрата; стр. 992. (Маріупольск. у.). *Эрленвейнъ. Народ. Русск. сказки.* Про дурачка стр. 58 (Тульск. г.). *Ред.*

[2]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русс. сказки: III.* № 226. a и b. Набитой дуракъ (Тамбовск. губ.). *Чубинскій: II Малорусс. ск.* отд. II. Дурень (Черниговск. губ.) № 2. Про дурня (Полтавск. губ.). *Сбор. Харьк. Истор. Филолог. Общ. II.ст. г. Манжуры. сказки... собр. въ Екатериносл. и Харьков. губ.* Дурень стр. 80. *Романовъ: Бѣлорусск. Сб. III Могилев. г.* отд. III. № 25. Набитой жидъ. *Худяковъ. Великор. ск.* № 69. Дурачекъ (Рязанск. г.). *Ред.*

36. Глупая баба.

Жили были мужикъ да баба. Мужикъ былъ хорошій и трудолюбивый, а жена лѣнивая и засписа. Страда наступила; мужъ идетъ на свою работу и наказываетъ женѣ, чтобы она шла жать. Пошла она въ поле, выжала такое мѣстечко, чтобы можно было лечь, легла да и проспала весь день. Вечеромъ, какъ пришла домой, мужъ и спрашиваетъ: много ли нажала? А она отвѣчаетъ: выжала мѣстечко. На другой день опять идутъ на работу: мужъ на свою и жена на свою. Баба опять выжала мѣстечко, чтобы лечь, уснула и проспала до самаго вечера. Вечеромъ приходитъ домой, мужъ опять у нея спрашиваетъ: много ли, жена, нажала? Она опять: выжала мѣстечко. На третій день пошелъ мужъ посмотрѣть, много ли баба нажала, приходитъ и видитъ - полосы не сжаты, а жена спитъ. Взялъ онъ ножницы, обрѣзалъ у жены волосы и ушелъ домой. Пробудилась баба, схватилась за голову, да какъ заоретъ во все горло: я-то бы-я, да голова-то не моя! Побѣжала домой, а сама думаетъ: если я—я, то собака наша не залаетъ на меня, а если не я, то залаетъ. Прибѣжала къ воротамъ и просунула голову въ подворотню. Собака залаяла. Баба побѣжала по деревнѣ и заорала: я-то бы я, да голова-то не моя! Едва сосѣди могли ее успокоить. Полно съ тѣхъ поръ баба спать въ полѣ [1]).

37. Беззаботная жена.

Жили были мужъ съ женой. Жена была баба лѣнивая и беззаботная, да къ тому же еще и большая лакомка: все проѣла на орѣшкахъ да на пряничкахъ, такъ что наконецъ осталась въ одной рубахѣ, и то въ худой—изорванной.

Вотъ подходитъ большой праздникъ, а у бабы нечего и надѣть, кромѣ этой рубахи. И говоритъ она мужу: сходи-ка, мужъ, въ рынокъ, да купи мнѣ къ празднику рубаху. Мужъ пошелъ въ рынокъ, увидалъ, что продаютъ гуся и купилъ его вмѣсто рубахи. Приходитъ домой, жена и спрашиветъ: купилъ мнѣ рубаху? — Купилъ, отвѣчалъ мужъ, да только гуська. А жена не дослышала и говоритъ: ну и узка, да изношу! Сняла съ себя изорванную рубаху и бросила въ печку. А потомъ и спрашиваетъ: гдѣ же рубаха? дай я надѣну.—Да вѣдь я сказалъ, что купилъ гуська, а не рубаху, отвѣчалъ мужъ. Такъ она и осталась нагишемъ.

Вотъ видятъ они—идутъ къ нимъ гости. Жена и говоритъ мужу: я сяду въ корчагу на полати?—Садись, сказалъ мужъ. Пришли гости. Хозяинъ поставилъ гуся на столъ и потчуетъ. Жена увидѣла и захотѣлось и ей поѣсть гуся. Вотъ она тянулась да тянулась и упала съ корчагой на полъ. Гости испугались и всѣ разбѣжались, а мужъ, пока жена охала да стонала, и доѣлъ гуся, оставилъ женѣ только косточки [2]).

38. Безпамятный зять.

Пришелъ зять къ тещѣ въ гости, теща и угостила его киселемъ. Зять съѣлъ кисель и спрашиваетъ: это что за кушанье?—Кисель, отвѣчала теща. Зятю кисель очень понравился и думаетъ онъ: дома непремѣнно заставлю жену сварить, только бы не забыть, какъ зовется.

Вотъ онъ идетъ домой и твердитъ про себя: кисель, кисель, кисель! Случилась на дорогѣ канава. Хотѣлъ мужикъ перескочить черезъ нее, поскользнулся и упалъ въ канаву. Всталъ и—забылъ, что ѣлъ у тещи. Думалъ, думалъ,—никакъ не можетъ вздумать.

Ѣдетъ мимо баринъ на шестеркѣ и видитъ: мужикъ бродитъ въ канавѣ. Остановился и спрашиваетъ: что потерялъ, мужичекъ?—Сто рублей.—Кучеръ, поди, поищи, говоритъ баринъ, а когда найдешь, то всѣ раздѣлимъ ихъ пополамъ.—Кучеръ подошелъ къ канавѣ и говоритъ: вишь какъ взболталъ грязь-то въ канавѣ, словно *кисель*!..—Нашелъ нашелъ! закричалъ мужикъ, выскочилъ изъ канавы и со всѣхъ ногъ пустился домой, а самъ кричитъ: кисель, кисель! [3]).

---

[1]) Ср. *Романовъ: Бѣлорусск. Сб. III. Могилевск. г. отд. III.* № 5. Хомкова жонка. *Рудченко. Нар. Юж. Рус. ск.* I. № 63. Швець и його жінка (Кіевск. г.). № 64. Ярема и Яремиха (Полтавск. г.). *Садовниковъ ск. и пр. Самарскаго края.* № 36. Вавила и Арина. *Ред.*

[2]) Ср. *Трейландъ. Латышскія Сказки въ Сб. Мат. по Этн. изд. при Дашковск. Музеѣ II.* № 133. О Лѣнивой женѣ. *Рудченко. Нар. Юж.-русск. Ск.* I. № 65. Непряха. (Полтавск. г.). № 66. Явдоха-Святоха (Кіевск. г). *Ред.*

[3]) Ср. *Драгомановъ: Малоросск. Нар. Преданія.* Цигане и ѣда. стр. 190. *Ред.*

39. Глупый народъ.

Были у одной старухи два сына: младшій изъ нихъ, Проня, умеръ и старуха долго по немъ плакала. Однажды, когда старшаго сына не было дома, къ старухѣ зашелъ бѣглый солдатъ. Старуха и спрашиваетъ: ты откуда, служивый? А солдатъ отвѣчаетъ: сначала накорми да напой, а потомъ и спрашивай. Старуха накормила и напоила его и опять спрашиваетъ: откуда?—Я съ того свѣта выходецъ, бабушка. - Ой, дитятко! не видалъ ли ты тамъ моего Проню?—Какъ не видать,—видѣлъ; твой Проня тамъ боронитъ и весь обносился.—Экой бѣдный! Ты не снесешь-ли ему чего? Я бы дала хоть катаники да полушубокъ. Вотъ, думаетъ солдатъ, посылаетъ Богъ глупую! и говоритъ: отчего не снести? за твою хлѣбъ—соль, пожалуй, снесу.—Отдала старуха полушубокъ и катаники и солдатъ ушелъ.

Приходитъ старшій сынъ домой, старуха и сказываетъ ему, что былъ у нея съ того свѣта выходецъ, разсказывалъ, что нашъ Проня тамъ боронитъ и весь обносился, такъ я послала ему съ нимъ полушубокъ и катаники.

Сынъ побранилъ глупую мать и пошелъ догонять солдата.

Приходитъ онъ въ одну деревню и видитъ: мужики затаскиваютъ корову на повѣть, изъ силъ выбиваются.—Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ.—Да вотъ не можемъ затащить корову на повѣть, чтобы она тамъ сѣно ѣла!—Что дадите мнѣ, я научу васъ, какъ это дѣло лучше дѣлать?—Сто рублей дадимъ, говорятъ мужики, только научи.

Взялъ онъ отъ нихъ сто рублей, велѣлъ принести пестеръ, положилъ въ него сѣна, снесъ коровѣ и она стала ѣсть.

— Поживи у насъ, да поучи насъ, говорятъ ему мужики.—Нѣтъ, некогда мнѣ; надо идти, и пошелъ дальше.

Приходитъ въ другую деревню и видитъ: мужики распялили на батоги хомутъ и загоняютъ въ него лошадь.

— Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ.

— Лошадь надобно запрячь, да не можемъ, говорятъ.—Что дадите, я научу васъ, какъ это дѣло лучше сдѣлать?—Двѣсти рублей дадимъ, только научи.

Получилъ онъ съ нихъ двѣсти рублей, взялъ хомутъ въ руки и надѣлъ на лошадь.—Ну, теперь запрагайте.

Мужики запрягли лошадь и говорятъ ему: поживи у насъ да поучи насъ?—Нѣтъ, некогда мнѣ, идти надо.

Пришелъ въ одно богатое село и видитъ: на барскомъ дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Снялъ онъ передъ ней шапку, кланяется и говоритъ: свинушка пестра, моей матушкѣ сестра, прошу покорно пожаловать ко мнѣ на свадьбу!

Услыхала эти слова барыня и думаетъ: отчего не отпустить свинью на свадьбу? Подозвала его къ себѣ и говоритъ: я отпущу свинью на свадьбу, только съ поросятами.

Согласился онъ взять и съ поросятами. Барыня нарядила свинью въ свое лучшее платье и велѣла запречь самую лучшую тройку лошадей. Взялъ мужикъ свинью съ поросятами, сѣлъ на тройку и уѣхалъ. Объ солдатѣ же и думать пересталъ.

40. Глупый мужикъ.

Жилъ въ одной деревнѣ мужикъ съ бабой. Всѣмъ мужикъ былъ хорошъ: работящъ и не лѣнивъ, да однимъ его Богъ обидѣлъ: далъ ему мало ума! Разъ посылаетъ баба мужика въ лѣсъ за дровами. Съѣзди, говоритъ, въ лѣсъ, да наруби дровъ, я хоть печь истоплю да щей сварю.—Мужикъ запрягъ свою лошадь и поѣхалъ. Пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, взобрался на большую сосну, вынулъ изъ-за пояса топоръ да и хочетъ рубить тотъ сукъ, на которомъ самъ сидѣлъ. Случилось въ это время проѣзжать мимо мужичку изъ сосѣдней деревни. Взглянулъ онъ на мужика и закричалъ: что ты, безтолковый, дѣлаешь? вѣдь ты убьешься! Мужикъ поглядѣлъ на него и сказалъ: а ты почемъ знаешь, что я упаду? вѣдь ты не святой! поѣзжай-ка своей дорогой!

Крестьянинъ видитъ, что нечего толковать съ дуракомъ и поѣхалъ дальше. Не успѣлъ онъ отъѣхать и десятка сажень, какъ сукъ подломился, мужикъ упалъ вмѣстѣ съ нимъ и расшибся.—Полежавъ немного, онъ всталъ и пошелъ за тѣмъ крестьяниномъ, который предсказалъ, что онъ упадетъ. Подойдя къ нему, повалился въ ноги и сказалъ: батюшка родимый! вижу, что ты святой человѣкъ, скажи же мнѣ теперь, когда будетъ конецъ моей жизни?

Крестьянину вздумалось посмѣяться надъ дуракомъ и онъ отвѣчалъ: поѣзжай теперь

домой, простись съ домашними и опять возвращайся сюда: ты умрешь у той сосны, которую хотѣлъ изрубить на дрова.

Мужикъ очень испугался и спросилъ: а что, батюшка, если я не поѣду больше въ лѣсъ, то могу и не умереть! — Нѣтъ, ужъ лучше послушайся меня, а не послушаешься, такъ хуже будетъ.

Мужикъ вернулся къ своей лошади. Ему ужъ было теперь не до дровъ; сѣлъ онъ на лошадь и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ баба давно дожидалась своего мужа и когда увидала, что онъ пріѣхалъ безъ дровъ, стала его ругать. Но онъ не слушалъ ея брани и разсказалъ про свою встрѣчу въ лѣсу со святымъ человѣкомъ и о томъ, что тотъ предсказалъ ему скорую смерть. Жена сказала ему на это: полно тебѣ врать-то! надъ тобой кто-нибудь тамъ посмѣялся, а ты и слушаешь!—Но мужикъ, простившись со своими домашними, снова поѣхалъ въ лѣсъ.

Пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, слѣзъ съ лошади и пошелъ искать ту сосну, которую хотѣлъ изрубить на дрова. Долго ходилъ онъ и искалъ, какъ вдругъ запнулся и свалился. Ну, подумалъ онъ, теперь я ужъ видно умеръ, и не смѣлъ встать.

Лошадь его постояла, постояла, да и пошла домой. Мужикъ хоть и слышалъ, что лошадь уходитъ, но не посмѣлъ открыть глазъ и встать на ноги, а лежалъ, не шевелясь.

Начинало темнать. Вдругъ выбѣжала стая волковъ и погналась за лошадью. Мужикъ и тутъ не всталъ, думая, что онъ умеръ и лошадь теперь ужъ не нужна ему.

Баба долго дожидалась мужа и безпокоилась, а утромъ объявила сельскому старостѣ, что мужъ ея не возвращался. Староста собралъ крестьянъ и пошли они въ лѣсъ искать мужика. Долго они бродили по лѣсу, наконецъ одинъ наткнулся на дурака. Собрались всѣ около лежавшаго и смотрѣли, думая, что онъ и вправду умеръ. Но вдругъ мужикъ спросилъ: вамъ чего нужно? — А ты чего тутъ лежишь? сказалъ староста. — Видишь, умеръ, слѣпъ что-ли?

— А если ты умеръ, такъ я воскрешу тебя! крикнулъ староста, снялъ съ себя ремень да и давай хлестать мужика. Мужикъ вскочилъ на ноги и сталъ всѣхъ обнимать и благодарить, что его воскресили, а потомъ бѣгомъ пустился домой.

Подходитъ онъ къ своей деревнѣ и видитъ: несутъ покойника на погостъ. Мужикъ подошелъ и сказалъ: несите покойника въ лѣсъ, тамъ его воскресятъ; я самъ вчера умеръ, да сегодня меня воскресили. Другіе думали, что онъ смѣется, отколотили его и прогнали. Съ тѣхъ поръ и прозвали его покойникомъ [1]).

41. Сказка о Нестёркѣ.

Не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ не имянно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ Нестеръ, а у этова Нестера робятъ шестеро. Онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ чѣмъ прокормиться. А изба у ево была худая, въ избу лазали по бородѣ [2]).

Вотъ однажды онъ вышелъ на большую дорогу и видитъ: ѣдетъ Егорій преподобный ко Іисусу Христу. Онъ и спрошалъ ево: куда, гтъ [3]), Егорій, ѣдешь? А тотъ сказалъ: къ Іисусу Христу, гтъ. — А скажи-ка ему, гтъ: тамъ есть Нестерка, у него робятъ шестерка, онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ, чѣмъ прокормиться. Пріѣхалъ Егорій въ Іис. Христу и забылъ про Нестерку. И поѣхалъ опять же въ другой разъ, а Нестеръ вышелъ на ту же дорогу.—Што, гтъ, ономнясь забылъ, такъ топерь ужъ не забудь, скажи, гтъ, Іис. Христу, а што-бы не забыть, такъ отдай мнѣ стремяну [4]) съ правой ноги. Когда тамъ станешь садиться, то и вспомянешь про меня. Хорошо, тотъ и отдалъ ему стремяну. Туда пріѣхалъ, да и забылъ опять спрошать про Нестерку, когда же сталъ садиться на лошадь — и вздумалъ.

Ахъ! гтъ, стремяны-то нѣтъ! надо про ево спрошать.—Спрошалъ онъ про Нестера, а Іисусъ ему сказалъ на отвѣтъ: топере денегъ нѣтъ, вели ему по міру ходить.

Ѣдетъ Егорій назадъ и говоритъ, штö велѣлъ Іисусъ пó-міру ходить.—Ну такъ, гтъ, ужъ, братъ, извини, не отдамъ стремяну! А стремяно-то было золотое. Егорій уѣхалъ безъ стремяны, а Нестеръ надѣлъ сусѣдово платье и пошелъ продавать стремяну. Приходитъ въ

1) Ср. *Чубинскій II. Малорусскія Сказки* II. № 31. Живый мрець (Курская губ.) *Рудченко. Нар. Южн.-русск. ск.* II. № 41. Циган-дурникъ (Кіевск. губ.). *Ред.*

2) Вмѣсто лѣстницы.

3) Говоритъ.

4) Стремя.

городъ и попадаетъ ему купецъ на встрѣчу.—Продай, гтъ, стремяну? Онъ гтъ: купи. И заплатилъ купецъ ему 500 рублей, а Нестеръ ешшо взялсё и другую слить, и взялъ съ купца задатку 500 рублей.—Подошло то время [1]), а Нестеръ-то былъ не золотой мастеръ, лить-то онъ не умѣлъ стремяна, а эти деньги издержалъ: хлѣба купилъ и робятамъ одёжи. Пріѣзжаетъ купецъ къ ему нà домъ и говоритъ: штò Нестеръ, слилъ стремяну? А тотъ ему на отвѣтъ: штò это, Господи, какую стремяну? — Да какъ, гтъ, ты у меня и деньги взялъ?— Нѣтъ, никто тебѣ не повѣритъ, штò я золотой мастеръ. – Ну, такъ, братъ, гтъ, одѣвайся, да поѣдемъ въ правленье. – Поѣдемъ. А Нестеръ надѣлъ поштанники худые, а самъ говоритъ: кто тебѣ повѣритъ, штò я золотой мастеръ — приду въ правленье въ этакихъ штанахъ! — А купецъ и говоритъ своему кучеру: кучеръ, отдай брюки! — Кучеръ отдалъ ему брюки. Надѣлъ Нестеръ брюки, потомъ сталъ надѣвать сапоги – худые-прехудые, а самъ и говоритъ: кто же тебѣ повѣритъ, штò въ такихъ сапогахъ золотой мастеръ? Купецъ говоритъ кучеру: кучеръ, отдай ему козловые сапоги. Кучеръ подалъ сапоги козловые. Надѣлъ Нестеръ сапоги и сталъ надѣвать халатъ. Такую надѣлъ сукманину [2]), штò трунòкъ на трункѣ [3]), чуть чуть въ одномъ мѣстѣ дёржится, а самъ опять говоритъ: кто же вамъ повѣритъ, штò я золотой мастеръ въ этакой сукманинѣ? А купецъ говоритъ кучеру: подай, кучеръ, енотовый тулупъ. Одѣлся Нестерка въ енотовый тулупъ; еще купецъ отдалъ бобровку-шапку. Нарядилсё Нестеръ и поѣхали. Пріѣхали къ правленью и сейчасъ же купецъ выскочилъ и побѣжалъ вверхъ въ правленье. Тамò разсказалъ судьямъ подробно, какъ у нихъ съ Нестеромъ дѣлà. А Нестеръ говоритъ кучеру: каково васъ, гтъ, купецъ дёржитъ? А кучеръ въ отвѣтъ Нестеру: очень, гтъ, плохо. А спрошалъ Нестеръ кучера: какъ васъ звать? А кучеръ отвѣтилъ, гтъ: Иваномъ.—А ты, гтъ, назовись Константиномъ, такъ мы съ тобой обтяпаемъ купца.

Потомъ призываютъ Нестера въ правленье. Приходитъ туда Нестеръ и спрашиваютъ его судьи: штò, слилъ стремяну?—А какую, гтъ, стремяну? А судьи и говорятъ: а какъ какую? вотъ, говорятъ, купецъ жалуется, штò ты деньги взялъ, а стремяну не слилъ. — Видишь, говоритъ Нестеръ, купецъ-то вѣдь безъ ума. Купецъ смотритъ на Нестера.—Да какъ я, гтъ, безъ ума? я, гтъ, въ умѣ. А Нестеръ опять и говоритъ: поди скажешь, штò сапоги то козловые на мнѣ твои? Купецъ посмотрѣлъ на него. - Да, гтъ, мои. Захохоталъ Нестеръ.— Ты, гтъ, поди, скажешь, и брюки на мнѣ—твои? Купецъ, говоритъ штò: мои.—Вотъ, поди, скажешь, и тулупъ енотовый и шапка бобровка – твои? — Да, гтъ, мои. — Видите, братцы, онъ вѣдь безъ ума.—Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, безъ ума. А Нестеръ опять говоритъ: вѣдь поди тройка кòней и кучеръ — твои? Купецъ: да, гтъ, мои. А судьи говорятъ: у тулупа нельзя спрошать, а кучера можно; которова кучеръ послушаетъ больше? Купецъ выскочилъ и зачалъ кликать: Ванька, Ванька! – А Ванька и не думаетъ. Нестеръ вышелъ и кликнулъ: Костя! А кучеръ тутъ и есть. И сейчасъ призвали кучера въ правленье и спрошали ево: ты чей, кучеръ? А кучеръ указалъ на Нестера, — вотъ, гтъ, етово человѣка. - А какъ же, говорятъ, къ намъ купецъ-то попалъ? А сказалъ кучеръ: ѣхали мы путемъ-дорогой, онъ къ намъ ввалился въ сани и сказалъ: довезите меня до правленья, такъ я вамъ водки бутылку куплю. А мы ево добросовѣстно посадили. И вотъ остановились у правленья, а онъ намъ велѣлъ подождать: погодите немного, я сейчасъ въ правленье схожу. Вотъ онъ ушелъ въ правленье, а потомъ не знаю, зачѣмъ Нестера и меня кликнули.

Судьи подивились такому дѣлу и отправили купца въ сумасшедшій домъ. А Нестеру осталась тройка кòней и вся но ёмъ одёжа купеческая; а у Нестера былъ остатокъ денегъ отъ стремяна и заплатилъ онъ кучеру сто рублей, а самъ поѣхалъ домой [4]).

42. Сказка о баринѣ и Петрушкѣ.

Жилъ былъ баринъ да барыня; у нихъ жилъ казакъ Петрушка. Баринъ-то женился далёко, не въ своёй губерніи. Дожили до такого время, у тещи сдѣлался праздникъ. И говоритъ баринъ П—кѣ: поѣдемъ, П—ка, къ тещѣ въ гости. А П—ка говоритъ: поѣдемъ. Сейчасъ П—ка залòжилъ пару кòней и поѣхали. А было дѣло къ осени, около Спасова дни. Баринъ поѣхалъ только въ одномъ сертучкѣ и поись [5]) съ собой нè взялъ. Вотъ ѣдутъ они

---

[1]) Т. е. когда слѣдовало сдать второе стремя.
[2]) Сукманина – сукно домашней выдѣлки.
[3]) Трунъ—тряпка.
[4]) Ср. Романовъ: Бѣлорусскій Сборникъ III. Могилевск. губ. отд. Ш. № 15 а и в. Нестерка. Рудченко: нар. южно-русск. сказки. II. № 47. Циганъ и Юрій (Кіевск. г.). *Ред.*
[5]) Поѣсть.

путемъ-дорожкой, и говоритъ баринъ П—кѣ: П—ка! гдѣ намъ на ночлегъ пристать? А П—ка ему въ отвѣтъ: штб, гтъ, на постояломъ, — еще деньги слупятъ, а мы у стогу ночуемъ. А ѣхали мимо покосовъ. Проѣхали деревню и пристали къ стогу. П - ка привязалъ кóней къ стогу, а самъ пóдъ-стогъ зарылся. А баринъ походилъ, походилъ, да и онъ пóдъ-стогъ. А ночь то была холодная этакая, баринъ замерзъ подъ-стогомъ. И сталъ баринъ П—кѣ говорить: П - ка, ты не озябъ? П - ка говоритъ: нѣтъ, не озябъ. — А чѣмъ ты этакъ тепло закутался? А П—ка барину въ отвѣтъ: мѣшкомъ. — Еще, гтъ, нѣтъ ли у тебя мѣшка? И мнѣ бы закутаться. А у П—ки были мѣшки запáсные. Выхватилъ изъ повозки мѣшокъ и запихалъ барина головой въ мѣшокъ, а мѣшокъ то былъ длинный, на ногахъ завязалъ. И закатилъ барина пóдъ-стогъ. Баринъ въ сѣнѣ согрѣлся, живо и заснулъ. А П—ка походилъ походилъ, да и пришло ему на умъ: дай, говоритъ, я нарублю вицъ да барина отстегаю. Нарубилъ П—ка вицъ, подошелъ къ стогу, выхватилъ барина изъ пóдъ-стогу и зáчалъ стегать, а самъ приговариваетъ: васъ кто сюда звáлъ у моего стогу кóней кормить, а самъ барина лупитъ. Баринъ поохалъ, поохалъ, потомъ пересталъ; силы ужъ нѣтъ. И отвозилъ П—ка барина путёмъ, а самъ бросилъ дальше вицы и сказалъ: я вотъ еще пойду по мужиковъ, такъ я вамъ дамъ! И ровно какъ нигдѣ не бывалъ, подползъ къ барину на колѣнкахъ, а самъ стонетъ, подползъ да и спрашиваетъ: баринъ, живъ ли? А баринъ насилу отвѣтилъ: живъ. Давай, гтъ, П—ка, скорѣе пойдемъ. Развязалъ мѣшокъ, вытащилъ барина за ноги, сѣли они въ повозку и поѣхали. А время стало около полуночи. Барину страсть какъ ѣс(т)ь захотѣлось. Вотъ подъѣзжаютъ къ деревнѣ, въ которой жила баринова теща. И говоритъ баринъ П - кѣ: П—ка! когда пріѣдемъ, я буду по полу ходить да скажу; таръ-тарары! а теща тебя и спроситъ: штб баринъ говоритъ? а ты и скажи: на столъ станови. Пріѣхали къ тещѣ на повить. Сейчасъ баринъ въ избу, а П—ка сталъ кóней убирать. Убралъ П—ка кóней и пришелъ въ избу. А баринъ ужъ давно раздѣлся да пó-полу ходитъ. И сказалъ: таръ-тарары! Сейчасъ теща и спрошала: штб, Пётрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А П—ка ёй въ отвѣтъ: самоваръ велитъ становить. А барину не до чаю. Сейчасъ П—ку выкликалъ на повить.—П—ка, гтъ, я стану ходить пó-полу и скажу: таръ-тарары, а ты скажи, штб на столъ станови. Пришелъ опять баринъ въ избу, ходитъ пó-полу и сказалъ: таръ-тарары! а теща опять подскочила и спрошала: штб, Пётрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А П—ка ёй въ отвѣтъ: ему, гтъ, поспать охота. Теща и говоритъ: а вонъ на печи перина раскаченà, такъ поспи съ дорожки-то: Со стыдомъ баринъ полѣзъ нà печь: теща не покормила, да спать уложила. Баринъ легъ и уснулъ. А П—ка чаю напился и отобѣдалъ. Хозяева всѣ улеглись спать на повити, а П—ка на голбецъ возлѣ барина. Только хозяева изъ избы ушли, баринъ и проснулся. А П—ка ешшо нѐ спалъ, услыхалъ, штб баринъ зашевелился и спрошалъ его: штб, говоритъ, спотѣлъ? А баринъ гтъ: нѣтъ, не спотѣлъ, да ѣс(т)ь охота. А П—ка ему говоритъ: погоди-ка, поишшу краюшки хлѣба. А баринъ радъ-бы и хлѣбцу. А у П—ки была краюшка изъ дома запàсная: онъ взялъ для дороги, дорогой-то мякишъ выглодалъ, а въ корки глину набилъ. Подалъ барину ету краюшку съ глиной. Баринъ на печи ѣс(т)ъ, а у его на зубахъ трескотокъ стоитъ. И говоритъ П—кѣ: П—ка! какой здѣсь хлѣбъ-отъ худой! А П—ка барину въ отвѣтъ: вишь, какая у тебя теща-то нѣря: корочки запалились, а въ серёдкѣ-то не упеклось. Баринъ погрызъ краюшку, а остатки П - кѣ отдалъ, а самъ опять уснулъ.

Вдругъ у тещи корова отелилась. А ночь-то была холодная, теленку-то холодно тамъ, и принесли его въ избу. И нужно бы отогрѣть, а не знаютъ гдѣ. А П—ка ешшо не спалъ. И говоритъ хозяевамъ: валите теленка на печь за барина, онъ тутъ отогрѣется. А теща говоритъ: какъ да баринъ осердится? А П—ка гтъ: нѣтъ, баринъ не сердитый. Вальнули теленка за барина, сами вонъ пошли. П—ка взялъ ковшъ воды и плеснулъ за барина. Сейчасъ барина и сталъ будить: баринъ, баринъ! ты вѣдь, гтъ, отелился! Баринъ пробудился. Полно, гтъ, врать-то!—Да не вру,—ты ложился—теленка не было, а хватика: за тобой теленокъ. Баринъ пощупалъ за собой: вѣрно, што теленокъ. А теленокъ сталъ отогрѣваться да и замычалъ. А баринъ и гтъ П—кѣ: это вѣдь не диво отелиться, да когда уходиться?— А П—ка гтъ: а не знаю, когда. А баринъ гтъ: а когда со двора на дворъ быковъ переганивали, такъ одинъ быкъ козломъ взыгралъ, а я въ то время и *подумалъ*, такъ быть въ то время уходился? А П—ка гтъ: какъ топерече намъ дѣлать съ теленкомъ? надо идти хозяевъ будить да все селенье поднимать. А баринъ гтъ: П—ка, возьми нà тебѣ 100 руб., расплатись, а я, гтъ, убѣгу, а ты какъ поѣдешь, такъ меня кричи, я изъ сарая выду. П—ка получилъ 100 руб., а баринъ надернулъ калоши, да въ одномъ сертучкѣ бѣги въ сарай.

П—ка двери заперъ и пошелъ хозяевъ будить. — Батюшки, гтъ, вѣдь теленокъ-отъ барина съѣлъ! — Хозяева пришли, посмотрѣли: точно, што нѣтъ барина. И стали П—кѣ молиться: П—ка, голубчикъ, скинь теленка, онъ и насъ-то всѣхъ съѣстъ. П—ка взлѣзъ на печь, взялъ теленка за заднія ноги и швырнулъ въ передній уголъ, только теленокъ ногамъ

протрясъ. П—ка и говоритъ хозяевамъ: нужно топерь идти да въ селенье подавать заявленье, што теленокъ барина съѣлъ. А хозяева и стали его умаливать: не ходи, Пётрушка, голубчикъ! на вотъ тебѣ сто рублей, а какъ домой пріѣдешь, такъ скажи, что умеръ и здѣсь похоронили.

П—ка получилъ сто рублей и поѣхалъ домой. Ѣдетъ мимо сараевъ и зачалъ кричать барина. Баринъ насилу изъ сарая вышелъ: замерзъ. Сѣлъ баринъ въ телѣгу и спросилъ П—ку: што, какъ тамъ расплатился? А П—ка г-тъ: еще своихъ сто рублей издержалъ, все селенье обѣжалось, да на меня драться, я на селенье сто руб. отдалъ, а другую сотню хозяевамъ, и закопали теленка подъ въѣздъ, такъ не знаю топере што и будетъ, я насилу вырвался.

Вотъ они ѣдутъ путемъ-дорожкой, а мѣста-то были гористыя; барина чёкало да чёкало въ телѣгѣ, онъ и померъ. А П—ка не знаетъ, што дѣлать, отстегнулъ одну лошадь и посадилъ барина верхомъ мертваго, привязалъ его къ лошади, и поводъ привязалъ къ рукамъ, а лошадь опустилъ въ рожь.

Увидѣлъ одинъ мужикъ и бѣжитъ со стягомъ на барина, самъ и кричитъ большимъ матомъ: што ты, гтъ, подлецъ, по моёй-то ржѣ ѣздишь да лошадь кормишь? — Подбѣжалъ къ барину и хлесь ево стягомъ. Тутъ баринъ и головку повѣсилъ. А П—ка съ-издалѣ увидѣлъ и замахалъ рукой мужику и закричалъ: што ты, гтъ, подлецъ, сдѣлалъ! барина-то ты убилъ! Оставилъ лошадь, а самъ побѣжалъ къ барину. Подошелъ и говоритъ мужику: ты бы не билъ барина, а съ него бы деньги получилъ за протраву ржи, вотъ топере тебя сошлютъ.—Мужикъ испугался и зачалъ П—кѣ въ ноги кланяться. А П—ка: нечего, гтъ, кланяться, не прощу! дай сто рублей, такъ прощу. Сейчасъ мужикъ сходилъ домой по деньги и отдалъ П—кѣ. П—ка подстегнулъ лошадь, посадилъ барина въ телѣгу и поѣхалъ домой.

И подъѣзжаетъ къ дому, и вышла барыня встрѣчать своего барина да П—ку.—Добро жаловать, каково съѣздили? А П—ка отвѣчаетъ: я съѣздилъ хорошо, да вотъ барина мертваго привезъ, мѣста-то гористыя, его до смерти и зачёкало. А барыня очень рада тому, што барина пережила: она П—ку любила раньше.

Похоронили барина, а барыня за П—ку вышла взамужъ. И взыграли свадебку [1]).

---

43. Мужикъ и баринъ.

Жилъ былъ мужикъ да баба, а у нихъ были два сына. Обѣимъ имъ не приходилось дома жить, одинъ и ходилъ все по чужой сторонѣ. Вотъ разъ онъ пошелъ на чужую сторону и надѣлъ два армяка—черный да желтый и два башлыка такіе же. Идетъ онъ путемъ-дорожкой, попадаетъ ему на встрѣчу баринъ, ѣдетъ на парѣ. И приказалъ кучеру остановить коней. Остановилъ кучеръ коней, подозвалъ баринъ мужика къ себѣ.—А, гтъ, добрый человѣкъ! вижу, ты по чужой сторонѣ бывалъ? — Да, точно такъ, гтъ, бывалъ. — И много народу видалъ? — Видалъ на своемъ вѣку порядочно. — Скажи пожалуйста: кто лучше? изъ поповъ, или изъ судей, или изъ нашего брата — изъ бариней? — Онъ думалъ, думалъ и говоритъ: — Изъ поповъ такъ половина дураковъ.—А какъ такъ?—А потому что какъ попъ поторопится, такъ и скоро можетъ пропѣть, а нѣтъ, такъ и истово поетъ.—А изъ судей?—Изъ судей двѣ трети дураковъ есть.—Почему же?—А потому что судьи—кто ихъ подпоитъ такъ они по тому и судятъ, а кто не подпоитъ, такъ на того ровно воду поливаютъ.—Ну, и это хорошо. А изъ нашего брата, изъ бариней? — Изъ вашего брата двѣ трети дураковъ да треть безумниковъ.

Баринъ и говоритъ: кучеръ, погоняй! и поѣхалъ. Отѣхали недалеко и говоритъ баринъ кучеру:—Что-же, кучеръ, вѣдь онъ насъ ни во что поставилъ?—Да я давно думаю, что онъ васъ ни во что поставилъ, да не смѣю сказать.—Ой ты, чудакъ! ты бы давно сказалъ! Давай, поворачивай коней, да спросимъ, почему онъ насъ ни во что поставилъ?

Заворотили коней и поѣхали. Увидалъ этотъ мужикъ барина, снялъ черный армякъ и черный башлыкъ, а надѣлъ желтый армякъ да желтый башлыкъ, подошелъ къ соснѣ и подперъ сосну плечомъ, а сосна та наклонилась на озимь. Подъѣхалъ баринъ и спрашиваетъ: не видалъ ли мужичка въ черномъ армякѣ да черномъ башлыкѣ?—Да, гтъ, сейчасъ прошелъ мимо такой точно.—Можемъ мы его догнать?—Догнать-то можно, да этта дорогъ-то много.—А не знаешь, которой онъ дорогой пошелъ—Какъ не знать, я бы сразу

---

[1]) Ср. Худяковъ: Великорусск. сказки № 70. Алёша-Тюкъ-тюрю-рюкъ (Рязанск. г). *Ред.*

нашелъ его.—Такъ сдѣлай милость, приведи его сюда.—Мнѣ нельзя уйти-то: сосна-то на озимь упадетъ.—Ну мы съ кучеромъ подержимъ сосну-то.—Давай, могу сходить, пѣшкомъ-то только не догнать, надо лошадь.—Кучеръ отстегни ему лошадь.—Баринъ держитъ сосну, а кучеръ отстегнулъ лошадь. Мужикъ сѣлъ на лошадь и потурилъ. Съѣздилъ въ лѣсокъ и ѣдетъ опять назадъ.—Вотъ что, говоритъ, я тамъ его догналъ, посадилъ на лошадь, онъ и поѣхалъ было не ладно, а какъ ежели мнѣ сидѣть, такъ онъ за мной нейдетъ, такъ давайте другую лошадь, мы на лошади-то и пріѣдемъ.

Велѣлъ баринъ выпрячь и другую лошадь. Мужикъ сѣлъ на одну, а другую въ поводъ да и поѣхалъ, въ то село поѣхалъ, изъ котораго былъ баринъ. Пріѣхалъ къ барынѣ и проситъ пять тысячъ денегъ.—Барыня, гтъ, давай скорѣе пять тысячъ, баринъ купилъ сто десятинъ лѣсу. А та говоритъ: давай записку.—А какая записка? видишь его коней?

Принесла барыня пять тысячъ денегъ и отдала мужику, а онъ еще у нея попрошалъ какой нибудь повозки. Барыня говоритъ: у насъ худыхъ повозокъ нѣтъ, такъ возьми вонъ стеклянную. Заложилъ мужикъ коней да и говоритъ: эти двѣ лошади пожалуй не выслужать, давайте еще лошадь.—Запрягай въ корень сивка, говоритъ барыня, недавно еще обучили. Сѣлъ мужикъ да и поѣхалъ домой.

А баринъ съ кучеромъ стояли, стояли, не могутъ дождаться. Вотъ и говоритъ баринъ кучеру: не омманулъ ли насъ мужикъ-отъ?—А я давно думаю, что омманулъ, да вамъ не смѣю сказать. Баринъ и закричалъ: ой ты, фирюль! я бы давно оставилъ сосну-то, такъ пускай бы у него озимь-то захлеснуло... Давай, отставимъ сосну? Отбѣгай, чтобы не задавило. Кучеръ отскочилъ, а сосна и не думаетъ валиться.—Что же сосна-то не падаетъ, давай, гтъ, столкнемъ!—Попихали, попихали, не могутъ спихнуть.—Давай, говоритъ баринъ, разбѣжимся да толкнемъ, она и слетитъ. Какъ разбѣгутся, кучеръ все прибѣжитъ перѣже [1]) барина. И говоритъ баринъ кучеру: ты отойди подалѣ, а я поближе, такъ вмѣстѣ къ соснѣ и прибѣжимъ. Отошелъ кучеръ дальше, а баринъ ближе, бѣгутъ вмѣстѣ къ соснѣ; подбѣгаетъ кучеръ къ соснѣ и упалъ, а баринъ черезъ его да лбомъ о сосну, лобъ-отъ весь и расшибъ, кровь пошла. Завязался онъ и пошелъ къ своей повозкѣ.

И спрашиваетъ баринъ у кучера: что тяжельше: тарантасъ везти или хомуты нести? И говоритъ кучеръ: конечно сами знаете, лошадь идетъ въ тарантасѣ, такъ никогда не спотѣетъ, а подъ хомутомъ все мокро, такъ-какъ хомутъ не тяжельше?—Такъ неси ты, кучеръ, хомуты, а я тарантасъ повезу: я тяжелаго не могу нести. Надѣлъ кучеръ на обѣ руки по хомуту и легошенько пошелъ, а баринъ такъ и нагибается, тарантасъ таштитъ, нани [2]) потъ со всего полилъ.

Отсталъ баринъ отъ кучера изъ виду вонъ. И закричалъ: подожди, подожди!—Остановился кучеръ и ждетъ барина. Подвезъ баринъ тарантасъ и говоритъ: клади-ка хомуты въ тарантасъ да повеземъ вмѣстѣ. Кучеръ положилъ хомуты въ тарантасъ, да лишь сунулъ въ колёса по стягу, [3]) а самъ пихалъ лѣниво. Баринъ понатужился, не можетъ съ мѣста сдернуть.—Нѣтъ, говоритъ, возьми ты хомуты, а я опять тарантасъ повезу. Кучеръ выдернулъ стяги, взялъ хомуты и пошелъ впередъ.

Доѣхалъ баринъ до своего села. Выскочила барыня и говоритъ: поздравляемъ васъ съ новой купчей! Баринъ вытаращилъ глаза и спрашиваетъ: съ какой купчей?—Да вѣдь вы послали мужика, онъ увезъ пять тысячъ денегъ на вашихъ коняхъ да стеклянную повозку. Баринъ провздыхался да и захохоталъ. Ну, хоть не одного меня омманулъ, и барыню обдулъ этотъ самый мужикъ! [4]).

44. Анфій да Марья.

Жилъ былъ Анфій да Марья; дѣтей у нихъ не было. Разъ Анфій и говоритъ Марьѣ: свари-ка мнѣ три десятка яицъ, я пойду да продамъ. А дѣло было передъ пасхой и яйца очення дороги. Марья сварила яйца, онъ выкрасилъ ихъ и понесъ продавать. Взялъ онъ

[1]) прежде, раньше.
[2]) даже, такъ что.
[3]) стягъ—толстая палка; кучеръ просунулъ палки между спицами обоихъ заднихъ и переднихъ колесъ, чтобы они не вертѣлись.
[4]) Ср. *Сбор. Харьк. Истор. Филолог. Общ. II. г. Манжура: Сказки зап. въ Екатеринос. и Харьковск. г.* Яко мужикъ пана дурылъ стр. 82. *Садовниковъ. Сказки и пр. Самарск. края.* № 67. Про нужду. *Ред.*

по рублю за яйдо, денегъ у него стало тридцать рублей. Пришелъ онъ въ одну гостильницу, подалъ десять рублей и говоритъ: я къ вамъ ужо приду, такъ запью и заѣмъ [1]). Приходитъ въ другую, тамъ подаетъ десять рублей, также и въ третью. Вотъ идетъ онъ и видитъ своего прихожаго [2]) попа и сталъ звать его съ собою въ гостильницу.—Пойдемъ, говоритъ, выпьемъ водки—А попъ былъ выпивать лютой [3]), пошелъ съ нимъ. Зашли они, Анфій и потребовалъ на десять рублей водки и закуски. Когда они напились и наѣлись, Анфій ударилъ по столу шапкой (а шапка у его была о четыре угла) и спрашиваетъ: чай пили?—Половые отвѣчаютъ: пили.—Денежки платили?—Платили, отвѣчаютъ. И пошли они въ другую гостильницу. И тамъ то же самое, напились, наѣлись, Анфій ударилъ по столу шапкой и спрашиваетъ:—Чай, водку пили?—Пили.—Денежки платили?—Платили.—Встали, пошли въ третью и тамъ то же самое. Тутъ попъ и смѣтилъ: это, думаетъ, у Анфія шапка отвѣчаетъ. И спрашиваетъ его: у тебя не шапка ли отвѣчаетъ?—Шапка, говоритъ.—Продай мнѣ ее?—Купи.—Дорога-ли?—Сто рублей. Отдалъ попъ деньги и вышелъ. И встрѣчаетъ своего товарища и зоветъ его въ гостильницу. Зашли они, попъ и потребовалъ всего на сто рублей. Они все спили и съѣли, попъ и сталъ колотить шапкой о столъ.—Ѣли и пили? спрашиваетъ.—Пили.—Денежки платили?—Нѣтъ, говорятъ, не платили.—А! говоритъ, постой! Не тѣмъ угломъ колочу.— И спрашиваетъ опять: пили?—Пили.—Денежки платили?—Нѣтъ, не платили. И зачалъ попъ колотить всей шапкой.—Нѣтъ, все говорятъ; не платили.—Ну, Анфій меня обдулъ, говоритъ попъ, пойду взыщу съ много! Заплатилъ деньги и пошелъ домой.

А Анфій знаетъ, что попъ придетъ, нарядился покойникомъ и легъ подъ образа. Попъ приходитъ и спрашиваетъ: что, Марья, Анфій померъ?—Померъ.—Охъ, какъ онъ меня обдулъ, дай Богъ ему царство небесное со свѣтлымъ пуговицамъ, подъ ж... огонь!—Марья подошла къ иконамъ, взяла крестъ съ кіоты и приложила къ анфіеву рту. Анфій поцѣловалъ крестъ и всталъ.—Что, спрашиваетъ попъ, ты отъ креста воскресъ?—Да, отъ креста.—Продай, говоритъ, крестъ-отъ?—Купи.—А дорогъ ли?—А давай сто рублей да старинное не поминай.—Попъ купилъ крестъ и пошелъ домой. Приходитъ домой и говоритъ: попадья, я крестъ купилъ, теперь мы вѣкъ не умремъ.

Вотъ и сталъ попъ ѣздить вездѣ, гдѣ умираетъ, и услыхалъ, что въ одномъ городѣ у богатаго купца умираетъ дочь и сейчасъ туда. Пріѣхалъ, а ужъ она трудится [4]), а всѣ ревятъ.—Не ревите, говоритъ, она сейчасъ воскреснетъ. Приложилъ ей крестъ къ роту, она не воскресаетъ.—Должно быть худо приложилъ, думаетъ, надо хорошенько приложить. Приложилъ въ другоредь—нѣтъ, все не воскресаетъ, а умерла. Купецъ и закричалъ: ахъ ты космачъ! ты ее убилъ, я тебя сейчасъ посажу въ под-арестъ!—Ой, не сади пожалуйста! я тебѣ дамъ сто рублей... Подалъ сто рублей и скорѣе домой. Пріѣхалъ домой и говоритъ: опять меня Анфій обдулъ, пойду, взыщу съ него, взыщу двѣсти рублей!

И пошелъ къ Анфію. А Анфій поймалъ двухъ воронъ и посадилъ одну въ шкапъ, а другую понесъ на базаръ. Уходя, натаскалъ въ избу разнаго хламу и наказалъ женѣ: когда мы придемъ съ попомъ, чтобы было все прибрано и закуска приготовлена.

Приходитъ попъ, а въ избѣ ломъ и душище. И спрашиваетъ попъ: гдѣ Анфій? А жена говоритъ: на базарѣ.—Пойду на базаръ, говоритъ попъ, тамъ съ него взыщу. Пошелъ попъ на базаръ и отыскалъ тамъ Анфія.—А что, отдашь деньги?—Отдамъ, говоритъ, пойдемъ домой.—Не пойду, говоритъ, у васъ въ избѣ такой душище...—А вотъ я опущу вѣсника [5]), такъ онъ скажетъ дома и тамъ все приберутъ.—Какого вѣсника? Вынялъ Анфій изъ-за пазухи ворону и наказываетъ ей: поди, говоритъ, полетай домой и скажи моей женѣ а твоей тетушкѣ, чтобы она въ избѣ разобрала и угощенье припасла. Опустилъ ворону, та и полетѣла.

Походили они по базару и пошли въ деревню къ Анфію. Приходятъ, а у него въ домѣ все чисто и угощеніе готово; ворона изъ шкапа выпущена и овесъ клюетъ. Попъ и спрашиваетъ: что, Анфій, это вѣсникъ-то и есть?—Да, это и есть.—Продай мнѣ его?—Купи.—А дорогъ-ли?—Давай сто рублей да старинное не поминай.

Купилъ попъ ворону и унесъ домой. Принесъ и говоритъ попадьѣ: я купилъ ворону, она все можетъ сказать. Наноси лому, я уйду на базаръ; она прилетитъ и скажетъ тебѣ, чтобы ты все прибрала.

Наносили лому, ушелъ попъ на базаръ. И опустилъ свою ворону. — Лети ты домой,

---

[1]) Т. е. буду пить и ѣсть на эти деньги.
[2]) Т. е. своего прихода.
[3]) Т. е. большой охотникъ до выпивки.
[4]) Находится въ предсмертной агоніи.
[5]) Вѣстника.

скажи моей женѣ а своей тетушкѣ, чтобы она все прибрала и чтобы чай-кофей былъ готовъ. Ворона закаркала и полетѣла на всѣ четыре стороны.

Приходитъ попъ домой, а у него въ избѣ все какъ раньше было, тотъ же дрязгъ. И началъ онъ попадью бить.—Что ты, говоритъ, не разбираешь въ избѣ, я вѣсника давно опустилъ! А она говоритъ: много ихъ летаетъ, да я не знаю, который вѣсникъ-отъ!—Ну, говоритъ, опять меня этотъ Анфій обдулъ, пойду теперь со сковородникомъ да убью его!

Деревня-то у Анфія была на горѣ. Сдѣлалъ онъ новыя чуночки [1]) да и ѣдетъ попу на встрѣчу подъ гору. Попъ лишо подставилъ свой сковородникъ подъ чунки и остановилъ ихъ. Анфій и заругался: ахъ ты, космачъ, нехорошій! Я бы той порой всю подвселенную объѣхалъ, если бы ты меня не задержалъ!—Неужели бы объѣхалъ всю подвселенную, это попъ-отъ говоритъ, такъ продай мнѣ твоего коня?—Купи.—А дорогъ-ли?—А давай сто рублей, да старинное не поминай.—Подалъ попъ сто рублей и спрашиваетъ: а чѣмъ кормить эту лошадь-то?—Ничѣмъ не корми, а лишо закутай тепломатной шубой [2]), поставь подъ паратное крыльцо да гладь, такъ сыта будетъ.

Попъ потащилъ чунки домой. Приходитъ и говоритъ попадьѣ: вотъ купилъ лошадь-то! сто рублей далъ; въ одинъ часъ можетъ всю подвселенную объѣхать!

И пришло отъ поповой дочери письмо, чтобы ѣхали къ ней въ гости на праздникъ, да чтобы выѣхали за мѣсяцъ впередъ. Попъ и говоритъ: чѣмъ за мѣсяцъ впередъ выѣзжать, утромъ въ праздникъ встанемъ поранѣ, поѣдимъ олашечекъ, да въ часъ туда и доѣдемъ.

Дожили до праздника. Истопила попадья печку, поѣли олашечекъ и собрались въ путь. И говоритъ попъ: давай, сядемъ на повѣти, да съ повѣти прямо и поѣдемъ. Попадья отвѣчаетъ: чтобы лошадь-то въ темнотѣ чего не испугалась, лучше усядемся на городкѣ [3]).

Вытащилъ попъ чунки на городокъ, усѣлся, а попадью посадилъ въ колѣни, чтобы не вышибло.—Какъ они со взъѣзда съѣхали, лишо чунки и встали [4]). А въ это время работникъ попа поилъ коней, они разлягались, онъ и началъ ихъ шпрукать. Разсердился попъ на работника: ахъ ты подлецъ! ты и нашу лошадь остановилъ, мы бы ужъ топере на полпути были! Схватилъ работника и бросилъ въ колодецъ, а свою лошадь помызгалъ, помызгалъ [5]) нѣтъ, не идетъ.

Взлѣзли опять на городокъ и сѣли. Какъ только со взъѣзда съѣхали, лишо чунки опять и встали.

И разсердился попъ на Анфія.—Ну ужъ пойду топере убью его!

А Анфій той порой выкопалъ за амбаромъ яму, легъ въ яму, а въ руки взялъ батогъ.

Попъ приходитъ и спрашиваетъ Марью: гдѣ, Марья, мужъ твой? А та говоритъ: померъ.—А что ко мнѣ хоронять не привозила?—А у васъ все грѣхи да грѣхи, такъ я его за амбаромъ и похоронила.

— Такъ ты послѣ него денегъ не отдашь?

— А онъ все пропилъ, мнѣ ничего не оставилъ, я сама хочу по-міру ходить [6]).

45. Хитрый мужикъ.

Въ одной деревнѣ жилъ бѣдный мужикъ; дожилъ онъ до того, что у него только и осталась одна овечка да двѣ тыквы.

Лежитъ онъ однажды на печи и думаетъ: нѣтъ у меня ни хлѣба, ни муки, продать развѣ овечку? Слѣзъ съ печки, одѣлся, привязалъ овечку на веревку и повелъ ее на рынокъ продавать.

Идетъ онъ мимо своей церкви; попадается ему на встрѣчу попъ и спрашиваетъ: куда повелъ овечку?—Продавать, батюшка.—Продай мнѣ?—Купи. А что просишь?—Пятьдесятъ рублей.—Что очень дорого?—Да вѣдь, батюшка, овечка-то не простая: съ десяткомъ волковъ одна справится.—Ну, хорошо!

---

[1]) Салазки.

[2]) Значенія слова тепломатный самъ разсказчикъ объяснить не могъ.

[3]) Городкомъ зовется верхняя площадка взъѣзда.

[4]) Т. е. остановились.

[5]) Мызгать—производить губами звукъ, заставляющій лошадь тронуться съ мѣста.

[6]) Ср. *Чубинскій П. Малорусс. сказки. II.* № 12. Про Ивана Дурника. *Драгомановъ. Малор. Нар. Пред.* стр. 43. Хитрый дурень. *Худяковъ. Великор. ск.* № 30. Иванъ дуракъ и братья (Тобольскъ). *Садовниковъ. Ск. и пред. Самарск. края.* № 32. Шутъ Максимка, № 41. Баринъ и мужикъ. *Ред.*

Отдалъ попъ мужику деньги и повелъ овечку домой. Вдругъ овца увидѣла двухъ волковъ, забѣгала, зарвалась, веревочка и сорвалась, а волки схватили ее и съѣли. Попъ потужилъ, поохалъ да и говоритъ: кабы веревочка не порвалась, такъ бы овечка волкамъ не поддалась!—Пришелъ домой и говоритъ попадьѣ: ну, матка, я овечку купилъ! —Ну хорошо. А много ли далъ?—Пятьдесятъ рублей.—Что больно дорого?—Да овечка-то не простая: съ десяткомъ волковъ одна справится.—Ладно, мы ее на охоту будемъ отпускать, она намъ волковъ надавитъ, а я тебѣ волчьихъ шубъ нашью.—Да у меня бѣда случилась.—Какая?—А когда я велъ овечку-то, она увидала двухъ волковъ, хотѣла на нихъ броситься, а веревочка-то и сорвалась, она имъ и поддалась, волки ее и съѣли.... — Охъ, охъ, батюшка!.. Поохали, поохали, да дѣлать было нечего.

А мужикъ, получивши деньги за овечку, накупилъ муки и напекъ хлѣбовъ, сѣлъ на лавку и думаетъ: теперь у меня хлѣбъ есть, только соли нѣтъ. Пойду-ка я срѣжу двѣ тыквы, продамъ ихъ да и куплю себѣ соли.

Срѣзалъ двѣ тыквы, положилъ въ корзину и пошелъ продавать. Идетъ мимо церкви, ему на встрѣчу опять попъ попадается и спрашиваетъ:—Куда, мужичекъ, пошелъ? - Въ городъ. — Зачѣмъ?—Жеребячьи яйца продавать.—Продай мнѣ.—Купи.—Сколько просишь?—Десять рублей.—Что дорого? — Да жеребята-то высидятся какіе! - А ты научи меня, какъ ихъ высидѣть-то.—А какъ придешь домой, положи яйца въ пестерь и сядь на нихъ,—черезъ мѣсяцъ они у тебя и вылупятся.

Отдалъ попъ мужику деньги, взялъ тыквы и пошелъ домой. Приходитъ домой и разсказываетъ попадьѣ, какъ онъ купилъ жеребячьи яйца и что с ними нужно дѣлать, чтобы высидѣть жеребятъ.

Попадья дала ему новый пестерь и велѣла поставить на полати. Вотъ попъ сѣлъ, сидитъ день, сидитъ два, сидитъ и недѣлю, съ пестеря не сходитъ и думаетъ: вотъ скоро у меня жеребята вылупятся.

Случилось, что въ это время у барина родился сынъ и посылаетъ баринъ своего кучера къ попу, чтобы тотъ пришелъ и далъ младенцу имя. Приходитъ кучеръ къ попу и спрашиваетъ у попадьи:—гдѣ батюшка? — А на что тебѣ? — У барина сынъ родился, такъ надо ему дать имя.—Онъ на полатяхъ сидитъ на яйцахъ. Кучеръ подошелъ къ полатямъ и говоритъ: батюшка! у нашего барина родился сынъ, такъ иди дай ему имя. — Не пойду! отвѣчалъ попъ сердито. — Пожалуйста, батюшка! — Я сказалъ тебѣ: не пойду, такъ и не пойду! Мнѣ изъ-за вашего барина не лишаться же жеребятъ. — Такъ и не пошелъ попъ къ барину.

Приходитъ кучеръ къ барину и говоритъ, что попъ не идетъ. Тогда баринъ взялъ плеть и пошелъ самъ. Приходитъ къ попу и говоритъ: батюшка! дай моему сыну имя!—Я сказалъ вамъ, что не пойду, отвѣчалъ попъ.—Пожалуйста, батюшка!—Убирайся ты къ чорту и съ твоимъ сыномъ! закричалъ попъ. Тутъ баринъ и давай его хлестать плетью. Попъ долго вертѣлся и ёжился, наконецъ стало ему не въ терпёжъ, соскочилъ съ полатей, схватилъ свой пестерь и держа его такъ, какъ сидѣлъ на немъ, бросился бѣжать въ поле, а баринъ съ плетью за нимъ. Прибѣжалъ попъ къ огороду, а въ этомъ мѣстѣ подлѣ огорода была навалена куча хворосту, подъ которымъ сидѣли два зайца. И хотѣлъ попъ перелѣзть черезъ огородъ, да задѣлъ пестеремъ за колъ; пестерь остался на колѣ, а попъ упалъ на хворостъ. Зайцы испугались и выскочили, а попъ думалъ, что это его жеребята и погнался за ними. Бѣжитъ за ними и кричитъ: и-го-го-го! жеребятки, я ваша матка! Зайцы убѣжали въ лѣсъ; попъ долго бѣгалъ по лѣсу, не могъ найти своихъ жеребятокъ и воротился домой съ пустыми руками.

46. Сказка о Павлушкѣ.

Жили были старикъ со старухой и была у нихъ одна дочка. Вотъ пришло время отдавать ее замужъ и стало имъ ее жаль, они взяли подживотника [1]) Павла.

Обвѣнчались женихъ съ невѣстой, отпировали и легли спать. А она его не любила и говоритъ ему: Павелъ, у насъ коровы вышли, поди застань [2]) ихъ! Онъ выбѣжалъ босикомъ, засталъ коровъ и идетъ въ сѣникъ [3]), а жена заперлась. Онъ и говоритъ: жена, пусти!—Кто такой?—Да Павелъ. А она отвѣчаетъ: какой Павелъ, какъ не хорошій дьяволъ, у меня

[1]) Подживотникъ—парень, котораго родители невѣсты приняли къ себѣ въ домъ.
[2]) Застать скотъ—загнать его въ хлѣвъ.
[3]) Сѣникъ—баня.

Павелъ на ручкѣ лежитъ. Онъ и говоритъ самъ себѣ: что же, развѣ я не къ себѣ пришелъ? пойду, домá сосчитаю.— Пошелъ дома считать. — Это Кузьмина домъ, это Фомина домъ, это нашъ домъ. Опять и стукается.—Жена, пусти!—Да кто такой?—Да Павелъ.—Какой Павелъ, какъ не хорошій дьяволъ, у меня Павелъ на ручкѣ лежитъ.

И побѣжалъ онъ къ попу. Прибѣжалъ и спрашиваетъ: батюшка, вѣнчалъ ты меня? Попъ говоритъ: вѣнчалъ. Такъ возьми меня на кошели [1]), да пойдемъ. Попъ взялъ Павла на кошели, принесъ домой, стукается и говоритъ: жена, пусти!—Кто такой?—Да Павелъ.—Какой Павелъ, какъ не хорошій дьяволъ, у меня Павелъ на ручкѣ лежитъ. Попъ испугался и сбросилъ Павла съ кошелей. Павелъ пошелъ въ хлѣвъ и проспалъ съ быкомъ. На утро пришелъ на печь, а жена его и спрашиваетъ: гдѣ ты, Павелъ, спалъ-то?—Да въ хлѣвѣ съ быкомъ. — Такъ вѣдь ты отелишься! Поди же теперь ходи да ходи, покамѣ не отелишься. Онъ и пошелъ. Идетъ путемъ дорогой и нашелъ сапоги съ ногами. Пришелъ въ одну деревню и просится ночевать. Его пустили въ одну избу, онъ легъ на печь. А у хозяина въ ту пору корова отелилась, онъ и положилъ теленка за Павла на печь. Теленокъ замычалъ, Павелъ пробудился и говоритъ самъ себѣ; слава тебѣ Господи, отелился! Побѣжалъ домой, а сапоги съ ногами и позабылъ на печи. Хозяинъ сталъ теленка обирать и увидѣлъ сапоги. И говоритъ: старуха! вѣдь у насъ теленокъ-то мужика съѣлъ! А Павелъ пришелъ домой. Жена его спрашиваетъ: что Павелъ, отелился? Отелился, слава тебѣ Господи, говоритъ [2]).

47. Портной.

Одинъ попъ купилъ себѣ на рясу двадцать аршинъ бархату и позвалъ къ себѣ портного. Портной пришелъ. Но такъ, какъ дѣло было подъ вечеръ, то портной сказалъ попу: теперь ужъ, батюшка, темно, еще не ладно скроишь, такъ я лучше завтра поутру, какъ только встану, примусь за дѣло. Попъ согласился и спросилъ портного: какъ его зовутъ?—Какóфіемъ, отвѣчалъ портной. Вскорѣ всѣ улеглись спать; легъ спать и портной, но ему не спалось. Когда всѣ крѣпко уснули, то портной всталъ, нашелъ гдѣ-то толокна и воды, высыпалъ толокно въ поповскую шляпу и налилъ туда воды, такъ что сдѣлалась тяпушка, а самъ взялъ бархатную матерію и пошелъ домой.

Попъ вставши утромъ и не найдя портного, надѣлъ свою шляпу и выбѣжалъ на улицу искать его. Попадается ему на встрѣчу баба. — Не видала тетка Какофья [3])? Вижу, вижу, батюшка, куда-какъ хорошъ, что и говорить! отвѣчала баба. У попа въ это время тяпушка текла по бородѣ и по шляпѣ. Попъ ничего не сказалъ бабѣ и пошелъ дальше. Попадается ему попадья.—Не видала-ли, мать, Какофья? спросилъ у нея попъ. — Вижу, вижу, больно хорошъ! гдѣ тебя черти-то такъ выкатали? поди, дуракъ, умойся! Попъ провелъ по лицу рукой и тутъ только замѣтилъ, что по немъ течетъ тяпушка [4]).

48. Привычки.

Ѣхали три молодыхъ парня по рѣкѣ въ легонькомъ стружкѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои привычки, которыхъ не оставлялъ ни на одну минуту. У перваго изъ нихъ была привычка подтирать подъ носомъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы указывая на кого; у втораго — постоянно зачесывать волосы рукой, какъ бы маня къ себѣ, а у третьяго—почесываться, переваливаясь при этомъ съ боку на бокъ.

Сидя въ лодкѣ, они разговорились между собою. Одинъ изъ нихъ, который подтиралъ подъ носомъ пальцемъ, сказалъ: братцы! не худо бы намъ отстать отъ своихъ привычекъ! Тѣ согласились, что дѣйствительно, надо бы отстать, и порѣшили съ этого времени оставить свои привычки. Посидѣли такъ нѣкоторое время, а у каждаго рука чешется: у одного тянется къ носу, у другаго къ головѣ, у третьяго къ бокамъ. Но вотъ они увидѣли, что къ нимъ подплываетъ лодка. Одинъ крѣпился, крѣпился, да и сказалъ, подтирая подъ носомъ: а воно наши-то ѣдутъ, воно! Другой, зачесывая волосы, крикнулъ: сюда наши, сюда наши!

---

[1]) На плечи, на кукорки.

[2]) Сказки № 49—55 записаны М. М. Куклинымъ. Ср. *Чубинскій II. Малорос. сказки, отд. II.* №. 8. Дурний. *Сб. Хар. Истор.-Филолог. Общ. II. Манжура. Сказки, собр. въ Екатеринославск. и Харьк. губ.* Якъ чоловикъ телився, стр. 94. *Худяковъ: Великорусск. ск.*, № 96. Сынъ бычекъ (Рязанск. губ.). *Ред.*

[3]) Т. е. каковъ я?

[4]) Ср. *Трейландъ. Латышскія сказки въ Сб. Мат. по Этногр., изд. при Дашковск. Эт. Музеѣ.* II. № 52. Молодецъ и чортъ. *Ред.*

а третій привскочилъ какъ бы въ радости и, почесывая бока, произнесъ: слава Богу, наши ѣдутъ, скоро будутъ!

49. Два брата.

Не въ которой деревнѣ жили два брата, они и раздѣлились по раздѣлу. Одинъ жилъ бѣдно, а другой богато. У бѣднаго не было ни дровъ ни лошади и пошелъ онъ къ богатому брату просить лошади и далъ богатый братъ ему лошадь. Забылъ бѣдный попрошать хомута и не смѣлъ идти прошать вдругоредь [1]) и привязалъ лошадь къ головицамъ хвостомъ; поѣхалъ по дрова, нарубилъ возъ порядочный, поѣхалъ домой, пріѣхалъ подъ окно къ себѣ и хотѣлъ вздернуть на наземъ, но въ то время подворотка помѣшала: лошадь вздернула и хвостъ себѣ оторвала.—И не смѣетъ онъ къ брату вести лошадь. Наконецъ пошелъ онъ къ нему и сказалъ: я у твоей лошади хвостъ оторвалъ. Братъ на него осердился: вотъ я пойду просить на тебя суда къ Шемякину.

И пошли они оба. И выпросились они на квартиру ночевать къ богатому мужику. Богатый съ богатымъ угощались, а бѣдный спать легъ не ѣвши. Подъ полатямъ же лежалъ младенецъ. Бѣдный ворочался, ворочался и съ полатямъ вмѣстѣ упалъ и младенца задавилъ. Тогда и другой богатый захотѣлъ на него просить и пошли всѣ вмѣстѣ. И дошли они до города, а въ этомъ городѣ былъ высокій мостъ, а подъ мостъ ѣздили на лошадяхъ. Бѣдный пошелъ этимъ мостомъ и задумалъ скочить съ мосту, чтобы убиться. Когда онъ скочилъ съ мосту, въ то время отецъ съ сыномъ выѣзжали изъ подъ мосту и бѣдный упалъ прямо имъ въ сани, сына у старика убилъ, а самъ не убился. Тогда старикъ вмѣстѣ съ двумя богатыми тоже пошелъ просить на него.

И пришли къ судьѣ Шемякину всѣ четверо, а бѣдный взялъ большой камень и завязалъ въ платокъ. И сталъ его братъ обсказывать объ своей лошади. Въ это время бѣдный поднялъ платокъ съ камнемъ и погрозилъ имъ судьѣ, а судья подумалъ, что тотъ ему сто рублей денегъ сулитъ и разсудилъ такъ, что покуда хвостъ у лошади не выростетъ, и пущай держитъ бѣдный лошадь у себя. Потомъ сталъ обсказывать второй богатый объ своемъ младенцѣ, а бѣдный опять камнемъ погрозилъ и судья Шемякинъ разсудилъ такъ: ты дай ему свою жену, такъ онъ и сдѣлаетъ тебѣ другого младенца. А старика, у котораго убитъ былъ сынъ, разсудилъ такъ: ты, дѣдка, встань нá мос(т)ъ, а онъ пущай ѣдетъ на лошади изъ подъ мосту и скачи прямо на него. Старикъ скочилъ съ мосту, на бѣднаго не попалъ, а самъ убился, а бѣдный и поѣхалъ преспокойно домой [2]).

50. Разбогатѣвшій мужикъ и нищіе.

Жилъ одинъ очень бѣдный мужикъ. Какъ онъ ни трудится, какъ ни работаетъ цѣлые дни, не можетъ разбогатѣть. И сталъ онъ молиться Богу и просить богатства, обѣщаясь при этомъ, если только разбогатѣетъ, подавать каждому нищему по полу-хлѣба. Господь услышалъ его молитву и мужикъ вскорѣ зажилъ богато, всего у него стало вдоволь.

Однажды пришли къ нему подъ окно двое нищихъ. Одинъ изъ нихъ былъ Іисусъ Христосъ, а другой—архангелъ Гавріилъ. Мужикъ и подалъ имъ два забусѣлыхъ [3]) кусочка хлѣба. Нищіе поблагодарили его за милостыню и попросились переночевать. Мужикъ не хотѣлъ было пустить ихъ, но они его упросили и онъ впустилъ. Когда нищіе вошли въ избу, онъ сказалъ имъ: идите прямо на голбецъ, а то полъ вымытъ, такъ затопчете.

Послѣ ужина хозяинъ подалъ имъ объѣдки и нищіе въ благодарность за это обѣщали на завтра измолотить ему овинъ хлѣба.

На другой день хозяинъ всталъ еще до свѣту, собрался идти на гумно и будитъ нищихъ, чтобы они шли на работу.

— Сейчасъ идемъ, сказали они, а между тѣмъ сами повернулись на другой бокъ и уснули.

Хозяинъ подождалъ ихъ на гумнѣ, пришелъ съ палкой и давай колотить крайняго, приговаривая: за ужной обѣщались молотить, а теперь лежите!

На краю лежалъ Іисусъ Христосъ. Когда мужикъ ушелъ, нищіе перемѣнились мѣстами и опять легли. Мужикъ опять вернулся и давай колотить палкою того, который лежалъ на

[1]) Вторично.

[2]) Ср. *Аѳанасьевъ. Русск. сказки III.* № 184 а и в. Шемякинъ судъ. *Романовъ. Бѣлорусскій Сб. III. Могилевск. губ.* отд. III. № 14. Судья праведная. *Ред.*

[3]) Покрытыхъ плѣсенью.

другомъ краю—опять Іисуса Христа. Нищіе наконецъ встали и отправились на работу. Придя на гумно, одинъ изъ нихъ взялъ огниво, а другой кремень и въ одну минуту измолотили весь овинъ. Удивленный мужикъ сталъ кланяться имъ въ ноги и просилъ оставить ему кремень и огниво. Нищіе отдали кремень, а сами пошли въ избу, взяли свои котомки и, уходя, привязали къ хвосту кошки огниво, отъ чего вся изба вдругъ вспыхнула. Потомъ приходятъ на гумно и видятъ—гумно тоже горитъ. „Чистота красоту понесла на высоту", сказали они мужику, а если не подоспѣетъ благодать такъ и дому не видать!" и ушли. У мужика все добро сгорѣло и сталъ онъ жить еще бѣднѣе прежняго [1]).

51. Ангелъ и прохожій.

Идетъ ангелъ берегомъ одной рѣки и видитъ: дѣвица топитъ младенца, подходитъ къ ней и говоритъ: помогай Богъ! Потомъ, черезъ нѣсколько времени, возвращаясь этимъ же самымъ мѣстомъ, увидалъ онъ женщину, которая мыла на рѣкѣ бѣлье, прошелъ мимо нея и ничего не сказалъ.—Попадается ему на встрѣчу прохожій и спрашиваетъ: почему же ты сказалъ: помогай Богъ! дѣвицѣ, которая топила ребенка, а женщинѣ, которая мыла бѣлье, ничего не сказалъ?—Ангелъ отвѣчалъ: дѣвица эта много претерпѣла отъ своихъ родителей и отъ сосѣдей за свой грѣхъ; она истинно каялась передъ Богомъ и отъ всей души молила Господа простить ей ея преступленіе. Господь услышалъ ея молитву и простилъ ея грѣхъ. Женщина-же моетъ бѣлье въ праздникъ; она не наработаетъ псу на обѣдъ, а нарушаетъ святость праздника и Богъ ей этого не проститъ. Вотъ почему грѣхъ и не слѣдуетъ работать въ праздничные дни.

52. Странникъ.

Одинъ крестьянинъ былъ долго боленъ и никакія лѣкаря, знахари и знахарки не могли его вылѣчить. Находясь уже при смерти и не надѣясь на помощь человѣческую, онъ обратился съ молитвой къ Богу, прося его милосердія и ходатайства его святыхъ угодниковъ и при этомъ далъ обѣщаніе сходить помолиться къ Кіевскимъ угодникамъ, если Богъ пошлетъ ему исцѣленіе. Усердная молитва его была услышана Богомъ, онъ вскорѣ выздоровѣлъ. И вотъ, исполняя данный обѣтъ свой, отправился въ Кіевъ.

Дорогою догоняетъ онъ странника хилаго и истомленнаго. Поздоровавшись, они разговорились. Оказалось, что странникъ идетъ тоже въ Кіевъ, и пошли они вмѣстѣ.

Такъ около полудня странникъ и говоритъ крестьянину: отдохнемъ здѣсь на лугу! — Выбрали удобное мѣстечко и усѣлись, а потомъ странникъ вынулъ изъ своей сумы просфору, разломилъ ее и одну половину отдалъ крестьянину, а другую опять положилъ въ суму, завязалъ ее, и положивъ себѣ подъ голову, легъ и скоро заснулъ.

Крестьянину очень понравилась просфора. Когда странникъ уснулъ, онъ, не долго думая, вытащилъ изъ-подъ головы у спящаго суму, вынялъ изъ нея оставшуюся половину просфоры и съѣлъ, а суму опять положилъ ему подъ голову. Черезъ нѣсколько времени странникъ проснулся и они отправились въ путь. Пройдя нѣкоторое разстояніе, странникъ вздумалъ поѣсть и развязалъ свою суму, чтобы достать просфору. Когда просфоры не оказалось, онъ спросилъ крестьянина: не бралъ-ли тотъ оставшейся половины просфоры? Крестьянину стыдно было признаться и онъ сталъ отпираться и божиться, что не биралъ его просфоры. Странникъ ничего не сказалъ ему на это и пошли они дальше.

Было уже темно, когда они пришли въ деревню и попросились ночевать. Всю деревню исходили, а ночевать ихъ никто не пускаетъ. Постучались еще уже въ послѣднемъ домѣ на краю деревни. Хозяева этого дома были хотя небогатые но добрые люди и любили странниковъ—пустили ихъ. Когда они вошли въ избу, хозяева ужинали и пригласили ихъ садиться съ собой за столъ. Принесли для нихъ яндову пива и поднесли вина въ золотомъ кубкѣ. Странникъ, посмотрѣвъ на кубокъ, спросилъ: откуда у васъ этотъ золотой кубокъ? Хозяинъ отвѣтилъ, что ему этотъ кубокъ подарилъ одинъ проѣзжій купецъ.

Послѣ ужина вскорѣ всѣ легли спать—хозяева на полати, а прохожіе на полъ. Золотой кубокъ не убрали со стола. Около полуночи, когда хозяева крѣпко спали, странникъ всталъ, взялъ со стола кубокъ и положивъ его къ себѣ въ суму, легъ опять спать. Крестьянинъ видѣлъ это, но притворился спящимъ и ничего не сказалъ. Утромъ, не смотря на то, что

[1]) Ср. *Чубинскій: II. Малорусск. сказки.* № 94. Три браты и Богъ (Кіевск. г.). Какъ относительно этой легенды, такъ и другихъ приводимыхъ ниже, см. *Аѳанасьевъ: Легенды.*

Ред.

прохожіе встали рано, хозяева накормили ихъ завтракомъ и они, поблагодаривъ, отправились въ путь.

Вечеромъ они пришли въ другую деревню и выпросились ночевать въ одномъ домѣ. Семейство здѣсь состояло изъ мужа съ женой и маленькаго ребенка, который лежалъ въ люлькѣ. Ночью, когда хозяева крѣпко заснули, странникъ всталъ, подошелъ къ люлькѣ и, открывъ пологъ, задушилъ ребенка. Крестьянинъ это видѣлъ, но опять ничего не сказалъ, а только подумалъ: должно быть нехорошій человѣкъ, надобно отстать отъ него, а не то, пожалуй, попадешь съ нимъ въ бѣду. На другой день утромъ хозяева напоили ихъ и накормили, и на дорогу надѣлили и они пошли дальше.

Было еще не поздно, когда путники пришли въ третью деревню. Крестьяне этой деревни всѣ были старовѣры, за исключеніемъ одного, довольно зажиточнаго, но и онъ долго не пускалъ ихъ ночевать и пустилъ только тогда, когда они обѣщали дать ему хорошую плату за ночлегъ. Голодные легли они спать на полъ, а утромъ отправляясь въ путь, странникъ отдалъ хозяину вмѣсто платы за ночлегъ кубокъ, который онъ взялъ со стола бѣднаго.

Отъ этой деревни дорога шла лѣсомъ и какъ только путники вошли въ него, навстрѣчу имъ вышелъ огромный медвѣдь. Крестьянинъ испугался и спрятался за странника. Но медвѣдь, вмѣсто того, чтобы броситься на нихъ, упалъ страннику въ ноги и покорно лежалъ, а тотъ сказалъ ему: встань и иди въ деревню, что въ концѣ этого лѣса, тамъ увидишь въ огородѣ корову,—съѣшь ее.

Корова эта принадлежала бѣдной вдовѣ, у которой было много дѣтей еще малолѣтнихъ.

Медвѣдь послушно всталъ, пошелъ и съѣлъ корову. Бѣдная вдова, когда узнала это, вмѣсто слезъ и роптанія на свое несчастіе, придя домой, встала передъ иконами и стала усердно молиться Богу, часто повторяя слова многострадальнаго Іова: Господь далъ, Господь и взялъ, да будетъ благословенно имя Господне! Она еще молилась, когда странники пришли въ ея домъ и попросились переночевать. — Милости просимъ, странные люди! сказала она имъ ласково и привѣтливо, накормила ихъ и заботливо приготовила для нихъ постели.

На другой день они пришли въ большое село, по серединѣ котораго стоялъ старинный барскій домъ. Въ кухнѣ этого дома, куда пришли странники, собралась прислуга и безпокойно о чемъ-то разсуждала. — Что такое случилось у васъ? спросилъ странникъ. — Баринъ у насъ очень боленъ, отвѣчали ему, былъ недавно докторъ и сказалъ, что скоро помретъ.— А нельзя-ли мнѣ посмотрѣть его: можетъ быть я и вылѣчу?

Доложили объ этомъ барынѣ. Та позволила привести странниковъ къ больному. Странникъ посмотрѣлъ на больного, велѣлъ прислугѣ истопить жарко-прежарко баню и снести туда больного. Когда его принесли, странникъ отрубилъ ему топоромъ голову, а все тѣло изрубилъ на мелкія части и положилъ въ котелъ съ кипящей водой. Черезъ нѣсколько времени части эти онъ вынялъ изъ котла и сложилъ ихъ, какъ онѣ были, потомъ почерпнулъ ковшъ холодной воды и, перекрестивъ ее три раза, вспрыснулъ, — части срослись; во второй разъ вспрыснулъ — тѣло зашевелилось, а когда вспрыснулъ въ третій разъ — больной всталъ и пошелъ. Дивилась вся прислуга, когда баринъ ихъ пришелъ домой живъ и здоровъ. За лѣченіе страннику баринъ давалъ много денегъ, но онъ взялъ только сто рублей.

Скоро вѣсть о такомъ чудесномъ лѣченіи разнеслась по всей окрестности. Черезъ три дня послѣ этого странника позвали въ другое село къ такому же безнадежному больному. Оба отправились туда и странникъ такимъ же образомъ вылѣчилъ и этого больного, но за лѣченіе взялъ только 50 рублей, которые и раздѣлилъ со своимъ товарищемъ пополамъ. Цѣлую недѣлю прожили они въ этомъ селѣ, а потомъ пошли дальше.

И вотъ приходятъ они къ перекрестку: дороги идутъ на всѣ четыре стороны и тутъ сѣли они отдохнуть. Посидѣвъ немного, странникъ разложилъ сто рублей, полученные имъ за лѣченіе перваго больного, и сказалъ: одна часть принадлежитъ мнѣ, другая тебѣ, третья— Богу, а четвертая тому, кто съѣлъ мою половину просфоры.

Послѣдняя часть—моя, сказалъ крестьянинъ, я съѣлъ просфору.—Но ты отпирался и божился въ то время, когда я спрашивалъ, сказалъ странникъ и положилъ деньги себѣ въ суму.

Посидѣвъ еще нѣсколько времени, странникъ простился и пошелъ въ одну сторону а крестьянинъ въ другую,—къ Кіеву.

Идетъ крестьянинъ и удивляется поступкамъ и дѣламъ странника: у бѣдныхъ беретъ и лишаетъ ихъ послѣдняго, богатымъ же даетъ или беретъ отъ нихъ мало.

И вотъ приходитъ онъ въ одинъ городъ. Вѣсть о чудномъ лѣченіи дошла и сюда. Крестьянина приняли за того странника, который вылѣчилъ больныхъ и пригласили его къ больному богатому барину. Крестьянинъ не отказался, думая получить большую награду. Придя въ домъ, онъ также какъ и его бывшій товарищъ, велѣлъ истопить жарко баню и принести туда больного; затѣмъ отрубилъ ему голову, а тѣло, изрубивъ на мелкія части,

положилъ въ котелъ съ кипящей водой, потомъ вынулъ куски, сложилъ ихъ, наконецъ вспрыснулъ холодной водой—части не срастаются, вспрыснулъ во второй и въ третій разъ—тѣло остается въ кускахъ. Много разъ вспрыскивалъ онъ—и все безуспѣшно. И слышитъ, прислуга стучится въ дверь и спрашиваетъ: скоро-ли?—Погодите, сейчасъ, отвѣтилъ онъ, не зная уже, что говорить и что дѣлать. Наконецъ, видя, что всѣ вспрыскиванія его напрасны, обратился онъ съ молитвою къ Богу и призвалъ на помощь своего спутника-странника, считая его человѣкомъ святымъ: отче святый, помоги мнѣ!

Только что успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ дверь отворилась и вошелъ странникъ; взялъ онъ ковшъ съ холодной водой, вспрыснулъ—части срослись, вспрыснулъ во второй разъ—тѣло зашевелилось, въ третій разъ онъ вспрыснулъ и сдѣлался невидимъ.

Больной всталъ, и они пошли въ домъ. Много денегъ давалъ онъ крестьянину за свое выздоровленіе, но тотъ не взялъ ни копѣйки. Куда и жадность дѣвалась у него! Простившись съ бариномъ и пожелавъ ему здоровья, крестьянинъ пошелъ своей дорогой. Но только что вышелъ онъ изъ города, видитъ: странникъ идетъ по дорогѣ. Крестьянинъ поспѣшно догналъ его, и они опять пошли вмѣстѣ. Вспомнивъ прежніе странные его поступки, онъ сталъ спрашивать объясненія ихъ.—Объясни мнѣ, отче святый, мои сомнѣнія: для чего ты взялъ у бѣдныхъ хозяевъ, когда мы ночевали въ первой деревнѣ, золотой кубокъ и отдалъ его богатому? — Это я сдѣлалъ для ихъ же безопасности, отвѣчалъ странникъ, потому что многіе изъ сосѣдей въ деревнѣ завидовали имъ, что они имѣютъ такую дорогую вещь и могли бы ихъ за нее убить; теперь же, когда узнаютъ, что кубокъ пропалъ не будутъ завидовать, а напротивъ, пожалѣютъ ихъ и помогутъ имъ въ нуждѣ. А отдалъ я этотъ кубокъ богатому потому, что онъ скупъ и жаденъ и до этого времени не пускалъ никого къ себѣ ночевать; теперь же, когда я отдалъ ему кубокъ, онъ будетъ даже зазывать къ себѣ странниковъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ вознагражденіе.

— А зачѣмъ же ты, отче святый, когда мы ночевали во второй деревнѣ, задушилъ у хозяевъ единственнаго ихъ ребенка?

— Этотъ ребенокъ, когда бы выросъ, то сдѣлался бы страшнымъ разбойникомъ и погубилъ бы на своемъ вѣку много людей; а теперь и родителямъ его не будетъ о немъ заботы и печали и ему самому спокойнѣе и лучше, что умеръ.

— Для чего же ты велѣлъ медвѣдю съѣсть у вдовы послѣднюю корову?

— Корова эта была больная и доила плохое и вредное молоко, отъ котораго дѣти ея и сама она могли бы заразиться и умереть. Притомъ вдова эта женщина набожная и теперь, лишившись коровы, станетъ еще усерднѣе молиться Богу и можетъ попасть во святыя.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ крестьянинъ: самъ то ты кто же, святый отче?

— Я искупитель всего міра! отвѣтилъ странникъ и вдругъ сталъ невидимъ.

Крестьянинъ при этихъ словахъ остановился и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ въ недоумѣніи и ужасѣ, а затѣмъ, возблагодаривъ Бога за его къ нему милость, отправился своею дорогою далѣе [1]).

53. Нищій богачъ.

Когда Іисусъ Христосъ жилъ на землѣ и ходилъ съ апостолами проповѣдывать свое ученіе, встрѣтился имъ нищій—дряхлый и хилый старичекъ, и попросилъ милостыни. Іисусъ Христосъ только благословилъ его, а милостыни никакой не подалъ. Потомъ, когда они сѣли обѣдать, подошелъ къ нимъ за милостыней другой нищій, молодой и здоровый человѣкъ хорошо одѣтый. Іисусъ Христосъ отрѣзалъ большой округъ (т. е. ломоть) и подалъ ему. Тогда апостолы спросили ого: почему онъ дряхлому и хилому старику не подалъ милостыни, а здоровому и молодому подалъ? Іисусъ Христосъ на это сказалъ имъ: когда пойдемъ обратно, увидите, что старикъ не нуждался и не достоинъ былъ милостыни. На возвратномъ пути увидѣли они на томъ же самомъ мѣстѣ этого старика окаменѣлымъ, а у голеней его привязанъ большой мѣшокъ, наполненный деньгами.

(*Красноборскъ*, *Сольвыч*. *у*.).

---

[1]) *Ср. Чубинскій. II. Малорусскія Сказки.* № 83. Про Дида (Подольск. г.) *Драгомановъ: Мал. Нар. Преданія* стр. 125. Богъ, св. Петръ и цыганъ (Алекс. у.), стр. 403 Іис. Христосъ, св. Петро и жидъ (Угорская Русь). *Садовниковъ: Ск. и пр. Самарскаго края.* № 88. Кузнецъ и Миколай угодникъ. „Этногр. Обозр." V, 149 и сл. *Аѳанасьевъ:* Нар. русск. легенды, 15—23. *Ред.*

54. Пьяница.

Былъ въ одной деревнѣ мужикъ-пьяница. Каждый праздникъ и всякое воскресенье люди въ церковь, а онъ въ кабакъ и въ свободное и въ рабочее время. Послѣднюю недѣлю великаго поста всю пропьянствовалъ и возвратился домой уже въ страстную субботу, да и этотъ день весь проспалъ. Въ Пасху, когда заблаговѣстили къ заутренѣ, жена будитъ его и говоритъ: сходи хоть въ Христовъ-то день въ церковь. Мужикъ всталъ, одѣлся и пошелъ въ церковь. Но такъ какъ онъ всю недѣлю пьянствовалъ, то голова у него болѣла, и онъ вздумалъ зайти передъ заутреней въ кабакъ опохмелиться. Только онъ объ этомъ подумалъ—видитъ знакомаго ему мужика, тоже пьяницу. Мужикъ этотъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: ты куда, пріятель, идешь?—Да голова болитъ, такъ хочу передъ заутреней зайти опохмелиться.—Хорошее дѣло, и я туда же иду, такъ пойдемъ вмѣстѣ.

Зашли они въ кабакъ и потребовали полштофа водки. Знакомый наливаетъ ему стаканъ и потчуетъ. Мужикъ взялъ стаканъ въ руки и поднеся его ко рту, чтобы выпить, сказалъ: Господи благослови! И что же? Видитъ: вмѣсто стакана въ рукахъ у него еловая шишка, а самъ онъ находится въ густомъ, прегустомъ лѣсу и сидитъ на высокой ели; кругомъ и подъ нимъ внизу темнота. Отъ страха мужикъ едва не свалился на землю, а слѣзая съ дерева, оцарапалъ себѣ лицо и руки о колючіе сучья. Потомъ долго онъ блуждалъ по лѣсу и домой возвратился лишь на четвертый день праздника, и то подъ вечеръ. Послѣ этого цѣлый мѣсяцъ былъ боленъ и едва не умеръ, а царапины на лицѣ и на рукахъ такъ и остались на всю жизнь. Полно съ той поры мужикъ въ праздники пьянствовать.

55. Илья пророкъ и Никола угодникъ.

Жили въ одной деревнѣ два брата: одинъ богатый, а другой бѣдный; бѣдный женатый, а богатый холостой. Сначала братья жили вмѣстѣ и купили въ это время на отцовскія деньги у одного помѣщика лѣсную дачу, а потомъ богатый переѣхалъ въ городъ и открылъ тамъ торговлю. Дѣла его пошли хорошо, и онъ съ каждымъ годомъ все богатѣлъ. Лѣтъ черезъ пять онъ вздумалъ раздѣлиться съ братомъ, но, желая скрыть свой капиталъ, нажитый имъ въ городѣ, онъ, пріѣхавъ въ деревню, не сказалъ о немъ брату.

Братья раздѣлили все отцовское имущество движимое и недвижимое пополамъ и купленную ими лѣсную дачу. Спустя нѣсколько времени богатый и говоритъ бѣдному: продай мнѣ свою половину лѣсной дачи! — Пока силъ моихъ хватитъ — не продамъ, отвѣчалъ ему братъ, потому что она — наслѣдство родительское, а кто наслѣдство мотаетъ, того Богъ караетъ.

Весной богатый братъ вздумалъ вырубить свою половину дачи, чтобы на будущій годъ засѣять хлѣбомъ, и сдѣлалъ помочь. Къ богатому всѣ идутъ съ перваго зва: пришла вся деревня, и въ одну недѣлю лѣсъ былъ вырубленъ. — Сталъ рубить лѣсъ и бѣдный и тоже созвалъ помочь—никто къ нему не идетъ. Пришелъ онъ домой, сидитъ и плачетъ, а самъ думаетъ: вотъ что значитъ бѣдность!

Видитъ—идутъ къ нему два старичка странники и спрашиваютъ: о чемъ плачешь, мужичекъ?—Плачу, милые мои, о томъ, что къ богатому всѣ идутъ на помочь, а ко мнѣ, бѣдному, никто не идетъ.—Не горюй, сказали ему странники, мы тебѣ поможемъ.—Ахъ вы, милые мои старички! Благодарю васъ за ласковое слово, да вѣдь мѣста-то у меня много рубить...—Ничего, мы помаленьку!—Зайдите, милые мои, въ избу-то?—Нѣтъ, мы ужъ пойдемъ работать.

Странники эти были—Николай угодникъ и Илья пророкъ.

Вотъ пришли они въ лѣсъ. Николай угодникъ деревья нагибаетъ, а Илья пророкъ только подрубаетъ, и такимъ образомъ въ одинъ день вырубили весь лѣсъ, а корни выжгли.

— Дорогіе мои старички-работнички! сказалъ бѣдный, чѣмъ и какъ мнѣ васъ и благодарить-то?

— Теперь веди насъ къ себѣ, сказали ему на это странники.

Привелъ ихъ мужикъ къ себѣ въ избу, усадилъ за столъ и угощаетъ, чѣмъ Богъ послалъ. Принесъ полштофа вина, налилъ стаканъ и потчуетъ перваго съ краю — Николая угодника.

— Выпей сперва самъ, говорятъ ему странники.

Мужикъ выпилъ, налилъ опять и снова потчуетъ.

— Ты скажи сначала, кто изъ насъ лучше?

— Оба вы, батюшки, хороши!—Нѣтъ, ты все-таки скажи, который изъ насъ лучше?—

Да оба вы, милые, хороши, только вотъ этотъ батюшка (указывая на Илью пророка), мнѣ кажется, немного косенёкъ....

— А! я косенёкъ! сказалъ Илья пророкъ, всталъ изъ-за стола и ушелъ.

Остался одинъ Николай угодникъ. Мужикъ опять обратился къ нему и говоритъ: вотъ тотъ батюшка ушелъ, такъ ты хоть выпей....

— Самъ выпей, да потомъ женѣ поднеси!

И напились мужикъ съ женою оба пьяные, а изъ полштофа все не убываетъ. Затѣмъ Николай угодникъ простился и ушелъ.

Прошло съ годъ времени; наступила опять весна, и оба брата засѣяли свои участки пшеницею. И такая у нихъ уродилась пшеница, что и не видано такой въ этой мѣстности.

Встрѣчается Илья пророкъ съ Николаемъ угодникомъ и говоритъ ему: я вѣдь завтра всю пшеницу у бѣднаго брата выбью градомъ....

— Воля твоя! отвѣчаетъ ему Николай угодникъ.

Когда они разошлись, приходитъ Николай угодникъ къ бѣдному. Тотъ въ это время поправлялъ на дворѣ телѣгу. И говоритъ ему: помогай Богъ!—Спасибо, добрый человѣкъ.

— Я къ тебѣ пришелъ.—Мужикъ взглянулъ и узналъ своего старичка-работника и говоритъ: пожалуй, батюшка, ко мнѣ въ избу откушать хлѣба-соли...—Нѣтъ, некогда. А ты вотъ что сдѣлай: сегодня же продай свою пшеницу брату...—Ахъ, дорогой мой! какъ же я могу продать такую пшеницу?

— Продай, говорю; завтра ее всю градомъ выбьетъ....

Мужикъ послушался, приходитъ къ брату и говоритъ: купи, братъ, засѣянную-то мою пшеницу!—А богатый очень радъ такой покупкѣ, и купилъ ее за 200 рублей. На другой день всю пшеницу положило градомъ.

— Не по праву, видно, купилъ я у тебя, братъ, пшеницу-то, сказалъ богатый.

Прошло нѣсколько времени, встрѣчаются опять Илья пророкъ и Николай чудотворецъ. Первый и говоритъ: я вѣдь всю пшеницу у бѣднаго выбилъ градомъ.—А знаешь-ли, говоритъ ему на это Николай угодникъ: бѣдный-то наканунѣ продалъ твою пшеницу богатому...—Ну, въ такомъ случаѣ я подниму ее завтра лучше прежняго....

Приходитъ опять Николай угодникъ къ бѣдному и говоритъ: ступай купи у брата побитую-то пшеницу.

Мужикъ приходитъ къ брату и говоритъ: — Продай, братъ, побитую-то пшеницу мнѣ за половинную цѣну!

Богатый согласился и бѣдный отдалъ ему сто рублей. На другой день пшеница поднялась и стала лучше прежней.

Сошлись опять Илья пророкъ и Николай угодникъ. Илья пророкъ и говоритъ: побитую-то пшеницу я поднялъ лучше прежней.—А знаешь-ли; бѣдный-то вѣдь купилъ у богатаго наканунѣ побитую пшеницу за половинную цѣну. — А! это ты сказалъ ему! Но за то я убавлю у него умолоту: онъ будетъ молотить только по пяти мѣрокъ съ овина....

Поспѣла пшеница, стали оба брата молотить. Богатый намолотилъ съ перваго овина сорокъ мѣръ, а бѣдный только пять.

Приходитъ къ бѣдному Николай угодникъ и спрашиваетъ: каковъ умолотъ?

— Худъ, батюшка, худъ! только по пяти мѣрокъ съ овина. — Глупый! ты какъ на овины-то садишь! Навѣрное полные, туго-на́-туго? А ты такъ сади: поставь въ уголки по снопику да на середину снопикъ и намолотишь тоже по пяти мѣръ.

Какъ научилъ угодникъ, такъ мужикъ и сталъ садить на овины, и намолотилъ въ десять разъ больше, чѣмъ богатый.

Встрѣчаются опять Илья пророкъ съ Николаемъ угодникомъ. Первый и говоритъ: я у бѣднаго умолоту-то убавилъ.—А знаешь-ли, какъ онъ овины-то садилъ? только въ уголки по снопику, да въ середину снопикъ....—А! это ты его научилъ! Не будетъ же по твоему а будетъ по моему: я изъ клѣти у него вытащу весь хлѣбъ....

Приходитъ Николай угодникъ къ бѣдному и говоритъ: ты кругомъ клѣти вырой канавку, да покропи клѣть святой водой...

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и пшеница осталась у него цѣла, и зажилъ онъ богато.

Наступилъ зимній праздникъ Николая угодника. Приходитъ онъ къ мужику и говоритъ: купи ты двѣ свѣчи, одну въ рубль, а другую въ 3 коп., и когда пойдешь въ церковь къ заутренѣ, то тебѣ встрѣтятся на дорогѣ два странника и спросятъ: кому поставишь свѣчи? Ты скажи: свѣчку въ рубль поставлю Ильѣ пророку, а другую Николаю угоднику.

Какъ велѣно, такъ мужикъ и сдѣлалъ, и что было сказано, то и случилось. Пришелъ онъ къ заутренѣ, а странники встали позади его. Николай угодникъ и говоритъ Ильѣ про-

року: видишь, онъ свѣчку въ рубль ставитъ тебѣ, а мнѣ поставилъ въ три копейки. Послѣ этого Илья пророкъ не посылалъ больше бѣдъ на мужика. [1]).

Сварба сыча.

Всѣ гости сошлись — собрались,
Одну совушку насилу дождались.
Пришла же сова—Елизарова кума,
Сѣла же сова на печной на столбъ.
Сычушка по полу похаживаетъ,
Стаканъ наливаетъ да совѣ подаетъ.
— Ужъ ты выпей-ка, Сова Елизаровна!
— Не потчуй, Сычъ Афанасьевичъ!
А что же ты, Сычушка, не женишься?
— Радъ бы я жениться—невѣсты нѣтъ
Взялъ бы я ворону—да тетушка,
Взялъ бы я галку—да божатушка,
Взялъ бы я сороку—щекотлива сука б...дь.
— Возьми-ка ты, Сычушка, меня за себя?
— А умѣешь ли, Совушка, ткать да прясть?
— Я не тку, не пряду, да не нáга хожу.
А умѣешь-ли, Сычушка, пашеньку пахать,
Пашеньку пахать, въ полѣ хлѣбъ засѣвать?
— Въ городѣ не пашутъ, да колачики ѣдятъ,
А въ деревнѣ-то орутъ, да все мякинушку жорутъ.

(*Замошской вол. Кадниковскаго у.*).

1. Перегудка.

— Братъ, здорово!—Брату челомъ!—Ты братъ, отколѣ?—Я изъ Ростова.—А что, говорятъ, въ Ростовѣ-то архіерей женится?—Вчерась я пошелъ, сегодня пришелъ; случилось мнѣ мимо ростовскаго архіерейскаго дома итти: стоятъ кареты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засвистали, поѣхали, не знаю куда.—А что, говорятъ, въ Ростовѣ бабы-то пшеницу на печкѣ посѣяли?—Вчерась я пошелъ, сегодня пришелъ, случилось мнѣ мимо ростовскихъ печей итти—жнутъ бабы пшеницу.—А что, говорятъ, въ Ростовѣ-то озеро сгорѣло?—Случилось мнѣ мимо Ростовскаго озера итти: щука да караси по лугамъ, язи да окуньё по елямъ, а плаваетъ ершишка-голышка, глазоньки покраснѣли, перышки подгорѣли.

2.

— Братъ, здорово!—Брату поклонъ.—Ты, братъ отколѣ?—Я, братъ съ базара.—Что на базарѣ?—Возы-то по возамъ, а деньги-то по мошнямъ.—А ты, братъ, чего купилъ?—Рѣшето гороху.—Это, братъ, добро.—А добро, да не больно.—А что?—Сталъ высыпать, да просыпалъ.—Это, братъ, худо.—А худо, да не больно.—А что?—Сталъ огребать да четверикъ нагребъ.—Это, братъ, добро.—А добро, да не больно.—А что?—А посѣялъ, да рѣдокъ.—Это братъ, худо.—А худо да не больно.—А что?—А рѣдокъ да стручистъ.—Это, братъ, добро.—А добро, да не больно.—А что?—А пришла попова тарлыга [2]), да все и съѣла.

3.

— Здорово, братъ Пантюха! -Здорово, братъ Сидорка!—Все-ли у васъ дома-то поздорово?—А все бы, братъ, поздорово, да одно, братъ, нездорово.—А что же?—Да вѣдь старшаго-то брата повѣсили.—За что его повѣсили-то?—Да за шею.—Да въ чемъ его повѣсили-то?—Въ старомъ буднишномъ кафтанѣ.—Да за какую винищу-то?—Походилъ въ церковицу, укралъ книгу стихарницу, махарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все бы еще ничего, да лѣшій сносилъ на колоколицу и спихнулъ тамъ кыркуна.—Вы Ивана-то Семеновича просили-бы.—Мы ужъ и то его просили, и ягодъ и брусницы носили, да не беретъ.

---

[1]) Ср. *Садовниковъ*: Сказ. и пред. Самар. края. № 91 и № 92. *Аванасьевъ*: Нар. рус легенды, 39. *Ред*
[2]) Корова.

Пѣсни, запис. Н. А. Иваницкимъ.

(*Тексты къ напѣвамъ, собраннымъ Мих. Мих. Куклинымъ*) *).

Къ № 1.

Какъ на тоненькой ледокъ выпадалъ бѣлой снѣжокъ...
Ѣхалъ Ванюшка дружокъ.
Ѣхалъ Ваня, поспѣшалъ, съ ворона коня упалъ.
Никто къ Ванѣ не бѣжалъ.
Тутъ дѣвицы увидали, скоро къ Ванѣ подбѣжали,
На коня его сажали;
На добра коня сажали, путь указывали
И наказывали:
Ты поѣдешь, Иванъ, по чужимъ городамъ,—
По полямъ-то поѣдешь, не засвистывайся,
Не веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся,
На хорошихъ, на пригожихъ не засматривайся.
Хорошія, пригожія баню высушили,
Сердце вызнобили;
Что повывели румянецъ изъ бѣлова изъ лица,
Изъ Ивана молодца,

Къ № 2.

Какъ на талую на землю выпала пороша.
Что по этой по порошѣ шелъ мальчикъ хорошій.
Не путемъ шелъ, не дорогой, чужимъ огородомъ;
Онъ чужимъ шелъ огородомъ, чужою межою.
Набираетъ, нажимаетъ комъ бѣлова снѣга,
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ дѣвушкѣ въ колѣни.
Нешути, бѣлой, кудрявый: мнѣ теперичене время,
Очень несвободно.
У батюшки гостятъ гости, у матушки гостьи;
У мила братца компанья, у меня—подружки.
Я съ тобою застоялась, подругъ растеряла;
Я подружекъ растеряла, тебя цѣловала.
(*Вологодск. у.*).

Къ № 3 (и 28).

Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ
Тутъ трава шелковая.
Въ этой травкѣ донской казакъ
На гитарѣ играетъ.
Разыгравшись, расплясавшись,
Сталъ невѣстъ выбирати.
— Хорошая, пригожая,
Поди, выдь за меня!
Не пойдешь ты—спокаешься,
Воспомянешь меня.
Пойду, схожу, про тя спрошу:
Какова есть она?
Сосѣдушки, собранушки,
Чего я у васъ спрошу:
Вы скажите, не солгите,
Какова есть она.
Сосѣдушки, собранушки
Всѣ хвалили тебя.
Благодарствуйте, сосѣдушки,
Что женили меня.
Прикажите же, сосѣдушки,
Повидаться мнѣ съ ней,
Повидаться, цѣловаться
Съ красной дѣвицей-душой.

Къ № 4.

Вдоль было по травонькѣ, вдоль по муравкѣ.
Тутъ ходитъ, гуляетъ удалой молодчикъ,
Кличетъ, выкликаетъ красную дѣвицу,
— Пойди, выйди, дѣвушка, за ворота
Со мной, со мной съ молодцемъ постояти,
Со со со удаленькимъ рѣчь говорити.
Что дѣвица къ молодцу выходила,
Что дѣвица съ молодцемъ говорила:
— Я тя, я тя, молодецъ обезчещу
При всемъ, при всемъ мірѣ, при народѣ.
Что дѣвица молодца оборола,
Пуховую шляпоньку съ кудрей сбила,
Русыя кудеречка растрепала,
Она, она синь кафтанъ изорвала,
Золотыя пуговки разстегала,
Козловы сапоженьки затоптала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ:
— Пойду, пойду матушкѣ попеняю:
На что, на что, матушка, спородила,
Несчастливой долюшкой надѣлила?
Меня, меня дѣвушка оборола.
Вдоль было по травонькѣ, вдоль по муравкѣ,
Что дѣвица къ молодцу выходила,
Что дѣвица съ молодцемъ помирилась:
Русыя кудеречка расчесала,
Пуховую шляпоньку надѣвала,

*) Къ нѣкоторымъ №№ напѣвовъ полные тексты, къ сожалѣнію, не записаны.

Золотыя пуговки застегала,
Она, она синь кафтанъ зашивала,
Козловы сапоженьки вытирала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ—взвеселился.
(*Волог. у.*).

Къ № 5.

Скажу матушкѣ: голова болитъ,
Худо можется, нездоровится.
Гулять хочется, гулять воли нѣтъ.
Я украдуся, нагуляюся,
Со милымъ дружкомъ повидаюся.
— Научи, милой, какъ домой ходить,
Про гульбу сказать про веселую.
— Ахъ ты, глупая, неразумная,
Ты по улицѣ сѣрой утицей,
Черезъ черну грязь—перепелочкой,
Широкимъ дворомъ—красной дѣвушкой,
Во высокъ теремъ—молодушечкой.
Я иду, иду къ широку двору:
Мой высокъ теремъ отворенъ стоитъ,
Мой постылый мужъ за столомъ сидитъ,
За столомъ сидитъ, хлѣбъ-соль трескаетъ.
— Тебѣ хлѣбъ да соль, мила ладушка!
Мой постылый мужъ вздогадается,
Вздогадается, подымается,
За шелкову плеть принимается.
Плетка свиснула, слезка брызнула,
Я и тутъ млада не взмолилася,
Свекру-батюшку поклонилася:
— Свекоръ-батюшка, отыми меня
Отъ лиха мужа, звѣря лютова.
Свекоръ-батюшка—не родной отецъ:
Велитъ больше бить, велитъ кровь пролить.
Плетка свиснула, кровь пробрызнула,
Я и тутъ млада не взмолилася,
Свекровь-матушкѣ поклонилася:
Свекровь-матушка, и т. д.
Плетка свиснула, кровь пробрызнула.
Вотъ я тутъ млада возмолилася,
Милой ладушкѣ поклонилася:
Милый ладушка, ты прости меня!
Виновата я, глупо сдѣлала,
Глупо сдѣлала, тя прогнѣвала.
Тебѣ полно бить, станемъ въ мирѣ жить!

Къ № 6.

Леталъ голубь, леталъ сизый со голубушкою,
Удалой молодецъ съ красной дѣвушкою.
Кабы эта-то голубушка у голубя была!
У голубя, у голубя золотая голова,
У голубушки моей позолоченная,
Разнымъ шелкомъ перестроченная,
Алымъ лентамъ перевязанная.
Кабы эта красна дѣвица у молодца жена!
Всю бы золотомъ усыпалъ, жемчужкомъ унизалъ.
Я бы лѣтнею порою во каретѣ все возилъ,
Я бы зимнею порою на ямскихъ лошадяхъ,
На ямскихъ лошадяхъ, на казанскихъ саняхъ.
А на кучерѣ кафтанъ самолучшаго сукна,
На дѣвицѣ сарафанъ хорошо очень убранъ.

Къ № 7.

Что со вечера цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебряная;
Горитъ, горитъ, перегарываетъ,
Молодчикъ дѣвушку обманываетъ (2)
Меня младу переманиваетъ.
— Ужъ ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, съ высокова.
Что на улицѣ свѣтлешенько,
Въ переулочкѣ сухошенько.
Что башмачки-то не топчутся
И чулочки не мараются.
Подойду къ милу скорешенько,
Трону милаго легошенько,
Поцѣлую размилешенько.
(*Волог. у.*).

Къ № 8.

Я вкругъ келейки хожу,
Я вкругъ новенькія,
Вкругъ сосновенькія,
Млада старца бужу:
— Ужъ ты, старецъ, встань,
Спасеная душа, встань!
Къ тебѣ дѣвица идетъ,
Да штофъ рому несетъ,
Что напиться велитъ,
Позабавиться.
— Ужо встать было мнѣ,
Поломать костей
Для милыхъ гостей,
Для товарищей.
— Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія,
Ужъ я старицу бужу:
— Ужъ ты, старица, встань,
Спасеная душа, встань!
Встань, къ заутренѣ звонятъ,
На расходъ говорятъ.
Люди молятся,
Черти возятся.
Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.
— Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ!
Не могу я встать,
Головы поднять.
Голова моя болитъ,
Сердце ключи комъ кипитъ. (*Ср. выше стр. 70*).

Къ № 10.

Какъ на горѣ калина,
Подъ горою малина.
Тутъ дѣвушка гуляла,

Калинушку ломала,
Во пучечки вязала,
Въ молодчика бросала.
— Ты, молодчикъ молодой,
Неженатой—холостой,
Возьми меня за себя,
Ужъ я тебѣ удружу:
Пару коней подарю,
Еще вдвое удружу —
Съ руки перстень подарю,
Еще втрое удружу —
Поцѣлую, обойму.

Къ № 11.

Люди, вы люди, вы на насъ взгляните,
Съ хозяйкою разсудите.
Женушка не любитъ,
Радость ненавидитъ:
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.
Куплю женѣ фатку, куплю коноватку.
— Прими, жена, фатку, прими коноватку,
Прими же не чванься, мною не ломайся!
— Мнѣ не надо фатку, не надо коноватку,
Тебя, пана, не люблю, молодого нетерплю.
Саду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.
Куплю женѣ плетку, плетку троехвостку.
Прими, жена, плетку, прими шелковую,
Прими же, не чванься, мною не ломайся!
Люди, вы люди, вы на насъ взгляните,
Съ хозяйкой похвалите:
Женушка любитъ, радость и навидитъ:
Къ людямъ ходитъ плечикомъ,
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.

(*Вологодск. у.*).

Къ № 14.

Отдаютъ молоду за рѣченьку за Неву,
Во горенку во нову, во семеюшку малу:
Только свекоръ да свекровь,
Да четыре деверька,
Двѣ золовушки, да двѣ тетушки.
Какъ меня младу ведутъ,
Тутъ-то свекоръ говоритъ:
— Намъ медвѣдицу ведутъ.
А свекровь-то говоритъ: людоѣдицу ведутъ.
А деверья говорятъ: разорядомку ведутъ.
А золовки говорятъ, что неряху ведутъ.
А тетушки говорятъ: не-ткаху, не-пряху,
Не-швею, не-бѣлею.
Шесть недѣль прошло, говорить можно.
— Свекоръ-батюшка, позволь
Слово выговорить:
Свекоръ-батюшка, медвѣдицы
Во темномъ лѣсу живутъ,
Людоѣдицы, свекровушка,
Во верлогѣ лежатъ.
Ужъ вы, братцы-деверьки,
Ваши жены таковы.
А золовушки, вы голубушки,
Когда замужъ выйдете, таковы же будете.
А вы, тетушки, вы, лебедушки,
Вы сидите на печѣ, на девятомъ кирпичѣ,
Не судите, не рядите, не указывайте!
А какъ милая-то лада
Подъ полатями сидитъ,
Искоса глаза глядитъ.
— Ты косись, не косись,
Я не больно боюсь.
Шелковую плеть схватилъ,
Мое тѣло обварилъ.
Ужъ какъ я ли молода да не робкая была,
Плеть-то выхватила, его выварила.
Праву руку отвела, въ лѣву щеку подала,
А лѣвую отвела да въ правую подала,
За русы кудри взяла,
Къ сырой землѣ пригнела:
— Ужъ ты кланяйся пониже,
Говори со мной потише.
Ужъ какъ мужняя гроза—
Наплевать ему въ глаза;
Ужъ какъ мужніе побои—
Наплевать ему поболѣ.

(*Вологод. у.*).

Къ № 15.

Когда я была млада,
Не учила мать меня;
Когда выросла большая,
Свою волю нажила;
Свою волю нажила,
Полюбила писаря.
Писаречекъ невеличкъ
Не велитъ худо ходить.
— Ходи, милая моя,
Пока волюшка своя,
Пока волюшка своя,
Не покрыта голова:
Покроется голова,
Вся минуется гульба,
Вся минуется, рѣшится
Вся дѣвичья красота.

(*Никольск. у.*)

Къ № 17.

Ужъ ты, Васенька, Васильюшка,
Зачѣмъ, Вася, упиваешься,
По торгамъ ходишь валяешься?
До Василья цѣловальнички добры:
До улегу зеленымъ виномъ поятъ,
Безъ разсчету золотой казной дарятъ.
Сняли съ Васеньки нанковый халатъ,
Со рѣзвыхъ ножекъ козловы сапоги,
Нельзя Васенькѣ домой пройти.
На пути Васи сударушка живетъ,
По часту Василья въ гости зоветъ.
— Приди, Вася, погости у меня!

У меня про Васю пиво варено,
У меня пивушко мартовское,
Зелено вино макарьевское,
Сладка водочка анисовая,
Тесова кровать расписанная,
Красна дѣвица унизанная,
Жемчужкомъ она усаженная.

(*Волог. у.*).

Къ № 18.

Научить-ли тебя, Ваня,
Какъ ко мнѣ ходити?
Ходи лѣтнею порой ты тропиночкой,
Ходи зимнею порой переулочкомъ.
Ты не тросточкой стучи, соловьемъ свисти.
Соловьемъ свисти, Ванюша,
Снѣгу комъ нажми.
Снѣгу комъ нажми, Ванюша,
Въ стѣну броси,
Чтобы я молода сдогадалася,
Со бесѣды домой собиралася.
Я подружкамъ скажу: меня домой зовутъ;
Родной маменькѣ скажу: голова болитъ;
Родну батюшкѣ скажу, что я вся больна;
Къ тебѣ, миленькой, приду
Здоровешенька.

Къ № 19.

Я гуляла во саду
Да ломала вишни,
Выбирала жениховъ
Все себѣ по мысли:
Чтобы трубки не курилъ,
Табаку не нюхалъ,
Другихъ дѣвокъ не любилъ,
Все меня бы слушалъ.

Къ № 20.

Ужъ мнѣ надобно сходити
До зелена луга,
Тамъ мнѣ надо повидати
Сердешнова друга;
Его надо мнѣ позвати
Къ себѣ ночевати.
Какъ вечоръ ко мнѣ младенькѣ
Прилеталъ голубчикъ.
Какъ садился голубочекъ
На мой теремочекъ,
Съ моего-то теремочка
На красно крылечко,
Со краснова со крылечка
На мое окошко.
Въ первомъ часѣ полуночи
Меня милой будитъ:
— Встань, красавица моя,
Отъ сна пробудися!
Я пришелъ къ тебѣ во первыхъ
Отворяй мнѣ двери!
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко!
Я съ кроваточки вставала,
Двери отворяла,
Новы двери отворяла,
Милаго встрѣчала,
За бѣлыя руки брала,
Въ уста цѣловала,
За убранный столъ садила,
Чаемъ напоила,
Чаемъ, кофеемъ поила,
Дружку говорила:
— Какъ поѣдешь, моя радость,
На чужу сторонку,
Тамъ во дальной во сторонкѣ
Ты много не хвастай.
На то мальчикъ разсердился,
Со мной разбранился;
Онъ ударилъ ручкой въ столикъ.
Полно, милый, вздорить!
Пошелъ стукъ, пошелъ брякъ
По моей по спальнѣ.
Что про это про несчастье
Всѣ люди узнали;
Всѣ дворовые узнали,
Маменькѣ сказали.
Посылаетъ ко мнѣ мать
Вѣрную служанку,
Свою вѣрную служанку,
Мою супостатку.
— Сударыня-барышня,
Что съ вами случилось?
— Сѣра кошечка скочила,
Зеркальце разбила;
Она зеркальце разбила,
Меня разбудила.

(*Волог. у.*)

Къ № 22.

Ты луговка моя луговая,
Гдѣ же ты была, побывала?
— Ужъ я была, побывала —
Ужъ я была во лѣсочкѣ,
Въ чистомъ полѣ подъ кусточкомъ,
Подъ лавровенькимъ листочкомъ.
Тутъ шли-прошли двое удалые,
Два школярика, оба молодые.
Они срѣзали по прутточку,
Они сдѣлали по гудочку.
Ужъ вы, гудки мои, не гудите,
Вы меня молоду не будите:
Ужъ я млада сговорена,
Сговорена я млада, пропоена.
Пропоила матушка родная
За такого дѣтину холостого,
Въ невеселую деревеньку,
Не въ согласную семейку,
Не за ровнюшку дѣтинку.

Къ № 23.

Какъ на нашей на сторонкѣ
Хороша угода,
Что хорошая угода—

Хорошъ хмель родился,—
Вкругъ колышка вился;
Вился, вился, увивался,
Кверху подымался.
Прутье, вичье золотое,
Серебряны листья,
Жемчужныя кисти.
Я пойду-ли молоденька
Въ зеленъ садъ гуляти,
Хмелю пощипати.
Нащиплю я млада хмелю,
Хмелю садовова;
Наварю я млада пива,
Пивушка пьянова.
Позову я въ гости гостя,
Гостя дорогова,
Батюшку роднова.
Ко мнѣ батюшка-то будетъ
Не долго пробудетъ:
Одну ноченьку ночуетъ,
И ту протоскуетъ,
По новымъ сѣнямъ проходитъ,
Въ окошко просмотритъ,
Бѣла свѣта дожидаясь.
Итти снаряжаясь.
Домой батюшка собрался,
Меня оставляетъ
На чужой дальней сторонкѣ
Горе горевати,
Тоска тосковати.

Къ № 24.

Посѣяли дѣвки ленъ
Посѣяли, пололи, бѣлы ручки кололи.
Повадился воленокъ молоденькій щеголекъ,
Со льну цвѣты сорывалъ, въ Дунай-рѣчку побросалъ,
Въ Дунай-рѣчку побросалъ, Дунай-рѣчкѣ наказалъ:
Дунай-рѣчка, не примай, ко бережку прибивай,
Ко бережку крутому, ко маіорову двору.
У маіора на дворѣ разыгрался конь въ уздѣ,
Копытечкомъ землю бьетъ...
Прибилъ землю до песка, до сырова камешка.
Изъ камешка огня нѣтъ, въ своей женѣ правды нѣтъ,
Въ своей женѣ правды нѣтъ, въ чужой женѣ правда есть
Своей женѣ лапотки, чужой женѣ башмачки.
Носи, жена, не теряй, по праздничкамъ надѣвай,
По праздникамъ годовымъ, по маслянкамъ по частымъ.
Поносишь, такъ убирай—въ ящичекъ запирай.
(*Вологодск. у.*).

Къ № 25.

Не летай соловей при долинѣ,
Ты не вей гнѣзда при осинѣ,
Ты совей гнѣздо при теремѣ,
Что въ которомъ теремочкѣ дѣвица сидѣла,
Дѣвка шила коверъ, вышивала,
Шивучи, красна дѣвица рѣчь говорила:
Что кому этотъ коверъ достанется?
Доставался коверъ стару мужу,
Доставался стару мужу негодяю.
Я могу этотъ коверъ пріубавить
Что со веѣхъ-ли сторонъ по узору,
Шитобраному узору, золотому *).
Доставался коверъ ровнѣ—мужу.
Я могу этотъ коверъ принаставить
Что совсѣхъ-ли сторонъ по узору,
Шитообраному узору золотому.

Къ № 26.

Я по горенкѣ ходила,
Я по новенькой гуляла;
Не въ трубу-ли я (2), не во трубоньку-ль трубила?
Все бы я со милымъ,
Все бы я со любезнымъ,
Все бы я съ милымъ, все бы со любезнымъ,
Все бы я съ милымъ говорила.
Другъ мой милый, другъ любезный,
Дружокъ милый чернобровый,
Душа радость!
Не садись, другъ, противъ меня,
Противъ меня на колѣни.
Люди скажутъ, люди молвятъ:
Любишь меня.
Ежли ты любишь, другъ, скажися;
Ежели не любишь, откажися.
Ты скажися, разскажися,
Чьего роду.
Ужъ я роду не простова,
Не простова—княжескова.
Княжеской сынъ въ гусли играетъ;
Онъ меня дѣвицу, онъ меня красную
Спотѣшаетъ:
— Быть тебѣ, дѣвица, быть тебѣ, красная,
Быть тебѣ за мною.
Предо мною слыть женою,
Госпожою!

Къ № 27.

Груня (5), ягода моя!
Какъ повадилась Груняша часто по воду хо дить,
На задворкѣ воду лить, къ Алексѣю заходить,
Къ Алексѣю заходить, Алексѣюшка будить:
— Встань, Алеша (2), встань, хорошій, пробудись,
Встань, хорошій, пробудись, на меня-то не сердись.
Я во дѣвушкахъ жила, не сердитая была;
Въ молодушкахъ я жила, такъ забота забрала,
Заботушка забрала, Алексѣя любила.
Я заплачу, зарыдаю, Алексѣя вспоминаю.

*) Затѣмъ поется съ начала до слова: «достанется».

Какъ у Груниныхъ воротъ стоитъ озеро воды;
Молодецъ коня поилъ, и т. д.

Къ № 28 -см. № 3.

Къ № 29.

Затыню, затыню рѣчку быструю,
Загоню, загоню голубя съ голубушкой.
Голубь-то у насъ—свѣтъ Иванушка,
Сизый-то у насъ—свѣтъ Ильичъ съ Ѳомина;
Голубушка при немъ—Поликсенушка,
Сизая при немъ—свѣтъ Викторовна.
Свидятся они да поклонятся,
Сойдутся они—поцѣлуются.

Къ № 30.

Полно-те, ребята,
Чужо пиво пити!
Не пора ли намъ, ребята,
Свое заводити?
У насъ солоду довольно,
Хмелю того больше.
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмель на калинѣ.
Калинушка къ землѣ гнется,
А хмѣлюшка вьется.
Не свивайся, калинушка,
Съ шелковой травинкой,
Не свыкайся, дѣвченушка,
Съ молодымъ мальчишкой!
(*Грязовецк. у.*)

Къ № 31.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Ужъ какъ во лузяхъ зеленыхъ, во лузяхъ,
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые,
Понесли духи малиновые.
Ужъ я ту траву (3) выкошу косой,
Ужъ я той травой (3) выкормлю коня.
Наряжу коня (3) въ золоту узду,
Подведу коня (3) я ко батюшку:
— Ужъ ты, батюшка, родимой мой,
Не отдай меня за стараго замужъ!
Стараго (3) я терпѣть не могу,
Я со старымъ гулять нейду.
Ты отдай меня за ровнюшку!
Ужъ я ровнюшку на смерть люблю,
Я со ровнюшкой гулять пойду.

Къ № 32.

Заинька, по сѣнечкамъ гуляй, таки гуляй,
Сѣренькой, по новымъ разгуливай, гуляй!
Некуда зайчику выскочити,
Некуда сѣрому выглянути.
Трои ворота крѣпко заперты стоятъ,
А у каждыхъ у воротъ по три сторожа сидятъ,
По три сторожа сидятъ, по три дѣвицы стоятъ:
Первая въ камкѣ, другая въ тафтѣ,
А моя-то любезная во всемъ золотѣ.
Не хочу камки, не хочу тафты,
Хочу ситчику полосатенькаго,
Люблю дѣвицу тароватенькую.

Къ № 33.

Мы наваримъ пива, зеленова вина.
Что у насъ будетъ въ этомъ пивѣ?
Всѣ вмѣстѣ сойдемся, всѣ мы разойдемся (*).
Всѣ мы испосядемъ, посидимъ да встанемъ (*).
А мы въ этомъ пивѣ всѣ мы исполяжемъ.
Всѣ мы исполяжемъ, полежимъ да встанемъ (*).
А мы въ этомъ пивѣ всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ пива напьемся, всѣ мы разойдемся!

Къ № 35.

По горамъ, по горамъ,
Я по горамъ ходила,
Все цвѣты (3) видѣла.
Нѣтъ цвѣтка (3) милова,
Нѣтъ цвѣтка милова,
Моего любимаго.
По двору, по двору,
Я по двору ходила,
Всѣхъ коней (3) видѣла.
Нѣтъ коня (3) сивова,
Нѣтъ коня сивова,
Моего любимаго.
По сѣнямъ и т. д.
Всѣ шубы (3) видѣла
Нѣтъ шубы (3) тисетовой:
По горницѣ и т. д.
Всѣхъ гостей (3) видѣла.
Нѣтъ гостя (3) милаго,
Нѣтъ гостя милаго —
Батюшки родимаго.
Али мнѣ, али мнѣ
Посылать было некого?
Али мнѣ, али мнѣ
Позвать было не къ чему?
Видно мнѣ, видно мнѣ
Позвать было некого:
Нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ
Батюшки родимаго.
(*Волог. у.*)

Къ № 36.

Какъ за нашимъ за дворомъ,
За зеленымъ за садомъ
Росла трава шелкова.
По той травѣ пава шла;
За павою павъ летѣлъ,
Кричитъ: пава ты моя!

(*) Послѣ этого опять сначала.

— А я, сударь, не твоя—
Родимова батюшки,
Родимыя матушки.
(*Волог у.*)

Къ № 39.

Въ лужкахъ дѣвушки гуляли,
Забавные цвѣты рвали;
Онѣ рвали, сорывали,
Во вѣночки завивали,
На головки надѣвали,
Сами себя украшали,
Итти домой опоздали,
Подъ кусточкомъ ночевали.
Гдѣ охотнички гуляли,
Тутъ собаки набѣжали,
Меня младу напужали.
На ту пору, на тотъ часъ
Наѣзжалъ милой на насъ,
Со добра коня слѣзалъ,
Коня къ дубу привязалъ:
— Здравствуй, дѣвушка!—сказалъ.
Дѣвка парню говорила:
— Одного тебя любила.
Лицо бѣло пріоткрыла,
Лицо бѣло припотѣло,
Разгуляться захотѣло.

Къ № 40.

Соловей молодой,
Ты не пой-ка, не пой
Ранехонько весной,
Не пой шибко, не пой громко,
Не столь тошно будетъ молодцу,
Не столь тошно, не столь горько,
Самъ не знаю почему.
Только знаю, что по ней
По любезной по своей.
Что моя-то любезная
Удалилась отъ меня,
Удалилась, отошла
За четыре ровно ста;
За четыре за пятьсотъ,
За двѣнадцать городовъ;
За двѣнадцать, за тринадцать,
Въ славный городъ во Москву.
Во Москвѣ мальчикъ гуляетъ,
Извозчичка нанимаетъ;
Извозчичка не нашелъ
Самъ заплакалъ да пошелъ;
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Ко товарищу зашелъ.
Ты, товарищъ, братецъ мой,
Посовѣтуемъ со мной
Вмѣстѣ къ любушкамъ пошлёмъ.
Какъ намъ стараго послать?
Старъ не дойдетъ до двора,
Какъ намъ малаго послать?
Онъ не знаетъ, что сказать.
Какъ намъ ровнюшку послать?
Онъ охочъ шельма гулять.
(*Печенга, Тотем. у.*)

Къ № 41.

Выйду за ворота, посмотрю далеко
Тамъ горы высоки, озера глубоки.
Въ этихъ озерахъ живетъ рыба щучка
Бѣлая бѣлужка.
Невода закину, живу рыбу выну.
Куда поприсѣсти живу рыбу чистить?
Сяду—поприсяду ко зелену саду;
Еще поприсяду на дольну долинку,
На лѣтнюю тропинку.
Куда милъ не пойдетъ, меня не обойдетъ,
Въ саночки посадитъ, городомъ прокатитъ;
Въ лавочку посадитъ, торговать заставитъ.
(*Волог. у.*)

Къ № 42.

Матушка, тошненько,
Государыня, боярыня, печально!
Съ роду я такова не бывала,
Меня грусть—тоска обуяла,
Обуяла, обуяла, одоляла.
Всю я ноченьку млада не спала,
Я не спала, не спала, не сыпала.
У тесовыя кровати простояла,
Соболино одѣяло продержала.
Я изъ горницы въ горницу ходила,
Изъ окошка въ окошко смотрѣла;
Я къ любимому комоду подходила,
Я любимый комодикъ отпирала,
Отпирала, отпирала, отворяла;
Я побольше графинчикъ вынимала,
Я любимый стаканчикъ доставала,
Пополнѣе я его наливала,
Я любезному дружку подносила,
Любезному своему говорила:
Ужъ ты выпей-ка, выкушай, надежда,
Ужъ ты выпей-ка, выкушай, не чваныся,
Надо мною молодой не ломайся.
Ужъ я батюшку роднова обманула,
Ужъ я матушку родную сомутила:
Я во гости ихъ снарядила,
Любезнóва своего угостила.
Ужъ какъ я ли млада сговорёна,
Сговорёна я млада пропоёна.
Пропоила меня матушка родная,
Что во дальну пропоила деревеньку,
Въ незнакомую меня семейку,
За того ли за дѣтину холостóва,
Не того, кого я въ дѣвушкахъ любила.
Не того, кому я перстень подарила.
(*Вологодск. у.*)

Къ № 44.

Ахъ ты воля наша, волюшка!
Отъ весны воля до осени,
А на осень воля откажется,

Будетъ большое солдатствіе,
Большое, превеликое,
На три города губернскіе:
На первой городъ на Бирженской,
На второй городъ Сереговской,
А на третью славну Вологду,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ
Повезли нашихъ ребятушекъ,
Забрѣвать стали головушки,
Накидать стали фуражечки,
Надѣвать стали шинелюшки,
Что шинелюшки солдатскія.

Къ № 45.

Я вечоръ молода во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ
Не у батюшки, не у матушки—
У мила дружка, у Иванушка.
Я не медъ пила и не полпива,
Я пила молода сладку водочку,
Сладку водочку да наливочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,—
Изъ полна ведра черезъ край до дна.
Я и тутъ млада не пьяна была:
Ужъ я лѣсомъ шла — не шаталася,
Ужъ я полемъ шла—не валялася,
По двору я шла—пошатилася,
За {вереюшку ухватилася.
Верея ли ты моя, вереюшка,
Подержики-ка ты бабу пьяную,
Бабу пьяную, жену похмельную!
Я гулять пошла—обрядилася;
У меня въ дому все поприбрано:
Суды вымыла—во щи вылила,
Порогъ вымыла—въ горохъ вылила,
Полы вымыла—въ квашню вылила,
Косяки скребла - пироги пекла.

Къ № 46.

Какъ по лугу, лугу, зеленому лугу
Ходила, гуляла, думала, гадала,
Все я про милòва, все про дорогòва,
Не сегодня—завтра ко мнѣ милый будетъ,
Ко мнѣ милый будетъ, меня не забудетъ.
Принесетъ мой милый дороги подарки,
Дороги подарки—кумачу, китайки,
Куницы, лисицы, еще соболицы.
Буду шубу шити, соболемъ пушити.

Къ № 47.

Недоноскомъ меня матушка родила,
Недоросточкомъ споженила.
Взяла женушку переростку,
Назвала жена мужа негодяемъ.
Начала жена мужа колотити,
По три утра безъ хлѣба морити.
— Ужъ ты маленькимъ не родися,
Ужъ ты глупенькимъ не женися!
Негодяй, негодяй, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ въ лѣсъ за малиной,
За второй ягодой смородиной.
Привязала жена мужа къ березѣ:
Что на первый денекъ не бывала,
На второй-отъ день прогуляла,
На третій-отъ день побывала.
— Каково тебѣ, мужъ, у березы!
Каково, негодяй, у зеленой?
— Сударыня жена, некорыстно!
Тѣло бѣло комары искусали,
Буйну голову вороны исклевали.
— Отпусти, негодяй, меня въ гости,
Отпусти, негодяй, на недѣльку!
— Сударыня жена, хоша на двѣ.
— Отпусти, негодяй, на лошадкѣ!
— Сударыня жена, хошь на тройкѣ.
— Отпусти, негодяй, на телѣжкѣ!
— Сударыня жена, хоть въ коляскѣ.
— Опусти, негодяй, черезъ поле!
— Сударыня жена, хоша за два.
Отвязала жена мужа отъ березы.
Ужъ какъ началъ мужъ жену толочити,
По пенью, по коренью волочити,
Назвала жена мужа Филаретомъ.
— Филаретъ, Филаретъ, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ вмѣстѣ, станемъ жить хорошенько!

Къ № 48.

Эко сердчико, эко бѣдное мое!
Полно, сердце, во мнѣ нити, изнывать,
Моему-то сердцу спокою не видать!
Съ безпокойчику-то приключается болѣсть:
Что болитъ-то, болитъ буйна голова;
Не глядятъ на свѣтъ веселые глаза,
Днемъ не видятъ съ неба солнечныхъ лучей;
Изъ лучей-то подымается туманъ,
Изъ туманику частый дождичекъ пошелъ.
Дождь прибилъ, примочилъ шелковую траву;
Легла травонька подъ самый корешокъ.
Не беретъ травы славна рижская коса;
Сѣно косила красна дѣвица душа;
Изъ бѣла-то лица выступали румянá.
Сѣнокосъ-отъ ей на умъ-разумъ нейдетъ,
Миткалиная рубашечка къ тѣлу льнетъ.

Къ № 49.

Я вечоръ дружка милóва унимала ночевать:
— Ты ночуй, ночуй, любезный, ночуй ночку у меня!
— Радъ—радешѐнекъ остаться, боюсь до свѣту просплю...
— Ты не бойсь, не бойсь, любезный, до зорюшки разбужу.
До утряныя зорюшки я далеко провожу.
Я до тѣхъ мѣстъ провожала, гдѣ скончалася любовь,
Гдѣ скончалась, разставалась, слезно плакала по немъ.
Слезно плакала, рыдала, со слезъ рѣчка протекала;

Протекла рѣчка Казанка, не широка, глубока;
Не широкая, глубока, перевозу на ней нѣтъ;
Хотя еся, да не здѣся одинъ легонькой стружокъ.
Я на бережку стояла, руки къ сердцу прижала.
Прижамши руку къ сердечку, грудью пала на воду.
На водѣ рѣчь говорила: — отъ тебя, злодѣй, тону!
Отъ тебя ли, отъ себя ли, отъ любови отъ своей,
Отъ невѣжности твоей.

Къ № 50.

— Экой Ваня, разудала голова,
Разудалая головушка твоя!
Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня!
Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать?
Съ кѣмъ прикажешь лѣто теплое гулять?
— Гуляй, моя милая, одна,
Я уѣду жить во дальни города,
Я уѣду, не пріѣду никогда.
Экой Ваня разбезсовѣстный такой!
Что-жъ ты, Ваня, сдѣлалъ надо мной!
Ты оставилъ ни дѣвицей ни вдовой,
Ты оставилъ меня горькой сиротой.

Къ № 51.

Голубь, голубочекъ, мой сизый воркуночекъ,
Зачѣмъ, гуленька, въ гости не летаешь,
Развѣ домичка моего не знаешь?
Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относитъ,
Златокрылаго частымъ дождемъ мочитъ.
Какъ не ласточка къ землѣ принадала,
Я милова дружка въ гости дожидала,
Его вѣсточку-вѣстку перенимала.
Мой-отъ миленькой сидитъ въ засадѣ,
Что во каменной, каменной палатѣ,
Какъ во каменной, въ темной заключенной.
Что во этой ли во этой палатѣ
Нѣтъ дверей въ ней, нѣту и окошекъ,
Что ни маленькихъ, мелкихъ протесокъ;
Одна печенька, печка муровая,
Одна трубонька, трубка выкладная.
Какъ отъ трубоньки чадикъ вививался,
Какъ у милова сердце занываетъ,
Оттого и голоса его не слыхаютъ.

Къ № 52.

Зеленая рощица всю ночь прошумѣла,
А я молоденька всю ночь просидѣла.
Сидѣла да пряла, меня въ гости звали,
Звали, посылали къ сосѣду въ бесѣду
Пива-меду пити, зелена вина курити.
Пріѣзжали трое на вороныхъ коняхъ,
Въ дорогихъ уборахъ: шапочки съ углами,
Молодцы съ кудрями, гусары съ усами.
Мой милой хорошій, бѣлой кудреватой,
Холостъ не женатой.
Онъ къ коню подходитъ, конь-отъ выходитъ,
На коня садится—конь подъ нимъ бодрится,
Плеточкою машетъ—конь-отъ подъ нимъ пляшетъ,
Плеточкой щелкаетъ—конь подъ нимъ играетъ.
Къ саду подъѣзжаетъ—садикъ зеленѣетъ;
Садикъ зеленѣе—дѣвка веселѣе,
Цѣловать милѣе.

Къ № 54.

Весной дѣвушки гуляли
Въ хороводѣ на лужку,
Дѣвки пѣсенку запѣли,
Милый жалостно внималъ.
Милый жалостно внимаетъ,
Рѣчь забавну говоритъ;
Что такую забавную—
Деревеньку все бранитъ:
Ты деревня Ярославля,
Зачѣмъ сушишь молодца?
Не деревня парня сушитъ,
Сушитъ Аннушка душа.
Сушитъ Аннушка милая,
Уродилась хороша:
Лицо бѣло, щеки алы,
Развеселые глаза,
Ты судьба-ль моя милая,
Выйди замужъ за меня!
Ты душа-ль моя, молодчикъ,
У меня воля не своя.
Не своя то воля—батюшка,
Воля матушки моей.
— Ты душа красна дѣвица,
Ты не сказывай отцу;
Ты не спрашивай отца,
Распотѣшь ты молодца,

Къ № 56.

Край дорожки, край широкія было московской,
Тутъ стояла зеленая роща.
Что въ этой-то было во рощѣ
Тутъ стояла зелена елинка,
Распрекрасная въ саду деревинка.
Что на этой было на елинкѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидитъ-то птичка—пташка вольная,
Горе—горькая сидитъ коаушка
Не кокуетъ, а все она горюетъ,
Жалобнешенько пташка причитаетъ,
Подъ елинушку сама взираетъ.
Подъ елинушкой лежитъ дѣтушка,
Не убитъ онъ лежитъ, не застрѣленъ
Вострымъ копытцомъ душа исколотъ.
Буйная головушка вся исприломана
Его ноженьки вдоль дороженьки,
Буйная головушка въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ возговорилъ душа дѣтинка:
— Ахъ ты матушка моя елинка!
Опусти-ка ты свое прутье — вѣтье,

Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Чтобы звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дождичкомъ тѣло не мочило,
Да и солнышкомъ тѣло не сушило.
(*Вологодск. у.*).

Къ № 57.

Полно, солнце, полно, красно,
Изъ-за лѣсику свѣтить!
Полно, дѣвка, полно, красна,
По молодчикѣ тужить!
Какъ мнѣ дѣвкѣ, какъ мнѣ красной
Какъ не плакать, не тужить?
Мнѣ такого то дѣтинушки во вѣки не нажить.
Мнѣ ни ростомъ, ни красой.
Всей поступкой (2),
Молодецкой форсотой.
Зарябѣла (2) къ намъ въ окошечко вошла,
Саша съ Машей (2) незваны въ гости пришли.
Праву ручку (2) я въ окошко подала,
Увѣряла молодца,
Увѣрявши, говорила, чернобровымъ назвала.
Чернобровый, черноглазый, расхорошій милый мой,
Намъ недолго (2) во любви съ тобой пожить;
Тебя женятъ (2), меня замужъ отдадутъ.
Отдадутъ молоду за немилова дружка,
За немилова дружка, за постыла женишка.

Къ № 58

Ваня—Ключникъ.

Въ каменной-то Москвѣ, у князя у Волконскаго,
Тутъ живетъ-то, поживаетъ Ваня—клюшничекъ,
Молодыя-то княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ, князь не вѣдаетъ.
На третій-то на годочекъ князь довѣдался
Черезъ ту ли черезъ дѣвушку черезъ сѣнную,
Черезъ сѣнную, да черезъ самую послѣднюю.
Закричалъ же князь Волконскій зычнымъ голосомъ:
— Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню клюшника.
И сталъ же князь Ванюшу да выспрашивати:
— Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?
На первой-отъ разъ Ванюша не покаялся.
Онъ выспрашивалъ Ванюшу ровно три часа.
Что и тутъ-то нашъ Ванюша не покаялся.
Закричалъ же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
— Вы слуги ли мои, слуги, есть ли вѣрные?
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный дворъ!
Повели же вѣдь Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушкѣ сибирочка пошумливаетъ,—
Александрійская рубашка ровно жаръ горитъ,
Козловы новы сапожки поскрипываютъ.
У Иванушка кудеречки разсыпаются,
А идетъ-то самъ Ванюша усмѣхается.
Привели же вѣдь Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывати:
Александрійская рубашка съ тѣломъ сметана,
Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные,
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты баринъ ли нашъ, баринъ, ты Волконскій князь!
Поставлено зелено вино—кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки—кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то со княгиней было пожито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было попито,
Приготовленныхъ закусочекъ покушано.
Закричалъ же кн. Волконскій громкимъ голосомъ.
— Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите вы два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую
И повѣсьте тутъ Иванушка измѣнника,
Молодыя, то княгини полюбовника!
Что Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня во теремѣ кончается.
(*Несвойское, Волог. у.*)

Къ № 59 см. № 42.

Къ № 60.

Запилъ Ваня, Ваня загулялъ,
Самъ головушкой Ваня покачалъ,
Два словечушка тайныя сказалъ:
Заростайте-ка всѣ пути - дорожки,
Сюда незачѣмъ Ванюшкѣ ходить,
Здѣсь и некого парню полюбить.
Какъ услышала это любезная:
Полюблю я съ горюшка, съ досады
Расхорошаго себѣ молодца.
Не отстану я любить его стану,
До замужьеца его, до вѣнца.
Распроклятое ваше житье бабье,
Расхорошее въ дѣвушкахъ житье!
Ужъ мы выспимся дѣвушки досыта,
Нагуляемся дѣвушки долюба.

Къ № 61.

Вились, вились кудеречка,
Вились кудри, завивались,
Что заслышали кудеречка
Про себя бѣду - несчастье—
Поголовное солдатство.
Пристоялъ я рѣзвы ноженьки
На солдатскомъ караулѣ,
Примахалъ я бѣлы рученьки
За солдатскими ружьями,
Пригнело мою головушку
Солдатскими киверами.

Что задумалъ добрый молодецъ
Съ караулу-то бѣжати.
Бѣжалъ, бѣжалъ добрый молодецъ,
Бѣжалъ лѣсомъ—оборвался,
Бѣжалъ полемъ—обмочился,
Бѣжалъ улочкой—торопился.
Прибѣжалъ я, добрый молодецъ
На родимую сторонку,
Постучалъ я, добрый молодецъ
У сторонняго окошка.
— Пусти, пусти, родной батюшка,
Пусти обогрѣться!
Пусти, пусти, родна матушка,
Пусти обсушиться!
Заглянула моя матушка
Во стороннее окошко.
— Не пущу тебя я, дитятко,
Не пущу обсушиться,
Не пущу тебя я, дитятко,
Не пущу обогрѣться.
Мы боимся, мило дитятко,
Высшаго начальства;
Пуще мы боимся, дитятко,
Ближняго сосѣда.
Пошелъ, пошелъ, добрый молодецъ,
Самъ заплакалъ:
— Не спасибо тебѣ, батюшка,
Не пустилъ обогрѣться!
Не спасибо тебѣ, матушка,
Не пустила обсушиться!
(*Вологодск. у.*).

Къ № 64.

Середи-то поля чистаго,
Середи лугу зеленаго,
Тутъ стояла нова башенка
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этой было башенкѣ
Взнесена-то пушка мѣдная;
Что у этой было пушечки
Молодой былъ пушкатерщичекъ.
Заряжаетъ пушкарь пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугунно ядро закатываетъ:
— Полети ты, мое ядрышко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по-поднебесью,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе,
Сейчасъ пушечка и грянула,
Просвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка,
Королевскаго полковничка.
Тутъ король стоитъ—задумался,
Королева дочь заплакана.
— Говорила я милу дружку:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмеція,
Во полки-то королевскіе,
Меня милый не послушался,
Нагонилъ тоску смертельную.
Я со той тоски во гробъ пойду
И въ знакъ вѣрности я съ нимъ умру.
(*Вологодск. у.*).

Къ № 67.

Часто, часто припадаетъ,
На дворъ вызываетъ:
Выйди, дѣвка, выйди, красна,
На красно крылечко!
Тутъ дѣвица выходила—
На красно крылечко,—
Подхватилъ парень дѣвицу,
Повелъ во свѣтлицу.
Посадилъ парень дѣвицу
На кровать тесову
. . . .
— Ахъ-ты глупая Параша,
Глупа, неразумна!
Если родишь ты дѣвчину,
То твоя причина;
Если родишь ты мальчину,
То моя причина.
Хоть дѣвчину, хоть мальчину—
Общая причина;
Ты полтину, я холстину
Попу за крестины.
(*Вологда*).

Къ № 68.

Вечоръ дѣвушка угорѣла,
Что головушка заболѣла,
Гулять съ миленькимъ захотѣла.
Меня миленькій худо любитъ:
До полуночи домой не ходитъ,
На постелю спать не пущаетъ,
Со зголовьеца содвигаетъ,
Одѣялечка не даваетъ.

По поводу „Русскихъ народныхъ пѣсенъ Вологодской губ.“,

собранныхъ М. Куклинымъ.

Принявъ на себя, по порученію Отдѣла Этнографіи, редактированіе предлагаемаго здѣсь собранія народныхъ пѣсенъ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего относительно *ритма*.

Большинство пѣсенъ этого собранія дактилическаго ритма. Пѣсенъ трохеическаго ритма всего шесть, именно №№: 42, 53, 58, 60, 62 и 66. Нисходящаго іоническаго ритма (ionicus a maiore) три: №№ 50, 54 и 56; притомъ въ пѣснѣ № 54 находятся рѣдко встрѣчающіеся триметры. Восходящаго іоническаго ритма (ionicus a minore) только двѣ: № 9 и № 5, причемъ послѣдняя выражена тріолями.

Сѣверу, повидимому, болѣе свойственъ дактилическій ритмъ. На югѣ видно преобладаніе трохеическаго и іоническаго ритма. (См. напр. сборники польскихъ пѣсенъ Оскара Кольберга).

Что касается *мелодическаго строя* Вологодскихъ пѣсенъ, то часто встрѣчаются затрудненія въ безошибочномъ опредѣленіи строя, къ которому слѣдуетъ отнести пѣсню Затрудненія являются вслѣдствіе того, что записанъ лишь *одинъ* голосъ. Желательно, чтобы одновременно были записываемы всѣ уклоненія поющаго отъ главной мелодіи. Это положительно необходимо при записываніи хоровыхъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ за №№: 3, 4, 6, 8, 12, 15, 16, 24, 28, 31, 34, 38, 63, 66 и 67—выпущена 7-я ступень гаммы, которая могла бы опредѣлить: слѣдуетъ-ли отнести пѣсни къ современному мажорному строю, или къ древнему фригійскому мажору.

Въ пѣснѣ за № 22 въ ключѣ поставленъ собирателемъ діезъ, хотя вѣроятно, что она принадлежитъ къ фригійскому мажору, въ которомъ *фа-діезъ* лишній.

Въ пѣснѣ № 20 встрѣчается нота *до* съ діезомъ и бекаромъ. По своему строю она принадлежитъ къ дорійскому ладу и, вѣроятно, пѣвцы берутъ на нотѣ *до* энгармоническій интервалъ (различествующій въ отношеніи: $\frac{243}{256}$). Такія энгармоническія измѣненія слѣдовало бы отмѣчать знаками повышенія и пониженія, помѣщаемыми въ скобкахъ.

Пѣсни за №№: 48, 57, 59, 61 и 64 записаны съ интервалами, не представляющими возможности опредѣлить строй. Пѣсня № 1 вмѣщена на четырехъ звукахъ, представляющихъ собою акустическое обращеніе интерваловъ мажорнаго тетрахорда.

Повидимому въ Вологодской губ. старина въ пѣсенномъ строѣ еще сохранилась.

Древній *дорійскій ладъ* виденъ въ пѣсняхъ за №№: 7, 9, 11, 20, 27, 30, 33, 35, 37, 40, 43, 44, 50, 51, 52, 58, 61, 62, 64, 68, 69 и 70. Также сохранилась *локрійская* тональность въ пѣсняхъ за №№: 39, 41, 46 и 56. Въ современномъ мажорѣ пѣсни за №№: 2, 13, 14, 17, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 29, 36, 42, 47, 49, 53, 54, 55 и 65. Интересное соединеніе локрійскаго лада съ дорійскимъ представляетъ № 48.

Лучшимъ признакомъ того, что западная музыка еще не успѣла произвести своего разрушительнаго вліянія на древній строй вологодскихъ пѣсенъ, можетъ служить то, что изъ числа 70 пѣсенъ только двѣ въ современномъ минорѣ, № 5 и 10. Бывши въ Вологдѣ лѣтъ тому назадъ, я и самъ лично убѣдился въ существованіи тамъ древняго строя.

Въ пѣсняхъ за №№: 11, 27, 33, 37, 60 и 68 пропущена 2-я ступень (считая снизу), вслѣдствіе чего нельзя опредѣлить, принадлежатъ ли онѣ къ дорійскому или локрійскому строю.

Изъ всей массы просмотрѣнныхъ мною печатныхъ сборниковъ и рукописныхъ записей народныхъ пѣсенъ, не только русскихъ, но и вообще славянскихъ, мнѣ приходится каждый разъ убѣждаться въ томъ, что большинство собирателей страдаютъ незнаніемъ законовъ ритма и строя гаммъ. Все это, впрочемъ, грустные результаты неправильнаго школьнаго преподаванія, въ которомъ собиратели пѣсенъ не виноваты. Въ виду этого я пользуюсь случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, которыя могутъ быть полезны на будущее время гг. собирателямъ-любителямъ.

Чаще всего въ записяхъ народныхъ пѣсенъ является неправильное дѣленіе стопъ. Такъ, напр., стопа часто дѣлится записывателями на двѣ, а то и болѣе частей. Въ этомъ случаѣ надо слѣдить за стопными удареніями въ текстѣ.

Стопныя ударенія часто искажаются записывателями вслѣдствіе того, что тактовыя черты ставятся не на надлежащихъ мѣстахъ. По правиламъ музыки требуется, чтобы тактовыя черты находились *передъ* болѣе сильнымъ удареніемъ.

Ритмическія измѣненія часто бываютъ не выяснены оттого, что записыватель старается подогнать весь мотивъ пѣсни подъ одинъ размѣръ, между тѣмъ какъ въ народныхъ пѣсняхъ измѣненіе ритма бываетъ весьма часто (см. №№ 4, 12, 16, 23, 37 и др.).

Вообще съ ритмической стороны запись должна ясно опредѣлять *стопы* и *кóлоны* (кóлонъ соотвѣтствуетъ стихотворной строкѣ). Точное и ясное опредѣленіе стопныхъ удареній и наглядная передача числа стопъ, находящихся въ кóлонѣ,—вотъ что прежде всего требуется *ритмикой* отъ записывателя народныхъ пѣсенъ.

Со стороны *гармоніи* точно также желательно, чтобы записи дѣлались болѣе точныя. Записывающіе особенно не должны пренебрегать варіантами пѣсенъ и уклоненіями отъ главной мелодіи, по которымъ безошибочно можно составить заключеніе о гармоническомъ строѣ.

Собирателямъ пѣсенъ считаемъ въ этомъ случаѣ не лишнимъ припомнить, что строй русскихъ народныхъ пѣсенъ основывается, во-первыхъ, на *пентахордахъ:* a) *мажорномъ*, представляющемъ собою слѣдованіе — двухъ цѣлыхъ тоновъ, полутона и тона, т.-е. пяти начальныхъ звуковъ мажорной гаммы (см. пѣсни № 16 и 34), и b) *минорномъ*, состоящемъ тоже изъ послѣдованія двухъ цѣлыхъ тоновъ, полутона и тона, но въ нисходящемъ порядкѣ. Минорный пентахордъ представляетъ собою акустическое обращеніе мажорнаго пентахорда и равняется пяти нотамъ современной минорной гаммы, считая съ начальнаго звука. Затѣмъ встрѣчаются пѣсни со строемъ *Терпандровой лиры*, т. е. гаммы, которую можно исполнить на черныхъ клавишахъ фортепіано. Тоникой этой гаммы будетъ *фа-діезъ* или *соль-бемоль*. (Въ этомъ сборникѣ такого примѣра нѣтъ).

Большинство же народныхъ пѣсенъ принадлежитъ къ слѣдующимъ двумъ мажорнымъ и двумъ минорнымъ гаммамъ:

1) Современная мажорная гамма.

2) Фригійскій мажоръ — гамма мажорная, начинающаяся съ доминанты (съ пятаго звука) современной мажорной гаммы. Эта гамма отличается отъ современной мажорной гаммы 7-ю ступенью. Транспонированная въ *до,* она будетъ равняться современной мажорной гаммѣ съ *си-бемолемъ*. Въ этомъ сборникѣ фригійскій мажоръ встрѣчается въ №№: 23, 32 и 45.

Двѣ минорныя гаммы: *дорійская* и *локрійская* представляютъ изъ себя акустическое обращеніе интерваловъ двухъ вышеупомянутыхъ мажорныхъ гаммъ. Отъ обращенія интерваловъ современной мажорной гаммы получается дорійская гамма, а отъ обращенія интерваловъ фригійской мажорной гаммы получается локрійская гамма.

Во избѣжаніе недоразумѣнія слѣдуетъ замѣтить, что музыкальные учебники называютъ обращеніемъ интерваловъ перемѣщеніе звука октавой выше, т.-е. напр., взявъ интервалъ: *до-ре* (секунду), согласно со взглядами учебниковъ въ обращеніи получится: *ре-до* (септима вверхъ). Этотъ взглядъ нельзя признать правильнымъ. Каждый интервалъ можетъ быть выраженъ числами и интервалъ секунды, взятый обратно, сохраняетъ свое числовое отношеніе. Секунда *до-ре,* представляющая собою цѣлый тонъ, въ обращеніи также останется цѣлымъ тономъ и получится отъ *до* внизъ: *до—си-бемоль,* т.-е. тоже цѣлый тонъ.

Такимъ образомъ изъ мажорной гаммы, состоящей изъ такихъ послѣдованій: 1 тона, 1 т., $1/2$ тона, 1 т., 1 т., 1 т. и $1/2$ тона (до, ре, ми, фа, соль, ла, си, до), въ обращеніи интерваловъ получится тотъ же порядокъ слѣдованій: двухъ тоновъ, полутона, трехъ тоновъ и полутона, но считая сверху внизъ: (начавъ отъ ми) ми, ре, до, си, ла, соль, фа, ми Это—*дорійская* минорная гамма. Съ тоникой (мезой) ла.

Изъ фригійской мажорной гаммы, состоящей изъ послѣдованій: 1 тона, 1 т., $1/2$ тона 1 т., 1 т., $1/2$ т. и 1 тона (соль, ла, си, до, ре, ми, фа, соль) въ обращеніи интерваловъ получится тотъ же порядокъ слѣдованій—двухъ тоновъ, полутона, двухъ тоновъ, полутона и тона (начавъ отъ *ла*, съ 5-й ноты дорійской гаммы, соотвѣтственно тому, какъ мы получили фригійскую гамму, начавъ съ 5-й ноты мажорной гаммы): ла, соль, фа, ми, ре, до, си, ла. Это—*локрійская* минорная гамма.

Въ дорійской гаммѣ тоникой (мезой) будетъ *ла*, а въ локрійской — *ре*.

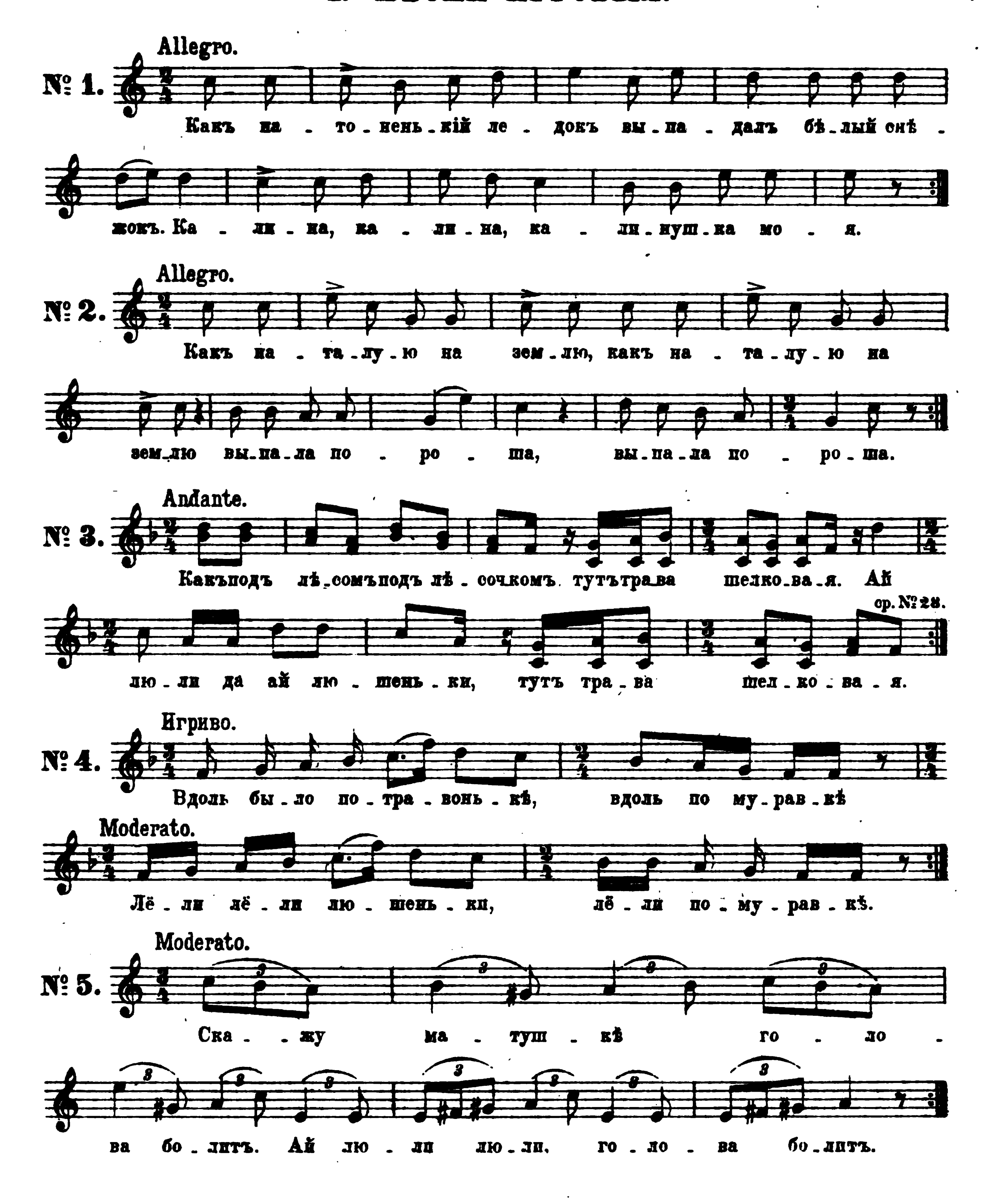
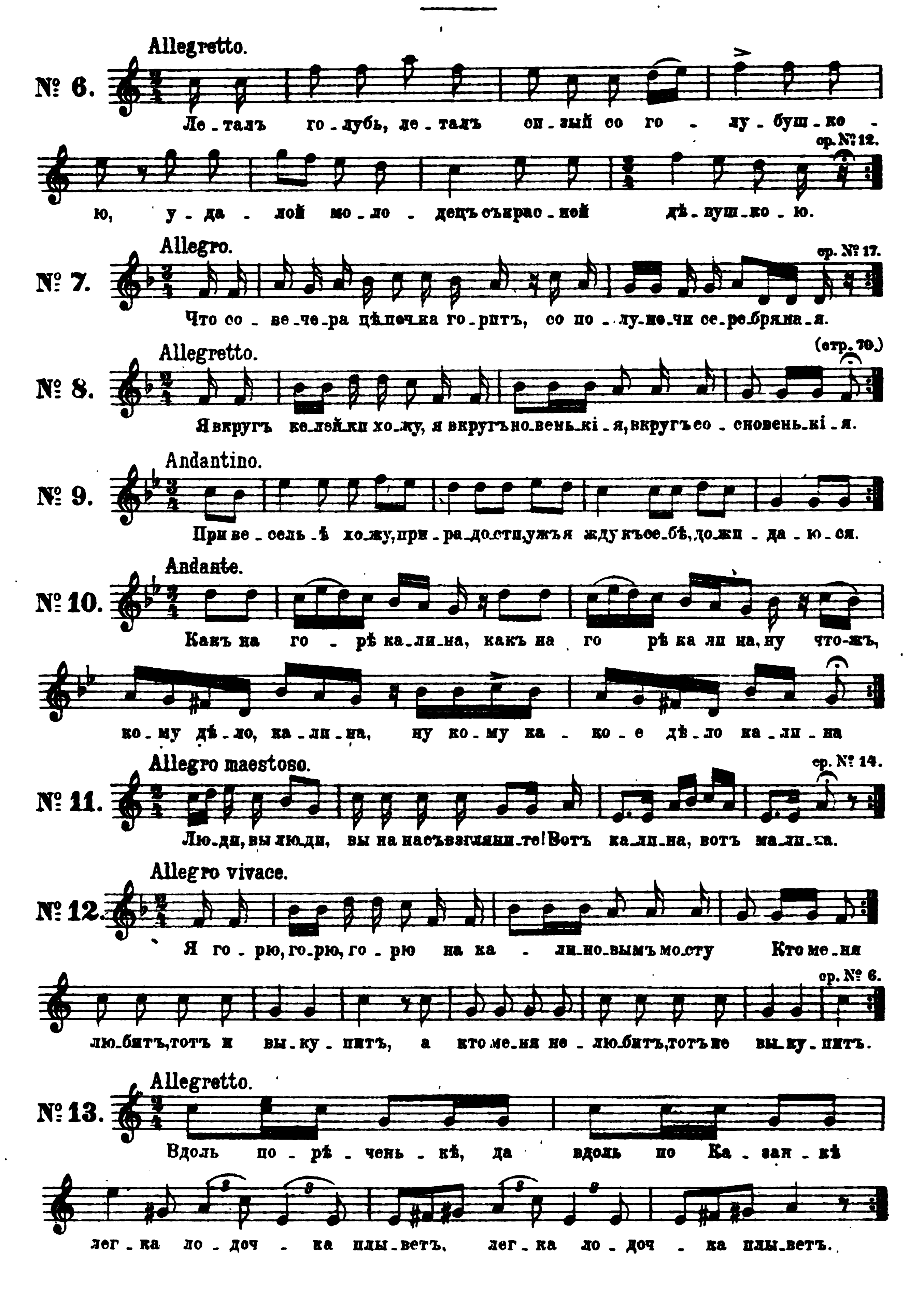
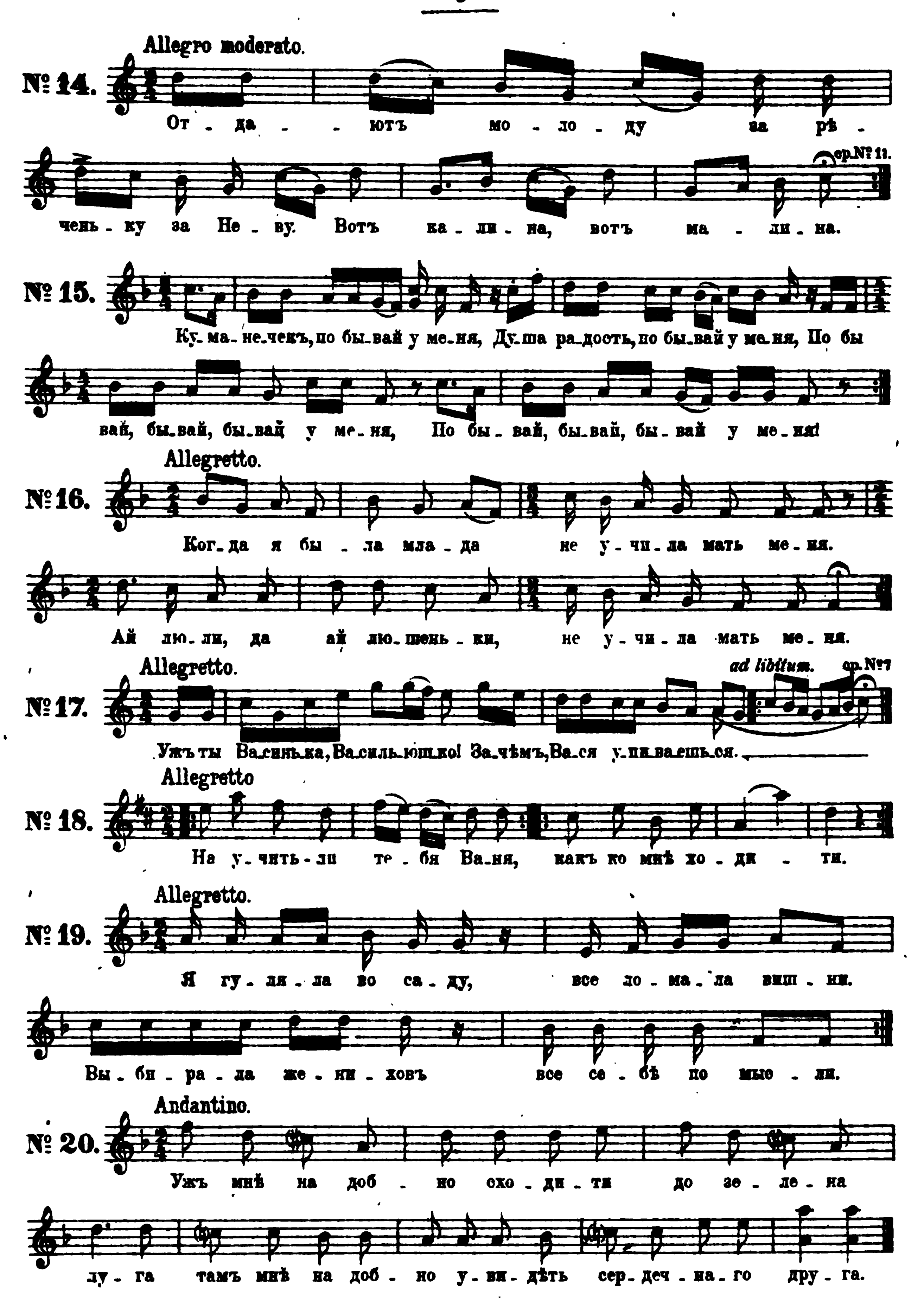
Строй этихъ четырехъ гаммъ, составляющихъ главное основаніе русской народной музыки, подробно анализированъ въ предисловіи моего 1-го выпуска русскихъ народныхъ пѣсенъ, а также отчасти въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», кн. VI, стр. 115—138.

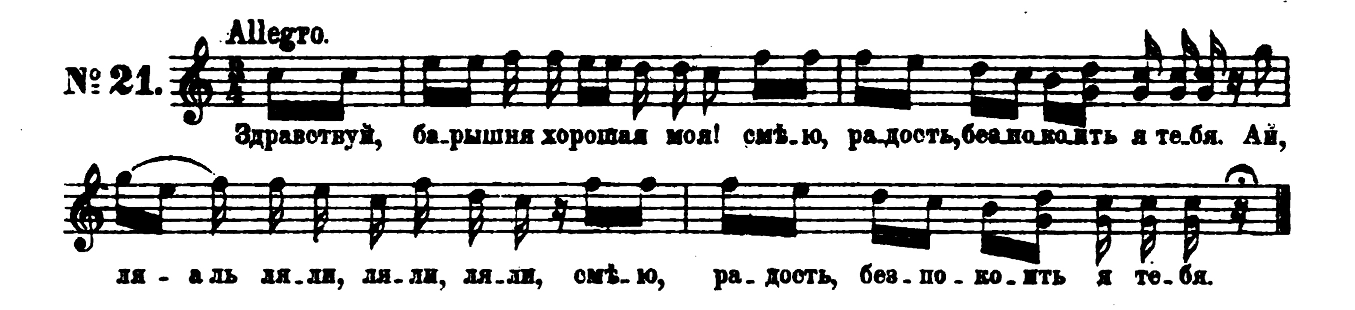
Закончу мою замѣтку пожеланіемъ, чтобы сдѣланныя мною указанія пошли на пользу собирателямъ и чтобы на народную музыку было обращено болѣе серьезное вниманіе, тѣмъ болѣе, что древній строй русской народной пѣсни все болѣе и болѣе подвергается искаженіямъ подъ вліяніемъ новѣйшей западной музыки. Настоящее собраніе тѣмъ и цѣнно, что оно свидѣтельствуетъ о значительной сохранности древняго строя въ Вологодскомъ краѣ; но и сюда, въ эту сѣверную глушь, уже прокрадывается, какъ мы видѣли, современный строй.

Ю. Мельгуновъ.

Русскія народныя пѣсни Вологодской губ.

собранныя Мих. Куклинымъ и редактированныя Ю. Н. Мельгуновымъ.

1. Пѣсни игровыя.

Allegretto.
№ 6.
Ле - талъ го - лубь, ле - талъ си - зый со го - лу - буш - ко - ю, у - да - лой мо - ло - децъ съ крас - ной дѣ - вуш - ко - ю.
ср. № 12.
Allegro.
№ 7.
Что со - ве - че - ра цѣ - печ - ка го - ритъ, со по - лу - но - чи се - ре - бря - на - я.
ср. № 17.
Allegretto.
№ 8.
Я вкругъ ке - лей - ки хо - жу, я вкругъ но - вень - кі - я, вкругъ со - сновень - кі - я.
(стр. 70.)
Andantino.
№ 9.
При ве - сель - ѣ хо - жу, при - ра - до - сти, ужъ я жду къ се - бѣ, до - жи - да - ю - ся.
Andante.
№ 10.
Какъ на го - рѣ ка - ли - на, какъ на го рѣ ка ли на, ну что-жъ, ко - му дѣ - ло, ка - ли - на, ну ко - му ка - ко - е дѣ - ло ка - ли - на
Allegro maestoso.
№ 11.
Лю - ди, вы лю - ди, вы на насъ взгляни - те! Вотъ ка - ли - на, вотъ ма - ли - ка.
ср. № 14.
Allegro vivace.
№ 12.
Я го - рю, го - рю, го - рю на ка - ли - но - вымъ мо - сту Кто ме - ня лю - битъ, тотъ и вы - ку - питъ, а кто ме - ня не - лю - битъ, тотъ не вы - ку - питъ.
ср. № 6.
Allegretto.
№ 13.
Вдоль по - рѣ - чень - кѣ, да вдоль по Ка - зан - кѣ лег - ка ло - доч - ка плы - ветъ, лег - ка ло - доч - ка плы - ветъ.

Allegro moderato.
№ 14.
От - да - - ютъ мо - ло - ду за рѣ -
чень - ку за Не - ву. Вотъ ка - ли - на, вотъ ма - ли - на.
ср. № 11.
№ 15.
Ку - ма - не - чекъ, по бы - вай у ме - ня, Ду - ша ра - дость, по бы - вай у ме - ня, По бы
вай, бы - вай, бы - вай у ме - ня, По бы - вай, бы - вай, бы - вай у ме - ня!
Allegretto.
№ 16.
Ког - да я бы - ла мла - да не у - чи - ла мать ме - ня.
Ай лю - ли, да ай лю - шень - ки, не у - чи - ла мать ме - ня.
Allegretto.
ad libitum.
ср. № 7
№ 17.
Ужъ ты Ва - синь - ка, Ва - силь - юш - ко! За - чѣмъ, Ва - ся у - пи - ва - ешь - ся.
Allegretto
№ 18.
На - у - чить - ли те - бя Ва - ня, какъ ко мнѣ хо - ди - ти.
Allegretto.
№ 19.
Я гу - ля - ла во са - ду, все ло - ма - ла виш - ни.
Вы - би - ра - ла же - ни - ховъ все се - бѣ по мыс - ли.
Andantino.
№ 20.
Ужъ мнѣ на доб - но схо - ди - ти до зе - ле - на
лу - га тамъ мнѣ на доб - но у - ви - дѣть сер - деч - на - го дру - га.



2. ПѢСНИ ХОРОВОДНЫЯ.

№ 22.

Ты лу - гов - ка мо - я лу - го - ва - я!

Ты лу, гов_ка мо_я лу_го_ва_я! Лё_ли, лё_ли, лё_ли, лу_го_ва_я

№ 23.

Какъ на на_шей на сто_ро_нкѣ, Какъ на на_шей на ве_се_лой

хо - ро - ша у - го - да, хо - ро - ша у - го - да.

Allegretto.

№ 24.

По - сѣ - я_ли дѣ_вуш_ки лёнъ, По - сѣ - я_ли дѣ_вуш_ки лёнъ, дѣв_ки лёнъ,

Allegro.

дѣв_ки лёнъ, то_ли, се_ли, ну_ли, что_ли, го_во_ри, что дѣв_ки лёнъ.

Allegro.

№ 25.

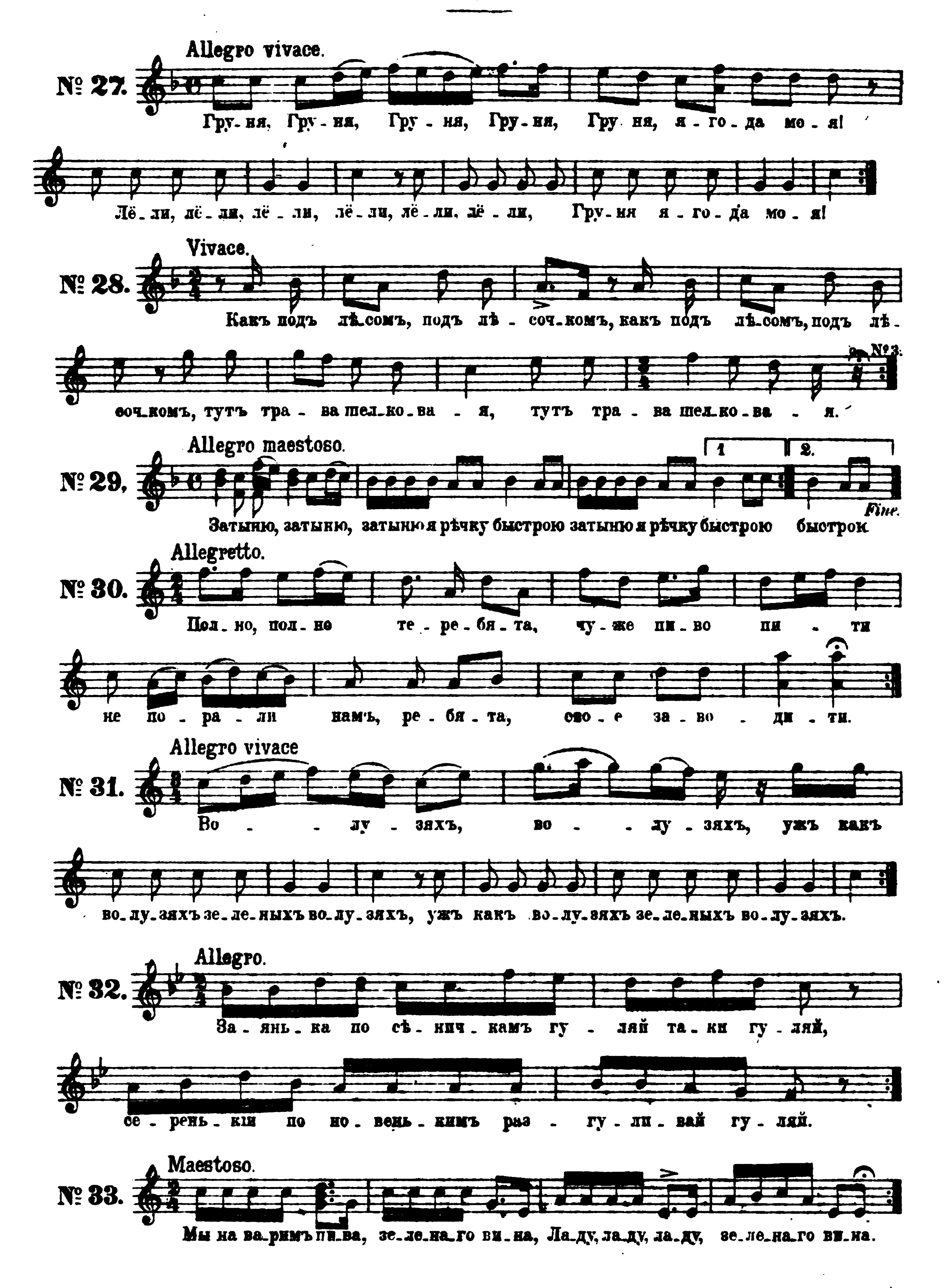
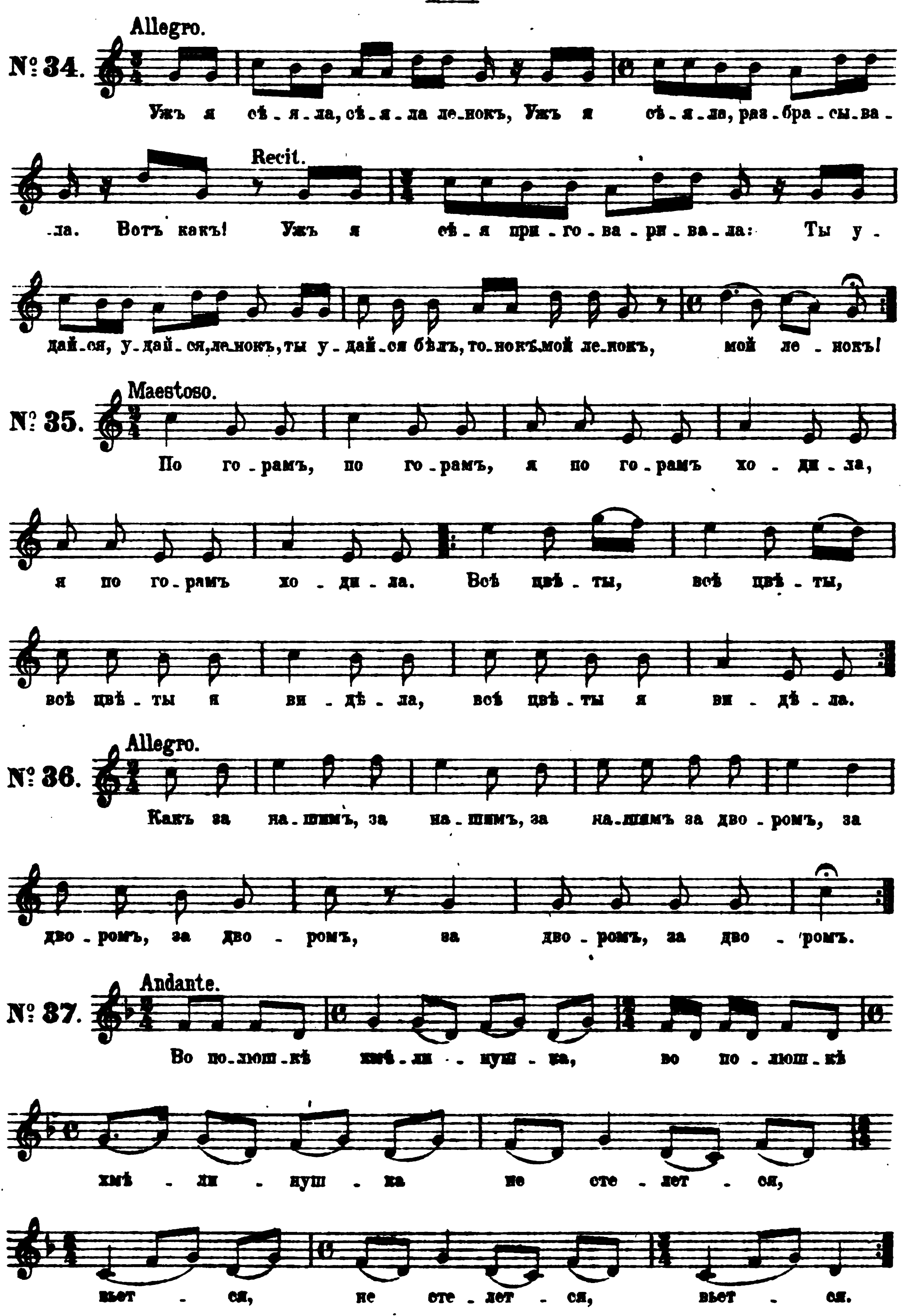
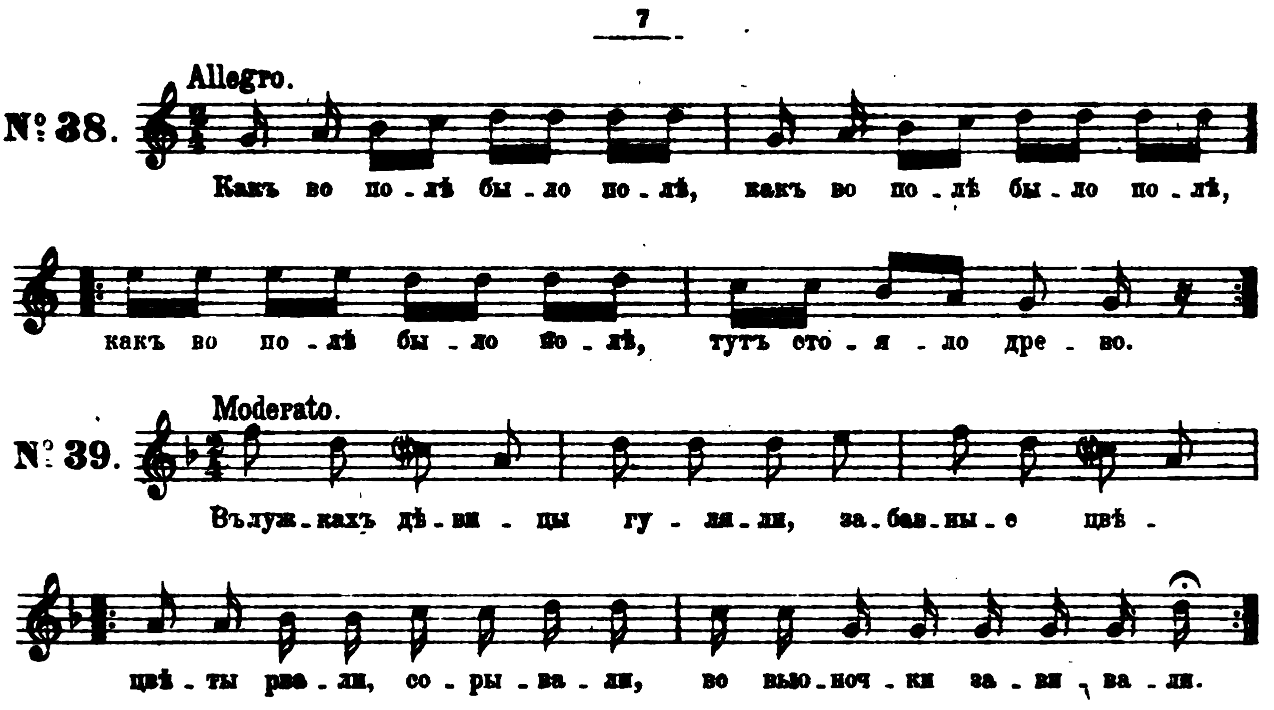
Не ле_тай со_ло_вей не ле_тай мо_ло_дой при до_ли_нѣ при до_ли нѣ.

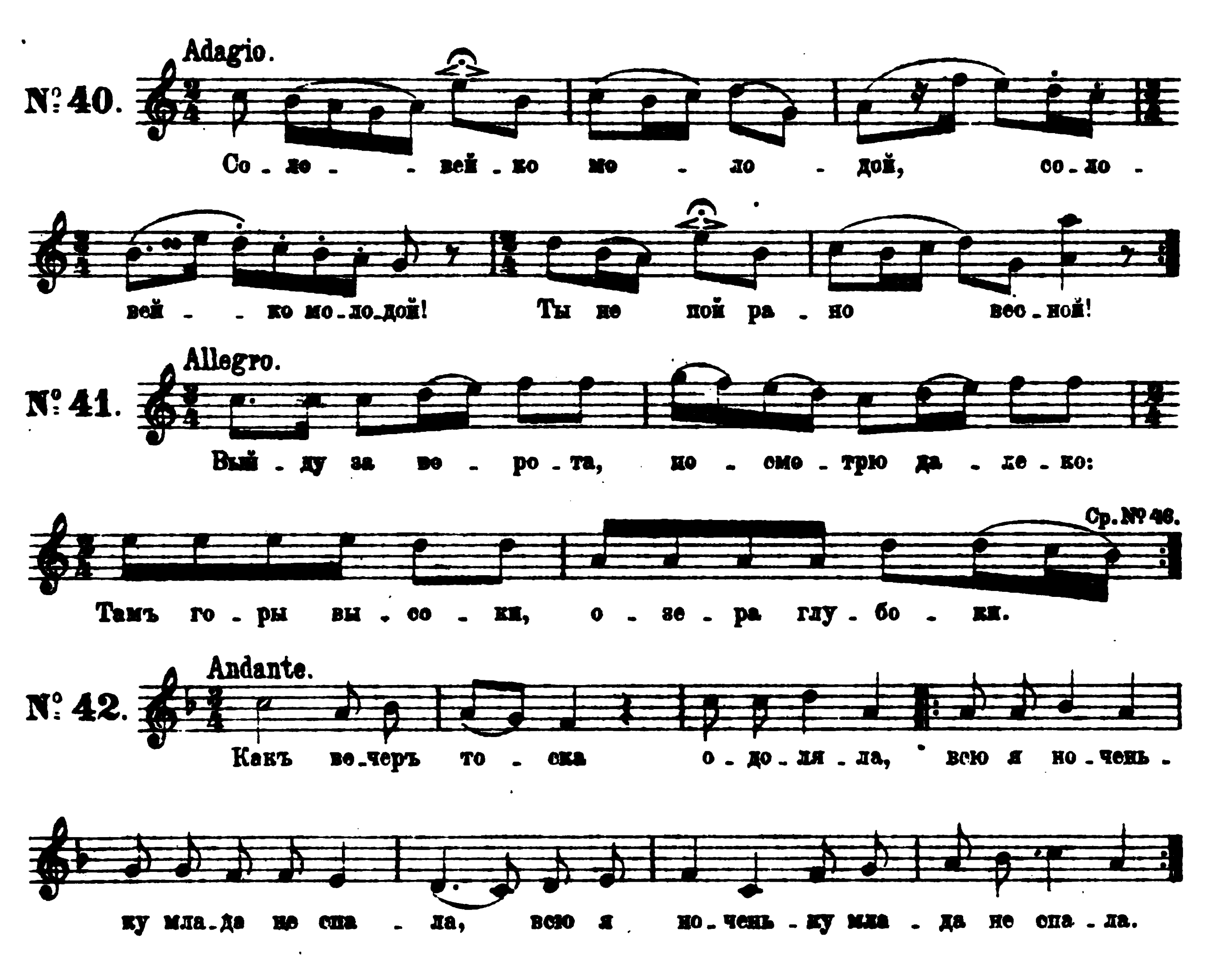
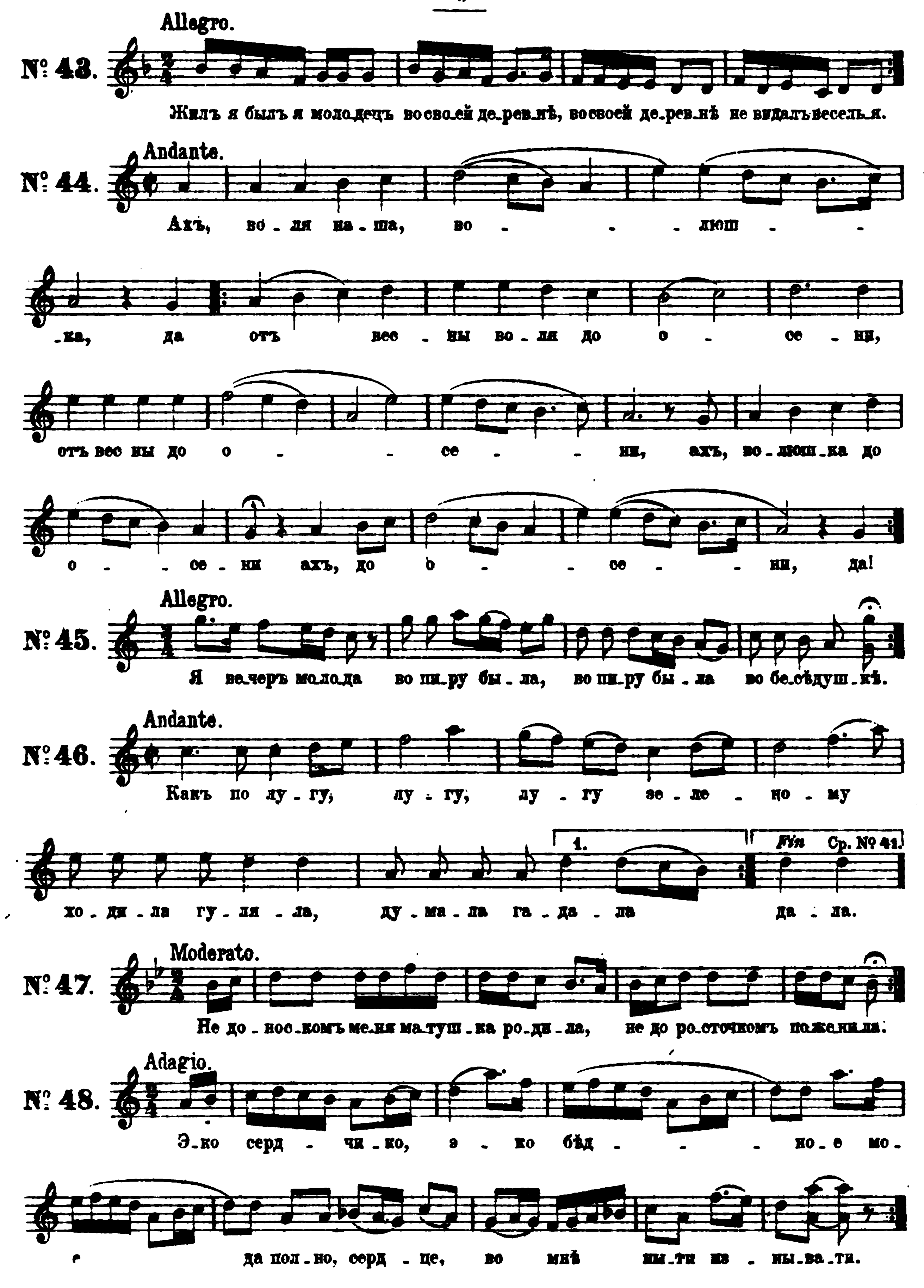
Allegro.

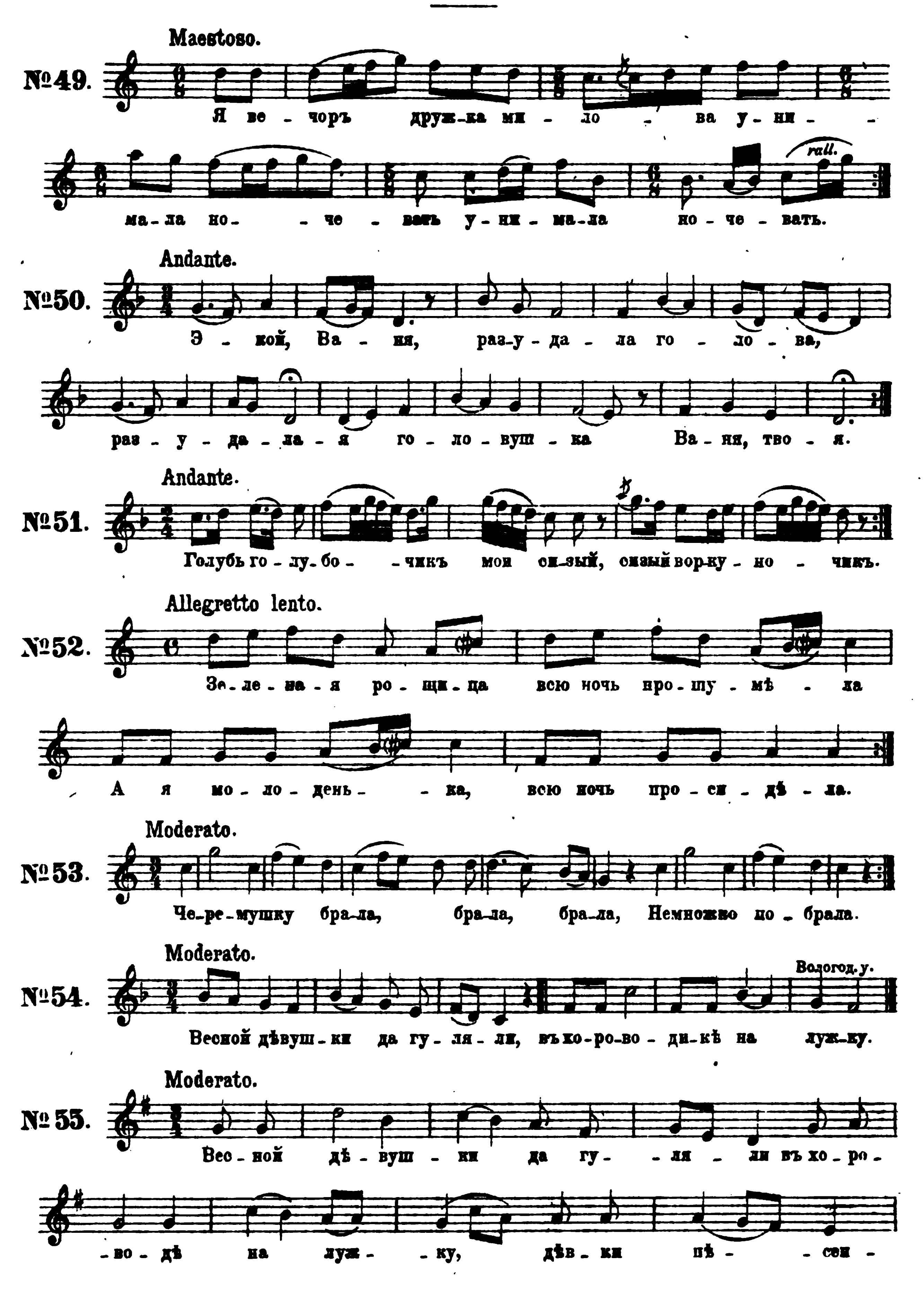
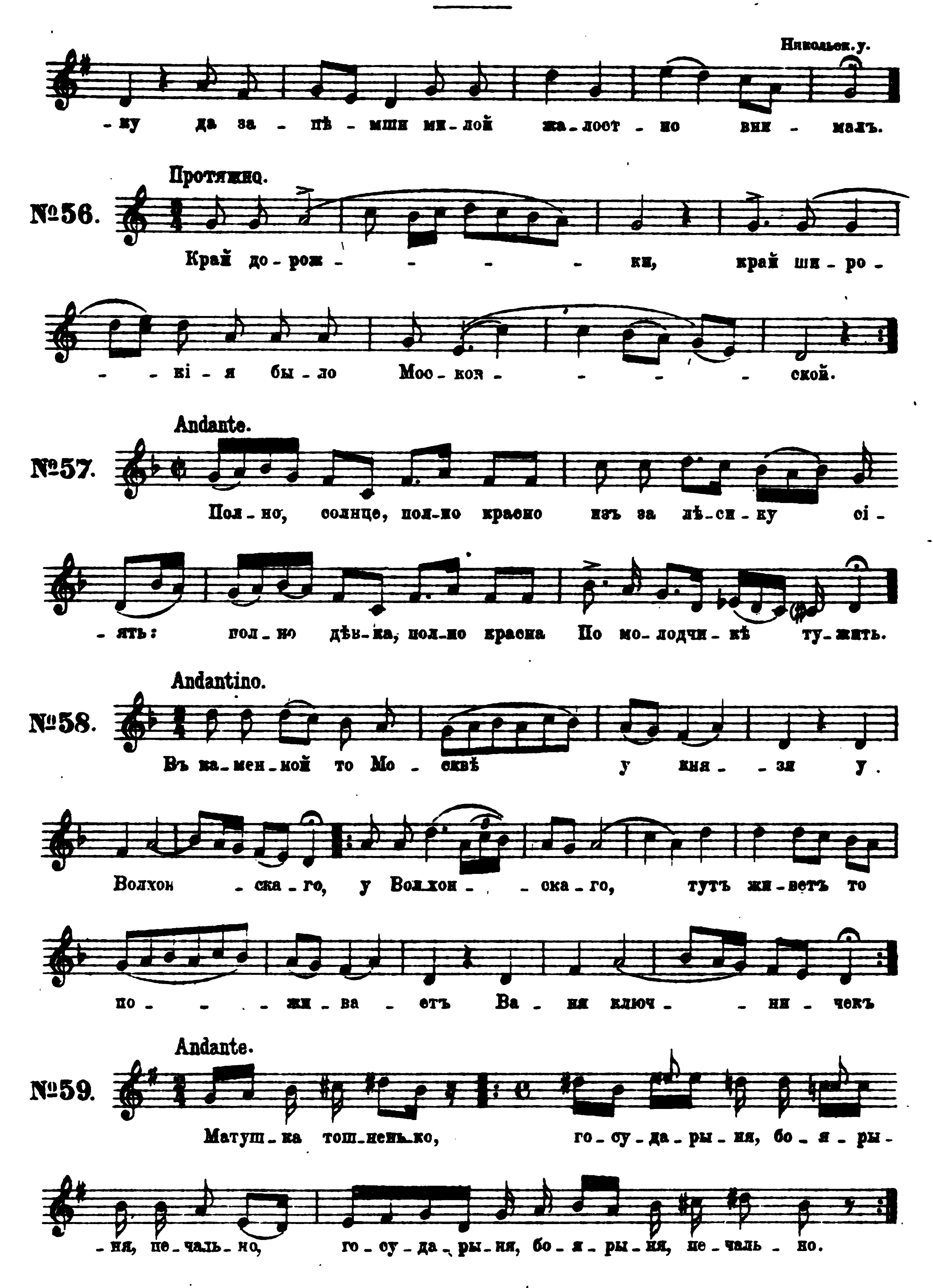
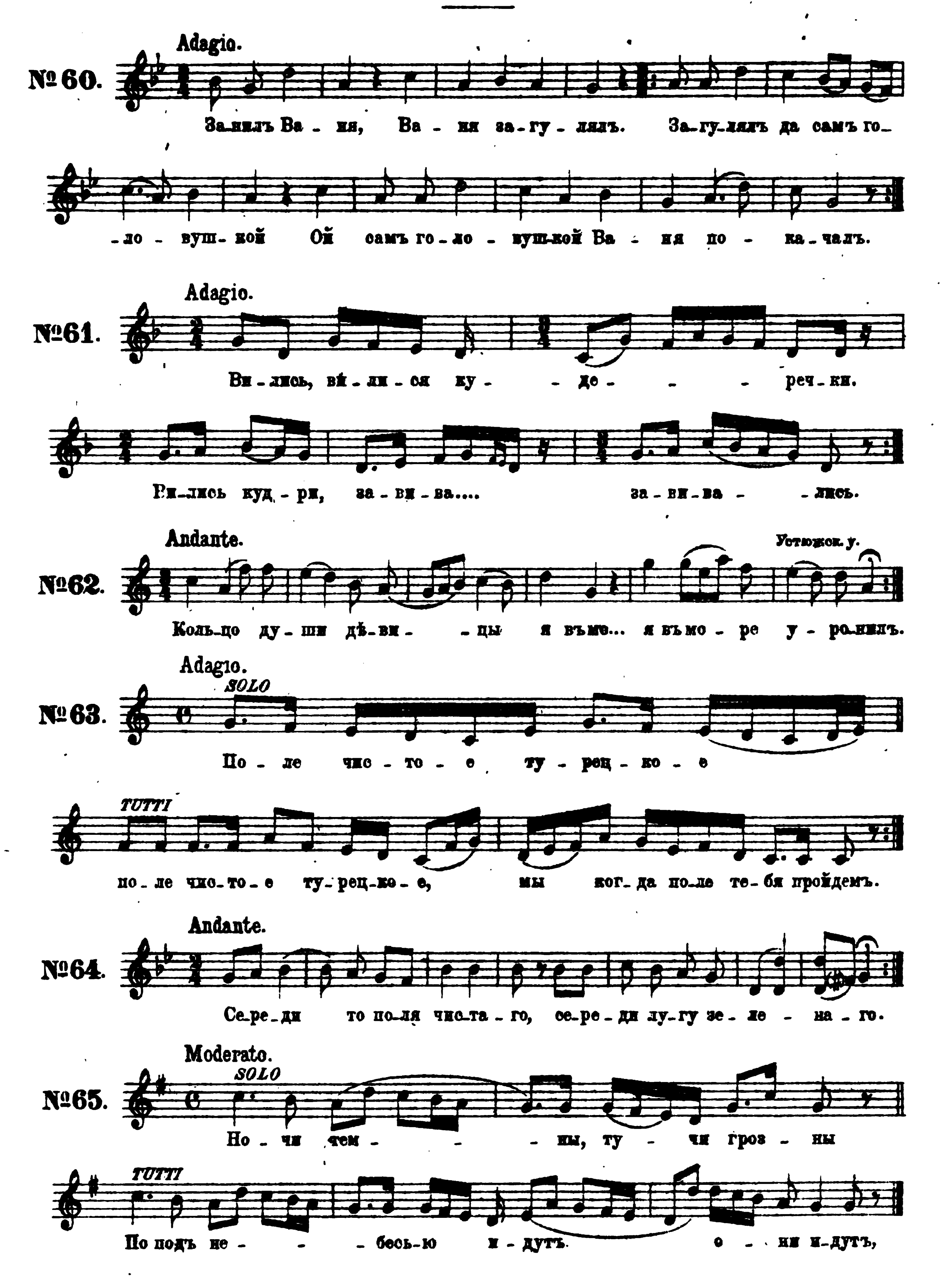
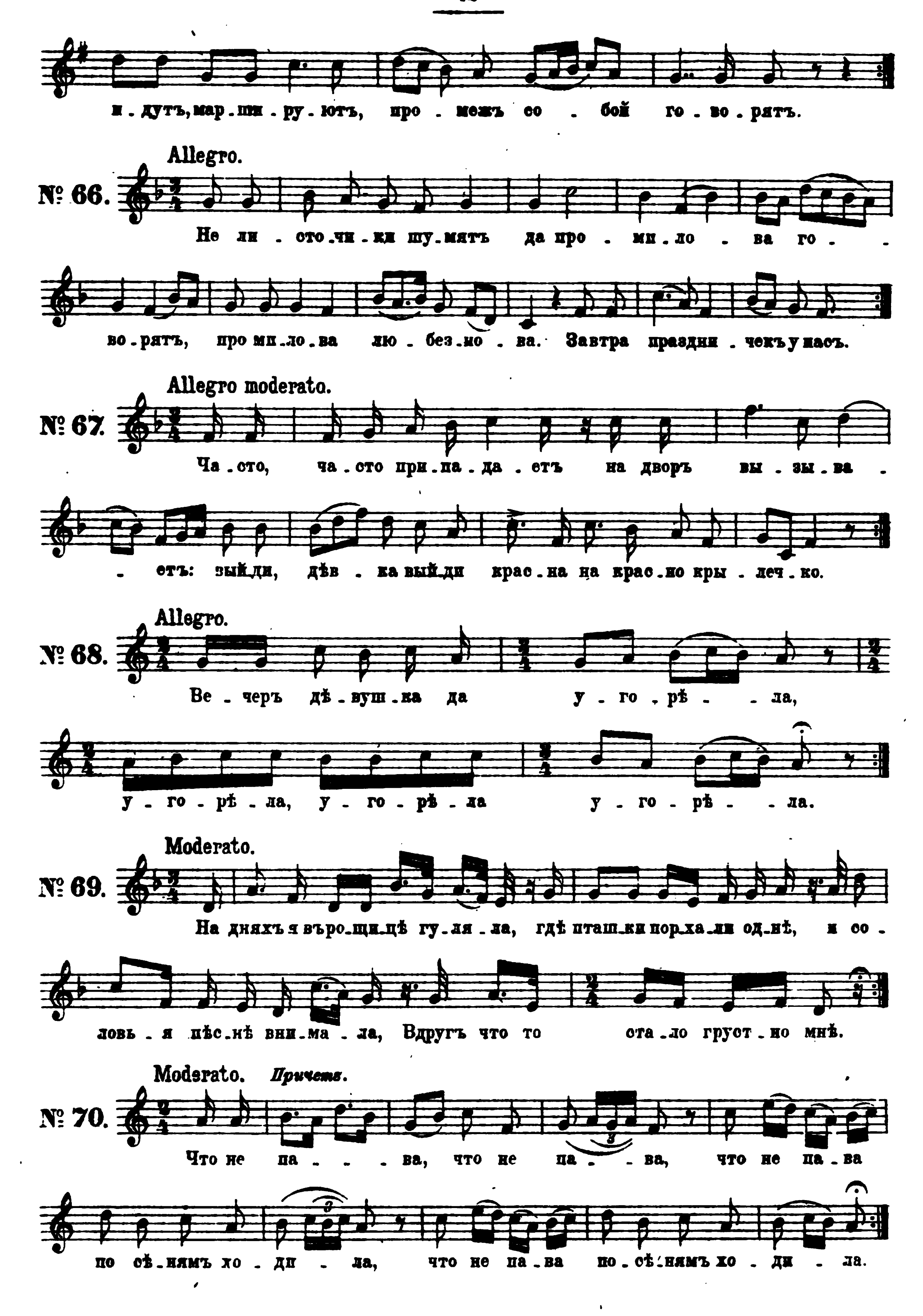
№ 26.

Я по - го_рен_кѣ хо - ди_ла, я по но - вень_кой гу -

ля - ла. Не въ тру_бу_ли я, не въ тру_бу_ли я, не во

тру_бонь_ку тру - би - ла, не во тру_бонь_ку тру - би - ла.

Allegro vivace.
№ 27.
Гру-ня, Гру-ня, Гру-ня, Гру-ня, Гру-ня, я-го-да мо-я!
Лё-ли, лё-ли, лё-ли, лё-ли, лё-ли, лё-ли, Гру-ня я-го-да мо-я!
Vivace.
№ 28.
Какъ подъ лѣ-сомъ, подъ лѣ-соч-комъ, какъ подъ лѣ-сомъ, подъ лѣ-соч-комъ, тутъ тра-ва шел-ко-ва-я, тутъ тра-ва шел-ко-ва-я.
№ 3.
Allegro maestoso.
№ 29.
1
2.
Затыню, затыню, затыню я рѣчку быстрою затыню я рѣчку быстрою быстрою.
Fine.
Allegretto.
№ 30.
Пол-но, пол-но те-ре-бя-та, чу-же пи-во пи-ти
не по-ра-ли намъ, ре-бя-та, сво-е за-во-ди-ти.
Allegro vivace
№ 31.
Во-лу-зяхъ, во-лу-зяхъ, ужъ какъ
во-лу-зяхъ зе-ле-ныхъ во-лу-зяхъ, ужъ какъ во-лу-зяхъ зе-ле-ныхъ во-лу-зяхъ.
Allegro.
№ 32.
За-янь-ка по сѣ-нич-камъ гу-ляй та-ки гу-ляй,
се-рень-кій по но-вень-кимъ раз-гу-ли-вай гу-ляй.
Maestoso.
№ 33.
Мы на-ва-римъ пи-ва, зе-ле-на-го ви-на, Ла-ду, ла-ду, ла-ду, зе-ле-на-го ви-на.

№ 34.
Allegro.
Ужъ я сѣ-я-ла, сѣ-я-ла ле-нокъ, Ужъ я сѣ-я-ла, раз-бра-сы-ва-
-ла. Вотъ какъ! Ужъ я сѣ-я при-го-ва-ри-ва-ла: Ты у-
Recit.
дай-ся, у-дай-ся, ле-нокъ, ты у-дай-ся бѣлъ, то-нокъ, мой ле-нокъ, мой ле-нокъ!
№ 35.
Maestoso.
По го-рамъ, по го-рамъ, я по го-рамъ хо-ди-ла,
я по го-рамъ хо-ди-ла. Всѣ цвѣ-ты, всѣ цвѣ-ты,
всѣ цвѣ-ты я ви-дѣ-ла, всѣ цвѣ-ты я ви-дѣ-ла.
№ 36.
Allegro.
Какъ за на-шимъ, за на-шимъ, за на-шимъ за дво-ромъ, за
дво-ромъ, за дво-ромъ, за дво-ромъ, за дво-ромъ.
№ 37.
Andante.
Во по-люш-кѣ хмѣ-ли-нуш-ка, во по-люш-кѣ
хмѣ-ли-нуш-ка не сте-лет-ся,
вьет-ся, не сте-лет-ся, вьет-ся.

3. ХОРОВЫЯ ПѢСНИ.

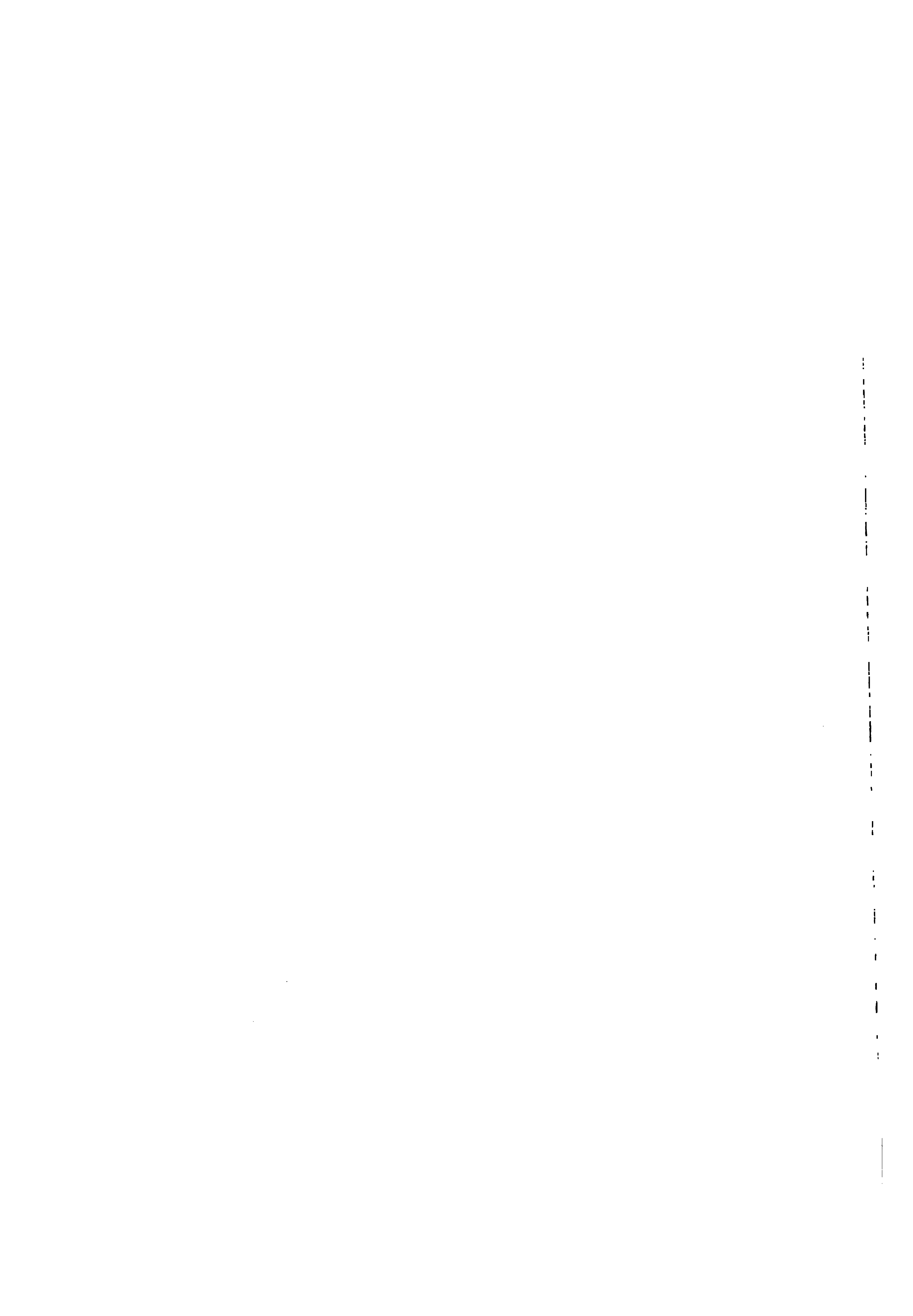


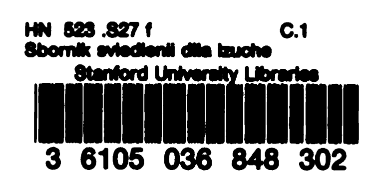
Allegro.
№ 43.
Жилъ я былъ я молодецъ во своей де.рев.нѣ, во своей де.рев.нѣ не видалъ весель.я.
Andante.
№ 44.
Ахъ, во - ля на - ша, во - - - люш - -
- ка, да отъ вес - ны во - ля до о - се - ни,
отъ вес ны до о - - се - - ни, ахъ, во - люш - ка до
о - - се - ни ахъ, до о - - се - - ни, да!
Allegro.
№ 45.
Я ве.черъ мо.ло.да во пи.ру бы - ла, во пи.ру бы - ла во бе.сѣдуш.кѣ.
Andante.
№ 46.
Какъ по лу - гу, лу - гу, лу - гу зе - ле - но - му
1.
Fin
Ср. № 41.
хо - ди - ла гу - ля - ла, ду - ма - ла га - да - ла да - ла.
Moderato.
№ 47.
Не до - нос - комъ ме - ня ма - туш - ка ро - ди - ла, не до ро - сточкомъ по - же - ни - ла.
Adagio.
№ 48.
Э - ко серд - чи - ко, э - ко бѣд - - - но - е мо -
е да пол - но, серд - це, во мнѣ ны - ти из - ны - ва - ти.

Maestoso.
№49.
Я ве - чоръ друж-ка ми - ло - ва у-ни - ма-ла но - че - вать у-ни - ма-ла но-че-вать.
rall.
Andante.
№50.
Э - кой, Ва - ня, раз-у-да - ла го - ло - ва,
раз - у - да - ла - я го - ло - вуш - ка Ва - ня, тво - я.
Andante.
№51.
Голубь го - лу-бо - чикъ мои сизый, сизый вор-ку - но - чикъ.
Allegretto lento.
№52.
Зе-ле - на - я ро - щи - ца всю ночь про-шу - мѣ - ла
А я мо - ло - день - ка, всю ночь про - си - дѣ - ла.
Moderato.
№53.
Че-ре-мушку бра-ла, бра-ла, бра-ла, Немножко по - брала.
Moderato.
№54.
Вологод. у.
Весной дѣвуш-ки да гу-ля-ли, въ хо-ро-во-ди-кѣ на луж-ку.
Moderato.
№55.
Вес - ной дѣ - вуш - ки да гу - ля - ли въ хо-ро - во - дѣ на луж - ку, дѣв - ки пѣ - сен -

Никольск. у.
- ку да за - пѣ - вши ми-лой жа-лост - но вни - малъ.
Протяжно.
№56.
Край до-рож - - - - - ки, край ши - ро -
- - кі - я бы - ло Мос - ков - - - - - ской.
Andante.
№57.
Пол-но, солнце, пол-но красно изъ за лѣ-си-ку сі -
- ять: пол-но дѣв-ка, пол-но красна По мо-лодчи-кѣ ту-жить.
Andantino.
№58.
Въ ка-мен-ной то Мо - сквѣ у кня - зя у -
Волхон - ска-го, у Волхон - - ска-го, тутъ жи-ветъ то
по - - - жи-ва - етъ Ва - ня ключ - - ни - чекъ
Andante.
№59.
Матуш-ка тош-нень-ко, го-су-да-ры-ня, бо-я-ры -
- ня, пе-чаль-но, го-су-да-ры-ня, бо-я-ры-ня, пе-чаль - но.

Adagio.
№ 60.
За-нилъ Ва - ня, Ва - ня за - гу - лялъ. За-гу-лялъ да самъ го-
- ло - вуш - кой Ой самъ го - ло - вуш-кой Ва - ня по - ка - чалъ.
Adagio.
№ 61.
Ви - лись, ві - ли - ся ку - - де - - - реч - ки.
Вились куд - ри, за - ви - ва.... за - ви - ва - - лись.
Andante.
Устюжск. у.
№ 62.
Коль-цо ду - ши дѣ-ви - - цы я въ мо... я въ мо - ре у - ро-нилъ.
Adagio.
SOLO
№ 63.
По - ле чис - то - е ту - рец - ко - е
TUTTI
по - ле чис-то - е ту - рец-ко - е, мы ког - да по-ле те - бя пройдемъ.
Andante.
№ 64.
Се-ре-ди то по-ля чис-та - го, се-ре-ди лу-гу зе - ле - на - го.
Moderato.
SOLO
№ 65.
Но - чи тем - - - ны, ту - чи гроз - ны
TUTTI
По подъ не - - - бесь-ю и - дутъ о - ни и-дутъ,

и . дутъ, мар . ши . ру . ютъ, про . межъ со . бой го . во . рятъ.
Allegro.
№ 66.
Не ли . сто . чи . ки шу . мятъ да про . ми . ло . ва го . .
во . рятъ, про ми . ло . ва лю . без . но . ва. Завтра праздни . чекъ у насъ.
Allegro moderato.
№ 67.
Ча . сто, ча . сто при . па . да . етъ на дворъ вы . зы . ва .
. етъ: выйди, дѣв . ка выйди крас . на на крас . но кры . леч . ко.
Allegro.
№ 68.
Ве . черъ дѣ . вуш . ка да у . го . рѣ . . ла,
у . го . рѣ . ла, у . го . рѣ . ла у . го . рѣ . . ла.
Moderato.
№ 69.
На дняхъ я въ ро . щи . цѣ гу . ля . ла, гдѣ пташ . ки пор . ха . ли од . нѣ, и со .
ловь . я пѣс . нѣ вни . ма . ла, Вдругъ что то ста . ло груст . но мнѣ.
Moderato. Причетъ.
№ 70.
Что не па . . ва, что не па . . ва, что не па . ва
по сѣ . нямъ хо . ди . ла, что не па . ва по . сѣ . нямъ хо . ди . ла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
стр.	17	строка	5	ошиваются	сшиваются
"	18	"	12	тальмой	тальей
"	18	"	31	вокрукъ	вокругъ
"	28	"	24	катный	китный
"	36	"	7	изуръ	щуръ
"	37	"	17	рохаль	крохаль
"	45	"	15	плавильщикъ	правильщикъ
"	46	примѣч.	1-е	на Волгѣ	на Вагѣ
"	48	строка	31	іюня	іюля
"	69	"	2	Шустакова	Шустикова
"	83	"	5	онучиша	онучища
"	103	"	23	Замотской	Замошской




HN 523 .S27 f C.1
Sbornik sviedienii dlia izuche
Stanford University Libraries
3 6105 036 848 302

DATE DUE
STANFORD LIBRARIES
DEC 1986
I. L. L.
STANFORD LIBRARIES
JUN 29 1988
I. L. L.